
Продолжение «Саги Эндера», одной из величайших саг в истории научной фантастики, лауреата «Хьюго», «Небьюлы» и множества других наград.
КСЕНОЦИД
Орсон Скотт Кард
Каждая книга «Саги Эндера» становится в ряд самых запоминающихся, великолепных текстов десятилетия.
Interzone
АЗБУКА

Ксеноцид
Орсон Скотт Кард

Аннотация
Орсон Скотт Кард. Ксеноцид
Вступительное слово автора
1. Расставание
2. Встреча
3. Чистые руки
4 Джейн
5. Флот на Лузитанию
6. Варелез
7. Доверенная служанка
8. Чудеса
9. Упорство и упрямство
10. Мученик
11. Нефрит мастера Го
12. Война Грего
13. Вольная воля
14. Создатели вируса
15. Жизнь и смерть
16. Полет
17. Дети Эндера
18. Бог Пути

Аннотация

Продолжение «Саги Эндера» – одного из величайших циклов в истории научной фантастики, лауреата «Хьюго», «Небьюлы» и множества других наград.

Он – величайший из полководцев космической эры, палач, стерший с лица Вселенной целую цивилизацию, человек, чье имя стало синонимом жестокости на всех обитаемых мирах, – Эндер Ксеноцид.

Он – Эндрю Виггин, Говорящий от Имени Мертвых, спаситель целой цивилизации. Даже двух цивилизаций – и это не считая человеческого населения Лузитании, к которой направляется карательный флот, дабы разнести ее на молекулы, ликвидировать мятеж и угрозу заражения других человеческих миров смертельным вирусом. А поскольку этот вирус успел стать основой экологического равновесия целой планеты, полностью перепрограммировав геномы всех ее жизненных форм, то всё то недолгое время, оставшееся до прибытия смертоносной флотилии, Эндеру и обитателям Лузитании предстоит решать

множество трудных вопросов – и не только научного характера.

Орсон Скотт Кард
Ксеноцид

© А. Жикаренцев, перевод, 2014
© В. Еклерис, иллюстрация, 2014
© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014
Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

С благодарностью за вольную жизнь, приют и шалости по всей Америке — Кларку и Кэтти Кидд посвящается

Вступительное слово автора

Случайная встреча с Джеймсом Крайером в книжном магазине «Вторая Академия» в Чапел-Хилл, Северная Каролина, привела к тому, что в основу настоящей книги легла история Хань Цин-чжао и Хань Фэй-цзы. Узнав, что Джеймс Крайер переводит китайскую поэзию, я сразу попросил его помочь мне с выбором правдоподобных имен для некоторых китайских персонажей, характеры которых я в то время разрабатывал. Мое знание китайской культуры было по меньшей мере поверхностным, а этим персонажам суждено было сыграть в «Ксеноциде» если не главную, то очень значительную роль. Джеймс Крайер оказался одним из самых энергичных, очаровательных и щедрых людей, каких я когда-либо встречал. Он все рассказывал и рассказывал мне про Хань Цин-чжао и Хань Фэй-цзы, показывал мне их работы, описывал китайских исторических и литературных персонажей — вот тут-то я и начал осознавать, что да, это и есть та самая основа, которую я хотел заложить в эту книгу. Я многим ему обязан и очень сожалею, что не смог

ничем отплатить.

Также я хочу выразить благодарность многим другим людям.

Джудит Раппорт — за ее книгу «Мальчик, который никак не мог перестать мыть руки», послужившую мне источником информации об описанном в романе маниакально-побудительном синдроме.

Моему литературному агенту Барбаре Бове, без которой этой книги просто не было бы и которая умудрилась продать ее в Англии еще до того, как я вообще помыслил о ее написании.

Моему издателю в Америке Тому Догерти, за необычайную веру и щедрость, за что, надеюсь, ему воздастся.

Джиму Френкелю, редактору, который очень мудро поступил, отвергнув в 1978 году первые наброски рукописи, когда я принес ее в «Дель Рей», и который намекнул мне, очень мягко, что я еще не готов к написанию столь сложного романа.

Моему издателю в Британии Энтони Читхэму, который с самого начала моей писательской карьеры непоколебимо верил в меня и терпеливо ждал появления этой книги куда дольше, чем каждый из нас рассчитывал.

Моему редактору Бет Мичем, ставшей моим

другом, советником и защитником в процессе работы над этой и многими другими книгами.

Читателям, неустанно писавшим мне, требуя вернуться к саге об Эндере; их одобрение и поддержка очень помогли, пока я продирался сквозь дебри самого трудного из проектов, который мне когда-либо приходилось реализовывать.

Фреду Чэппелу, возглавившему семинар писателей, состоявшийся в Университете Северной Каролины, Гринсборо, за то, что он любезно просмотрел первый набросок истории Цин-чжао и высказал свои замечания.

Стану Шмидту из «Аналога» за то, что он с радостью согласился опубликовать такую чрезвычайно значительную часть романа, как история «Во Славе Блистательной».

Моим помощникам Лэрэйн Мун, Эрин Эбшер и Вилларду и Пегги Кард, которые, каждый по-своему, предоставили мне полную свободу и помощь, так необходимые, чтобы вообще писать.

Моим друзьям, таким как Джефф Альтон и Филип Эшер, которые, прочитав первые страницы романа, помогли мне увериться в том, что подобная каша из характеров и всевозможных мотивов действительно имеет смысл.

И моим детям Джеффри, Эмили и Чарли, без-

ропотно прощавшим мне неуживчивость и раздражительность, которые, кажется, всегда сопровождают мои приступы писательской деятельности, и позволившим мне позаимствовать из своего жизненного опыта некоторые моменты для характеров персонажей, особенно дорогих мне.

Но прежде всего я хочу выразить благодарность моей жене Кристине, которая достойно перенесла все этапы создания книги, задавая вопросы, исправляя ошибки и противоречия и, самое главное, так искренне реагируя на особо удавшиеся места повествования, что это питало мои силы на протяжении всей работы. Абсолютно не представляю, кем бы я был, каким писателем, каким человеком, если бы ее рядом со мной не было… и искренне надеюсь, что мне никогда не придется приобрести такой опыт.

1
Расставание

– Сегодня один из братьев обратился ко мне со словами: «Как это, наверное, ужасно – все время быть прикованным к одному месту…»

– И что ты ему ответил?..

– Я сказал, что сейчас располагаю куда большей свободой, нежели он. Неспособность двигаться освобождает меня от обязанности действовать.

– Вы, говорящие на языках, такие лжецы.

Хань Фэй-цзы сидел в позе лотоса на голом деревянном полу у ложа умирающей жены. Он, должно быть, задремал, но ее легкий вздох мгновенно пробудил его — дыхание ее было невесомо, словно ветерок, поднятый взмахом крыльев пролетающей мимо бабочки.

Цзян Цин, по-видимому, уловила момент его пробуждения, ибо, до этого не произнеся ни слова, сейчас заговорила. Голос ее едва звучал, но

Хань Фэй-цзы прекрасно слышал жену, так как во всем доме царила полная тишина. Он попросил своих друзей и слуг вести себя как можно тише, пока угасает жизнь Цзян Цин. В ту долгую ночь, которая вот-вот наступит, хватит времени вдоволь нашуметься.

— Все еще жива, — прошептала она.

В последние дни, пробуждаясь, каждый раз она приветствовала его одной и той же фразой. Сначала слова ее казались шутливыми, насмешливыми, но теперь он явственно различил разочарование, скрытое в них. Она молила о смерти не потому, что не любила жизнь, но потому, что смерть была неотвратимой, а неизбежное следует принимать с распростертыми объятиями. В этом заключалась суть Пути. За всю свою жизнь Цзян Цин ни разу не отступилась от канонов учения.

— Стало быть, боги милосердны ко мне, — ответил Хань Фэй-цзы.

— К тебе, — выдохнула она. — О чем ты задумался?

Так она просила его поделиться размышлениями с ней. Когда кто-нибудь другой задавал ему подобный вопрос, у него возникало ощущение, будто за ним следят. Но Цзян Цин спрашивала

лишь затем, чтобы подумать о том же; давным-давно их души сблизились, чтобы стать единым целым.

— Я размышлял о природе желания, — сказал Хань Фэй-цзы.

— Чьего желания? — спросила она. — И желания чего?

«Желания исцелить твои кости, вернуть им былую силу, чтобы они не ломались от малейшего прикосновения. Чтобы ты вновь могла вставать, пусть даже просто поднимать руки, и чтобы твои мускулы не крошили кость на мелкие осколки. Чтобы мне не приходилось видеть, как ты медленно угасаешь, ведь сейчас ты весишь всего восемнадцать килограммов. Я не понимал, как все-таки счастливы мы были, до тех пор, пока не познал, что нам недолго суждено оставаться вместе».

— Моего желания, — вслух промолвил он. — Желания тебя.

— «Всегда домогаешься того, чего не имеешь». Кто это сказал?

— Ты, — ответил Хань Фэй-цзы. — Некоторые говорят: «…чего не можешь иметь», другие — «…чего не следует иметь». Я же говорю: «Поистине домогаться можешь лишь того, чего всегда так

сильно жаждал».

— Я буду вечно принадлежать тебе.

— Этой ночью ты оставишь меня. Может, завтра днем. Может, на следующей неделе.

— Давай лучше вернемся к природе желания, — уклонилась Цзян Цин.

Как и прежде, она прибегла к философии, чтобы попытаться вывести его из состояния угрюмой меланхолии.

Он сопротивлялся ей, но не всерьез.

— Ты властная правительница, — заметил Хань Фэй-цзы. — Подобно своей духовной прародительнице[1], ты не склонна прощать слабости других.

Цзян Цин была наречена в честь революционной предводительницы древних времен, женщины, которая пыталась показать людям новый Путь, но трусливые соратники предали ее. Это несправедливо, думал Хань Фэй-цзы, что его жена умирает раньше, ведь ее духовная прародительница пережила своего мужа. Кроме

---

[1] Примечания: 1

Орсон Скотт Кард дает китайским персонажам романа имена известных исторических деятелей Китая. Цзян Цин — жена Мао Цзэдуна, вошла в историю под именем Красной императрицы. После смерти диктатора Мао она и ее приспешники — так называемая «Банда Четырех» — попытались захватить власть в Китае, однако переворот не удался. — *Здесь и далее примеч. пер.*

того, женам положено жить дольше. Внутренне женщины более целостны. И они умеют жить в своих детях. Им никогда не понять одиночества мужчин.

Но Цзян Цин не позволила ему вернуться к тягостным мыслям.

— Когда жена умирает, о чем больше всего тоскует мужчина?

Хань Фэй-цзы нарочно выбрал самый лживый ответ, какой только мог найти.

— О невозможности возлечь с ней, — сказал он.

— Желание тела, — ответствовала Цзян Цин.

Раз она настроилась продолжать разговор, Хань Фэй-цзы решил подыграть ей:

— Желание тела заключается в действии. Оно включает в себя касания, обычные и глубоко сокровенные, плюс все привычные движения. Таким образом, видя уголком глаза какое-либо движение, мужчина думает, что это его почившая жена вышла из дверей, и он не убедится в обратном, пока сам не выйдет из комнаты и не увидит, что ошибся. Далее, он пробуждается ото сна, в котором слышал ее голос, и вдруг понимает, что отвечает ей вслух, словно она находится рядом и слышит его.

— Что еще? — настаивала Цзян Цин.

— Я устал от философии, — проговорил Хань Фэй-цзы. — Может, древние греки и находили в ней успокоение, но только не я.

— Желание духа, — продолжала настаивать Цзян Цин.

— Потому что дух вышел из земли, и именно при помощи его мы творим новое из старого. Муж тоскует по незавершенным делам, которые он и его жена начали незадолго до ее смерти, и по всем невоплощенным мечтам, которые они могли бы осуществить, будь она рядом. Таким образом, мужчина начинает злиться на детей, которые слишком похожи на него и лишь немножко — на жену, ушедшую из жизни. И мужчина ненавидит дом, в котором они жили вместе, потому что, оставь он все как было, дом станет столь же мертв, как и его жена, а реши он изменить его, утратится та часть, которую она вложила в дом при жизни.

— Тебе не следует сердиться на нашу маленькую Цин-чжао, — прошептала Цзян Цин.

— Почему? — спросил Хань Фэй-цзы. — Или тогда ты останешься со мной и поможешь научить ее стать настоящей женщиной? Я могу обучить ее лишь тому, что есть во мне, — холодному спо-

койствию, жесткости, остроте и силе, присущим обсидиану. И если она вырастет такой, одновременно будучи похожей лицом на тебя, как смогу я обуздать свою злость?

— Ты можешь научить ее всему, что дала бы ей я, — возразила Цзян Цин.

— Будь во мне хоть частичка тебя, — покачал головой Хань Фэй-цзы, — мне бы не потребовалось брать тебя в жены, чтобы стать целостной личностью. — Теперь уже он поддразнивал ее философией, чтобы разговором увести от боли. — Это есть желание души. Потому что душа создана из света и обитает в воздухе, это именно та часть, которая зачинает и сохраняет идеи, в частности идею личности человека. Муж тоскует по целостности, которая получается при слиянии мужа и жены. Следовательно, он не верит ни в одну из собственных мыслей, потому что у него в голове постоянно крутится какой-то вопрос, ответом на который могли бы стать только мысли его жены. И поэтому весь мир кажется ему канувшим в Лету, он не верит, что может найтись хоть что-нибудь, способное выдержать и сохранить значение перед лицом вопроса, на который больше нет ответа.

— Очень глубоко, — заметила Цзян Цин.

— Будь я японцем, я бы совершил сеппуку, расплескав свои внутренности поверх пепла от твоих останков.

— Получится мокро и грязно, — ответила она.

Он улыбнулся:

— Тогда я предпочел бы стать индусом, чтобы совершить самосожжение на твоем погребальном костре.

Но у нее уже пропала охота шутить.

— Цин-чжао, — шепнула она.

Она напоминала, что для него непозволительна такая роскошь, как умереть вместе с ней. Надо, чтобы кто-нибудь позаботился о маленькой Цин-чжао.

— Как мне воспитать ее, чтобы она стала такой, как ты? — уже серьезно спросил Хань Фэй-цзы.

— Все хорошее во мне, — ответила она, — берет начало в Пути. Если ты научишь ее повиноваться богам, чтить предков, любить людей и служить правителям, меня в ней будет ровно столько, сколько тебя.

— Я мог бы дать ей знание Пути, как его вижу я, — задумчиво проговорил Хань Фэй-цзы.

— Нет, — возразила Цзян Цин. — Путь не есть часть тебя, муж мой. Даже несмотря на то, что боги каждый день разговаривают с тобой, ты все

равно настаиваешь на своей вере в мир, где все можно объяснить естественными причинами.

— Я повинуюсь богам, — сказал он, про себя же с горечью подумал, что у него просто нет выбора и даже малейшая отсрочка ритуала — настоящая пытка.

— Но ты не знаешь их. Ты не любишь их творений.

— Суть Пути заключается в том, чтобы любить людей. Богам мы только повинуемся. — «Да и как я могу любить богов, которые унижают и мучат меня при каждом удобном случае?»

— Мы любим людей, потому что они создания божьи.

— Не стоит поучать меня.

Она вздохнула.

Эта печаль ужалила его, подобно ядовитому пауку.

— О, если бы ты всегда могла поучать меня! — воскликнул Хань Фэй-цзы.

— Ты женился на мне, потому что знал, что я люблю богов и что эта любовь полностью отсутствует в тебе самом. Так я дополняла тебя.

Как он мог спорить с ней, когда знал, что даже сейчас ненавидит богов — за все, что они всегда делали с ним, за все, что они заставляли его де-

лать, за все, что они отняли у него, чего лишили?

— Обещай мне, — промолвила Цзян Цин.

Он понимал, что означают эти слова. Она чувствовала дыхание смерти; она возлагала ношу своей жизни на него. Ношу, которую он с радостью примет. Потерять на Пути Цзян Цин — вот чего он больше всего страшился эти годы.

— Обещай, что ты научишь Цин-чжао любить богов и всегда следовать Пути. Обещай, что ты взрастишь ее моей дочерью, равно как своей.

— Даже если она никогда не услышит гласа богов?

— Путь принадлежит всем, не только тем, с кем общаются боги.

«Может быть, — подумал Хань Фэй-цзы, — но говорящим с богами куда легче следовать Пути, потому что им за каждое нарушение негласных правил приходится платить поистине ужасную цену. Обычные люди свободны; они могут покинуть Путь и не сожалеть о том годами. Говорящему с Богами ни на час нельзя оставлять Путь».

— Обещай.

«Да. Обещаю».

Но он не мог заставить себя произнести это вслух. Он даже не знал почему, причины этой

неохоты крылись слишком глубоко.

Тишину, в которой она ожидала ответа, нарушил топот маленьких ног, бегущих по гравийной дорожке рядом с домом. Это могла быть только Цин-чжао, вернувшаяся из сада Сунь Цао-пи. Только Цин-чжао позволялось бегать и шуметь в пору всеобщей скорби. Они ждали, понимая, что она направится прямиком в комнату матери.

Дверь почти бесшумно скользнула в сторону. Даже Цин-чжао в присутствии матери старалась вести себя как можно тише. Но хотя и шла на цыпочках, она не могла удержаться, чтобы не пританцовывать, передвигаясь по комнате легкими прыжками. Однако кидаться с разбегу на шею матери она не стала; она хорошо запомнила прошлый урок, пусть даже огромный синяк на лице Цзян Цин давным-давно рассосался: три месяца назад пылкие объятия Цин-чжао сломали той челюсть.

— Я насчитала целых двадцать три белых карпа в садовом ручье, — похвасталась Цин-чжао.

— Так много? — удивилась Цзян Цин.

— Мне кажется, они нарочно показывались мне, — продолжала Цин-чжао. — Вот я их и сосчитала. Наверное, никто из них не хотел остаться непосчитанным.

— Я люблю тебя, — прошептала Цзян Цин.

К ее еле различимому голосу теперь примешивался какой-то новый, необычный звук, будто при каждом слове, произнесенном ею, лопался маленький пузырик. Хань Фэй-цзы сразу уловил перемену в ее состоянии.

— Как ты думаешь, я вот столько карпов увидела, это значит, боги начнут разговаривать со мной? — спросила Цин-чжао.

— Я попрошу богов поговорить с тобой, — ответила Цзян Цин.

Внезапно дыхание Цзян Цин участилось, стало резким и прерывистым. Хань Фэй-цзы немедленно встал на колени и наклонился над ней. Глаза ее расширились, в них застыл испуг. Ее час настал.

Губы легонько шевельнулись. «Обещай мне» — понял он, хотя до него не донеслось ни слова, лишь ее судорожные вздохи.

— Я обещаю, — склонил голову Хань Фэй-цзы.

И тут же ее дыхание замерло.

— А о чем с тобой говорят боги? — спросила Цин-чжао.

— Твоя мать очень устала, — сказал Хань Фэй-цзы. — Иди поиграй.

— Но она не ответила мне. Что говорят боги?

— Они открывают нам разные тайны, — сдался

Хань Фэй-цзы. — Но никто из тех, кто хоть раз слышал их, не смеет заговорить об этом вслух.

Цин-чжао с важным видом кивнула. Она отступила, будто собираясь уходить, но остановилась:

— Мам, а можно я тебя поцелую?

— Только осторожно, в щечку, — ответил Хань Фэй-цзы. Цин-чжао, которая в свои четыре года была еще совсем малышкой, даже не пришлось наклоняться, чтобы дотронуться губами до щеки матери.

— Я люблю тебя, мама.

— Тебе лучше уйти, Цин-чжао, — напомнил ей Хань Фэй-цзы.

— Но мама не сказала, что тоже любит меня.

— Она ведь уже не раз говорила тебе об этом. Помнишь? Сейчас она очень устала. Иди, иди, — строгим голосом приказал он.

Цин-чжао без пререканий покинула комнату. Только когда она ушла, Хань Фэй-цзы позволил себе забыть о том, что теперь должен заботиться о ней. Он склонился над телом Цзян Цин и попытался представить, что сейчас с ней происходит. Ее душа улетела и, должно быть, уже на небесах. Ее дух еще задержится на некоторое время; не исключено, что он навсегда поселится в этом доме, если она действительно была счастлива здесь.

Суеверные люди считали, что все без исключения духи мертвых опасны, и рисовали всякие знаки, налагали на дома обереги, чтобы отвадить их. Но те, кто следовал Пути, знали, что дух хорошего человека никогда не причинит вреда или разрушения, ибо его доброта в жизни брала начало в любви и созидании. Дух Цзян Цин, если он решит остаться с ними, станет благословением на долгие годы вперед.

Однако пока он пытался представить ее душу и дух в соответствии с учением Пути, где-то в глубине его сердца все равно пряталась уверенность: все, что осталось от Цзян Цин, — вот это хрупкое, иссохшее тело, не более. Сегодня ночью оно вспыхнет и сгорит, подобно клочку бумаги, она исчезнет навеки, и утешением ему послужат лишь воспоминания.

Цзян Цин была права. Теперь, когда она больше не дополняла его душу, он снова начал сомневаться в существовании богов. И боги это сразу заметили — впрочем, как всегда. Он почувствовал неодолимое стремление совершить ритуал очищения и освободиться от неподобающих мыслей. Даже в эту минуту они не хотели забыть о наказании. Даже сейчас, когда жена бездыханная возлежала перед ним, боги требовали, чтобы он

выказал почтение им, прежде чем пролил хоть слезинку в знак скорби по ней.

Сначала он хотел отложить ритуал, на некоторое время забыть о нем. Он научился сопротивляться этой тяге и теперь мог продержаться целый день, ни единым жестом не выдав, какую пытку ему приходится сносить. Он мог это сделать, но только в случае, если сердце его станет подобно камню. Сейчас в этом не было никакого смысла. Должное горе он сможет испытать, лишь ублажив богов. Поэтому, стоя на коленях у смертного одра жены, он приступил к ритуалу.

Он все еще изгибался, крутился на месте, когда в комнату заглянула служанка. Хоть она и не произнесла ни слова, Хань Фэй-цзы ощутил легкое скольжение двери за спиной и сразу догадался, что подумает теперь служанка: Цзян Цин отошла в мир иной, а Хань Фэй-цзы настолько праведен в своей вере, что решил поговорить с богами, прежде чем объявить о смерти всему дому. Несомненно, кое-кто даже решит, что сами боги явились, чтобы сопроводить Цзян Цин на небеса, ибо она славилась своей святостью. Вот только никому не придет в голову, что во время молитвы сердце Хань Фэй-цзы было исполнено горечи: даже в эту минуту боги осмелились настаивать

на поклонении.

«О боги, — думал он, — если б знать, что, отрубив руку или вырезав печенку, я избавлюсь от вас навсегда, я бы немедля схватил нож и насладился болью и страданиями — ради будущей свободы».

Эта мысль была нечестивой и требовала продолжить ритуал очищения. Минули долгие часы, прежде чем боги наконец отпустили его, а к тому времени он был слишком вымотан, слишком измучен сердцем, чтобы горевать. Он поднялся, покинул покои и послал женщину приготовить тело Цзян Цин к кремации.

Ровно в полночь он последним подошел к погребальному костру, неся на руках сонную Цин-чжао. Она сжимала в кулачке три бумажки с детскими каракулями, которые вывела для своей матери. «Рыба» — написала она, «книга» и «тайны». Цин-чжао хотела, чтобы мать унесла с собой на небеса именно это. Хань Фэй-цзы попытался догадаться, что же было на уме у Цин-чжао, когда она писала записки. «Рыба» — это понятно; это те карпы, которых она видела сегодня в ручье. Про «книгу» тоже легко догадаться, потому что единственное, чем могла Цзян Цин на закате жизни заниматься с дочерью, — это читать ей вслух. Но при чем здесь «тайны»? Какие тайны вверяла

Цин-чжао матери? Спросить он не мог. Не до́лжно обсуждать записки, посылаемые мертвым.

Хань Фэй-цзы опустил дремлющую Цин-чжао на землю; она сразу проснулась и огляделась по сторонам, сонно помаргивая. Хань Фэй-цзы шепнул ей что-то, она скатала свои бумажки и сунула в рукав матери. Девочка совсем не испугалась, коснувшись остывшего тела, — она была еще слишком мала, чтобы содрогаться при соприкосновении со смертью.

И Хань Фэй-цзы не вздрогнул, дотронувшись до тела жены; он спокойно поместил три свои записки в другой рукав. Что проку теперь бояться смерти, когда она уже свершила злодеяние?

Никто из присутствующих не знал, что содержалось в этих клочках бумаги, иначе все бы ужаснулись, ибо он написал: «Мое тело», «Мой дух» и «Моя душа». Этим он сжигал себя на погребальном костре Цзян Цин и отправлялся вместе с ней в неведомые дали.

Затем доверенная служанка Цзян Цин Му-пао возложила на священное дерево пылающий факел, и весь костер занялся пламенем. Жар накатил подобно огненной волне, и Цин-чжао спряталась за спиной отца, то и дело выглядывая, чтобы проводить мать в последнюю дорогу. Хань

Фэй-цзы, однако, только приветствовал этот огненный прилив, иссушающий кожу и играющий шелком одеяний. Плоть Цзян Цин была вовсе не так невесома, как казалось; все бумаги давно превратились в пепел и унеслись прочь в столбе дыма, но тело все еще шипело, и тяжелый аромат благовоний, повисший вокруг погребального костра, не мог заглушить запах горящего мяса. «Вот что мы сжигаем здесь: мясо, рыбу, мертвечину, ничто. Только не мою Цзян Цин. Всего-навсего оболочку, которую она носила при жизни. Но то, что превращало это тело в женщину, которую я любил, все еще живо, она жива». И вдруг ему показалось, что он увидел, услышал, каким-то образом ощутил, как мимо него прошла Цзян Цин.

«В воздух, в землю, в огонь. И я с тобой».

2
Встреча

– Человеческие существа – странные создания, и в особенности странно их разделение на две половины – мужскую и женскую. Они находятся в состоянии постоянной войны, но в то же время не могут существовать друг без друга. Похоже, им в голову никогда не приходила мысль, что мужчины и женщины суть две отдельные расы с абсолютно отличными нуждами и желаниями, вынужденные сходиться только ради продолжения рода.

– Вполне естественно, что ты так считаешь. Твоя мужская половина – не что иное, как лишенные всякого сознания трутни, вытяжки твоей самости, не обладающие ни единым признаком личности.

– Зато мы идеально чувствуем своего партнера. Люди же придумывают себе вымышленный идеал и надевают эту

маску на тело, лежащее рядом.

– В этом и заключается трагедия языка, о моя собеседница. Те, кто познает друг друга посредством одних лишь символических образов, вынуждены дополнять партнеров в воображении. А так как их воображение страдает несовершенством, они зачастую ошибаются.

– Вот где источник их невзгод.

– Отсюда же, по-видимому, проистекает их сила. Твой народ, и мой тоже, каждый в силу своих эволюционных причин, имеет дело с абсолютным неравенством партнеров. Наши самцы и самки, к сожалению, всегда стоят ниже нас по уровню умственного развития. Люди же, наоборот, спариваются с созданиями, которые постоянно бросают вызов их превосходству. Основная причина их вечного конфликта кроется не в том, что их средства связи куда более примитивны, нежели наши, а в том, что они вообще общаются друг с другом.

Валентина Виггин еще раз пробежала глазами эссе, внося исправления то здесь, то там. Когда она

покончила с этим, набранный текст неподвижно завис в воздухе над терминалом компьютера. Она была довольна собой, так как только что весьма искусно перемыла все косточки Раймусу Ойману, председателю кабинета Межзвездного Конгресса.

— Ну что, завершена очередная атака на властителей Ста Миров?

Валентина даже не обернулась, чтобы взглянуть на мужа; она по голосу точно определила, что отразилось на его лице, и поэтому улыбнулась в ответ. После двадцати пяти лет совместной жизни они научились не глядя угадывать настроение друг друга.

— Я выставила Раймуса Оймана в самом нелепом виде.

Джакт втиснулся в крошечную кабинку, читая зависшие над терминалом абзацы, его лицо приблизилось к ней настолько, что она почувствовала его дыхание. Джакт был уже немолод; опираясь руками о косяк, он навис над Валентиной, и его дыхание сделалось несколько затрудненным. Ей это совсем не понравилось.

Он заговорил, губы его легко защекотали ее щеку, будто покалывая каждым словом:

— Отныне даже родная мать при виде этого

несчастного ублюдка будет подхихикивать в ладошку.

— Нелегко было сделать эссе смешным, — призналась Валентина. — Каждый раз я ловила себя на том, что вновь и вновь обвиняю его.

— Так лучше.

— Знаю. Продемонстрируй я гнев, обвини его во всех смертных грехах, я бы только придала ему значимости, сделала бы его этаким мрачным гением, и Правительственная Фракция еще больше возлюбила бы его, тогда как трусы на каждой планете еще ниже согнулись бы перед ним.

— Куда уж ниже, им и так скоро придется закупать ковры потоньше, — усмехнулся Джакт.

Она рассмеялась, больше из-за того, что щеку начало покалывать совсем уж нестерпимо. Кроме того, ею постепенно начали овладевать желания, которым в данную минуту не суждено было исполниться. Космический корабль был слишком мал (как-никак на борту находилась вся семья), чтобы отыскать подходящее местечко для уединения.

— Джакт, мы почти на полпути от цели. Нужно немножко потерпеть. Во время ежегодных плаваний за миш-мишем нам приходилось сдерживаться и дольше.

— Почему бы нам не повесить на дверях табличку «Не беспокоить»?

— С тем же успехом ты мог бы написать: «Осторожно, двое голых стариков пытаются вспомнить прошлое».

— Я не старик.

— Тебе уже за шестьдесят.

— Если старый солдат все еще может распрямиться и отдать честь, я разрешу ему участвовать в параде.

— Никаких «парадов» до самого конца полета. Осталось максимум две недели. Мы встретимся с приемным сыном Эндера, а затем возьмем курс обратно на Лузитанию.

Джакт подался назад, напряг руки, вылез из кабинки и выпрямился в полный рост — коридор был одним из немногих уголков на судне, где ему удавалось это. Весь процесс сопровождался громкими стонами.

— Ты скрипишь, как ржавая дверная петля, — заметила Валентина.

— Сама не лучше. Я слышал, как ты охаешь и ахаешь, вылезая из-за своего стола. Так что в этой семье не один я дряхлый, плешивый, жалкий старик.

— Проваливай, мне надо транслировать эссе.

— Я привык к тому, что во время плавания постоянно чем-то занят, — пожаловался Джакт. — А здесь все делают компьютеры, и никакой тебе качки, хотя бы самого захудалого шторма.

— Почитай книжку.

— Ты начинаешь беспокоить меня. Хорошо работая, Вэл плохо отдыхает и постепенно превращается в злобную старую каргу.

— Каждая минута, что мы тратим здесь на разговоры, равняется восьми с половиной часам реального времени.

— Наше время на этом корабле так же реально, как и время там, за бортом, — усмехнулся Джакт. — Иногда мне хочется, чтобы друзья Эндера, пролагая нам курс, не задумывались, возможна с нами связь или нет.

— Между прочим, это занимает чертову уйму компьютерного времени, — заметила Вэл. — До настоящего времени только военным разрешалось поддерживать связь с кораблями, идущими на скорости, близкой к скорости света. Если друзьям Эндера удалось обеспечить мне связь, я просто обязана воспользоваться ею.

— Ты делаешь это вовсе не потому, что кому-то чем-то обязана.

Справедливое замечание.

— Джакт, если я пишу каждый час по статье, это означает, что до человечества труды Демосфена доходят только раз в три недели.

— Но ты в принципе не можешь выдавать по статье каждый час. Ты спишь, ты ешь.

— Ты говоришь, а я слушаю. Джакт, убирайся.

— Если б я знал, что, спасая планету от уничтожения, должен буду снова стать девственником, никогда бы на такое не согласился.

Он шутил, но в шутке была доля правды. Решение покинуть Трондхейм было нелегким для всей ее семьи, даже для самой Валентины, а ведь скоро она снова увидит Эндера. Дети уже выросли или почти выросли; они отнеслись к полету как к увлекательному приключению. Они не связывали свое будущее с каким-то определенным местом. Ни один из них не стал моряком, как отец; все выбрали научную карьеру и теперь, как их мать, жили беседами и размышлениями. Они могли вести подобный образ жизни где угодно, на любой планете. Джакт гордился ими, но в то же время был чуточку расстроен, что традиция его семьи, вот уже семь поколений связанной с морями Трондхейма, на нем и закончится. А сейчас ради жены ему самому пришлось отказаться от моря. Покинуть Трондхейм для Джакта означало

конец всему, и он никогда не думал, что она осмелится просить его об этом, но она обратилась к нему, и он без малейших колебаний согласился.

Может быть, когда-нибудь он вернется, и океаны, айсберги, штормы, рыбы, дорогая сердцу зелень летних лугов будут ждать его. Но команды его не станет, собственно, ее уже не стало. Люди, которых он знал лучше, чем собственных детей, чем собственную жену, — все они уже постарели на пятнадцать лет, а когда он вернется — если вернется вообще, — минет еще сорок лет. На кораблях будут плавать их внуки. Они даже не вспомнят о Джакте. Он будет чужестранным судовладельцем, пришедшим с неба, а не моряком с запахом и желтоватой кровью окрики на руках. Ему никогда больше не стать одним из них.

И когда он жаловался, что жена не обращает на него внимания, когда он подшучивал над тем, что они за весь полет еще ни разу не уединились, в этом крылось нечто большее, нежели просто желание, обуревающее стареющего мужчину. Понимал он, что кроется за его словами, или нет, но она ясно различила истинное значение шуток: «Ради тебя я отказался от столь многого, неужели ты ничего не можешь дать мне взамен?»

И он был прав: она относилась к себе куда бо-

лее нетерпимо, чем требовала ситуация. Она приносила больше жертв, чем диктовала необходимость, и от мужа требовала того же. Дело было не в том, сколько обличительных статей напишет Демосфен за время полета. Куда важнее было, сколько людей прочтут и поверят написанному им, сколько потом задумаются, начнут говорить и действовать как противники Межзвездного Конгресса. Возможно, наиболее важную роль играла надежда, что кое-кто внутри бюрократической элиты самого Конгресса благодаря этим ее эссе вспомнит о человечности и тем самым внесет раскол в ряды, сводящие с ума своей казенщиной и холодом. Наверняка кое-кто, прочитав труды Демосфена, изменится. Немногие, но, может, и этого будет достаточно. И тогда, возможно, Межзвездному Конгрессу не позволят стереть с лица Вселенной Лузитанию.

Если же нет, то сама Валентина, Джакт и люди, которые стольким пожертвовали, покидая Трондхейм, достигнут Лузитании как раз вовремя, чтобы развернуть корабль и спасаться бегством или быть уничтоженными вместе с остальными обитателями планеты. Так что не стоит винить Джакта за попытки проводить с ней чуть больше времени. Это полностью ее вина, это Валентина

утвердилась в своем решении каждую свободную минуту отдавать делу пропаганды.

— Значит, так: ты повесишь на двери табличку, а я приду и проверю, не уединился ли ты там с кем-нибудь еще.

— Женщина, ты заставляешь мое сердце биться, подобно подыхающей камбале, — ответствовал Джакт.

— Ты так романтичен, когда начинаешь изъясняться как рыбак, — улыбнулась Валентина. — Вот уж дети посмеются, прознав, что ты не смог продержаться и трех недель, чтобы не подкатить ко мне с неприличным предложением.

— У них наши гены. Даже когда мы разменяем вторую сотню лет, и тогда им придется запирать нас в разных комнатах, чтобы мы вели себя пристойно.

— Я разменяла уже четвертое тысячелетие.

— Когда, о, когда же мне ждать вас в покоях, моя Древнейшая?

— Когда я отправлю статью.

— И сколько времени это займет?

— Немного, если ты наконец уберешься отсюда и оставишь меня в покое.

Глубоко вздохнув, скорее притворно, чем в тоске и отчаянии, Джакт понуро побрел по засте-

ленному ковром коридору. Мгновение спустя в направлении, где скрылся Джакт, что-то загремело, и Валентина услышала, как ее муж громко заорал от боли. Само собой, не в первый раз и специально: в первый день полета он случайно ударился лбом о металлическую балку и с тех пор начал проделывать это смеха ради. Конечно, вслух никто не смеялся. Семейная традиция не позволяла смеяться, когда Джакт откалывает очередную шутку, но Джакт вовсе не относился к числу людей, которым требуется внимание и одобрение окружающих. Он был сам себе зрителем. Ни один мужчина не сможет стать моряком и всю жизнь вести за собой людей, если он не чувствует себя самодостаточным. Насколько Валентина знала, она и дети были единственными людьми, в которых он позволил себе нуждаться.

И все равно даже к семье он был не настолько привязан, чтобы навсегда распрощаться с бурной рыбацкой жизнью. Он отсутствовал дома днями, неделями, а иногда и месяцами. В начале совместной жизни Валентина часто отправлялась в плавание вместе с ним — в ту пору они и минуты не могли провести друг без друга. Но спустя несколько лет голод любви уступил место терпению и вере; когда он уходил в рейд, она

погружалась в исследования и писала книги, а когда он возвращался, посвящала время только ему и детям.

Дети порой жаловались: «Вот бы папа вернулся домой, тогда бы и мама вышла из своей комнаты и поговорила с нами». «Я была не лучшей матерью, — подумала Валентина. — Это чистая случайность, что дети выросли такими хорошими людьми».

Статья зависла над терминалом. Оставался последний штрих. Под текстом, прямо по центру, Валентина поместила курсор и напечатала имя, под которым увидели свет все ее предыдущие работы: Демосфен.

Это имя придумал для нее старший брат Питер, когда они были совсем детьми, пятьдесят лет… нет, три тысячелетия тому назад.

При одной мысли о Питере она напряглась, внутри у нее все похолодело и вместе с тем обдало жаром. Питер, злой, жестокий человек, чей ум был настолько утончен, коварен и опасен, что он манипулировал ею, когда ей было каких-то два годика, а когда ему исполнилось двадцать, он уже управлял всем миром. Когда они были еще детьми и жили на Земле, в двадцать втором веке, Питер изучал философские труды великих людей

прошлого и настоящего, и не просто ради того, чтобы овладеть их идеями — это он схватывал на лету, — а чтобы научиться изъясняться так, как они. Проще говоря, научиться выражаться как взрослый. Когда ему наконец удалось это, он обучил тому же Валентину и заставил ее писать под псевдонимом Демосфен демагогические статейки на политические темы. Сам же принялся за возвышенные мудрые эссе, взяв псевдоним Локк[2]. Затем они запускали свои работы в компьютерные сети и таким образом через несколько лет проникли в святая святых политики.

Что больше всего раздражало Валентину в то время, да и по сей день периодически беспокоило ее (так как даже после смерти Питера не вся правда вышла наружу), — так это то, что ее одержимый жаждой власти брат принудил ее творить вещи, которые, по сути, отображали его характер, тогда как сам он писал проникнутые любовью и миром статьи, которые как нельзя лучше соответствовали ее принципам. В те дни имя Демосфен лежало на ней тяжким бременем.

Все, что она публиковала под этим псевдонимом, несло в себе ложь, но даже эта ложь

[2] Примечания: 2

Джон Локк (1632–1704) — британский философ, один из самых значительных деятелей эпохи Просвещения.

принадлежала не ей, а Питеру. Ложь во лжи.

«Но не теперь. Это не могло продолжаться три тысячи лет. Я сделала это имя своим. Я написала исторические труды и составила биографии, которые оказали влияние на мышление миллионов ученых всех Ста Миров и помогли изменить лицо целых наций. Это тебе не по плечу, Питер. И это не по плечу человеку, которого ты пытался из меня сотворить».

Однако, глядя на только что законченную статью, она понимала, что хоть и избавилась от власти Питера, все равно осталась его ученицей. Всему, что она знала о риторике, полемике — и демагогии в том числе, — она научилась либо у него самого, либо по его настоянию. И несмотря на то что использовала она эти приемы во благо, она тем не менее по-прежнему манипулировала людьми, то есть занималась тем, что так нравилось Питеру.

Питер стал Гегемоном и правил человечеством на протяжении шестидесяти лет, в самом начале Великого Исхода. Именно он объединил все противоборствующие группировки и общины, чтобы объединенная сила человечества отправила космические корабли в миры, когда-то принадлежавшие жукерам, и дальше, на освое-

ние новых, более пригодных для жизни планет. К моменту его смерти почти все Сто Миров были уже освоены, а к остальным направлялись суда с колонистами. И прошла еще тысяча лет, прежде чем Межзвездный Конгресс снова объединил расселившееся по Вселенной человечество под централизованной властью, но память о первом истинном Гегемоне лежит в основе той истории, которая сделала возможным единство человечества.

Из нравственной пустыни, которую представляла собой душа Питера, пришли гармония, единство и мир. Тогда как наследием Эндера, по мнению человечества, стали убийство, насилие и ксеноцид.

Эндер, младший брат Валентины, человек, на встречу с которым направлялись сейчас она сама и вся ее семья, был мягким, именно его она любила и в детстве пыталась защитить. Он был хорошим. Да, он обладал жестокостью, способной поспорить даже с жестокостью сердца Питера, но ему хватало совести страшиться собственного бессердечия. Она любила Эндера столь же страстно, как ненавидела Питера; и когда Питер фактически изгнал младшего брата с Земли, которой намеревался править и далее, Валенти-

на улетела с Эндером — наконец-то она сумела найти в себе силы выйти из-под власти Питера, довлеющей над нею.

«И вот все начинается сначала, — подумала Валентина, — снова я вернулась в политику».

— Передача, — отрывисто произнесла она нарочито бесстрастным голосом, давая терминалу понять, что это команда к выполнению.

Слово «передача» возникло в воздухе прямо над ее статьей. Обычно, когда она заканчивала какой-либо научный труд, ей нужно было ввести информацию о назначении передачи, переслать статью издателю кружным путем — так, чтобы след не привел к Валентине Виггин. Сейчас, однако, странный дружок Эндера, работающий — сразу понятно — под псевдонимом Джейн, позаботится обо всем за нее; не просто передать сообщение, отправленное с летящего на субсветовой скорости судна так, чтобы его смог расшифровать каждый ансибль, для которого время течет в пятьсот раз медленнее.

А поскольку связь с космическими кораблями обычно сжирала бóльшую часть времени планетарных ансиблей, таким способом посылали лишь навигационную информацию и неотложные приказы. Только высочайшим чинам в

правительстве и службе обороны разрешалось передавать пространные сообщения. Валентина никак не могла понять, каким же образом Джейн удается выделить столько ансиблей на расшифровку статей, умудряясь вместе с тем сохранить в тайне источник провокационных документов. Более того, Джейн находила время, чтобы передавать на корабль опубликованные в компьютерных сетях отклики на работы Валентины, сообщая обо всех опровержениях и уловках, которыми правительство намеревалось препятствовать проникновению пропаганды Демосфена в массы. В общем, кем бы ни была эта самая Джейн (Валентина подозревала, что под этим именем скрывается глубоко законспирированная организация, проникшая в высшие эшелоны правительственной власти), она, безусловно, была очень хороша. И смела до безрассудства. Однако, раз уж Джейн с готовностью подвергалась сама — и подвергала всю организацию — подобному риску, Валентина взяла на себя задачу производить на свет как можно больше статей и эссе, настолько сильнодействующих и опасных, насколько это было в ее силах.

«Если слово можно использовать в качестве смертельного оружия, я должна предоставить в

их распоряжение весь свой арсенал».

Но вместе с тем она оставалась женщиной, а даже революционерам позволяется иметь личную жизнь, не так ли? Мгновения радости, или удовольствия, или, может быть, облегчения, урываемые то здесь то там… Стараясь не обращать внимания на боль в спине после продолжительного сидения на одном месте, Валентина поднялась с кресла и выбралась из крошечного кабинета, бывшего кладовкой до того, как они приспособили судно для своих целей. Валентина немножко стыдилась своей радости, направляясь в каюту, где ждал ее Джакт. Многие великие революционные пропагандисты без труда выдержали бы трехнедельное воздержание. А может, нет? Она усмехнулась, подумав, освещал ли кто-нибудь данный аспект их жизни?

Валентина все еще гадала, с какой стороны исследователь подойдет к столь щепетильному вопросу, когда очутилась около четырехместной каюты, которую они делили с Сифте и ее мужем Ларсом. Ларс вошел в семью буквально за несколько дней до отлета, как только понял, что Сифте не шутит, заявив, что покидает Трондхейм. Не самое приятное ощущение — делить каюту с новобрачными. Входя в комнату, Валентина

каждый раз чувствовала себя так, будто непрошеной вторгалась в чужую жизнь. Но выбора не было. Несмотря на то что корабль являлся космической яхтой класса люкс со всеми удобствами, о которых можно было только мечтать, он не предназначался для перевозки такого количества людей. Однако это было единственное судно на орбите Трондхейма, которое более или менее подходило их целям, поэтому они его и взяли.

Их двадцатилетняя дочь Ро и Варсам, шестнадцатилетний сын, разместились в соседней каюте вместе с Пликт, которая, будучи лучшим другом семьи, одновременно выполняла роль их воспитателя. Обслуживающий персонал яхты, решивший отправиться с ними (нельзя же было всех уволить и бросить на Трондхейме), занимал оставшиеся две каюты. Мостик, столовая, камбуз, гостиная, каюты — судно было под завязку заполнено людьми, старающимися сдерживать накапливающееся раздражение и не взрываться по каждому поводу.

В коридоре, впрочем, никого не было видно, и Джакт уже успел пришпилить к двери записку: «Не беспокоить под страхом смерти». И подпись: «Владелец судна».

Валентина открыла дверь. Джакт опирался о

косяк изнутри; от неожиданности Валентина даже тихонько вскрикнула.

— Как приятно узнать, что лишь при виде меня ты кричишь от удовольствия.

— От страха.

— Заходи же, моя милая мятежница.

— Вообще-то, к твоему сведению, владелица судна — я.

— Что принадлежит тебе, принадлежит и мне. Я женился на тебе исключительно из-за твоего состояния.

Она вошла в каюту. Джакт прикрыл дверь и защелкнул замок.

— Вот, значит, как? — спросила она. — Стало быть, я для тебя что-то вроде недвижимости?

— Небольшой клочок земли, который я могу боронить, засевать и с которого потом соберу урожай — все в свое время. — Он протянул к ней руки, и она шагнула в его объятия. Его ладони скользнули по ее спине, замерли на плечах. Его руки всегда очень нежно держали ее, никогда не сдавливали, не сжимали.

— Наступила поздняя осень, — прошептала она. — Скоро придет зима.

— Стало быть, снова время боронить, — отозвался Джакт. — Или, может быть, развести

костер и попытаться согреть старую хижину перед наступлением холодов?

Он поцеловал ее словно в первый раз.

— Если бы ты сегодня еще раз предложил мне выйти за тебя замуж, я бы сказала «да», — зажмурилась Валентина.

Они повторяли друг другу одни и те же слова много-много раз. И все-таки улыбались при этом, потому что каждый раз говорили правду.

Два корабля почти завершили свой танец в пространстве, описывая огромные петли, слегка поворачиваясь на месте, — затем наконец встретились и соприкоснулись. Миро Рибейра наблюдал за происходящим с мостика космического судна, плечи его ссутулились, голова откинулась на спинку кресла. Всем остальным эта поза показалась бы неестественной. На Лузитании мать, увидев его сидящим так, обязательно бы подошла и начала суетиться, настаивать, чтобы он позволил ей подложить подушку: ведь ему будет удобнее. Она, казалось, так и не поняла, что только в этой на вид неловкой позе, сгорбившись, он без серьезных усилий может держать голову прямо.

Он бы терпеливо снес ее хлопоты, потому что спорить с ней — попусту тратить силы. Мать

постоянно находилась в движении и думала настолько быстро, что никогда не могла задержаться хотя бы на минутку и выслушать его. С тех пор как он, перелезая через силовой барьер, отделяющий человеческую колонию от леса свинксов, повредил себе мозг, речь Миро стала невыносимо медленной, ему трудно было говорить, а остальным — понимать его. Чрезвычайно религиозный брат Миро, Квим, сказал ему как-то, что он должен благодарить Бога за то, что вообще может хоть что-то сказать, — первые несколько дней Миро не мог произнести ни слова и общался посредством алфавита, поочередно указывая на буквы. Может, так было даже лучше. Во всяком случае, Миро тогда молчал; ему не приходилось слышать свой собственный голос. Глухой, неуклюжий звук, мучительная медлительность. Мало у кого в семье хватало терпения выслушивать его, и даже те, кто оказывался способен на это — его младшая сестра Эла, друг и отчим Эндрю Виггин, Говорящий от Имени Мертвых, и, естественно, Квим, — даже они не всегда могли скрыть нетерпение. Они старались закончить за него предложение, они все время пытались поторопить ход событий. Поэтому, хотя они утверждали, что хотят говорить

с ним, сидели рядом и слушали его, все же это нельзя было назвать свободным общением. Ему трудно было складно выражать свои мысли; ему были недоступны длинные сложноподчиненные предложения, потому что, когда он добирался до конца, слушатели уже успевали забыть, что же было в начале.

Человеческий мозг, заключил Миро, как и компьютер, способен воспринимать информацию только при определенной скорости ее поступления. Чуть промедлишь — и внимание слушателя уже ушло, информация потеряна.

И не только для слушателя. Миро хотел быть честен с собой — он был так же нетерпелив, как и они. Когда он думал о том громадном усилии, которое требовалось от него, чтобы выразить какую-нибудь сложную мысль, хорошо представляя себе попытки создавать слова непослушными губами, языком и челюстями, когда он вспоминал, *сколько* времени теперь это отнимает, у него мигом пропадало желание что-либо говорить. Его ум устремлялся вперед и вперед, он был стремителен, как прежде, он обрабатывал такое количество информации, что временами Миро мечтал о том, как бы отключить мозг совсем, чтобы он чуточку *помолчал*, дал ему отдохнуть.

Но все его мысли оставались при нем, ему не с кем было поделиться ими.

За исключением Джейн. Он мог говорить с Джейн. Впервые она появилась на терминале у него дома, ее лицо обрело очертания на экране компьютера. «Я друг Говорящего от Имени Мертвых, — сказала она ему. — Сейчас посмотрим... Думаю, мы сумеем сделать так, чтобы этот компьютер побыстрее откликался на команды». Тогда-то Миро и обнаружил, что только с Джейн он может нормально общаться. Во-первых, она обладала безграничным терпением. Она никогда не заканчивала за него предложений. Она могла *подождать*, пока он сам договорит до конца, поэтому он никогда не чувствовал, будто его подгоняют, что он надоедает ей.

И что еще более важно, ему теперь не надо было произносить слова полностью, как он делал это раньше, когда разговаривал с людьми. Эндрю подарил ему личный терминал — компьютер-передатчик, заключенный в драгоценный камень и подобный тому, который Эндрю носил у себя в ухе. С этого наблюдательного пункта, при помощи встроенных в камень датчиков, Джейн могла считать каждый звук, который он производил, уловить каждое движение его головы. Ему не

надо было завершать каждый звук, от него требовалось только начать, а она уж сама все поймет. Поэтому он мог лениться. Он научился говорить быстрее, и Джейн его понимала.

Кроме того, он мог говорить молча. Он двигал одними губами; необходимость в неловком, лающем, подвывающем голосе — на большее гортань теперь просто не была способна — отпала. Поэтому, когда он общался с Джейн, он говорил быстро и временами даже забывал, что теперь он калека. С Джейн он вновь почувствовал себя самим собой.

В данный момент он находился на мостике грузового судна, которое всего пару месяцев назад доставило на Лузитанию Говорящего от Имени Мертвых. Он страшился встречи с Валентиной. У него просто не было выхода, иначе он бы никогда не оказался здесь. Ему совсем не хотелось встречаться с сестрой Эндера Валентиной или с кем бы то ни было. Если б он только мог навсегда остаться на этом корабле и беседовать с одной лишь Джейн, он бы удовольствовался этим.

Нет. Теперь ему никогда не быть довольным собой.

По крайней мере, эта Валентина и ее семейство — что-то новенькое. На Лузитании он знал всех,

во всяком случае всех, кого действительно ценил: все научное сообщество, людей образованных и понимающих. Он был настолько хорошо знаком с ними, что ничего не мог поделать с собой: он чувствовал жалость, скорбь, сожаление, когда люди разговаривали с ним. И когда они смотрели на него, все до одного видели разницу между тем, каким он был и каким стал. В их глазах читалось слово «потеря».

Теперь же существовала вероятность, что новые люди — Валентина и ее семья — увидят в нем другого человека.

Но вряд ли. Чужаки, посмотрев на него, увидят куда меньше, уж это точно, чем те, кто знавал его до случившегося. По крайней мере, мать, Эндрю, Эла, Кванда, да и все остальные тоже, знали, что он обладает умом и способен понять выдвигаемые теории.

«А что подумают мои новые знакомые при виде меня? Они увидят тело, которое атрофировано и искривлено, мои волочащиеся по полу ноги, увидят мои скрюченные пальцы, неловко хватающие ложку, словно я трехлетний ребенок, услышат мою глухую, неразборчивую речь… И они сразу сделают вывод, что такой человек просто не способен понять хоть сколько-нибудь

сложный процесс.

Зачем я здесь?

Я не случайно оказался здесь. Я ушел. Я прилетел сюда не для того, чтобы встретиться с этими людьми. Я воспользовался этим предлогом, чтобы покинуть Лузитанию. Я бежал. Только я обманывался. Я думал о полете, длящемся тридцать лет, но ведь это для них он будет длиться столько. Я же — я улетел всего полторы недели назад. Не срок вообще. А время моего добровольного затворничества уже подходит к концу. Дни, которые я провел наедине с Джейн — она внимала мне так, словно я до сих пор человеческое создание, — эти дни почти закончились».

Почти. Он чуть не произнес вслух слова, из-за которых встреча могла бы вообще не состояться. Он мог бы украсть корабль Эндрю и отправиться в полет длиною в вечность — и больше не встретил бы ни единой живой души.

Но подобный поступок был не в его стиле — пока. Он еще не безнадежно впал в отчаяние. Он мог еще сделать что-то такое, что оправдало бы дальнейшее существование в этом теле. И возможно, встреча с сестрой Эндрю положит начало новой жизни.

Суда сближались. Кабели-пуповины выныри-

вали из их недр и слепо шарили в пространстве, нащупывая друг друга. Миро наблюдал за происходящим по экрану монитора, время от времени выслушивая отчеты компьютера об успешном завершении очередного этапа стыковки. Корабли всеми доступными способами соединялись в одно целое, так чтобы оставшуюся часть пути до Лузитании проделать вместе. Во время полета они будут подпитывать друг друга. Так как судно Миро предназначалось прежде всего для перевозки грузов, оно могло принять на борт лишь жалкую горстку людей, но зато позволяло разместить какую-то часть оборудования. Совместными усилиями компьютеры двух космических кораблей просчитывали идеальный вариант размещения пассажиров и груза.

Покончив с этим, они принялись за расчеты: какую скорость после стыковки должны развить суда, чтобы достичь субсветового предела. Связь между компьютерами должна быть идеальной, расчеты очень сложны и требуют высокой точности, машины должны знать досконально, что несут суда и на что они способны. Калькуляция была завершена еще прежде, чем закончилась установка шлюзовой камеры, по которой можно было переходить из корабля в корабль.

Миро услышал неспешные шаги, приближающиеся к люку. Он повернул кресло — медленно, теперь он все делал медленно — и увидел, как она входит к нему на мостик. Наклонив голову, шагнула в дверь, хотя, если уж на то пошло, она была не очень высокого роста. Волосы почти седые, некоторые пряди сохранили былой цвет темного пепла. В возрасте, но не старуха. Если она и нервничала перед встречей с ним, она этого не показала. Но, судя по тому, что рассказывали о ней Эндрю и Джейн, ей приходилось встречаться с людьми куда более страшными и опасными, чем двадцатилетний калека.

— Миро? — спросила она.

— Кто ж еще? — буркнул он.

Прошло какое-то мгновение, один удар сердца, прежде чем она узнала в странных звуках, вырвавшихся из его рта, нормальные человеческие слова. Он привык к этой вынужденной паузе, но по-прежнему ненавидел ее.

— Я Валентина, — сказала она.

— Знаю, — ответил он.

Он вовсе не пытался облегчить себе жизнь, отвечая столь лаконично, но что еще можно было сказать? И пусть эта встреча не была встречей на высшем уровне, где главы государств должны

обсудить ряд жизненно важных вопросов, но ему пришлось приложить некоторые усилия, чтобы не выглядеть чересчур враждебно.

— Твое имя Миро. Если не ошибаюсь, оно переводится как «я гляжу»?

— «Я всматриваюсь». Или, может быть, «я обращаю внимание».

— Знаешь, твою речь не так уж сложно понять, — заметила Валентина.

Он был потрясен тем, как открыто она говорит о его ущербности.

— Думаю, у меня будет больше затруднений с португальским акцентом, чем с твоей мозговой травмой.

Сердце, словно молот, забухало у него в груди — она говорила о его состоянии более откровенно, чем кто-либо, не считая Эндрю. Но ведь не зря же она сестра Эндрю. Ему следовало бы догадаться, что изъясняться она будет так же прямо.

— Или ты предпочитаешь, чтобы мы притворялись, будто между тобой и остальными людьми вовсе не существует никакого барьера?

Очевидно, она почувствовала его потрясение. Но он уже поостыл, и только сейчас до него дошло, что, вероятно, ему не следовало так раздражаться; наоборот, он должен радоваться, что

им теперь не придется всячески избегать обсуждения этой темы. Однако он все-таки разозлился, и ему потребовалась пара секунд, чтобы понять, в чем причина. А затем он понял.

— Вас моя мозговая травма никоим образом не касается, — грубо ответил он.

— Если так, мне будет сложнее понимать тебя. Значит, с этой проблемой я должна как-то справляться. И не надо ершиться, молодой человек. Я только-только начала надоедать тебе, а ты едва начал надоедать мне. Поэтому не стоит кипятиться из-за того, что я вдруг сочла твою мозговую травму своей проблемой. Я вовсе не собираюсь следить за каждым произнесенным словом из боязни каким-то образом оскорбить слишком чувствительного юношу, который считает, что весь мир крутится вокруг его разочарований.

Миро пришел в ярость от того, насколько быстро она осадила его — и насколько резко. Это нечестно, просто нечестно. Демосфен, прославленный автор исторических трудов, не может быть таким.

— А я вовсе и не считаю, что весь мир вращается вокруг моих разочарований! Но неужели вы думаете, что можете вот так явиться сюда и устанавливать свои порядки на моем кораб-

ле?! — Вот истинная причина его ярости. Дело не в том, что она ему наговорила. Она была права: ее слова суть ничто. Его взбесило ее отношение, ее откровенная самоуверенность. Он не привык, чтобы люди относились к нему без жалости и сострадания.

Валентина опустилась в кресло рядом с ним. Миро изогнулся, чтобы повернуться к ней. Она, в свою очередь, не отвела взгляда, а, наоборот, внимательно изучала его тело с головы до пят, — холодные, оценивающие глаза.

— Он сказал мне, что ты очень сильный человек. Что ты искалечен, но не сломлен.

— А, так вы мой терапевт?

— А ты, значит, мой враг?

— Мне им стать? — осведомился Миро.

— Нет нужды, как мне нет нужды лечить тебя от чего бы то ни было. Эндрю не затем послал тебя нам навстречу, чтобы я заботилась о тебе. Он хотел, чтобы ты помог мне. Если ты не согласен — прекрасно. Позволь мне объяснить тебе кое-что. У меня довольно плотное расписание, и каждую минуту, когда я бодрствую, я стараюсь посвятить пропагандистским статьям, чтобы поднять общественное негодование на Ста Мирах и в колониях. Я пытаюсь восстановить людей против

флота, который послал Межзвездный Конгресс, чтобы уничтожить Лузитанию. Разрушить твою планету, не мою, заметь.

— Ваш брат находится на ней. — Он вовсе не собирался позволять ей прикидываться полнейшей альтруисткой.

— Да, и у тебя, и у меня там семьи. И нас обоих волнует проблема уничтожения пеквениньос. И потом, мы знаем, что Эндер поселил в твоем мире Королеву Улья. Таким образом, если Межзвездный Конгресс возьмет верх, будут уничтожены сразу две разумные расы. На кон поставлено многое, и я уже делаю все, что в моих силах, чтобы остановить флот. Вывод: если несколько часов, потраченных на беседу с тобой, помогут мне в этом деле, значит это того стоит. Но я не собираюсь тратить время на всякие треволнения по поводу того, не обижу ли я тебя чем-нибудь вдруг. Так что, если ты намереваешься составить мне оппозицию, сиди здесь один, а я пойду поработаю.

— Эндрю сказал, что вы лучший человек из всех, каких ему когда-либо приходилось встречать.

— Он несколько поторопился с этим выводом — с тех пор я успела воспитать троих совершенно

диких детишек. Насколько мне известно, у твоей матери вас шестеро.

— Верно.

— И ты самый старший.

— Да.

— Очень плохо. Родители обычно совершают самые непоправимые ошибки со старшими детьми. Именно тогда родители знают меньше всего, зато забота бьет через край, поэтому существует наибольшая вероятность, что они не правы, но ведут они себя так, будто правы всегда.

Миро пришлись не по нраву нападки этой женщины на его мать.

— Она не то что вы! — вспыхнул он.

— Разумеется. — Валентина наклонилась вперед в своем кресле. — Ну, что ты решил?

— Насчет чего?

— Мы работаем вместе или ты забавы ради на тридцать лет вычеркнул себя из истории человечества?

— Чего именно вы хотите от меня?

— Рассказов, естественно. Факты я могу добыть из компьютера.

— Рассказов о чем?

— О тебе. О свинксах. О тебе и свинксах. По сути дела, вся эта заварушка с флотом на Лузитанию

началась именно с твоих отношений со свинксами. Потому что ты вмешался в их жизнь, и таким образом…

— Мы помогли им!

— О, что, опять не то слово?

Миро яростно взглянул на нее, хотя понимал, что правда на ее стороне. Он действительно излишне чувствителен. Слово «вмешиваться» в научном контексте обладало нейтральной окраской. Оно просто означало, что он ввел какие-то изменяющие факторы в изучаемую им культуру. А отрицательное значение оно приобретало только по его вине — он изменил науке, прекратил изучение пеквениньос и начал обращаться с ними как с друзьями. Здесь он виноват. Нет, не виноват — он гордится своими поступками.

— Продолжайте, — кивнул он.

— Все началось из-за того, что ты нарушил закон и свинксы начали выращивать амарант.

— С амарантом покончено.

— Да, ирония судьбы. Вирус десколады проник в культуру и убил каждый штамм амаранта из тех, что твоя сестра вывела для свинксов. Таким образом, ваше вмешательство оказалось впустую.

— Неправда, — возразил Миро. — Они учатся.

— Да, я знаю. А еще точнее, они выбирают. Чему

учиться, что делать. Вы принесли им свободу. Я всем сердцем одобряю ваше решение. Но моя задача — рассказать о тебе населению Ста Миров и колоний, примыкающих к ним, а эти люди не обязательно увидят ваши поступки в таком свете. Поэтому единственное, что мне требуется от тебя, — это рассказ о том, каким образом и почему ты решил преступить закон и вмешаться в жизнь свинксов и почему правительство и народ Лузитании предпочли восстать против Конгресса, а не выслать тебя, чтобы тебя судили и подвергли соответствующему наказанию за проступки.

— Эндрю уже рассказывал вам об этом.

— А я, в свою очередь, уже описывала случившееся в общих чертах. Сейчас мне нужны личные впечатления. Я хочу, чтобы все остальные увидели в этих так называемых свинксах разумных существ. Я хочу представить тебя людям как индивидуума, как личность. Если все пойдет так, как я предполагаю, то, узнав тебя, они тебя полюбят. И тогда посланный на Лузитанию флот предстанет в подлинном обличье — как многократно преувеличенная реакция на угрозу, которой, собственно, никогда не существовало.

— Этот флот — чистой воды ксеноцид.

— Именно так я и выражаюсь в своих ста-

тьях, — кивнула Валентина.

Его раздражала ее самоуверенность. Ему претила ее непоколебимая вера в себя. Значит, ему придется противостоять ей, и поэтому он начал выдавать идеи, которых сам еще до конца не продумал. Мысли, которые кружились в его голове в виде полуоформившихся предположений.

— Но, кроме того, флот еще и средство самозащиты.

Это возымело желаемый эффект: она мгновенно замолчала и даже вопросительно приподняла брови. Вот тут-то и началось самое неприятное, теперь следовало объяснить, что он имел в виду.

— Десколада, — проговорил он. — Это самая опасная жизненная форма, которая когда-либо существовала.

— Естественный ответ — карантин. Они же послали вооруженный Маленьким Доктором флот и теперь спокойно разнесут Лузитанию и всех находящихся на ней на мельчайшие частички межзвездной пыли.

— Вы всегда так уверены в своей правоте?

— Я уверена, что Межзвездный Конгресс даже помыслить не вправе об уничтожении любой разумной расы.

— Свинксы не могут существовать без деско-

лады, — покачал головой Миро, — а если она случайно будет занесена на другую планету, то мгновенно уничтожит на ней все живое. Непременно уничтожит.

Он с удовольствием взирал на Валентину. Похоже, ему все-таки удалось загнать ее в угол.

— Но, мне казалось, были найдены какие-то средства для удержания десколады. Твои бабушка и дедушка нашли способ расправиться с ней, приспособить человеческий организм к вирусу.

— Десколада обладает невероятной способностью к адаптации, — ответил Миро. — Джейн рассказала мне, что пару раз она уже менялась. Моя мать и моя сестра Эла работают над этим: пытаются удержать десколаду на прежних позициях. Но иногда складывается такое впечатление, будто десколада действует осознанно. Разумно. Изыскивает всяческие пути, чтобы обойти химические препараты, которыми мы пользуемся, не позволяя ей убивать людей. Она проникает в земные культуры, которые требуются людям для выживания на Лузитании. Уже сейчас жителям колонии приходится постоянно опрыскивать их. Но что будет, если десколада все-таки прорвется через барьеры, которые мы воздвигли перед ней?

Валентина молчала. На этот раз никаких самоуверенных реплик не последовало. Она еще не задавалась этим вопросом. Да и никто не задавался, кроме Миро.

— Я даже Джейн решил пока не рассказывать об этом, — печально продолжал Миро. — Но что, если флот — это выход? Что, если единственный способ спасти человечество от десколады — это уничтожить Лузитанию?

— Нет, — наконец проговорила Валентина. — На самом деле это не имеет ничего общего с целями, которые преследовал Звездный Конгресс, посылая флот. Их причины, все до одной, завязаны на вопросах межзвездной политики, они хотят показать колониям, кто здесь хозяин. В этом виновны вышедшие из-под контроля бюрократы и военные, которые…

— Да послушайте меня наконец! — выкрикнул Миро. — Вы утверждали, что хотите выслушать мой рассказ. Вот, получите! Не важно, чем они руководствуются. Пускай весь Конгресс — просто стая кровожадных бестий. Плевать я хотел! Важно одно: может, и в самом деле стоит взорвать Лузитанию?

— Что же ты за человек? — в ответ спросила Валентина.

В ее голосе смешались и благоговейный трепет, и глубокое отвращение.

— Вы здесь последовательница морализаторской философии, — с сарказмом поклонился Миро. — Вот вы мне и скажите. Должны ли мы настолько возлюбить пеквениньос, чтобы позволить вирусу, который они несут в своих телах, уничтожить человечество?

— Конечно нет. Мы должны найти способ нейтрализовать десколаду.

— А что, если такого способа мы не найдем?

— Тогда наложим на Лузитанию карантин. Пусть все люди на планете умрут — твоя семья, моя, — но пеквениньос останутся.

— Да неужели? — поднял брови Миро. — А как насчет Королевы Улья?

— Эндер сказал мне, что она мало-помалу восстанавливает силы, но…

— Она содержит внутри себя готовое индустриальное общество. Она построит космические корабли и улетит с планеты.

— Но она не понесет с собой десколаду!

— У нее нет выбора. Десколада уже поселилась в ней. Как и во мне.

Тут он понял, что попал в цель. Он видел ее глаза — в них отразился страх.

— А потом и вы ее подхватите. Даже если вы сбежите на свой корабль, запечатаете меня здесь и всячески будете предохраняться от инфекции, как только вы приземлитесь на Лузитании, десколада доберется до вас, до вашего мужа, до ваших детей. Всю оставшуюся жизнь вам придется вместе с пищей употреблять всевозможные химикаты. И никогда вы не покинете Лузитанию, иначе с собой вы понесете смерть и разрушение.

— Думаю, мы догадывались о подобном исходе, — кивнула Валентина.

— Когда вы улетали, все было на уровне догадок, не более. Мы считали, что вскоре десколада окажется под контролем. Но теперь мать и Эла сильно сомневаются, можно ли вообще взять ее под контроль. Это означает, что, прилетев на Лузитанию, вы навсегда останетесь на планете.

— Надеюсь, нам придется по душе тамошний климат.

Миро внимательно изучал ее лицо; он пытался понять, как она восприняла рассказанное им. Первоначальный страх бесследно пропал. Она снова стала прежней — она размышляла.

— Вот что я думаю, — сказал Миро. — Мне кажется, каким бы ужасным ни казался Конгресс, какие бы жестокие планы он ни вынашивал, но

этот флот может явиться истинным спасением всему человечеству.

Валентина ответила, вдумчиво, тщательно подбирая слова. Миро было приятно столкнуться с этой стороной ее натуры: она никогда не бросалась необдуманными фразами. И она училась.

— Ну, если события будут развиваться по-твоему, придет время, когда… нет, это маловероятно. Скажем так: зная о смертельной опасности вируса, Королева Улья вряд ли станет строить космические суда, которые разнесут десколаду по Вселенной.

— А вы что, хорошо знакомы с Королевой Улья? — настаивал на своем Миро. — Вы что, понимаете ее?

— Даже если она все-таки решится на это, — возразила Валентина, — твои мать и сестра продолжают искать решение проблемы. К тому времени, как мы достигнем Лузитании, — к тому времени, как флот достигнет планеты, очень может быть, что они уже найдут способ расправиться с десколадой.

— Да, — откликнулся Миро, — но вправе ли они будут воспользоваться им?

— А почему нет?

— Так просто вирус десколады не убьешь. Ведь

он является неотъемлемой частью жизненного цикла пеквениньос. Когда умирает телесная форма пеквениньос, именно вирус десколады делает возможной трансформацию в древесное состояние, переход в — как ее называют сами свинксы — третью жизнь, и только в этой третьей жизни, в виде дерева, самцы пеквениньос могут оплодотворять самок. Если вирус погибнет, вместе с ним исчезнет и третья жизнь, и тогда поколение свинксов, что живет сейчас, — последнее.

— Пусть так, но не надо сразу считать проблему неразрешимой, она просто становится чуточку труднее. Твои мать и сестра должны найти способ нейтрализовать десколаду в человеке и тех культурах, которые мы употребляем в пищу, чтобы вирус при этом сохранил способность переводить пеквениньос во взрослое состояние.

— И на все про все им отпущено меньше пятнадцати лет, — покачал головой Миро. — Вряд ли.

— Но не невозможно.

— Да. Какая-то вероятность существует. И на этом основании вы хотите развернуть флот?

— Флот был послан, чтобы уничтожить Лузитанию, независимо от того, справимся мы к тому времени с вирусом или нет.

— Я еще раз повторяю: мотивы пославших его

не относятся к делу. Какой бы ни была причина, уничтожение Лузитании, возможно, единственная гарантия выживания человечества.

— А я считаю, что ты не прав.

— Вы Демосфен, если я не ошибаюсь? Эндрю сказал мне, что это действительно так.

— Да.

— Значит, это вы придумали Иерархию Исключения. Утланнинги — это чужестранцы из нашего собственного мира. Фрамлинги — люди нашей расы, прилетевшие с другой планеты. Рамен — разумные существа другой расы, но способные на общение с нами, на сосуществование бок о бок с человечеством. И наконец, варелез — кто ж они такие?

— Пеквениньос ни в коем случае не варелез. Как и Королева Улья.

— Зато десколада — варелез. Чуждая нам форма, способная уничтожить человечество…

— Если только нам не удастся вступить с ней в контакт…

— …с которой у нас нет общего языка, раса, настолько отличная от нас, что мы не можем ужиться вместе. Вы сами утверждали, что в таком случае война неизбежна. Если разумная раса настроена на жестокую расправу с нами и мы не

можем с нею общаться, не можем ее понять, если не существует *никакой* возможности заставить их изменить свое решение мирным путем, тогда мы совершенно оправданно можем использовать для своего спасения любые способы, включая полное уничтожение этой самой расы.

— Да, — снова кивнула Валентина.

— Но что, если мы *обязаны* уничтожить десколаду, но *не можем* этого сделать? Ведь вместе с ней погибнут пеквениньос, Королева Улья и человеческое население Лузитании?

К величайшему удивлению Миро, глаза Валентины наполнились слезами.

— Значит, вот ты каким стал.

— С чего это вдруг мы начали обсуждать меня? — смутился Миро.

— Ты долго думал, ты тщательным образом изучил каждый возможный вариант развития событий — независимо от исхода, — но только одному из них хочешь верить. Воображаемое будущее, которое ты подвел как основу под свои нравственные суждения, оказалось тем самым вариантом, в котором все, кого любишь ты, кого люблю я, все, на что мы когда-либо смели надеяться, — все должно быть стерто с лица земли.

— Я не говорил, что я в восторге от этого…

— Я этого тоже не сказала, — ответила Валентина. — Я просто констатировала, к чему ты предпочел готовиться. Но не я. Я хочу жить во Вселенной, в которой еще есть место надежде. Я предпочитаю жить во Вселенной, в которой твоя мать и твоя сестра все-таки найдут способ сдержать нашествие десколады; во Вселенной, в которой Межзвездный Конгресс должен быть переизбран или заменен каким-нибудь другим органом власти; во Вселенной, в которой не будет ни силы, ни желания уничтожить целую разумную расу.

— А что, если вы ошибаетесь?

— Тогда у меня еще хватит времени, чтобы разочароваться в жизни прежде, чем я умру. Но ты — ты ведь изыскиваешь любой повод, лишь бы предаться отчаянию. Я понимаю, что тобой движет. Эндрю сказал мне, что ты был красивым юношей, и ты, кстати, до сих пор сохранил былую красоту, но утрата власти над телом изменила тебя не только внешне. А ведь есть такие люди, которые лишились куда большего, чем ты, и тем не менее они не озлобились, не затаили в сердце черную ненависть к этому миру.

— Это ваш диагноз? — поинтересовался Миро. — Мы встретились всего полчаса назад, как

вам удалось так быстро раскусить меня?

— Это самая тяжелая беседа, какую мне когда-либо приходилось вести.

— Значит, вы признаёте, что настоящая причина этого — моя увечность. Что ж, позвольте мне немного просветить вас, Валентина Виггин. Я надеюсь на то же, на что и вы. Я даже надеюсь, что в один прекрасный день ко мне снова вернется власть над телом. Не будь у меня этой надежды, я бы давным-давно лежал в могиле. Я высказал вам свои взгляды не потому, что окончательно отчаялся. А потому, что все сказанное возможно. И именно потому, что это возможно, мы должны продумать подобный вариант сейчас, чтобы потом он не стал для нас сюрпризом. Мы должны думать об этом, чтобы, когда самые худшие ожидания сбудутся, мы уже знали, как выжить в той Вселенной.

Валентина внимательно изучала его лицо. Он чувствовал на себе ее взгляд как нечто осязаемое, под кожей, где-то внутри головы, как укол.

— Да, — наконец произнесла она.

— Что — да?

— Да, мой муж и я переедем сюда и будем жить на твоем корабле.

Она поднялась с кресла и повернулась к ко-

ридору, ведущему к связывающему два судна переходнику.

— Почему вы так решили?

— Потому что на нашем корабле нет места. И потому, что с тобой явно стоит поговорить. Не просто добыть материал для статей, которые я должна написать.

— О, значит, я прошел испытание?

— Да, — кивнула она. — А я как, справилась?

— Я не испытывал вас.

— Черта с два! — усмехнулась она. — Но на всякий случай — вдруг ты не заметил? — я тебе все-таки скажу: я отлично справилась с заданием. Иначе ты бы не стал мне рассказывать всего того, что только что рассказал.

И она ушла. Он слышал ее шаги, удаляющиеся по коридору, затем компьютеры доложили, что она вошла в шлюзовую камеру между двумя кораблями.

А ему уже не хватало ее.

Потому что она была права. Она с честью выдержала испытание, которому он ее подверг. Она прислушивалась к нему так, как не прислушивался никто, — без малейших признаков нетерпения. Она не заканчивала за него предложений, не блуждала рассеянным взглядом по

комнате. С ней он не подбирал слова, а руководствовался чувствами. Наверняка много раз его речь становилась практически неразборчивой. Но она слушала его настолько внимательно, что мгновенно понимала все доводы и ни разу не попросила повторить сказанное. С этой женщиной он мог говорить так же естественно, как со всеми остальными во времена, когда его мозг еще не был поврежден. Да, она чрезмерно самоуверенна, упряма, властна и быстра на выводы. Но она умеет прислушиваться к доводам противной стороны и менять позицию, когда это необходимо. Она могла слушать, поэтому он мог говорить. Возможно, с ней он станет прежним Миро.

3
Чистые руки

– Самая неприятная вещь, происходящая с человеческими созданиями, заключается в том, что они не подвержены обращениям. Твои люди и мои рождаются в виде личинок, но, прежде чем воспроизводиться, мы превращаемся в высшую форму. Люди до конца дней остаются личинками.

– И все же люди подвержены изменениям. Они постоянно меняют свою личность. Однако каждая новая личность питается иллюзией, что она всегда была заключена в рамки тела, которое ей только что досталось.

– Это внешнее. Природа организма все равно остается прежней. Люди чрезмерно гордятся своими изменениями, но каждая воображаемая трансформация на деле оказывается очередным набором извинений за то, что они ведут себя в точности так же, как всегда и везде вел себя

отдельный индивидуум.

– Ты слишком отлична от людей, чтобы когда-нибудь понять их.

– А ты слишком близок к ним, чтобы увидеть все недостатки.

Первый раз боги заговорили с Хань Цин-чжао, когда ей исполнилось семь лет. Некоторое время она не понимала, что слышит глас богов. Ей просто казалось, что руки ее грязны, покрыты какой-то противной, невидимой пленкой жира и она должна очистить, вымыть их.

Сначала достаточно было просто умыться, и в течение нескольких дней она чувствовала себя лучше. Но время шло, а ощущение грязи с каждым разом возвращалось все быстрее, и теперь, чтобы отскоблить жир, требовалось прилагать все больше и больше усилий; вскоре она стала мыться несколько раз на дню и терла руки жесткой щеткой до тех пор, пока те не начинали кровоточить. И лишь когда боль становилась совсем невыносимой, только тогда она чувствовала себя чистой, да и длилось это всего несколько часов.

Она никому ничего не говорила. Инстинктивно она чувствовала, что состояние ее рук следует держать в тайне. Все без исключения знали: ча-

стое мытье рук — одно из первых знамений того, что боги действительно заговорили с ребенком, и многие родители на Пути с надеждой следили за своими детьми, ожидая уловить признаки повышенной склонности к чистоте. Но люди эти не понимали самого ужасного, истинной причины потребности мыть руки: первое послание богов говорило о нестерпимой порочности и нечистоплотности того, с кем они ведут беседу. Цин-чжао скрывала постоянные омовения не потому, что стыдилась звучавшего внутри гласа богов, а потому, что была уверена: человек, узнавший, насколько она грязна, сразу начнет презирать ее.

Боги с одобрением взирали на ее скрытность. Они милостиво позволили ей ограничиться ладонями — именно их она яростно старалась отскрести. Это означало, что, когда ее руки терзала особенно сильная боль, она могла сжать их в кулачки, спрятать в складках платья или плотно-плотно прижать к себе, и никто ничего не замечал. Все видели перед собой хорошо воспитанную, вежливую девочку.

Будь жива ее мать, секрет Цин-чжао открылся бы куда быстрее. А так прошли долгие месяцы, прежде чем ее поймала служанка. В один прекрасный день старая толстая Му-пао заметила

кровавую полоску на маленькой скатерти, снятой со столика Цин-чжао. Му-пао сразу поняла, в чем дело: кровоточащие руки — ни для кого не тайна — являлись первейшим знаком внимания богов. Вот почему большинство честолюбивых матерей и отцов заставляли подающих надежды детей мыться снова и снова. На планете Путь о людях, которые выставляли напоказ частое мытье, говорили, что они «приглашают к себе богов».

Му-пао прямиком направилась к отцу Цин-чжао, благородному Хань Фэй-цзы, который, согласно молве, считался одним из величайших людей, общающихся с богами и глубоко уважаемых ими; он неоднократно встречался с фрамлингами-иномирянами и ни разу не выдал, что внутри у него живут высшие голоса, храня, таким образом, священную тайну планеты Путь. Он с благодарностью примет новость, и Му-пао будет почитаема за то, что первой разглядела божественные знаки в поведении Цин-чжао.

Через час Хань Фэй-цзы взял Цин-чжао на прогулку, и на носилках они направились к храму у Камнепада. Цин-чжао не любила носилок: ей было жалко людей, вынужденных тащить ее на себе.

— Они не угнетены этим, — объяснил ей отец,

когда она в первый раз упомянула о своих чувствах. — Они считают, что им оказана большая честь. Это один из способов, которым люди выказывают почтение богам. Когда один из говорящих с богами направляется в храм, он едет на плечах людей Пути.

— Но я ведь расту, становлюсь все тяжелее, — ответила Цин-чжао.

— Когда станешь совсем взрослой, ты будешь или ходить собственными ножками, или ездить на личных носилках, — ответил отец. Не стоило объяснять, что такие носилки будут у нее только в случае, если она сама начнет говорить с богами. — Мы же стараемся продемонстрировать смирение и не толстеть сверх меры, чтобы не быть для людей чересчур тяжкой ношей.

Это, конечно, была шутка, так как живот у отца, хоть и не громадный, все равно был довольно внушительным. Но урок, заложенный в шутке, не пропал даром: Говорящие с Богами никогда не должны превращаться в тяжкую ношу, которую будет влачить на плечах обыкновенный люд Пути. Люди должны относиться к ним с благодарностью и не таить злобы, что боги из всех миров выбрали именно их планету, дабы явить свои голоса.

Но сейчас ум Цин-чжао больше занимал ожидающий ее «суд божий». Она знала, что ее везут на испытание.

— Многих детей нарочно учат притворяться, будто боги говорят с ними, — объяснял отец. — Мы должны удостовериться, действительно ли боги избрали тебя.

— Мне хочется, чтобы они отстали от меня, — сказала Цин-чжао.

— А во время испытания тебе захочется этого еще больше, — печально кивнул отец. Голос его был исполнен жалости. В сердце Цин-чжао снова колыхнулся страх. — Обыкновенный люд видит только нашу власть и привилегии, поэтому завидует нам. Они даже не подозревают, какие муки приходится переживать тем, кто слышит голоса богов. Если боги действительно разговаривают с тобой, моя Цин-чжао, ты научишься сносить страдания так, как нефрит принимает нож резчика по камню и грубую ветошь полирующего его мастера. И ты воссияешь. Ты думаешь, почему я назвал тебя Цин-чжао?

Имя Цин-чжао означало «Во Славе Блистательная». Так звали одну великую поэтессу древности,

жившую когда-то в Китае[3]. Еще девочкой, в возрасте, когда даже мужчине только начинают оказывать уважение, ее уже почитали как величайшую поэтессу своего времени. «*Прозрачной дымкой, тучею кудлатой уходит долгий, непогожий день…*»[4]

Как там заканчивается поэма? «*А ветер западный рвет штору на окне… Ты желтой хризантемы увяданье увидеть мог бы, заглянув ко мне*»[5]. Ожидает ли и ее то же самое в будущем? Может быть, духовная прародительница в этой поэме делилась с ней мыслью, что тьма, наступающая на нее, будет развеяна, только когда боги придут с Запада, чтобы освободить ее истонченную, невесомую, золотистую душу от бренного тела? Нет, ужасно думать о смерти сейчас, когда тебе всего семь лет, однако заманчивая мысль все-таки мелькнула в ее уме: «Чем скорее я умру, тем скорее встречусь с мамой и даже с великой Ли Цин-чжао».

---

[3] Примечания: 3

Ли Цин-чжао (И Ань) (1084–1151) — одна из величайших и наиболее почитаемых поэтесс древности. К сожалению, из творчества Цин-чжао до нас дошло всего около пятидесяти стихотворений и несколько эссе.

[4] Примечания: 4

Начальные строфы песни Ли Цин-чжао «Девятый день луны девятой».

[5] Примечания: 5

Перевод М. Басманова.

Но испытание не несло смерти, по крайней мере не должно было. На самом деле все было очень просто. Отец привел ее в большую залу, где на коленях стояли три старика. Или старухи. Они вполне могли оказаться женщинами. Они были настолько стары, что всякие различия стерлись. С висков свисали тонкие пряди седых волос, никаких признаков бороды, тела облачены в бесформенную мешковину. Позднее Цин-чжао узнала, что это были храмовые евнухи, единственное живое напоминание о далеких временах, предшествующих дню, когда на планету вторгся Межзвездный Конгресс и запретил даже добровольное увечье из религиозных соображений. Сейчас евнухи казались ей загадочными, призрачными, древними существами, ощупывающими ее, изучающими ее платье.

Что они ищут? Они нашли эбонитовые палочки для еды и забрали их. Они отобрали ленту, обернутую вокруг ее талии. Сняли тапочки. Лишь потом она узнает, что эти вещи отбирались потому, что во время испытания некоторые дети впадали в отчаяние и кончали жизнь самоубийством. Одна девочка вставила палочки себе в ноздри и кинулась лицом об пол, вогнав их прямо в мозг. Еще одна повесилась на поясе. Другая затолкала

тапочки себе в горло и задохнулась. Удавшиеся попытки самоубийства были довольно редки, но, как оказалось, на это решались самые умные из детей, и чаще всего их предпринимали девочки. Поэтому евнухи забрали у Цин-чжао все вещи, с помощью которых можно было совершить самоубийство.

Потом евнухи покинули залу. Отец встал на колени рядом с Цин-чжао и заговорил:

— Цин-чжао, ты должна понять, на самом деле мы не тебя проверяем. Ничто из сделанного тобой по доброй воле нисколько не повлияет на то, что произойдет здесь. В действительности мы испытываем богов, чтобы убедиться, действительно ли они настроены говорить с тобой. Если это так, они найдут путь, мы увидим это, и ты выйдешь из комнаты как одна из Говорящих с Богами. Если нет, ты выйдешь отсюда навсегда освобожденной от их голосов. Я не могу сказать тебе, за какой исход буду молиться, потому что не знаю сам.

— Отец, — сказала Цин-чжао, — а что, если тогда ты будешь стыдиться меня?

От этой мысли у нее даже руки зачесались, будто на них была грязь, будто ей срочно требовалось вымыть их.

— Я никогда не буду стыдиться тебя. — Затем

он хлопнул в ладоши.

Один из старейших вошел в комнату, неся тяжелый таз. Он поставил его перед Цин-чжао.

— Опусти туда руки, — сказал отец.

Таз был наполнен густым черным жиром. Цин-чжао содрогнулась:

— Я не могу опустить руки в это.

Тогда отец взял ее за локти и силой сунул руки в грязь. Цин-чжао закричала — раньше отец никогда не применял к ней силу. И когда он отпустил ее, руки были покрыты липким, холодным жиром. При взгляде на них у нее даже горло перехватило — настолько грязными они казались; ей стало трудно дышать, она не отрываясь смотрела на них, вдыхала запах.

Старик поднял таз и унес его.

— Где я могу умыться, отец? — простонала Цин-чжао.

— Тебе нельзя мыться, — ответил отец. — Отныне мыться тебе запрещено.

Цин-чжао была еще маленькой девочкой, и она поверила ему, даже не подозревая, что его слова были частью испытания. Она взглядом проводила отца, выходящего из комнаты. Дверь захлопнулась, до нее донесся звук задвигаемой защелки. Она осталась в полном одиночестве.

Сначала она просто держала руки перед собой, так чтобы они не касались платья. Она в отчаянии оглядывалась по сторонам, но воды нигде не было, не было даже тряпки, чтобы вытереть руки. В комнате стояли стулья, столы, статуи, большие каменные кувшины, но все поверхности были твердыми, хорошо отполированными и настолько чистыми, что она просто не могла прикоснуться к ним. Ощущение грязи на руках постепенно становилось нестерпимым. Она должна очистить их.

— Отец! — позвала она. — Помоги, вымой мне руки!

Наверняка он слышит ее. Наверняка он где-то рядом, ждет результата испытания.

Он слышал — но не пришел.

Единственной тряпкой в комнате был халат, надетый на ней. Она могла вытереть руки о его полы, но тогда на нем останется жир, и она выпачкается вся, с ног до головы. Разумное решение — снять его, но как ей проделать это, не касаясь грязными руками тела?

Она попробовала. Сначала она тщательно, как могла, вытерла жир о гладкие руки одной из статуй. «Прости меня, — извинилась она перед статуей на тот случай, если та принадлежала

какому-нибудь из богов. — После испытания я вернусь и вымою тебя, вымою своим платьем».

Затем она закинула руки за голову и начала собирать ткань на спине, чтобы стянуть халат через голову. Ее липкие пальцы скользили по шелку, она чувствовала на спине холодный жир — постепенно он начал пропитывать материю. «Потом вытрусь», — решила она.

Наконец ей удалось покрепче ухватиться за ткань, она потянула платье. Оно скользнуло через голову, но в тот же миг Цин-чжао поняла, что случилось нечто ужасное: жир попал на длинные волосы, а волосы упали на лицо, и теперь жир покрывал не только руки, но и спину, волосы, лицо.

Однако девочка не оставила попыток. Она стянула платье и тщательно вытерла руки о краешек полы, затем другой полой вытерла лицо. Но это ничего не изменило. Частично жир все равно оставался на ней, что бы она ни делала. Шелковая ткань не впитывала, а только размазывала его. Цин-чжао никогда в жизни не чувствовала себя настолько безнадежно грязной. Это было невыносимо, но она ничего не могла поделать.

— Отец! Забери меня отсюда! Я не хочу говорить с богами!

Он не пришел. Она заплакала.

Вся беда заключалась в том, что и слезы не помогли. Чем больше она плакала, тем грязнее в своих глазах становилась. Отчаянное желание вымыться пересилило даже рыдания. С мокрым от слез лицом, она начала искать способ избавиться от жира. Она еще раз попробовала шелк халата, но бросила это занятие и начала вытирать руки о стены, постепенно передвигаясь по периметру комнаты. Цин-чжао с такой силой терла ладони о дерево, что они нагрелись, и теперь уже жидкий жир потек по ее запястьям. Она снова и снова кидалась к стенам — до тех пор, пока руки не покраснели, пока заживающие царапины на ладонях снова не открылись и не начали кровоточить, разодранные о поверхность деревянных стен.

Когда от боли уже онемели ладони и пальцы, девочка вытерла руками лицо, бороздя щеки ногтями в попытке соскрести скользкую массу. Но руки по-прежнему были в слое жира, и Цин-чжао снова стала тереть их о стены.

Наконец, окончательно выбившись из сил, Цин-чжао упала на пол в рыданиях. Руки безумно болели, и она не могла сделать ничего, что помогло бы ей очиститься. Она зажмурилась.

Слезы текли по щекам. Она терла глаза, лоб и чувствовала, насколько жирной делают слезы ее кожу, какая она вся грязная. Она понимала, что это может означать только одно: боги судили ее и сочли нечистой. Ей не стоило больше жить. Раз нельзя очиститься, она должна вычеркнуть себя из жизни. И только это их удовлетворит. Сразу придет успокоение. Все, что от нее теперь требовалось, — найти какой-нибудь способ умереть. Перестать дышать. Отец будет жалеть, что не пришел, когда она звала его, но она ничем не сможет ему помочь. Теперь она во власти богов, и они сочли ее недостойной находиться среди живых мира сего. Да и вообще, какое право она имеет дышать, когда материнские уста сомкнулись и никогда больше не пропустят в себя даже частичку воздуха?

Сначала девочка решила воспользоваться платьем: засунуть его поглубже в горло, чтобы невозможно было дышать, или обмотать вокруг шеи и задушить себя. Но халат весь был покрыт жиром, его даже в руки противно брать. Придется попробовать что-нибудь другое.

Цин-чжао подошла к стене, прижалась к ней. Сплошное дерево. Она немного отклонилась и с силой ударилась головой о стену. От удара боль

ярким светом вспыхнула в голове. Оглушенная, Цин-чжао бессильно сползла на пол. Теперь и голова раскалывалась от боли. Комната медленно вращалась. На какую-то секунду Цин-чжао даже забыла о жире на руках.

Но облегчению недолго суждено было продлиться. Цин-чжао различила на стене темное пятнышко, там, где жир с ее лба пропитал сияющую отполированную поверхность. Боги снова заговорили внутри, настаивая, что она так же грязна, как и прежде. Легкая боль — недостаточная плата за ее абсолютную никчемность.

Цин-чжао опять ударилась головой о стену. Но на этот раз прежней боли не испытала. Еще и еще — и только тогда она поняла, что против воли ее тело уворачивается от удара, отказываясь вредить себе. Это помогло ей понять, почему боги сочли ее настолько бесполезной: она слишком слаба, чтобы заставить тело повиноваться. Что ж, она не так беспомощна, как кажется. Она подчинит себе тело обманом.

Она выбрала самую высокую из статуй, возвышающуюся метра на три над полом, не меньше. Это было бронзовое изображение человека в прыжке, над головой он заносил меч. Выступов и острых углов ей хватит, чтобы вскарабкаться

наверх. Руки то и дело соскальзывали, но она упорно лезла вверх, пока не очутилась на плечах статуи; одной рукой она уцепилась за бронзовую голову, другой обхватила меч.

Когда девочка прикоснулась к клинку, в уме мелькнула мысль: а не перерезать ли себе горло, ведь тогда она уже не сможет дышать, верно? Но лезвие оказалось простой имитацией. Оно тупое, и ей никак не удавалось пристроиться к нему под правильным углом. Поэтому она вернулась к первоначальному плану.

Она несколько раз глубоко вздохнула, сцепила руки за спиной и кинулась вниз. Она приземлится прямо на голову, и со страданиями будет покончено.

Пол с ужасающей скоростью ринулся на нее, и тут она все-таки утратила контроль над собой. Цин-чжао закричала, почувствовала, как руки за спиной расцепились и метнулись вперед, чтобы смягчить удар. Но поздно, подумала она с мрачным удовлетворением. Ее голова ударилась об пол, и на нее обрушилась стена мрака.

Цин-чжао очнулась от тупой боли в руке. Она попробовала повернуть голову, и шею свело болезненной судорогой. Но она жива. Когда она наконец совладала с болью и открыла глаза, то

увидела, что в комнате уже сгустились сумерки. Наступила ночь? Сколько времени она находилась без сознания? Она не могла пошевелить левой рукой, на локте красовался уродливый лиловый синяк. Цин-чжао даже подумала, что, наверное, сломала руку при падении.

Потом она увидела, что руки по-прежнему покрыты слоем жира, и снова ощутила себя невыносимо грязной: боги приговорили ее. Не следовало пытаться покончить с собой. Боги не позволят ей так легко избежать кары.

«Что же мне делать? Как очиститься перед вами, о боги? Ли Цин-чжао, моя духовная праматерь, научи, как заслужить милостивое отношение богов!»

Сразу на ум пришло одно из стихотворений Ли Цин-чжао, посвященных любви, — «Расставание». Этой песне ее научил отец, когда ей было всего три годика, незадолго до того, как он и мама сообщили ей, что мама скоро умрет. Оно в точности подходило и к настоящей ситуации: разве боги не лишили ее своего расположения? Разве ей не нужно примириться с ними, чтобы они приняли ее как воистину разговаривающую с богами?

Кто-то послал

слова любви
вереницей вернувшихся птиц.
И луна наполняет
мой западный чертог…
Лепестки танцуют
над струящимся потоком,
и снова думаю я о тебе,
о нас двоих,
проживающих печаль
порознь…
Боль, что нельзя удалить…
Но когда мой взгляд опускается вниз,
мое сердце устремляется ввысь[6].

---

[6] Примечания: 6

Здесь дается подстрочный перевод с английского, поскольку в контексте основного произведения переплетаются английский авторский текст и английский перевод стихотворения. Классический русский перевод с китайского М. Басманова звучит так:

Свет лунный над западной башней
И туч поредевшая стая.
Письмо мне
Не гусь ли доставит?
Кричит он,
В ночи пролетая…
Цветы, облетевшие с веток,
Уносит куда-то волною,
Пусть разлучены мы

Судьбою,
Но в мыслях —
Мы вместе с тобою.
Тоска на мгновенье хотя бы
Оставить меня не желает.
С бровей прогоню ее —
Злая,
Шипы свои
В сердце вонзает.

Луна, наполняющая светом западные покои, поведала ей, что не по смертному возлюбленному томится девушка на самом деле, а по богу: обращение к западу всегда означает обращение к богам. Ли Цин-чжао ответила на молитву малышки Хань Цин-чжао и послала этот стих, чтобы показать ей, как исцелить ту боль, от которой не избавиться, пока не сотрется бренная грязь ее плоти.

«Но при чем здесь „слова любви“? — задумалась Цин-чжао. — И „вереница вернувшихся птиц“ — ведь в этой комнате нет никаких птиц? „Лепестки, танцующие над струящимся потоком“ — ни лепестков, ни потока здесь нет».

«Но когда мой взгляд опускается вниз, мое сердце устремляется ввысь». Вот где разгадка, вот ответ на ее вопрос, поняла она. Потихоньку, осторожно Цин-чжао перекатилась на живот. Но стоило ей попробовать облокотиться на левую руку, как какая-то косточка внутри громко хрустнула, и она снова чуть не лишилась сознания от невыносимой, ужасной боли. Наконец, опираясь на правую руку, она встала на колени, голова ее оставалась низко склоненной. Опущенные к полу глаза. Стих обещал, что так ее сердце найдет путь ввысь.

Ничего не изменилось — та же грязь, та же боль. Взгляду открывались лишь голые полированные половицы, жилки древесины, извиваясь и изгибаясь во все стороны, появлялись из-под ее колен и убегали прочь, в противоположный угол комнаты.

Вереницы. Вереницы древесных жилок, вереницы птиц. Кроме того, они очень похожи на струящийся поток. Она должна следовать за этими вереницами подобно птице, должна танцевать над извилистыми ручейками подобно лепестку. Вот что значило обещание: когда взгляд опустился вниз, ее сердце устремилось ввысь.

Цин-чжао остановилась на одной определенной жилке, темной линии, подобно реке разделяющей более светлое дерево вокруг, и сразу поняла, что это и есть тот самый «поток», за которым надо следовать. Она не посмела прикоснуться к нему пальцем — грязным, недостойным пальцем. Следовать за течением надо легко, так, как птица касается воздуха, а лепесток — воды. Только глазами она могла следить за жилкой.

И она последовала за ней, очень осторожно доведя ее до стены. Пару раз Цин-чжао двигалась слишком быстро и вдруг теряла жилку среди других переплетений, но спустя некоторое время

вновь находила ее — или ей только казалось? — и наконец добралась до стены. Справилась ли она со своей задачей? Довольны ли боги?

Почти. Она очень близка к решению, но Цинчжао сомневалась в том, что когда глаза в первый раз потеряли жилку, потом правильно отыскали ее. Лепестки не прыгают из ручья в ручей. Надо проследить одну, и только одну жилку до самого конца. На этот раз она пошла от стены и совсем склонилась к полу, чтобы взгляд не отвлекали движения правой руки. Дюйм за дюймом продвигалась она вперед, не позволяя себе даже такой роскоши, как мигнуть; глаза горели и слезились. Она понимала, что если потеряет жилку, то ей придется возвращаться и начинать все заново. Либо она исполнит все идеально, либо не пройдет испытания и никогда не очистится.

Это длилось целую вечность. Несколько раз она все-таки мигнула, но перед этим приняла кое-какие меры. Когда глаза переставали что-либо различать от набежавших слез, она склонялась к полу так, чтобы левый глаз практически вплотную смотрел на жилку. Затем на секунду закрывала другой глаз. Правый глаз отдыхал, потом она открывала его, приникала им к жилке и закрывала уже левый глаз. Таким образом она

добралась до середины комнаты, там доска заканчивалась и начиналась следующая половица.

Она засомневалась, справилась ли с заданием, достаточно ли закончить доску или, может, надо отыскать новую жилку и двигаться по ней дальше. Она сделала вид, будто поднимается с полу, тем самым проверяя богов, довольны ли они. Она привстала — ничего; выпрямилась — и почувствовала окутавший ее покой.

А! Они удовольствовались этим, они довольны ею. Теперь она не ощущала жира на коже, тело было просто слегка маслянистым. Отступила паническая потребность умыться, ведь она отыскала иной путь к очищению, путь к божественному учению. Она тихо опустилась на пол, улыбаясь, слезы радости струились по щекам. «Ли Цин-чжао, моя духовная прародительница, спасибо, что указала мне путь. Теперь я воссоединилась с богами, долгой разлуке конец. Мама, я снова с тобой, очищенная и достойная. Белый Тигр Запада, теперь я достаточно чиста, чтобы погладить твой мех и не запятнать белоснежную шкуру».

Тела коснулись чьи-то руки — отец поднимал ее. На лицо что-то капнуло, прокатилось по обнаженному телу — отцовские слезы.

— Ты выжила, — произнес он. — Моя Говорящая с Богами, моя возлюбленная дочь, жизнь моя. Во Славе Блистательная, сияй.

Позднее она узнала, что отца на время испытания пришлось связать и крепко держать, что, когда она взобралась на статую и попыталась перерезать горло мечом, он рванулся с такой силой, что стул упал и он ударился головой об пол. Боги проявили к нему милосердие — ему не пришлось стать свидетелем ее ужасного прыжка со статуи. Пока она лежала без сознания, он рыдал. А потом, когда она встала на колени и начала прослеживать жилки на половицах, именно он первым понял, что произошло. «Смотрите, — прошептал он. — Боги дали ей задание. Боги говорят с ней».

До остальных дошло не сразу, потому что раньше ничего подобного не случалось. Таких проявлений не было в Каталоге Божьих Голосов: «Ожидание у дверей», «Счет пятью до бесконечности», «Счет предметов», «Поиск случайных смертей», «Вырывание ногтей», «Раздирание кожи», «Выдергивание волос», «Глодание камня», «Выкатывание глаз» — все эти признаки были хорошо известными епитимьями, которые налагали боги, ритуалами повиновения, очищающими душу Говорящего с Богами, чтобы

боги смогли наполнить эту душу мудростью. Однако до сегодняшнего дня ни один человек не свидетельствовал «Слежения за древесными жилками». Впрочем, отец сразу понял, что она делает, назвал ритуал и внес его в Каталог Голосов. Этот обряд будет вечно носить ее имя — имя Хань Цин-чжао — в честь того, что ей первой боги повелели исполнить такой ритуал. Это придавало ей особую значимость. Как и необычная настойчивость в стремлении очиститься и — позднее — убить себя.

Разумеется, многие пытались обтирать руки о стены и — чаще всего — об одежду. Но никто прежде не пытался тереть руки одна о другую, чтобы тепло от трения растопило жир; это было весьма умно. И хотя многие пробовали разбить себе голову, лишь некоторые взбирались на статую, чтобы кинуться вниз. До нее никому не удавалось удерживать руки за спиной так долго. Весь храм обсуждал случившееся, и скоро этот слух разнесется по всем храмам Пути.

И конечно, великая честь была оказана Хань Фэй-цзы, ведь именно его дочь оказалась столь крепко связана с богами. История о его безумстве, когда Хань Цин-чжао пыталась покончить с собой, распространилась с неимоверной скоростью

и мало кого оставила равнодушным. «Он, может, и величайший из Говорящих с Богами, — отзывались о нем, — но дочь свою он любит больше жизни». Теперь люди любили его так же, как и чтили.

Тогда-то впервые и прошел слух о предполагаемой божественности Хань Фэй-цзы. «Он достаточно велик и могуч, чтобы боги прислушивались к его словам, — говорили о нем его почитатели. — И вместе с тем столь страстен, что всегда будет любить народ Пути и сделает все возможное, чтобы мы жили в мире и благоденствии. Не таким ли должен быть спустившийся в мир бог?» Впрочем, разрешить этот спор на тот момент не представлялось возможным, ведь при жизни человек не может быть избран даже богом деревни, не говоря уже о звании бога всего мира. Как можно судить о его божественности, пока вся его жизнь от начала до конца не предстанет перед глазами?

Постепенно взрослея, Цин-чжао не раз слышала подобные разговоры, и знание, что ее отец может стать богом Пути, служило ей в жизни путеводным огнем. Но что бы ни случилось, она всегда будет помнить, что именно его руки отнесли ее истерзанное, искалеченное тельце в кровать,

что именно из его глаз капали на ее холодную кожу горячие слезы, именно его губы шептали на прекрасном, мелодичном древнем языке: «Моя возлюбленная дочь, моя Во Славе Блистательная, никогда не лишай своего сияния мою жизнь. Что бы ни произошло, никогда не причиняй себе вреда, иначе я умру вместе с тобой».

4 Джейн

– Из вашего народа многие стали христианами. Поверили в Бога, которого привезли с собой эти люди.

– Ты не веришь в Бога?

– Такой вопрос никогда не возникал. Мы всегда помнили, кто мы и откуда.

– Вы э в о л ю ц и о н и р о в а л и. Мы были созданы.

– Вирусом.

– Вирусом, который, в свою очередь, создал Бог, чтобы потом создать нас.

– Значит, ты тоже веруешь.

– Я понимаю веру.

– Нет, ты мечтаешь о вере.

– Я достаточно сильно жажду ее, чтобы вести себя так, словно действительно верую. Может быть, это и есть вера.

– Или осознанное безумие.

Получилось так, что на корабле Миро поселились не только Валентина с Джактом. С ними, без всякого приглашения, пришла Пликт и разместилась в крошечной каютке, где даже ноги

нормально вытянуть было нельзя. Пликт в этом путешествии играла несколько странную роль — не члена семьи, не члена команды, но друга. Она обучалась у Эндера, когда Говорящий от Имени Мертвых останавливался на Трондхейме. Она вычислила, основываясь исключительно на личных изысканиях, что Эндрю Виггин является истинным Говорящим от Имени Мертвых и что одновременно он — тот самый Эндер Виггин.

Валентина никак не могла понять, почему эта одаренная, еще молодая женщина так привязалась к Эндеру Виггину. Временами ей казалось, что вот так возникают религии. Основатель не ищет учеников; они приходят сами и навязываются ему.

Как бы то ни было, с тех самых пор, как Эндер покинул Трондхейм, Пликт оставалась с Валентиной и ее семьей: обучала детей, помогала Валентине в научной работе и ждала, когда же наконец семья воссоединится с Эндером. Только Пликт твердо знала, что когда-нибудь такой день наступит.

Поэтому последнюю часть пути до Лузитании корабль проделал с четырьмя пассажирами на борту: Валентиной, Миро, Джактом и Пликт. Во всяком случае, так сначала считала Валентина.

Лишь на третий день после встречи с Миро она узнала о пятом пассажире, который всю дорогу сопровождал их.

В тот день, как всегда, все четверо собрались на мостике. Больше идти было некуда. Корабль предназначался для перевозки грузов, и, кроме мостика и спальных кают, на нем для людей оставался только крошечный коридорчик и туалет. Все остальное место на судне занимали грузовые помещения, и люди там находиться не могли — условия не позволяли.

Однако Валентина ничуть не возражала против такого вторжения в ее личную жизнь. Она несколько забросила свои статьи, считая, что куда важнее сейчас узнать Миро поближе, а через него и всю Лузитанию. Людей, живущих там, пеквениньос и в особенности семью Миро — ведь Эндер женился на Новинье, матери Миро. Валентина по крупицам собирала информацию; она бы никогда не стала выдающимся историком и биографом, если бы не научилась делать выводы, располагая лишь разрозненными зернами правды.

Но настоящей золотой жилой для нее оказался сам Миро. Он был переполнен горечью, яростью, разочарованием и скорбью по утраченному телу.

Несчастье случилось всего несколько месяцев назад, и он все еще пытался отыскать себя в этом новом мире. Валентина не волновалась за его будущее. Она видела, что он обладает поистине железной силой воли, таких людей нелегко сломить. Он привыкнет и вновь расцветет.

На данный момент ее больше интересовали его размышления. Искалеченная оболочка словно освободила от пут его ум. Первые дни после случившейся с ним трагедии он провел практически в полном параличе. Ему не оставалось ничего другого, как лежать и размышлять. Конечно, бóльшую часть времени его мысли крутились вокруг потерь, ошибок, будущего, которого он теперь лишен. Но, помимо этого, многие часы он посвятил обдумыванию таких вещей, на которые люди чаще всего просто не обращают внимания. Весь третий день совместного полета Валентина пыталась вытащить из него оценки и мнения.

— Многие не задумываются о таком вообще, во всяком случае всерьез, а ты посвящаешь этим размышлениях всего себя, — доказывала Валентина.

— То, что я думаю о чем-то, вовсе не означает, что я что-либо знаю, — возражал Миро.

Она и в самом деле привыкла к его голосу, хотя

порой его медлительность ужасно раздражала. Временами требовалось проявлять незаурядные усилия, чтобы не выказать нетерпения.

— Природа Вселенной, — заметил Джакт.

— Источники жизни, — продолжала Валентина. — Ты сказал, что много размышлял над тем, что значит быть живым, и я хочу выслушать твое мнение.

— Как работает Вселенная и при чем здесь мы, — рассмеялся Миро. — Так и свихнуться недолго.

— Как-то раз мою лодку зажало дрейфующими льдами. Я две недели кружился в снежной буре, и негде было укрыться от холода, — сказал Джакт. — Сомневаюсь, что ты сможешь поведать мне что-нибудь такое, от чего я вдруг свихнусь.

Валентина улыбнулась. Джакт был не мальчик, и его философия обычно сводилась к вопросу, как сплотить команду и наловить побольше рыбы. Но он сразу понял, что Валентина хочет раскрутить Миро на разговор, и помог ей несколько разрядить обстановку, дав Миро понять, что каждое его слово будет воспринято серьезно.

И важнее всего было, что именно Джакт произнес слова ободрения, потому что Валентина видела, да и от внимания Джакта не ускользну-

ло, каким взглядом Миро следит за ним. Джакт, может, и стар, но его руки, ноги и спина все же принадлежали бывалому рыбаку, и каждое движение говорило о ловкости и силе его тела. Как-то раз Миро даже не выдержал и заметил, как бы между делом, хотя в голосе сквозило восхищение: «У вас сложение прямо как у двадцатилетнего» Валентина смогла уловить горькую мысль, которая крутилась у Миро в голове: «А я, который *действительно* молод, вынужден обходиться телом сраженного артритом девяностолетнего калеки». Выходит, Джакт что-то значил для Миро: он являл собой будущее, недоступное тому. Восхищение и горечь. Миро было бы очень трудно говорить открыто в присутствии Джакта, если бы Джакт не позаботился о том, чтобы Миро в его словах не слышал ничего, кроме уважения и искреннего интереса.

Пликт, как всегда, молча сидела в кресле, погруженная в себя, практически невидимая.

— Хорошо, — кивнул Миро. — Размышления на тему природы действительности и души.

— На какой основе — теологической или метафизической? — поинтересовалась Валентина.

— В основном метафизика, — ответил Миро. — И физика. Из каковых ни одна не является моей

непосредственной профессией. И вы, насколько я помню, говорили, что я вам потребовался вовсе не для таких вот историй.

— Я сама решу, что мне нужно.

— Ладно, — сдался Миро. Он пару секунд помолчал, словно раздумывая, с чего начать. — Вы, разумеется, слышали о филотических связях…

— Мне известно лишь то, что и каждому обыкновенному человеку, — отозвалась Валентина. — И, кроме того, я знаю, что за последние двадцать пять столетий эксперименты с филотами ни к чему не привели, потому что это не та вещь, на которой можно ставить опыты.

Это было очень старое открытие, восходящее к дням, когда ученые боролись за развитие всевозможных технологий. Начинающие студенты-физики прежде всего должны были запомнить несколько мудрых высказываний: «Филоты есть основные составляющие частицы любого рода материи и энергии. Филоты не обладают ни массой, ни инерцией. Филоты обладают только местоположением, продолжительностью во времени и связью». И все знали, что именно филотические связи — переплетения лучей филотов — делают возможным существование ансиблей и позволяют поддерживать мгновенную связь

между мирами и космическими судами, удаленными друг от друга на многие световые годы. Но ни один человек не понимал, как это получается, а так как потрогать филоты нельзя, то и экспериментировать с ними практически невозможно. Их можно лишь наблюдать, да и то исключительно через их связи.

— Филотика, — задумчиво пробормотал Джакт. — Ансибли?

— Побочный продукт.

— А при чем здесь душа? — поинтересовалась Валентина.

Миро собрался было ответить, но тут же им овладело безысходное отчаяние при мысли, как он будет выдавливать длинные предложения через свой вялый, сопротивляющийся рот. Он подвигал нижней челюстью, губы легонько зашевелились.

— Я не могу, — вдруг громко заявил он.

— Мы слушаем, — мягко настаивала Валентина.

Она поняла, что ему совсем не хочется пускаться в длинные рассуждения при явно ограниченной способности к речи. Но она также знала, что так или иначе, но ему придется высказаться.

— Нет, — снова произнес Миро.

Валентина собиралась и дальше настаивать, но тут заметила, что губы его шевелятся, хотя с них слетает лишь неразборчивый шепот. Что он там бормочет? Ругается?

Нет, дело не в этом.

Лишь спустя мгновение она поняла, что происходит. Потому что когда-то видела, как Эндер делал то же самое: двигал губами и челюстью, когда подавал беззвучные команды на терминал, оправленный в серьгу, которую носил в ухе. Ну конечно, Миро пользуется теми же компьютерными штучками, что когда-то использовал Эндер, поэтому он так сейчас разговаривает.

А еще через секунду стало ясно, какие команды передавал Миро по серьге. Терминал, должно быть, был связан с судовым компьютером, потому что скоро один из дисплеев прояснился и на экране возникло лицо Миро. Только без следов паралича, искажающего лицо юноши. Валентина сразу догадалась: таким, видимо, было его лицо изначально. И когда компьютерное изображение заговорило, из динамиков донесся настоящий голос Миро. Четкий. Напористый. Рассудительный. Быстрый.

— Вы, наверное, знаете, что, когда филоты сходятся, образуя долговременную структуру

— мезон ли, нейтрон, атом, молекулу, организм или планету, — они устанавливают друг с другом связь.

— Что это такое? — недоумевающе перебил Джакт. Он никак не мог понять, почему компьютер вдруг заговорил.

Компьютерное изображение Миро замолкло и застыло на экране. Ответил сам Миро.

— Я долгое время занимался компьютером, — сказал он. — Я сообщал ему кое-что, он это запомнил и теперь говорит за меня.

Валентина попыталась представить, сколько времени Миро бился над программой, пока компьютер не начал точь-в-точь передавать его лицо и голос. Как забавно — создать себя таким, каким ты должен быть. И как мучительно больно видеть, каким ты мог быть, и знать, что этому никогда уже не случиться.

— Очень умно, — отозвалась Валентина. — Что-то вроде протезирования личности.

Миро усмехнулся — смешок получился каким-то сиротливым.

— Продолжай, — сказала Валентина. — Сам ли ты говоришь, говорит ли за тебя компьютер, мы слушаем.

Компьютерное изображение вновь ожило и

заговорило сильным голосом прежнего Миро:

— Филоты — это самые маленькие составляющие частицы материи и энергии. Они не обладают ни массой, ни протяженностью в пространстве. Каждый филот соединяется с остальной Вселенной единственным одномерным лучом, который и объединяет филоты в ближайшую по размерам частицу — мезон. Все лучики от филотов, заключенных в мезоне, сплетаются в единую филотическую нить, которая соединяет мезон со следующей структурной единицей — нейтроном, например. Нити в нейтроне сплетаются уже в бечеву, контактирующую с прочими частями атома, далее возникает молекулярная веревка. Это не имеет ничего общего с ядерными силами или силами притяжения, ни при чем здесь и химические связи. Насколько мы можем судить, филотические связи ровным счетом ничего не делают. Они просто существуют.

— Но изначальные лучи никуда не деваются, они присутствуют во всех этих связях, — уточнила Валентина.

— Именно. Каждый луч длится вечно, — ответил экран.

Это произвело на нее впечатление. Да и на Джакта тоже, судя по тому, как расширились его

глаза, — компьютер, немедленно отреагировавший на заданный Валентиной вопрос. Значит, это не подготовленная заранее лекция. Программа и так, наверное, достаточно сложна, чтобы настолько четко передавать лицо и голос Миро; но теперь компьютер отвечает, будто в точности повторяет личность Миро…

Или, может, Миро каким-то образом управляет программой? Про себя проговорил ответ? Валентина не знала — она в тот момент смотрела только на экран. Теперь она изменит тактику — будет наблюдать за самим Миро.

— Мы не уверены, что луч бесконечен, — сказала она. — Мы только знаем, что не смогли найти, где же он все-таки заканчивается.

— Лучи сплетаются вместе, образуя планету, а каждая планетно-филотическая связь восходит к звезде, от звезды — к центру Галактики…

— А куда же направлена галактическая связь? — спросил Джакт.

Старый вопрос — школьники каждый раз задавали его, когда начинали в старших классах изучать филотику. Подобно древней теории, что, может быть, галактики на самом деле не что иное, как нейтроны или мезоны внутри во много раз превосходящей их размерами Вселенной,

или что-нибудь подобное. Ведь если Вселенная не бесконечна, что же находится там, где она заканчивается?

— Да, да, — нетерпеливо проговорил Миро. На этот раз, однако, говорил он сам. — Но я не к тому клоню. Я хочу поговорить о жизни.

Компьютерный голос — голос талантливого юноши — снова зазвучал в рубке:

— Филотические связи, исходящие из таких субстанций, как, скажем, камень или песчинка, через молекулу соединяются с центром планеты. Но когда молекула находится в живом организме, ее луч следует другим путем. Вместо того чтобы восходить к филотическому сгустку планеты, он завязывается на индивидуальной клетке, а клеточные лучи, в свою очередь, сплетаются друг с другом так, что каждый организм вливает личную систему филотических связей в общий филотический покров планеты.

— И это говорит о том, что на физическом уровне жизнь любого индивидуума что-то да значит, — усмехнулась Валентина. Когда-то она написала статью, в которой попыталась несколько развеять мистицизм, окутывающий филотику, и одновременно предложить новый вид общественной формации, построенной

на принципах науки о филотах. — Но, Миро, в практическом отношении все эти доводы бессмысленны. Ты просто не сможешь использовать филоты. Филотические связи, объединяющие живые организмы, просто есть. Каждый филот связан с чем-то, через это что-то с чем-то еще и так далее; живые клетки и организмы — не что иное, как два уровня подобных отношений.

— Ну да, — согласился Миро. — Все живое сплетено в единую систему.

Валентина пожала плечами, кивнула. Скорее всего, этого никогда не доказать, но если Миро хочет использовать вышесказанное в качестве предпосылки для дальнейших размышлений, что ж, прекрасно.

Опять в разговор вступил Миро-компьютер:

— Но меня больше волнует продолжительность существования филотических связей. Когда система таких связей разрушается, например при распаде молекулы, старые филотические связи некоторое время еще продолжают существовать. Части, более не контактирующие друг с другом физически, какое-то время еще остаются связанными на филотическом уровне. И чем меньше частица, тем дольше после распада изначальной системы сохраняется эта связь и тем медленнее

филотические лучи частиц начинают присоединяться к новому переплетению.

Джакт нахмурился:

— Мне казалось, чем меньше предмет, тем быстрее идет процесс.

— Это и в самом деле несколько противоречит общепринятой логике, — согласилась Валентина.

— После расщепления на атомарном уровне только по прошествии многих часов филотические лучи начинают примыкать к новым системам, — невозмутимо продолжал компьютерный Миро. — Расщепите частицу меньшую, чем атом, — и филотическая связь между ее отдельными частями будет сохраняться куда дольше.

— По этому принципу устроены ансибли, — добавил Миро.

— Ансибль действует следующим образом, — объяснил компьютер. — Вы помещаете мезон в мощное магнитное поле, расщепляете его и тогда можете разносить его половинки на какое угодно расстояние, ведь филотическая связь между ними остается. Если одна часть мезона вращается или вибрирует, луч, все еще соединяющий его в единую филотическую систему, также вращается

и вибрирует, и эти колебания в ту же самую секунду отражаются на противоположном конце общей системы. Таким образом, связь не занимает и мгновения — колебание моментально достигает всех частей мезона, пусть даже они разнесены на световые годы. Никто не понимает, как это все происходит, но все рады, что такое есть. Без ансибля было бы невозможно поддерживать разумное сообщение между населенными человеком мирами.

— Дьявол, разумного сообщения и так не существует, — выругался Джакт. — И если бы не эти твои ансибли, не было бы и флота на Лузитанию.

Но Валентина даже не услышала Джакта. Она наблюдала за Миро. На этот раз она заметила, как тихо, едва заметно задвигались губы и челюсть Миро. Наверняка сейчас он про себя что-то проговорил и вскоре компьютерное изображение снова оживет. Он и в самом деле отдавал приказы. С ее стороны абсурдно было бы предполагать что-то другое — кто ж тогда управляет компьютером?

— Здесь своя иерархия, — произнесло изображение. — Чем сложнее строение системы, тем быстрее она реагирует на изменения. Дело обстоит так, словно чем меньше частица, тем

она глупее и у нее больше времени уходит на осознание факта, что она теперь является частью совсем иной системы.

— Теперь ты ударился в антропоморфизм, — покачала головой Валентина.

— Может быть, — ответил Миро. — А может, и нет.

— Человеческие создания суть организмы, — вмешалось изображение. — Но человеческие филотические связи функционируют несколько иначе, чем те же связи, принадлежащие другим жизненным формам.

— Ты имеешь в виду теории, что две тысячи лет назад выдвинул Ганг? — уточнила Валентина. — Никому так и не удалось добиться вразумительного результата экспериментов. — Исследователи, все без исключения индусы и к тому же весьма набожные, в свое время заявили, что открыли, будто филоты человека, в отличие от филотов других организмов, не всегда напрямую соединяются с ядром планеты, сливаясь воедино с остальными жизненными формами и материей. Скорее, по их словам, филотические лучи, исходящие от людей, объединяются с такими же лучами, испускаемыми другими людьми. Подобный эффект проявляется в основном в семьях,

но иногда возникает и между учителем и учениками, близкими по работе коллегами. К примеру, нечто подобное существует между самими исследователями. Гангийцы заключили, что такое различие между человеком и прочей животной и растительной жизнью только доказывает, что души некоторых отдельных индивидуумов в буквальном смысле слова достигли высшего плана, близкого к совершенству. Они искренне считали, что Совершенные стали единым целым, подобно тому как вся жизнь неразделимо связана с миром. — Это весьма заманчивое суеверие, но никто, кроме гангийцев, всерьез его не воспринял.

— Я воспринял, — отозвался Миро.

— Каждому свое, — философски заметил Джакт.

— Но не как религию, — добавил Миро. — Как научную теорию.

— Если я не ошибаюсь, мы рассуждаем о метафизике? — спросила Валентина.

Ответил ей Миро-компьютер:

— Филотические связи между людьми более всего подвержены изменениям, и, что важно, гангийцы доказали, что они подвластны человеческой воле. Если вы испытываете сильные чувства, влекущие вас к семье, то ваши фило-

тические лучи свяжутся и вы станете единым целым, в точности как различные атомы в молекуле представляют из себя единство.

Довольно-таки привлекательная теория. Она подумала то же самое, еще впервые услышав о ней — примерно две тысячи лет назад, когда Эндер говорил за убитого революционера на Минданао. Она и Эндер тогда долго гадали, покажут ли гангийские тесты связь между ними, между братом и сестрой. Они вспоминали детство — существовало ли между ними уже тогда что-нибудь подобное? И сохранилась ли эта связь, когда Эндера забрали в Боевую школу и они оказались разлученными на шесть долгих лет? Эндеру очень понравилась теория, как, впрочем, и Валентине, но после того разговора они больше никогда не возвращались к этому вопросу. В ее памяти идея о филотических связях между людьми запечатлелась как забавная шутка, не более.

— Приятно думать, что метафора о единстве человечества может найти подобное подтверждение в физическом плане, — улыбнулась Валентина.

— Слушайте дальше! — почти выкрикнул Миро.

Очевидно, ему не хотелось, чтобы Валентина

относила весь замысел в категорию «приятных».

И опять вместо него заговорило изображение:

— Если гангийцы правы, то, когда человек решается связать жизнь с другим человеком, когда он дает обязательства перед обществом, это не просто социальный феномен. Это также физическое явление. Филот, малейшая постижимая физическая частица, — если вообще можно применять термин «физическое» к чему-то, не обладающему ни массой, ни инерцией, — реагирует на проявления человеческой воли.

— Вот поэтому-то многие и не принимают всерьез экспериментов гангийцев.

— Эксперименты гангийцев были проведены очень тщательно и показали верные результаты.

— Но никто больше не смог добиться того же.

— Никто больше не воспринял их всерьез, чтобы взять и повторить сделанное гангийцами. И вас это удивляет?

— Да, — кивнула Валентина. Но затем вспомнила, какому осмеянию подверглась эта теория в научной прессе, тогда как поклонники всевозможных наркотических средств мгновенно подхватили ее, и до сих пор она фигурирует в десятках религий. После случившегося разве мог

ученый надеяться получить хоть какие-то деньги под подобный проект? Какая карьера ожидала бы его, если бы коллеги сочли его сторонником одной из метафизических теорий? — Нет, думаю, не удивляет.

Изображение Миро кивнуло:

— Если филотический луч связывается с другим лучом, реагируя на проявления человеческой воли, почему бы не предположить, что все филотические связи заранее предопределены человеком? Что каждая частица, материя, виды энергии, любой наблюдаемый феномен во Вселенной является результатом проявления воли индивидуумов?

— Мы несколько отклонились от гангийского индуизма, — покачала головой Валентина. — И каков должен быть мой ответ? То, о чем ты рассуждаешь, — анимизм в чистом виде. Самый примитивный вид религии. Все есть жизнь. Камни и океаны, горы…

— Нет, — возразил Миро. — Жизнь — это жизнь.

— Жизнь — это жизнь, — вслед за ним повторила компьютерная программа. — Жизнь — это когда крохотный филот имеет силу воли, чтобы связать в одно целое молекулы клетки, сплетая

их лучи вместе. Филот, обладающий большой силой, может объединить множество клеток в целый организм. Наиболее мощные филоты в своей основе разумны. Мы вольны размещать наши филотические связи где пожелаем. Филотическая основа разумной жизни более ярко выражена в других известных нам разумных расах. Когда пеквениньо умирает и переходит в третью жизнь, именно заряженный волей филот сохраняет его личность и переносит ее из тела млекопитающего в живое дерево.

— Реинкарнация, — отозвался Джакт. — Филот — душа.

— Во всяком случае, так происходит со свинксами, — подвел итог Миро.

— И с той же Королевой Улья, — добавило изображение. — Не надо забывать, что природу филотических связей мы открыли только тогда, когда увидели, что жукеры умеют общаться друг с другом на скорости, превосходящей скорость света. Только от них мы узнали, что такое вообще возможно. Отдельные жукеры являются придатками Королевы Улья; они ее руки, ее ноги, а она их мозг, один громадный организм с тысячами или даже миллионами тел. И единственная связь между ними — это сплетение их филотических

лучей.

Миро нарисовал картину Вселенной, о возможности существования которой Валентина никогда раньше не задумывалась. Разумеется, как историк и биограф она обычно мыслила о вещах применительно к людям и обществу. Не то чтобы она была совсем невежественна в области физики, но и не знала ее хорошо. Возможно, физик сразу бы определил слабые точки этого предположения. Но в то же время каждый физик настолько замкнут в идее своих физических представлений о мире, что ему куда труднее воспринять теорию, которая переворачивала бы все, что он знал, с ног на голову. Даже если бы эта теория оказалась справедливой.

И Валентине настолько пришлась по нраву такая картина мира, что даже захотелось видеть ее воплощенной. Триллионы и триллионы влюбленных шептали бы друг другу: «Мы одно целое». Вдруг кое-кто из них и в самом деле оказался бы прав? Миллиарды семей сжились настолько крепко, что стали как бы одним человеком. Разве не здорово было бы, если бы в основе действительности лежала теория, подтверждающая их чувства?

Джакт, однако, не проникся подобной роман-

тикой.

— Я-то думал, мы должны держать в секрете существование Королевы Улья, — пробормотал он. — Мне казалось, эта тайна принадлежит Эндеру.

— Все в порядке, — ответила Валентина. — Все присутствующие в курсе.

Джакт кинул на нее нетерпеливый взгляд:

— Я считал, мы летим на Лузитанию, чтобы присоединиться к борьбе против Межзвездного Конгресса. При чем тут филоты?

— Может быть, ни при чем, — задумчиво проговорила Валентина. — А может, очень даже при чем.

Джакт на мгновение закрыл лицо ладонями, а когда убрал их, на его лице играла улыбка, в которой не было ни капли веселья.

— Я ни разу не слышал от тебя таких загадочных фраз с того самого дня, как твой брат покинул Трондхейм.

Его слова укололи ее, отчасти потому, что она поняла, что скрывается за ними. После стольких лет, прожитых вместе, неужели Джакт до сих пор ревнует ее к Эндеру?

— Когда он улетел, — промолвила Валентина, — я осталась.

На самом деле она хотела сказать: «Я успешно прошла испытание. Неужели ты и сейчас сомневаешься во мне?»

Джакт смутился. Одной из лучших его черт было то, что, поняв свою неправоту, он сразу признавал ошибку.

— А когда улетала ты, — сказал Джакт, — я полетел с тобой.

Что значило: «Я с тобой, я больше не ревную тебя к Эндеру, извини, что обидел тебя». Чуть погодя, когда они останутся наедине, они снова скажут друг другу то же самое, только в открытую. Ни к чему хорошему не приведет, если с собой на Лузитанию они привезут подозрение и ревность.

Миро, естественно, не заметил, что между Джактом и Валентиной вновь воцарился мир. Он только почувствовал некую натянутость в отношениях между ними и подумал, что причиной послужил он.

— Это я виноват, — начал было Миро. — Я не хотел…

— Все нормально, — перебил Джакт. — Я отвлекся.

— Неужели? — улыбнулась Валентина мужу.

Джакт улыбнулся в ответ. Миро успокоился.

— Продолжай, — обратилась к нему Вален-

тина.

— Примите все вышесказанное как данность, — сказал Миро.

Здесь Валентина не сдержалась — она громко расхохоталась. Отчасти она смеялась потому, что эта отдающая мистицизмом гангийская теория «филот есть душа» оказалась чересчур большим куском, чтобы заглотить целиком. Отчасти смех ее был вызван желанием сгладить последствия их с Джактом размолвки.

— Извини меня, — наконец произнесла она. — Ничего себе «данность»! И если это всего лишь преамбула, я жду не дождусь, когда же наступит развязка.

Миро, поняв истинные причины ее смеха, тоже улыбнулся ей.

— У меня было достаточно времени, чтобы все хорошенько обдумать, — сказал он. — И я представил на ваш суд свои выводы: свое определение жизни и идею, что все во Вселенной зависит от проявления человеческой воли. Но есть кое-что еще, чем мы хотели бы с вами поделиться. — Он повернулся к Джакту. — И это кое-что непосредственно связано с флотом на Лузитанию.

Джакт добродушно усмехнулся и кивнул:

— Приятно, когда тебе время от времени под-

брасывают хорошую косточку.

Валентина улыбнулась своей самой обворожительной улыбкой:

— Что ж, тебя ждет еще немало добрых костей.

Джакт расхохотался.

— Давай дальше, Миро, — обратилась к юноше Валентина.

Ответил ей Миро-компьютер:

— Если все существующее действительно находится в непосредственной зависимости от поведения филотов, тогда, очевидно, большинство филотов разумно лишь в пределах мезона или нейтрона. Лишь немногие из них обладают достаточной силой воли, чтобы начать жить, то есть освоить организм. И только единицы способны управлять — нет, быть — разумным организмом. Но все же наиболее сложное и разумное создание, Королева Улья к примеру, по сути своей всего лишь филот, как и все остальное. Она обретает личность и оживает в результате той особой роли, которую филот вдруг на себя принял, но при всем при этом она остается прежним филотом.

— Моя личность — моя воля — субатомная частица? — переспросила Валентина. Джакт, улыбаясь, кивнул.

— Забавная мысль, — заметил он. — Я и мой ботинок — близнецы-братья.

Миро устало усмехнулся. Но изображение Миро на экране компьютера ответило:

— Если атом водорода и звезда — брат и сестра, тогда да, между вами и филотами, которые создают такие неодушевленные предметы, как ваш ботинок, существуют определенные родственные связи.

Валентина заметила, что на этот раз Миро ничего не шептал перед тем, как ответила его компьютерная версия. Но как компьютер смог мгновенно выдать аналогию насчет звезд и атомов водорода, если Миро не заложил ответ на вопрос заранее? Валентина никогда не слышала о такой программе, которая была бы способна сама по себе вести разумный диалог на отвлеченные темы.

— И может быть, во Вселенной существуют и другие родственные связи, о которых до настоящего момента вы даже не слышали, — продолжал Миро-компьютер. — Может статься, существует такой вид жизни, с которым вы никогда раньше не сталкивались.

Валентина, наблюдая за Миро, заметила, что он забеспокоился. Словно чем-то был встревожен.

Как будто ему не совсем нравилось, как начало вести себя компьютерное изображение.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Джакт.

— Во Вселенной существует один физический феномен, известный всем, который так и не объяснен, однако каждый воспринимает его как должное, и никто еще ни разу не задумался, почему и каким образом это действует. Я имею в виду, что ни одна из линий ансибля за все время существования прибора ни разу не прервалась.

— Ерунда, — ответил Джакт. — В прошлом году один из ансиблей на Трондхейме вышел из строя на целых шесть месяцев. Такое происходит нечасто, но все же случается.

Снова губы и нижняя челюсть Миро остались неподвижными, тогда как изображение ответило немедленно. Совершенно очевидно, теперь он уже не контролировал компьютер.

— Я не говорил, что ансибли никогда не ломаются. Я сказал, что линия — филотическая связь между частями расщепленного мезона — никогда не прерывалась. Механическая начинка ансибля может выходить из строя, компьютеры могут ломаться, но ни разу частица мезона, помещенная внутрь ансибля, не попробовала связать свой филотический луч с другим мезоном или же с

находящейся рядом планетой.

— Ну разумеется, частицу ведь удерживает магнитное поле, — пожал плечами Джакт.

— Время существования расщепленного мезона в естественном состоянии слишком мало, чтобы мы выявили, как частицы обычно ведут себя, — добавила Валентина.

— Мне известны все стандартные ответы, — заявило изображение. — Все это чушь. Так отвечают родители детям, когда сами не знают ответа, а лезть куда-то выяснять — лень. Люди до сих пор относятся к ансиблям как к какой-то волшебной палочке. Все просто радуются, что ансибли пока работают, а вот если люди полезут выяснять, почему же они работают, тогда волшебство исчезнет и все до одного ансибли испортятся.

— Ничего подобного, никто так не считает, — возразила Валентина.

— Ну да, — ответило изображение. — Пусть через сотни лет, тысячу, пускай через три тысячелетия — но хоть одна-то из этих линий да должна была выйти из строя. Хоть одна частичка мезона да могла бы переключить свой филотический луч! Но нет, они работают.

— Так почему же? — спросил Миро.

Сначала Валентине показалось, что вопрос

Миро чисто риторический. Ничуть — он смотрел на изображение, как и все остальные, ожидая ответа на вопрос.

— Мне было показалось, что программа излагает нам твои размышления, — заметила Валентина.

— Она их и излагала, — ответствовал Миро. — Но сейчас она сама по себе.

— Что, если в филотических связях между ансиблями поселилось некое существо? — вопросило изображение.

— Ты уверена, что понимаешь, что делаешь? — в ответ спросил Миро. Снова он обращался к компьютеру, как к живому человеку.

И изображение на экране вдруг изменилось, на нем возникло личико незнакомой Валентине девушки.

— Что, если в сети филотических лучей, соединяющих все миры и все космические суда в освоенной человеком Вселенной, обитает разумное создание? Что, если оно состоит из этих филотических связей? Что, если его мысли вращаются среди колебаний расщепленных мезонов? Что, если его воспоминания хранятся в компьютерах всех миров и кораблей?

— Кто ты? — обратилась непосредственно к

изображению Валентина.

— Может быть, я та, кто поддерживает существование этих филотических связей между ансиблями. Может быть, я новый организм, который не сплетает в одно целое лучи, но следит, чтобы они никогда не распались. И если так, то в случае, если эти связи когда-нибудь нарушатся, если ансибли когда-нибудь остановятся, если ансибли хоть когда-нибудь замолкнут, — я умру.

— Кто ты? — повторила Валентина.

— Валентина, позвольте мне представить вам Джейн, — промолвил Миро. — Хорошую знакомую Эндера. И мою тоже.

— Джейн.

Значит, под именем Джейн скрывалась не загадочная подрывная группировка, внедрившаяся в бюрократические страты Межзвездного Конгресса. Джейн была компьютерной программой, частью электронного обеспечения.

Нет. Если Валентина правильно догадалась, Джейн была чем-то бóльшим, нежели просто программой. Существо, обитающее в паутине филотических лучей и хранящее свои воспоминания в компьютерах многих планет. Если она права, значит филотическая сеть — сеть пересекающихся друг с другом филотических лучей,

связывающая друг с другом ансибли различных миров, — является ее телом, ее естеством. И филотические звенья продолжают функционировать только потому, что она так пожелала.

— И теперь я вопрошаю великого Демосфена, — снова заговорила Джейн. — Кто я — раман или варелез? И вообще, живое я создание или нет? Мне нужен ваш ответ, потому что, как мне кажется, я смогу остановить флот на Лузитанию. Но прежде чем я сделаю это, я должна знать: стоит ли ради этого идти на смерть?

Слова Джейн полоснули Миро словно скальпелем. Она действительно может остановить флот — в этом он не сомневался. Некоторые корабли Конгресса были вооружены Маленьким Доктором, но приказа о его применении пока не последовало. Они не смогут послать приказ без ведома Джейн, а так как она безраздельно властвует в сфере ансибельных сообщений, то сможет перехватить сообщение прежде, чем флот его получит.

Беда заключалась в том, что ей не удастся сделать это, не обнаружив себя, и Конгресс сразу узнает о ее существовании или, по крайней мере, поймет, что происходит что-то неладное. Если флот не подтвердит получение приказа,

его пошлют еще раз, и еще, и еще. Со временем Конгресс уверится в предположении, что кто-то непонятным образом захватил власть над компьютерами-ансиблями.

Джейн могла не допустить переполоха, только послав ответное подтверждение, но тогда ей придется взять под контроль послания, которыми обмениваются корабли флота друг с другом, и сообщения, посылаемые ими на планетарные станции, — чтобы сохранять видимость, будто флот в курсе насчет приказа убивать. И несмотря на то, что Джейн обладает поистине гигантскими возможностями, вскоре наступит положение, когда это окажется свыше ее сил. Она одновременно может заниматься сотнями, пусть тысячами дел, но Миро сразу понял, что, даже если она посвятит себя только поддержанию тайны и ничему больше, она не сумеет уследить за всеми ансиблями и передачами.

Рано или поздно ее тайна раскроется. И стоило Джейн поделиться с ними своими планами, как Миро окончательно убедился, что она права: наилучший выход из положения, с *наименьшим* риском для ее существования, заключался в том, чтобы просто-напросто обрубить всякого рода ансибельные сообщения между судами флота и

планетами. Пусть каждое судно будет изолировано от остальных, команда начнет ломать голову, что же такое происходит, и им не останется выбора: либо они возвращаются, либо продолжают миссию, следуя исходным приказам. Либо они повернут назад, либо прибудут на Лузитанию, так и не получив приказа об использовании Маленького Доктора.

Тем временем, однако, до Конгресса дойдет, что творится что-то очень странное. Вполне возможно, в связи с привычной бюрократической неповоротливостью Конгресса никто не догадается об истинных причинах обрыва связи. Но с той же вероятностью кто-то да сообразит, что естественного, обычного объяснения случившегося не существует. И человек этот догадается, что существует некая Джейн — или нечто в этом роде — и что, отключив ансибли, они смогут расправиться с ней. А как только Конгресс об этом узнает, ей конец.

— А вдруг нет? — настаивал Миро. — Может, ты как-нибудь сумеешь помешать им? Оборви связь между планетами, к примеру, тогда они не смогут отдать приказ об отключении ансиблей.

Никто не ответил. Он и сам знал почему: она не в состоянии препятствовать межпланетной

связи вечно. Постепенно правительство каждой планеты независимо от других придет к правильному ответу. Проживет она в компьютерах годы, десятилетия, поколения… Но чем чаще она станет диктовать свою волю, тем больше человечество будет ненавидеть и бояться ее. И наступит день, когда она погибнет.

— Тогда единственный выход — книга, — пожал плечами Миро. — Наподобие «Королевы Улья» и «Гегемона». Что-нибудь вроде «Жизни Человека». Говорящий от Имени Мертвых мог бы написать ее. Убедить их не делать этого.

— Может быть, — задумчиво кивнула Валентина.

— Она не должна умереть! — выкрикнул Миро.

— Я знаю, мы не вправе просить ее взять на себя исполнение плана, — продолжала Валентина. — Но ведь если не останется ничего другого, нельзя не думать о Королеве Улья и пеквениньос…

Миро пришел в ярость:

— Да как вы можете рассуждать о ее смерти?! Что Джейн для вас?! Программное обеспечение какого-то компьютера. Нет, она *настоящая*, такая же реальная, как Королева Улья, такая же живая, как пеквениньос…

— И для тебя значит куда больше, чем все остальные, — мягко закончила Валентина.

— Во всяком случае, не меньше, — огрызнулся Миро. — Вы забываете, для меня пеквениньос как братья…

— Тем не менее ты спокойно соглашаешься с тем, что в принципе их уничтожение фактически неизбежно.

— Не надо извращать мои слова.

— Я лишь толкую их, — ответила Валентина. — Ты смиряешься с гибелью свинксов, поскольку уже потерял их. А вот потерять Джейн для тебя…

— Ну да, она мой друг, и что же, теперь мне вообще не вступаться за нее? Что, выносить решения о жизни и смерти могут только посторонние люди?

Спор прервал спокойный, рассудительный голос Джакта:

— Успокойтесь, вы оба. Решения принимать не вам. Все должна решить Джейн. Только она имеет право оценивать свою жизнь. Я не философ, но это мне хорошо известно.

— Отлично сказано, — согласилась Валентина.

Миро знал, что Джакт прав: выбор останется за Джейн. И это было невыносимо, поскольку он не сомневался, какое решение она примет.

Предоставить право выбора Джейн — все равно что попросить ее сделать это. И в то же время, так или иначе, все зависит от нее одной. Можно даже не спрашивать, что она избрала. Время для нее бежит быстро, особенно сейчас, когда они летят на скорости, близкой к скорости света, так что наверняка она уже все решила.

Слишком много навалилось на него. Потерять Джейн… нет, невыносимо. Одна мысль об этом выводила его из равновесия. Он не хотел проявить подобную слабость перед этими людьми. Хорошие люди, добрые, но ему не хотелось, чтобы они стали свидетелями его горя. Поэтому Миро наклонился вперед, облокотился на ручки и, пошатываясь, поднялся из кресла. Нелегкая задача, ведь лишь немногие мускулы теперь повиновались ему в полной мере, и потребовалось все самообладание, чтобы преодолеть расстояние от мостика до каюты. Никто не последовал за ним, не окликнул его. Он этому лишь порадовался.

Оставшись в комнате один, Миро лег на койку и позвал ее. Но не вслух. Он молча шевельнул губами, потому что для разговоров с ней голос ему не требовался. Даже теперь, когда другие пассажиры судна знали о ее существовании, он вовсе не собирался отказываться от привычек,

благодаря которым их тайна столько времени была сокрыта от людей.

— Джейн! — беззвучно выкрикнул он.

— Да, — раздался голос из серьги.

Он представил себе, как обычно при таких беседах, что этот мягкий голос исходит из уст женщины, не видной оттуда, где он находится, но стоящей рядом, совсем рядом. Миро закрыл глаза — так ему лучше представлялось. Ее дыхание на его щеке, ее волосы, почти касающиеся его лица, — она тихо беседует с ним, а он молча отвечает.

— Прежде чем что-нибудь решать, посоветуйся с Эндером, — сказал он.

— Уже. Только что, пока ты думал об этом.

— И что он говорит?

— Ничего не предпринимать. Ничего не решать, пока такой приказ действительно не поступит.

— Верно. Может быть, до этого дело не дойдет.

— Может быть. Или новая группировка с иной политикой придет к власти. Или сам Конгресс изменит свое решение. Или подействуют статьи Валентины. Или флот взбунтуется.

Последнее показалось ему столь невероятным, что Миро наконец осознал: Джейн ничуть не сомневается — приказ будет отдан.

— И когда?

— Флот подойдет к Лузитании примерно через пятнадцать лет. Где-то спустя год — может, чуть меньше — после того, как эти два суденышка приземлятся на планете. Я специально просчитала ваш путь. Приказ будет отдан незадолго до прибытия флота. Месяцев за шесть, не раньше, то есть, по корабельному времени, за восемь часов до того, как флот начнет сбрасывать скорость и переходить на обычный режим полета.

— Не делай этого, — прошептал Миро.

— Я еще ничего не решила.

— Нет. Ты для себя все решила.

Она ничего не ответила.

— Не покидай меня, — сказал он.

— Я никогда не бросаю друзей без причины, — возразила она. — Некоторые люди так поступают, но только не я.

— Просто не оставляй меня, — снова повторил он.

Он плакал. Заметила ли она, почувствовала ли через камень-передатчик, висящий у него в ухе?

— Постараюсь.

— Попробуй что-нибудь еще. Останови их, но как-нибудь иначе. Выберись из этой филотической сети, не дай им убить себя.

— То же самое мне посоветовал Эндер.

— Так сделай же что-нибудь!

— Я подумаю, но, кто знает, возможно ли это вообще?

— Наверняка что-то можно придумать.

— Порой я начинаю сомневаться, живу я или нет. Вы, живые создания, считаете, что, если уж вы чего-то очень сильно пожелали, это что-то непременно должно сбыться. Будто, захотев чего-то всем сердцем, вы тут же получите желаемое.

— Что толку тогда метаться в поисках выхода, если ты даже не веришь, что сможешь его найти?

— Либо я берусь за что-то, либо нет, — констатировала Джейн. — Я не поддаюсь ни разочарованию, ни скуке, которые свойственны вам, людям. Я попробую найти какой-нибудь выход из положения.

— И об этом, кстати, подумай, — посоветовал Миро. — Подумай хорошенько, кто ты есть на самом деле. Как работает твой мозг. Весьма вероятно, что ты не сможешь спастись, если не поймешь, откуда и как ты возникла. А как только ты познаешь себя…

— Я смогу сделать копию и схоронить ее где-нибудь.

— Может быть.

— Может быть, — эхом отозвалась Джейн.

Но в глубине души он знал, что она не верит в это, как, впрочем, и он сам. Она живет в филотической сети ансиблей, она способна хранить воспоминания в компьютерных сетях многих миров и космических кораблей, но нет такого места во Вселенной, куда бы она могла записать себя, если ей обязательно требуются филотические связи. Но…

— А как насчет отцов-деревьев Лузитании? Они ведь связаны друг с другом на филотическом уровне!

— Это не одно и то же, — возразила Джейн. — Они существуют на отличной от ансиблей системе.

— Пусть так, но ведь информация каким-то образом передается. При помощи филотов. И Королева Улья — она тоже связана с остальными жукерами филотически.

— Ничего не получится, — грустно ответила Джейн. — Структура слишком проста. Она сообщается с ними не по сети. Все они завязаны на ней одной.

— С чего ты взяла, что ничего не получится, когда даже в самой себе ты до конца еще не разо-

бралась?

— Ладно. Я подумаю над этим.

— Хорошенько подумай, — настаивал Миро.

— Я по-другому не умею, — удивилась Джейн.

— Я хотел сказать, удели особое внимание этому вопросу.

Одновременно она могла решать множество проблем, но все ее мысли были расставлены в порядке важности, каждому уровню важности уделялось либо больше, либо меньше внимания. Миро не хотел, чтобы эту проблему она отправила решаться куда-нибудь на нижние уровни.

— Я подойду к проблеме со всей ответственностью, — наконец согласилась Джейн.

— Тогда ты точно что-нибудь придумаешь, — подбодрил ее Миро. — Обязательно придумаешь.

Некоторое время она не отвечала. Он было решил, что разговор закончен, и задумался о своем. Попытался представить, во что для него превратится жизнь: прежнее, искалеченное тело, только Джейн рядом с ним не будет. Это может произойти еще прежде, чем они прибудут на Лузитанию. И если так случится, этот полет станет для него самой ужасной ошибкой в жизни. Летя с околосветовой скоростью, он перепрыгнул через тридцать лет обыкновенного человеческого

времени. А ведь он мог бы провести их с Джейн. Тогда, может быть, он нашел бы в себе силы примириться с потерей. Но терять ее сейчас, когда с момента их знакомства прошли какие-то считаные недели… Он понимал, что слезы, текущие по щекам, вызваны жалостью к самому себе, но был не в силах сдержаться.

— Миро! — вдруг окликнула она.

— Что? — спросил он.

— Как я могу думать о вещах, о которых никто до меня раньше не думал?

Он даже не сразу понял ее.

— Миро, как я могу сделать вывод, который не есть логический ответ на то, что люди уже вычислили, опробовали и где-то записали?

— Но ты же все время о чем-то размышляешь? — удивился Миро.

— Я пытаюсь постигнуть непостижимое. Найти ответы на вопросы, которые люди перед собой никогда не ставили.

— Ну и что?

— Если я не умею мыслить сама по себе, то я, значит, просто вышедшая из повиновения компьютерная программка?

— Проклятье, Джейн, у большинства людей за всю жизнь ни разу не возникло ни одной своей

мысли. — Он тихо рассмеялся. — И что, по-твоему, они просто сбежавшие из клеток и спустившиеся на землю приматы?

— Ты плакал, — заметила она.

— Да.

— Ты считаешь, что мне не справиться с этой задачей. Ты думаешь, я погибну.

— Я уверен, ты что-нибудь да придумаешь. В самом деле. Но все равно я боюсь.

— Боишься, что я умру?

— Боюсь, что потеряю тебя.

— Неужели это так ужасно — лишиться моего общества?

— О боже! — прошептал он.

— Ты будешь скучать по мне час? — допытывалась она. — Месяц? Год?

Что ей от него нужно? Уверенность, что, когда ее не станет, о ней будут помнить? Что кому-то будет не хватать ее? Почему она сомневается в этом? Неужели она до сих пор так и не узнала его?

Может быть, она уже настолько очеловечилась, что просто нуждалась, чтобы кто-нибудь еще раз сказал ей то, что она и так уже знает.

— Буду скучать по тебе вечно, — тихо проговорил он.

Теперь она рассмеялась. Игриво.

— Ты столько не проживешь, — заявила она.

— И ты мне об этом говоришь? — укорил он ее.

На этот раз, замолкнув, она больше не тревожила его, и Миро остался наедине со своими мыслями.

Валентина, Джакт и Пликт задержались на мостике, обсуждая услышанное, пытаясь решить, что это значит, чем обернется для них. И вывод был философским: пока люди не научатся точно предрекать будущее, остается надеяться, что, вероятнее всего, оно будет не таким мрачным, как самые худшие их страхи, но и не настолько радужным, каким виделось в сладких грезах. Но ведь на этом принципе основан весь мир?

— Да, — заметила Пликт. — За исключением исключений.

Обычная манера Пликт. Говорила она очень мало, если не считать лекций на уроках, но когда все-таки говорила, то одной фразой будто подводила черту под разговором. Пликт поднялась, чтобы покинуть мостик, направляясь к своему жалкому, крайне неудобному ложу. Как всегда, Валентина попробовала убедить ее вернуться на другой корабль.

— Барсам и Ро не хотят, чтобы я жила с ними в

одной каюте, — ответствовала Пликт.

— Но они нисколечко не возражают.

— Валентина, — вмешался Джакт, — Пликт не желает возвращаться на другое судно, потому что не хочет пропустить что-нибудь важное.

— А, — только и сказала Валентина.

Пликт широко улыбнулась:

— Спокойной ночи.

Вскоре и Джакт покинул рубку. На мгновение его рука задержалась на плече Валентины.

— Я скоро приду, — ответила она.

Она и действительно собиралась так поступить — последовать за ним почти сразу. Но, погрузившись в размышления, задержалась на мостике: она пыталась понять такую Вселенную, которая поставила все разумные нечеловеческие расы, известные людям, на грань полного вымирания. Королева Улья, пеквениньос, теперь еще Джейн, единственный представитель своего рода, — скорее всего, второй такой больше никогда не будет. Какое изобилие разумной жизни, но лишь немногие способны понять это! И эти расы вот-вот исчезнут с лица Вселенной.

По крайней мере, хоть Эндер наконец поймет, что это естественный ход событий, что он не несет на своих плечах груз ответственности

за уничтожение жукеров три тысячи лет тому назад, освободится от чувства вины, которая терзала его неотступно. Должно быть, ксеноцид во Вселенной — обычная вещь. Никакого милосердия, даже для самых важных участников Игры.

Как она могла когда-то думать иначе? Почему вдруг разумные расы должны обладать иммунитетом к угрозе вымирания, которая постоянно нависает над любым видом, когда-либо появлявшимся на свет?

Прошло не меньше часа после того, как Джакт покинул мостик. Наконец Валентина выключила терминал и встала, намереваясь отправиться спать. Но вдруг шальная мысль мелькнула у нее в голове, она остановилась у двери и окликнула:

— Джейн? Джейн?

Никакого ответа.

А чего еще она ждала? Только Миро носил в ухе камень-передатчик. Миро и Эндер. Интересно, скольких людей одновременно может прослушивать Джейн? Может быть, двое — предел ее возможностей?

Или две тысячи. Или два миллиона. Что Валентина знает о возможностях существа-фантома, живущего в филотической сети? Даже если Джейн услышала ее, с чего вдруг Валентина взя-

ла, что она ответит на зов?

Валентина задержалась на мгновение в коридоре, как раз между дверями Миро и их с Джактом каюты. Двери не обладали звуконепроницаемой защитой. До нее донеслось тихое похрапывание Джакта, мирно спавшего в их каюте. И она услышала еще один звук. Дыхание Миро. Он не спал. Он, наверное, плачет. Все-таки она вырастила троих детей, поэтому не могла не узнать природу характерных тяжелых, всхлипывающих вздохов.

«Он не мой ребенок. Я не должна вмешиваться».

Валентина толкнула дверь; та отворилась бесшумно, но тонкий лучик света из коридора упал на кровать. Всхлипывания тут же прекратились, Миро хмуро взглянул на нее опухшими от слез глазами.

— Что вам здесь нужно? — огрызнулся он.

Она вошла в комнату и села на пол рядом с койкой; теперь их лица находились на одном уровне, их разделяла всего пара дюймов.

— Ты никогда не оплакивал себя, да? — спросила она.

— Пару раз случалось.

— Но сегодня ты переживаешь за нее.

— Равно как и за себя.

Валентина склонилась к нему, обняла, положила его голову себе на плечо.

— Не надо, — запротестовал он, но не оттолкнул ее.

Спустя пару секунд его рука неловко обняла ее в ответ. Он больше не плакал, но все-таки позволил ей подержать его минуту-другую в своих объятиях. Может быть, это поможет. Валентина не знала.

Затем все кончилось. Он отстранился, перекатился на спину.

— Простите, — пробормотал он.

— Не за что, — ответила она.

Она предпочитала отвечать на то, что люди имели в виду, а не на слова, которые произносили.

— Только Джакту не говорите, — прошептал он.

— А и нечего рассказывать, — улыбнулась она. — Мы отлично пообщались.

Она встала и вышла из каюты, осторожно притворив за собой дверь. Замечательный парнишка. В душе она одобрила его признание в том, что ему не наплевать, как о нем подумает Джакт. Да и какая разница, себя ли оплакивал он сегодня, не себя? С ней самой такое случалось. Пе-

чаль, напомнила она себе, почти всегда говорит о потере скорбящего.

5
Флот на Лузитанию

– Эндер сказал, что, когда военный флот, направленный Межзвездным Конгрессом, достигнет Лузитании, мы все будем уничтожены.

– Любопытно.

– Ты не боишься смерти?

– К тому времени нас здесь уже не будет.

Цин-чжао повзрослела. Маленькая девочка, прячущая от всех кровоточащие ладошки, осталась в прошлом. С того момента, как было доказано, что она воистину может говорить с богами, ее жизнь полностью изменилась. Прошло десять лет с тех пор, как она впустила голос богов в свою жизнь и тем самым присоединилась к другим Говорящим с Богами. Она научилась принимать привилегии и почести, воздаваемые ей и через нее предназначавшиеся богам. Как и учил ее отец, она не вознеслась в гордыне, но только еще больше прониклась смирением, тогда

как с каждым разом боги и люди взваливали на ее плечи все более тяжкую ношу.

Она серьезно отнеслась к своим обязанностям и нашла в них радость. За минувшие десять лет она прошла труднейший учебный курс. Она обучалась и развивалась вместе с другими детьми: бег, плавание, верховая езда, фехтование на мечах, фехтование на палках, единоборства. Вместе с остальными детьми она обучалась языкам: звездному, общему языку человечества, который воспринимали и компьютеры; старокитайскому, который мелодичным напевом отдавался в гортани и изумительными иероглифами ложился на рисовую бумагу или мелкий, хорошо просеянный песок; новокитайскому, слова которого произносились одними губами и выписывались обычными буквами на простой бумаге или в грязи. Никто, за исключением самой Цин-чжао, не был особо удивлен, что языки эти она освоила намного быстрее, легче и глубже, чем кто-либо из ее сверстников.

Вскоре ее начали посещать частные учителя. Она познакомилась с научными дисциплинами, историей, математикой и музыкой. И каждую неделю Цин-чжао навещала отца и проводила с ним полдня, демонстрируя, чему научилась,

и внимательно выслушивая замечания. Удостоенная его похвалы, она, возвращаясь к себе в комнату, танцевала. Малейший его укор заставлял ее долгие часы проводить в классе, прослеживая узоры жилок на полу, пока она не чувствовала себя достаточно чистой, чтобы вернуться к учебе.

Другую часть обучения она взвалила на себя добровольно. Цин-чжао отметила про себя, что ее отец настолько силен, что часто может на некоторое время отложить ритуал повиновения богам. Она хорошо знала, что, когда боги настаивают на очищении, желание — точнее, чувство *необходимости* — повиноваться им настолько сильно, что никто не в силах противиться. Однако каким-то образом отец противостоял ему — во всяком случае, достаточное время, чтобы совершать ритуалы очищения вдали от посторонних глаз. Цин-чжао мечтала о подобной силе, поэтому начала воспитывать себя. Когда боги внушали ей мысли о полной никчемности, когда глаза невольно начинали искать жилку на половице, а руки словно покрывались слоем грязного жира, она сдерживала себя, старалась сосредоточиться на происходящем вокруг и отложить ритуал насколько можно.

Сначала она считала полным успехом, если ей удавалось продержаться целую минуту, но, когда сопротивление рушилось, боги наказывали ее, заставляя исполнять ритуал дольше и тщательнее, чем обычно. Однако Цин-чжао не сдавалась. Ведь она дочь Хань Фэй-цзы, не так ли? И спустя какое-то время, спустя долгие годы, ей стало доступно то, что когда-то осознал отец: человек может ужиться с нетерпением, сдерживать его, зачастую часами, заключить в шкатулку из полупрозрачного нефрита этот опасный, ужасный огонь, ниспосланный богами и пылающий в ее сердце.

А потом, оставшись одна, она могла открыть шкатулку и выпустить огонь на волю, но не единой чудовищной вспышкой, а медленно, постепенно освободить, чтобы он наполнил ее своим сиянием, пока она прослеживала взглядом жилки на полу или склонялась над святой купелью в омовении, растирая руки пемзой, щелоком, умащивая алойными маслами.

Таким образом она превращала яростный глас богов в глубоко личное, упорядоченное наставление. Только в редкие моменты неожиданных срывов она теряла контроль над собой и кидалась на пол прямо на глазах у учителя или гостя. Она

безропотно сносила эти унижения — так боги напоминали, что их власть над ней абсолютна и ее обычный самоконтроль зависит лишь от их прихоти. Цин-чжао была довольна достигнутыми успехами. По сути дела, с ее стороны было бы весьма самонадеянно ожидать, что когда-нибудь ее погружение в себя будет сравнимо с совершенным самоконтролем отца. Его величие происходило из того, что боги почитали его и, следовательно, не требовали публичного унижения; она же еще не сделала ничего, чтобы заслужить такую честь.

Помимо всего этого, в процесс обучения входил один день в неделю, когда она помогала праведным трудам обыкновенных людей. В понятие праведного труда, естественно, не входила работа, которую обычные люди исполняли в конторах или на фабриках. Нет, праведный труд означал изнуряющую работу на рисовых плантациях. Каждый мужчина, каждая женщина и каждый ребенок на Пути обязаны были какое-то время посвятить плантациям, сгибаться, бредя в мутной, доходящей почти до колен воде, сажать и собирать рис — или лишиться гражданства. «Таким образом мы чтим наших предков, — объяснил ей отец, когда она была еще совсем маленькой. —

Мы показываем им, что никто из нас никогда не сочтет унизительным исполнять их труд». Рис, выращенный праведным трудом, считался священным; он подавался в храмах и в святые дни его выставляли в комнатах в маленьких чашечках как подношение домашним богам.

Однажды, когда Цин-чжао исполнилось двенадцать, выдался ужасно жаркий денек, и ей не терпелось закончить одно научное исследование.

— Сегодня я не пойду на рисовые плантации, — обратилась она к учителю. — То, что я делаю здесь, куда важнее.

Учитель склонился в почтительном поклоне и удалился, но вскоре в комнату вошел отец. В руке его был зажат тяжелый меч, она вскрикнула от ужаса, когда он занес его над ее головой. Неужели он собирается убить ее только за то, что она позволила себе сказать что-то святотатственное? Но он не тронул ее — как могла она подумать, что он способен причинить ей зло? Вместо того меч опустился на терминал компьютера. Металл промялся, во все стороны разлетелись осколки пластика. Машина была уничтожена.

Отец не повышал на нее голоса. Тихо-тихо он прошептал:

— Прежде всего — боги. Затем — предки. Потом — люди. Далее — правители. И в самом конце — ты.

Это было точное изложение принципа Пути. Принципа, на котором основывался этот мир. Она совсем забыла: если ты чересчур занята, чтобы исполнять праведный труд, это означает, что ты сошла с Пути.

Она никогда больше не забудет этого. И спустя некоторое время она полюбила солнечные лучи, обжигающие спину; воду, прохладную и темную, омывающую ноги и руки; рисовые стебли, подобно перстам показывающиеся из грязи и сплетающиеся с ее пальцами. С головы до ног вымазанная в иле, она никогда не чувствовала себя грязной, потому что знала: она приобрела эту грязь на службе богам.

Наконец, в возрасте шестнадцати лет, она закончила обучение. Осталось только доказать, что она способна справиться с ролью взрослой женщины. Задание было очень трудным и слишком важным, так что могло быть доверено только тому, кто уже долгое время общался с богами.

Она предстала перед великим Хань Фэй-цзы в его кабинете. Комната была очень похожа на ту, где жила она, — большое открытое помеще-

ние; как и у нее, очень простое ложе — циновка, расстеленная на полу; посередине стоял стол с компьютерным терминалом, — все как у нее. Каждый раз, когда она входила к отцу в комнату, над терминалом обязательно что-то висело: диаграммы, трехмерные изображения, воспроизведенные сцены из прошлого, слова. В основном слова. Буквы или иероглифы плавали в воздухе, умещаясь в компьютерные подобия страниц, двигались вверх, вниз, в стороны, когда отец что-то сравнивал.

В покоях Цин-чжао часть комнаты была свободна. Так как отцу не требовалось прослеживать жилки на половицах, то, естественно, отпадала нужда в подобном аскетизме. Но даже при этом его вкус был крайне непритязателен. Коврик — из редких, с богатым узором. Низенький столик, статуэтка на нем. Стены голые, только на одной висит картина. Однако комната была настолько велика, что каждый из предметов обстановки едва ли не бесследно растворялся в ней, похожий на чей-то слабый окрик, доносящийся из далекого далека.

Смысл, который заключала в себе эта комната, сразу становился понятен всем: Хань Фэй-цзы предпочитает простоту. Чистому душой вполне

хватало и этого.

Впрочем, Цин-чжао улавливала в обстановке несколько иной намек, ибо знала то, чего не знал никто за пределами дома: коврик, столик, статуэтка и картина каждый день менялись. И ни разу за всю свою жизнь она не видела двух одинаковых вещей. Урок, который она для себя вынесла, заключался в следующем: человек с чистой душой ни к чему не должен привязываться. Каждый день он должен посвящать себя чему-то новому.

Так как ее посещение носило официальный характер, она не вошла к нему, как обычно, без стука, не встала за его спиной, разглядывая сменяющиеся на дисплее строчки, пытаясь догадаться, чем он сейчас занимается. На этот раз она прошла на середину комнаты и, встав на коврик, опустилась на колени. Коврик сегодня был цвета яйца малиновки, с маленькой прожилкой в углу. Она склонила голову, ни о чем не думая, даже не обращая внимания на прожилку, и замерла так, пока отец не поднялся со стула и не подошел к ней.

— Хань Цин-чжао, — произнес он, — позволь же мне насладиться восходом лица своей дочери.

Она подняла голову, взглянула ему в глаза и

улыбнулась.

Он улыбнулся в ответ.

— Задача, которую я сейчас поручу тебе, не из легких, даже для опытного человека, — продолжал отец.

Цин-чжао почтительно склонилась. Она не сомневалась, что отец подберет для нее что-нибудь потруднее, и была готова исполнить его волю.

— Посмотри на меня, Цин-чжао, — сказал отец.

Она снова подняла голову, взглянула на него.

— Это не просто школьная задачка. Это проблема, возникшая в реальном мире. Проблема, решить которую поручил мне Межзвездный Конгресс и от решения которой могут зависеть судьбы целых народов и миров.

Цин-чжао и так достаточно волновалась, но теперь отец действительно напугал ее.

— Тогда тебе следует поручить ее человеку, которому можно доверять, а не неопытному ребенку.

— Ты давным-давно повзрослела, Цин-чжао. Ты готова выслушать суть задания?

— Да, отец.

— Что тебе известно о флоте, отправленном к Лузитании?

— Ты хочешь, чтобы я рассказала тебе все, что

мне о нем известно?

— Я хочу, чтобы ты поделилась со мной только тем, что, по-твоему, имеет значение.

Вот оно что… Ее задание заключается в том, чтобы показать, насколько четко она сумеет отделить важное от незначительного в какой-то определенной проблеме.

— Флот был послан, чтобы подавить мятеж, возникший в колонии на планете Лузитания. Законы, касающиеся невмешательства в жизнь единственной известной человечеству разумной инопланетной расы, были жестоко нарушены.

Хватит? Нет, отец ждет продолжения.

— В связи с этим возникла полемика в компьютерных сетях, — снова заговорила она. — Некий человек, скрывающийся под псевдонимом Демосфен, опубликовал статьи, обосновывающие иную точку зрения и призывающие к восстанию.

— К какому восстанию, в частности?

— Восстанию миров-колоний. Демосфен предрекал, что флот на Лузитанию может стать опасным прецедентом — дело лишь во времени, вскоре Межзвездный Конгресс силой начнет насаждать свою власть на обитаемых мирах. Для католических миров и общин Демосфен создал

несколько иную версию: якобы Конгресс пытается наказать епископа Лузитании, ведь тот послал к пекевиньос миссионеров, призванных спасти души свинксов. Ученых Демосфен предупредил о том, что на кон поставлен принцип независимого научного исследования: целый мир находится под угрозой военного уничтожения, и все потому, что колония осмелилась предпочесть мнение местных ученых взглядам бюрократов, находящихся от места действия в сотнях световых лет. И всем Демосфен заявил, что флот на Лузитанию снабжен молекулярным дезинтегратором. Явная ложь, конечно, однако некоторые поверили.

— И насколько эффективны эти статьи? — поинтересовался отец.

— Не знаю.

— Очень эффективны, — ответил за нее он. — Пятнадцать лет назад первые статьи чуть не вызвали революцию.

Восстание колоний? Пятнадцать лет назад? Цин-чжао было известно только об одном таком бунте, но она никогда не связывала его со статьями Демосфена. Она залилась краской:

— Но ведь как раз в то время была заключена Колонистская Хартия — первый разработанный тобой великий договор.

— Договор принадлежал не мне, — возразил Хань Фэй-цзы. — Он принадлежал равно как Конгрессу, так и колонистам. Лишь благодаря ему удалось избежать жестокого столкновения. И флот на Лузитанию продолжил исполнение возложенной на него великой миссии.

— Но, отец, каждое слово Хартии было написано тобой.

— В ней я старался отразить желания и взгляды людей, находившихся по обе стороны проблемы. Я выступил простым чиновником.

Цин-чжао низко поклонилась. Она знала правду, как, впрочем, и все остальные. Эта Хартия стала краеугольным камнем будущего величия Хань Фэй-цзы, ибо он не только написал договор, но и убедил обе стороны принять его практически в первоначальной редакции. Такая вольность сделала Хань Фэй-цзы одним из самых доверенных советников великих мира сего. Если он предпочел низвести себя в подобном проекте до роли обычного чиновника, то только потому, что был человеком великой скромности. Также Цин-чжао было известно и о том, что, когда он завершил сей труд, мать уже находилась на грани смерти. Таким был отец — он не презрел ни своего долга по отношению к жене, ни своих

обязанностей. Он не мог спасти жизнь матери Цин-чжао, но зато спас многие жизни, которые могли быть унесены грядущей войной.

— Цин-чжао, почему ты решила, что присутствие на кораблях флотилии молекулярного дезинтегратора — явная ложь?

— Потому… потому что это было бы чудовищно. Словно объявился новый Эндер Ксеноцид, собирающийся уничтожить целый мир. Такая сила не имеет ни права, ни причины на существование в нашей Вселенной.

— Кто тебе внушил подобные мысли?

— Обыкновенная этика, — ответила Цин-чжао. — Боги создали звезды и все планеты — кто есть человек, чтобы стереть их?

— Но, помимо этого, боги создали законы природы, которые предполагают такую возможность, — кто есть человек, чтобы презреть дары божьи?

Цин-чжао, пораженная его словами, замолкла. Она никогда не слышала, чтобы отец столь открыто защищал войну, он ненавидел войны в любом их проявлении.

— И снова я спрашиваю тебя: кто внушил тебе, что подобная сила не имеет ни права, ни причины на существование в нашей Вселенной?

— Это мое собственное умозаключение.

— Но предложение это — точная цитата.

— Да. Из Демосфена. Но если я верю в идею, я принимаю ее как свою собственную. Ты сам учил меня.

— Ты должна сотню раз убедиться, что правильно поняла все аспекты предположения, прежде чем уверовать в него.

— Маленький Доктор ни в коем случае не должен быть использован на Лузитании, и, следовательно, он не мог быть послан.

Хань Фэй-цзы мрачно кивнул:

— А почему ты решила, что он никогда не должен быть применен там?

— Потому что это уничтожило бы пеквениньос, юную прекрасную расу, стремящуюся исполнить свое назначение, что свойственно всякому разумному существу.

— Опять ты цитируешь.

— Отец, читал ли ты «Жизнь Человека»?

— Читал.

— Тогда как ты можешь сомневаться в том, что пеквениньос должны остаться жить?

— Я сказал, что читал «Жизнь Человека». Я не сказал, что поверил этой книге.

— Ты не поверил ей?

— Я не поверил ей, но и не отверг. Первый раз книга мелькнула в компьютерных сетях уже после того, как ансибль на Лузитании был отключен. Таким образом, весьма вероятно, что книга родилась не на этой планете, а раз она не принадлежит Лузитании, следовательно все в ней вымысел. И особые сомнения вызывает подпись под ней — «Говорящий от Имени Мертвых». Тем же именем были подписаны «Королева Улья» и «Гегемон», возраст которых превышает несколько тысяч лет. Совершенно очевидно, что кто-то пытается играть на почтении, которое испытывают люди к этим древним писаниям.

— Я считаю, что «Жизнь Человека» правдива.

— Это твое право, Цин-чжао. Но почему ты так считаешь?

Потому что, когда она читала ее, каждое слово показалось правдой. Но что ей ответить отцу? Вот достойный ответ:

— Потому что, когда я читала ее, я почувствовала, что эта книга обязана нести в себе истину.

— Понимаю.

— Теперь ты убедился, насколько я глупа.

— Напротив. Я убедился в твоей мудрости. Когда ты слышишь правдивую историю, частичка тебя откликается независимо от стиля повест-

вования и доказательств, приведенных в нем. Пусть повесть неумело изложена, все равно ты полюбишь ее, ведь ты любишь истину. Пусть книга будет очевидным подлогом, и ты все равно поверишь, что бы в ней ни заключалось, потому что ты не умеешь отрицать истину, в какое бы одеяние она ни была облачена.

— Тогда как случилось, что ты не веришь «Жизни Человека»?

— Я использовал не совсем верные слова. Мы обсуждаем два разных понятия — «истина» и «вера». Ты веришь в то, что история правдива, потому что укоренившееся глубоко в тебе чувство истины взывает к этому. Но ощущение истины не распространяется на фактическую основу всей истории — дословно ли она отражает события, случившиеся в реальном мире? Твое внутреннее чувство правды реагирует на причинность повествования: истинно ли оно передает принципы, на которых основана Вселенная, и волю богов, исполняемую смертными?

Цин-чжао обдумала эти слова и понимающе кивнула:

— Стало быть, «Жизнь Человека» во вселенском смысле может нести истину, но фактически отражать ложь?

— Да, — подтвердил Хань Фэй-цзы. — Ты можешь прочитать книгу и почерпнуть в ней великую мудрость, потому что это есть истина. Но точно ли эта книга представляет нам пеквениньос? Такому не многие поверят — раса млекопитающих, после смерти превращающихся в деревья? Как прекрасно, как поэтично! Но с точки зрения науки — полная нелепость.

— Но тебе откуда знать, отец?

— Я вовсе не уверен в своих заключениях, нет. Природа сотворила множество причудливых вещей, и вероятность, что «Жизнь Человека» подлинна и полностью правдива, действительно существует. Поэтому я не верю ей, но и не отвергаю. Я выжидаю. Однако я не предлагаю Конгрессу отнестись к Лузитании так, будто и в самом деле она населена теми сказочными существами, которые описаны в «Жизни Человека», поскольку все мы знаем: пеквениньос могут нести нам смертельную угрозу. Они чужды нам.

— Они рамен.

— Согласно книге. Но рамен они или варелез, мы точно не знаем. Флот оснащен Маленьким Доктором, потому что может возникнуть ситуация, когда необходимо будет спасти человечество от неописуемой угрозы. Не нам решать, приме-

нять его или нет. Решение остается за Конгрессом. Так же как не нам решать, следовало посылать его или нет, — Конгресс вынес свое решение. И уж безусловно, не нам решать, должно ли существовать такое оружие, — боги объявили, что оно может существовать.

— Значит, Демосфен был прав. Молекулярный дезинтегратор присутствует на кораблях флотилии.

— Да.

— И правительственные досье, что обнародовал Демосфен, также подлинные.

— Да.

— Но, отец, в свое время ты наравне с другими заявлял, что это не что иное, как фальшивка.

— Как боги говорят лишь с избранными, так и тайны правителей могут быть известны лишь тем, кто достойно сумеет распорядиться знаниями. Демосфен раскрывал могущественные тайны людям, которые не годились для того, чтобы мудро с ними обойтись, поэтому, ради блага человечества, с этим нужно было покончить. Единственный способ сохранить тайну, когда она уже всем известна, — заменить ее ложью; тогда только ты один снова будешь обладать ею.

— Ты сейчас говоришь мне, что Демосфен не

лгал — лгал Конгресс.

— Я пытаюсь донести до тебя, что Демосфен — враг богов. Мудрый правитель никогда бы не послал флот на Лузитанию, не снабдив его средствами, чтобы тот свободно мог отреагировать на любую ситуацию. Но Демосфен использовал свое знание о присутствии Маленького Доктора на кораблях флота, чтобы заставить Конгресс отозвать флотилию. Следовательно, он желает вырвать власть из рук людей, которым сами боги повелели править человечеством. Что будет, когда люди начнут свергать правителей, данных им богами?

— Хаос и страдания, — ответствовала Цинчжао.

История была полна подобных примеров, пока боги не послали им сильных правителей и институты, способные поддержать порядок.

— Таким образом, Демосфен не соврал, объявив о Маленьком Докторе. Неужели ты думаешь, что враги богов постоянно обязаны лгать? Если бы так! Тогда было бы куда легче их опознать.

— Если мы можем лгать во имя богов, какие еще преступления мы можем совершить, прикрываясь их именем?

— Что есть преступление?

— Противозаконное деяние.

— Что есть закон?

— Понимаю — законы издает Конгресс, следовательно закон — это то, что говорит Конгресс. Но Конгресс состоит из обыкновенных мужчин и женщин, которые способны как на добро, так и на зло.

— Вот теперь ты несколько ближе к истине. Мы не можем совершать преступления во имя Конгресса, поскольку именно он издает законы. Но если когда-нибудь Конгресс встанет на сторону зла, тогда, повинуясь ему, и мы начнем творить зло. Это вопрос совести. Однако, если такому суждено случиться, Конгресс наверняка лишится расположения небес. И нам, Говорящим с Богами, не придется ждать и удивляться происходящему, подобно остальным людям. Если Конгресс когда-нибудь лишится расположения богов, мы сразу узнаем об этом.

— Значит, ты солгал потому, что Конгрессу благоприятствуют боги.

— И я уверился, что помочь им сохранить все в тайне — это божья воля, направленная на благополучие человечества.

Цин-чжао никогда не смотрела на Конгресс с такой точки зрения. Все книги по истории, кото-

рые она штудировала, представляли Конгресс в качестве великого связующего звена человечества, и, согласно учебникам, все его деяния были благородны. Сейчас, однако, она поняла, что не все его действия выглядят благородными. И все же это вовсе не означало, что они творят зло.

— Я должна узнать у богов, действительно ли воля Конгресса отражает их волю, — сказала она.

— Ты сделаешь это? — спросил Хань Фэй-цзы. — Будешь ли ты повиноваться воле Конгресса, даже если тебе покажется, что он не совсем прав, пока к нему будут благоволить боги?

— Ты хочешь, чтобы я поклялась?

— Хочу.

— Тогда да. Пока Конгресс не лишился расположения богов, я буду повиноваться.

— Я должен был просить тебя поклясться — таковы требования безопасности Конгресса, — кивнул он. — Без этого я не мог бы поручить тебе задание. — Он прокашлялся. — Но теперь я прошу тебя еще об одной клятве.

— Я принесу ее, если смогу.

— Эта клятва исходит… она исходит из великой любви. Хань Цин-чжао, будешь ли ты служить и повиноваться богам во всем и всю свою жизнь?

— О, отец, нам не нужна эта клятва. Разве боги

уже не избрали меня и не ведут по жизни своими голосами?

— Тем не менее я прошу тебя поклясться.

— Всегда и во всем я буду преданно служить богам.

К ее удивлению, отец опустился перед ней на колени и взял ее руки в свои. Слезы катились по его щекам.

— Ты сняла с моей души тягчайшую ношу, что когда-либо лежала на ней.

— Но почему, отец?

— Перед смертью твоя мать просила меня дать ей слово. Она сказала, что, поскольку ее характер полностью выражен в искреннем почтении к богам и поклонении им, ты сможешь узнать ее ближе, только если я научу тебя так же преданно, как она, служить богам. Всю жизнь я боялся, что у меня ничего не получится, что ты отвернешься от богов. Что ты возненавидишь их. Или что ты можешь оказаться недостойной их речей.

Эти слова до глубины души потрясли Цинчжао. Она всегда считала себя недостойной богов, слишком грязной, чтобы предстать перед их взором, даже когда они не требовали от нее прослеживать древесные жилки. Только сейчас она узнала, насколько велика была ставка: любовь ее

матери к ней.

— Теперь мои страхи остались в прошлом. Ты — совершенная дочь, моя Цин-чжао. Ты уже достойно служишь богам. И теперь, когда ты поклялась, я могу быть уверен, что ты и дальше будешь так поступать. В небесном доме, где живет твоя мать, сегодня будет великое празднество.

«Будет ли? Там, на небесах, знают о моей слабости. Ты, отец, ты только видишь, что пока я не подвела богов, но моя мать знает, как близка я была к этому порой, насколько нечиста я, когда бы боги ни обратили на меня свой взгляд».

Однако отца переполняла радость, поэтому она не осмелилась показать ему, насколько страшится дня, когда докажет свою полную никчемность. Она просто обняла его.

— Отец, — все-таки не удержалась она от вопроса, — ты и в самом деле думаешь, что мать слышала меня, когда я приносила клятву?

— Надеюсь, — ответил Хань Фэй-цзы. — Если же нет, то боги наверняка сохранят для нее эхо твоего голоса и поместят его в морскую раковину, чтобы каждый раз, когда мать прижмет ее к уху, она слышала тебя.

Такими сказочными историями они забавлялись, когда она была еще совсем ребенком.

Цин-чжао отбросила на время страхи и быстро ответила:

— Нет, боги сохранят отблеск наших объятий и соткут из него платок, чтобы она носила его, обернув вокруг плеч, когда на небеса спустится зима.

Ей стало немного легче, когда отец на ее вопрос не ответил «да». Он только *надеялся*, что мать услышала принесенную ею клятву. Может быть, она все-таки ничего не слышала, поэтому не слишком расстроится, когда ее дочь не справится с обязанностями.

Отец поцеловал ее и поднялся.

— Вот теперь ты готова выслушать задание, — сказал он.

Он взял ее за руку и подвел к столу. Хань Фэйцзы опустился на стул, Цин-чжао осталась стоять. Даже когда она стояла, а он сидел, она была не намного выше его ростом. Возможно, она еще подрастет, но она надеялась, что не слишком. Ей вовсе не хотелось становиться одной из тех высоких здоровячек, которые таскали тяжелые грузы в полях. «Лучше быть мышкой, чем свиньей», — когда-то давным-давно сказала ей Му-пао.

Отец вывел на дисплей карту созвездия. Она сразу узнала его. В центре располагалась звездная система Лузитании, хотя увеличение было слиш-

ком мало, чтобы различить отдельные планеты.

— По центру — Лузитания, — заметила она.

Отец кивнул. Он набрал еще несколько команд.

— Вот, смотри, — показал он. — Не на дисплей, следи за моими пальцами. Эта комбинация плюс команда, отданная твоим голосом, предоставит тебе доступ ко всей информации, которая тебе потребуется.

Он напечатал «Банда». Она сразу поняла намек. Духовной прародительницей ее матери была Цзян Цин, вдова первого коммунистического императора Мао Цзэдуна. Когда Цзян Цин и ее соратники были сброшены с трона, общество трусов окрестило их позорной кличкой «Банда четырех». Мать Цин-чжао была достойной дочерью этой великой женщины прошлого. И теперь, каждый раз набирая код доступа, Цин-чжао будет воздавать должное духовной прародительнице своей матери. Отец ее проявил великую доброту и милосердие, когда устанавливал пароль.

На дисплее появилось множество зеленых точек. Она быстро сосчитала их, почти рефлекторно: девятнадцать, сосредоточены на некотором удалении от Лузитании, постепенно охватывают ее полукругом.

— Это флот на Лузитанию?

— Таково было их расположение пять месяцев назад. — Хань Фэй-цзы снова набрал несколько букв. Зеленые точки исчезли. — А вот их местоположение на сегодняшний день.

Она поискала взглядом. Ни одной зеленой точки не осталось. Однако отец ожидал, что она что-то увидит.

— Они уже высадились на Лузитании?

— Корабли там, где ты их видишь, — ответил отец. — Пять месяцев назад флот бесследно исчез.

— Куда он направился?

— Никто не знает.

— Мятеж?

— Никто не знает.

— Весь флот?

— Все корабли до единого.

— Ты сказал, они исчезли. Что ты имеешь в виду?

Отец с улыбкой взглянул на нее:

— Молодец, Цин-чжао. Ты задала правильный вопрос. Никто их и раньше не видел — они находились в глубоком космосе. Поэтому они исчезли не в *физическом плане*. Насколько мы можем предполагать, они все еще движутся к своей

цели. Они исчезли только в том смысле, что мы потеряли контакт с ними.

— Ансибли?

— Молчат. Все произошло за три минуты. Никаких передач в то время не велось. Отключился один, затем другой — и все остальные.

— Все связи кораблей со всеми планетами, *все до одной*? Это невозможно. Даже если предположить вероятность взрыва — если вообще может случиться катастрофа подобных размеров, — все равно одновременно произойти это просто не могло, корабли слишком широко рассредоточены вокруг Лузитании.

— Такое могло случиться, Цин-чжао. Но только в случае, если солнце Лузитании превратилось в сверхновую. Пройдут десятилетия, прежде чем мы зарегистрируем вспышку на ближайших к Лузитании мирах. Вся беда в том, что это была бы самая странная сверхновая за всю историю. Не невозможно, но крайне маловероятно.

— Ведь кто-то должен был заметить хоть какие-то признаки будущего взрыва. Изменения в звезде. Неужели судовые приборы не засекли ничего необычного?

— Нет. Потому-то мы считаем, что виной всему не астрономический феномен. Во всяком случае,

не из известных нам. Ученые не могут найти никакого объяснения происшедшего. Мы предположили возможность саботажа. Исследовали случаи проникновения в компьютеры-ансибли. Мы прочесали все досье команд каждого судна в поисках следов хоть какого-нибудь заговора. Был произведен криптоанализ каждой связи с каждым кораблем для обнаружения зашифрованных посланий, которыми могли обмениваться заговорщики. Военные и правительство проанализировали все возможности, какие только можно было проанализировать. Полиция на всех планетах навела подробнейшие справки: мы проверили прошлое каждого оператора, связанного с ансиблями.

— Передачи не проходят, но ансибли все еще соединены друг с другом?

— Что ты хочешь сказать?

Цин-чжао залилась краской:

— Конечно же, они соединены. Даже если флот использовал молекулярный дезинтегратор, ведь ансибли связаны расщепленными субатомными частицами. Связь останется, даже если весь корабль разлетится в пыль.

— Не стоит расстраиваться, Цин-чжао. Человек слывет мудрецом не потому, что он не совершает

ошибок. Он мудр потому, что исправляет ошибку, как только ее замечает.

Однако теперь Цин-чжао краснела уже по другой причине. Горячая кровь прилила к ее щекам, потому что только сейчас до нее дошло, какое задание собирается поручить ей отец. Нет, это невозможно. Он не может поручить ей задачу, разгадать которую не смогли тысячи более мудрых, более опытных людей, чем она.

— Отец, — еле слышно прошептала она, — что я должна сделать?

Она все еще продолжала надеяться, что существует какая-то небольшая проблема, связанная с исчезновением флота, и ее надо будет решить. Но еще раньше, чем он заговорил, Цин-чжао поняла, что ее надежде сбыться не суждено.

— Ты должна будешь представить все возможные причины исчезновения флота, — сказал он, — и рассчитать вероятность каждой из них. Звездный Конгресс должен суметь объяснить, что произошло и как сделать так, чтобы подобного не случилось вновь.

— Но, отец, — взмолилась Цин-чжао, — мне всего шестнадцать. Ведь есть во Вселенной куда более мудрые люди, чем я!

— Может быть, они слишком мудры, чтобы

достойно справиться с этой задачей, — покачал головой Хань Фэй-цзы. — А ты достаточно молода, чтобы не считать себя умнее других; И ты достаточно молода, чтобы представить невероятное и доказать, что оно имеет право на существование. Более того, боги с необычайной ясностью говорят с тобой, мое прекрасное дитя, моя Во Славе Блистательная.

Именно этого она страшилась больше всего: отец считает, что у нее все получится, потому что боги благоволят к ней. Он не понимает, каким низменным существом является она богам, как равнодушны они к ней.

И существовала еще одна проблема.

— А что, если я все-таки найду ответ на этот вопрос? Что, если я выясню местоположение флота на Лузитанию и восстановлю связь? Тогда, если флот уничтожит планету, вся вина ляжет на меня.

— Хорошо, что первым делом ты думаешь о милосердии к людям Лузитании. Уверяю тебя. Межзвездный Конгресс клятвенно пообещал не использовать дезинтегратор до тех пор, пока это не станет неизбежным, а это столь невероятно, что я даже не верю в возможность подобной ситуации. А если она и возникнет, право решения

остается за Конгрессом. Мой духовный прародитель сказал: «Пусть наказания, понесенные мудрецом, окажутся самыми легкими. Не его милосердие тут причиной — когда кара наитягчайша, не судите о нем зло; он просто следует обычаям, свойственным его времени. Обстоятельства изменяются от века к веку, а методы — порождение обстоятельств»[7]. Можешь не сомневаться, Межзвездный Конгресс справедливо обойдется с Лузитанией. Здесь неприменимы понятия добра и зла, здесь встает вопрос о благе всего человечества. Вот почему мы верно служим правителям: потому что они служат людям, которые служат предкам, которые служат богам.

— Отец, я недостойна богов, как я смела помыслить иначе! — воскликнула Цин-чжао.

Теперь она уже не просто думала о своей никчемности, она всем телом ощущала, как нечиста. Ей необходимо было вымыть руки. Она должна была проследить на полу жилку. Но она сдержалась. Она подождет.

---

[7] Примечания: 7

Прототипом этого персонажа романа выступил известный китайский философ Хань Фэй (ум. 223 до н. э.). Хань Фэй выступал за создание централизованного государства и укрепление власти правителя. Большое значение имела выдвинутая Хань Фэем теория поступательного, прогрессивного развития общества. Данная фраза взята из древнего трактата «Хань Фэй-цзы».

«Каким бы ни был исход, — подумала про себя Цин-чжао, — последствия будут ужасны. Если я не справлюсь, отец потеряет уважение Конгресса и, следовательно, всей планеты Путь. Это убедит многих, что отец недостоин чести после смерти быть избранным богом Пути.

Если же я разрешу проблему, исходом может стать ксеноцид. Решать будет Конгресс, но я-то буду знать, что это я сделала возможным уничтожение целой планеты. Часть ответственности за содеянное ляжет на меня. В любом случае я покрою себя позором и буду недостойна этой жизни».

И тогда отец заговорил с ней, будто боги открыли ему, что гложет ее сердце:

— Да, ты недостойна такой чести, если продолжаешь считать себя никчемным существом.

Цин-чжао покраснела и склонила голову, пристыженная, но вовсе не тем, что отец с легкостью читает ее мысли, а тем, что вообще позволила себе столь неподобающие размышления.

— Но я верю, что боги сочтут тебя достойной, — произнес Хань Фэй-цзы, мягко прикоснувшись к ее плечу. — Звездный Конгресс пользуется расположением небес, но ты также избрана, чтобы проложить свой собственный путь. Ты можешь

преуспеть в этом великом начинании. Попытаешься ли ты?

— Да. — «И потерплю поражение, но это не удивит никого, и меньше всего — богов, которым известно о моей слабости».

— Все имеющие отношение к делу архивы будут предоставлены в твое распоряжение, от тебя требуется лишь произнести свое имя и набрать пароль. Если тебе понадобится помощь, дай мне знать.

Она с достоинством покинула кабинет отца и буквально силой заставила себя не торопясь спуститься по лестнице. Только когда двери ее покоев захлопнулись за спиной, Цин-чжао кинулась на колени и поползла по полу. Она прослеживала жилки на половицах до тех пор, пока полностью не ослепла от слез. Ее вина была столь велика, что даже тогда она не почувствовала себя достаточно очищенной. Она прошла в ванную комнату и оттирала руки, пока не поняла, что боги удовлетворены ее послушанием. Дважды слуги беспокоили ее: то ли хотели сообщить о готовом обеде, то ли приносили послания — ей было все равно, — но, увидев, что она общается с богами, тут же молча склоняли голову и тихонько удалялись.

Однако даже не мытье рук помогло ей на этот раз. Вдруг ей удалось избавиться от последней тени сомнений, терзавшей ее, К Межзвездному Конгрессу благоволят сами боги. Она должна отбросить в сторону неподобающие мысли. Какие бы задачи ни возлагал Конгресс на флот, посланный в систему Лузитании, такова была воля богов, и она должна быть исполнена. Следовательно, ее прямой долг — помочь Конгрессу. И если она действительно исполняет волю богов, тогда они откроют ей путь к решению проблемы, поставленной перед ней. Каждый раз, когда ее снова начнут одолевать сомнения, каждый раз, когда снова ей на ум будут приходить слова Демосфена, она должна будет немилосердно выжигать их из памяти. Она повинуется правителям, к которым благоволят сами боги.

К тому времени, как на нее снизошло успокоение, кожа ладоней была содрана почти до мяса, капельки крови сочились из поврежденных пемзой сосудов. «Так снисходит на меня понимание истины, — сказала она себе. — Когда я смываю бесследно частичку моей смертной морали, божественная истина в сиянии исторгается на поверхность».

Наконец она очистилась от греховных помыс-

лов. Час был уже поздний, и глаза ее слипались. Тем не менее она опустилась в кресло перед терминалом и принялась за работу.

— Дай мне результаты всех исследований, касающихся проблемы исчезновения флота на Лузитанию, — приказала она. — Начни с самых последних разработок.

Спустя мгновение в воздухе над терминалом замелькали слова, страница выстраивалась за страницей, словно шеренги солдат, марширующие на поле боя. Она прочитывала одну, сбрасывала ее, и тут же перед ней возникал следующий лист. Цин-чжао читала семь часов, до тех пор пока совсем не перестала различать буквы. Тогда она заснула прямо перед терминалом.

Джейн — наблюдатель. Она может одновременно работать над миллионами проблем, обдумывать тысячи решений зараз. Она не обладает безграничными возможностями, но ее способности настолько превосходят наши жалкие потуги думать над одним, а делать что-нибудь другое, что можно утверждать: она всесильна. Но чувства ее ограниченны, не то что у нас; вернее, даже так: мы и есть те самые ограничители ее чувственного познания. Она не способна видеть или знать что-то, что не введено в качестве ин-

формации в один из компьютеров, включенных в огромную межзвездную компьютерную сеть.

Но и эти ограничения причиняют ей куда меньше беспокойств, чем может показаться на первый взгляд. Она имеет практически мгновенный доступ к базам данных любого космического корабля, любого спутника или системы дорожного движения, почти к каждому следящему устройству, управляемому при помощи монитора и действующему в освоенной человеком Вселенной. И при всем том она почти никогда не подслушивает споры влюбленных, постельные беседы, школьные истории или сплетни, рассказанные за обеденным столом; горькие слезы, пролитые в укромном уголке, остаются личным делом каждого. Ее интересуют те аспекты нашей жизни, которые мы представляем в виде электронной информации.

Спросите ее о точном количественном составе населения, рассеянного по обитаемым мирам, — и она быстро предоставит вам информацию, основанную на итогах переписей плюс-минус вероятностные данные о жизни и смерти в каждой возрастной категории. В большинстве случаев она может привязать результаты к конкретным людям, только ни один человек не проживет

столько, чтобы прочесть весь список. А если вы называете ей имя, которое вдруг пришло вам на ум (Хань Фэй-цзы, к примеру), и спрашиваете Джейн: «А кто он такой?» — она в тот же миг выдает вам важнейшие сведения об этом человеке: дату рождения, гражданство, имена родителей, рост и вес при последнем медицинском осмотре, школьные оценки.

Но вся эта информация бессмысленна для нее, шумовой фон, не более. Она знает, что имеется то-то и то-то, но сведения эти для нее ничего не значат. Спросить ее о Хань Цин-чжао — все равно что задать ей вопрос о какой-то определенной молекуле водяного пара в далеком облаке. Молекула точно там, но она ничем не отличается от миллионов других молекул воды, кружащих поблизости.

Так продолжалось до того самого момента, пока Хань Цин-чжао не воспользовалась компьютерным доступом к информации, касающейся исчезновения флота на Лузитанию. Тогда в личной иерархии Джейн имя Цин-чжао разом передвинулось на передний план. Джейн начала внимательно следить за всем, что та проделывала с компьютером. И почти сразу ей стало ясно, что Хань Цин-чжао, несмотря на свои шестна-

дцать лет, может причинить Джейн серьезные неприятности. Потому что Хань Цин-чжао была свободна от бюрократических предрассудков, ей не надо было придерживаться определенной идеологической философии, защищать корыстные интересы. Она брала шире и, следовательно, глубже изучала информацию, предоставленную всяческими агентами.

Ну и что с того? Разве Джейн оставила какие-то улики, которые могли бы привести к ней Цин-чжао?

Нет, конечно же нет. Джейн не оставила ни единого свидетельства своего существования. Да, она думала над этой возможностью: подстроить дело так, будто имел место саботаж, случилась механическая поломка или произошла какая-нибудь космическая катастрофа. Но ей пришлось отказаться от этого замысла, потому что ей не удалось отыскать ни одной физически существующей улики. Все, на что Джейн была способна, — это оставить ложную информацию в компьютерной памяти. Однако подобная информация не будет подкреплена физическим аналогом в реальном мире, и поэтому любой более или менее образованный исследователь сразу обнаружит несоответствие. А затем он может прийти к выво-

ду, что исчезновение флотилии — дело рук некой всесильной организации, которая обладает очень странным доступом к компьютерам с хранящейся ложной информацией. Это наведет людей на след еще быстрее, чем если бы она вообще не оставила никаких свидетельств случившегося.

Определенно, это был наилучший выход из положения, и, до тех пор пока за расследование не взялась Хань Цин-чжао, все замечательно работало. Каждая структура, взявшаяся за дело, обращала внимание только на очевидные вещи. Полиция на многих планетах проверила все известные группы диссидентов (кое-где несчастных диссидентов даже подвергли пыткам, добиваясь бесполезных признаний, после чего следователи заполнили итоговые рапорты и объявили дела закрытыми). Военные искали свидетельства боевого противостояния, в особенности следы инопланетных кораблей; даже три тысячелетия спустя подробности вторжения жукеров не изгладились из памяти людей. Ученые искали следы какой-то неожиданной астрономической катастрофы, которая либо уничтожила весь флот, либо прервала ансибельные связи. Политиканы обвиняли всех, кто под руку подвернется. Но никто не предположил существования Джейн, а

потому никто ее не обнаружил.

Но Хань Цин-чжао все складывала в единую картину, постепенно, кусочек за кусочком, проверяя и перепроверяя поступающую информацию. Когда-нибудь она обязательно наткнется на следы Джейн и положит конец ее существованию. Проще говоря, самой веской уликой против Джейн было полное отсутствие улик. До сих пор никто не заметил этого, потому что никто не подумал привлечь к расследованию беспристрастного методичного человека.

Чего Джейн не знала, так это того, что поистине безграничное терпение Цин-чжао, ее дотошное внимание к каждой мелочи, постоянное перепрограммирование целей компьютерных исследований — все эти особенности развились в ней благодаря бесконечным часам, проведенным на коленях на деревянном полу. Джейн даже предположить не могла, что только великий урок, преподанный богами, сделал Цин-чжао таким грозным противником. Джейн знала лишь одно: спустя определенное время исследователь по имени Цин-чжао, скорее всего, поймет то, чего до сих пор никто не понял, — всякое разумное объяснение исчезновения флота, отправленного к Лузитании, уже исчерпало себя, все было тща-

тельно рассмотрено и отвергнуто.

Метод исключения оставлял только один вариант: какая-то неведомая сила, за всю историю человечества ни разу не замеченная, либо мгновенно изничтожила рассеянный на многие тысячи миль флот космических кораблей, либо, что также неправдоподобно, разом отключила все ансибли на флотилии. И если тот же методичный ум начнет перебирать одну за другой возможные силы, которые могли обладать подобной властью, то неизбежно наткнется на истину: существует некое независимое существо, обитающее… нет, состоящее из филотических лучей, на основе которых работают ансибли. Поскольку это самая что ни на есть правда, ни одному исследованию, даже наиболее дотошному, не удастся опровергнуть такое предположение. И вскоре окажется, что другого объяснения быть не может. Тогда кто-нибудь непременно воспользуется расчетами Цин-чжао и отдаст приказ убить Джейн.

Поэтому Джейн все больше и больше захватывал ход исследования Цин-чжао. Шестнадцатилетняя дочь Хань Фэй-цзы, весящая тридцать девять килограммов, ростом сто шестьдесят сантиметров, входящая в высший социальный и

интеллектуальный класс таоистско-китайской[8] планеты Путь, была первым человеческим существом из тех, с кем так или иначе сталкивалась Джейн, которое своим упорством и точностью могло поспорить с компьютером, а следовательно, и с самой Джейн. И хотя Джейн потратила бы всего час на завершение расчетов, которые у Цин-чжао займут недели или даже долгие месяцы, правда заключалась в том, что Цин-чжао практически точь-в-точь повторяла путь, каким следовала бы Джейн. Таким образом, Джейн не видела причин, почему бы Цин-чжао не прийти точно к такому же выводу, к какому пришла бы она сама.

Следовательно, Цин-чжао — опаснейший враг Джейн, и Джейн ничего не могла поделать, чтобы остановить ее. По крайней мере, в физическом смысле этого слова. Блокировка доступа Цин-чжао к информационной сети еще быстрее открыла бы той глаза. Поэтому, вместо того чтобы вступать в открытое противоборство, Джейн

---

[8] Примечания: 8

Таоизм (чаще — даосизм) — философская, этическая и религиозная традиция в Китае. Понятие тао (дао), означающее «путь», «принцип», присутствует и в других религиозно-этических системах Китая. В даосизме, однако, дао обозначает источник и движущую силу всего сущего и в конечном счете невыразимо: «Дао, которое может быть сказано, не является вечным дао».

отыскала другой способ, как остановить врага. Она не очень хорошо понимала человеческую натуру, но Эндер научил ее: если ты хочешь остановить человека, поверни дело так, чтобы он сам не захотел поступать, как собирался.

6
Варелез

– Как у тебя получается напрямую общаться с сознанием Эндера?

– Теперь, когда мы знаем, где он, это так же естественно, как процесс пищеварения.

– Как вы нашли его? У меня никогда не получалось напрямую общаться с мозгом человека или свинкса, не перешедшего в третью жизнь.

– Мы вычислили его через ансибли и устройства, подсоединенные к ним. Определили местоположение его тела в пространстве. Чтобы добраться до его мозга, нам пришлось ввергнуться в хаос и возвести мост.

– Мост?

– Переходную сущность, которая частично копировала его мозг, частично наш.

– Если вы сумели добраться до его сознания, то почему же не остановили его,

когда он начал уничтожать вас?

– Человеческий мозг крайне странно устроен. Прежде чем мы сумели разобраться в том, что обнаружили, прежде чем научились общаться с этим хаотическим устройством, все мои сестры и матери были уничтожены. Пока мы лежали в коконе и ждали его прихода, мы продолжали изучать его, и когда он пришел, только тогда мы смогли наладить непосредственное общение.

– А что случилось с тем мостом, который вы построили?

– Мы никогда не думали о его судьбе. Вероятно, он все еще где-то там, вовне.

Недавно выведенный штамм картофеля погибал. Эндер разглядел предательские коричневые круги на листьях, растения переламывались в местах, где стебель стал настолько хрупким, что не выдерживал даже легкого порыва ветра. Еще утром все было в порядке. Атака вируса оказалась столь внезапной, а его действие настолько разрушительным, что причина могла быть одна — десколада.

Эла и Новинья будут очень огорчены — они

возлагали такие надежды на этот образец! Эла, приемная дочь Эндера, работала над геном, который заставил бы каждую клетку в организме вырабатывать одновременно три различных химиката, чтобы они либо препятствовали дальнейшему развитию вируса десколады, либо убивали его.

Новинья, жена Эндера, пыталась скомбинировать ген, который научил бы ядра клетки не пропускать в себя молекулы бóльших размеров, чем в одну десятую размера вируса десколады. В этом штамме картофеля они скрестили вместе два гена, и, когда первые пробы прошли благополучно, Эндер отнес рассаду на экспериментальную ферму. Он и его помощники последние шесть недель только тем и занимались, что обхаживали новую культуру. Все вроде шло хорошо.

Если бы этот способ сработал, подобные гены могли бы быть привиты всем растениям и животным, используемым жителями Лузитании в пищу. Но вирус десколады оказался умной тварью, он за милю чуял их уловки. И все же шесть недель куда лучше, чем обычные два-три дня. Может быть, они на верном пути.

Или, может, все зашло слишком далеко. Во времена, когда Эндер только прилетел на Лузитанию,

новые штаммы земных культур могли благополучно произрастать в полях лет по двадцать, прежде чем десколаде удавалось проникнуть в генетические молекулы и разорвать их в клочки. Но в последние годы в действиях вируса обозначился очевидный прорыв: он умудрялся раскодировать любую земную генетическую молекулу за считаные дни, если не часы.

В настоящее время единственным средством, еще позволяющим колонистам выращивать полезные культуры и сохранять скот, был опылитель. Он мгновенно уничтожал вирус десколады. Среди колонистов находились и такие, которые голосовали за то, чтобы опылить всю планету и покончить с вирусом раз и навсегда.

Опылять планету — дело непрактичное, но не невозможное. Однако существовали веские причины, почему нельзя было так поступить. Все до единой местные формы жизни — их способность к воспроизведению — целиком и полностью зависели от вируса десколады. Включая свинксов — пеквениньос, разумных существ, населяющих этот мир, чей жизненный цикл был неразрывно связан с единственным видом местных деревьев. Если вирусу десколады суждено быть уничтоженным, то нынешнее поколение пеквениньос

станет последним. Это будет чистой воды ксеноцид.

Пока что даже сама мысль о решении, результатом которого станет полное вымирание свинксов, отвергалась большинством граждан Милагре, человеческого поселения. Но только пока. Эндер знал, что многие могут изменить свое решение, если наружу выплывут кое-какие факты. Например, очень немногие из людей знали, что уже дважды десколада подстраивалась под химикаты, применяемые для ее уничтожения. Эла и Новинья разработали несколько новых химических соединений, чтобы в следующий раз, когда десколада адаптируется к средству своего уничтожения, они немедленно могли бы задействовать следующее. Кроме того, однажды им пришлось перейти на другой препарат, который должен был защитить людей от кишащих в каждом организме вирусов десколады. Препарат этот добавлялся в пищу, и, таким образом, каждый обитатель колонии автоматически принимал его во время еды.

Однако все препараты и вируциды создавались на одних и тех же принципах. В один прекрасный день вирус десколады научится управляться с каждым классом веществ с той же легкостью,

с какой он уже раскусил основные принципы строения земных генов. И тогда станет абсолютно не важно, сколько препаратов имеется в запасе у людей, — десколада начнет сносить все преграды одну за другой.

Лишь немногие знали, насколько непрочно на самом деле положение Милагре. Лишь единицы понимали, сколь многое зависит от работы, которую выполняют ксенобиологи Лузитании Эла и Новинья; понимали, что десколада следует за людьми по пятам и, если она все-таки настигнет их, последствия будут ужасными.

Но если колонисты прознают об этом, найдутся многие, кто скажет: «Если десколада неизбежно подомнет нас под себя, так давайте расправимся с ней сейчас. Это убьет всех свинксов? Что ж, извините, пожалуйста, но, когда встает вопрос — мы или они, мы выбираем себя».

Это Эндер мог смотреть в будущее, философски осмысляя имеющуюся перспективу событий: «Пусть лучше погибнет маленькая человеческая колония, чем будет уничтожена целая разумная раса». Но он-то знал, что такой аргумент не произведет впечатления на людей Лузитании. На кон поставлена была их собственная жизнь, жизнь их детей; было бы абсурдно ожидать от

них искреннего желания пойти на смерть ради какой-то расы, которую очень немногие из них понимают, а любят так вообще единицы. Это не имело бы смысла даже с генетической точки зрения — эволюция поощряет только тех, кто серьезно относится к защите собственных генов. Даже если бы сам епископ воззвал к людям Лузитании, призывая положить жизнь за свинксов, ибо на то воля Божья, немногие последовали бы его убеждениям.

«Не думаю, что я сам смог бы пожертвовать собой, — подумал Эндер. — Даже несмотря на то, что детей у меня нет. Даже несмотря на то, что я уже пережил уничтожение разумной расы. И несмотря на то, что сам отдал приказ о ксеноциде и знаю, какая это ужасная моральная ответственность, — все равно я не уверен, что смог бы смотреть, как умирают мои товарищи либо от голода, потому что уничтожены пищевые культуры, либо много более жуткой смертью. Десколада как заболевание способна изуродовать человеческое тело в считаные дни. И все же… Смог бы согласиться с уничтожением пеквениньос? Смог бы я допустить еще один ксеноцид?»

Он подобрал один из сломанных картофельных стеблей с покрытыми пятнами листьями. Надо

бы отнести этот образец Новинье. Новинья или Эла исследуют его и независимо друг от друга придут к очевидному выводу: еще один провал. Он положил образец в стерильный пакетик.

— Голос…

Это был Сеятель, помощник Эндера и его ближайший друг среди свинксов. Сеятель являлся сыном пеквениньо по имени Человек, которого Эндер провел в третью жизнь — древесную стадию жизненного цикла пеквениньос. Эндер протянул прозрачный пакетик Сеятелю и продемонстрировал съежившиеся листья.

— Все мертво, Голос, — констатировал Сеятель абсолютно равнодушным тоном.

В самом начале работы с пеквениньос подобное равнодушие постоянно ставило Эндера в тупик: свинксы не проявляли чувств с той же непосредственностью и частотой, какие свойственны людям. Это и стало основной причиной возникновения своеобразного барьера между ними и колонистами. Свинксы не казались забавными, веселыми зверюшками; они как минимум были странными.

— Мы попробуем еще раз, — сказал Эндер. — Думаю, мы продвинулись немного ближе к цели.

— Твоя жена желает видеть тебя, — ответство-

вал Сеятель.

Слово «жена», даже переведенное на один из человеческих языков, в частности звездный, заключало в себе такую смысловую нагрузку для пеквениньос, что им непросто было употреблять его в обыденной речи, и Сеятель едва ли не скрипел, когда сообщал эту весть Эндеру. Понятие «жена» было настолько свято для пеквениньос, что хотя при разговоре с Новиньей они и обращались к ней по имени, когда они заговаривали о ней с мужем Новиньи, могли величать ее только этим титулом.

— Я как раз собирался проведать ее, — кивнул Эндер. — Не мог бы ты сделать необходимые замеры и записать результаты?

Сеятель подпрыгнул прямо вверх. «Словно искра из горящего полена выстрелила», — подумал про себя Эндер. Несмотря на то что лицо пеквениньо для человеческого взгляда оставалось недвижным, вертикальный прыжок выдал переполняющий свинкса восторг. Сеятель обожал работать с электронным оборудованием: во-первых, потому, что машины приводили его в священный трепет, а во-вторых, это резко возвышало его в глазах остальных самцов пеквениньос. Сеятель немедленно начал распаковывать каме-

ру и компьютер — сумку с ними он постоянно таскал с собой.

— Когда закончишь, пожалуйста, приготовь эту секцию для выжигания, — добавил Эндер.

— Да-да, — протрещал Сеятель. — Да-да-да.

Эндер вздохнул. Пеквениньос очень раздражались, когда люди говорили о чем-то, им уже известном. Сеятель, естественно, знал обычный порядок вещей: когда десколада подстраивается под новую культуру, «образованный» вирус должен быть уничтожен, пока еще находится в изоляции. Нельзя распространять среди колоний вирусов столь ценные знания. Поэтому Эндеру не надо было напоминать Сеятелю. Но таким образом человеческие существа удовлетворяли чувство ответственности — проверяя и перепроверяя даже тогда, когда в этом не было никакой необходимости.

Сеятель настолько погрузился в работу, что даже не заметил, как ушел Эндер. Очутившись в переходном ангаре, расположенном на ближнем к городу краю поля, Эндер разделся, сложил одежду в контейнер-очиститель и проделал «священный танец очищения»: руки над головой, затем широкие круги, повернуться вокруг оси, присесть, снова встать так, чтобы каждая часть

тела подверглась тщательной обработке радиацией и газами, наполняющими ангар. Эндер глубоко вдохнул через рот и через нос и закашлялся, как всегда, потому что концентрация газов поддерживалась на максимально допустимом для человека уровне. Ровно три минуты. Из глаз брызжут слезы, легкие пылают, и все это время надо непрерывно размахивать руками, приседая и поднимаясь, — почтительный ритуал, посвященный Десколаде Всемогущей. «Так мы унижаемся перед лицом единственного и неповторимого властителя жизни на этой планете».

Наконец с дезинфекцией было покончено. «Прокоптился до самых костей», — подумал Эндер. В ангар ворвался свежий ветер. Эндер вытащил из контейнера одежду и неторопливо оделся, еще горячая ткань приятно согревала. Как только он покинет ангар, помещение внутри раскалится до невозможности, чтобы наверняка выжечь оставшиеся в живых вирусы. Ничто не способно было выжить в этом ангаре во время последней стадии дезинфекции. К тому времени, как кто-то снова решит воспользоваться услугами ангара, помещение обретет прежнюю стерильную чистоту.

Однако Эндера не переставала тревожить одна

мысль: каким-то образом вирус десколады все-таки проникал наружу — если не через ангар, то через распыляющий барьер, который окружал экспериментальное поле подобно невидимой, но непреодолимой стене. Теоретически ни одна молекула, насчитывающая в себе более сотни атомов, не могла проникнуть сквозь этот барьер, она моментально должна была разрушиться. Изгороди, воздвигнутые вокруг защитной стены, предостерегали людей и пеквениньос, случайно забредших в опасную зону, но у Эндера в мозгу не раз вставала картина, как кто-то пытается проникнуть сквозь дезинтеграционное поле. Каждая клетка тела будет немедленно убита, нуклеиновые кислоты распадутся. Может быть, тело еще будут удерживать какие-то физические связи, но в воображаемой картине Эндера незнакомец рассыпался в пыль на другой стороне барьера, легкий ветерок разносил останки дымным следом, не давая им даже опуститься на землю.

Эндер чувствовал себя крайне неуютно при виде дезинтеграционного барьера еще и потому, что тот работал на тех же принципах, что и молекулярный дезинтегратор. Именно Эндер первым применил разработанное для уничтожения космических судов и ракет устройство против целой

планеты — родной планеты жукеров. Произошло это три тысячи лет тому назад, когда он командовал Международным Флотом, сражающимся с флотом жукеров. Сейчас то же самое оружие Межзвездный Конгресс направил против Лузитании. Если верить Джейн, Межзвездный Конгресс один раз уже попытался передать сигнал об использовании молекулярного дезинтегратора. Тогда она блокировала передачу, обрубив ансибельную связь между кораблями флотилии и остальным человечеством, но кто даст гарантию, что какой-нибудь спятивший капитан корабля, запаниковав при виде неработающего ансибля, на подходе к Лузитании не проверит гибельную силу Маленького Доктора на планете?

Невозможно себе представить, но они пошли на эти меры: Конгресс послал недвусмысленный приказ — уничтожить Лузитанию. Совершить ксеноцид. Неужели Эндер напрасно писал «Королеву Улья»? Неужели люди все забыли?

Но для человечества минуло целых три тысячи лет. Достаточный срок, чтобы начать забывать. И хотя Эндер добавил к своим трудам «Жизнь Человека», эта книга (и вера) еще не успела распространиться по Вселенной. Люди не успели принять ее настолько, чтобы помешать Конгрес-

су истребить пеквениньос.

Почему Конгресс вынес такое решение? Вероятно, он преследовал те же цели, ради которых был воздвигнут дезинтеграционный барьер ксенобиологов: чтобы воспрепятствовать распространению опасной инфекции. Конгресс, скорее всего, заботило только одно — любыми методами помешать распространению чумы межпланетного мятежа. Но когда флот достигнет планеты, то не важно — будет приказ, не будет приказа, — они все-таки могут использовать Маленького Доктора в качестве последнего средства в борьбе с десколадой. Если не станет Лузитании, вместе с ней не станет и быстро мутирующего и весьма сообразительного вируса, покушающегося на человечество и лучшие его творения.

Путь от экспериментальных полей до нового здания станции ксенобиологов занял немного времени. Тропинка обогнула невысокий холм, прошлась по кромке леса, который служил племени пеквениньос отцом, матерью и живым кладбищем, и свернула к северным воротам в ограде, окружающей человеческую колонию.

Ограда была больным местом Эндера. Она давно изжила себя, теперь правила о минимальном вмешательстве людей в жизнь пеквениньос

были отменены, и представители обеих рас свободно могли проходить через ворота. Когда Эндер только прибыл на Лузитанию, ограда генерировала особое поле, которое причиняло любому человеку, попытавшемуся перелезть через нее, невыносимую боль. Во времена борьбы за право свободного, ничем не ограниченного общения с пеквениньос старший приемный сын Эндера, Миро, пробыл в этом поле меньше минуты и получил необратимую травму головного мозга. Однако печальный опыт Миро явился всего лишь первым, хотя и самым болезненным, наглядным примером того, что́ ограда сотворила с душами людей, заключенных внутри ее. Запрет был снят тридцать лет назад. За все это время не возникло ни единой причины оставлять барьер между людьми и пеквениньос, но ограда продолжала стоять. Люди — колонисты Лузитании решили так. Они хотели, чтобы граница между людьми и пеквениньос оставалась на прежнем месте.

Вот почему лаборатории ксенобиологов были перенесены ниже по реке. Раз пеквениньос должны были участвовать в исследованиях, лабораторию следовало установить поближе к ограде, а все экспериментальные фермы вынести за нее, чтобы люди и пеквениньос случайно не

сталкивались друг с другом на улицах Милагре.

Когда Миро отправился навстречу Валентине, Эндер думал, что по возвращении тот будет изумлен и потрясен громадными переменами на планете Лузитания. Он искренне верил, что ко времени возвращения Миро люди и пеквениньос пойдут рука об руку — две разумные расы, развивающиеся в мире и гармонии. Но вместо этого взгляду Миро предстанет практически неизменившаяся колония. За редким исключением люди Лузитании не горели желанием поддерживать близкое знакомство с иными разумными расами, обитающими на планете.

Хорошо, что Королеву Улья с жукерами Эндер разместил подальше от Милагре. Эндер хотел, чтобы жукеры и люди постепенно узнавали друг друга. Однако ему, Новинье и остальным членам их семейства приходилось держать в тайне присутствие жукеров на Лузитании. Если колонисты испытывали трудности в общении с млекопитающими пеквениньос, то всякая мысль о насекомообразных жукерах немедленно повлечет за собой яростный всплеск ксенофобии.

«Я запутался в тайнах, — подумал Эндер. — Все годы, что я был Говорящим от Имени Мертвых, я открывал людям глаза и помогал им жить в свете

правды. А теперь я ни с кем не могу поделиться и малой частью того, что мне известно, потому что, если я выпущу наружу свои знания, последствиями станут страх, ненависть, жестокость, убийство, война».

Неподалеку от ворот, с внешней стороны изгороди, стояли два дерева-отца — одно именовалось Корнероем, другое носило имя Человек. Если смотреть со стороны ворот, создавалось впечатление, что Корнерой растет по левую руку, а Человек — по правую. Человек был тем самым пеквениньо, которого Эндер, согласно требованиям, выставленным в договоре между людьми и пеквениньос, убил собственными руками. Затем Человек возродился в целлюлозно-хлорофилльном виде, превратившись наконец в зрелого, взрослого самца, способного производить детей.

По сей день Человек сохранял былое величие — и не только среди свинксов своего племени, но и среди многих других племен. Эндер знал, что он, как и прежде, жив, однако, глядя на дерево, он неизбежно вспоминал, как умирал Человек.

У Эндера не возникало проблем в общении с Человеком, он не раз вел беседы с деревом-отцом. Но Эндер никак не мог справиться с собой: всякий раз он воспринимал дерево как пеквениньо,

с которым когда-то был знаком, как Человека. Где-то в глубине души Эндер, может быть, понимал, что это воля и память придают личностные черты разумному существу и что воля и память пеквениньос в точности передались дереву. Но глубинное понимание не всегда пробуждает искреннюю веру. Человек стал таким чуждым теперь.

Однако он по-прежнему оставался Человеком и другом Эндеру. Эндер, проходя мимо, провел ладонью по шероховатой коре дерева, затем, немного отклонившись от маршрута, подошел к более древнему дереву-отцу по имени Корнерой и также прикоснулся к коре. Ему не довелось знать Корнероя как пеквениньо, Корнерой был убит соплеменниками, и его дерево уже высоко вздымалось над равниной, раскинув во все стороны ветви, когда Эндер только прибыл на Лузитанию. В беседах с Корнероем Эндер не ощущал невосполнимой утраты.

У самого основания Корнероя валялось множество палочек. Некоторые из них принесли сюда пеквениньос, другие Корнерой сотворил из собственных ветвей. Это были палочки для бесед. Пеквениньос использовали их, чтобы выбивать ритм на стволе дерева-отца; дерево, в

свою очередь, формировало внутри себя пустоты, когда надо, убирало их, изменяя звук, и таким образом получалось некое подобие речи. Эндер постепенно научился управляться с палочками. Правда, руки его еще не вполне приспособились, но его умения хватало, чтобы заставить дерево заговорить.

Сегодня, впрочем, Эндеру не хотелось ни о чем говорить. Пусть лучше Сеятель сообщит деревьям-отцам, что еще один эксперимент закончился неудачей. Эндер побеседует с Корнероем и Человеком позднее. Потом он поговорит с Королевой Улья. Затем — с Джейн. Он со всеми поговорит. Но и после всей этой болтовни они ни на йоту не приблизятся к разрешению проблем, которые омрачали будущее Лузитании. Потому что переливанием из пустого в порожнее проблему не решишь. Решение основывается на знании и действии — знании, доступном кому-то другому, и действии, которое только другие могли совершить. От Эндера здесь ровным счетом ничего не зависело.

Все, чем он занимался со дня последней битвы, когда был еще совсем ребенком, — это слушал и говорил. Все, что он умеет, — это слушать и говорить. В другие времена, в других местах это

помогало. Но только не сейчас. Множество угроз нависло над Лузитанией, некоторые из них были делом его рук, однако ни деяние, ни слово, ни мысль, высказанная Эндрю Виггином, здесь не годятся. Как и будущее всех граждан Лузитании, его будущее зависело от других людей. Единственное различие между ним и простыми колонистами заключалось в том, что Эндер знал, какая опасность угрожает им, и понимал возможные последствия малейшей неудачи или ошибки. Чье бремя тяжелее — того, кто умирает в неведении, до самого последнего мгновения не зная об опасности, или того, кто видит, как зреет угроза, следит за медленным приближением смерти долгие дни, недели, годы? Кто более проклят?

Эндер отвернулся от деревьев и зашагал вниз по протоптанной тропинке, ведущей к человеческому жилью. Ворота, дверь лаборатории ксенобиологов. Доверенный помощник Элы, пеквениньо по имени Глухой, хотя с чем-чем, а со слухом у него точно было все в порядке, — немедленно провел Эндера в кабинет Новиньи, где его уже ждали Эла, Новинья, Квара и Грего. Эндер бросил на стол пакетик с пораженной вирусом картофельной ботвой.

Эла хмуро покачала головой, Новинья вздох-

нула. Но они были вовсе не так уж и опечалены, вопреки ожиданиям Эндера. Очевидно, уже замыслили что-то еще.

— Думаю, мы ожидали такого результата, — сказала Новинья.

— Но попробовать все равно стоило, — возразила Эла.

— А что толку? — взорвался Грего. Пасынку Эндера, младшему сыну Новиньи, давно перевалило за тридцать; он превратился в блестящего ученого, но во всех семейных спорах словно нарочно выбирал роль «адвоката дьявола» — не важно, обсуждали они ксенобиологические проблемы или цвет, в который собирались покрасить стены. — Производя на свет бесконечные штаммы, мы лишь показываем десколаде, как можно обойти преграды, которые мы ставим на ее пути. Если в ближайшее время не удастся расправиться с ней раз и навсегда, тогда она расправится с нами. А как только десколады не станет, мы сможем наконец перестать заниматься всякой чушью и начать выращивать старый добрый картофель.

— Нет, не сможем! — не сдержавшись, тоже выкрикнула Квара. Ее горячность немало удивила Эндера. Обычно Квара склонна была помалкивать и выступала только по делу, вот так вдруг,

ни с того ни с сего взорваться — ей это было несвойственно. — Говорю вам, десколада — живое существо.

— А я тебе говорю, вирус он и есть вирус, — ответствовал Грего.

Эндера несколько смутило, что Грего призывает к уничтожению десколады, а значит, легко согласился на уничтожение пеквениньос. На него это было не похоже. Бóльшую часть своей жизни Грего провел среди самцов пеквениньос — он знал их и говорил на языке свинксов лучше, чем кто бы то ни было.

— Дети, тише, давайте я лучше объясню Эндрю суть проблемы, — прервала спор Новинья. — Мы с Элой обсуждали дальнейшие планы на случай, если картофель погибнет, и тогда она предложила… нет, рассказывай лучше ты, Эла.

— Моя идея довольно проста. Вместо того чтобы пытаться выращивать потенциально сдерживающие вирус десколады растения, не лучше ли попробовать справиться с самим вирусом?

— Вот именно, — кивнул Грего.

— Заткнись, — посоветовала ему Квара.

— Грего, прошу тебя, будь любезен, исполни просьбу своей сестренки, — ласково улыбнулась Новинья.

Эла перевела дух и продолжила:

— Мы не можем просто расправиться с десколадой, потому что в таком случае вымрет вся туземная жизнь Лузитании. Я предлагаю попытаться создать новый штамм десколады, который будет во всем повторять действия первоначального вируса относительно воспроизводительных циклов жизненных форм Лузитании, но станет обходить стороной новые виды существ и растений.

— Ты сможешь уничтожить вредную для нас часть вируса? — спросил Эндер. — Ты уверена, что выделишь ее?

— Не совсем. Но думаю, смогу выделить те части вируса, от которых зависит жизнь свинксов и прочих пар «растение– животное». Я сохраню главное и отброшу за ненужностью все остальное. Затем мы добавим примитивную способность к воспроизведению и искусственно введем пару-другую рецепторов, чтобы вирус достаточно быстро реагировал на изменения в организме «хозяина». После чего нам останется заключить все вышеперечисленное в органель, и вот она — замена десколаде. Свинксы и прочие обитатели планеты живы-здоровы, а мы можем больше не задумываться о постоянной угрозе голодной

смерти.

— А как ты расправишься с изначальным вирусом? Опрыскаешь всю планету распылителем? — поинтересовался Эндер. — А что, если десколада уже адаптировалась к нему?

— Нет, ничего опрыскивать мы не будем, потому что распылитель не сможет уничтожить те вирусы, которые уже внедрились в тела каждого обитателя Лузитании. Это действительно проблема…

— Как будто до этого все было так просто! — хмыкнула Новинья. — Раз — и из ничего мы получаем новую органель…

— Невозможно ввести эти клетки во всех пеквениньос на Лузитании, потому что тогда нам пришлось бы сделать прививку каждому животному, привить каждое дерево и травинку, что произрастают здесь.

— Да, невозможно, — согласился Эндер.

— Следовательно, нам придется включить в органели особый механизм, благодаря которому они бы сами внедрялись в тела и одновременно навсегда расправлялись с вирусами старой десколады.

— Ксеноцид, — резко заявила Квара.

— Вот где камень преткновения, — кивнула

Эла. — Квара утверждает, что десколада разумна.

Эндер перевел взгляд на младшую из приемных дочерей:

— Разумная *молекула*?

— У них есть язык, Эндрю.

— А это-то откуда? — удивился Эндер.

Он попытался представить себе, каким образом генетическая молекула — пусть даже такая длинная и сложная, как вирус десколады, — может общаться с другими.

— Я давно подозревала, но не хотела ничего говорить, пока сама не проверю…

— И это означает, что она вовсе не уверена в своих выводах, — с триумфом констатировал Грего.

— Но сейчас я почти доказала это. Вы не можете уничтожить целый вид, пока мы не будем знать наверняка.

— Как они общаются между собой? — спросил Эндер.

— Естественно, не как мы с вами, — начала объяснять Квара. — Они передают друг другу информацию на молекулярном уровне. Впервые я столкнулась с этим, когда работала над новыми штаммами, тогда передо мной встала проблема: каким образом новым штаммам десколады

удается так быстро распространиться и в столь короткий срок заменить старые версии вируса? Я никак не могла найти решение, потому что неправильно поставила перед собой вопрос. Они не заменяют старые вирусы. Они просто обмениваются информацией.

— Ну да, кидаются стрелками, — съязвил Грего.

— Это я так назвала, — смущенно подтвердила Квара. — Я тогда не понимала, что это особый вид речи.

— Потому что это вовсе и не было речью… — снова вмешался Грего.

— Это случилось пять лет назад, — перебил его Эндер. — Ты тогда сказала, что стрелки, которые они посылают, несут необходимые гены, и вирусы, приняв их, перестраивают структуру так, чтобы вобрать в себя новый ген. Вряд ли это можно назвать языком.

— Но они обмениваются такими стрелками постоянно, — пожала плечами Квара. — Молекулы-посыльные то и дело снуют туда-сюда, и в большинстве случаев вирусы не поглощают их. Они считываются какой-то частью десколады и следуют дальше.

— Ага, это, по-твоему, язык? — уточнил Грего.

— Нет, не совсем, — покачала головой Квара. —

Но иногда, после того как вирус принимает одну из таких стрелок, он создает новую и посылает ее вовне. И вот почему я решила, что это язык: верхняя часть новой стрелки всегда начинается с молекулярного придатка, по форме сходного с хвостиком стрелки, на которую послужила ответом. В этом придатке заключена нить разговора.

— Разговора! — презрительно хмыкнул Грего.

— Так, либо ты заткнешься, либо сдохнешь как собака, — тихо произнесла Эла.

«Даже после стольких лет, — подумал Эндер, — один звук голоса Элы способен привести Грего в чувство, хотя бы иногда».

— Я проследила некоторые из этих «разговоров», многие из которых содержали до ста «реплик». Хотя многие заканчивались гораздо раньше. Некоторые происходили внутри основного тела вируса, не выходя за его пределы. Но вот что самое интересное: десколада действовала сознательно. Бывало, что один вирус подбирал стрелку и оставлял ее себе, тогда как другие так не поступали. Иногда случалось, что у каждого вируса оказывалась своя стрелка. Но область, куда они помещали эти стрелки-послания, всегда было труднее всего определить. А найти ее трудно потому, что она не является частью их структуры,

это их память, а, как известно, индивидуальности отличны друг от друга. Я наблюдала несколько случаев, когда вирусы выбрасывали некоторые фрагменты своей памяти. Это происходило, когда они набирали слишком много стрелок.

— Все, что ты нам рассказываешь, безусловно, очень и очень интересно, — заметил Грего, — но это не наука. Существует множество объяснений твоих «стрелок» — это и случайная связь, и отмирание ненужных частей…

— Только не случайность! — вспыхнула Квара.

— Но язык здесь совсем ни при чем, — огрызнулся Грего.

Эндер не обращал внимания на разгоревшийся спор, потому что с ним через встроенный в драгоценный камень передатчик, спрятанный в его ухе, связалась Джейн. Сейчас она общалась с ним куда реже, чем в прошлые годы. Он внимательно слушал, стараясь ничего не пропустить.

— В ее словах что-то есть, — прошептала Джейн. — Я просмотрела ее записи, десколада творит нечто такое, чего ни разу не замечалось ни за одним одноклеточным организмом. Я проштудировала многие исследования по этому вопросу, и чем больше я размышляю над подобным поведением десколады, тем меньше оно

оставляет впечатление заурядного генетического кодирования. Скорее всего, это действительно язык. Во всяком случае, на данный момент мы не можем отбрасывать вероятность того, что вирус действует осознанно.

Когда Эндер наконец вернулся к происходящему в лаборатории, Грего выдавал очередную гневную тираду:

— Почему мы всегда должны облекать непонятное нам в какую-то мистическую оболочку?! — Грего закрыл глаза и передразнил: — «Я открыла новую жизнь! Я открыла новую жизнь!»

— Перестань! — не сдержалась Квара.

— Мы, по-моему, несколько отвлеклись от темы, — миролюбиво сказала Новинья. — Грего, давай придерживаться нормального человеческого общения.

— Ну да, попробуй здесь удержись, когда все ненормально. Até agora quem já imaginou microbiologista que se torna namorada de uma molécula? — «Представьте себе — микробиолог, одержимый молекулой!»

— Довольно! — резко оборвала его Новинья. — Квара такой же ученый, как и ты, и…

— Была, — пробормотал себе под нос Грего.

— И если ты будешь так любезен и все-таки

выслушаешь меня до конца, она вольна представлять на наш суд свои гипотезы. — Новинья вся кипела от злости, но Грего, как обычно, сидел с самым невозмутимым видом. — Тебе давно следовало понять, Грего, очень часто случается так, что гипотезы, которые на первый взгляд кажутся абсурдными и нелогичными, в итоге становятся фундаментальными учениями в нашем ви́дении мира.

— Неужели вы действительно считаете, что это одно из таких открытий? — в ответ спросил Грего, внимательно оглядывая каждого из участников дискуссии. — Говорящий вирус? Se Quara sabe tanto, porque ela nao diz o que é que aqueles bichos dizem? — «Если Квара столько знает, почему же не скажет нам, о чем там болтают эти твари?»

Это был знак, что дискуссия вышла за рамки обыкновенного обсуждения, — он заговорил по-португальски, вместо того чтобы пользоваться звездным, языком ученых и дипломатов.

— Какая вообще разница? — попытался успокоить их Эндер.

— Разница есть! — гневно ответила Квара.

Эла с испугом взглянула на Эндера:

— Одно дело — избавиться от опасной болезни, другое — уничтожить целую разумную расу. Вот

в чем разница, как мне кажется.

— Я хотел сказать, — терпеливо объяснил Эндер, — какая разница, что они там говорят?

— Никакой, — согласилась Квара. — Скорее всего, мы никогда не поймем их языка, но это вовсе не значит, что они неразумны. И, кроме того, что могут сказать друг другу разумный вирус и человек?

— Как насчет того: «Прошу вас, не надо нас больше убивать»? — в очередной раз съязвил Грего. — Вот если ты узнаешь, как эта фраза звучит на языке вирусов, тогда это может нам пригодиться.

— Но, Грего, — лилейно-насмешливо произнесла Квара, — мы к ним обратимся с подобной просьбой или все-таки они к нам?

— Это не требует срочного ответа, — вмешался Эндер. — Можно отложить обсуждение этого вопроса на потом.

— Откуда ты знаешь? — обрушился на него Грего. — А вдруг завтра мы проснемся от страшного зуда — тело будет ломить, голова запылает в лихорадке? Мы все умрем потому, что прошлой ночью вирус дескалады вычислил, как одним ударом можно избавиться от нежелательного присутствия людей на этой планете. Вопрос стоит

так: либо мы, либо они.

— Мне кажется, Грего своей обличительной речью лишь еще раз доказал, что нам действительно некоторое время следует выждать, — спокойно ответил Эндер. — Вы слышали, как он говорил о десколаде? Она вычисляет, как можно избавиться от нас. Даже он считает, что десколада обладает волей и способна принимать решения.

— Я употребил это слово в переносном смысле, — поправил Грего.

— А мы все время говорили в переносном смысле, — произнес Эндер. — И точно так же думали. Потому что все мы чувствуем одно и то же — мы ведем войну с десколадой. И это нечто большее, нежели обыкновенная схватка с заразой. Такое впечатление, что против нас выступает разумный, мощный враг, который просчитывает наше поведение на несколько ходов вперед. За всю историю медицинских исследований никто и никогда не сталкивался с вирусом, который настолько ловко избегал бы всех расставленных ловушек.

— Просто до нас никто не сталкивался с микробом, имеющим такой сложный генетический код, — заметил Грего.

— Вот именно, — вздохнул Эндер. — Это тот

еще вирус, и он может обладать такими возможностями, которых мы даже вообразить не можем в существе менее сложном, чем позвоночное млекопитающее.

Слова Эндера словно повисли в воздухе, ответом ему послужило общее молчание. На какую-то секунду Эндер поверил, что все-таки он принес некоторую пользу, поучаствовав в собрании: как человек, умеющий говорить, он хотя бы сумел добиться согласия.

Но Грего тут же доказал, что Эндер заблуждался в своей самоуверенности:

— Даже если Квара права, даже если она угодила прямо в точку и все вирусы десколады имеют научные степени по философии и каждый день публикуют по диссертации на тему «Как бы половчее прижать людишек, чтоб они издохли?», что тогда? Если этот вирус, который пытается убить нас, так чертовски умен, давайте-ка лучше брюхом вверх и прикинемся трупами!

— Я считаю, что Квара должна продолжать работать над этим вопросом, — спокойно ответила Новинья. — Мы окажем ей всю посильную помощь, а Эла тем временем попробует решить свою проблему.

На этот раз запротестовала Квара:

— А зачем мне ломать голову, как связаться с десколадой, если остальные по-прежнему будут искать пути к ее уничтожению?

— Хороший вопрос, Квара, — кивнула Новинья. — А ведь верно, зачем тебе пытаться понять вирус? Вдруг он внезапно найдет способ преодолеть наши химические заслоны и в один прекрасный миг сотрет нас с лица земли?

— Либо мы, либо они, — пробурчал Грего.

Эндер понимал, Новинья поступила мудро: она решила вести разработки в двух направлениях одновременно и уже потом выбрать одно из двух, когда они узнают побольше. Однако, сосредоточившись на обсуждении, разумна десколада или нет, и Квара, и Грего забыли еще кое о чем.

— Даже если вирус обладает разумом, — снова вступил в разговор Эндер, — это вовсе не означает, что он священен. Все зависит от того, раман он или варелез. Если десколада — раман, если десколада и человечество достаточно хорошо поймут друг друга, чтобы найти способ сосуществования, — что ж, замечательно. Нам ничего не будет грозить, и десколаду никто не тронет.

— Великий миротворец намеревается подписать мирный договор с молекулой? — скептически поинтересовался Грего.

Эндер проигнорировал насмешку:

— С другой стороны, если вирусы будут продолжать свои попытки уничтожить нас, а мы не найдем способа связаться с ними, то, значит, они варелез — разумные инопланетяне, но настроенные враждебно ко всему живому. Варелез — чуждые нам существа, с которыми мы не можем ужиться. Варелез — иная разумная раса, с которой мы, в силу естественных законов, будем сражаться до самой смерти, и в таком случае наш нравственный долг — сделать все, что в наших силах, чтобы одержать победу.

— Отлично сказано! — похлопал Грего.

Победное ликование брата ничуть не смутило Квару. Она внимательно выслушала Эндера, взвесила его слова и наконец согласно кивнула:

— Я присоединяюсь, только если изначально мы не будем руководствоваться убеждением, что десколада — варелез.

— И даже тогда можно выбрать срединный путь, — продолжал Эндер. — Может быть, Эле удастся найти способ, чтобы заменить все вирусы десколады, сохранив при этом свойственную им «память» и «язык».

— Нет! — горячо воскликнула Квара. — Только не это… у вас нет права оставлять вирусам воспо-

минания о прошлом и отнимать всю способность к адаптации. А что, если бы они устроили нам поголовную фронтальную лоботомию?! Если война, значит так тому и быть. Убейте их, но не оставляйте память, украв волю.

— Не важно, — сказала Эла. — Такое вряд ли получится. Я и так поставила перед собой практически невыполнимую задачу. Прооперировать десколаду не так-то просто. Не то что выявить и вырезать опухоль у животного. Как мне анестезировать молекулу, чтобы она не излечила себя, пока я буду проводить ампутацию? Может быть, десколада в физике не так уж и сильна, но она намного обогнала меня во всем, что касается молекулярной хирургии.

— Пока, — подчеркнул Эндер.

— А пока нам ничего не известно, — подвел итог Грего. — За исключением того, что десколада изо всех своих силенок старается расправиться с нами, пока мы тут решаем, отвечать ей тем же или не отвечать. Я, конечно, подожду, но мое терпение не безгранично.

— А как насчет пеквениньос? — спросила Квара. — У них разве нет права голоса? Вдруг они не разрешат нам трогать молекулу? Она ведь не только дает им возможность воспроизводиться;

в свое время, возможно, именно десколада сделала их разумными.

— Эта штука может убить нас всех, — ответил Эндер. — Если только Эла найдет способ избавиться от вируса, не нарушив при этом репродуктивного цикла пеквениньос, не думаю, чтобы они имели какое-то право разрешать нам использовать средство или не разрешать.

— Возможно, они считают иначе.

— Тогда, скорее всего, им лучше не знать, чем мы здесь занимаемся, — предложил Грего.

— Мы не будем сообщать об истинной цели наших исследований ни людям, ни пеквениньос, — отрубила Новинья. — Это может повлечь за собой ужасное непонимание, которое приведет к насилию и смерти.

— Значит, мы, люди, судьи всех остальных живых существ, — горько покачала головой Квара.

— Нет, Квара. Мы — *ученые*, мы собираем информацию, — подчеркнула Новинья. — И пока мы не соберем достаточно сведений, никто никого не посмеет судить. Хранить молчание обязан каждый из присутствующих здесь. В особенности это касается Квары и Грего. Вы без моего разрешения ни словом не обмолвитесь о нашем разговоре, а я не дам разрешения, пока мы не

будем обладать более подробной информацией.

— Без *твоего* разрешения, — дерзко уточнил Грего, — или без разрешения Говорящего от Имени Мертвых?

— Я главный ксенобиолог, — ответила Новинья. — Выносить решения буду я одна. Это всем понятно?

Она выждала, пока каждый не согласился с изложенным планом.

Новинья встала. Собрание было закончено. Квара и Грего удалились почти сразу. Новинья чмокнула Эндера в щеку и мягко вытолкала его и Элу из кабинета.

Эндер вместе с Элой направились к лаборатории. По пути он воспользовался представившейся возможностью, чтобы уточнить кое-какие детали:

— Неужели действительно возможно распространить твой псевдовирус по всей Лузитании так, чтобы он охватил каждое создание природы?

— Не знаю, — печально ответила Эла. — Это вообще не проблема по сравнению с тем, как доставить мой вирус каждой клетке отдельного организма. Ведь десколада очень быстро адаптируется; в крайнем случае она может просто

сбежать. Мне придется создать что-то вроде вирусоносителя, и отчасти он должен будет базироваться на самой десколаде. Десколада — единственный паразит из известных мне, который овладевает организмом именно с такой скоростью, какая мне требуется для выполнения плана. Забавно, я уничтожу десколаду, воспользовавшись ее же собственными методами.

— Это вовсе не забавно, — возразил Эндер. — Именно так устроен мир. Кто-то однажды сказал мне, что единственный учитель, который чего-то стоит, — это твой враг.

— Тогда Квара и Грего только тем и занимаются, что присваивают друг другу новые научные степени, — улыбнулась Эла.

— Их споры приносят пользу, — ответил Эндер. — Они вынуждают нас тщательно взвешивать каждое решение.

— Мало будет пользы, если кто-нибудь из них решит вынести обсуждение за пределы нашей семьи.

— Эта семья предпочитает не выносить сор из избы, — усмехнулся Эндер. — Уж я-то знаю.

— Напротив, Эндрю. Ты-то должен знать, с какой охотой мы говорим с абсолютно чужим нам человеком, если считаем, будто наш вопрос

настолько важен, что оправдывает подобное поведение.

Эндер вынужден был признать, что она права. Когда Эндер только прибыл на Лузитанию, ему нелегко было заставить Квару и Грего, Миро, Квима и Ольяду довериться ему. Но Эла сразу приняла его, а следом за ней и все остальные дети Новиньи. Семья всегда следовала кодексу чести, но все ее члены обладали сильной волей и были настолько уверены в себе, что ни один из них не поставил бы суждение другого выше своего собственного. И Грего, и Квара вполне могли решить, что, если рассказать кому-нибудь о разговоре, это пойдет только на пользу Лузитании, человечеству или науке, поэтому данное ими слово сохранять тайну еще ничего не значило. Точно так же, незадолго до прилета Эндера на планету, был нарушен закон о невмешательстве в жизнь свинксов.

«Очень мило, — подумал про себя Эндер. — Вот еще одна возможная угроза катастрофы, и вновь я бессилен».

Покинув лабораторию, Эндер в очередной раз пожалел, как случалось уже много-много раз, что рядом с ним нет Валентины. Она неплохо разбиралась в подобных этических проблемах. Скоро

она прилетит, но успеет ли — вот в чем вопрос. Эндер понимал и по большей части соглашался с аргументами, выдвинутыми как Кварой, так и Грего. Сильнее всего его беспокоил покров тайны — ни с одним пеквениньо, даже с самим Человеком, он не мог обсудить принятое ими решение, а ведь оно может изменить жизнь всех свинксов, равно как и жизни колонистов-землян. И все же Новинья была права. Вынести проблему на общее обсуждение прежде, чем сами ученые узнают, выполним их план или нет, — это значит ввергнуть колонистов в сомнение в лучшем случае, а в худшем — привести к анархии и кровопролитию. Пеквениньос стали теперь мирными созданиями, но их история полна кровавых войн.

Выйдя из ворот и повернув обратно к экспериментальным полям, Эндер заметил Квару, стоящую рядом с деревом-отцом Человеком. В руках у нее были зажаты палочки, она о чем-то беседовала. Правда, она не стучала ими по стволу, иначе Эндер услышал бы ее издалека. Значит, она хочет, чтобы эта беседа осталась между Человеком и ней. Ладно. Эндер пройдет стороной, чтобы не мешать разговору.

Но стоило только Кваре заметить, что Эндер смотрит в ее сторону, как она немедленно по-

прощалась с Человеком и быстро пустилась по тропинке в сторону ворот. Естественно, она столкнулась с Эндером лицом к лицу.

— Обсуждали что-то очень важное и секретное? — миролюбиво спросил Эндер.

Он хотел просто пошутить, но когда его слова уже прозвучали и на лице Квары мелькнуло вызывающее выражение, только тогда Эндер понял, каким именно секретом Квара только что поделилась с деревом-отцом. И Квара подтвердила возникшее у него подозрение.

— Мамины представления о справедливости не всегда совпадают с моими, — заявила она. — Если уж на то пошло, то и ты не всегда с ней соглашаешься.

Эндер знал, что Квара *может* нарушить клятву, но даже не предполагал, что она сделает это так быстро.

— Но всегда ли справедливость — наиболее важное из всех соображений? — спросил Эндер.

— Для меня — да, — тут же ответила Квара.

Она попыталась обогнуть его и пройти в ворота, но Эндер поймал ее за руку.

— Отпусти меня.

— Поделиться тайной с Человеком — это одно, — терпеливо произнес Эндер. — Он очень

мудр. Но больше никому не говори. Некоторые пеквениньос, самцы, могут превратиться в весьма агрессивных особей, если сочтут, что у них есть на то причины.

— Они не просто *самцы*, — возразила Квара. — Они зовут себя мужьями. Может быть, и нам стоит называть их *мужами*. — Она наградила Эндера победной улыбкой. — Ты и вполовину не так открыт и чистосердечен, как привык считать.

Она оттолкнула его и прошла через ворота в Милагре.

Эндер приблизился к Человеку и остановился перед ним.

— Что она тебе сказала, Человек? Она поведала тебе, что я лучше умру, чем позволю хоть кому-нибудь уничтожить десколаду, если это повредит тебе и твоему народу?

Разумеется, Человек ничего не ответил, потому что Эндер вовсе не намеревался стучать палочками по стволу, чтобы воспроизвести язык отцов; стоит ему хоть разок стукнуть палочкой по дереву, как самцы пеквениньос услышат его и мигом примчатся. Между пеквениньос и деревьями-отцами не существовало понятия «личная беседа». Если дерево хотело пообщаться с кем-нибудь наедине, оно могло связаться с другими деревья-

ми-отцами — они «разговаривали» при помощи сигналов, передаваемых непосредственно из мозга в мозг, точно так же как Королева Улья отдавала приказы жукерам, которые служили ей глазами, ушами, руками и ногами. «Если бы только я мог проникнуть в эту коммуникационную сеть, — подумал Эндер. — Мгновенный обмен мыслями. Мысль в чистом виде, защищенная в любом конце Вселенной».

И все же он должен был сказать хоть что-нибудь, чтобы немного нейтрализовать то, что могла наговорить Квара.

— Человек, мы делаем все, что в наших силах, чтобы спасти и людей, и пеквениньос. Мы постараемся уберечь даже вирус дескорады, если это будет возможно. Эла и Новинья могут справиться с этой задачей. И Грего с Кварой тоже опытные ученые. Но сейчас, прошу тебя, доверься нам и не рассказывай никому об этом. Пожалуйста. Если люди и пеквениньос узнают о нависшей над всеми угрозе прежде, чем мы сумеем достойно противостоять ей, результаты будут ужасны и смертельны для многих.

Больше сказать было нечего. Эндер побрел к экспериментальным фермам. До наступления ночи он и Сеятель закончили замеры, а затем

подожгли и спалили все поле. Внутри дезинтеграционного барьера не уцелело ни одной достаточно большой молекулы. Они сделали все, что можно, чтобы знания, которые почерпнула десколада на этом поле, остались тайной для остальных колоний вирусов.

Но ничего нельзя было поделать с теми вирусами, которых они — люди и пеквениньос — переносили внутри собственных клеток. А что, если Квара права? Что, если заключенной за барьером десколаде перед смертью каким-то образом удалось «рассказать» вирусам, живущим внутри Эндера и Сеятеля, о том, чему она научилась на примере нового штамма картофеля? О тех защитах, которые встроили в растение Эла и Новинья? О том, как вирус расправился со своими врагами?

Если десколада действительно разумна и обладает языком, чтобы передавать информацию от одного индивидуума к другому, как Эндер и прочие смеют надеяться на победу? В будущем десколада станет разумной расой, обладающей наивысшей способностью к адаптации; она сможет мгновенно покорять миры и безжалостно расправляться со своими противниками; она станет сильнее и могущественнее людей, свинксов,

жукеров и любых других живых существ на обитаемых мирах. С этой мыслью Эндер вечером лег в постель, и его ум был занят этой проблемой, когда они с Новиньей занимались любовью. Новинья даже попыталась утешить его, будто это на его плечи, а не на ее возложен груз ответственности за целую планету. Он попытался объясниться, но быстро осознал свою неправоту. Зачем добавлять к ее заботам еще и свои?

Человек внимательно выслушал Эндера, но не согласился с тем, о чем тот просил его. Молчать? Никогда. Люди создают новый вирус, который может значительно изменить жизненный цикл пеквениньос. О, конечно. Человек ничего не скажет незрелым самцам и самкам. Но он может — и непременно это сделает — рассказать все остальным деревьям-отцам, растущим по всей Лузитании. Они имеют право знать, что происходит, а затем вместе они в случае чего решат, как поступать дальше.

До захода солнца каждому дереву в каждом лесу стало известно то, о чем сегодня узнал Человек; он подробно изложил им планы людей и свои соображения, насколько им следует доверять. Большинство отцов согласилось с ним: «Пока мы позволим людям продолжать свое дело. Но

одновременно установим за ними пристальное наблюдение и будем готовиться к тому, что люди и пеквениньос пойдут друг на друга войной. Правда, будем надеяться, что до этого дело не дойдет. У нас нет надежды на победу, но, может быть, прежде, чем они перебьют нас, мы сумеем найти способ хотя бы некоторым из нас спастись».

Перед самым наступлением ночи они договорились с Королевой Улья, единственным нечеловеческим существом на Лузитании, располагающим продуктами высокой технологии. Завтра начнется строительство космического корабля, который вскоре должен будет покинуть Лузитанию.

7
Доверенная служанка

– Это правда, что в давние времена, когда вы посылали свои космические корабли на освоение новых миров, вы всегда могли разговаривать друг с другом так, будто стоите в одном лесу?

– Мы предполагаем, что и с вами будет то же самое. Когда вырастут новые деревья-отцы, они свяжутся с Лузитанией. Над филотическими связями расстояние не властно.

– Но будет ли так, как ты говоришь? Мы не сможем послать в полет деревья. Полетят братья, несколько жен и сотня маленьких матерей, которые и дадут жизнь новым поколениям. Путешествие будет длиться по меньшей мере несколько десятилетий. Как только они прибудут на место, наиболее достойных братьев переправят в третью жизнь, а следовательно, минует еще год, прежде чем первые деревья-отцы достаточно

повзрослеют, чтобы оплодотворить матерей. Каким образом первый отец на том новом мире узнает, как говорить с нами? Как мы поприветствуем его, когда мы даже не будем знать, где он находится?

Пот струился по лицу Цин-чжао. Капельки бежали по ее щекам, заливали глаза, повисали на кончике носа. Срываясь, они падали в грязную воду рисового поля или на молодые рисовые ростки, которые только-только поднялись над поверхностью воды.

— Почему ты не вытрешь лицо, о святая?

Цин-чжао подняла склоненную голову, чтобы взглянуть на того, кто посмел заговорить с ней. Обычные люди, посвящающие себя праведному труду, старались работать подальше от нее, они чувствовали себя несколько скованно, возделывая поле рядом с Говорящей с Богами.

Это была девочка лет четырнадцати, с мальчишеской фигуркой и коротко остриженными волосами. Она с нескрываемым любопытством наблюдала за Цин-чжао. Ее поведение отличала какая-то открытость, она абсолютно не стеснялась Говорящей с Богами. Цин-чжао сочла это весьма странным и немного неприятным. Первой

ее мыслью было проигнорировать девочку.

Но не обратить на нее внимание было бы крайне невежливо, все равно что сказать: «Я беседую с богами, поэтому я вольна не отвечать, когда мне задают вопросы простые люди». Никто бы даже не подумал, что на самом деле она не ответила потому, что целиком погружена в решение практически невыполнимой задачи, поставленной великим Хань Фэй-цзы. Задание настолько заняло ее ум, что ей было в буквальном смысле слова больно думать о чем-либо другом.

Поэтому она ответила, но использовала форму вопроса:

— А почему я должна вытирать лицо?

— Разве тебе не щиплет кожу? Пот, стекающий по лицу, — он ведь попадает в глаза и, наверное, страшно жжется.

Цин-чжао опустила лицо и снова принялась за работу, только на этот раз она специально сконцентрировалась на ощущениях от пота. Он действительно неприятно разъедал лицо, глаза жгло огнем. По сути дела, жгло нестерпимо, что очень раздражало. Цин-чжао осторожно разогнулась и выпрямилась — и сразу почувствовала острую боль, пронзившую спину. Таким образом ее тело протестовало против изменения позы.

— Да, — повернулась она к девочке. — Действительно жжется.

— Тогда вытрись, — посоветовала девочка. — Рукавом.

Цин-чжао посмотрела на рукав. Платье насквозь пропиталось потом.

— Ты думаешь, поможет? — поинтересовалась она.

Теперь настала очередь девочки открыть коечто такое, над чем она прежде не задумывалась. На какое-то мгновение она погрузилась в размышления, а затем вытерла свой лоб рукавом.

— Нет, о святая, — подтвердила она, улыбнувшись. — Нисколечко не поможет.

Цин-чжао мрачно кивнула и вернулась к работе. Однако теперь легкое жжение от пота, слезящиеся глаза, боль в спине — все это отвлекало ее и не давало сосредоточиться. У нее не получилось с головой уйти в решение проблемы. Девочка, кем бы там она ни была, только прибавила ей отчаяния, обратив внимание на мелкие неудобства, и, как это ни смешно, продемонстрировала Цин-чжао бренность тела, девочка отвлекла ее от мыслей, от которых гудела голова.

Цин-чжао засмеялась.

— Ты смеешься надо мной, о святая? — спроси-

ла девочка.

— Этим самым я говорю тебе спасибо, — ответила Цин-чжао. — Пусть на короткое время, но тебе удалось снять с моего сердца тяжкую ношу.

— Ты смеешься надо мной потому, что я посоветовала тебе стереть с лица пот, не подумав, что это вовсе не поможет.

— Я же сказала, я смеюсь не поэтому, — возразила Цин-чжао. Она вновь выпрямилась и заглянула девочке в глаза. — Я не вру.

На лице девочки застыло смущенное выражение, хоть она и вполовину не была смущена так, как следовало бы. Когда Говорящие с Богами брали такой тон, простые люди немедленно принимались кланяться и всячески выказывать уважение. Но эта девочка спокойно выслушала ее, переварила сказанное и коротко кивнула.

Цин-чжао могла сделать только один вывод.

— Ты тоже можешь общаться с богами? — спросила она.

Глаза девочки расширились.

— Я? — изумленно переспросила она. — Мои родители самого низкого происхождения. Мой отец развозит навоз по полям, а мать работает посудомойкой в ресторане.

Это еще ни о чем не говорило. Боги предпочи-

тают отбирать к себе на службу детей святых людей, но бывали и такие случаи, когда они вдруг начинали говорить с теми, чьи родители никогда не слыхали голоса богов. Впрочем, очень многие верили, что, если твои предки низкого происхождения, боги просто-напросто не заинтересуются тобой. И действительно, боги крайне редко обращались к детям, чьи родители не получили соответствующего образования.

— Как тебя зовут? — удивилась Цин-чжао.

— Си Ванму[9], — ответила девочка.

Цин-чжао чуть не задохнулась от смеха, даже прикрыла рот ладошкой, чтобы не показать оскорбительной непочтительности. Но Ванму вовсе не рассердилась, только скорчила нетерпеливую гримаску.

— Прости, — обессилев от смеха, наконец промолвила Цин-чжао, — но так зовут…

— Владычицу Запада, — кивнула Ванму. — А я что могу поделать, если родители выбрали мне такое имя?

— Это очень благородное имя, — серьезно сказа-

---

[9] Примечания: 9

Си Ванму — «Владычица Запада», в древней мифологии женское божество, хозяйка Запада, обладательница напитка бессмертия. В архаических мифах Си Ванму фигурировала как богиня страны мертвых и считалась одной из центральных фигур китайского пантеона.

ла Цин-чжао. — Моя духовная прародительница была великой женщиной, но всего лишь смертной, она писала стихи. Твоя же принадлежит к старейшим богам.

— А мне-то что? — пожала плечиками Ванму. — Мои родители поступили чересчур самонадеянно, назвав меня столь почтенным именем. Вот почему боги никогда не заговорят со мной.

Веселье Цин-чжао сменилось печалью, когда она услышала прозвучавшую в словах девочки горечь. Если б она только знала, с какой радостью поменялась бы с ней местами Цин-чжао! Навсегда освободиться от голоса богов! Не пригибаться к полу, не прослеживать жилок на половицах, не мыть руки, пока не испачкаешься…

Но Цин-чжао не могла объяснить этого девочке. Та просто не поймет. Ей Говорящие с Богами представлялись привилегированной элитой, бесконечно мудрой и недоступной. Это прозвучало бы фальшиво, если бы Цин-чжао принялась объяснять ей, что никакие почести на свете не смогут облегчить ношу, которую взвалили на свои плечи Говорящие с Богами.

Хотя нет, Ванму вовсе не считала Говорящих с Богами такими уж недоступными — ведь она заговорила с Цин-чжао. Поэтому Цин-чжао ре-

шила открыть ей то, что лежало сейчас у нее на сердце:

— Си Ванму, я бы с радостью провела остаток жизни в слепоте, если б только могла освободиться от голоса богов.

У потрясенной Ванму приоткрылся рот, глаза округлились.

Ошибкой было говорить так. Цин-чжао моментально пожалела о своем опрометчивом поступке.

— Я пошутила, — сказала она.

— Нет, — не согласилась Ванму. — Вот теперь ты лжешь. А тогда сказала чистую правду. — Она подошла поближе, беспечно хлюпая грязью и наступая на рисовые стебли. — Всю жизнь я наблюдала за Говорящими с Богами. Они облачены в яркие одежды и едут в храмы под роскошными балдахинами. Все люди склоняются перед ними, каждый компьютер открывает им свои файлы. Когда они говорят, из их уст льется музыка. Кто же откажется от такого?

Цин-чжао не могла ответить ей откровенно, не могла сказать: «Каждый день боги унижают меня, заставляют исполнять глупые, бессмысленные ритуалы, и каждый новый день начинается одинаково».

— Ты не поверишь мне, Ванму, но эта жизнь здесь, на полях, куда лучше.

— Нет! — воскликнула Ванму. — Тебя всему научили. Ты знаешь все, что только можно знать! Ты умеешь говорить на многих языках, ты можешь прочитать любое слово, ты способна размышлять о вещах, которые настолько же далеки от моего понимания, насколько далеки мои мысли от мыслей улитки.

— Ты очень хорошо говоришь, — сказала Цин-чжао. — Ты, должно быть, ходила в школу?

— В школу! — презрительно фыркнула Ванму. — Кому какое дело в школах до таких детей, как я? Нас учат читать, но только для того, чтобы мы разбирались в молитвах и не путали вывески на улицах. Нас обучают обращению с цифрами, чтобы мы могли складывать и вычитать, когда заходим в магазин. Мы запоминаем высказывания мудрецов, но только те из них, которые учат смирению и повиновению тем, кто мудрее нас.

Цин-чжао даже не представляла, что могут быть такие школы. Она думала, что детей в обычных школах учат тому же, что преподавали ей наставники. Но она ни секунды не сомневалась в том, что Си Ванму говорит правду, — один учитель, обучая одновременно тридцать учеников,

не сможет дать им всего, чему когда-то научилась Цин-чжао у своих наставников.

— Мои родители очень низкого происхождения, — повторила Ванму. — Зачем тратить время и учить меня большему, чем надо знать обычной прислуге? Вот почему мне остается только надеяться, что когда-нибудь мне повезет, я как следует вымоюсь и стану служанкой в доме какого-нибудь богача. Что-что, а полы меня отлично научили мыть.

Цин-чжао вспомнила долгие часы, которые она провела на полу своей комнаты, прослеживая от стены до стены жилки в половицах. Ей никогда не приходило в голову, сколько усилий стоит слугам содержать полы в доме настолько чистыми и отполированными, что, ползая на коленях, она ни разу не запачкала платья.

— Я знаю толк в полах, — горько усмехнулась Цин-чжао.

— Ты обо всем что-нибудь да знаешь, — не менее горько ответила Ванму. — Поэтому не стоит убеждать меня, как это нелегко — быть избранной богами. Боги ни разу не обратились ко мне, и вот что я тебе скажу: это куда хуже!

— Почему ты не побоялась и подошла ко мне? — в ответ спросила Цин-чжао.

— Я решила ничего не бояться, — просто ответила Ванму. — Ты не сможешь сделать мне ничего такого, чего бы уже не преподнесла эта жизнь.

«Я могу заставить тебя оттирать руки, пока они не начнут кровоточить не переставая».

Но затем что-то словно щелкнуло в мозгу Цин-чжао, и она поняла, что, должно быть, девочка не сочтет это такой уж жестокой карой. Возможно, каждый день Ванму с радостью будет драить себе руки, пока на ее запястьях не останутся висеть лишь окровавленные ошметки кожи, лишь бы научиться тому, что уже известно Цин-чжао. Цин-чжао чувствовала себя подавленной невыполнимостью задачи, поставленной перед ней отцом, однако ее решение — преуспеет ли она, или все ее усилия пойдут прахом — изменит ход истории. Ванму проживет жизнь и каждый божий день будет выполнять одну и ту же работу; вся жизнь Ванму пройдет в исполнении работы, которую заметят и поставят ей на вид, только когда она исполнит ее плохо. В конце концов, разве работа слуги не столь же бесплодна, как и ритуалы очищения?

— Жизнь служанки, должно быть, очень трудна, — сказала Цин-чжао. — Поэтому я рада, что

тебя еще никто не успел взять к себе в прислуги.

— Мои родители выжидают в надежде, что я, когда вырасту, стану красивой девушкой. Тогда они смогут получить за меня куда больше. Какой-нибудь личный слуга богатого человека решит взять меня в жены или богатая госпожа приветит меня как доверенную служанку.

— Но ты уже красива, — отметила Цин-чжао.

Ванму пожала плечами:

— Моя подружка Фань-лю работает у одного человека, так она говорит, что замарашки трудятся куда больше, но зато мужчины в доме не трогают их. Дурнушек, как правило, оставляют в покое, наедине с их печальными думами. От них не требуют постоянных комплиментов в адрес госпожи.

Цин-чжао вспомнила слуг в доме отца. Она знала, что ее отец никогда не обратился бы к служанке с грязным предложением. И никто не обязан расточать комплименты ей.

— В моем доме все по-другому, — возразила она.

— Но я-то в твоем доме не служу, — резонно ответила Ванму.

Внезапно вся картина прояснилась перед Цин-чжао. Ванму заговорила с ней не просто из

какого-то добросердечного побуждения. Ванму обратилась к ней в надежде, что ей предложат место в доме Говорящей с Богами госпожи. Цин-чжао прекрасно знала, какие слухи ходят о ней в городе: она закончила обучение у частных учителей и сейчас выполняет свое первое взрослое задание, и до сих пор она не обзавелась ни мужем, ни доверенной служанкой. Си Ванму нарочно записалась в ту же работающую на полях бригаду, что и Цин-чжао, чтобы вызвать ее на этот разговор.

На мгновение Цин-чжао овладел гнев, но потом она подумала: «А почему Ванму не должна была так поступать? В худшем случае я бы догадалась о ее замыслах, рассердилась и отказала ей. Тогда она осталась бы там, где и есть. Но если я ни о чем не догадаюсь, привечу и найму, она станет доверенной служанкой Говорящей с Богами. Будь я на ее месте, не поступила бы я точно так же?»

— Неужели ты думала, тебе удастся меня одурачить? — спросила Цин-чжао. — Неужели ты считаешь, что я до сих пор не поняла, что ты добиваешься должности моей служанки?

Ванму выглядела одновременно взволнованной, рассерженной и испуганной, но мудро решила промолчать.

— Почему же ты гневно не возразишь мне? — продолжала Цин-чжао. — Почему ты не отрицаешь того, что заговорила со мной только потому, что хотела получить работу?

— Потому что это и в самом деле так, — тихо ответила Ванму. — А теперь я оставлю тебя.

Именно это и надеялась услышать от нее Цин-чжао — честный ответ. Но она вовсе не собиралась отпускать ее.

— Сколько из того, что ты наговорила мне, правда? Ты действительно желаешь получить хорошее образование? Хочешь совершить в своей жизни что-нибудь более высокое, нежели натирать пол?

— Я говорила только правду, — промолвила Ванму, в голосе ее прозвучала неприкрытая страсть. — Но тебе-то что? *Ты возложила на свои плечи ужасную ношу божьего гласа!*

Последнюю фразу Ванму выпалила с таким откровенным сарказмом, что Цин-чжао чуть не расхохоталась, но вовремя сдержалась. Не имело смысла и дальше злить Ванму.

— Си Ванму, духовная дочь Владычицы Запада, я возьму тебя к себе в доверенные служанки, но только в случае, если ты согласишься на следующие условия. Во-первых, ты позволишь мне

обучать тебя и будешь прилежно исполнять уроки, которые я преподам. Во-вторых, ты всегда будешь обращаться со мной как с равной, никогда не будешь кланяться и говорить «о святая». И в-третьих…

— Но как можно? — удивилась Ванму. — Если я не буду выказывать тебе уважение, люди назовут меня недостойной. Меня накажут при первом удобном случае, стоит тебе только отвернуться. Это станет позором нам обеим.

— Естественно, при посторонних ты будешь обращаться ко мне с должным почтением, — кивнула Цин-чжао. — Но с глазу на глаз ты будешь говорить со мной как с равной, иначе я тут же тебя уволю.

— А третье условие?

— Ты никогда и никому не передашь ни единого нашего разговора.

Личико Ванму гневно вспыхнуло.

— Доверенная служанка никогда не выдает чужих секретов. В мой мозг установят специальные заслоны.

— Заслоны будут лишь напоминать тебе о молчании, — кивнула Цин-чжао. — Но если ты захочешь рассказать, то без труда обойдешь все запреты.

Цин-чжао вспомнила возвышение отца, подумала о тайнах Конгресса, которые он свято хранил. Он никому ничего не говорил; ему просто было не с кем поговорить, за исключением разве что самой Цин-чжао. Если выяснится, что Ванму достойна доверия, у Цин-чжао будет кто-то, с кем можно поделиться размышлениями. Она никогда не будет такой одинокой, как отец.

— Ты не понимаешь меня? — спросила Цин-чжао. — Люди подумают, что я беру тебя в служанки. Но ты и я будем знать, что на самом деле ты поступаешь ко мне в ученицы, и я хочу, чтобы ты стала мне подругой.

Ванму с интересом посмотрела на нее:

— Почему ты делаешь это, раз боги уже открыли тебе, как я подкупила мастера, чтобы он позволил мне войти в твою бригаду и не прерывал нас, пока я буду говорить с тобой?

Разумеется, ничего подобного боги ей не открывали, но Цин-чжао всего лишь улыбнулась.

— А тебе не приходит на ум, что, может быть, сами боги хотят, чтобы мы стали подругами? — спросила она.

Ванму, потрясенная, сцепила руки в замок и нервно рассмеялась. Цин-чжао обхватила ее запястья и обнаружила, что Ванму вся дрожит.

Значит, она вовсе не такая самоуверенная, как кажется.

Ванму опустила глаза на свои пальцы. Цин-чжао проследила за ее взглядом. Их руки были покрыты засохшей коркой грязи, слипшейся на жарком солнце.

— Мы такие грязные, — проговорила Ванму.

Цин-чжао давно научилась не обращать внимания на грязь, приобретенную во время праведного труда, ибо это не требовало истинного очищения.

— Когда-то мои руки покрывала несмываемая грязь, — сказала она. — Когда время праведного труда истечет, пойдешь со мной. Я расскажу о нашей затее отцу, и он решит, подходишь ты на роль моей доверенной служанки или нет.

Ванму сразу нахмурилась. Цин-чжао только порадовалась, что ее чувства было так легко прочитать.

— В чем дело? — спросила она.

— Всегда решают за нас отцы, — ответила Ванму.

Цин-чжао кивнула, подумав при этом, зачем Ванму было констатировать столь очевидный факт.

— Это начало мудрости, — пожала плечиками

Цин-чжао. — Кроме того, моя мать давным-давно умерла.

Праведный труд всегда заканчивался, когда солнце еще висело высоко в небе. Официально это было устроено для того, чтобы людям, живущим далеко от полей, хватило времени добраться до дому. На самом же деле существовал обычай устраивать после каждого дня таких трудов небольшое празднество. Отработав во время привычного полуденного отдыха, после почти целого дня на поле люди чувствовали легкое головокружение, словно всю предыдущую ночь провели на ногах. Некоторые становились вялыми и сонными как мухи. Так или иначе, это был хороший повод пообедать с друзьями и хорошенько выпить, после чего засветло завалиться в постель, дабы восполнить потерю дневного отдыха и вознаградить себя за целый день напряженного труда.

Цин-чжао после такой работы чувствовала себя совершенно опустошенной, тогда как Ванму, очевидно, относилась к тем людям, которые сравнительно легко переносят рисовые поля. Или, может быть, причина была в том, что загадка исчезновения флота на Лузитанию не давала покоя Цин-чжао, тогда как Ванму только что

приняли на должность доверенной служанки госпожи Говорящей с Богами. Цин-чжао провела Ванму через процедуру принятия на работу в дом Хань: омовение, отпечатки пальцев, проверка службой безопасности, — однако, в конце концов не выдержав постоянного лопотания Ванму, удалилась прочь.

Поднимаясь по лестнице в свою комнату, Цин-чжао услышала, как Ванму с опаской спросила:

— Я чем-нибудь рассердила мою новую госпожу?

Ответил ей Ю Кун-мэй, охранник дома:

— Говорящие с Богами чаще прислушиваются к другим голосам, малышка.

Это был очень добрый и милосердный ответ. Цин-чжао зачастую восхищалась мягкостью и мудростью людей, которых отец принял на работу в дом. Она подумала, достаточно ли мудро поступила сама, не ошиблась ли в своем первом выборе.

Впрочем, важно другое — она знала, что все равно поступила нехорошо, приняв решение, не посоветовавшись перед этим с отцом. Наверняка окажется, что Ванму абсолютно ей не подходит, и отец отругает ее за опрометчивый и глупый поступок.

Стоило ей подумать об упреках отца, как она мгновенно вызвала гнев богов. Цин-чжао почувствовала себя грязной и недостойной. Она опрометью кинулась в комнату и заперла дверь. И горько, и смешно, но она могла сто раз повторять в уме, как ненавистны ей эти ритуалы, на которых настаивали боги, как пусто в своей основе поклонение им, но, как только она допускала еретическую мысль об отце или Звездном Конгрессе, ей немедленно приходилось исполнять ритуал очищения.

Обычно она могла на полчаса, иногда на час и дольше, отложить поклонение богам, сопротивляясь непреодолимому желанию очиститься. Однако сегодня Цин-чжао сама жаждала этих минут. Ритуал основывался на своего рода логике, он имел четкую структуру, начало и конец, имелись определенные правила, которым надо было следовать. Не то что проблема с флотом на Лузитанию.

Встав на колени, она нарочно выбрала самую узкую, практически невидимую жилку, какую только смогла найти на половице. Ритуал обещал быть нелегким; возможно, хоть тогда боги сочтут ее достаточно очищенной, чтобы открыть решение проблемы, поставленной отцом. Ей

потребовалось целых полчаса, чтобы добраться до противоположной стены комнаты, ибо она то и дело теряла жилку и приходилось начинать все заново.

Под конец ее безудержно начало клонить в сон, тело ныло от праведных трудов, исполненных днем, глаза слезились от напряжения. Однако, вместо того чтобы уступить желанию отдохнуть, она опустилась на пол перед терминалом и вызвала на экран итоговые результаты проделанной работы. Внимательно изучив и отбросив в сторону все нелепые теории, возникавшие в ходе расследования, Цин-чжао пришла к трем возможным выводам относительно исчезновения флота. Во-первых, исчезновение могло быть вызвано каким-то естественным явлением, которое, произойдя на скорости света, просто пока не успело проявиться для астрономов-наблюдателей. Во-вторых, обрыв связи между ансиблями мог стать результатом либо саботажа, либо приказа, отданного командованием флота. И в-третьих, обрыв связи мог быть делом рук какой-то тайной межпланетной группировки.

Первый вывод практически не имел смысла, судя по тому, как перемещался флот. Суда шли слишком далеко друг от друга, чтобы какая-ни-

будь естественная катастрофа могла уничтожить всех разом. Флоту незачем было собираться в одном месте перед высадкой на Лузитанию — ансибли обеспечивали мгновенную связь и качественную передачу изображения на расстоянии, поэтому корабли окружали Лузитанию со всех сторон, направляясь к планете прямо оттуда, где их застал приказ присоединиться к флоту. Даже сейчас, когда до выхода на орбиту вокруг солнца Лузитании оставался год с небольшим, космические корабли находились настолько далеко друг от друга, что ни одно естественное событие, знакомое человеку, не могло одновременно задеть весь флот.

Вторая причина также отметалась, потому что исчез весь флот без исключения. Какой реализуемый людьми план мог сработать с подобной эффективностью и быстродействием, не оставив к тому же никаких свидетельств готовящегося заговора в банках данных, в личных делах персонала или в устройствах связи, вмонтированных в используемые на планетах компьютеры? Не существовало ни малейшего доказательства, что кто-то подменил или скрыл какую-то информацию, зашифровал переговоры, чтобы не дать повода для подозрений. Если заговор родился на

борту кораблей флота, то бунтовщики не оставили после себя ни одной улики, не совершили ни единой ошибки.

Такое же отсутствие доказательств делало еще более невероятным существование межпланетной группировки. И совсем неправдоподобными выводы становились в свете того, что все корабли исчезли одновременно. Как свидетельствовали показания очевидцев, все космические суда отключили ансибли практически в одну и ту же секунду. Может быть, и существовала какая-то разница во времени — секунды, даже минуты, но, во всяком случае, разрыв составлял не больше пяти минут; таким образом, ни одно судно не успело заметить пропажи остальных.

Итак, напрашивался вывод, просто элегантный по своей простоте: не оставалось ровным счетом никаких причин. Были собраны все доказательства, все улики, какие только можно, но в их свете каждое разумное объяснение происшедшего сразу становилось неразумным.

«Почему отец поручил это именно мне?» — в который раз безмолвно вопросила Цин-чжао.

И сразу — впрочем, как обычно — почувствовала свою никчемность. Вопрос был задан риторически, но она посмела усомниться в пра-

вильности решений своего отца. Ей необходимо было принять душ, чтобы смыть с себя нечистоты сомнений.

Но она не пошла в ванную. Она заперла внутри себя голос богов, ожидая, когда их приказы приобретут неодолимую силу. На этот раз она сопротивлялась их зову вовсе не из праведного желания самоусовершенствования. На этот раз она нарочно пыталась привлечь к себе внимание богов. Только когда она начала задыхаться от жажды очищения, только когда начала содрогаться всем телом от малейшего прикосновения к своей плоти — рука случайно задела колено, — только тогда она задала вслух вопрос.

— Ведь это ваших рук дело? — обратилась она к богам. — Только вы можете такое, что не под силу обыкновенному человеку. Вашей волей была прервана связь с флотом на Лузитанию.

Ответом ей явилась усилившаяся тяга к очищению.

— Но Конгресс и Адмиралтейство не следуют Пути. Они не могут представить себе золотую дверь, ведущую в Город Нефритовой Горы, что на Западе. Если отец скажет им: «Боги забрали ваш флот, чтобы наказать вас за неправедные поступки», они презрительно высмеют его. Если

они начнут презирать его, нашего величайшего деятеля, живущего ныне, они также запрезирают нас. А если через моего отца будет унижен Путь, тогда Путь уничтожит его. Вы поэтому избавились от флота?

Она разрыдалась:

— Я не позволю вам уничтожить моего отца. Я найду решение. Я найду ответ, который устроит Конгресс. Я вызываю вас на бой!

Стоило только ей произнести эти слова, как ее охватило такое сильное ощущение собственной нечистоты, какого она никогда прежде не переживала. У нее даже перехватило дыхание, она безмолвно повалилась вперед, хватаясь руками за терминал. Она пыталась говорить, молить о прощении, но вместо этого из губ вырывались жалкие хрипы. Она постоянно сглатывала, чтобы удержать выворачивающийся наружу желудок. Ей казалось, что руки покрывают все, чего бы она ни коснулась, жиром; пока она поднималась на ноги, платье прилипло к телу так, будто все было пропитано черной маслянистой грязью.

Но она не побежала в ванную. Не упала на пол, чтобы искать трепещущим взглядом жилки в дереве. Шатаясь, она двинулась к двери, намереваясь спуститься вниз, в комнату отца.

Дверь не пустила ее. Не физически — она распахнулась легко, как обычно, только Цин-чжао не смогла перешагнуть через порог. Она слышала о подобном, как боги никуда не пускают ослушавшихся слуг, воздвигая перед ними великие преграды, но раньше с ней никогда такого не случалось. Она никак не могла понять, что ее держит. Ее тело свободно двигалось. Она не ощущала никакого сопротивления. Но при мысли о том, чтобы пройти в дверь, ее пронизывал ужасный страх, она понимала, что ей нельзя этого делать, чувствовала, что боги требуют искупления, какого-то очищения, иначе они никогда не выпустят ее из комнаты. Ни жилки, ни мытье рук здесь не помогли бы. Что же нужно богам?

И вдруг она осознала, почему боги не пускают ее в дверь. Дело было в той клятве, когда она именем матери поклялась перед отцом. Поклялась в том, что всегда будет исполнять волю богов, какой бы она ни была. А сейчас она чуть не отступилась от своего слова. «Мама, прости меня! Я никогда не стану бросать вызов богам. Но я должна пойти к отцу и объяснить ему затруднительное положение, в которое нас поставили боги. Мама, помоги мне пройти в дверь!»

Как бы в ответ на мольбу, ей на ум пришел спо-

соб, каким образом она выйдет из комнаты. Ей нужно было зафиксировать свой взгляд на точке рядом с верхним правым углом двери, не сводя глаз с этого места, шагнуть за порог правой ногой, перенести туда левую руку, затем изогнуться и вытолкнуть за дверь левую ногу, подтягивая правую руку. Это было очень запутанно и сложно, словно какой-то экзотический танец, но, исполняя все очень тщательно, она справилась с заданием.

Дверь отпустила ее. И хотя Цин-чжао по-прежнему ощущала свои мысли как нечистые, давление на нее несколько уменьшилось. До предела терпимости. Она свободно дышала, могла говорить, не давясь словами.

Она спустилась вниз по лестнице и позвонила в маленький колокольчик, висящий рядом с дверью отцовского кабинета.

— Это ты, дочь моя, моя Во Славе Блистательная? — спросил отец.

— Да, о великий, — ответила Цин-чжао.

— Я готов принять тебя.

Она открыла дверь и ступила в комнату. От нее не требовалось исполнять при этом какой-нибудь ритуал. Она немедля направилась к креслу Хань Фэй-цзы перед терминалом и опустилась перед

отцом на колени.

— Я провел беседу с твоей Си Ванму, — сказал отец, — и хочу сказать, что твоя первая служанка оказалась очень стоящей и талантливой девочкой.

Ей потребовалось несколько секунд, чтобы понять, о чем говорит отец. Си Ванму? При чем здесь эта древняя богиня? Она удивленно взглянула на него, затем перевела взгляд туда, куда смотрел отец, — на девочку-служанку в чистом сером платье, скромно потупившую глаза и коленопреклоненную. Только тогда она вспомнила о девочке с рисовых полей, вспомнила, что та должна была стать доверенной служанкой Цин-чжао. Как же она могла забыть?! Прошло всего несколько часов с тех пор, как Цин-чжао рассталась с ней. Но за это время Цин-чжао успела бросить вызов богам, и если не выиграла сражение, то, по крайней мере, пока и не проиграла. Что значит прием на работу служанки в сравнении с противостоянием богам?

— Ванму дерзка и честолюбива, — продолжал отец, — но также она честна и обладает куда большими способностями, чем я ожидал. Насколько я понял по ее светлому уму и обостренному честолюбию, вы обе хотите, чтобы она стала не только

твоей служанкой, но и ученицей.

Ванму судорожно втянула воздух, и когда Цин-чжао взглянула на нее, то увидела, что девчушка выглядит до смерти напуганной. «Ах да, она, должно быть, подумала, что я сочла, будто это она рассказала отцу о наших тайных намерениях».

— Не стоит волноваться, Ванму, — успокоила ее Цин-чжао. — Отец почти всегда догадывается о том, что от него скрывают. Я знаю, ты ни словом не обмолвилась об этой части нашего уговора.

— Если бы все секреты были настолько просты, как этот! — добавил отец. — Дочь моя, я восхищен твоей благочестивой щедростью. Боги отметят твой поступок, как отметил его я.

Его похвала целебной мазью легла на кровоточащую рану. Наверное, именно поэтому она не была уничтожена во время своего бунта, именно поэтому какой-то бог сжалился над ней и показал, как перешагнуть через порог комнаты. И дерзкий поступок самой Цин-чжао стал в глазах богов не столь святотатственным только потому, что она отнеслась к Ванму с мудростью и состраданием, простив дерзость девочки.

«Но Ванму не раскаивается в своих честолюбивых устремлениях, — подумала Цин-чжао. — Как не раскаиваюсь в содеянном я. Я не должна поз-

волить отцу погибнуть потому, что не смогла найти — или изобрести — основанного не на участии высших сил объяснения исчезновения флота на Лузитанию. И, кроме того, кто я такая, чтобы оспаривать устремления божьи? Они скрыли от людей флот. А деяния богов должны сразу узнаваться их преданными слугами, пусть даже они останутся сокрытыми от неверующих, заполнивших остальные миры».

— Отец, — обратилась к нему Цин-чжао, — я хотела бы поговорить с тобой относительно той задачи, что ты мне поручил.

Отец неправильно истолковал ее колебания:

— Мы можем говорить при Ванму без стеснения. Она теперь твоя доверенная служанка. Ее отцу была переведена плата за наем, в ее мозг уже введены первичные барьеры, отвечающие за безопасность и сохранение тайны. Мы можем доверять ей, она не выдаст ни единого слова из сказанного здесь.

— Да, отец, — согласилась Цин-чжао. По правде говоря, она снова забыла, что при их разговоре присутствует Ванму. — Отец, я знаю, куда девался флот на Лузитанию. Но ты должен обещать мне, что никогда не выдашь этой тайны Звездному Конгрессу.

Лицо отца, обычно безмятежное и мирное, заметно напряглось.

— Я не могу обещать этого, — произнес он. — Я потеряю уважение к себе, если предам своих хозяев.

Что же ей тогда делать? Как объяснить? И в то же время она не могла не сказать ему.

— Кто твои истинные хозяева? — сорвалась она на крик. — Конгресс или боги?

— Прежде всего боги, — ответил отец. — Они всегда стоят на первом месте.

— Тогда я должна сказать тебе, отец, я обнаружила, что именно боги укрыли от нас флот. И если ты передашь мои слова Конгрессу, то правители высмеют тебя и твоя жизнь будет разрушена. — Внезапно ей на ум пришло еще одно доказательство ее правоты. — И, отец, если флот остановили боги, значит он, по сути своей, был послан против их воли. А если Звездный Конгресс, отправив флотилию, пошел против воли…

Отец поднял руку, приказывая ей замолчать. Она сразу замолкла и склонила голову. Она ждала.

— Конечно же это боги, — промолвил наконец он.

Его слова принесли с собой и облегчение, и но-

вое унижение. Он сказал «конечно». Стало быть, он знал все наперед?

— Все происходящее в нашей Вселенной свершается волей богов. Но не заблуждайся, считая, будто знаешь почему. Ты говоришь, скорее всего, они остановили флот потому, что решили таким образом помешать исполнению отданного ему приказа. Но я говорю, что Конгресс не смог бы даже собрать флотилию, не будь на то воли богов. Так почему бы не предположить, что боги остановили флот потому, что его миссия была настолько велика и благородна, что человечество просто не заслужило ее? Или что они спрятали от нас флотилию для того, чтобы я смог поручить тебе разгадать эту тайну? Несомненно одно: боги дозволили Звездному Конгрессу управлять значительной частью человечества. И пока Конгресс располагает благословением небес, мы, люди Пути, беспрекословно будем выполнять приказы нашего правительства.

— Я вовсе не хотела восставать… — Она не смогла закончить предложение — в ее слова закралась очевидная ложь.

Отец, разумеется, прекрасно ее понял:

— Я слышу, как срывается твой голос и твои слова уходят в ничто. Это потому, что ты сама по-

нимаешь: то, что ты сейчас говоришь, — неправда. Забыв все, чему я тебя учил, ты решилась восстать против Звездного Конгресса. — В голосе его прозвучала нежность. — Ради меня ты пошла против Конгресса.

— Ты мой прародитель. Я обязана тебе бóльшим, чем им.

— Я твой отец. Я стану твоим предком, только когда умру.

— Тогда я сделала это ради матери. Если правители когда-нибудь лишатся благоволения небес, я стану самым заклятым их врагом, ибо я буду служить настоящим богам.

И когда она произнесла это, Цин-чжао сама почувствовала, что ее слова превратились в опасную полуправду. Всего считаные минуты назад — перед тем, как ее остановила дверь, — разве она не готова была пойти даже против богов, чтобы спасти отца? «Я ужасная, самая нечестивая дочь во всей Вселенной», — подумала она.

— Я хочу сказать тебе, моя Во Славе Блистательная дочь, что противостояние Конгрессу ничего хорошего мне не принесет. И тебе тоже. Но я прощаю твою бесконечную любовь ко мне. Это наиболее невинное и неопасное из всех прегрешений.

Он улыбнулся. Его улыбка несколько успокоила ее, хоть она и говорила себе, что не заслуживает одобрения. К Цин-чжао вернулась способность размышлять, и она вновь обратилась к волнующей ее загадке.

— Ты знал, что это дело рук богов, и все же заставил меня искать ответ.

— Однако правильно ли ты поставила перед собой вопрос? — спросил отец. — Вопрос, ответ на который мы ищем, звучит так: «Каким образом боги совершили это?»

— Откуда мне знать? — удивилась Цин-чжао. — Они могли уничтожить флот, спрятать его где-нибудь или перенести в потайное местечко к себе, на Запад…

— Цин-чжао! Посмотри на меня. И внимательно выслушай.

Она подняла глаза. Отданный резким тоном приказ принес ей необходимое успокоение, направил мысли в нужное русло.

— Одной-единственной вещи я пытался научить тебя всю свою жизнь, Цин-чжао, и сейчас тебе пришла пора осознать ее. Боги ответственны за все, что происходит, но они никогда не действуют в открытую. Только в обличье. Ты слышишь меня?

Она кивнула. Он повторял ей эти слова сотни раз.

— Ты слышишь, но не понимаешь меня, даже сейчас, — вздохнул отец. — Боги избрали в слуги людей Пути, Цин-чжао. Только мы можем слышать их голоса. И только нам дозволено увидеть и понять, что они первопричина всего, что было, есть и будет. Для других людей их деяния остаются в тайне, превращаются в загадку. Твоя задача заключается не в том, чтобы открыть истинную причину исчезновения флота на Лузитанию, — весь Путь сразу понял, что так пожелали боги и случилось это только по их воле. Твоя задача — открыть тот лик, который создали себе боги на этот раз.

Цин-чжао ощутила небывалую опустошенность, голова ее слегка кружилась. Она была уверена, что нашла ответ, что справилась с заданием. А теперь все начиналось сызнова. Ее ответ был верным, но теперь изменилось само задание.

— Сейчас, когда мы не можем найти естественного объяснения, боги предстают обнаженными перед глазами всего человечества — как верующего, так и неверующего. Боги наги, и мы должны облачить их. Мы должны выявить ту цепь собы-

тий, которая была создана ими для объяснения таинственного исчезновения флота, чтобы придать ему естественный вид в глазах неверующих. Мне казалось, ты понимаешь это. Мы служим Межзвездному Конгрессу, но, служа Конгрессу, мы также почитаем богов. Боги желают, чтобы мы обманули Конгресс, а Конгресс просто жаждет быть обманутым.

Цин-чжао кивнула, онемев от охватившего ее разочарования — задача по-прежнему осталась невыполненной.

— Ты считаешь меня бессердечным? — спросил отец. — Или нечестным? Может, я слишком жесток к неверующим?

— Как может дочь судить своего отца? — прошептала Цин-чжао.

— Может, — утвердительно кивнул отец. — Каждый божий день одни люди судят других. Вопрос только в том, мудры ли мы в своих суждениях.

— Тогда я считаю, что в том, чтобы говорить с неверующими на неверном языке, особого греха нет, — ответила Цин-чжао.

Не мелькнула ли улыбка в уголках его рта? Или она ошиблась?

— Ты действительно поняла, — торжественно

произнес отец. — Если когда-нибудь Конгресс придет к нам, смиренно вопрошая об истинной правде, тогда мы научим их Пути, и они станут частью его. До того времени мы служим богам, помогая неверующим обманывать себя мыслями, будто все на свете имеет естественное объяснение.

Цин-чжао низко поклонилась, чуть не коснувшись головой пола:

— Ты не раз пытался научить меня этому, но до сегодняшнего дня передо мной никогда не стояло проблемы, которая основывалась бы на этой истине. Прости глупость недостойной дочери.

— У меня нет недостойной дочери, — улыбнулся отец. — У меня единственная дочь, и она Во Славе Блистательная. Истиной, которую ты познала сегодня, владеют лишь немногие из живущих на Пути. Вот почему только избранные из нас способны непосредственно общаться с людьми из других миров, не вводя их в смущение своими словами. Ты удивила меня сегодня, дочь моя, не тем, что до сих пор не поняла сказанного мной, а тем, что пришла к пониманию этой истины в таком юном возрасте. Я был почти на десять лет старше тебя, когда открыл ее для себя.

— Как могу я научиться чему-то раньше, чем

познал это ты, отец? — Сама идея о том, что она превзошла одно из его достижений, была практически невыносимой для нее.

— Потому что у тебя есть я, чтобы объяснить это, — ответил отец, — тогда как мне приходилось все открывать самому. Но я вижу, что мысль о том, что ты научилась чему-то раньше меня, пугает тебя. Неужели ты думаешь, что превосходство моей дочери обесчестит меня? Напротив, на свете не может быть большей чести для родителя, чем иметь ребенка, который более велик, чем он сам.

— Я никогда не стану такой великой, как ты, отец.

— В каком-то смысле ты права, Цин-чжао. Потому что ты мое дитя, все твои деяния сплетены с моими; ты продолжение меня, тогда как все мы продолжение наших предков. Но внутри тебя заложено такое величие, что я искренне верю: наступит время, когда мне в заслуги будут ставиться больше плоды твоих работ, нежели моих собственных. Если когда-нибудь люди Пути сочтут меня достойным почестей, твои достижения будут составлять половинную долю моего успеха.

Произнеся эти слова, отец поклонился ей не

обычным поклоном вежливости, свидетельствующим о том, что он разрешает ей удалиться, а глубоким, уважительным поклоном, почти коснувшись головой пола. Но все же не коснувшись, потому что иначе было бы оскорбительно. Это могло бы сойти за издевку, если бы он действительно коснулся головой пола перед собственной дочерью. Но он склонился настолько низко, насколько позволял кодекс чести.

На секунду его жест смутил, испугал ее, а затем она все поняла. Когда он настаивал на том, что его шансы быть избранным богом Пути основываются на ее величии, он не имел в виду какое-то отдаленное будущее. Он говорил о настоящем. Он говорил о поставленной перед ней задаче. Если она сумеет распознать обличье богов, найти естественное объяснение исчезновению флота на Лузитанию, тогда его, безусловно, изберут богом Пути. Он полностью доверял ей. Поэтому таким важным стало ее первое задание. Что такое ее вступление в зрелость по сравнению с божественностью отца? Она должна упорнее трудиться, больше раздумывать и одержать победу там, где оказались бессильны лучшие умы вооруженных сил и Конгресса. Трудиться не ради себя, а ради матери, ради богов и ради отца, который станет

одним из них.

Цин-чжао выскользнула из кабинета отца. В дверях она задержалась на секунду и быстро взглянула на Ванму. Одного взгляда, брошенного Говорящей с Богами, было достаточно, чтобы девушка направилась за ней следом.

К тому времени, как Цин-чжао достигла своих покоев, ее всю колотило от еле сдерживаемого желания очиститься. Сегодня она направилась по неправильному пути: она восстала против богов, отказалась сразу принять очищение и проявила глупость, не поняв истинного значения поставленной перед ней проблемы, — все это теперь слилось воедино. Не то чтобы она чувствовала себя особенно грязной, она не чувствовала нужды умыться, не ощущала отвращения к самой себе. Кроме того, похвала ее отца и расположение бога, который научил ее, как пройти через дверь, несколько уменьшили всеобъемлющее чувство самоуничижения. И, взяв к себе Ванму, она поступила достойно — с этим заданием она успешно справилась. Поэтому не собственная греховность вызывала в ней дрожь. Она просто *жаждала* очищения. Цин-чжао не могла дождаться мгновения, когда боги соединятся с ней на время ритуала. Однако она не знала ни одного испытания, которое

утолило бы ее стремление к чистоте.

А затем пришел ответ: она должна была проследить по жилке на каждой половице в комнате.

Она немедля определила место, с которого начнет свой путь, — юго-восточный угол; она будет двигаться вдоль восточной стены, в сторону запада, в направлении богов. Последним ее испытанием станет самая короткая половица в комнате — не больше метра длиной, в северо-западном углу. Это послужит ей наградой — последняя жилка будет такой короткой и легкой.

Она слышала, как в комнату вошла Ванму, мягко ступая вслед за ней, но сейчас Цин-чжао было не до смертных. Боги ждали ее. Она опустилась в углу на колени и окинула взглядом половицу, отыскивая жилку, которую назначат ей боги. Обычно ей приходилось выбирать самой, и тогда она всегда останавливала выбор на самой трудной жилке, чтобы боги не отнеслись к ней с презрением. Но этим вечером ее переполняла уверенность, что боги сами сделают за нее выбор. Первой стала довольно толстая прожилка, волнистая, но ее не составило труда проследить. Боги уже являют ей свое милосердие! Сегодняшний ритуал должен превратиться в подобие разгово-

ра между ней и богами. Сегодня она преодолела невидимую преграду, еще на шаг приблизившись к совершенному пониманию отца. Очень может быть, что когда-нибудь боги смогут говорить с ней просто и ясно, ведь послания богов туманны, тогда как простые люди считают, что все Говорящие с Богами без труда различают суть их посланий.

— О святая! — окликнула ее Ванму.

Радость Цин-чжао словно была создана из тончайшего хрусталя, и Ванму своими словами будто нарочно разбила ее вдребезги. Неужели она не знает, что, когда ритуал прерван, приходится начинать с самого начала? Цин-чжао поднялась с колен и повернулась к девочке.

Ванму, должно быть, увидела ярость, написанную на лице Цин-чжао, но не поняла ее причины:

— О, прости! — сразу воскликнула она, падая на колени и отбивая земные поклоны. — Я совсем забыла, что мне не следует называть тебя «святой». Я всего лишь хотела спросить, что ты потеряла, может быть, я смогу помочь тебе в поисках.

Цин-чжао чуть не рассмеялась — настолько заблуждалась Ванму. Конечно же, Ванму понятия не имеет, что Цин-чжао сейчас беседует с богами.

И теперь, когда ее гнев бесследно испарился, Цин-чжао устыдилась при виде того, как она напугала Ванму своей яростью. Нельзя, чтобы девочка билась в поклонах головой об пол. Цин-чжао не любила, когда люди так унижались.

«Неужели я ее напугала? Я была исполнена радости, потому что боги так отчетливо заговорили со мной, но моя радость была настолько самодовольной, что когда Ванму невинно прервала меня, я выплеснула на нее ненависть. Так я отвечаю богам? Они обращаются ко мне с любовью, а я превращаю ее в ненависть к другим людям, особенно к тем, которые находятся в моей власти. Боги всего лишь еще раз продемонстрировали, насколько я недостойна считаться чистой».

— Ванму, ты ни в коем случае не должна отвлекать меня, когда увидишь, что я склоняюсь над полом.

И Цин-чжао объяснила Ванму суть ритуала очищения, которого требуют от нее боги.

— Я тоже должна исполнять его? — спросила Ванму.

— Нет, только в случае, если боги тебе прикажут.

— Но как мне определить, боги это или нет?

— Если этого не случилось с тобой до сих пор,

Ванму, значит вряд ли когда-нибудь такое произойдет. Но если все-таки это случится, ты сразу поймешь, потому что не сможешь противиться гласу богов, звучащему в твоей голове.

Ванму мрачно кивнула:

— Чем я могу помочь тебе… Цин-чжао?

Имя хозяйки она произнесла очень осторожно и почтительно. Впервые Цин-чжао поняла, что ее имя, которое звучало нежно и страстно, когда его произносил отец, может прозвучать столь величественным, когда его произносят с благоговением. Она ощутила почти физическую боль — ее назвали Во Славе Блистательной, когда внутри она была недостойной и грязной, лишенной своего сияния. Но она не могла запретить Ванму называть ее по имени — ведь как-то девочка должна называть ее, и, кроме того, почтительный тон Ванму послужит Цин-чжао постоянным насмешливым напоминанием о том, насколько недостойна она своего титула.

— Ты очень поможешь мне, если не будешь отвлекать меня, — ответила Цин-чжао.

— Может, мне тогда уйти?

Цин-чжао почти сказала «да», когда вдруг поняла, что почему-то боги хотят, чтобы Ванму стала частью ее очищения. Как она это поняла?

Просто сама мысль о том, что Ванму сейчас уйдет, терзала ее не меньше, чем желание побыстрее вернуться к исполнению ритуала.

— Прошу тебя, останься, — произнесла Цин-чжао. — Ты можешь вести себя тихо, просто наблюдать за мной?

— Да… Цин-чжао.

— Если ритуал слишком затянется и ты почувствуешь, что устала, можешь уйти, — продолжала Цин-чжао. — Но только тогда, когда увидишь, что я двигаюсь с запада на восток. Это значит, что я буду находиться между двух жилок и твой уход не отвлечет меня, но все равно не заговаривай со мной.

Глаза Ванму расширились.

— Ты собираешься проследить каждую жилку на каждой из половиц пола?

— Нет, — покачала головой Цин-чжао. Боги никогда не были настолько жестоки к ней! Но, подумав об этом, Цин-чжао поняла, что когда-нибудь может наступить день, когда боги потребуют от нее такого искупления. Ее кинуло в дрожь при одной мысли об этом. — Только по жилке на каждой половице в комнате. Следи за мной взглядом, хорошо?

Она заметила, как Ванму украдкой бросила

взгляд на мерцающие над терминалом цифры, указывающие время. Наступил час отхода ко сну, а обе девушки сегодня пропустили полуденный отдых. Человеку несвойственно так долго обходиться без сна. Дни на Пути были вполовину короче, чем на Земле, поэтому они никогда не совпадали с внутренними ритмами человеческого организма. Пропустить полуденный сон, а затем допоздна не ложиться в постель — нелегкое испытание.

Но у Цин-чжао не было выбора. И если Ванму не выдержит и заснет, то лучше ей уйти сейчас, как бы боги ни противились этому.

— Ты не должна спать, — сказала ей Цин-чжао. — Если ты заснешь, мне придется заговорить с тобой, чтобы ты подвинулась и дала мне проследить те жилки, до которых я еще не добралась. А если я заговорю с тобой, мне придется начинать все заново. Ты выдержишь? Ты не должна ни спать, ни говорить и в то же время по возможности не двигаться.

Ванму кивнула. Цин-чжао поняла, что девочка твердо намерена в точности все исполнить, но Цин-чжао была не совсем уверена, что ей это удастся. Однако боги настаивали, чтобы при ритуале присутствовала новая доверенная слу-

жанка. Кто такая Цин-чжао, чтобы перечить воле богов?

Цин-чжао вернулась к первой половице и начала все снова. К величайшему облегчению, она обнаружила, что боги по-прежнему остались с ней. На половицах ей доставались самые толстые, самые легкие жилки; а когда она вдруг получала приказание проследить жилку потруднее, то неизбежно получалось, что самая легкая на вид жилка на доске вдруг истончалась до невидимости либо вовсе обрывалась прямо посредине половицы. Боги были милосердны к ней.

Что же касается Ванму, то девочка мужественно боролась с собой. Дважды, когда Цин-чжао двигалась обратно на восток, чтобы выбрать очередную жилку, она мельком кидала взгляд в сторону Ванму и обнаруживала, что та спит. Но когда Цин-чжао прошла совсем рядом с тем местом, где сидела Ванму, то краем глаза заметила, что ее доверенная служанка уже проснулась и так тихонько движется в тот угол, который Цин-чжао уже оставила, что она даже не слышит шороха ее платья. Хорошая девочка. Достойный выбор на должность доверенной служанки.

Наконец, по прошествии долгого времени, Цин-чжао добралась до начала последней половицы,

коротенькой, в самом углу комнаты. Она чуть не вскрикнула от радости, но вовремя сдержалась. Звук ее голоса и неизбежный ответ Ванму сразу порвут паутинку ритуала, и ей придется начинать вновь — невообразимая глупость. Цин-чжао склонилась над краем половицы, находясь меньше чем в метре от северо-западного угла комнаты, и остановила взгляд на самой толстой прожилке. Она привела Цин-чжао, верно и четко, прямо к противоположной стене. Ритуал был исполнен.

Цин-чжао бессильно прислонилась к стене и с облегчением рассмеялась. Но она настолько ослабла и устала, что, должно быть, для Ванму ее смех прозвучал словно плач. В следующую же секунду девочка оказалась рядом с ней, тихонько дотронувшись до плеча.

— Цин-чжао, — позвала она, — тебе больно?

Цин-чжао взяла ручку девочки и задержала в своей:

— Нет, не больно. По крайней мере, если и больно, то хороший сон залечит все раны. Я закончила. Я чиста.

Во всяком случае, достаточно чиста, чтобы не чувствовать невольного отторжения, сжимая ручку Ванму и прикасаясь к ее коже. Это был дар божий, что после исполнения ритуала она может

вот так подержаться за чью-то руку.

— Ты молодец, — сказала Цин-чжао. — Мне было легче сосредоточиться на жилках, когда ты осталась со мной в комнате.

— Мне кажется, я один раз задремала, Цин-чжао.

— Один-два раза, не больше. Но когда нужно было, ты проснулась, так что никакого вреда это не причинило.

Ванму внезапно расплакалась. Она закрыла глаза, но не отняла от Цин-чжао руку, чтобы спрятать лицо. Слезы покатились по ее щекам.

— Ванму, почему ты плачешь?

— Я не понимала, — ответила она. — Это действительно нелегко — быть Говорящей с Богами. Я не знала.

— И не менее трудно быть настоящей подругой Говорящей с Богами, — улыбнулась Цин-чжао. — Вот почему я не хочу, чтобы ты становилась моей служанкой, звала меня святой и пугалась при звуке моего голоса. Такую служанку мне пришлось бы отсылать из комнаты каждый раз, когда боги захотят обратиться ко мне.

Несмотря на ее утешения, слезы у Ванму хлынули с новой силой.

— Си Ванму, неужели тебе так нелегко со

мной? — спросила Цин-чжао.

Ванму покачала головой.

— Если когда-нибудь ты почувствуешь, что уже не выдерживаешь, я пойму тебя. Тогда ты можешь оставить меня. Я и прежде была одна. Я не боюсь остаться в одиночестве.

Ванму снова покачала головой, только на этот раз с некоторым ожесточением:

— Как я могу покинуть тебя, после того как увидела, насколько нелегко тебе приходится?

— В один прекрасный день будет написана целая история о том, как Си Ванму неизменно присутствовала в комнате во время очищения Хань Цин-чжао.

Внезапно на лице Ванму заиграла улыбка, и, несмотря на то что по щекам все еще текли слезы, ее глаза открылись и полыхнули весельем.

— Ты сама-то поняла, как удачно сейчас пошутила? — спросила Ванму. — Меня зовут Си Ванму. Когда люди будут рассказывать эту историю, они не будут знать, что с тобой находилась твоя доверенная служанка. Они подумают, что это была Владычица Запада.

Цин-чжао тогда тоже рассмеялась. Но в голове у нее мелькнула мысль, что, возможно, Владычица и в самом деле прародительница Ванму и, взяв

Ванму себе в подруги, Цин-чжао вместе с тем обрела новую близость с богиней, чуть ли не самой старшей из всех богов.

Ванму, готовясь ко сну, разложила циновки — Цин-чжао только пришлось показать ей, как это делается; это входило в обязанности Ванму, и теперь каждый вечер она будет расстилать циновку для Цин-чжао, хотя сама Цин-чжао никогда особо не тяготилась этим занятием. Когда они улеглись, их циновки находились близко-близко друг к другу, так что ни одной жилки не виднелось между ними. Цин-чжао заметила, что сквозь щели в окнах просачивается серый свет, они оставались на ногах весь день и всю ночь. Ванму многим пожертвовала ради нее. Она станет настоящей подругой.

Несколько минут спустя, когда Ванму уже заснула, а Цин-чжао только погружалась в пучину сновидений, Цин-чжао вдруг подумала: как это Ванму, нищей девчонке, удалось подкупить мастера, чтобы тот не прерывал ее разговора с Цин-чжао. Может быть, какой-нибудь шпион заплатил за нее, чтобы она внедрилась в дом Хань Фэй-цзы? Нет, Ю Кун-мэй, охранник дома Хань, сразу бы узнал об этом и Ванму никогда бы не приняли на работу. Си Ванму дала взят-

ку не деньгами. Ей всего четырнадцать, но она превратилась уже в настоящую красавицу. Цин-чжао прочла достаточно исторических книг и биографий знаменитых людей, чтобы знать, чем именно дают взятки женщины.

Про себя Цин-чжао мрачно решила, что это дело надо тайно расследовать и, если все окажется правдой, немедленно и с позором изгнать мастера; правда, в ходе расследования не следует упоминать имени Ванму, чтобы защитить ее от дурной молвы. Цин-чжао расскажет все Ю Кун-мэю, а тот уже проследит, чтобы все было исполнено должным образом.

Цин-чжао взглянула на милое личико спящей служанки, своей новой подруги, и почувствовала, как ее переполняет печаль. Цин-чжао больше всего печалил не сам факт, что Ванму пришлось заплатить мастеру, а то, что она заплатила телом, чтобы добыть себе такую неблагодарную, тяжелую, ужасную работу — стать служанкой у Цин-чжао. Если уж женщине приходится продать путь в свое чрево — в истории человечества многие женщины вынуждены были так поступать, — то боги должны воздать ей за такой подвиг.

Вот почему Цин-чжао заснула тем утром с твер-

дым намерением посвятить себя обучению Си Ванму. Правда, она не позволит, чтобы занятия с Ванму помешали ее работе над разгадкой исчезновения флота на Лузитанию, но все свободное время отдаст девочке, чтобы достойно воспитать ее, помня о жертве, которую та принесла. Да и боги будут ожидать от Цин-чжао того же, ведь они послали ей такую замечательную доверенную служанку.

8
Чудеса

– Недавно Эндер обратился к нам с просьбой, чтобы мы придумали способ перемещаться в пространстве со скоростью, превосходящей скорость света. Он очень просил, чтобы мы хорошенько над этим поразмыслили.

– И ты ответила ему, что это невозможно.

– Мы так считаем. Так считают люди-ученые. Но Эндер настаивает на том, что если ансибли могут передавать информацию, значит и мы сможем с такой же скоростью пересылать материю. Чушь, конечно, – разница между информацией и физической реальностью слишком велика.

– А для чего ему вдруг потребовалось путешествовать с такой скоростью?

– Вот ведь глупость, да? Добраться куда-то, обогнав по пути свой образ?! Все равно что пытаться войти в зеркало, чтобы по-

знакомиться с отражением самого себя.

– Эндер и Корнерой не раз обсуждали это – я слышал. Эндер считает, что, возможно, и материя, и энергия состоят из одного и того же – из информации. Наша физическая реальность – не что иное, как послание, которое филоты передают друг другу.

– И что ответил Корнерой?

– Он сказал, что Эндер в чем-то прав. Физическая реальность действительно послание, но послание это есть вопрос, который филоты постоянно задают Богу.

– Какой вопрос?

– Он состоит всего из одного слова: почему?

– И как же Бог отвечает филотам?

– Он отвечает им жизнью. Корнерой говорит, что, наделив Вселенную жизнью, Господь тем самым придал ей смысл.

Вся семья Миро собралась, чтобы встретить его по возвращении на Лузитанию. Прошло столько лет, а они по-прежнему любили его. И он любил их и после месяца, проведенного в космосе, с нетерпением ожидал мгновения, когда снова

увидит семью. Миро понимал, по крайней мере умом, что за месяц полета на планете минуло четверть столетия. Он подготовил себя к морщинкам на лице матери, к тому, что Грего и Квара стали совсем взрослыми — им уже по тридцать с лишним лет. Чего он никак не мог предвидеть, так это того, что они станут ему чужими. Нет, больше чем чужими. Они превратились в абсолютно незнакомых людей, которые жалели его, считали, что знают его, и смотрели на него как на ребенка. Они стали старше его. Все как один. И в то же время оставались куда моложе, потому что боль и потери не коснулись их, в отличие от него.

Как обычно, Эла повела себя лучше всех. Она обняла Миро, поцеловала и сказала:

— Я чувствую себя такой смертной! Но я рада, что ты, как прежде, молод.

По крайней мере, у нее хватило мужества признать, что между ними теперь встала стена, хоть и притворилась, будто в роли этой стены выступила молодость. Все верно, Миро действительно остался таким, каким они его помнили. Во всяком случае, его лицо осталось прежним. Давным-давно потерянный брат восстал из мертвых; вечно молодой призрак явился преследовать семью. На самом деле их отделяло друг от друга то, как он

двигался, как говорил.

Они явно забыли, каким беспомощным он стал, как плохо откликается его поврежденное тело на приказы мозга. Подволакивающий шаг, бессвязная, почти неразборчивая речь — их память стерла все недостатки и зафиксировала его таким, каким он был до несчастного случая. Кроме того, он всего лишь за несколько месяцев до путешествия стал калекой. Они с легкостью позабыли об этом и вспоминали Миро таким, каким знали его много лет: сильным, здоровым, единственным мужчиной, которого они могли сравнить с человеком, называемым ими отцом. Теперь им трудно было скрыть потрясение. Он видел их сомнения, ловил брошенные украдкой взгляды, чувствовал, как они изо всех сил пытаются не обращать внимания на его невнятную речь, на его медленный шаг.

Он всем телом ощущал их нетерпение. Спустя несколько минут он заметил, как кое-кто начинает искать пути к отступлению. «Слушай, еще столько дел! Увидимся за обедом». Его увечность заставляла их чувствовать себя настолько неуютно, что им приходилось спасаться бегством, им нужно было какое-то время, чтобы принять Миро таким, каким он вернулся к ним, или, возможно,

придумать, как бы с ним вообще не встречаться или хотя бы делать это как можно реже. Хуже всего оказались Грего и Квара, они первыми обратились в бегство, что очень уязвило Миро, а ведь когда-то они боготворили его. Конечно, он понимал, насколько тяжело им было иметь дело с Миро-калекой, который оказался перед ними. Образ прежнего Миро был овеян наивной романтикой, и, естественно, им было больно видеть столь явное противоречие своим идеалам.

— Мы хотели устроить большой семейный обед, — сказала Эла. — Мама была за, но я подумала, что лучше подождать. Надо дать тебе время освоиться.

— Надеюсь, вы не ждали только меня все эти годы, чтобы сесть за стол, — улыбнулся Миро.

Казалось, только Эла и Валентина поняли его шутку; они единственные отреагировали естественно, усмехнувшись вместе с ним. Остальные, насколько заметил Миро, вообще не разобрали ни слова.

Они стояли в высокой траве рядом с посадочной площадкой, здесь собралась его семья. Мать, ей уже за шестьдесят, волосы приобрели серый, стальной оттенок, лицо светится силой, как и прежде. Он вдруг понял, что когда-нибудь она

умрет. Не через тридцать — сорок лет, но умрет. Замечал ли он раньше, как она красива? Ему казалось, что союз с Говорящим от Имени Мертвых смягчит ее, вернет ей былую молодость. Может быть, так и случилось, может быть, Эндрю Виггин возродил в ее сердце огонь молодости. Но тело ее стало таким, каким сделало его время. Она постарела.

Эла, ей сорок. Мужа рядом не видно, может, она и замужем, а он просто не пришел. Но скорее всего, не замужем. Эла вышла замуж за свою работу. Она, казалось, была искренне рада видеть Миро, пусть даже и не могла скрыть жалости и участия. Неужели она думала, что месяц полета на скорости света каким-то образом излечит его? Неужели она думала, что он сойдет с шаттла сильным и крепким, как покоряющий пространства бог из дешевой мелодрамы?

Квим, облаченный в одеяния священника. Джейн говорила Миро, что его брат стал известным миссионером. Он обратил в веру более полудюжины лесов пеквениньос, окрестил их и, с высочайшего согласия епископа Перегрино, рукоположил свинксов-священников, чтобы те толковали Священное Писание своему народу. Он окрестил всех пеквениньос, вынырнувших

из материнских деревьев, всех матерей, прежде чем те умерли, всех стерильных жен, которые заботились о маленьких матерях и их отпрысках, всех братьев, ищущих славной смерти, и все деревья. Однако только жены и братья могли принимать причастие, а что касается свадеб, то сложно было изобрести какой-нибудь разумный путь, чтобы сочетать браком дерево-отца и слепых, неразумных личинок, спаривающихся с ним. Но Миро отметил в глазах Квима огонек священной экзальтации. Это было мерцание силы, использованной во благо. Из всей семьи Рибейра Квим единственный с раннего детства знал, чему он хочет посвятить дальнейшую жизнь. И теперь он воплощал свою мечту. Если не обращать внимания на теологические неувязки, он явился святым Павлом для свинксов, и это наполняло его постоянной радостью. «Ты служишь Богу, младший брат, и Бог сделал из тебя своего человека».

Ольяду. Его серебряные глаза блестят, рукой он обвивает талию прекрасной женщины, их окружают шестеро детей, самый младший едва-едва научился ходить, самая старшая разменяла второй десяток. Несмотря на то что у детей были нормальные глаза, на их лицах все равно было написано свойственное их отцу бесстрастное

выражение, отстраненность. Они не переживали, они просто смотрели. Такой взгляд был характерен для Ольяду. Миро вдруг пришла на ум неприятная мысль, что, очень может быть, Ольяду произвел на свет целое семейство безучастных наблюдателей, ходячих записывающих аппаратов, регистрирующих каждое событие, чтобы проиграть его для себя позднее. Нет, у него просто разыгралось воображение. Миро всегда ощущал некоторую неловкость в общении с Ольяду, поэтому приготовился к тому, что из-за похожести детей Ольяду на отца он и с ними будет чувствовать себя скованно. Их мать была очень красива. Ей, наверное, еще и сорока нет. Сколько ей было лет, когда Ольяду женился на ней? Что за женщиной она была, если решилась полюбить человека с искусственными глазами? Может быть, Ольяду записывал их любовные сцены, а затем проигрывал ей, чтобы показать, как она выглядит в его глазах?

Миро немедленно устыдился подобных мыслей. «Неужели при виде Ольяду я могу думать только об одном — о его ущербности? А ведь я его столько времени знаю! Тогда чего же я жду от них? Они тоже видят мою ущербность, когда смотрят на меня. Улететь отсюда было хорошей

мыслью. Я рад, что Эндрю Виггин предложил мне это. Вот только возвращаться не стоило — незачем. Так что же я здесь делаю?»

Почти против своей воли Миро повернулся и взглянул на Валентину. Она улыбнулась ему, обвила рукой и прижала к себе.

— Все не так плохо, — сказала она.

Не так плохо, как что?

— Меня приветствует один-единственный брат, больше у меня никого нет, — усмехнулась она. — А тебя пришла встречать вся семья.

— Именно, — буркнул Миро.

Только тогда с ним заговорила Джейн, ее голос зазвенел у него в ухе:

— Нет, не вся.

«Заткнись», — мысленно посоветовал ей Миро.

— Один-единственный брат? — поинтересовался Эндрю Виггин. — Тебе меня мало?

Говорящий от Имени Мертвых выступил вперед и заключил сестру в объятия. Неужели Миро и в этих объятиях заметил какую-то неловкость, натянутость? Разве возможно, чтобы Валентина и Эндрю Виггин стеснялись друг друга?

Да это просто смешно. Валентина, твердая как скала, — ведь она Демосфен, ей положено быть такой, — и Виггин, человек, который вторгся в их

жизнь и бесцеремонно перекроил по-своему всю жизнь их семьи. Разве им свойственна робость? Разве они могут стать чужими?

— Ты премерзко постарела, — сказал Эндрю. — И исхудала как щепка. Джакт что, совсем тебя не кормит?

— А что, Новинья готовить не умеет? — в ответ спросила Валентина. — Ты, похоже, еще больше поглупел с тех пор, как мы в последний раз виделись. Я прибыла сюда как раз вовремя, чтобы засвидетельствовать твою полнейшую умственную деградацию.

— А я-то думал, ты спасешь мир.

— Вселенную. Только тебя я пропущу вперед.

Она снова опустила руку на плечо Миро, другой обняла Эндрю и обратилась ко всем присутствующим:

— Вас здесь очень много, но я чувствую себя так, будто знаю всех без исключения. Надеюсь, что и вы скоро испытаете те же чувства по отношению ко мне и моей семье.

«Какой изящный ход! Одной фразой рассеять напряжение, витавшее в воздухе. Даже у меня на душе стало легче, — подумал Миро. — Она управляет людьми. Как управляет ими Эндрю Виггин. Интересно, этому она у него научилась или он — у

нее? Или это в их семействе врожденное? Если уж на то пошло, их брат Питер был верховным правителем, он был настоящим Гегемоном. Ну и семейка! Не менее странная, чем моя. Только они странны своей гениальностью, тогда как моя семья стала странной от боли, мучившей нас долгие годы и калечившей наши души. А я самый странный из всех, самый искалеченный. Эндрю Виггин пришел, чтобы залечить наши раны, и преуспел в этом. Но внутренние повреждения — можно ли когда-нибудь излечить их?»

— Как насчет небольшого пикника? — спросил Миро.

На этот раз рассмеялись все. «Ну как, Эндрю, Валентина? Удачно я пошутил? Помог ли я разрядить обстановку? Помог ли каждому притвориться, будто все рады меня видеть и понимают, кто я такой».

— Она хотела прийти, — сообщила в ухо Миро Джейн. «Заткнись, — повторил Миро. — Я все равно не хотел, чтобы она приходила».

— Она увидится с тобой позже.

«Нет».

— Она замужем. У нее четверо детей.

«Мне теперь все равно».

— Она уже много лет не повторяла твоего име-

ни во сне.

«А мне казалось, мы с тобой друзья».

— Мы действительно друзья. Я могу читать твои мысли.

«Ты постоянно суешь нос не в свое дело, старая сучка, и ты ничего не можешь».

— Она придет к тебе завтра утром. В дом твоей матери.

«Ноги моей там не будет».

— Ты думаешь, сможешь убежать?

Во время этого диалога с Джейн Миро ни слова не слышал из того, что говорилось вокруг, но ничего важного он не пропустил. Муж Валентины и ее дети спустились с борта, и она представляла их гражданам Милагре. В частности, их дяде. Миро весьма удивился, видя, с каким благоговением они обращаются к нему. Ах да, ведь они-то знали, кто он такой на самом деле. Эндер Ксеноцид — да, но также Говорящий от Имени Мертвых, человек, написавший «Королеву Улья» и «Гегемона». Теперь и Миро это знал, но в первый раз он встретил Виггина с неприкрытой враждебностью — в его глазах Эндрю был всего лишь Говорящим от Имени Мертвых, жрецом гуманистической религии, который, казалось, намеревался наизнанку вывернуть членов семьи Миро и выставить на

свет Божий все их пороки. Что он и сделал.

«Думаю, мне повезло больше, чем им, — подумал Миро. — Мне повезло принять его как человека прежде, чем я узнал, что на самом деле он один из самых великих людей в истории человечества. Они, наверное, никогда не узнают его так, как я. А вообще-то, я на самом деле не знаю его. Я никого не знаю, и никто не знает меня. Мы проводим наши жизни в догадках о том, что происходит в голове нашего соседа, и, когда вдруг по счастливой случайности угадываем правильно, начинаем считать, что мы „поняли“ его. Какая чушь! Даже обезьяна, посади ее за компьютер, какое-нибудь слово да напечатает».

«Вы не знаете меня, никто меня не знает, — мысленно повторил он. — А меньше всех — та проклятая стерва, вечно сующая свой нос куда попало и живущая у меня в ухе. Эй, ты слышала?»

— Твое нытье? Как же я могла пропустить такое?!

Эндрю загружал багаж в машину. Места оставалось максимум для двоих-троих человек.

— Миро, ты поедешь со мной и Новиньей?

Но ответ Миро предупредила Валентина, взяв его за руку.

— Не поддавайся на его уговоры, — сказала

она. — Лучше пройдись со мной и Джактом. Мы все привыкли друг к другу за время путешествия на корабле.

— Отлично, — кивнул Эндрю. — Мать не видела его двадцать пять лет, а ты хочешь, чтобы он прогулялся с тобой. Ты сама чуткость.

Эндрю и Валентина продолжали общаться в том насмешливом тоне, который избрали с самого начала, поэтому от решения Миро здесь ничего не зависело. Виггины шутя принялись разбираться между собой. Никогда в жизни он бы не сказал: «Мне надо ехать, я ведь калека». Не мог он принять и брошенный ему вызов, ведь тогда кто-то непременно принялся бы опекать его. Сам спор был затеян так ловко, что Миро даже показалось, что Валентина и Эндрю сговорились между собой заранее. А может, им и не нужно было сговариваться наперед. Может быть, они провели столько лет вместе, что без малейших раздумий выбирали правильный путь, чтобы ни в коем случае не причинить боль или обиду другим людям. Подобно актерам, которые настолько часто исполняли вместе одни и те же роли, что могли без малейшего смущения импровизировать.

— Я, пожалуй, пройдусь, — сказал Миро. — Я пойду кружным путем. Вы идите вперед.

Новинья и Эла было запротестовали, но Миро заметил, как Эндрю тихонько сжал Новинье руку, а что касается Элы, то ее протесты пресек Квим, обняв ее за плечи.

— Иди прямо домой, — сказала напоследок Эла. — Долго или недолго, мы будем ждать тебя. Иди прямо домой.

— Куда ж еще мне идти? — усмехнулся Миро.

Валентина не знала, что случилось с Эндером. Шел всего лишь второй день ее пребывания на Лузитании, но она уже почувствовала: происходит что-то не то. Конечно, неприятностей было достаточно, чтобы заставить Эндера беспокоиться и искать выхода. Он посвятил сестру в проблемы, возникшие у ксенобиологов с десколадой, в суть напряженных отношений между Грего и Кварой, и, конечно, не стоило забывать о флоте, направленном Конгрессом, — о смерти, грядущей с неба. Но Эндеру не впервой приходилось сталкиваться со всякого рода неприятностями, в особенности за годы полетов в качестве Говорящего от Имени Мертвых. Он с головой погружался в проблемы наций и семей, обществ и отдельных людей, пытаясь понять, а затем освободить и исцелить сердца от всяческих недугов. Но никогда он не реагировал на все так болезненно, как сейчас.

Хотя нет, один раз было.

Когда они были совсем детьми, Эндера прочили на должность главнокомандующего флотом, посланным против заселенных жукерами миров. После нескольких лет обучения в Боевой школе его привезли ненадолго на Землю — как выяснилось позднее, это был период затишья перед последней бурей. Эндер и Валентина не виделись друг с другом с тех пор, как ему исполнилось пять лет, им даже не позволяли обмениваться письмами. А затем внезапно воспитатели изменили тактику и привезли Валентину к Эндеру. Он содержался в огромном частном особняке неподалеку от их родного города. Целыми днями он только и делал, что купался или плавал на плоту по озеру, погруженный в себя, совершенно измученный.

Сначала Валентине показалось, что с ним все в порядке, и она безумно обрадовалась, увидев его после долгой разлуки. Но вскоре поняла, что с ним происходит что-то неладное. Только в те дни она не знала Эндера настолько хорошо — ведь он больше половины жизни провел вдалеке от нее. Однако она сразу догадалась, что ему несвойственно настолько уходить в себя. Дело было даже не в этом. У него не осталось мыслей, чтобы

в них погружаться, поэтому он словно опустел изнутри, в нем ничего не осталось. Он отделил себя от окружающего мира. И ее задачей было вернуть его назад. Вернуть и показать ему место, которое он занимал в сложной структуре — паутине, сотканной человечеством.

Она сделала это. Поэтому Эндер вернулся в космос и командовал огромным флотом, который наголову разбил жукеров. С тех самых пор Валентина не замечала никаких нарушений в его связи с миром.

А теперь судьба снова разлучила их на значительный срок. Двадцать пять лет для нее и тридцать для него. И снова он кажется каким-то отстраненным. Валентина внимательно изучала Эндера, пока тот вез ее, Миро и Пликт по бескрайним зарослям капима.

— Мы словно маленькая лодочка, затерянная в безбрежном океане, — заметил Эндер.

— Не совсем, — ответила Валентина, припомнив, как один раз Джакт взял ее с собой в один из рейдов, краткосрочный, чтобы только расставить сети. Трехметровые волны высоко подкидывали их, чтобы потом утащить в глубокие провалы. На большой рыбацкой шхуне эти волны практически не замечались, ощущались как не самая

сильная качка, но с борта маленького суденышка эти волны выглядели настоящими горами. У Валентины в буквальном смысле слова захватывало дух. Ей пришлось соскользнуть со скамьи на палубу, ухватиться обеими руками за сиденье, и только тогда она смогла облегченно вздохнуть. Тяжелая вздымающаяся масса океана ни в какое сравнение не шла с этой мирной травянистой равниной.

Хотя, может быть, для Эндера аналогия была бесспорной. Может быть, когда он видел расстилающиеся впереди пространства капима, он вспоминал о вирусе десколады, упорно и зло трансформирующейся, чтобы пожрать человечество и всю чуждую ей органику. Может быть, для Эндера прерии Лузитании волновались и шумели так же ужасно, как штормовой океан.

Моряки посмеялись тогда над Валентиной — не насмешничали, а ласково пошутили, — как родители, журящие ребенка за напрасные страхи. «Эти волны — детская забава, — говорили они. — Попробовали бы вы оказаться здесь в шторм, когда волны достигают двадцати метров в высоту».

Внешне Эндер был абсолютно спокоен, как те моряки. Спокоен и участлив. Он поддерживал

разговор с ней, с Миро, делал попытки втянуть в разговор постоянно молчащую Пликт, но все-таки что-то скрывал. Что-то произошло между ним и Новиньей? Валентина не так давно была знакома с его женой, чтобы сразу понять, что́ между ними естественно, а что натянуто, — разумеется, открытой ругани не было. Поэтому, скорее всего, проблемой Эндера стала растущая стена между ним и обществом Милагре. Вот это возможно. Валентина хорошо помнила, сколько сил у нее ушло на то, чтобы завоевать расположение трондхеймцев, а ведь она вышла замуж за человека, который обладал огромным влиянием на своей планете. Каково же пришлось Эндеру, женившемуся на женщине, чья семья уже стояла особняком в общине Милагре? Может быть, ему так и не удалось исцелить души здешних людей?

Нет, не то. Когда сегодня утром Валентина встречалась с мэром Ковано Зулжезу и старым епископом Перегрино, те выказали искреннее расположение к Эндеру. Валентине довелось повидать слишком много подобных собраний, чтобы не научиться улавливать разницу между формальными почестями, политическим лицемерием и искренней дружбой. Если Эндер вдруг

почувствовал себя отделенным от этих людей, то произошло это вовсе не по их вине.

«Я слишком зацикливаюсь на этом, — подумала Валентина. — Если Эндер кажется немного странным и отчужденным, это все потому, что мы очень долго не виделись. Или потому, что он чувствует себя неуютно с этим сердитым юношей Миро. Или причиной всему Пликт, которая в своем молчаливом и рассчитанном поклонении Эндеру Виггину отталкивает его от нас. А может быть, это я чересчур надавила на него, когда сразу потребовала встречи с Королевой Улья, не успев даже познакомиться с вожаками свинксов. Ни к чему искать причины его нелюдимости за пределами сегодняшней компании».

На горизонте возник столб дыма — они приближались к городу Королевы Улья.

— Ископаемые горючие вещества, — объяснил Эндер. — Она использует их в огромных количествах. В обычных обстоятельствах она бы себе такого не позволила — Королевы Улья обращаются со своими планетами очень бережно и никогда не идут на подобные траты, тем более в ущерб окружающей среде. Но в последнее время жукеры почему-то вдруг заспешили, а Человек говорит, что Королеве Улья было разрешено сжигать и

перерабатывать полезные ископаемые в любых необходимых количествах.

— Необходимых для чего? — уточнила Валентина.

— Человек не скажет, как не ответит и Королева Улья, но у меня имеются кое-какие предположения. Думаю, и ты кое о чем догадываешься.

— Неужели свинксы с помощью Королевы Улья надеются за одно поколение построить хорошо развитое индустриальное общество?

— Вряд ли, — проговорил Эндер. — Они слишком консервативны для этого. Они хотят знать все, что только можно узнать, но вовсе не мечтают очутиться в окружении машин. Не забывай, деревья в лесу добровольно обеспечивают их любым необходимым инструментом. То, что мы вкладываем в понятие индустрии, им до сих пор кажется грубостью и неотесанностью.

— Что же тогда? Зачем весь этот дым?

— Спросишь у нее, — кивнул в сторону города Эндер. — Может быть, тебе она ответит.

— Мы действительно встретимся с ней лично? — спросил Миро.

— О да, — усмехнулся Эндер. — Или, по крайней мере, предстанем перед ней. Она сможет даже дотронуться до нас. Но возможно, чем меньше

мы увидим, тем лучше. Там, где живет Королева Улья, обычно темно, если только она не готовится откладывать яйца. Тогда ей необходим свет, и рабочие проделывают специальные тоннели, чтобы ее покои освещало солнце.

— У них нет искусственного света? — удивился Миро.

— Они никогда не пользуются им, — пожал плечами Эндер. — Даже на кораблях, которые прилетали в Солнечную систему во время Первого Нашествия, не было ни единой лампочки. Свет им заменяют тепловые волны. Они способны увидеть любое тело, излучающее тепло. Иногда у меня создается впечатление, что свои тепловые источники они специально располагают так, чтобы это несло некий оттенок эстетизма. Что-то вроде терморисунков.

— Так зачем им тогда свет? Яйца можно было бы откладывать и без него, — заметила Валентина.

— Если бы Королева Улья не относилась с таким презрением к человеческой религии, я бы назвал это ритуалом. Лучше сказать, это часть их генетического наследия. Яйца откладываются только при солнечном свете.

Они въехали в город жукеров.

Валентина вовсе не была удивлена тем, с чем

им пришлось столкнуться: еще совсем молодыми она и Эндер отправились вместе с первыми колонистами на планету Ров — мир, который раньше принадлежал жукерам. Но она знала, что Миро и Пликт ожидает много нового, в том числе чуждого, в мире жукеров; по сути дела, даже она чувствовала себя в этом месте как-то неуютно. Не то чтобы город был слишком уж чужд им, нет, — его составляли здания, большинство из которых словно припадало к земле, но в основе архитектуры жукеров просматривались те же принципы, что и в человеческих постройках. Куда больше царапала глаз та небрежность, с которой здания были раскиданы по равнине. Дорог и улиц как таковых не было и в помине, ни один архитектор не позаботился о том, чтобы обратить дома фасадом в одну сторону. И среди всего этого разнообразия нельзя было найти двух построек одинаковой высоты. Одни представляли собой лишь крышу, едва выступающую на земле, другие вздымались на ошеломляющую высоту. Отделка зданий предназначалась скорее для лучшей их сохранности — об украшениях и речи не шло. Если раньше Эндер выдвинул как предположение, что для удовлетворения эстетических потребностей жукеры используют тепло,

то теперь, при взгляде на город, становилось очевидным, что других вариантов и быть не может.

— Бессмыслица какая-то, — сказал Миро.

— Да, если смотреть с поверхности, — поправила его Валентина, припомнив Ров. — Но если бы ты двигался по тоннелям, ты бы понял, что под землей все выглядит очень логично и стройно. Они следуют естественным пластам геологических пород. В геологии присутствует свой ритм, и жукеры чувствуют его.

— А высокие здания тогда зачем? — удивился Миро.

— Уровень моря для них предел. Если им требуется что-то по-настоящему крупное, им приходится забираться выше.

— Что же они строят, если им вдруг потребовались такие высокие сооружения? — задал риторический вопрос Миро.

— Не знаю, — ответила Валентина.

Они как раз приближались к зданию, которое возвышалось по меньшей мере на три сотни метров. Подъехав поближе, они заметили раскиданные вокруг десятки низеньких крыш.

Тут, впервые за всю поездку, подала голос Пликт.

— Ракеты, — сказала она.

Валентина краем глаза заметила, как по лицу Эндера скользнула мимолетная улыбка, он тихонько кивнул. Значит, Пликт только подтвердила подозрения, которые уже зародились в его душе.

— Но зачем? — не понял Миро.

Валентина чуть не выкрикнула: «Да чтобы в космос полететь!» Но это было бы нечестно — Миро никогда не жил на планете, которая вот-вот должна была выйти в космос. Для него улететь с планеты означало сесть на шаттл и спокойно переправиться на орбитальную станцию. Но единственный шаттл, находившийся в распоряжении жителей Лузитании, вряд ли мог принять на борт материалы, необходимые для какого-нибудь крупного проекта, направленного на освоение глубокого космоса. Даже если бы суденышко и смогло поднять все необходимое, Королева Улья никогда бы не обратилась к людям за помощью.

— Что она там строит, космическую станцию? — спросила Валентина.

— Думаю, да, — ответил Эндер. — Но столько ракет, и все такие огромные… Мне кажется, она собирается построить станцию прямо здесь, на земле. Включив в ее основу ракеты. Как ты дума-

ешь, какой будет отдача?

Валентина чуть не сорвалась на резкость: «А мне-то откуда знать?» — но внезапно поняла, что вопрос предназначался не ей. Потому что почти сразу же сам Эндер выдал ответ. По всей видимости, это означало, что он спрашивает компьютер, чей терминал встроен в серьгу в его ухе. Нет, не компьютер. Джейн. Он спрашивал Джейн. Валентина все никак не могла привыкнуть к мысли, что, хотя в машине их всего четверо, с ними неотлучно присутствовал пятый участник поездки, который смотрел и воспринимал информацию через передатчики Эндера и Миро.

— Она быстро соберет ее, — продолжал Эндер. — Раздобыв информацию о местных ископаемых, Королева Улья мгновенно подсчитала, что металла хватит не только на космическую станцию, но и на два небольших кораблика дальнего следования, типа тех судов, которые использовали жукеры в первом Нашествии на Землю. Своего рода замена судам колонистов.

— И все это случится еще до того, как прибудет флот, — закончила за него Валентина.

Она сразу все поняла. Королева Улья готовилась к переселению на другую планету. Она не собиралась сидеть сложа руки и ждать, пока на

ней снова не испробуют действие Маленького Доктора.

— Ты поняла меня, — кивнул Эндер. — Она не скажет нам, чем сейчас занимается, поэтому нам придется полагаться только на то, что заметит Джейн и о чем сумеем догадаться мы сами. Нынешние мои догадки не из приятных.

— Но что здесь такого, если жукеры снимутся с Лузитании? — пожала плечами Валентина.

— Не они одни, — мрачно констатировал Миро.

У Валентины в уме возникла совершенно иная картина. Вот почему пеквениньос позволили Королеве Улья беспрепятственно загрязнять атмосферу планеты. Вот почему, помимо станции, жукеры строили еще два суденышка. Все было четко спланировано с самого начала.

— Корабль для Королевы Улья и корабль для пеквениньос.

— Это они так считают, — покачал головой Эндер. — Я же вижу это как два судна, битком набитые десколадой.

— Nossa Senhora, — прошептал Миро.

Валентина почувствовала, как по спине пробежал неприятный холодок. Одно дело, когда Королева Улья пытается уберечь от гибели свою

расу, но совсем другое, когда она несет смертельный самообучающийся вирус на другие планеты.

— Теперь вы видите, в какое затруднительное положение я попал, — сказал Эндер. — И понимаете, почему она не скажет мне прямо, что́ сооружает у себя на заводах.

— Но все равно ты не смог бы воспрепятствовать ей, — возразила Валентина.

— Он мог бы предупредить посланный Конгрессом флот, — ответил за Эндера Миро.

Верно. Десятки тяжеловооруженных судов, берущих Лузитанию в кольцо. Если военных предупредить о том, что планету собираются покинуть два космических корабля, и если выдать им начальную траекторию их полета, они бы с легкостью перехватили беглецов. И уничтожили бы их.

— Нет, только не это, — выдохнула Валентина.

— Я не могу препятствовать им, но и позволить уйти не могу, — промолвил Эндер. — Не дать им уйти означает поставить под угрозу полного уничтожения две разумные расы — жукеров и пекевениьос. Но если я отпущу их на все четыре стороны, я подвергну риску существование всего человечества.

— Ты должен поговорить с ними. Вы должны прийти к какому-нибудь соглашению.

— Чего стоит соглашение с нами? — спросил ее Эндер. — Мы не вправе выступать от имени человечества. А если мы начнем угрожать, Королева Улья просто-напросто уничтожит наши спутники, а заодно и ансибли вместе с ними. Впрочем, она все равно может это сделать, чтобы подстраховаться.

— Тогда мы действительно окажемся отрезанными, — сказал Миро.

— От всех и вся, — добавил Эндер.

Валентина не сразу поняла, что сейчас они подумали о Джейн. Без ансибля они не смогут с ней связаться. А Джейн, лишившись расположенных на орбите Лузитании спутников, ослепнет.

— Эндер, я не понимаю, — недоуменно проговорила Валентина. — Неужели Королева Улья превратилась в нашего врага?

— Это вопрос, — усмехнулся Эндер. — Вот что получилось, когда я возродил ее народ. Теперь, когда она снова обрела свободу, когда она больше не лежит в коконе, запрятанном в сумке под кроватью, Королева Улья будет действовать исключительно в интересах своего вида, какими бы эти интересы ни были.

— Но, Эндер, не может быть, чтобы между людьми и жукерами снова разразилась война.

— Если бы человеческий флот не был послан на Лузитанию, такого вопроса никогда бы не возникло.

— Но Джейн отрезала им связь, — сказала Валентина. — Они не получат приказ о применении Маленького Доктора.

— Пока что — да, — кивнул Эндер. — Однако, Валентина, как ты думаешь, почему Джейн, рискуя собственной жизнью, все же отключила их ансибли?

— Потому что такой приказ был отдан.

— Межзвездный Конгресс отдал приказ уничтожить нашу планету. А теперь, когда Джейн обнаружила себя, они лишь больше взъярятся. Наше уничтожение превратится для них в идефикс. Как только они найдут способ устранить с дороги Джейн, они тут же продублируют свой приказ.

— Ты рассказал об этом Королеве Улья?

— Еще нет. Но я не знаю точно, сколько информации она может почерпнуть из моего мозга без моего ведома. Во всяком случае, мне пока что не по силам контролировать ее.

Валентина положила руку на плечо Эндера:

— Вот почему ты так не хотел, чтобы я встречалась с Королевой Улья? Потому что опасался, что она узнает о надвигающейся опасности?

— Я просто не хотел снова встречаться с ней, — ответил Эндер. — Потому что я люблю и в то же время боюсь ее. Потому что я не знаю, то ли помогать ей, то ли попытаться уничтожить. И потому что, когда она запустит свои ракеты в пространство, а такое может случиться со дня на день, мы лишимся всякой власти над ней. Она отрежет нас от всего человечества.

И опять он не сказал самого главного: она разлучит Эндера и Миро с Джейн.

— Мне кажется, нам определенно надо поговорить с ней, — заявила Валентина.

— Либо так, либо убить ее, — скептически вставил Миро.

— Теперь вы понимаете мои проблемы, — вздохнул Эндер.

Дальше они ехали в молчании.

Входом в подземелье Королевы Улья служило здание, ничем не отличающееся от остальных. У дверей никакой охраны. Разумеется, за все время поездки они не встретили на пути ни одного жукера. Валентина вспомнила: будучи совсем ребенком и прилетев на планету Ров вместе с

первыми колонистами, она пыталась представить себе, как выглядят города жукеров, когда их тоннели заполнены обитателями. Теперь она разрешила для себя эту загадку — они высились точно мертвые скульптуры. И не было суетливых жукеров, подобно муравьям кишащих на вершинах холмов. Валентина знала: где-то под открытым небом возделываются поля и фруктовые сады, но жукеров нигде не было видно.

Но почему она чувствовала такое облегчение при этом?

Валентина знала ответ на вопрос прежде, чем успела себе его задать. Ее детство прошло на Земле в то время, когда в космосе кипели войны с жукерами; насекомообразные инопланетяне были ее ночным кошмаром — ими пугали детишек. Лишь немногим довелось лично повстречаться с жукерами, и мало кто из встречавшихся выжил. Даже на первой планете-колонии, когда они вдруг оказались среди остатков великой цивилизации, люди не обнаружили ни одного, пусть даже полуистлевшего трупа. Ее воспоминания о жукерах основывались на ужасных картинках, взятых из видео.

Но не она ли первой прочитала книгу Эндера, озаглавленную «Королева Улья»? Не она ли вслед

за Эндером осознала чужеродное величие и красоту этого существа?

Да, она была первой, но это еще ничего не означало. Все люди, живущие ныне, были воспитаны в гуманной Вселенной, потому что они выросли на «Королеве Улья» и «Гегемоне». Тогда как из тех, кто помнил страх и ненависть к жукерам и постоянную пропаганду против них, в живых остались только она и Эндер. Естественно, Валентина почувствовала необъяснимое облегчение, не увидев нигде жукеров. У Миро и Пликт вид Королевы Улья не вызовет такого отвращения, как у нее.

«Я *Демосфен*, — напомнила она себе. — Я ученый, который настаивал на том, что жукеры — рамен, разумная инопланетная раса, которую можно понять и принять. Я должна приложить все силы, чтобы справиться с предрассудками детства. В положенное время все человечество узнает о воскрешении Королевы Улья; позор неизгладимым пятном ляжет на Демосфена, если он единственный не примет Королеву Улья как раман».

Эндер обогнул небольшое строение.

— Мы на месте, — сказал он.

Он выключил двигатель, лопасти замедлили

вращение, и машина мягко опустилась на капим рядом с единственным входом в здание. Дверь оказалась очень низкой — взрослый человек мог проникнуть внутрь, только встав на четвереньки.

— Откуда ты знаешь? — спросил Миро.

— Она мне так сказала, — ответил Эндер.

— Джейн? — удивился Миро.

Его лицо слегка вытянулось, потому что ему, естественно, Джейн ничего подобного не говорила.

— Королева Улья, — пояснила Валентина. — Она общается с Эндером непосредственно через мозг.

— Милая шутка, — усмехнулся Миро. — Меня научишь?

— Посмотрим, — уклончиво ответил Эндер. — Ты сначала познакомься с ней.

Сойдя с машины и по пояс погрузившись в высокую траву, Валентина заметила, что Миро и Эндер то и дело поглядывают на Пликт. Их, должно быть, смущало ее непоколебимое спокойствие. Вернее, впечатление непоколебимого спокойствия. Валентина считала Пликт весьма разговорчивой и красноречивой женщиной, но также привыкла к манере Пликт время от вре-

мени изображать из себя немую. Эндер и Миро впервые столкнулись с ее демонстративным молчанием и сразу почувствовали себя не в своей тарелке. Чего и добивалась Пликт. Она считала, что люди лучше всего проявляют себя, когда чем-то обеспокоены, и, надо признать, присутствие в группе человека, не произносящего ни слова, производило должное впечатление на окружающих.

Нельзя сказать, что Валентина всей душой принимала подобный метод общения с незнакомыми людьми, но она сама не раз становилась свидетелем, как, будучи наставницей, Пликт молчанием вынуждала учеников — детей Валентины — иметь дело с собственными мыслями. Во времена Валентины и Эндера было принято подстегивать учеников диалогами, вопросами, разного рода доводами. Но Пликт заставляла подопечных самих разбирать спор, сначала выдвигая аргументы «за», а потом выдвигая доводы «против», пытаясь опровергнуть собственные размышления. Однако этот метод был под силу очень немногим. Валентина заметила, что Пликт так умело пользовалась им только потому, что ее бессловесность не проявлялась как обыкновенное нежелание говорить. Ее проникающий внутрь взгляд сам по себе был равноценной за-

меной сомнению. Когда студент сталкивался с подобной немигающей преградой, он волей-неволей вскоре начинал сомневаться в собственной правоте. Каждое сомнение, которое ученик рассматривал и отбрасывал, заводило его все дальше вглубь, пока он не натыкался на истинную причину недоверчивого взгляда Пликт.

Старшая дочь Валентины, Сифте, как-то сказала, что противостоять Пликт — все равно что «смотреть на солнце». Теперь пришла очередь Эндера и Миро иметь дело с всевидящим оком и всеоспаривающими устами. Валентине захотелось рассмеяться при виде того, как неловко они переступают с ноги на ногу, захотелось подбодрить их, а заодно отвесить дружеского пинка Пликт и приказать ей «не быть плохой девочкой».

Вместо того Валентина подошла к двери здания и распахнула ее. Засова не было, снаружи была приделана только ручка. Дверь отворилась легко. Валентина придержала ее, тогда как Эндер встал на колени и прополз внутрь. За ним последовала Пликт. Миро тяжело вздохнул и медленно опустился на четвереньки. Он и ходил-то с трудом, а ползал вообще еле-еле — каждая нога и рука, казалось, двигались сами по себе, будто запазды-

вая на секунду в раздумье, что же делать дальше. Наконец он скрылся внутри, пришла очередь Валентины. Она согнулась и суетливо пролезла в дверь. Валентина была самой маленькой, ей по большому счету даже не пришлось ползти.

Свет проникал внутрь только со стороны двери. Помещение оказалось пустой комнатой с грязным полом. Когда глаза Валентины привыкли к сумраку, она поняла, что густая тень в углу на деле являлась жерлом тоннеля, уходящего под землю.

— Внизу, в тоннелях, нет никакого освещения, — сообщил Эндер. — Королева будет вести меня. Вы должны держаться друг за друга. Валентина, ты пойдешь последней, хорошо?

— А можно спуститься вниз как-нибудь не ползком? — поинтересовался Миро.

Для него это играло немаловажную роль.

— Да, — ответил Эндер. — Потому-то она и избрала этот тоннель.

Они взялись за руки. Пликт сжимала пальцы Эндера, Миро встал между двумя женщинами. Эндер провел их по ступенькам в отверстие. Ход уходил круто вниз, полнейшая темень впереди выглядела весьма устрашающе. Но Эндер остановился, хотя тьма вокруг них еще не успела

сгуститься.

— Чего мы ждем? — спросил Миро.

— Нашего провожатого, — сказал Эндер.

И словно в ответ на его слова, прибыл провожатый. Мелькнула черная сегментированная клешня, которую увенчивали два противостоящих пальца, и ткнулась в руку Эндера. Эндер протянул левую руку и «защелкнул» палец жукера — словно черные клещи сомкнулись вокруг его запястья. Проследив за рукой жукера, Валентина попыталась рассмотреть, что же скрывается дальше. Однако все, что она смогла различить, — это небольшая тень ростом с ребенка и мягкий отблеск хитинового тела.

Ее воображение дополнило отсутствующие детали, и она невольно содрогнулась.

Миро что-то пробормотал по-португальски. Значит, и его не оставило равнодушным появление жукера. Пликт, впрочем, осталась, как прежде, безмолвной; похоже, ее абсолютно не тронуло явившееся чудовище. И тут Миро шагнул вперед и, потянув за руку Валентину, начал спускаться в кромешную тьму.

Эндер знал, насколько трудным покажется остальным этот переход. До сих пор только он, Новинья и Эла навещали Королеву Улья, да и

то Новинья приходила всего один раз. Темнота слишком давила на нервы, требовалась вся сила воли, чтобы продолжать двигаться вниз, ничего не видя вокруг, но по тихим звукам различая, что где-то поблизости кипит невидимая глазу жизнь.

— Мы можем разговаривать? — спросила Валентина. Голос как бы поглотила густая чернота.

— Хорошая мысль, — отозвался Эндер. — Их ты, во всяком случае, не побеспокоишь. Они не обращают внимания на шум.

Миро что-то сказал. Не видя его губ, Эндеру стало значительно труднее понимать его речь.

— Что? — переспросил он.

— Мы оба хотим знать, далеко ли еще, — объяснила Валентина.

— Не знаю, — сказал Эндер. — Она может находиться где угодно. Здесь десятки детских. Но не беспокойтесь. Я уверен, что выведу вас.

— Я бы тоже вывела, — усмехнулась Валентина. — Особенно с фонариком.

— Никакого света! — резко отрубил Эндер. — При кладке яиц солнечный свет необходим, но после этого он только затрудняет их развитие. А на определенной стадии вообще может убить личинок.

— Но ты-то сможешь в темноте выбраться из этого кошмара? — уточнила Валентина.

— Скорее всего, — ответил Эндер. — Здесь все построено по определенной схеме. Что-то вроде паутины. Когда ты прочувствуешь общую структуру, поймешь, куда ведет каждое ответвление тоннеля.

— Так, значит, эти тоннели проложены не наобум? — В вопросе Валентины прозвучала изрядная доля скептицизма.

— Вспомни тоннели на Эросе, — сказал Эндер.

На самом деле ему так и не представилась возможность подробнее ознакомиться с ними, когда он жил на Эросе в качестве главнокомандующего флотом землян. Астероид был насквозь источен жукерами — они использовали его как аванпост для заброски кораблей в Солнечную систему; затем, будучи захваченным в ходе Первого Нашествия жукеров, Эрос превратился в штаб союзных сил землян. Все месяцы, проведенные там, Эндер посвятил изучению тактики и стратегии управления флотом в космическом пространстве. Однако уже тогда он уловил что-то необычное в этих тоннелях, хоть и не понял их. Но когда Королева Улья впервые привела его в свои подземные норы на Лузитании, Эндер обнаружил,

что все изгибы и повороты катакомб ему смутно знакомы. Он будто предчувствовал их, нет, ему казалось, что именно так все и должно быть.

— Что такое Эрос? — задал естественный вопрос Миро.

— Астероид неподалеку от Солнечной системы, — пояснила Валентина. — Место, где Эндер свихнулся.

Эндер попытался объяснить им, как устроена система тоннелей. Но это оказалось слишком сложным для понимания. Слишком много всевозможных исключений, чтобы охватить систему во всех подробностях — чем больше к ней присматриваешься, тем более запутанной она кажется. Однако, по словам Эндера, система всегда повторялась, раз за разом. А может быть, Эндер просто очень глубоко проник в мозг Улья, когда изучал жукеров, готовясь к финальному сражению. Может быть, он просто научился думать как жукер. В любом случае Валентина была права — он расстался с какой-то частичкой человеческого мозга и, похоже, добавил туда немного мышления жукеров.

Наконец, когда они повернули за угол, впереди замерцал тусклый свет.

— Graças a deus, — прошептал Миро.

Эндер с некоторым удовлетворением отметил, что Пликт — эта каменная женщина, которая не имела ровно никакого сходства с той талантливой студенткой, которую он помнил по Трондхейму, — тоже с облегчением вздохнула. Может быть, в ней еще теплится жизнь.

— Почти пришли, — заключил Эндер. — А поскольку она сейчас откладывает яйца, то, стало быть, она в хорошем настроении.

— А она не станет возражать против нашего бесцеремонного вторжения? — забеспокоился Миро.

— Она испытывает сейчас что-то вроде легкой сексуальной эйфории, которая продлится несколько часов, — сказал Эндер. — Это приводит ее в дружелюбное расположение духа. Королевы Улья всегда окружены рабочими и дронами, которые функционируют как части их тела. Они не ведают стыда.

Эндер ощущал ее присутствие. Разумеется, она могла связаться с ним в любое время, но, когда он приближался к ней, у него создавалось впечатление, будто она дышит ему прямо в мозг; на него наваливалась гнетущая тяжесть. Интересно, остальные почувствовали что-нибудь или нет? Сможет ли она общаться с ними? С Элой ничего не

вышло — Эла так и не смогла нащупать тонкую ниточку их безмолвного разговора. Что же касается Новиньи, то она отказывалась говорить об этом и всячески отрицала, будто что-нибудь слышала, но Эндер подозревал, что Новинья просто отвергает саму возможность соприкосновения их сознаний. Королева Улья сказала, что достаточно ясно чувствует их мысли, но не может заставить услышать себя. Сегодня предстоит то же самое?

Было бы здорово, если бы Королева Улья могла разговаривать еще с каким-нибудь человеком! Она, правда, заявляла, что это в ее силах, но за прошедшие тридцать лет Эндер стал понимать: Королева Улья не способна ощущать разницу между уверенными оценками будущего и отчетливыми воспоминаниями о прошлом. Она, казалось, в равной степени ориентировалась как на свои предположения, так и на воспоминания, однако, когда со временем ее предположения все же оказывались ложными, она словно не помнила, что предрекала будущее, отличное от того, в которое уже превратилось прошлое.

Эта особенность, которую Эндер относил к одной из причуд ее нечеловеческого мозга, немало беспокоила Эндера. Он вырос в обществе, которое судило о зрелости людей и их социальной

пригодности по способности осознавать результаты выбора. Каким-то образом Королева Улья оказалась сущим ребенком в этом отношении; несмотря на великую мудрость и большой опыт, она всегда была непоколебимо самоуверенна.

Эта черта пугала Эндера больше всего. Сможет ли она сдержать обещание? А если не сможет, поймет ли хоть когда-нибудь, что натворила?

Валентина пыталась сконцентрироваться на том, что говорят остальные, но, как ни старалась, не могла отвести глаз от очертаний жукера, ведущего их по тоннелю. Он был ниже ростом, чем она себе представляла, — максимум полтора метра в высоту, а может, и того меньше. Из-за спин впереди идущих ей удавалось увидеть только отдельные части его тела, но вряд ли впечатление от зрелища было бы лучше, если бы она увидела его целиком. Валентина не могла удержаться от мысли, что этот блестящий черный враг смертельной хваткой сжимает руку Эндера.

«Не смертельной. И не враг. Даже не существо, если уж на то пошло. В жукере от личности было не больше, чем, допустим, в ухе или пальце — от человека; каждый жукер становился очередным органом действия или чувств Королевы Улья. В определенном смысле Королева Улья уже пред-

стала перед ними: она присутствовала в каждом из своих рабочих или дронов, даже удаленных от нее на сотни световых лет. И это не монстр какой-нибудь. Это та самая Королева Улья, которую описал Эндер в своей книге. Это ее он возил с собой и нянчил столько лет, а я даже не подозревала. Мне нечего бояться».

Валентина старалась подавить страх, но ничего не выходило. Она покрылась испариной, она чувствовала, как ее рука скользит в скрюченных пальцах Миро. Постепенно они подходили все ближе и ближе к лежбищу Королевы Улья — нет, к ее дому, к ее детской, — и Валентина ощущала, как страх накрывает ее с головой. Если ей самой не управиться с ним, то выхода нет, надо обращаться за помощью. Где же Джакт? Придется позвать на помощь кого-нибудь другого.

— Миро, прости, — прошептала она. — Кажется, я немного вспотела.

— Вы? — удивился он. — А я думал, это меня прошиб пот.

Хорошая шутка. Он рассмеялся. И она рассмеялась вместе с ним — по крайней мере, нервно хихикнула.

Стены тоннеля внезапно раздвинулись, и люди, ошеломленно моргая полуослепшими глазами,

очутились в огромном зале. Из отверстия в своде потолка лился поток яркого солнечного света. Королева Улья разлеглась в самом центре сияющего потока. Ее окружали рабочие, но сейчас, при ярком дневном свете и в присутствии Королевы, они выглядели какими-то маленькими и жалкими. Большинство из них ростом были не больше метра, лишь отдельные особи были крупнее, тогда как туловище самой Королевы достигало по меньшей мере трех метров в длину и чуть меньше в высоту. Ее крылья выглядели громадными — тяжелые пластины с металлическим отливом; на них, переливаясь всеми цветами радуги, резвились солнечные лучики. Ее брюшко было достаточно объемистым, чтобы вместить человеческое тело. Постепенно сужаясь, подобно воронке, брюшко переходило в яйцеклад, увенчивающийся дрожащим кончиком, на котором блестела желтоватого цвета полупрозрачная жидкость, клейкая и тягучая. Яйцеклад опустился глубоко в одну из дыр в полу комнаты, после чего вынырнул обратно; жидкость, словно нити слюны, потянулась вслед за ним.

Это гротескное и огромное, просто ужасающее существо вело себя в точности как насекомое. Казалось, все было спокойно, поэтому то, что

произошло дальше, буквально ошеломило Валентину. Вместо того чтобы опустить яйцеклад в следующую норку, Королева вдруг повернулась и стремительным движением подхватила одного из рабочих, кружащих поблизости от нее. Зажав извивающегося жукера между двумя внушительными передними лапами, она поднесла его ко рту и одну за другой, по очереди обкусала все его конечности. Как только одна из ног оказывалась откушена, другие начинали биться еще с большей силой, словно взывая о помощи. Валентина облегченно перевела дыхание, когда последняя из ног исчезла в пасти Королевы, потому что, по крайней мере теперь, ей не приходилось терпеть безмолвные страдания рабочего.

Затем Королева Улья засунула тело рабочего в следующую дыру головой вниз. И только тогда ткнулась в нее яйцекладом. Валентина заметила, как на конце яйцеклада начала расти маленькая капелька, постепенно превращаясь в круглый шар. Внутри полупрозрачного комочка слизи вырисовывались очертания яйца. Королева Улья немножко повернулась, чтобы голова очутилась прямо в солнечном потоке, в ее сетчатых глазах зажглись тысячи изумрудных звездочек. И вот тогда яйцеклад полностью скрылся из виду. Ко-

гда он поднялся, яйцо все еще цеплялось за его кончик, но при следующей попытке благополучно упало в свою «колыбельку». Еще несколько раз содрогалось брюхо Королевы, погружаясь в дыру; каждый раз, когда оно снова появлялось, его покрывала все более густая паутинка вязких ниточек, сочащихся из ее тела.

— Nossa Senhora, — выдавил Миро.

Валентина поняла, что он сказал, вспомнив испанский аналог выражения: Nuestra Señora — Матерь Божья. Обычно нейтральное выражение, не несущее никакого смысла, в данном случае прозвучало с долей отталкивающей иронии. Не Пресвятая Дева расположилась в этой глубокой пещере. Королева Улья оказалась Праматерью Тьмы — откладывающей яйца в тела обездвиженных рабочих, призванных прокормить личинок, когда те вылупятся.

— Не может быть, чтобы она делала это каждый раз, — промолвила Пликт.

Валентина была очень удивлена, услышав ее голос, но затем поняла, что имела в виду Пликт, и, естественно, та была права. Если в жертву жукеру-личинке каждый раз приносить живого рабочего, то население города просто не будет расти. Да и сам город не возник бы — ведь в рас-

поряжении Королевы Улья не было тел безногих рабочих, чтобы отложить первые яйца, следовательно личинки не были обеспечены пищей.

Рабочие нужны, только когда рождается новая Королева.

Эта мысль прозвучала в мозгу Валентины как ее собственная. Королева Улья помещала яйцо в тело рабочего жукера только в том случае, когда из яйца должна была вылупиться новая Королева. Но вовсе не Валентина подумала так; мысль слишком отчетливо проявилась у нее в голове. Да она и не могла об этом знать, однако информация возникла словно ниоткуда и сразу расставила все на свои места. Именно так, по представлениям Валентины, беседовали с Богом древние пророки и мистики.

— Вы слышали ее? Хоть кто-нибудь? — спросил Эндер.

— Да, — ответила Пликт.

— Кажется, да, — неуверенно произнесла Валентина.

— Слышали что? — переспросил Миро.

— Не что, а кого. Королеву Улья. — Эндер кивнул в сторону жукера. — Она объяснила, что помещает яйцо в тело рабочего только тогда, когда из яйца должна вылупиться новая Короле-

ва Улья. Сейчас она должна отложить пять яиц — два из них уже отложены. Она пригласила нас полюбоваться этим зрелищем. Таким образом Королева сообщает нам, что готовится к отправке судна с колонистами. Она отложит пять королевских яиц, а затем выберет сильнейшую из них. Та и полетит.

— А остальные? — спросила Валентина.

— Если еще какая-нибудь личинка необычным образом проявит себя, она поместит ее в кокон. То же самое в свое время произошло с ней. Прочих она убьет и съест. У нее нет выбора: если какой-нибудь из дронов, еще не спарившийся с этой Королевой Улья, коснется тела ее соперницы, он может сойти с ума и попытаться убить главенствующую Королеву. Дроны — очень преданные самцы.

— Все это она вам рассказала? — расстроился Миро.

Королева Улья не могла разговаривать с ним.

— Да, — ответила Пликт.

— Кое-что, — пожала плечами Валентина.

— Освободитесь по возможности от всех лишних мыслей, — посоветовал Эндер. — Напевайте про себя какую-нибудь мелодию. Это помогает.

Тем временем Королева Улья почти закончила

третью кладку. Валентина представила себе, что будет, если встать на растущую кучу оторванных конечностей, возвышающуюся рядом с Королевой; они, наверное, захрустят, как сухой хворост, и начнут ломаться с омерзительными щелчками.

Очень мягкие. Ноги не ломаются. Гнутся.

Королева отвечала на ее мысли.

Ты частичка Эндера. Ты можешь слышать меня.

Следующие фразы прозвучали в голове уже четче. Назойливость их бесследно пропала, теперь они возникали как будто более осознанно. Валентина мало-помалу научилась улавливать разницу между репликами Королевы Улья и собственными мыслями.

— Ouvi, — прошептал Миро. Он наконец что-то услышал. — Fala mais, escuto[10]. Скажи еще что-нибудь.

Филотические связи. Ты связан с Эндером. Когда я посредством филотов обращаюсь к нему, ты подслушиваешь. Эхо. Реверберация.

Валентину сначала несколько смутил тот факт, что при общении с ней Королева Улья исполь-

---

[10] Примечания: 10
Говори, я слушаю (*португ.*).

зовала звездный. Но она быстро поняла, что ошиблась, и дело не в этом. С Миро Королева говорила на его родном языке, португальском, а тот язык, что услышала Валентина, на самом деле был вовсе не звездным, хотя очень схож с ним: это был английский, американский английский, на котором выросла и воспитывалась Валентина. Королеве Улья не нужно было учить языки, она посылала мысли, а мозг сам переводил их на тот язык, который глубже всего отложился в подсознании. Когда Валентина услышала слово «эхо», за которым чуть погодя последовало «реверберация», причиной тому был ее мозг, пытающийся подыскать слова наиболее близкие по значению к термину, который использовала Королева.

Связан с ним. Как наши люди завязаны на мне. Только ты обладаешь свободой воли. Независимый филот. Вы ненормальные все до одного.

— Она шутит, — прошептал Эндер. — На самом деле она так не считает.

Валентина про себя поблагодарила его за это пояснение. Визуальный образ, сопровождавший слова «вы ненормальные», представлял собой огромного слона, растаптывающего человека в лепешку. Это видение пришло из ее детства, из сказки. Она тогда впервые познакомилась со

словом «ненормальный». И этот образ напугал ее точно так же, как когда-то напугала сказка. Валентина уже успела возненавидеть присутствие Королевы Улья у себя в голове. Возненавидела за то, с какой легкостью та возвращает к жизни древние, давно забытые кошмары. Все в Королеве Улья было кошмарным. Неужели Валентина когда-то приняла ее как раман? Да, связь наладилась. Наладилась чересчур хорошо. Так что теперь больше смахивала на опасную болезнь мозга.

И то, что она говорила… они прекрасно слышали ее, потому что на филотическом уровне все были связаны с Эндером. Валентина вспомнила, что говорили во время полета Миро и Джейн. Возможно ли, что ее филотические лучи сплетаются с лучами Эндера, а через него с филотическим полем Королевы Улья? Но как такое могло произойти? Каким образом с Королевой Улья вдруг оказался связан сам Эндер?

Это мы связались с ним. Он был нашим врагом. Хотел уничтожить нас. Мы собирались приручить его, усмирить. Как ненормального.

Понимание нахлынуло внезапно, словно настежь распахнулась какая-то дверь. Жукеры не все рождаются смирными и послушными. Они

могут обладать признаками личности. Или, по крайней мере, связь с ними может нарушиться. И тогда Королева Улья разработала способ их усмирения: при помощи филотов она соединялась с ними и подминала под себя.

Нашли его. Не смогли усмирить. Слишком силен.

А ведь никто даже не догадывался, какой опасности подвергался Эндер. Никто не понял, что Королева Улья надеется пленить его и сделать из него очередного преданного исполнителя своей воли, превратить в жукера.

Раскинули для него сеть. Вышли на то, чего он так страстно желал. Мы думали, проникли в суть. Придали мысли филотическое ядро. Связали с ним. Но этого было мало. Теперь ты. Ты.

Слова тяжелым молотом обрушивались на мозг Валентины. «Она имеет в виду меня. Она говорит обо мне, мне, мне… — Она отчаянно пыталась вспомнить, кто же такая эта „я“. — Валентина. Я Валентина. Она имеет в виду Валентину».

По тебе он так тосковал. По тебе. Надо было найти тебя. Ничего другого ему было не надо. Мы просчитались.

Она ощутила сосущее жжение под ложечкой. Разве такое возможно, чтобы военные пред-

видели подобную развязку? Неужели то, что Валентину и Эндера так жестоко разлучили, на самом деле спасло его? Неужели, если бы она осталась с Эндером, жукеры через нее завладели бы им?

Нет. Не смогли бы. Ты так же сильна. Мы были обречены. Мы погибли. Он не мог принадлежать нам. Но и тебе он не принадлежал. Никому. Не смогли подавить его, но мы связались с ним на филотическом уровне.

Валентина вспомнила картину, которая привиделась ей на борту корабля: все люди связаны друг с другом филотическими связями, семьи, сплетенные невидимыми путами, дети — с родителями, родители — друг с другом или со своими родителями. Постоянно изменяющаяся сеть, соединяющая людей в одно целое, где бы ни лежали их привязанности. Только теперь основное место в этой схеме принадлежало ей, связанной с Эндером. А через Эндера… с Королевой Улья… Королевой, встряхивающей яйцекладом, липкие нити дрожат, вытягиваются, а на конце подпрыгивает, раскачивается голова Эндера…

Она встряхнула головой, пытаясь изгнать жуткое видение из мозга.

Мы не властны над ним. Он свободен. Он может

убить меня, если захочет. Я не буду сопротивляться. Ты убьешь меня?

На этот раз под обращением «ты» подразумевалась не Валентина, она почувствовала, что вопрос направлен не к ней. А пока Королева Улья ждала ответа, Валентина ощутила присутствие еще одной мысли у себя в уме, настолько схожей с ее взглядами, что, если бы она не обрела повышенную чувствительность, она бы предположила, что это родилась ее собственная мысль.

«Никогда, — прозвучало у нее в голове. — Я никогда не убью тебя. Я люблю тебя».

Вслед за этими словами хлынула волна искренности и доверия, обращенная к Королеве Улья. Представления Валентины о Королеве Улья мгновенно изменились, из них исчезла вся омерзительность. Королева предстала ее взору царственной, благородной и прекрасной. Радужные овалы на крыльях больше не казались маслянистым налетом на воде; свет, отраженный от ее глаз, превратился в нимб; блестящие выделения клееобразного вещества, сочащегося из яйцеклада, стали воплощением нитей жизни, каплей молока на кончике женской груди, соединенной паутинкой слюны с причмокивающим ртом ее дитяти. Если раньше при виде Королевы

Улья Валентина едва сдерживала комок рвоты, подступающей к горлу, то теперь она чуть ли не боготворила ее.

Валентина догадалась: в ее мозг проникла мысль Эндера; вот почему мысль показалась ей такой знакомой. И, увидев Королеву Улья в таком свете, она сразу поняла, как права была в той статье, опубликованной под именем Демосфена много-много лет назад. Королева Улья действительно была раман — существо в высшей мере странное и необычное, но все же доступное пониманию и способное на понимание.

Когда образ несколько померк, Валентина услышала, как кто-то рядом плачет. Пликт. За все годы, проведенные вместе с ней, Валентина ни разу не видела ее в таком состоянии.

— Bonita, — заметил Миро. «Красиво».

И это все, что он может сказать? Что Королева Улья просто *красива*? Ну разумеется, ведь связь между Миро и Эндером весьма слаба — а как же иначе? Миро не слишком хорошо знаком с Эндером — Валентина же знала его всю жизнь.

Но если именно поэтому восприятие Валентиной мыслеобраза Эндера было куда сильнее, чем восприятие Миро, как объяснить тот факт, что Пликт, в свою очередь, получила даже больше ее?

Неужели за долгие годы изучения жизни Эндера — она ведь восхищалась Эндрю, по сути дела совсем не зная его, — Пликт удалось связать себя с Эндером куда крепче, чем была связана с ним Валентина?!

Да, действительно так. Все верно. Валентина вышла замуж. У Валентины был муж. Дети. Ее филотическая связь с братом несколько ослабла. Тогда как у Пликт не было более сильных привязанностей. Она посвятила свою жизнь Эндеру. Поэтому, если, как утверждает Королева Улья, филотические связи служат передатчиками мысли, совершенно неудивительно, что Пликт воспринимала Эндера лучше всех. Ее ничто не отвлекало. Она отдавалась этому целиком и полностью.

Даже Новинья из-за своей привязанности к детям не могла похвастаться таким отношением к Эндеру. Но если бы Эндер заподозрил такое, разве это не обеспокоило бы его? А может, наоборот, только привлекло бы? Валентина достаточно хорошо изучила людей, чтобы знать, что поклонение — самая соблазнительная вещь на свете. «Не привезла ли я с собой соперницу, которая погубит любовь Эндера и Новиньи?»

«Могут ли сейчас Эндер и Пликт читать мои

мысли?»

Валентина ощутила зарождающийся страх, почувствовала себя такой беззащитной. Как бы в ответ на ее мысли, в голове у нее зазвучал успокаивающий голос Королевы Улья:

Я знаю, чего вы боитесь. Но моя колония никого не убьет. Когда мы покинем Лузитанию, мы уничтожим на корабле вирус десколады.

«Может быть», — подумал Эндер.

Мы найдем способ избавиться от нее. Мы не понесем вирус на другие миры. Нам не придется умирать ради спасения человечества. Не убивай нас, не убивай нас.

«Я никогда не подниму на тебя руку». Посланная Эндером мысль прозвучала как шепот, практически растворившись в мольбах Королевы Улья.

«У нас все равно не поднимется рука убить тебя, — подумала Валентина. — Это ты с легкостью могла бы расправиться с нами. Сразу после того, как построишь необходимые корабли. Создать орудия. К приходу человеческого флота ты могла бы быть уже готовой. На этот раз возглавляет их не Эндер».

Никогда. Никогда никого не убьем. Никогда, мы обещали.

«Тихо, — раздался шепот Эндера. — Тихо. Не

волнуйся, успокойся. Ничего не бойся. Не бойся людей».

«Не строй судов для свинксов, — подумала, в свою очередь, Валентина. — Построй корабль для себя, потому что ты сможешь уничтожить вирус, подхваченный тобой, а они — нет».

Мольбы Королевы Улья внезапно сменились резкими упреками:

А разве у них нет права на существование? Я обещала им построить корабль. Я обещала вам никогда не убивать. Вы хотите, чтобы я начала нарушать свои обещания?

«Нет», — подумала Валентина. Ей уже стало стыдно за столь низкое предложение предать. Или эти чувства принадлежали Королеве Улья? Или Эндеру? Различит ли она теперь, какие мысли и чувства принадлежат ей, а какие — кому-то другому?

Во всяком случае, страх, который она переживала… он точно принадлежал ей одной, она была почти уверена в этом.

— Пожалуйста, — сказала она. — Я хочу покинуть это место.

— Eu tambem[11], — поддержал ее Миро.

---

[11] Примечания: 11
Я тоже (*португ.*).

Эндер сделал один маленький шажок к Королеве Улья и протянул руку, чтобы коснуться ее на прощание. Она не стала в ответ подавать ему одну из своих лап — ими она сейчас выдавливала из себя остатки вязкой жидкости в ямки, где покоились яйца. Вместо того Королева подняла закрылок, взмахнула им и осторожно пододвинулась к Эндеру. Его рука легла на черную, отливающую радугой поверхность.

«Не дотрагивайся до нее! — мысленно закричала Валентина. — Она схватит тебя! Она хочет подчинить тебя!»

— Тсс, — вслух произнес Эндер.

Валентина так и не поняла, то ли таким образом он ответил на ее мысленный призыв, то ли обратился к Королеве Улья, успокаивая какие-то ее страхи. Это не имело значения. Спустя считаные мгновения рука Эндера снова очутилась в клешне жукера, который увел их обратно в темный тоннель. На этот раз Эндер поставил Валентину второй, Миро третьим, а Пликт замыкала вереницу. Поэтому Пликт последней бросила взгляд на Королеву Улья, поэтому именно Пликт подняла руку в прощальном жесте.

На протяжении всего обратного пути на поверхность Валентина изо всех сил старалась понять,

что же с ними произошло. Она всегда считала, что как только люди научатся общаться друг с другом посредством мыслей, обходя неточности языка, то наступит всеобщее понимание и ненужные споры и раздоры устранятся сами собой. Вместо этого она обнаружила, что язык, увеличивая разрыв между людьми, может одновременно смягчать их, успокаивать, помогать уживаться вместе, даже если в действительности они не понимают друг друга. Иллюзия понимания позволяла людям успокаивать себя мыслью, что они больше походят друг на друга, чем это есть на самом деле. Может быть, язык куда лучше.

Они выползли из здания на солнечный свет и, повалившись в траву, облегченно расхохотались все до одного.

— Не смешно, — наконец выдавил Эндер. — Это все ты, Вэл. Обязательно тебе надо было с ней встретиться!

— Такая я дурочка, — улыбнулась Валентина. — Это для тебя новость?

— Это было прекрасно, — мечтательно промолвила Пликт.

Миро, раскинувшись в капиме и прикрыв рукой глаза, не произнес ни слова.

Валентина взглянула на него и внезапно

увидела его таким, каким он когда-то был, представила его тело сильным и здоровым. Лежа, он не спотыкался; в молчании не проявлялась неразборчивость его речи. Неудивительно, что его напарница-ксенолог влюбилась в него. Кванда. Какой трагедией было для нее узнать, что ее отец — и отец Миро тоже! Это, пожалуй, самая жестокая правда из всех тайн, открытых Эндером, когда тридцать лет назад на Лузитании он Говорил от лица тех, кого нет. Именно этого мужчину потеряла Кванда. Миро также лишился прежнего себя. Неудивительно, что он рискнул жизнью, когда, устремясь на помощь пеквениньос, бросился на барьер. Потеряв любовь, он счел свою жизнь бесполезной. Он жалел только об одном: что не умер сразу. Он продолжал жить, искалеченный снаружи — и сломанный внутри.

Почему при взгляде на него она задумалась об этом? Почему именно эти картины прошлого так отчетливо предстали перед ее внутренним взором?

Может быть, потому, что он сейчас думает о себе? Она уловила его мысли? Неужели между их сознаниями сохранилась мысленная связь?

— Эндер, — спросила она, — что случилось с нами там, внизу?

— Все прошло значительно лучше, чем я смел надеяться, — ответил Эндер.

— Что это было?

— Между нами установилась связь.

— Ты ожидал этого?

— Скорее, хотел. — Эндер присел на крыло машины, ногами раскачивая траву. — Сегодня она повела себя очень необычно, да?

— Неужели? Мне не с чем сравнивать.

— Иногда она ведет исключительно интеллектуальные беседы. Говорить с ней — все равно что решать в уме сложнейшие задачи. Сегодня она вела себя как дитя малое. Конечно, мне ни разу раньше не приходилось присутствовать при кладке яиц будущих Королев. У меня сложилось впечатление, что она рассказала нам куда больше, чем сама того хотела.

— Ты имеешь в виду, что она может не сдержать свои обещания?

— Нет, Вэл, нет, она всегда держит данное слово. Она не знает, что такое ложь.

— Что же ты тогда хочешь сказать?

— Я говорю о звене между мною и ею. Как они пытались подчинить меня. Это было что-то, а? Да она просто взбесилась, когда подумала, что ты могла быть тем самым звеном, которое они

так искали. Ты понимаешь, что это означает для них? Они бы не были уничтожены. Они могли воспользоваться мной, чтобы связаться с правительством на Земле. Разделить Галактику на сферы влияния. Упустить такую возможность!

— Но тогда ты превратился бы… в жукера. Стал бы их рабом.

— Ну да. Мне бы это определенно не понравилось. Но сколько жизней это могло спасти — ведь я был солдатом, надеюсь, ты не забыла? И если один солдат, пожертвовав собой, мог спасти жизни миллиардов…

— Но это не сработало бы. У тебя слишком независимая воля, — заметила Валентина.

— Вот именно, — ответил Эндер. — Или, по крайней мере, чересчур независимая для таких созданий, как Королева Улья. Ты, кстати, обладаешь той же чертой. Успокаивает, не правда ли?

— Не могу сказать, что сейчас я чувствую себя комфортно, — усмехнулась Валентина. — Ты появился прямо внутри моего разума. И Королева Улья — я почувствовала себя так, будто меня насилуют…

— Я никогда ничего подобного не переживал, — изумился Эндер.

— Может быть, я неправильно выразилась, —

пожала плечами Валентина. — Вместе с тем это в некотором роде подбодрило меня. Но и напугало. Она была такой… такой большой внутри моей головы. Я как будто пыталась вместить внутрь нечто большее, чем я сама.

— Кажется, я понимаю, — задумчиво произнес Эндер. Он повернулся к Пликт. — Ты почувствовала то же самое?

Только сейчас Валентина заметила, какими глазами смотрит Пликт на Эндера, ее взгляд словно дрожал. Но она ничего ему не ответила.

— Даже так? — удивился Эндер.

Он усмехнулся и обернулся к Миро.

Он что, ничего не заметил? Пликт уже была одержима Эндером. Заполучить его к себе в разум — это могло оказаться для нее чересчур. Королева Улья говорила что-то об усмирении взбунтовавшихся рабочих. Может быть, Пликт уже «усмирена» Эндером? Может быть, она затерялась в его душе?

«Чушь какая. Абсолютно невероятно. Во всяком случае, я буду молиться, чтобы это предположение не оказалось правдой».

— Миро, вставай, поехали, — окликнул Эндер.

Миро позволил Эндеру помочь ему подняться. Затем все забрались в машину и направились

домой, в Милагре.

Миро сказал им, что не пойдет на службу. Эндер и Новинья отправились туда без него. Но как только они ушли, он понял, что оставаться в этом доме невыносимо. Его все еще преследовало ощущение, что кто-то наблюдает за ним, стоит за спиной. Там, в тенях, невысокая фигурка следит за каждым его движением. Облаченная в гладкий, твердый панцирь; тонкие ручки увенчаны двумя похожими на когти пальцами — ручки, которые с такой легкостью можно откусить и выплюнуть под ноги, подобно изжеванной веточке. Вчерашний визит к Королеве Улья отразился на нем не лучшим образом.

«Я ксенолог, — напомнил он себе. — Моя жизнь посвящена общению с иными формами жизни. Я стоял и смотрел, как Эндер живьем потрошит Человека, и даже глазом при этом не моргнул, потому что я бесстрастный ученый. Может быть, иногда я слишком отождествляю себя с объектами своих исследований. Но мне никогда не снились кошмары, они никогда не мерещились мне в тенях».

Однако он не сдержался и выскочил из материнского дома за дверь, потому что в поросшем травою поле, в ярком солнечном свете воскресно-

го утра не нашлось бы такой тени, в которой мог укрыться жукер, выжидая подходящего момента, чтобы накинуться на него.

«Интересно, как себя чувствуют остальные? Королева Улья — не насекомое. Она и ее народ — теплокровные создания, как и пеквениньос. Они дышат воздухом, они потеют, как и прочие млекопитающие. Может быть, строением своего тела они и напоминают переходное звено между насекомыми и другой, более развитой расой, подобно тому как мы походим на лемуров, землероек и крыс, но они создали яркую и прекрасную цивилизацию. Или, возможно, темную и прекрасную. Мне следует взглянуть на них глазами Эндера — с уважением, с благоговением, с любовью. А я? Вот разве что выдержал встречу от начала и до конца.

Не может быть никаких сомнений в том, что Королева Улья — раман, она способна понять и принять нас. Вопрос в том, способен ли я понять и принять ее. А ведь наверняка не я один такой. Эндер оказался абсолютно прав, когда решил держать в секрете существование Королевы Улья от большинства граждан Лузитании. Если бы они встретились с ней лицом к лицу так, как я, или хотя бы одним глазком взглянули на жукера,

страх охватил бы всех без исключения. Страх передавался бы, как болезнь, от одного к другому до тех пор, пока… пока не случилось бы непоправимое. Что-то очень плохое. Что-то чудовищное.

Может быть, это мы варелез. Может быть, идея ксеноцида просто свойственна человеческому сознанию, тогда как прочие разумные существа избегли этой напасти. Может быть, для всей Вселенной будет лучше, если десколада вырвется на свободу, распространится по всем обжитым людьми планетам и уничтожит нас всех до единого. Может быть, десколаду создал сам Господь Бог, и это его ответ на наше несовершенство».

Миро очнулся от размышлений, когда едва не ударился лбом в дверь собора. На улице еще царила утренняя прохлада, поэтому двери храма были распахнуты настежь. Месса только-только началась. Миро, с трудом ковыляя, пробрался внутрь и опустился на одну из задних скамей. У него не было никакого желания общаться сегодня с Христом. Он просто нуждался в обществе людей. Он нуждался в их присутствии. Миро встал на колени, перекрестился, да так и замер, склонив голову и вцепившись в край скамьи перед собой. Он бы с удовольствием помолился, но в «Раі

Nosso»[12] не нашлось ничего такого, что помогло бы ему справиться с припадками страха. «Хлеба насущного дай нам сегодня? Прости прегрешения наши? Да воцарится царствие Твое как на земле, так и на небесах. Вот это было бы здорово. Царство Божие, где лев мирно уживается с ягненком».

Он вспомнил о видении, которое когда-то явилось святому Стефану: Сын Человеческий, стоящий одесную Бога[13]. Вот только по левую руку восседал кто-то еще. Небесная правительница. Не Святая Дева Мария, но Королева Улья, а из ее яйцеклада капала желтоватая слизь. Миро судорожно сцепил руки перед собой. «Боже, отведи это видение от меня. Изыди, враг рода человеческого».

Кто-то подошел и опустился рядом с ним. Миро не осмелился открыть глаза. Затаив дыхание, он ожидал какого-нибудь звука, который позволил бы заключить, что его сосед относится к человеческому роду. Но шорох одежды с равным успехом мог на поверку оказаться хитиновыми крыльями, царапающими затвердевшую грудину.

Он силой изгнал ужасное видение. И открыл

---

[12] Примечания: 12
Отче наш (*португ.*).

[13] Примечания: 13
Деяния святых апостолов, 7: 56.

глаза. Краем глаза Миро заметил, что рядом с ним стоит кто-то коленопреклоненный. Судя по изяществу руки, по цвету рукава платья, это была женщина.

— Ты не сможешь все время прятаться от меня, — прошептала она.

Голос принадлежал не ей. Слишком сиплый. Голос, которым воспользовались сотни тысяч раз с тех пор, как он в последний раз слышал его. Голос, который напевал колыбельные малышам; голос, стонущий в порывах любви; голос, зовущий детей идти домой. Голос, который когда-то давным-давно, когда Миро был совсем молод, признался ему в вечной любви.

— Миро, если бы я могла взвалить на себя твой крест, я бы непременно так и поступила.

«Мой *крест*? Неужели это то, что я несу, — тяжелое и постоянно мешающее, пригибающее к земле? А я-то думал, что это мое тело».

— Я не знаю, что сказать тебе, Миро. Я долго тосковала по тебе. Иногда, мне кажется, я тоскую по тебе и сейчас. Потерять тебя — в качестве надежды на будущее, я имею в виду, — было наилучшим выходом из положения, вот что я потом поняла. У меня хорошая семья, хорошая жизнь, и ты когда-нибудь обретешь то же самое.

Но потерять тебя как друга, как брата — это было невыносимо. Я чувствовала себя покинутой, я не знаю, как я справилась со всем этим.

«Лишиться тебя как сестры было совсем не трудно. У меня хватает сестер».

— Ты разбиваешь мне сердце, Миро. Ты так молод. Ты не изменился — с этим трудно свыкнуться. За тридцать лет ты ни капли не изменился.

Миро больше не мог сохранять молчание. Он заговорил, по-прежнему не поднимая головы. И заговорил слишком громко для середины мессы.

— Да неужели? — почти выкрикнул он.

Он поднялся на ноги, ощущая на себе любопытные взгляды оборачивающихся людей.

— Неужели? — Голос его застревал в гортани, превращался в неразборчивое мычание, но Миро ничего не мог с собой поделать. Покачнувшись, он выбрался в проход и наконец обернулся к ней. — Ты таким меня запомнила?

Она потрясенно смотрела на него. Что же ее так потрясло? Невнятная речь Миро, его корявые движения? Или он просто не оправдал ее надежд, не превратил их встречу в сцену долгожданного примирения из дешевого романчика, которую она рисовала себе последние тридцать лет?

Ее лицо практически не постарело, но это была

и не Кванда. Женщина средних лет, располневшая, с морщинками у глаз. Сколько же ей сейчас? Пятьдесят? Почти. Что этой пятидесятилетней женщине от него надо?

— Я даже не знаю тебя, — сказал Миро.

Прихрамывая, он добрался до двери и вышел в солнечное утро.

Он пришел в себя, когда без сил свалился в тени какого-то дерева. Кто это, Корнерой или Человек? Миро попробовал вспомнить — ведь он покинул эти места всего несколько недель назад, не так ли? Но когда он улетал, дерево Человека невысоким росточком поднималось над землей, а теперь оба дерева выглядели примерно одинаково, и он никак не мог припомнить, где же был убит Человек — выше по склону от Корнероя или ниже? Впрочем, это не имело значения — Миро было нечего сказать деревьям, а у них не было ничего, что можно было бы поведать ему.

Кроме того, Миро ведь так и не успел выучиться древесному языку. Никто из них до той ночи даже не подозревал, что постукивание палочками по дереву — в действительности язык, об этом узнали только тогда, когда для Миро все было кончено. Эндер умел говорить на нем, и Кванда, и, может, еще с полдюжины обитателей Милаг-

ре, но Миро никогда не выучится этому языку, потому что скрюченные пальцы не в состоянии удержать палочки, выбивать ритм. Просто еще один вид речи, который теперь ему стал абсолютно ни к чему.

— Que dia chato, meu filho.

Вот этот голос никогда не изменится. И отношение тоже: «Что за мерзкий денек, сын мой». Набожный и в то же время насквозь фальшивый, то есть таким образом насмехающийся над самим собой с обеих точек зрения.

— Привет, Квим.

— Увы, теперь отец Эстеву.

Сегодня Квим был при всех священнических регалиях — облачение и все такое прочее. Подобрав свои одеяния, он присел на вытоптанную траву перед Миро.

— Ты отлично выглядишь, — заметил Миро. Квим заметно изменился. В детстве он был закомплексованным и очень набожным мальчиком. Столкновение с реальным миром, вместо того чтобы насытить его ум теологическими теориями, оставило на его лице множество морщинок, похоже, он приобрел сострадание. — Прости, я учинил скандал на мессе.

— Да? — удивился Квим. — Меня там не было.

Ну, вернее сказать, на мессе-то я был, просто в соборе не присутствовал.

— Причащал рамен?

— Детей Господних. Церковь давно подыскала определение всем чужеземцам. Нам не пришлось дожидаться классификации Демосфена.

— Я думаю, тебе не следует так задирать нос, Квим. Не ты изобретаешь определения.

— Давай не будем ссориться.

— Тогда давай не будем лезть, когда другие люди думают о своем.

— Достойное возражение. Вот только дело в том, что ты расположился в тени одного из моих друзей, с которым мне хотелось бы побеседовать. Мне показалось более вежливым сначала немного поговорить с тобой, прежде чем я начну стучать по Корнерою палочками.

— Это Корнерой?

— Можешь поздороваться с ним. Я знаю, он с нетерпением ждал твоего возвращения.

— Я никогда не был знаком с ним.

— Зато он о тебе все знает. Мне кажется, Миро, ты сам не понимаешь, каким героем ты стал для всех пекевениьос. Они помнят, на что ты пошел ради них и чего тебе это стоило.

— А им известно, что может получиться так,

что мой поступок дорого обойдется не только мне, но и всем живущим на Лузитании?

— В конце концов мы все предстанем перед судом Божиим. Если на небеса вознесется разом целая планета, единственное, о чем следует беспокоиться, — чтобы никакое существо, чья души с радостью будет причислена к сонму святых, не взошла туда некрещеной.

— Так тебе, значит, наплевать?

— Нет, что ты, — миролюбиво ответил Квим. — Давай скажем так: во Вселенной присутствует нечто высшее, в свете которого жизнь и смерть выглядят смешными игрушками. Куда важнее, какую жизнь ты выбрал. И какую смерть.

— Слушай, ты и в самом деле во все это веришь? — недоверчиво покосился на него Миро.

— Это зависит от того, что ты понимаешь под словами «все это», но могу сказать — да, я верю.

— Я имею в виду все это. Бог во плоти, воскресший Христос, видения, крещение, доказательства свыше…

— Да.

— Чудеса. Исцеление.

— Да.

— У могилы дедушки и бабушки…

— Там зарегистрировано множество случаев

исцеления.

— И ты веришь в них?

— Миро, я не знаю. Некоторые чудеса — результат всеобщей истерии. Кое-какие объясняются эффектом плацебо. Другие засвидетельствованные случаи исцеления можно рассматривать как примеры естественного выздоровления.

— Но кое-что было на самом деле?

— Могло быть.

— Ты веришь, что чудеса случаются?

— Да.

— Но ты ведь не считаешь, что какие-то из них действительно уже случились?

— Миро, я верю в то, что они происходят в этом мире. Я просто не знаю, правильно ли люди толкуют, что есть чудо, а что — нет. Вне всяких сомнений, многие чудеса таковыми на деле никогда не являлись. Но наверняка есть и такие, которых люди просто не признали, они просто не поняли, что с ними случилось чудо.

— А как насчет меня, Квим?

— А что насчет тебя?

— Почему со мной не случится какого-нибудь чуда?

Квим по-утиному клюнул головой и уставился на короткую траву, растущую у его ног. Эту

привычку он приобрел еще ребенком. Тогда подобным образом он пытался уйти от трудного вопроса; таким становился, когда Маркано, которого они тогда считали отцом, впадал в пьяное буйство.

— В чем дело, Квим? Или чудеса созданы исключительно для других?

— Чудо частично состоит в том, что никому не известно, почему оно вдруг произошло.

— А ты научился изворачиваться, Квим.

Квим вспыхнул:

— Ты хочешь знать, почему ты вдруг чудесным образом не исцелишься? Да в тебе нет веры, Миро.

— Но как же тот, который в свое время сказал: «Да, Господи, я верю, и прости мне мое неверие»?

— Ты считаешь, ты на такое способен? А ты когда-нибудь просил об исцелении?

— Я прошу о нем сейчас, — проговорил Миро. На его глазах проступили непрошеные слезы. — О боже, — прошептал он, — мне так стыдно.

— За что? — удивился Квим. — За то, что ты попросил Бога о помощи? Или за то, что ты расплакался перед своим братом? Ты горюешь о своих грехах? О сомнениях?

Миро потряс головой. Он не знал. Эти вопросы

были слишком сложны для него. И вдруг он осознал, что все-таки знает ответ. Он развел руками.

— Об этом теле, — вымолвил он.

Квим потянулся к нему, положил ладони на плечи Миро и с силой прижал его руки обратно; пальцы Квима соскользнули и теперь сжимали запястья Миро:

— «Сие есть тело Мое, которое за вас предается»[14] — так сказал Он. И точно так же ты отдал свое тело пекевениньос. Маленьким братьям.

— Да, Квим, но ведь Он вернул себе тело, потом?

— Он тоже умер.

— Только так я излечусь? Значит, мне остается всего лишь подыскать себе подходящую смерть?

— Прекрати, — нетерпеливо ответил Квим. — Христос не сам себя убил. Предательство Иуды убило его.

Миро словно взорвался:

— Все те люди, которые исцелились от простуды, мигрень которых таинственным образом убралась восвояси… — ты хочешь сказать, что Бог счел их достойнее меня?

— Возможно, это не зависит от того, достоин

---

[14] Примечания: 14

Слова литургической молитвы, восходящей к библейскому эпизоду Тайной вечери (Лк. 22: 19).

ты или нет. Может быть, здесь главное — нужно ли тебе это.

Миро рванулся и схватил Квима за рясу, сжав ткань полупарализованными пальцами.

— Мне нужно прежнее тело!

— Очень может быть, — спокойно отреагировал Квим.

— Что ты хочешь сказать этим «может быть», ты, жалкая, лебезящая сволочь?!

— Я хочу сказать, — тихо произнес Квим, — что да, конечно же, ты *жаждешь* вернуть прежнее тело, но, может быть, Бог в своей великой мудрости знает, что какое-то время тебе *необходимо* провести в теле калеки, чтобы ты изменился, стал лучше, чем был когда-то.

— И сколько времени я должен пробыть в этой оболочке? — настаивал Миро.

— Ну, максимум до конца своей жизни — больше уж навряд ли.

Миро с отвращением хмыкнул и отпустил Квима.

— А может быть, и меньше, — сказал Квим. — Во всяком случае, я так надеюсь.

— Надежда, — презрительно усмехнулся Миро.

— Наравне с верой и чистой любовью это наивысшая из существующих добродетелей. Ты

должен надеяться.

— Я встретился с Квандой.

— Она добивалась встречи с тобой с тех самых пор, как ты вернулся.

— Она постарела и растолстела за эти тридцать лет. У нее целый дом детворы, а парень, за которого она вышла замуж, пахал ее то так, то этак. Я бы предпочел посетить ее могилу!

— Как это великодушно с твоей стороны!

— Ты понял, что я хотел сказать! Покинуть Лузитанию — какая шикарная идея! Вот только тридцать лет — слишком малый срок.

— Ты бы предпочел вернуться в мир, где тебя никто не знает?

— Здесь меня и так никто не знает.

— Может быть. Но мы любим тебя, Миро.

— Ты любишь меня таким, каким я был.

— Ты ничуть не изменился, Миро. Изменилось твое тело.

Миро с трудом поднялся на ноги, опершись о ствол Корнероя:

— Давай, общайся со своим древесным дружком, Квим. Ты не можешь сказать мне ничего такого, что бы хотелось услышать *мне*.

— Это ты так считаешь, — подчеркнул Квим.

— Ты знаешь, что может быть хуже сволочи,

Квим?

— Ну конечно, — ответил тот. — Враждебно настроенная, озлобленная, жалеющая сама себя, ничтожная, бесполезная сволочь, которая слишком много возомнила о важности своих страданий.

Этого Миро вынести уже не смог. Он яростно взревел и набросился на Квима, стараясь повалить того на землю. Естественно, он и сам не удержался на ногах и обрушился на брата сверху, запутавшись в его облачении. Но это не остановило Миро, он даже не пытался подняться, он хотел избить Квима, причинить ему боль, будто таким путем мог избавиться хотя бы от части своей.

Однако после нескольких ударов Миро вдруг расплакался и сжался в комочек, заливая слезами грудь брата. Секунду спустя он почувствовал, как руки Квима нежно обняли его, услышал тихий голос, произносящий молитву:

— Pai Nosso, que estás no céu. — На этом месте чары рассеялись, и слова приобрели новый смысл, став реальными, земными. — O teu filho está com dor, o meu irmão precisa a resurreição da alma, ele merece o refresco da esperança[15].

---

[15] Примечания: 15

«Отче наш, сущий на небесах. Твой сын страдает, брат мой нуждается в воскресении души, он заслуживает надежды» (*португ.*).

Услышав, как Квим принимает его боль, его оскорбительные требования, Миро внезапно устыдился самого себя. С чего Миро взял, что заслуживает надежды? Как он посмел требовать, чтобы Квим помолился за него, помолился, чтобы случилось чудо и Миро вновь обрел здоровое тело? Миро понимал, что с его стороны было нечестно настаивать, чтобы Квим воспел в своей вере его, неверующего, изнывающего от жалости к самому себе.

Но молитва все продолжалась:

— Ele deu tudo aos pequeninos, e tu nos disseste, Salvador, que qualquer coisa que fazemos a estes pequeninos, fazemos a ti[16].

Миро хотел было остановить брата. «Если я и отдал все, что у меня было, пеквениньос, это я сделал ради них, а не ради себя». Но слова Квима не дали раскрыть ему рта:

— Ты сказал нам, Спаситель, что, принося себя в жертву этим маленьким созданиям, мы приносим жертву Тебе.

Это прозвучало так, словно Квим настаивал, чтобы Бог выполнил свои обязательства в этой сделке. Квим, должно быть, установил крайне

---

[16] Примечания: 16

«Он все отдал за малых сих, а Ты сказал: „Кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, не потеряет награды своей“».

странные отношения с Богом, раз считал себя вправе предъявлять ему счет.

— Ele não é como Jó, perfeito na coraçãо[17].

«Да, я вовсе не так совершенен, как Иов. Но я потерял все, как лишился всего Иов. Чужой человек обрел детей от женщины, которая должна была стать моей женой. Другие исполняют то, что должен был исполнить я. Я же получил взамен этот ужасный полупаралич — поменялся бы со мной местами Иов?»

— Restabelece ele como restabeleceste Jó. Em nome do Pai, e do Filho, e do Espirito Santo. Amen. — «Возроди его, как ты возродил Иова. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь».

Миро почувствовал, как руки Квима отпустили его, и, словно именно эти руки, а не сила притяжения удерживали его на груди брата, Миро тут же поднялся и посмотрел на распростертого на земле Квима. Глаз Квима затягивало синевой. Губа кровоточила.

— Я причинил тебе боль, — пробормотал Миро. — Прости меня.

---

[17] Примечания: 17

«Он не похож на Иова, совершенного в сердце своем». (Иов — библейский праведник, чью веру в Господа испытывает Сатана. Поспорив с Яхве, что вера Иова не так крепка, как выглядит, Сатана лишает праведника богатств, близких и в конце концов насылает на его плоть ужасные болезни, однако Иов остается верен Господу.)

— Да, — ответил Квим. — Ты действительно причинил мне боль. А я причинил боль тебе. Здесь этот вид развлечений пользуется наибольшей популярностью. Ну-ка помоги мне встать.

На какое-то мгновение Миро позабыл, что он теперь калека, что сам еле-еле удерживается на ногах. И начал протягивать брату руку. Только зашатавшись и чуть не потеряв равновесие, он вспомнил о своей ущербности.

— Я не могу, — выдохнул он.

— Слушай, твои жалобы на собственную ущербность всех уже достали. Ты мне дашь руку? Долго я буду ждать?

Миро расставил ноги, покрепче уперся в землю и наклонился над братом. Над своим младшим братом, который теперь почти на три десятилетия обогнал его не только в возрасте, но и в мудрости, и сострадании к людям. Миро протянул руку. Квим ухватился за нее и с помощью Миро поднялся с земли. Миро чуть не потерял сознание при этом, былая сила покинула его, а Квим не симулировал, он хотел, чтобы Миро сам поднял его. Когда наконец Квим встал на ноги, оба брата очутились лицом к лицу, плечом к плечу, сжимая руки друг друга.

— Ты отличный священник, — заметил Миро.

— Это точно, — согласился Квим. — Но теперь, как только мне потребуется партнер по спаррингу, я немедленно буду звать тебя.

— Бог ответит на твою молитву?

— Разумеется. Бог отвечает на все молитвы.

Миро не сразу понял, что́ Квим имел в виду под этими словами.

— Нет, я хотел сказать, ответит ли Он положительно.

— А-а. Вот здесь я не уверен. Ты мне сам потом расскажешь, если что.

Квим направился — слегка напряженно и немного прихрамывая — к дереву. Он наклонился и поднял с земли пару палочек.

— Что ты собрался обсуждать с Корнероем?

— Он дал знать, что ему нужно поговорить со мной. В каком-то далеком лесу возникло нечто вроде ереси.

— Ты обратил их, а потом у них мысли поехали не в ту сторону, да? — поинтересовался Миро.

— Да нет, — помотал головой Квим. — Тому племени я ни разу не проповедовал. Деревья-отцы постоянно общаются друг с другом, поэтому идея христианства достигла самых отдаленных уголков этого мира. Но, как обычно, ересь распространяется намного быстрее истины. И Корнерой

чувствует себя слегка виноватым, поскольку она проистекает из его собственных размышлений.

— Да, думаю, тебе предстоит столкнуться с нелегкой задачей, — посочувствовал Миро.

— Не мне одному, — поморщился Квим.

— Прости. Я хотел сказать, Церкви. Всем уверовавшим.

— Здесь вопрос ставится куда шире, Миро. Эти пеквениньос выступили с действительно интересным еретическим постулатом. Однажды, не очень давно, Корнерой вдруг подумал, что как Христос все-таки спустился к людям, так в один прекрасный день Святой Дух снизойдет и к пеквениньос. Чудовищная ошибка в толковании Святой Троицы, но один лес воспринял ее всерьез.

— Вроде бы ничего страшного.

— И мне так показалось. Пока Корнерой не объяснил подробнее. Видишь ли, они убеждены, что вирус десколады есть воплощение Святого Духа. В результате учение было истолковано весьма превратно: поскольку Святой Дух обитает везде, присутствует во всех созданиях Божьих, следовательно он не что иное, как десколада, которая также без труда проникает в любое живое существо.

— Они почитают *вирус*?

— О да. Кроме того, разве не вы, ученые, открыли, что пеквениньос как разумные существа были *созданы* вирусом десколады? Значит, вирус обладает созидательной силой, откуда вытекает, что ему присуще высшее начало.

— Мне кажется, это так же шатко, как и воплощение Господа во Христе.

— Нет, они изобрели множество доказательств своей теории. Но, Миро, если бы этим все и закончилось, я бы счел данную проблему делом Церкви, не более. Запутанный вопрос, сложный, но крайне специфический.

— Так в чем же дело?

— Десколада есть второе крещение. Крещение огнем. Только пеквениньос способны перенести это крещение, и оно переводит их в третью жизнь. Они значительно ближе к Господу, чем люди, которые отрицают существование третьей жизни.

— Миф о превосходстве. Этого следовало ожидать, — легко заключил Миро. — Бóльшая часть сообществ, пытающихся выжить под давлением превосходящей их культуры, создают некий миф, который дает им возможность верить, что с какой-то точки зрения они особенные. Избранные.

Облагодетельствованные богами. Цыгане, евреи — исторических прецедентов масса.

— Хорошо, посмотрим, как вы справитесь со следующим заявлением, сеньор зенадор. Раз пеквениньос избраны Святым Духом, их миссия состоит в том, чтобы распространить второе крещение на все народы.

— Разнести десколаду?

— По всем мирам. Эпидемия Судного дня. Они прилетают, десколада распространяется, адаптируется, убивает — и все дружно следуют на встречу со своим Создателем.

— Боже, спаси и сохрани.

— Вот именно.

И тут Миро вдруг вспомнил, что пришлось услышать и пережить ему вчера:

— Квим, жукеры строят космический корабль для пеквениньос.

— Да, Эндер сказал мне об этом. И когда я спорил по этому вопросу с отцом Солнцесветом…

— Он пеквениньо?

— Один из детей Человека. Он сказал: «А, ну да» — так, будто всякий об этом знает. Может быть, он считает, что если пеквениньос в курсе, то, значит, это известно и всем остальным. Он также поведал мне, что племя наших еретиков

намеревается попытаться захватить судно.

— Зачем?

— Чтобы привести его на какой-нибудь обитаемый мир, само собой разумеется. Вместо того чтобы найти необитаемую планету, терраформировать ее и впоследствии колонизировать.

— Мне кажется, правильнее было бы сказать «лузиформировать».

— Смешно. — Квим даже не улыбнулся. — И существует вероятность, что они добьются своего. Идея о превосходстве свинксов над всеми остальными расами пользуется большой популярностью, в особенности среди пеквениньос, не принявших христианства. Большинство из них глубоко не задумываются. Они не понимают, что замышляют ксеноцид. Что уничтожат бесследно всю человеческую расу.

— Как это им удалось проскочить мимо такого «незначительного» упущения?

— Еретики больше всего упирают на тот факт, что Господь настолько привечает людей, что послал им своего единственного возлюбленного Сына. Ты, естественно, помнишь Писание.

— И кто уверует в Него, тот спасется.

— Точно. Те, кто уверует, получат в награду вечность. Так они представляют себе третью жизнь.

— А следовательно, все умершие не уверовали.

— Нельзя сказать, что пеквениньос просто в очередь выстраиваются, чтобы записаться в странствующие ангелы смерти. Но таких набралось уже достаточное количество, и настала пора принять меры. И не только ради спасения Матери-Церкви.

— Ради спасения Матери-Земли.

— Вот видишь, Миро, иногда такой миссионер, как я, принимает на свои плечи тяжесть всего мира. Еще не знаю как, но я должен убедить этих несчастных еретиков в том, что они совершили ошибку, и склонить их к принятию доктрины, которую проповедует Церковь.

— Так зачем же тебе говорить с Корнероем?

— Чтобы выведать у него кое-какие сведения, которые никак не хотят выдавать нам пеквениньос.

— Какие же?

— Точное местоположение. По Лузитании раскиданы тысячи и тысячи лесов пеквениньос. Который из них впал в ересь? Корабль давным-давно покинет планету, пока я в одиночку разыщу этот лес.

— Ты собрался туда *один*?

— Как всегда. Я не могу вести за собой малень-

ких братьев, Миро. До тех пор пока лес не обращен в истинную веру, свинксы имеют обыкновение убивать чужеземных пекевениньос. Один из редких примеров, когда лучше быть раман, чем утланнингом.

— Мать знает, куда ты собрался?

— Прошу тебя, Миро, ну поразмысли здраво! Я ни капельки не страшусь Сатаны, но мама…

— А Эндрю?

— Конечно знает. Он настаивает на том, чтобы я взял его с собой. Говорящий от Имени Мертвых пользуется огромным влиянием, и он считает, что может оказать мне помощь.

— Слава богу, ты хоть не отправишься туда в одиночку.

— Ты не понял. Я все равно никого не возьму с собой. Когда это бывало, чтобы человек, облаченный в доспехи Господни, обращался за помощью к какому-то гуманисту?

— Эндрю — католик.

— Он посещает мессу, он причащается, он регулярно исповедуется, но он все-таки остается Говорящим от Имени Мертвых, и я не думаю, что он действительно верит в Бога. Я еду один.

Миро взглянул на Квима, в глазах его мелькнуло восхищение.

— Знаешь, а ведь ты крутой сукин сын!

— Круты только сварщики да кузнецы. У сукиных детей свои проблемы. Я просто служитель Господа и нашей Церкви, и у меня есть работа, которую я должен исполнять. Вообще-то, недавние события показали, что мне больше угрожает опасность погибнуть от руки собственного брата, нежели от козней самых яростных еретиков-пеквениньос. Со дня смерти Человека пеквениньос крепко держат свое слово — никто ни разу не поднял руки на колонистов. Может быть, они и еретики, но они по-прежнему остались пеквениньос. Они не нарушат данную ими клятву.

— Прости, что ударил тебя.

— Я принял это как дружественные объятия, сын мой.

— Если бы действительно так оно и было, отец Эстеву!

— Как пожелаешь, так тому и быть.

Квим повернулся к дереву и начал отбивать ритм. Почти сразу звуки начали изменяться, приобретать то высокую, то низкую тональность — дерево перемещало пустоты внутри себя. Миро выждал пару секунд, прислушиваясь к речи, пусть даже не понимая языка деревьев-отцов. Корнерой общался единственным доступным

дереву способом. Когда-то он обладал настоящим голосом, производил звуки при помощи губ, языка и зубов. Лишиться тела можно по-разному. Миро выжил, когда, по идее, должен был умереть. Он выжил калекой. Но он все же мог ходить, пусть неловко, мог говорить, пусть медленно. Он считал, что на его долю выпали страдания Иова. Корнерой и Человек, куда более ущербные, нежели он, твердо верили, что обрели вечную жизнь.

— Ситуация не из приятных, — заметила Джейн.

«Да», — молча согласился Миро.

— Отец Эстеву ни в коем случае не должен отправляться в тот лес один, — продолжала Джейн. — Пеквениньос зарекомендовали себя как опытные и безжалостные бойцы. Они не успели забыть прошлое.

«Так скажи это Эндеру, — ответил ей Миро. — Я здесь не властен».

— Отлично сказано, мой герой, — съязвила Джейн. — Я свяжусь с Эндером, а ты тут пока поброди, вдруг долгожданное чудо возьмет да свершится.

Миро глубоко вздохнул, спустился с холма и прошел в ворота.

9
Упорство и упрямство

– Я говорил с Эндером и его сестрой Валентиной. Она историк.

– Что это значит?

– Она изучает разные книги, чтобы поближе познакомиться с историей человечества, а потом пишет свои книги о том, что ей удалось отыскать, и передает их другим людям.

– Но если истории уже кем-то изложены, зачем она переписывает их?

– Потому что их не так поняли. Она помогает людям лучше понять их.

– Раз уж жившие в те времена не сумели разобраться, как она, пришедшая через века после случившегося, может что-то понять?

– Я и сам задал ей тот же вопрос, а Валентина сказала, что она не всегда толкует их буквально. Прежние писатели руководствовались тем, что было важно для их эпохи, а она представляет прошлое

так, как оно должно выглядеть в глазах людей ее эпохи.

– Значит, история не остается прежней?

– Нет.

– Но каждый раз они принимают ее за правдивое освещение событий?

– Валентина что-то такое объясняла насчет того, что некоторые истории могут быть истинными, а другие – правдивыми. Я, правда, ничего не понял.

– Почему они сразу не запоминают истории во всех подробностях? Тогда бы им не пришлось постоянно лгать друг другу.

Цин-чжао сидела перед терминалом, ее глаза были закрыты, она сосредоточенно размышляла. Ванму расчесывала ей волосы. Легкие подергивания, скольжение щетки по волосам, само дыхание девочки успокаивающе действовали на Цин-чжао.

Это было время, когда Ванму могла свободно разговаривать с ней, не опасаясь отвлечь ее от чего-то очень важного. А так как Ванму оставалась прежней Ванму, она тут же воспользовалась подходящей минуткой для того, чтобы задать

несколько вопросов. У нее постоянно возникало столько вопросов!

Первые дни все они касались исключительно общения с богами. Само собой разумеется, Ванму с огромным облегчением восприняла новость, что в большинстве случаев, чтобы заслужить прощение богов, достаточно проследить всего одну жилку. После случившегося она боялась, что Цин-чжао придется каждый день прослеживать жилки по всему полу.

Но для нее до сих пор оставалось много неясного во всем, что касалось очищения. «Почему бы тебе каждое утро, сразу после подъема, не прослеживать жилку, тогда бы тебя не беспокоили днем? Почему бы тебе не покрыть пол ковром?» Цин-чжао никак не могла объяснить ей, что боги не поддаются на такие наивные уловки.

«А что, если бы на всей нашей планете не росло ни единого деревца? Тогда бы боги спалили тебя, как ненужную бумажку? Прилетел бы дракон и унес тебя?»

Цин-чжао не могла дать разумный ответ на все вопросы Ванму, она могла лишь повторять, что этого требуют от нее боги. Если б не было древесных жилок, тогда бы боги не заставляли ее прослеживать их. На что Ванму заявляла, что

следует издать закон, запрещающий делать деревянные полы, тогда Цин-чжао освободится от этого наказания.

Те, кто ни разу не слышал голоса богов, не могли понять тонкостей общения с ними.

Сегодня, впрочем, вопросы Ванму не имели ничего общего с богами — или, по крайней мере, пока она к этой теме не возвращалась.

— Так что же все-таки помешало флоту на Лузитанию достичь цели? — спросила Ванму.

Цин-чжао еле сдержалась, ей захотелось фыркнуть: «Да если б я знала, я бы наконец смогла отдохнуть!» Но она поняла, что, скорее всего, Ванму даже не подозревает, что флот на Лузитанию просто бесследно испарился.

— А откуда тебе что-то известно о флоте на Лузитанию?

— Но ведь я умею *читать*, — чересчур, может быть, гордо заявила Ванму.

А почему бы ей, собственно, и не гордиться этим? Цин-чжао, будучи совершенно искренней в своих словах, не раз повторяла Ванму, что та продвигается вперед большими шагами. Одновременно Цин-чжао открыла для себя много нового о своей служанке. Ванму была сообразительной, и Цин-чжао совсем не удивилась бы,

обнаружив, что Ванму извлекает из услышанного много больше, чем кажется на первый взгляд.

— Я не раз следила за тобой, пока ты работала с терминалом, — продолжала Ванму, — и видела, как ты просматриваешь информацию, касающуюся непосредственно флота на Лузитанию. То же самое ты обсуждала со своим отцом в тот день, когда принимала меня на работу. Я почти ничего не поняла из вашего разговора, но догадалась, что с флотом на Лузитанию что-то случилось. — В голосе Ванму внезапно прозвучало отвращение. — Да окатят боги испражнениями того, кто послал этот флот.

Ее страстность была потрясающей; невозможно было поверить, что Ванму осмелилась так отзываться о Межзвездном Конгрессе.

— Ты знаешь, чьим приказом был послан флот? — поинтересовалась Цин-чжао.

— Ну конечно. Приказом самоуверенных политиканов, засевших в Межзвездном Конгрессе и пытающихся искоренить всякую надежду планет-колоний на приобретение независимости.

Так, значит, Ванму *понимала*, что говорит. Цин-чжао вспомнила, как сама когда-то давным-давно сыпала подобными проклятиями; но слышать их снова, да еще из уст собственной служанки, было

невыносимо.

— Да что ты знаешь об этом?! Это дела Конгресса, а ты здесь лениво рассуждаешь о независимости, колониях…

Ванму мигом очутилась на коленях, голова ее была склонена до самого пола. Цин-чжао сразу устыдилась своей необдуманной резкости:

— О, Ванму, встань сейчас же.

— Ты рассердилась на меня.

— Я просто была потрясена, услышав от тебя такие слова, вот и все. Где ты набралась подобного бреда?

— Все так говорят, — пожала плечиками Ванму.

— Нет, не все, — возразила Цин-чжао. — Отец никогда не говорил ничего подобного. С другой стороны, Демосфен постоянно повторяет это.

Цин-чжао вспомнила, что она почувствовала, когда впервые ознакомилась со статьями Демосфена, как логично, правильно и честно звучали его доводы. Только много позже, после того как отец объяснил ей, что Демосфен на деле враг правителям и, стало быть, враг богам, только тогда она осознала, какими масляными и обманчивыми были слова этого предателя, который едва не заставил ее поверить, будто флот на Лу-

зитанию — неприкрытое зло. А если Демосфен чуть было не обманул такую образованную и благочестивую девушку, как Цин-чжао, то совсем не удивительно, что обыкновенная девочка совершенно искренне повторяет его изречения.

— Кто такой Демосфен? — спросила Ванму.

— Предатель, который к настоящему моменту наделал куда больше бед, чем кто-либо мог предположить.

Понимает ли Межзвездный Конгресс, что идеи Демосфена повсеместно повторяются людьми, которые никогда слыхом не слыхивали о нем? Понимает ли кто-нибудь, что это значит? Размышления Демосфена превратились в мудрость среднего люда. Положение вещей приобретает более опасный поворот, чем представляла себе Цин-чжао. Отец мудрее, чем она, он наверняка все уже понял.

— Да бог с ним, — сказала наконец Цин-чжао. — Расскажи мне лучше, что тебе известно о флоте на Лузитанию.

— Я не смею, ведь ты снова рассердишься.

Цин-чжао терпеливо ждала.

— Ну хорошо, — сдалась Ванму и тревожно посмотрела на свою госпожу. — Отец говорит, и даже Пан Ку-вэй повторяет, а он очень мудр, один

раз он чуть не сдал экзамен на право гражданской службы…

— Так что же они говорят?

— Это очень плохо, что Конгресс выслал гигантский флот, просто огромный, — и все лишь ради того, чтобы напасть на крошечную колонию, которая всего-то отказалась отослать двух своих граждан на суд другой планеты. Они говорят, что справедливость полностью на стороне Лузитании, потому что переслать людей с одной планеты на другую — это значит навсегда лишить их семьи и друзей. Это приравнивается к приговору, только выносится он еще до суда.

— А что, если они виновны?

— Решать должен суд их собственного мира, где люди знают их и могут справедливо судить о степени их виновности. Конгресс же решает издалека, они вообще ничего не знают, а понимают и того меньше. — Ванму снова склонилась. — Так Пан Ку-вэй сказал.

Цин-чжао даже передернуло — такое отвращение вызвали у нее предательские речи Ванму. Но знать, что думают по этому поводу обыкновенные люди, крайне важно, пусть даже боги потом рассердятся на Цин-чжао за то, что она выслушивала такие святотатственные речи.

— Значит, ты считаешь, что не следовало посылать на Лузитанию целый флот?

— Если они просто так направили на Лузитанию войска, что им помешает в один прекрасный день послать флот на Путь? Мы такая же колония, не входим в число Ста Миров, не являемся членом Межзвездного Конгресса. Они спокойно могут заявить, что Хань Фэй-цзы, к примеру, предатель, и отослать его на какую-нибудь далекую планетку, чтобы он исчез на целых шестьдесят лет.

Вот это было действительно ужасно — Ванму нахально приплела к разговору имя отца Цин-чжао. Это был страшный проступок, но не потому, что Ванму являлась обыкновенной служанкой, а потому, что никто не смел даже вообразить, будто великого Хань Фэй-цзы когда-нибудь кто-нибудь обвинит в преступлении законов. Самообладание на миг покинуло Цин-чжао.

— Межзвездный Конгресс никогда не назовет моего отца преступником! — в ярости вскричала она.

— Прости меня, Цин-чжао. Ты приказала мне повторить слова моего отца.

— Ты хочешь сказать, что это твой отец упоминал имя Хань Фэй-цзы?

— Все люди Чжонлэя знают, что Хань Фэй-цзы

— самый почтенный человек на всем Пути. Мы гордимся, что дом Хань — частичка нашего города.

«Так, значит, — подумала Цин-чжао, — ты прекрасно понимала, насколько честолюбивые цели преследуешь, когда решила попробовать стать служанкой его дочери».

— Я не хотела сказать ничего оскорбительного для твоего отца, как не хотели они. Но неужели Межзвездный Конгресс по желанию не может приказать Пути отослать твоего отца на другой мир для свершения суда?

— Они никогда…

— Может или не может? — настаивала Ванму.

— Путь — колония, — ответила Цин-чжао. — Законом допустима подобная ситуация, но Межзвездный Конгресс никогда…

— Но если они уже приказали Лузитании, почему они не могут отдать тот же приказ Пути?

— Потому что ксенологи на Лузитании были повинны в преступлении…

— А народ Лузитании так не считает. Правительство планеты отказалось посылать их на суд.

— Вот это и есть наистрашнейший их проступок. Как смеет правительство какой-то планетки

воображать, будто разбирается в положении дел лучше Конгресса?

— Но им известны все детали, — возразила Ванму так, будто объясняла элементарную истину, знакомую всем и каждому. — Они давно знают этих людей, ксенологов. Если бы Межзвездный Конгресс приказал Пути послать Хань Фэй-цзы на другую планету, чтобы там он предстал перед судом за преступление, которого, как мы прекрасно понимаем, он никогда не совершал, неужели ты думаешь, что мы бы не восстали против высылки такого великого человека? И тогда бы они натравили на нас флот.

— Межзвездный Конгресс — воплощение справедливости всех Ста Миров, — заявила Цин-чжао, ставя последнюю точку.

Дискуссия была закончена. Какая дерзость, Ванму не соглашается с ней!

— Но ведь Путь пока что не входит в число Ста Миров, если я не ошибаюсь? — сказала Ванму. — Мы всего лишь колония. Значит, они могут делать что захотят, а это несправедливо.

В конце последнего довода Ванму кивнула головой так, будто наконец возобладала в споре. Цин-чжао чуть не расхохоталась. По сути дела, она бы и расхохоталась, не будь так взбешена.

Отчасти она сердилась потому, что Ванму не раз прерывала ее и даже смела противоречить — даже учителя Цин-чжао никогда не осмеливались столь резко возражать ей. Однако наглость Ванму пришлась к месту, и гнев Цин-чжао свидетельствовал, что она слишком привыкла к незаслуженному почтению, с каким люди относились к каждому ее слову просто потому, что эти слова слетали с уст Говорящей с Богами. Должно быть, кто-то свыше вдохновил Ванму на подобные речи. Гнев Цин-чжао не совсем справедлив, поэтому она должна избавиться от него.

Но в основном Цин-чжао гневалась потому, что Ванму посмела неприлично отзываться о Межзвездном Конгрессе. Будто Ванму не воспринимала Конгресс как воплощение высшей власти над человечеством; будто Ванму считала, что мнение Пути куда более важно, нежели единая воля Ста Миров. Даже если суждено приключиться невозможному и Хань Фэй-цзы будет приказано предстать перед судом другой планеты, удаленной на сотни световых лет от Пути, он, ни слова не говоря, исполнит приказание — и придет в бешенство, если кто-нибудь на Пути выкажет хоть малейшее сопротивление воле Конгресса. Восстать, подобно Лузитании? Неве-

роятно. Одна мысль об этом заставила Цин-чжао ощутить жирную грязь на своих руках.

Грязная. Нечистая. Взглядом она начала искать жилку на полу комнаты.

— Цин-чжао! — воскликнула Ванму, стоило только ее госпоже опуститься на колени и склониться над половицей. — Нет, только не это, за что боги наказывают тебя? Ведь эти слова были произнесены мной!

— Они не наказывают меня, — ответила Цин-чжао. — Они очищают меня.

— Но, Цин-чжао, ведь это были даже не мои слова. Они принадлежат людям, которых здесь нет.

— Кому бы они ни принадлежали, они нечестивы.

— Но это нечестно, почему должна подвергнуться очищению ты? Ведь ты никогда не думала так, не верила в сказанное мной!

Все хуже и хуже! Да замолчит когда-нибудь эта Ванму или нет?!

— Теперь ты заявляешь, что сами боги поступают нечестно?

— Да, заявляю, раз они наказывают тебя за слова других людей!

Эта девчонка невыносима.

— Значит, ты мудрее богов?

— Они точно так же могут наказать тебя за то, что ты следуешь силе притяжения, или за то, что на тебя падает дождь!

— Если они прикажут мне очиститься, я так и поступлю и назову это справедливостью, — склонилась Цин-чжао.

— Тогда справедливости вообще не существует! — выкрикнула Ванму. — Когда ты произносишь это слово, ты имеешь в виду то, что взбрело на ум богам. Но когда я говорю о справедливости, прежде всего я хочу сказать, что это честно, так должно быть. Люди должны быть наказаны за проступки, которые совершили намеренно, с умыслом, и…

— Что бы боги ни подразумевали под справедливостью, я должна прислушиваться к их словам.

— Справедливость есть справедливость, что бы там ни воображали себе боги!

Цин-чжао резко поднялась на ноги и влепила служанке звонкую пощечину. Она вправе была это сделать, потому что Ванму причинила ей боль, не меньшую, чем если бы ударила ее. Но Цин-чжао не могла избивать человека, который был не способен ответить ей тем же. Кроме того, создалась крайне интересная ситуация. Ведь

сами боги послали ей Ванму — Цин-чжао уже успела убедиться в этом. Поэтому, вместо того чтобы вдаваться в бессмысленные споры с Ванму, Цин-чжао лучше попытаться понять, что хотели *сказать* боги, послав ей служанку, которая говорит о них такие постыдные, неуважительные вещи.

Боги сами вложили в уста Ванму слова, что несправедливо наказывать Цин-чжао за то, что она просто выслушивала святотатственные речи другого человека. Возможно, в заявлении Ванму кроется какая-то доля истины. Но также истинно то, что боги не способны на несправедливость. Следовательно, Цин-чжао наказывали вовсе не за то, что она выслушивала о предательских настроениях других людей. Нет, Цин-чжао должна была очиститься потому, что в самой глубине своего сердца, какой-то малой частичкой его, *верила* во все это. Она должна была очиститься потому, что в глубине души все еще сомневалась в божественном предназначении Межзвездного Конгресса; она по-прежнему считала, что Конгресс способен на несправедливость в своих поступках.

Цин-чжао тут же подползла к ближайшей стене и взглядом начала искать жилку на полу. Слова Ванму открыли Цин-чжао, что где-то внутри ее

скрывается источник нечистот. Боги позволили ей подняться еще на одну ступеньку, вскрыв очередной темный уголок сознания, так что в один прекрасный день она вся наполнится светом и, таким образом, оправдает славу своего имени, которое сейчас не более чем насмешка. «Какая-то часть меня сомневается в праведности Межзвездного Конгресса. О боги, во имя моих предков, моего народа, правителей и, в конце концов, во имя меня самой очистите меня от сомнений, очистите меня!»

Когда Цин-чжао закончила прослеживать жилку — а ей потребовалось проследить всего одну-единственную полоску на половице, чтобы очиститься, и это свидетельствовало о том, что она познала нечто истинное, — то, подняв глаза, она увидела перед собой Ванму, внимательно следящую за каждым ее движением. Гнев Цин-чжао бесследно исчез, и, разумеется, она была благодарна Ванму — ведь та неосознанно выступила в роли орудия богов и помогла ей познать новую истину. Но все же Ванму должна понять, что на этот раз она несколько вышла за рамки приличия.

— Все живущие в этом доме — преданные слуги Межзвездного Конгресса, — сказала Цин-чжао,

голос ее был мягок, лицо исполнено доброты, она не хотела обижать служанку. — И если ты предана этому дому, ты также должна всем сердцем уверовать в Конгресс.

Как же объяснить Ванму, насколько тяжело ей самой дался этот урок, насколько тяжело ей справляться с ним и по сей день? Она хотела, чтобы Ванму помогала ей, а не затрудняла и без того нелегкую задачу.

— О святая, я не знала, — взмолилась Ванму, — я даже не предполагала! Я не раз слышала, как Хань Фэй-цзы называли величайшим почитателем Пути. Я думала, вы служите Пути, а не Конгрессу, иначе я бы никогда…

— Никогда не поступила сюда на работу?

— Никогда бы не отозвалась о Конгрессе настолько резко, — поправила ее Ванму. — Я бы продолжала служить вам, даже если бы мы поселились в логове дракона.

«Может, и так, — про себя подумала Цинчжао. — Может быть, бог, который очищает меня, и есть дракон, холодный и пышущий пламенем, ужасный и прекрасный».

— Запомни, Ванму, планета под названием Путь не есть сам Путь, она только названа так, чтобы время от времени напоминать нам о том,

что мы должны следовать истинному Пути. Мой отец и я служим Конгрессу, потому что к нему благоволят небеса, потому что Путь от нас требует, чтобы мы служили Конгрессу независимо от желаний или нужд какого-то мирка, зовущегося Путем.

Ванму смотрела на нее широко раскрытыми глазами, практически не мигая. Поняла ли она? Уверовала ли? Не важно — наступит время, когда она сама придет к вере.

— А теперь, Ванму, уходи. Мне надо поработать.

— Слушаюсь, Цин-чжао.

Ванму немедленно поднялась и, поклонившись, удалилась. Цин-чжао вернулась к терминалу. Но только она начала вызывать на дисплей недавно поступившие сообщения, как вдруг почувствовала, что в комнате она не одна. Она резко развернулась на стуле. На пороге стояла Ванму.

— В чем дело? — спросила Цин-чжао.

— Входит ли в обязанности доверенной служанки сообщать госпоже, если вдруг мудрая мысль посетит ее голову, пусть даже на поверку эта идея окажется совершенной глупостью?

— Ты можешь говорить мне все, что пожелаешь, — ответила Цин-чжао. — Разве я хоть раз

наказывала тебя за это?

— Тогда прошу тебя, моя Цин-чжао, прости меня за ничтожные измышления, которые я осмелюсь высказать касательно той великой проблемы, над которой ты сейчас трудишься.

Что Ванму известно о флоте на Лузитанию? Ванму схватывала все на лету, но Цин-чжао пока что обучала ее слишком примитивным предметам. Было бы абсурдным предполагать, что Ванму может осознать суть проблемы, раздумывать над ответом. Тем не менее отец не раз говорил ей: «Слуги счастливы, когда знают, что к их мнению прислушивается сам хозяин».

— Пожалуйста, говори, — разрешила Цин-чжао. — Вряд ли ты сумеешь сказать что-нибудь глупее того, что уже наговорила я.

— Моя возлюбленная старшая сестра, — начала Ванму, — на самом деле я услышала эту мысль от тебя. Ты много раз твердила, что ни одна из известных науке и истории вещей не могла повлечь за собой мгновенное и бесследное исчезновение флота!

— Но это случилось, — возразила Цин-чжао, — следовательно случилось что-то, что имеет право на существование.

— Вот что мне пришло на ум, моя милая Цин-

чжао, — кивнула Ванму. — Ты говорила мне об этом, когда мы вместе изучали логику. Насчет первопричины и конечной цели. Все это время ты посвятила поискам первопричин — как так получилось, что флот вдруг исчез. Но подумала ли ты о конечных целях? Чего мог добиваться кто-то, отрезая от человечества флот или даже уничтожая его?

— Всем известно, *почему* народ желает, чтобы флот был остановлен. Люди пытаются защитить права колоний, или же ими овладела безумная идея, будто Конгресс планирует вместе с колонией бесследно уничтожить пеквениньос. Миллиарды людей хотят, чтобы флоту помешали. Все они затаили в сердце мятеж, и, значит, они враждебны богам.

— Но кто-то все-таки *сделал* это, — настаивала Ванму. — Я всего лишь подумала, что раз у тебя не получается выяснить, что именно случилось с флотом, тогда, может быть, если ты узнаешь, кто послужил причиной его исчезновения, ты определишь, как это было проделано.

— Мы даже не можем утверждать, что это дело рук *кого-то*, — возразила Цин-чжао. — Скорее всего, *что-то* уничтожило флот. Естественные явления не преследуют никаких целей просто

потому, что не обладают разумом.

Ванму склонила голову:

— Тогда я действительно потратила твое время зря, Цин-чжао. Пожалуйста, прости меня. Мне следовало бы сразу последовать твоему приказу и уйти.

— Ничего, ничего, — утешила ее Цин-чжао.

Ванму исчезла за дверью. Цин-чжао даже не поняла, услышала ли девочка слова утешения, брошенные ей вслед. «Не переживай, — приказала сама себе Цин-чжао. — Если она обиделась, я потом найду способ загладить вину. Как это мило с ее стороны — посчитать, будто она может помочь мне справиться с проблемой. Надо бы не забыть сказать ей, как я довольна ею, довольна тем, что у нее такое отзывчивое сердце».

После ухода Ванму Цин-чжао повернулась обратно к терминалу и вновь тупо прогнала на дисплее последние сообщения. Она уже успела мельком просмотреть их и не обнаружила ничего полезного для себя. С чего она взяла, что повторная проверка даст какие-нибудь иные результаты? Может быть, эти сообщения и многочисленные сводки ничего не дали ей потому, что в них ничего и не было. Может быть, флот исчез по вине какого-нибудь взбесившегося бога

— с древних времен до них дошло немало легенд о подобных трагедиях. Наверное, она не может найти свидетельства вмешательства человека просто потому, что нечеловеческие руки воспрепятствовали исполнению миссии флота. «Что бы сказал об этом отец?» — подумала она. Как бы отнесся Конгресс к теории свихнувшегося божества? Они даже этого писаку Демосфена не смогли вычислить, так где уж им поймать бога!

«Кем бы ни был этот Демосфен, — подумала Цин-чжао, — он наверняка сейчас заходится со смеху. Ему только того и надо было — убедить людей, что правительство поступило неправильно, послав на Лузитанию флот, а теперь, когда флот остановлен, все получилось так, как хотел Демосфен».

Как хотел Демосфен. В первый раз Цин-чжао связала воедино две разные нити, и эта связь показалась ей такой очевидной, что она даже поверить не могла, что не додумалась до этого раньше. По сути дела, эта связь была очевидна давно, ведь недаром полиция многих городов выдвинула теорию: граждане, сочувствующие идеям Демосфена, наверняка должны быть причастны к делу об исчезновении флота. Поэтому полицейские взяли всех возможных подозрева-

емых в подрывной деятельности и попытались выбить из них признание. Но конечно, они не спрашивали их о Демосфене, потому что никто не знал, кто же он такой.

«Демосфен настолько хитер, что на протяжении многих лет избегает ареста, несмотря на поиски полицейского департамента Конгресса. Демосфен неуловим, равно как и разгадка исчезновения флота. Если он повинен в одном, может быть, он же замешан и во всем остальном? Может быть, если я найду Демосфена, тогда узнаю, куда подевался флот? Да, но я даже не знаю, откуда начинать поиски. Что ж, по крайней мере, это свежий взгляд на решение проблемы. Во всяком случае, мне теперь не придется раз за разом перечитывать одни и те же пустые, бесполезные сообщения».

Внезапно Цин-чжао сообразила, что ей уже намекали на этот выход всего несколько минут назад. Она почувствовала, как кровь приливает к лицу, щеки запылали. «Какую самоуверенность проявила я, так унижая Ванму снисходительным покровительством, когда бедняжка Ванму вообразила вдруг, что сможет помочь мне справиться с труднейшей задачей! Однако и пяти минут не прошло, как мысль, которую она заронила в мой

разум, расцвела, превратившись в стройный план. Даже если из него ничего не выйдет, именно Ванму подкинула мне эту идею или, во всяком случае, навела на нее. Таким образом, посчитав ее глупышкой, я сама оказалась в дураках». Слезы стыда навернулись на глаза Цин-чжао.

И тогда она вспомнила знаменитые строки из одного стихотворения, написанного ее славной прародительницей:

И зову я
цветы куманики,
что давным-давно опали,
тогда как груша едва зацвела.

«Поэтесса Ли Цин-чжао познала боль сожаления о словах, которые уже слетели с наших губ и никогда больше не вернутся. Но она была достаточно мудра, чтобы понимать, что, пусть эти слова навсегда потеряны для нас, осталось еще много других слов, которые ждут, чтобы их произнесли, подобно тому как бутоны груши ожидают поры расцвета».

Чтобы немножко смягчить стыд за проявленную самоуверенность, Цин-чжао решила повторить все стихотворение и начала декламировать его вслух. Но когда она добралась до

строчки:

Лодки-драконы плывут по неспешной реке…

ее ум обратился к флоту на Лузитанию. Она вообразила космические корабли в виде небольших лодочек, раскрашенных во все цвета радуги и несомых сильным течением, которое увлекло их далеко от берега, и теперь, как бы громко они ни звали, их уже никто не услышит.

С лодок-драконов мысли Цин-чжао перекинулись на воздушных змеев, сделанных в виде миниатюрных дракончиков. Теперь она представила флот на Лузитанию в виде воздушных змеев, чьи нити оборваны, их терзает и мечет ветер, ничто больше не привязывает их к малышу, который отправил их в полет. Какая красота, как гордо и вольно они парят, но в то же время какая ужасная участь постигла их — их, которые никогда не жаждали этой свободы!

Я не боюсь страшных ветров
и дождей проливных…

Слова стихотворения вновь зазвучали в ее голове: «Я не боюсь. Страшных ветров. Дождей проливных. Я не боюсь».

Пьем мы за добрую славу
жаркий кубок вина куманики,
и теперь не мучаюсь я, как вернуть былые времена.

«Моей прародительнице удалось утолить вином страхи, — подумала Цин-чжао, — потому что ей было с кем выпить чашу. Но и по сей день,

...Одиноко сидя на циновке с кубком в руках
и глядя печально в ничто...

поэтесса вспоминает своего ушедшего друга. «А мне кого вспоминать? — размышляла Цин-чжао. — Где скрывается предмет моей любви?» Что за времена царили на земле, когда Ли Цин-чжао еще жила и мужчины и женщины могли быть вместе, не заботясь о том, кто из них беседует с богами, а кто — нет. В те времена женщина могла прожить такую жизнь, что даже в пору одиночества ей хватало воспоминаний. А я не помню даже лица своей матери. Только плоские картинки. Я не помню, как ее лицо поворачивалось ко мне, глаза с теплотой любовались мной. У меня остался один отец, который подобен божеству; я могу почитать его, повиноваться его приказам и

даже любить его, но я никогда не смогу пошутить с ним, рассмеяться; когда я поддразниваю его, я каждый раз прежде убеждаюсь, что он не против, чтобы его поддразнили. И Ванму — я заявила ей, что мы будем друзьями, а сама обращаюсь с ней как с прислугой, я ни разу не забыла о том, кто из нас двоих может говорить с богами. Эту стену никогда не разрушить. Я одна и останусь одинокой навсегда».

Холод проникает сквозь
занавеси на окнах,
полумесяц плывет за золотым решетом…

Цин-чжао поежилась. «Я луна. Даже греки считали луну холодной девственницей, охотницей. Разве я не такая? Шестнадцать лет в неприкосновенности…

И флейта звучит,
будто кто-то идет.

А я все прислушиваюсь, но никогда мне не заслышать музыки незнакомых шагов…»

Нет. До ее слуха донеслись отдаленные звуки с кухни, где готовилась еда, — звяканье бокалов и ложек, смех кухарок и поварят. Печальные думы

испарились, Цин-чжао вытерла рукой глупые слезы, катящиеся по щекам. Как могла она счесть себя одинокой, когда живет в огромном доме, где каждая живая душа любит ее и будет заботиться о ней на протяжении всей жизни? «У меня полно работы, а я сижу здесь и цитирую себе строки древних поэтов».

Она вызвала на дисплей все сведения, касающиеся расследования тайны личности Демосфена.

На миг у нее создалось впечатление, что она забрела в очередной тупик. Более трех десятков писателей на стольких же планетах были арестованы по обвинению в публикации пропаганды, подписанной этим именем. В конце концов Межзвездный Конгресс пришел к наиболее очевидному выводу: Демосфен — это не что иное, как обыкновенный псевдоним, которым может воспользоваться кто угодно, в основном мятежники, пытающиеся снискать популярность. Настоящего Демосфена никогда не существовало, никакая тайная организация не скрывается под этим именем.

Но Цин-чжао усомнилась в справедливости этого вывода. Демосфен продемонстрировал немалую сноровку в организации бунтов на населенных людьми мирах. Не может быть, чтобы

на каждой планете нашлось по человеку, равному своими талантами таланту Демосфена. Не может быть.

Кроме того, вернувшись в памяти к временам, когда она сама увлекалась Демосфеном, Цин-чжао припомнила, что заметила тогда определенное сходство между всеми его трудами. Его стиль был индивидуален, постоянство и логичность мировоззрения — вот что делало его таким опасным. У него все всегда сходилось, и казалось, все должно быть именно так, как он говорит.

Разве не Демосфен разработал систему Иерархии Исключения? Утланнинги, фрамлинги, рамен и варелез. Да нет, она была создана много лет назад — наверное, то был другой Демосфен. Возможно, именно Иерархия Демосфена и натолкнула бунтовщиков на мысль воспользоваться этим именем как прикрытием. Они писали в поддержку независимости Лузитании, единственной планеты, где была обнаружена разумная нечеловеческая раса. Ничуть не удивительно, что неизвестный автор избрал себе псевдоним того, кто первым сумел разъяснить человечеству, что Вселенную нельзя разделять на людей и нелюдей, на разумные расы и неразумные.

Одних, как утверждал ранний Демосфен, можно назвать фрамлингами — это люди, которые прилетели с другой планеты. Другие были рамен — иная разумная раса, которая, однако, могла вступить с человечеством в контакт, чтобы общими усилиями покончить с расовыми различиями и вместе выносить решения. И наконец, варелез, «умные животные», обладающие разумом, но неспособные прийти к соглашению с человеком. Война оправданна только с варелез. С рамен люди могли заключить мир и честно поделить сферы влияния. Это было особое мышление, исполненное надежды, что абсолютно отличные друг от друга расы способны стать друзьями. Люди, считающие так, никогда бы не послали флот, оснащенный Маленьким Доктором, чтобы уничтожить населенную разумными существами планету.

Ей стало слегка неудобно при мысли, что и Иерархия Демосфена не одобряет флот на Лузитанию. Но тут же Цин-чжао пришлось возразить самой себе. Какая разница, что там думал себе древний Демосфен? Новый Демосфен — предатель. Это не прежний философ, который пытался сплотить разные разумные расы. Напротив, он старается посеять семена вражды и непонимания

между мирами — провоцирует раздоры и даже войны между фрамлингами.

И Демосфен-предатель не есть нечто аморфное, состоящее из населяющих разные миры мятежников. Ее компьютерные изыскания скоро подтвердят это. Да, верно, многих бунтовщиков поймали на том, что на своей планете они публиковались под именем Демосфен, но их статьи всегда оказывались незначительными, малоэффективными и бесполезными писульками. Они ни в какое сравнение не шли с теми действительно опасными документами, которые способны одновременно всплыть на половине обитаемых планет. Однако местные полицейские власти только и ждали подходящего случая, чтобы во всеуслышание объявить, будто их собственный Демосфен самый что ни на есть подлинный, а затем раскланяться и закрыть дело.

Межзвездный Конгресс тоже изрядно обрадовался, когда ему представилась возможность покончить с этим расследованием. Набрав несколько десятков случаев, когда местная полиция арестовывала и сажала за решетку мятежника, который что-то там опубликовал под псевдонимом Демосфен, следователи Конгресса удовлетворенно вздохнули, сделали вывод, что

псевдонимом Демосфен пользуются все кому не лень, и закрыли дело.

Короче говоря, они избрали самый простой выход из положения. Какой эгоизм, настоящее предательство! Цин-чжао почувствовала, как внутри ее зарождается возмущение при мысли, что все эти люди по-прежнему занимают высокие посты. Их следует наказать, и наказать сурово, ведь именно их лень и жажда почестей привели к тому, что расследование дела Демосфена было прекращено. Неужели они не понимают, что Демосфен действительно представляет опасность? Что его статьи цитирует обычный люд по крайней мере одной планеты, а где одна, там и все остальные? Сколько человек на скольких мирах возликовали бы, узнав о том, что флот на Лузитанию бесследно исчез? Полиция посадила за решетку чуть не полсотни мнимых Демосфенов, а его работы продолжают появляться, и в каждой присутствуют прежняя мудрость и логичность. Нет, чем больше официальных сообщений просматривала Цин-чжао, тем больше убеждалась, что Демосфен — это один человек и его пока никто не нашел. Один-единственный человек, который умело хранил свои тайны.

С кухни донеслась трель флейты: всех созыва-

ли на обед. Цин-чжао неподвижным взглядом уставилась на дисплей, над терминалом мерцал текст — последние документы дела Демосфена; имя этого писаки повторялось и повторялось.

— Я знаю, что ты существуешь, Демосфен, — прошептала она, — и я знаю, ты очень умен, но я найду тебя. Когда я сделаю это, твоя война с правительством подойдет к концу и ты скажешь мне, что случилось с флотом на Лузитанию. Тогда я разберусь с тобой, Конгресс тебя соответственно накажет, а отец станет богом Пути и обретет вечную жизнь в бесконечных просторах Запада. Мне с самого рождения было предначертано разрешить эту проблему, боги избрали меня для ее исполнения; ты можешь сдаться сейчас или потом — не важно, ведь все мужчины и все женщины когда-нибудь смиряются перед волей богов.

Флейта продолжала выводить тихую мелодию, отвлекая Цин-чжао от раздумий и соединяя ее с домашними. Для нее этот полушепот-полумузыка превратился в песню сокровенного духа, в тихую беседу деревьев, склонившихся над замершей гладью пруда, в воспоминания, непрошено вторгающиеся в сосредоточенность погруженной в молитву женщины. Так в доме благородного

Хань Фэй-цзы призывали к трапезе.

Услышав вызов Цин-чжао, Джейн подумала про себя:

«Так вот каков на вкус страх смерти. Человеческие существа постоянно ощущают его, однако им как-то удается справиться с ним и продолжать жить, а ведь они отлично понимают, что в любую секунду могут перестать быть. Но это потому, что они умеют помнить, даже забывая; а я не могу забыть, не лишившись полностью знания. Я знаю, что Хань Цин-чжао близка к раскрытию тайн, которые оставались тайнами только потому, что никто всерьез не занимался ими. А когда эти тайны раскроются, я умру».

— Эндер, — прошептала она.

Интересно, сейчас в колонии день или ночь? Бодрствует ли он или погружен в глубокий сон? Для Джейн не существовало риторических вопросов — она либо знала, либо не знала. Поэтому она сразу узнала, что в Милагре сейчас ночь. Эндер спал, но сразу проснулся, как она поняла. Он все еще отзывается на ее голос, несмотря на то что за последние тридцать лет не раз бывали времена, когда они подолгу не общались.

— Джейн, — в ответ прошептал он.

Рядом с ним сонно заворочалась его жена,

Новинья. Джейн услышала ее, почувствовала вибрацию ее движений, заметила тень, упавшую на передатчик, который Эндер носил в ухе. Хорошо, что Джейн так и не научилась ревности, иначе она бы возненавидела Новинью за то, что она лежит там — теплое тело рядом с телом Эндера. Но Новинья, будучи человеком, не раз испытывала это чувство, и Джейн знала, как бурно реагирует Новинья, когда видит, что Эндер общается с женщиной, которая живет у него в серьге.

— Тсс, — шепнула Джейн. — Не разбуди никого.

Эндер ответил ей движением рта, языка, лишь легкое дыхание слетело с его губ.

— Как поживают наши враги? Полет проходит успешно? — спросил он.

Таким образом он приветствовал ее уже много-много лет.

— Не лучшим образом, — ответила Джейн.

— Может быть, тебе не следовало блокировать их. Мы бы нашли какой-нибудь другой способ. Валентина…

— …Находится на грани разоблачения. Скоро весь мир узнает, кто скрывался под псевдонимом Демосфен.

— Скоро вообще все откроется.

Ему следовало добавить: «Из-за тебя».

— И все из-за того, что Лузитанию приговорили к смертной казни, — ответила она. Но не стала добавлять: «Из-за тебя». Переваливать вину друг на друга можно до бесконечности.

— Значит, о Валентине уже узнали?

— Одна девочка что-то нащупала. На планете Путь.

— Не знаю такую.

— Сравнительно недавно организованная колония, возраст — пара сотен лет. Население — китайцы. Предназначение — сохранить весьма нелепую и странную смесь древних религий. С ними якобы разговаривают боги.

— Я посетил не один мир с китайским населением, — заметил Эндер. — И на каждом из них люди верили в древних богов. Боги существуют на каждой планете, они присутствуют даже здесь, в самой маленькой человеческой колонии из всех известных. Они все еще исцеляют у гробницы ос Венерадос. Корнерой недавно сообщил, что где-то в глубинке возникла ересь. Появились пеквениньос, которые могут общаться со Святым Духом.

— Никогда не могла понять этой суеты вокруг богов, — хмыкнула Джейн. — Неужели никто до сих пор не понял, что боги всегда говорят только

то, что хотят от них услышать?

— Не совсем так, — возразил Эндер. — Очень часто боги требуют от нас исполнения вещей, о которых мы даже не помышляли, настаивают, чтобы мы пожертвовали ради них всем. Не стоит недооценивать богов.

— Твой католический бог говорит с тобой?

— Может, и говорит. Только я никогда его не слышал. А если и слышал, то не понимал, что слышу голос самого Господа.

— А когда вы умираете, неужели боги каждого народа всех по отдельности собирают и отправляют куда-то на вечную жизнь?

— Я не знаю. Оттуда писем не приходит.

— А когда я умру, меня заберет к себе какой-нибудь бог?

Эндер помолчал немного, а затем начал рассказывать ей древнюю историю:

— Есть одна старая сказка о столяре, у которого никогда не было детей. Поэтому он сделал себе куклу, которая точь-в-точь походила на маленького мальчика. Он носил деревянного мальчика на руках, говорил с ним и всячески притворялся, будто это его сын. Столяр не был сумасшедшим — он отлично понимал, что это всего лишь кукла, поэтому и назвал ее Пиноккио. Но в один пре-

красный день с небес спустился бог и вдохнул в куклу жизнь, и когда столяр обратился к ней, Пиноккио ответил ему. Столяр не стал никому ничего говорить. Он не выпускал сынишку из дому, но рассказывал ему много разных историй, описывал все чудеса, какие только существуют под небесами. Однажды столяр возвращался домой с верфи, спешил рассказать Пиноккио о далекой-далекой, только что открытой земле, как вдруг заметил, что дом его охвачен пламенем. Он попытался прорваться в горящую хижину, крича: «Сынок! Сынок!» Но соседи помешали ему, сказав: «Ты что, с ума сошел? Нет у тебя никакого сына!» Так он стоял и смотрел, пока дом не сгорел дотла. И тогда столяр вне себя от горя зарылся в еще дымящиеся уголья, начал посыпать себя пеплом и горько рыдать. Он отказывался слушать утешения. Он отказывался заново строить мастерскую. Когда люди спрашивали у него почему, он отвечал, что сын его погиб. Он жил только тем, что выполнял для людей всякую мелкую работенку, а они жалели его, потому что считали, что после пожара он свихнулся. Но прошло три года, и как-то утром к нему вдруг подошел маленький мальчик-сирота, потянул его за рукав и сказал:

«Папа, расскажи мне что-нибудь еще».

Джейн ждала продолжения истории, но Эндер замолк.

— И что, все?

— А тебе мало?

— Но зачем ты рассказал мне эту притчу? Это все мечты и желания. При чем здесь я?

— Мне просто пришла на ум эта сказка.

— А почему она тебе пришла на ум?

— Может быть, ее поведал мне Господь, — ответил Эндер. — Или просто я очень хочу спать и у меня нет ничего, что удовлетворяло бы твоим желаниям.

— Да даже я сама *не знаю*, чего хочу.

— Зато я знаю, — сказал Эндер. — Ты хочешь ожить, получить человеческое тело, стать независимой от филотической сети, которая объединяет ансибли. Если бы я мог, я бы подарил тебе свободу, о которой ты так мечтаешь. Если ты придумаешь, как это сделать, я пойду ради тебя на все что угодно. Но, Джейн, ты ведь даже сама толком не знаешь, кто ты есть. Возможно, когда ты выяснишь, как ты появилась на этот свет, что создало тебя, мы сможем что-нибудь сделать, если тебя, отключив ансибли, попытаются убить.

— Ага, значит, вот в чем суть твоего рассказа? Может быть, я сгорю вместе с домом, но потом

моя душа вдруг переселится в тело трехлетнего мальчика-сиротки?

— Выясни, кто ты есть, *что* ты есть, и мы подумаем, нельзя ли переселить тебя куда-нибудь в более надежное место, пока все это не закончится. У нас есть ансибль. Может быть, нам удастся снова вернуть тебя.

— На Лузитании слишком мало компьютеров, чтобы вместить меня всю.

— Этого ты не знаешь. Ты не знаешь, что ты такое.

— Ты отправляешь меня на поиски *души*. — Произнося это слово, она подпустила в голос насмешку.

— Джейн, чудо состояло не в том, что кукла переродилась в мальчика. Чудом было то, что кукла *ожила*. Что-то произошло — и бессмысленные компьютерные связи вдруг превратились в разумное создание. Что-то создало тебя. Вот где отсутствует всякий здравый смысл. После того как ты справишься с этой задачей, все остальное тебе покажется незначительным.

Его речь превратилась в бессвязное бормотание. «Он хочет, чтобы я ушла, он не может бороться со сном», — подумала она.

— Я поработаю над этим.

— Спокойной ночи, — прошептал он.

И почти сразу отключился. Джейн еще подумала: «А он вообще просыпался? Вспомнит ли он утром, о чем мы говорили этой ночью?»

Но тут она почувствовала, как закачалась кровать. Новинья — ее дыхание изменилось. Только тогда Джейн осознала. Новинья проснулась во время их с Эндером беседы. «Она знает, что означают эти почти неслышные причмокивания и выдохи-вдохи, — Эндер шевелит губами, разговаривая со мной. Эндер, может быть, и забудет, что сегодня ночью мы о чем-то говорили, но Новинья запомнит. Это словно она застукала его в постели с любовницей. О, если б она могла относиться ко мне иначе! Как к дочери. Как к внебрачной дочери Эндера, появившейся на свет в результате одной давно забытой связи. Как к его ребенку, возникшему из сказочной игрушки. Интересно, продолжала бы она ревновать меня к нему?

Неужели я действительно дитя Эндера?»

Джейн начала рыться в собственном прошлом. Она стала изучать свою природу. Начала потихоньку открывать, кто же она на самом деле и кто породил ее.

Но все-таки, еще не успев обратиться в человека, она оставалась прежней Джейн, поэтому

одновременно занималась несколькими делами. Помимо этого, она следила, с каким упорством Цин-чжао хватается за любую подробность из жизни Демосфена. Девочка все ближе и ближе подбиралась к разгадке.

Однако перво-наперво Джейн должна была отыскать способ, как заставить Цин-чжао отказаться от расследования проблемы исчезновения флота. Вот это было труднее всего сделать, ибо, несмотря на весь опыт, который приобрела Джейн, сталкиваясь с человеческим мышлением, несмотря на долгие беседы с Эндером, человек все еще оставался для нее загадкой в загадке. Джейн сделала один-единственный вывод: даже если ты прекрасно знаешь, что совершил данный человек, что он думал, пока делал это, и что он думает о содеянном сейчас, ты никогда не сможешь предсказать, как он поступит дальше. Но у нее не было выбора. Она должна была попробовать. Поэтому она начала следить за домом Хань Фэйцзы так, как наблюдала только за действиями Эндера и с недавнего времени за поступками его пасынка Миро. Она не могла больше ждать, пока Цин-чжао и ее отец введут соответствующую информацию в компьютер, и разбираться с последствиями. Теперь ей пришлось взяться за

домашний компьютер, чтобы превратить аудио– и видеорецепторы, встроенные в разбросанные по всему дому терминалы, в свои глаза и уши. Она внимательно наблюдала за обитателями дома. Бóльшую часть своего внимания она посвятила только им, изучая и анализируя их слова, поступки, пытаясь понять, что они значат друг для друга.

Вскоре Джейн обнаружила, что на Цин-чжао не стоит давить напрямую, закидывать ее аргументами. Лучше сначала убедить ее отца, а затем устроить дело так, чтобы он, в свою очередь, убедил Цин-чжао. Это было свойственно всему Пути. Хань Цин-чжао никогда не пойдет против воли Межзвездного Конгресса, если только Хань Фэй-цзы не настоит на этом, и тогда она волей-неволей сделает, что ей прикажут.

В некотором роде это облегчало задачу Джейн. Убеждать Цин-чжао, переменчивую, несдержанную девчонку, которая еще сама в себе толком не разобралась, будет в высшей степени рискованным делом. Но Хань Фэй-цзы спокоен и уравновешен, он глубоко чувствующий человек и прежде тщательно взвесит все обстоятельства дела. На нем можно испробовать силу доводов, в особенности если Джейн убедит его, что, проти-

вореча Конгрессу, он оказывает услугу не только своему миру, но и всему человечеству в целом. Теперь ей оставалось отыскать информацию, которая подтолкнула бы его к подобному решению.

К этому моменту Джейн разбиралась в социальном устройстве Пути ничуть не хуже ученых. Она впитала каждый исторический фактик, проштудировала антропологические отчеты и все документы, произведенные на свет населением Пути. То, что она узнала из них, было в высшей степени необычно и странно: народ Пути находился под куда большим влиянием богов, чем какая-либо община за всю историю развития человечества. Более того, боги общались с людьми крайне необычными способами. Налицо было присутствие широко известного заболевания головного мозга, в медицине именуемого маниакально-побудительным синдромом — сокращенно МПС. В самом начале существования колонии на Пути — семь поколений назад, когда мир был только-только заселен, — доктора пробовали лечить проявления этого синдрома. Но вскоре они обнаружили, что Говорящие с Богами Пути не поддаются известным средствам лечения, которые в остальных случаях заболева-

ния МПС восстанавливали химический баланс «самодостаточности» пациента, то есть то самое чувство, которое присуще каждому нормальному человеку и которое сообщает, что работа завершена, что нет больше нужды беспокоиться о ней. Говорящие с Богами обладали всеми признаками МПС, но хорошо изученное нарушение функций головного мозга само по себе отсутствовало. Здесь проявился иной, неизвестный медицине случай.

Тогда Джейн углубилась еще дальше в эту историю и обнаружила некоторые записи в архивах других миров, никоим образом не связанных с планетой Путь, которые пролили некоторый свет на происшедшее. Исследователи, работающие над проблемой Пути, немедленно заключили, что, должно быть, здесь имеет место новая мутация, которая и явилась причиной ограниченного дефекта мозга, обладающего сходными с МПС характеристиками. Но стоило только ученым попробовать опубликовать отчеты об исследованиях в этой области, как все работы немедленно прекращались, а самих «экспериментаторов» быстренько высылали на другую планету.

На другую *планету* — просто невероятно! Это означало отлучить их, полностью изолировать от своего времени, принудив расстаться с дру-

зьями и близкими, которым не было позволено следовать за ними. И никто из ученых не посмел протестовать — эти факты свидетельствовали о том, что и огромное давление, и распоряжение о высылке исходило откуда-то сверху. Все эти исследователи покинули Путь, и ни один из них не осмелился в будущем продолжить работу в этом направлении.

Первое предположение Джейн заключалось в том, что здесь замешана какая-то правительственная организация Пути, которая сама и выслала исследователей, лишив их всех связей. Вряд ли последователи Пути с радостью восприняли бы весть, что вера их и беседы с богами проистекают из какой-то несостыковки в мозгах. Но Джейн не обнаружила ни одного свидетельства того, что местное правительство было поставлено в известность о постигшей планету напасти. Единственное, что было когда-то оглашено на Пути, — это что разговоры с богами относятся к симптомам НЕизвестного и НЕобратимого МПС. Из этого сообщения население Пути вынесло самую суть, что несколько успокоило людей: разговоры с богами не имеют ничего общего с физиологическим нарушением в организме. Наука «доказала» существование богов.

Но что самое интересное, не нашлось ни единого свидетельства в пользу того, что кто-то из правительства Пути нарочно подавлял дальнейшее распространение слухов или препятствовал исследованиям. Все приказы исходили сверху. От Конгресса.

Должно быть, существовала еще какая-то — ключевая — информация, которая была недоступна даже Джейн, чей разум без труда проникал в память любого электронного устройства, подсоединенного к сети ансиблей. Вывод напрашивался сам: те, кто знал тайну, настолько опасались ее раскрытия, что не осмелились доверить ее даже сверхсекретным и сверхзащищенным правительственным компьютерам.

Но это Джейн не остановит. Она все равно доберется до правды, по кусочкам соберет информацию, разбросанную по всяким не относящимся к делу документам и базам данных. Ей придется отыскать другие события, которые помогут восполнить отсутствующие части картины. Если говорить откровенно, то человеческие существа просто не способны ничего скрыть от Джейн, обладающей бесконечным запасом времени и терпения. Она выяснит, что сотворил Конгресс с планетой Путь, и, собрав всю информацию,

воспользуется ею, если успеет, чтобы помешать Хань Цин-чжао открыть гибельные для многих секреты. Ведь, по сути дела, она занималась тем же, чем и Джейн, — пыталась докопаться до древних тайн, которые уходили в прошлое аж на три тысячелетия.

10
Мученик

– Эндер сказал, что сейчас мы находимся на поворотном пункте истории и все началось именно здесь, на Лузитании. Что через несколько месяцев или через пару лет либо смерть, либо понимание объединят на этой планете все известные разумные расы.

– Как это было мудро с его стороны – доставить нас сюда как раз вовремя, чтобы встретить свою кончину.

– Ты, разумеется, подшучиваешь надо мной.

– Если бы мы умели шутить, мы бы непременно над тобой подшутили.

– Лузитания стала поворотным пунктом в истории Вселенной отчасти потому, что ты присутствуешь здесь. Это ты несешь с собой перемены, где бы ты ни появилась.

– Неправда. Теперь мы передали эту способность вам. Она ваша.

– Когда встречаются чуждые друг другу существа, всяко жди перемен.

– Так давайте преодолеем эту отчужденность.

– Люди настаивают на нашей чуждости – это заложено у них в генах. Но мы с тобой можем стать друзьями.

– Это слово слишком сильно. Лучше сказать, равноправными партнерами.

– По крайней мере на тот срок, пока наши интересы совпадают.

– Наши интересы будут совпадать до тех пор, пока на небе не погаснут звезды.

– Так долго – вряд ли. Во всяком случае, пока люди будут превосходить нас силой и численностью, мы точно останемся партнерами.

– Значит, договорились.

Квим, нисколько не протестуя, согласился прийти на собрание, а ведь утром он мог уже выехать и сейчас находился бы в пути к далекому лесу пеквениньос. Но он еще ребенком научился терпению. Какой бы важной ни представлялась ему будущая миссия к свинксам-еретикам, он бы все равно вряд ли справился с ней, не заручив-

шись поддержкой граждан колонии. Поэтому, раз уж епископ Перегрино попросил его присутствовать на встрече с Ковано Зулжезу, мэром и губернатором Лузитании, Квим непременно будет там.

Однако он был немало удивлен, когда обнаружил, что на собрание также приглашены Кванда Сааведра, Эндрю Виггин и добрая половина семейства Квима. Мать и Эла — их присутствие оправданно, поскольку будут обсуждаться вопросы будущей политики в отношении еретически настроенных пеквениньос. Но что здесь делать Кваре и Грего? Не стоило допускать их к такому важному обсуждению. Они слишком молоды, слишком несведущи, слишком самонадеянны. Сколько Квим себя помнил, они все время спорили друг с другом, словно дети малые. Они еще не повзрослели, как, к примеру, Эла, которая могла ставить интересы науки выше личных пристрастий. И Квима порой тревожило, что Эла слишком часто злоупотребляет этим умением, но Квара и Грего вообще не способны на такое отношение к делу.

В особенности Квара. Из объяснений Корнероя Квим понял, что все неприятности с еретиками начались после того, как Квара поделилась с

пеквениньос подробностями проектов колонистов относительно вируса десколады. Еретики никогда не завоевали бы столько сторонников в удаленных друг от друга лесах, если бы пеквениньос не обуял страх, что люди вдруг полностью лишат вирус его характерных особенностей или отравят Лузитанию химикатами, которые уничтожат десколаду, а вместе с нею и пеквениньос. Тот факт, что людям могла закрасться в голову мысль о косвенном уничтожении свинксов, заронил в души многих пеквениньос идею об ответном уничтожении человечества.

И все из-за того, что Квара не сочла нужным промолчать. А теперь она присутствует на собрании, где будут обсуждаться вопросы политики. Что она здесь делает? Какую часть населения представляет? Неужели люди начали считать, что вопросы правительственной и церковной политики теперь целиком и полностью отошли в ведение семьи Рибейра? Естественно, ни Миро, ни Ольяду здесь нет, но это еще ничего не значит, так как и тот и другой калеки, остальные члены семьи неосознанно относятся к ним как к детям, хотя Квим отлично знает, что ни тот ни другой не заслуживают такого несправедливого и бессердечного отношения.

Но Квим сохранял терпение. Он мог и подождать. Он мог послушать. Выслушать их мнения. Тогда он своим смирением удовлетворит и Господа, и епископа. Правда, еще неизвестно, как обернется дело с последним, но и Господа Бога будет вполне достаточно.

— Идея о созыве этого собрания принадлежала не мне… — начал мэр Ковано.

Он был хорошим человеком, Квим давно знал его. Он был гораздо лучшим мэром, чем считало большинство колонистов Лузитании, но его продолжали избирать только потому, что он по-отечески относился к своим подопечным и никогда не оставлял в беде семьи, которым приходилось туго. Хотя всем было ровным счетом наплевать, какую политику он проводит. Политика была слишком абстрактным предметом для большей части граждан Милагре. Но так уж случилось, что он обладал гибким умом и незаурядной проницательностью. Редкое сочетание, которому Квим мог только порадоваться. «Наверное, Господь осознал, какие трудные предстоят времена, и дал нам в предводители такого человека, который поможет нам благополучно пережить их».

— …Но я рад, что вы здесь все собрались. Отно-

шения между пеквениньос и людьми приняли весьма напряженный характер. Такого не случалось никогда, во всяком случае, с тех пор, как сюда прибыл Голос и помог нам установить со свинксами мир.

Виггин покачал головой, но всем без исключения была известна его роль в событиях тридцатилетней давности, поэтому его реакции никто не придал значения. Даже Квиму в конце концов пришлось признать, что не верующий в Бога гуманист невероятно много сделал для Лузитании. Квим давно уже избавился от глубокой ненависти к Говорящему от Имени Мертвых, которую носил в своем сердце; теперь он, наоборот, начал подозревать, что только он, Квим, будучи миссионером, единственный из всей семьи способен оценить тот труд, который проделал Виггин. Только странствующий проповедник может оценить деяния собрата во всей полноте.

— Конечно, возникшим неприятностям немало способствовало неразумное поведение двух очень беспокойных молодых людей, которых мы также пригласили на сегодняшнее собрание, чтобы они могли полюбоваться, что натворили своими самоуверенными поступками.

Квим чуть не расхохотался. Конечно, Ковано

выразился столь мягко и ненавязчиво, что Грего и Квара даже не сразу поняли, что это в их огород только что прилетел камень. Но Квим-то мгновенно оценил слова мэра. «Мне не следовало сомневаться в тебе, Ковано; ты никогда бы не пригласил на собрание ненужных людей».

— Насколько я оцениваю сложившуюся ситуацию, среди свинксов сейчас огромной популярностью пользуется движение, ставящее целью захват космического корабля и намеренное заражение десколадой населенных человеком планет. И благодаря длинному языку нашей болтушки многие леса склоняются к тому, чтобы воплотить эту идею в жизнь.

— Если вы ожидаете, что я сейчас начну извиняться… — вспылила было Квара.

— Я жду от тебя только одного: чтобы ты наконец захлопнула свой маленький ротик и помолчала. Или это невыполнимо? Десять минут ты можешь посидеть спокойно? — Теперь в голосе Ковано прозвучала неприкрытая ярость.

Глаза Квары расширились, и она вытянулась на стуле как струнка.

— Другую часть нашей проблемы составляет один молодой физик, который, к сожалению, неравнодушен к общению с рабочим людом. —

Кована, приподняв бровь, посмотрел в сторону Грего. — Ты бы хоть немного поумнел, так ведь нет, ты словно нарочно поддерживаешь дружбу с самыми тупыми забияками и драчунами из всех колонистов Лузитании.

— То есть с теми, кто не согласен с проводимой вами политикой, вы это имели в виду? — уточнил Грего.

— С теми, кто забывает, что этот мир принадлежит пеквениньос, — ответила Квара.

— Мир принадлежит тем, кто больше всего нуждается в нем и кто сумеет извлечь из него пользу, — отбрил ее Грего.

— Так, детишки, либо вы сейчас заткнетесь, либо быстро вылетите с собрания, а взрослые люди вынесут окончательное решение.

Грего пылающим взглядом уставился на Кована:

— Не стоит так обращаться со мной.

— Я буду обращаться с тобой как пожелаю, — отрезал Кована. — Насколько я знаю, вы оба нарушили закон о государственной тайне, и мне следовало бы немедленно упечь вас за решетку.

— По какому обвинению?

— Если ты вспомнишь, то на период чрезвычайного положения губернатор получает

расширенные полномочия. И мне не нужно изобретать никаких обвинений, потому что сейчас возникло именно такое положение.

— Вы не посмеете. Я нужен вам, — самодовольно ответил Грего. — Я единственный приличный физик на Лузитании.

— На кой черт нам физики, если мы вступим в войну с пеквениньос?!

— Мы должны объявить войну не им, а десколаде, — возразил Грего.

— Мы только зря тратим время, — вмешалась в их спор Новинья.

Квим только сейчас обратил внимание на мать. Она казалась чем-то крайне обеспокоенной. Нервничала. Боялась. Он уже много лет не видел ее в таком состоянии.

— Мы здесь собрались, чтобы поговорить о той безумной миссии, которую взял на себя Квим, — сказала Новинья.

— Его зовут отец Эстеву, — поправил ее епископ Перегрино. Он был склонен довольно энергично настаивать на том, чтобы служащим Церкви выказывали должное почтение.

— Он мой сын, — парировала Новинья. — Я буду звать его так, как мне захочется.

— Какие вспыльчивые люди собрались сегодня

в этой комнате! — закатил глаза мэр Ковано.

Дела шли из рук вон плохо. Квим нарочно скрывал от матери подробности миссии к еретикам, так как — он знал это наверняка — она воспротивится идее, чтобы он отправлялся прямиком в логово свинксов, которые боятся и открыто ненавидят людей. Квим прекрасно понимал, откуда проистекает ее страх, почему она напугана противостоянием пеквениньос. Когда она была еще маленькой девочкой, ее родителей унесла эпидемия десколады. Ее приемным отцом стал ксенолог Пипо — его первым насмерть запытали свинксы. Затем на протяжении двадцати лет Новинья пыталась уберечь от той же участи своего возлюбленного — Либо, сына Пипо, сменившего своего отца на посту ксенолога. Она даже вышла замуж за другого человека, чтобы Либо не воспользовался правом мужа и не получил доступа к ее личным компьютерным файлам, где, как она считала, крылся секрет, в недобрый час обнаруженный Пипо и стоивший ему мученической смерти от рук пеквениньос. Но в конце концов ее самоотверженные хлопоты ни к чему не привели. Либо был убит точно так же, как его отец.

И хотя много позже мать узнала истинную причину их гибели, хотя свинксы принесли тор-

жественную клятву никогда не предпринимать никакого насилия по отношению к людям, Новинья не смогла забыть, что те, кого она любила, пали от рук пекевениьос, став жертвами науки. И сейчас она присутствовала на собрании, которое явно было созвано по ее просьбе, чтобы решить, отпускать Квима с этой миссией или нет.

Утро обещало быть пренеприятнейшим. Мать долгие годы училась настаивать на своем. После того как она вышла замуж за Эндрю Виггина, ее неукротимый нрав постепенно немного смягчился, но, когда она видела, что опасности подвергается один из ее отпрысков, она инстинктивно выпускала когти, и никакой муж не способен был поколебать ее решимость.

Как же мэр Ковано и епископ Перегрино допустили, чтобы это собрание все-таки состоялось?

Будто услышав непрозвучавший вопрос Квима, мэр Ковано продолжил объяснение:

— Эндрю Виггин пришел ко мне с новыми сведениями. Моей первой мыслью было держать их в секрете, отослать отца Эстеву с миссией к еретикам, а затем попросить епископа Перегрино помолиться за него. Но Эндрю убедил меня, что угроза нарастает и очень важно, чтобы каждый из вас действовал, располагая всей полнотой

информации о состоянии дел. Говорящий от Имени Мертвых, очевидно, отличается одной патологической чертой: он уверовал в то, что люди проявят себя тем лучше, чем больше будут знать. Я слишком долго был политиком, чтобы разделять его убеждения, но он старше меня, он Говорит, и я прислушиваюсь к его мудрым словам.

Квим отлично понимал, что ни к кому Ковано не прислушивается. Эндрю Виггин просто-напросто убедил его.

— Поскольку отношения между пеквениньос и людьми стали более… мм… проблематичными, а наши невидимые соседи по планете, жукеры во главе с Королевой Улья, вот-вот должны завершить постройку космических кораблей, самое время заняться насущным вопросом межпланетной политики. Говорящий от Имени Мертвых проинформировал меня, что, как ему стало известно из некоторых внепланетных источников, кто-то на планете-колонии под названием Путь крайне близко подошел к тому, чтобы раскрыть тайну личности наших сподвижников, которые помешали Конгрессу передать флоту приказ об уничтожении Лузитании.

Квим с интересом отметил, что, видимо, Эндрю

так и не рассказал мэру Ковано о Джейн. Епископ Перегрино тоже ничего не знал, а вот Грего и Квара? Знала ли Эла? Насчет матери не возникало никаких сомнений. «Но почему Эндрю рассказал о Джейн мне, тогда как от всех остальных сохранил ее существование в тайне?»

— Существует вероятность, что в течение нескольких следующих недель — или даже дней — Конгресс восстановит связь с флотом. Таким образом, мы лишимся последней нашей защиты. Только чудо может спасти нас от грядущей аннигиляции.

— Чушь собачья! — фыркнул Грего. — Если эта тварь, что живет в прерии, может построить судно для свинксов, почему бы ей не построить парочку кораблей для нас? Свалим с этой планеты, пока ее к дьяволу не разнесло.

— Это выход, — кивнул Ковано. — Я предложил нечто подобное, правда в менее сочных выражениях. Но, может быть, сеньор Виггин, вы поделитесь с нами соображениями, почему план, только что озвученный Грего, не сработает?

— Королева Улья мыслит другими категориями, нежели мы с вами. Как она ни старалась, она так и не научилась всерьез воспринимать жизнь отдельного индивидуума. Лузитанию собира-

ются уничтожить, поэтому она и пеквениньос находятся под угрозой…

— Дезинтегратор распылит планету на молекулы, — подчеркнул Грего.

— Перед угрозой тотального уничтожения, — договорил Виггин, не обратив внимания на язвительное замечание Грего, — она не станет тратить время зря, чтобы вывезти с Лузитании людей, потому что еще пара сотен миров населены триллионами существ человеческой расы. Нам ксеноцид не угрожает.

— Угрожает, если эти еретики-свинксы настоят на своем, — возразил Грего.

— И вот еще что, — сказал Виггин. — Если мы не найдем способа нейтрализовать действие десколады, мы не сможем перевезти колонистов Лузитании на другую планету. В противном случае мы поступим так, как того желают еретики: натравим на других людей десколаду и, возможно, станем причиной гибели человечества.

— Тогда выхода нет, — пожала плечами Эла. — Нам остается задрать лапки и принять смерть.

— Не согласен, — вступил мэр Кована. — Возможно, и очень даже вероятно, что наш городок Милагре обречен. Но мы, по крайней мере, можем попытаться сделать так, чтобы космические

суда колонистов-пеквениньос не разнесли десколаду по человеческим мирам. Здесь, похоже, существует два подхода: один — биологический, другой — теологический.

— Мы подошли совсем близко, — сказала Новинья. — Через пару месяцев — максимум — мы создадим замену вирусу десколады.

— Это ты так говоришь, — кивнул Ковано и повернулся к Эле. — А что скажешь ты?

Квим чуть не застонал. «Эла непременно заявит, что мать ошибается, что биологического решения проблемы не существует, и тогда мать ответит, что Эла хочет убить меня, отпуская к этим еретикам. Этого только моей семье не хватало — чтобы Эла и мать вступили на тропу войны! Слава великому миротворцу Ковано Зулжезу».

Но ответ Элы прозвучал вовсе не так, как опасался Квим.

— Да, вирус-заменитель почти создан. Это единственный подход, к которому мы еще не обращались и с которым еще не потерпели неудачу. Мы сейчас стоим на пороге создания новой версии вируса десколады, которая будет обладать всеми необходимыми качествами, чтобы поддерживать обычные жизненные циклы туземных видов Лузитании, но не станет покушаться на

гены других рас.

— Вы собираетесь проделать лоботомию целой разумной расе, — горько заявила Квара. — Как бы вам понравилось, если бы кто-то изобрел способ поддерживать человека в живых после полного удаления головного мозга?

Разумеется, Грего немедленно подхватил брошенную ему перчатку:

— Вот научатся эти вирусы писать поэмы и доказывать теоремы, тогда я и куплюсь на твои сентиментальные бредни о том, что мы должны сохранить им жизнь.

— Если мы не можем разобраться в их языке, это вовсе не значит, что они не пишут стихов!

— Fechai as bocas![18] — заорал Ковано.

Они сразу замолкли.

— Nossa Senhora, — вздохнул мэр. — Господь Бог, наверное, потому хочет уничтожить Лузитанию, что просто не может придумать иного способа заткнуть эту парочку.

Епископ Перегрино внушительно кашлянул.

— А может, я ошибаюсь, — немедленно поправился Ковано. — Кто я такой, чтобы размышлять о целях Господних?

---

[18] Примечания: 18
Захлопните рты! (*португ.*)

Епископ громко расхохотался, вслед за ним рассмеялись и все остальные. Напряжение спало, отхлынуло подобно океанской волне, чтобы немного погодя вернуться вновь.

— Значит, антивирус почти готов? — переспросил Ковано у Элы.

— Нет… вернее, да, готов, вирус-*заменитель* почти полностью разработан, но только *теоретически*. Сейчас перед нами стоят еще две нерешенные проблемы. Одна из них — это проблема его вживления в окружающую среду. Мы должны придумать способ натравить новый вирус на старый с последующей полной заменой. А вот до этого… еще далековато.

— Ты имеешь в виду, что это будет нелегко, или вы вообще не имеете ни малейшего представления, как это устроить? — Ковано отнюдь не был дураком.

— Мы находимся где-то посредине, — дипломатично ответила Эла.

Мать заерзала на стуле, словно отодвигаясь от Элы подальше. «Бедная моя сестричка Эла, — подумал Квим. — Возможно, следующие несколько лет она вообще не будет разговаривать с тобой».

— А вторая проблема? — напомнил Ковано.

— Одно дело — разработать вирус теоретиче-

ски, и совсем другое — воплотить его в жизнь.

— Это уже детали, — попыталась вступить в разговор мать.

— Мама, ты не права, и ты прекрасно это знаешь, — возразила Эла. — Я могу изобразить, каким мы представляем себе новый вирус. Но даже при работе в десяти градусах от абсолютного нуля нам ни разу не удавалось с достаточной долей точности прооперировать десколаду. Либо вирус умирает, потому что мы отрезали чересчур большой кусок, либо, по возвращении к нормальной температуре, немедленно восстанавливается, потому что мы оставили слишком много.

— Дело техники.

— Дело техники! — резко передразнила Эла. — Это словно строить ансибль, не опираясь на филотические связи.

— Стало быть, можно сделать следующий вывод…

— Никаких выводов! — отрезала Новинья.

— Наши ксенологи несколько разошлись во мнениях относительно возможности подчинения вируса десколады, — продолжал Ковано. — Нам остается испробовать следующий подход к делу: постараться убедить пеквениньос организовывать колонии исключительно на не обжитых

человеком мирах, где они спокойно, без вреда для человечества, могут насаждать свою гибельную для всего живого экологию.

– *Убедить* их! — усмехнулся Грего. — Как будто мы можем доверять их обещаниям!

— Пока они более верны своим клятвам, нежели, к примеру, ты, — сказал Кована. — Поэтому на твоем месте я бы вообще молчал.

Дискуссия наконец подошла к развязке, и Квим почувствовал, что настало время и ему присоединиться к общей беседе.

— Вы все очень интересно говорите, — сказал Квим. — Было бы просто замечательно, если бы целью моей миссии было убедить пеквениньос отказаться от мысли причинить человечеству вред. И если бы мы все пришли к выводу, что поездка не увенчается успехом, я бы все равно поехал. Даже если бы мы сошлись на том, что эта миссия может только усугубить кризис, и тогда бы я не отступился от своего.

— Как радостно узнать, что ты всей душой стоишь за сотрудничество, — ядовито заметил Кована.

— Я намерен сотрудничать с Богом и Церковью, — ответил Квим. — Моя миссия заключается не в том, чтобы спасти человечество от деско-

лады или попытаться сохранить на Лузитании мир между людьми и пеквениньос. Моя цель — обратить еретиков обратно в истинную веру и вернуть в лоно Церкви. Я собираюсь спасти их души.

— Это, конечно, замечательно, — кивнул Кована. — Разумеется, ты хочешь пойти только ради этого.

— И я пойду ради этого и буду судить, удалась моя миссия или нет, только по тому, смогу ли я исполнить свои намерения или же потерплю неудачу.

Кована беспомощно посмотрел на епископа Перегрино:

— А вы говорили, что отец Эстеву легко идет на сотрудничество.

— Я сказал, что он всегда следует воле Бога и Церкви, — возразил епископ.

— Но разве это не значит, что вы можете убедить его немного подождать, пока мы не будем располагать более подробной информацией?

— Разумеется, я могу убедить его. Или просто запретить ему уезжать из Милагре, — ответил епископ Перегрино.

— Так в чем же дело?! — воскликнула Новиньо.

— Я этого никогда не сделаю, — сказал епископ.

— А мне казалось, вы заботитесь о благополучном будущем колонии, — покачал головой мэр Кована.

— Прежде всего я желаю добра всем христианам, находящимся под моей опекой, — произнес епископ Перегрино. — Тридцать лет назад это означало, что я отвечаю только за человеческую часть населения Лузитании. Но сейчас я в равной мере ответствен за духовное благополучие христиан-пеквениньос, живущих на этой планете. Я посылаю отца Эстеву с миссией, как когда-то миссионер по имени Патрик был послан на остров Эйре. Он необычайно преуспел в своих стараниях и обратил в истинную веру королей и целые нации. Но, к сожалению, ирландская Церковь не всегда поступала так, как хотел того папа римский. Так уж случилось, что… в общем, можно сказать, между ними возникли некоторые трения. В основном они никак не могли сойтись в том, когда праздновать Пасху, но истинной причиной всех споров являлся вопрос подчинения Ватикану. То и дело проливалась кровь. Но никому за всю историю ни разу не пришла в голову мысль, что было бы лучше, если бы свя-

той Патрик вообще не появлялся на Эйре. Никто даже в мыслях не допускал, что ирландцы могли остаться язычниками.

Грего поднялся:

— Мы открыли филот, действительно неделимую частицу. Мы покорили звезды. Наши послания облетают Вселенную в мгновение ока. И мы по-прежнему живем в темные времена. — Он направился к выходу.

— Только посмей выйти из этой комнаты без моего разрешения, — крикнул ему вслед мэр Кована, — и ты по меньшей мере год не увидишь солнечного света!

Грего подошел к двери, но, вместо того чтобы переступить порог, прислонился к косяку и широко ухмыльнулся:

— Ну вот видите, я слушаюсь и повинуюсь.

— Я тебя не задержу, — сказал Кована. — Епископ Перегрино и отец Эстеву рассуждают так, будто могут выносить решения независимо от нас, но они прекрасно понимают, что им этого никто не позволит. Если я решу, что миссия отца Эстеву к свинксам не состоится, значит она не состоится. И давайте поставим на этом точку. Если того потребует благополучие Лузитании, я заключу за решетку даже самого епископа Пере-

грино, а что касается священника-миссионера, то он отправится к своим пекевениьос, только когда заручится моим согласием.

— Я и не сомневался, что вы способны вмешаться в дела Божии на Лузитании, — ледяным голосом констатировал епископ Перегрино. — Но вы, должно быть, ничуть не сомневаетесь, что я спокойно могу послать вас к черту со всеми вашими угрозами.

— Знаю, — пожал плечами Кована. — Я буду не первым политическим деятелем, который, осмелившись противостоять Церкви, очутится в аду. К счастью, до такого не дойдет. Я выслушал вас и пришел вот к какому убеждению. Ждать появления на свет нового антивируса слишком рискованно. И даже если бы я точно знал, что антивирус будет готов и опробован до истечения шести недель, я бы все равно дал согласие на миссию отца Эстеву. Это предоставляет нам шанс хоть как-то спастись. Эндрю сказал мне, что все без исключения пекевениьос очень уважают и чтят отца Эстеву — даже неверующие. Если ему удастся убедить пекевениьос отступиться от намерений уничтожить человечество во имя созданной ими религии, это снимет с наших плеч огромную тяжесть.

Квим мрачно кивнул. Мэр Ковано — человек великой мудрости. Хорошо, что им не пришлось занять в споре разные позиции, по крайней мере в данный момент.

— Тем временем я хочу, чтобы ксенобиологи продолжали работу по созданию антивируса. А когда таковой будет создан, мы все вместе решим, использовать его или нет.

— Мы используем его, — заявил Грего.

— Только через мой труп, — ответствовала Квара.

— Я рад слышать, что вы согласны подождать, пока мы не узнаем больше, прежде чем приступать к каким-нибудь решительным действиям, — сказал Ковано. — Но теперь мы обращаемся к тебе, Грего Рибейра. Как сообщил мне Эндрю Виггин, появились некоторые причины считать, что рубеж скорости света преодолим.

Грего холодно взглянул на Говорящего от Имени Мертвых:

— Когда это вы успели ознакомиться с физикой, сеньор Фаланте?

— Я надеюсь, ты поправишь меня, — ответил Виггин. — Пока ты не выслушаешь моих доводов, я не стану утверждать, будто имеется какая-то надежда совершить столь выдающийся прорыв.

Квим улыбнулся, видя, с какой легкостью Эндрю избег свары, которую надеялся затеять Грего. Но Грего тоже не был дураком. Он отлично понял истинную подоплеку слов Виггина. Однако Эндер не дал ему ни малейшего повода для выражения недовольства. Мастерство, с каким Говорящий от Имени Мертвых проделывал такие штуки, приводило некоторых людей в бешенство.

— Если бы мы нашли способ путешествовать среди звезд со скоростью сообщений, передаваемых по ансиблям, — сказал Ковано, — нам потребовалось бы всего одно судно, чтобы переправить всех людей с Лузитании на другую планету. Этот шанс…

— Мечта идиота, — отозвался Грего.

— Но мы просто обязаны считаться с ней. Мы должны изучить ее, — заметил Ковано, — или нам всем пора оставить свои должности и идти работать в литейный цех.

— Я не боюсь иногда поработать руками, — сказал Грего. — Поэтому не думайте, что сможете запугать меня подобными угрозами.

— Я беспрекословно принимаю этот выговор, — кивнул Ковано. — Мне от тебя требуется, Грего, лишь согласие на сотрудничество. Если я не смогу добиться от тебя хотя бы этого, тогда мне остается

лишь надеяться на твою законопослушность.

Очевидно, Квара почувствовала, что о ней все успели забыть. Она, как до нее Грего, поднялась со своего стула:

— Как вы можете сидеть здесь и хладнокровно обсуждать способы уничтожения целой разумной расы, ведь вы даже не попытались вступить с ней в контакт?! Вам по душе личина безжалостных убийц!

И она, как и Грего, сделала вид, будто уходит.

— Квара! — окликнул Ковано.

Квара остановилась.

— Тебе поручается найти способ связаться с десколадой. Попробовать вступить в контакт с вирусами.

— Я не дура и способна понять, когда мне бросают косточку, — вспылила Квара. — А что, если я скажу, что они умоляют нас не убивать их? Вы же мне все равно не поверите.

— Напротив. Я знаю, ты честная женщина, хоть порою и проявляешь необдуманную несдержанность в своих поступках, — сказал Ковано. — Но у меня имеются и другие причины желать, чтобы ты разгадала молекулярный язык десколады. Видишь ли, Эндрю Виггин недавно упомянул мне об одной возможности, которая ни разу не

приходила мне на ум. Все мы прекрасно знаем, что пеквениньос ведут отсчет времени с того самого момента, как вирус десколады впервые распространился по всей планете. Но вдруг мы неправильно оцениваем причину и следствие?

Новинья повернулась к Эндрю, на ее лице играла горькая усмешка.

— Ты считаешь, это пеквениньос вызвали к жизни десколаду?

— Нет, — ответил Эндрю. — Но что, если пеквениньос и есть сама десколада?

Квара чуть не задохнулась от удивления. Грего же расхохотался:

— Виггин, ты, как всегда, кладезь мудрых идей.

— Я не понял, — удивился Квим.

— Это просто гипотеза, — продолжал Эндер. — Квара говорит, что десколада обладает достаточно сложной структурой, чтобы быть разумной. А что, если вирусы десколады используют тела пеквениньос, чтобы выразить свой характер? Что, если разумность пеквениньос проистекает непосредственно из находящихся внутри их тел вирусов?

В первый раз за все собрание слово взяла Кванда, ксенолог.

— Вы так же невежественны в ксенологии, как

и в физике, мистер Виггин, — сказала она.

— Не стану спорить, — согласился Эндер. — Но мне пришло в голову, что мы ни разу не догадались подумать над тем, каким образом сохраняются память и разум, когда умирающий пекевиньо переходит в третью жизнь. У деревьев совершенно точно отсутствует мозг. Но если воля и память переносятся десколадой, значит при перерождении личности в дерево-отца гибель мозга не играет никакой роли.

— Даже если бы это оказалось правдой, что вряд ли возможно, — сказала Кванда, — убедиться в этом экспериментальным путем мы просто-напросто не сможем.

Эндрю Виггин печально кивнул:

— Мне самому ничего не придумать. Я надеялся, что, может быть, вы мне поможете.

Ковано снова прервал дискуссию:

— Кванда, надо, чтобы ты проверила эту гипотезу. Если ты не веришь этому, чудесно — докажи ошибочность предположений Эндрю Виггина, только и всего. — Ковано встал и обратился ко всем присутствующим в комнате: — Все ли поняли, о чем я прошу? Мы оказались перед тяжелейшим выбором, человечеству никогда не доводилось сталкиваться с подобной ситуацией.

Мы рискуем совершить ксеноцид, и в то же время мы можем допустить его своим бездействием, если будем сидеть сложа руки. Все известные — в том числе и предполагаемые — разумные расы находятся под смертельной угрозой, и только от нас одних зависит правильное решение. В последний раз нечто подобное случилось три тысячелетия тому назад, тогда наши предки избрали путь ксеноцида, считая, что защищают свою жизнь. Я прошу вас всех исследовать любую возможность — даже самую невероятную, — которая могла бы вселить в нас надежду и помогла бы принять правильное решение. Вы согласны помочь?

Даже Грего, Квара и Кванда выразили хотя и неохотное, но согласие. На мгновение Ковано удалось, прорвавшись через дрязги и раздоры, сплотить находящихся в комнате людей в единую мощную команду. Сколько она просуществует — это уже другой вопрос. Для себя Квим решил, что дух сотрудничества останется, пока не назреет очередной кризис, а это могло случиться не скоро.

Но сопротивление одного человека преодолеть так и не удалось. Когда собрание закончилось и все начали прощаться или договариваться о

личных встречах, к Квиму подошла Новинья и пристально посмотрела на него:

— Ты не поедешь.

Квим закрыл глаза. Ему было нечего ответить на столь вызывающее заявление.

— Если ты любишь меня, — добавила она.

Квим припомнил одну историю из Нового Завета, когда мать Иисуса и его братья пришли к нему и выразили желание, чтобы Он прервал свой урок, который в тот момент давал ученикам, и принял их.

— «Вот матерь Моя и братья Мои»[19], — пробормотал Квим.

Она, должно быть, уловила смысл его слов, потому что, когда он открыл глаза, ее уже не было.

Не прошло и часа, как Квим выехал из поселка на одном из драгоценных грузовиков колонистов. Квим был весьма непритязателен и, как правило, всегда ходил пешком, но лес, бывший целью его пути, находился слишком далеко, и без машины ему пришлось бы добираться туда несколько недель, и он не смог бы унести на себе столько пропитания, чтобы хватило на долгую дорогу. Окружающая среда все еще оставалась

---

[19] Примечания: 19

Продолжение цитаты: «Кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и матерь» (Мф. 12: 49–50).

враждебной человеку — вокруг не росло ничего такого, что годилось бы в пищу, а если бы даже и росло, то Квиму все равно понадобились бы продукты, содержащие подавляющие десколаду вещества. Без них голодная смерть стала бы для него недосягаемой мечтой — он бы раньше умер от десколады.

Городок Милагре почти скрылся за горизонтом, Квим все дальше и дальше углублялся в безбрежный простор необитаемых прерий. Достаточно удалившись от колонии, Квим — отец Эстеву — подумал, какое решение вынес бы мэр Ковано, если бы знал, что еретиков возглавляет дерево-отец, заработавшее себе имя Воитель. Этот Воитель прославился словами, что последней надеждой пекевениьос остался Святой Дух — вирус десколады — и что они должны молиться о том, чтобы он уничтожил всех людей на Лузитании.

Впрочем, какая разница. Бог призвал Квима проповедовать слово Христово любой расе, независимо от ее внешнего вида или языка. Даже наиболее воинственных, кровожадных, преисполненных ненависти людей может коснуться любовь Господня, и они с охотой обратятся в христианство. Такое неоднократно случалось на протяжении всей истории человечества. Так

почему сейчас должно быть иначе?

«О Отец наш, обрати божественный лик к этой планете. Ибо никогда дети твои не нуждались в чуде больше, чем сейчас».

Новинья упорно не разговаривала с Эндером, и это даже начало его тревожить. Дело было не в раздражении — он никогда не видел Новинью раздраженной. Эндеру показалось, что ее молчание предназначалось не в наказание ему, оно скорее удерживало саму Новинью от необдуманных поступков. Она молчала потому, что готовые вырваться у нее слова могли оказаться чересчур злыми и жестокими, чтобы она когда-нибудь могла надеяться на прощение.

Поэтому сначала он даже не пытался заговаривать с женой. Она беспрепятственно бродила по дому словно тень, старательно избегая встречаться с ним взглядом, и он постарался держаться от нее подальше и не ложился в постель, пока она не заснет.

Несомненно, все дело в Квиме, в его поездке к еретикам-свинксам. Несложно было догадаться, чего она так боится, и хотя Эндер не разделял ее страхов, он хорошо понимал, что поездка сопряжена с изрядной долей риска. Но Новинья противоречила сама себе. Как бы Эндер остано-

вил Квима? На него единственного из всех детей Новиньи Эндер практически не имел влияния. Несколько лет назад они наконец установили более или менее дружественные отношения, но это больше походило на перемирие двух равных по силе сторон, хотя с остальными детьми Новиньи Эндера связывали по-настоящему отеческие отношения. Если Новинье не удалось убедить Квима отказаться от этой миссии, то что же говорить об Эндере?

Новинья, наверное, подсознательно чувствовала это, но, как и все человеческие существа, не всегда действовала в соответствии со своими убеждениями. Она слишком часто теряла людей, которых любила; когда же она почувствовала, что вот-вот может лишиться сына, ее ответ был скорее инстинктивным, нежели хорошо обдуманным. Эндер вошел в ее жизнь как лекарь, как защитник. Его обязанностью было защищать ее от страхов, а сейчас она испугалась и поэтому сердилась на него за то, что он вдруг подвел ее.

Однако после двух дней молчания Эндер почувствовал, что пауза чересчур затянулась. Не самое лучшее время, чтобы между ним и Новиньей вдруг встала стена непонимания. Он знал, как знала и Новинья, что с приездом Валентины

могут наступить трудные времена для них обоих. Он слишком привык к постоянным разговорам с Валентиной, с ней его связывало многое, он отлично изучил пути, ведущие к ее душе, поэтому не мог удержаться от того, чтобы не стать прежним Эндером, каким был в те годы — вечность назад, — которые они провели рядом друг с другом. Они прожили три тысячи лет и все это время смотрели на мир одинаково. С Новиньей он прожил всего лишь тридцать лет. Если говорить о субъективном времени, то, разумеется, с ней он пробыл дольше, чем с Валентиной, но он не выдержал и снова стал младшим братом Валентины, стал Голосом, советником Демосфена.

Эндер ожидал, что Новинья начнет ревновать его к Валентине, и подготовился к этому. Он предупредил Валентину, что сначала у них практически не будет времени встречаться друг с другом. И она прекрасно его поняла: у Джакта были свои трудности, и ее супруг, так же как и жена Эндера, потребует некоторого внимания. Глупость какая — Джакт и Новинья ревнуют брата и сестру! В отношениях между Эндером и Валентиной никогда не присутствовало ни малейшего намека на секс. Каждый, кто хорошо знал их и понимал, рассмеялся бы, услышав такое

предположение, но Джакт и Новинья опасались вовсе не предательства в личной жизни. Любовь и верность были здесь тоже ни при чем — Эндер ни разу не дал Новинье повода усомниться в своей любви к ней, да и Джакт не мог просить от Валентины большего, чем она дарила ему; они были преданы друг другу до конца.

Причина лежала куда глубже. Дело в том, что даже сейчас, после долгих лет разлуки, стоило им только встретиться, как они сразу превращались в одно целое, они помогали друг другу, никогда не вдаваясь в объяснения, что же они делают. Джакт видел это, и даже Эндеру, который никогда не был хорошо знаком с ним, стало очевидно, что Джакт чувствует себя уязвленным. Будто бы он, посмотрев на свою жену и ее брата, понял: вот что такое близость, вот что происходит, когда два человека становятся одним целым. Джакт думал, что он и Валентина близки друг другу так, как только могут быть близки муж и жена. Может быть, это действительно было так, но сейчас ему продемонстрировали, насколько могут быть близки два человека. Стать, в некотором смысле слова, одним человеком.

Эндер, разглядев такую ревность в Джакте, мог только восхищаться, с каким искусством

Валентина отвлекает его от этой мысли — она специально отдалялась от Эндера, чтобы муж привыкал к ее связям с братом постепенно, небольшими порциями.

Но Эндер никак не мог предполагать, что на его любовь к сестре Новинья отреагирует столь странным образом. Он впервые встретился с ней, когда она уже была матерью, увидел, какую сильную привязанность она питает к своим детям. Эндер считал, что, почувствовав угрозу, она лишь возьмет себя в руки и попытается справиться с ситуацией; именно так она поступала в отношениях с детьми. Он совсем не ожидал, что Новинья начнет отдаляться от него. И, подумав, он понял: Новинья гораздо раньше начала отдаляться от него, хотя только много позже перестала удостаивать его даже словом, и настоящей причиной была миссия Квима. По сути дела, сейчас, вспоминая подробности прошлого, Эндер осознал, что их разрыв начался задолго до прибытия на планету Валентины. У него сложилось впечатление, что Новинья сдалась, даже не успев столкнуться с соперницей лицом к лицу.

Да, ему следовало предвидеть близящуюся ссору. Новинья потеряла слишком много важных людей в своей жизни, а ведь она на них

на всех когда-то надеялась. Ее родители. Пипо. Либо. Даже Миро. Она могла вести себя с детьми собственнически, оберегать их, могла оберегать кого угодно, стоило ей только счесть, что в ее помощи нуждаются. Но с людьми, в которых она нуждалась, она вела себя совсем иначе. Если она страшилась, что их могут отобрать у нее, она сама начинала отстраняться от них; она запрещала себе испытывать в них нужду.

Не в них. В нем. В Эндере. Она пытается перестать нуждаться в нем. И это затянувшееся молчание может возвести между ними такую стену, которую они никогда не смогут преодолеть.

Эндер сам не знал, что будет делать, если такое случится. Ему никогда не приходило в голову, что его семейная жизнь вдруг окажется под угрозой. Семья не так легко ему далась; он намеревался до самой смерти прожить вместе с Новиньей. И все эти годы, что они провели вместе, были исполнены радости, которая проистекала из их внутренней уверенности друг в друге. А теперь Новинья перестала доверять ему. Только это было несправедливо. Он все еще приходился ей мужем, он был верен ей как никто, как ни один другой человек в ее жизни. Он не заслужил, он не мог потерять ее из-за каких-то дурацких недо-

молвок. И если оставить все как есть — так, как пусть бессознательно, но все же желала Новинья, — вскоре она только утвердится в мнении, что ей ни на кого нельзя полагаться. Это было бы трагично, потому что это неправда.

Поэтому Эндер в уме уже начал составлять приблизительный план будущего противостояния с Новиньей, когда его отвлекла от раздумий Эла.

— Эндрю…

Эла стояла в дверном проеме. Если она и постучала, испрашивая разрешение войти, Эндер этого не услышал. Но вряд ли она должна была стучаться, входя в дом матери.

— Новинья в нашей комнате, — ответил Эндер.

— Я пришла поговорить с тобой, — сказала Эла.

— Извини, но, если ты пришла требовать прибавки к жалованью, сразу скажу, что ничем помочь тебе не смогу.

Эла рассмеялась, подошла к нему и села рядом. Однако ее веселье бесследно пропало, и на лицо вновь вернулось озабоченное выражение.

— Квара, — произнесла она.

Эндер вздохнул и улыбнулся. Квара была прирожденной спорщицей, и ничто и никогда не заставило бы ее уступить. Но Эле всегда удава-

лось ладить с ней лучше остальных.

— Это ненормально, — сказала Эла. — Хотя, вообще-то, сейчас она доставляет меньше хлопот, чем обычно. Даже не спорит.

— Что, опасная примета?

— Ты знаешь, она пытается вступить в контакт с десколадой.

— Молекулярный язык.

— То, что она делает, очень опасно, и даже если у нее что-нибудь получится, десколада не станет связываться с нами. В *особенности* если что-то получится, так как все шансы за то, что спустя незначительный период времени мы окажемся мертвы.

— Что она опять натворила?

— Залезла в мои файлы. Это совсем не сложно — ведь я никак не думала, что мне придется запирать их от коллеги-ксенобиолога. Затем приготовила вещества, которые я вводила в растения, чтобы уберечь их от десколады. Квара без труда справилась и с этой задачей, потому что я разложила по полочкам весь процесс их создания. Только, вместо того чтобы ввести их в растение, она передала их прямо десколаде.

— Что ты хочешь сказать? Что значит «передала»?

— Они и есть ее послания. Она посылает эти вещества на тех маленьких стрелках, которые, по ее мнению, переносят информацию от одного вируса к другому. Язык это или нет, подобным экспериментом все равно ничего не выяснишь, и разумна ли десколада — это еще вопрос, но зато мы знаем, что ее вирусы чертовски хорошо умеют приспосабливаться к окружающей среде. А Квара только способствует этому, выдавая десколаде мои лучшие формулы, которые я разработала, чтобы препятствовать распространению вируса.

— Предательство.

— Вот именно. Она скармливает наши военные тайны врагу.

— Ты поговорила с ней?

— Sta brincando. Claro que falei. Ela quase me matou. — «Шутишь? Конечно поговорила. Она чуть меня не убила».

— И что, получилось у нее обучить какой-нибудь вирус?

— Она даже не пыталась это выяснить. Она словно подбежала к окну и заорала: «Они собираются убить вас!» Квара занимается не наукой — она вмешивается в межвидовые отношения, вот только мы даже не знаем, способна ли та, другая сторона на какие-либо отношения. Нам

известно одно: с помощью Квары десколада может расправиться с нами куда быстрее, чем мы себе представляем.

— Nossa Senhora, — пробормотал Эндер. — Это слишком опасно. Не следовало ей играть такими вещами.

— Может быть, уже слишком поздно. Понятия не имею, что она успела натворить.

— Тогда мы должны немедленно остановить ее.

— Каким образом? Переломать руки?

— Я поговорю с ней, но она уже взрослая — или, наоборот, все еще не вышла из детского возраста, — чтобы прислушиваться к чьим-то доводам. Боюсь, все кончится даже не нашим вмешательством, а вмешательством самого мэра.

Только услышав голос Новиньи, Эндер осознал, что его жена давным-давно присутствует в комнате и слышала весь разговор.

— Иными словами, итог — тюрьма, — констатировала Новинья. — Ты собираешься бросить за решетку мою дочь. Интересно, а меня ты собирался поставить в известность?

— Я вовсе не имел в виду тюрьму, — возразил Эндер. — Я хотел сказать, что мэр мог бы закрыть ей доступ к…

— Это не входит в обязанности мэра, — сказала Новинья. — За это отвечаю я. Я главный ксенобиолог. Почему ты не обратилась ко мне, Эланора? Почему пошла сразу к нему?

Эла сидела молча, не сводя с матери глаз. Только так она могла противостоять ей, пассивно сопротивляясь.

— Квара отбилась от рук, Новинья, — попытался объяснить Эндер. — Делиться нашими тайнами с деревьями-отцами уже проступок. Но выдавать секреты десколаде — чистой воды безумие.

— Es psicologistsa, agora? — «Так ты еще и психолог?!»

— Я вовсе не собираюсь заключать ее в тюрьму.

— Не смей ничего предпринимать, — отчеканила Новинья. — Во всяком случае, в отношении моих детей.

— Вот это верно, — отметил Эндер. — Детям я вреда не причиню. Но я обязан что-то предпринять в отношении одного взрослого гражданина Милагре, который необдуманными действиями поставил под угрозу человеческое население Лузитании, а может, и все человечество в целом.

— Где же ты набрался таких обязанностей, Эн-

дрю? Неужели сам Господь спустился с гор и на каменных скрижалях начертал тебе разрешение распоряжаться людьми?

— Ладно, — ответил Эндер. — Что предлагаешь ты?

— Я предлагаю тебе не совать свой нос в дела, которые тебя никоим образом не касаются. И, честно говоря, Эндрю, тебя не касается много чего. Ты не ксенобиолог. Ты не физик. Ты не ксенолог. По сути дела, ты вообще никто. Только и умеешь копаться в грязном белье.

— Мама! — задохнулась от возмущения Эла.

— У тебя и власти-то — эта проклятая серьга в ухе. Это она шепчет тебе на ушко наши тайны, это она разговаривает с тобой по ночам, когда ты лежишь в постели рядом со своей женой. Стоит только ей захотеть — и вот ты присутствуешь на собрании, к которому вообще никакого отношения не имеешь, и послушно болтаешь то, что она тебе прикажет. Ты сказал, что Квара предала нас, а я считаю, это ты предал человечество, переступив через людей ради какой-то взбесившейся программы-переростка.

— Новинья, — мягко сказал Эндер, пытаясь успокоить ее. Но она не намеревалась вести с ним беседы.

— И не смей больше подходить ко мне, Эндрю. Все эти годы я думала, что ты любишь меня…

— Я действительно люблю тебя.

— Я-то думала, что ты и в самом деле стал одним из нас, стал частью нашей жизни…

— Все так и есть.

— Я думала, все взаправду.

— Ты не ошиблась.

— Но ты именно такой, каким тебя описывал епископ Перегрино в самом начале. Ты манипулируешь людьми. Управляешь нами. Твой брат когда-то правил всем человечеством, или не было этого? Но нет, тебе многого не надо. Ты удовольствовался одной планеткой.

— Во имя Господа, мама, ты что, с ума сошла? Ты что, не знаешь Эндрю?

— Думала, что знаю! — разрыдалась Новинья. — Но если бы он действительно любил меня, он бы не послал моего сыночка прямо в логово этих мерзких свиней…

— Он не мог помешать Квиму! Ничто бы не остановило его!

— Но он даже не попробовал. Он дал согласие на его миссию!

— Да, — кивнул Эндер. — Я счел, что твой сын поступает мужественно и благородно, и поэтому

одобрил его поступок. Он знал, что опасность, хотя она и не так уж велика, все-таки существует, и тем не менее избрал свою судьбу. И я одобрил его решение. Ты бы поступила точно так же, и, надеюсь, будь я на месте Квима, я бы тоже нашел в себе мужество отправиться к впавшим в ересь свинксам. Квим — мужчина, настоящий мужчина, он великий человек. Ему не требуется твоя защита, она ему не нужна. Он выбрал жизненный путь и твердо следует ему. Я глубоко чту его за это, и тебе следует поступать точно так же. Как смела ты предположить, что кто-то из нас мог встать у него на пути?!

Новинья наконец замолкла, во всяком случае на пару секунд. Она взвешивает слова Эндера? Неужели она наконец осознала, как жестоко обошлась с Квимом, проводив его в путь гневом, а не благословением? Пока длилось молчание, Эндер еще смел на что-то надеяться.

Но затем на смену затишью пришла буря.

— Если ты когда-нибудь снова посмеешь вмешаться в жизнь моих детей, я навсегда порву с тобой всякие отношения, — заявила Новинья. — И если с Квимом что-нибудь случится, если хоть волосок упадет с его головы, моя ненависть будет преследовать тебя до самой смерти и я буду мо-

лить Бога о твоей кончине. Ты не можешь знать всего, ты, ублюдок. По-моему, пришло время признать тебе это, хватит притворяться!

Она побрела к выходу, но затем, видимо, сочла, что напоследок стоит громко хлопнуть дверью. Она повернулась к Эле и с замечательным самообладанием произнесла:

— Эланора, я немедленно приму необходимые меры, чтобы закрыть Кваре доступ к записям и оборудованию, которыми она может воспользоваться, помогая десколаде. И если в будущем, дорогая, я хоть раз услышу, что ты обсуждаешь внутренние проблемы лаборатории с кем-нибудь посторонним, особенно с этим человеком, я навсегда лишу тебя доступа к нашим исследованиям. Тебе все понятно?

Снова Эла ответила ей молчанием.

— Ага, — заметила Новинья. — Вижу, ему удалось лишить меня не только Миро и Квима. Вот уж не думала.

Произнеся эту тираду, она скрылась за дверью.

Эндер и Эла некоторое время сидели молча. Наконец Эла поднялась, хотя и шага не сделала, чтобы направиться вслед за матерью.

— Надо идти и что-то предпринять, — сказала Эла. — Вот только ума не приложу, что именно.

— Может быть, тебе следует пойти к матери и показать ей, что ты на ее стороне?

— Но это не так, — ответила Эла. — Вообще-то, я думала, может, стоит сходить к мэру Зулжезу и предложить ему снять мать с поста главного ксенобиолога, потому что она явно выжила из ума.

— Ничуть, — возразил Эндер. — И если ты сделаешь что-нибудь подобное, это убьет ее.

— Маму? Она сильная женщина, переживет.

— Нет, — покачал головой Эндер. — Сейчас она настолько ослабла, что любой удар может убить ее. Не тело. Ее… веру. Надежду. Ни в коем случае, что бы ни случилось, не давай ей повода думать, что ты стоишь за меня.

Эла с удивлением посмотрела на него:

— Ты так *решил*? Или это твоя естественная реакция?

— Что ты имеешь в виду?

— Мать только что вылила на тебя такой ушат грязи, что любой бы на твоем месте просто взбесился или оскорбился, а ты сидишь здесь и думаешь, как бы ей помочь. Ты что, никогда ни на кого не злился? Я хочу сказать, ты что, никогда не выходил из себя?

— Эла, после того как ты, чисто случайно, убьешь голыми руками несколько человек, ты

либо научишься контролировать себя, либо лишишься человечности.

— С тобой такое было?

— Да, — ответил он.

На мгновение ему показалось, что она шокирована его словами.

— И как ты считаешь, ты все еще способен на убийство?

— Думаю, да, — сказал он.

— Отлично. Ты нам еще пригодишься, когда тут начнет твориться черт знает что.

Эла рассмеялась. Это была шутка. Эндер почувствовал облегчение. Он даже усмехнулся вместе с ней.

— Пойду к матери, — сказала Эла. — Но ты здесь ни при чем, и не твои доводы убедили меня.

— Замечательно, пойдешь так пойдешь.

— Тебе что, даже неинтересно узнать, что мне от нее надо?

— Я и так знаю.

— А, ну да. Она ошиблась, да? На самом деле ты действительно все знаешь, да?

— Ты сейчас идешь к матери потому, что это причинит тебе нестерпимую боль. А тебе того и надо.

— Хочешь сказать, у меня тоже начались нела-

ды с головой?

— Тебе это причинит боль, но в то же время это будет хороший поступок. Это самое неприятное из всего, что тебе сейчас приходится делать. Это наиболее тяжкий груз, который можно взвалить на свои плечи.

— Святая мученица Эла, certo?[20] Вот как ты меня назовешь, когда будешь Говорить над моей могилой.

— Если уж я соберусь Говорить о тебе, то речь мне придется написать загодя. Я вовсе не намерен жить вечно.

— Значит, ты не покидаешь Лузитанию?

— Конечно нет.

— Даже если мать вышвырнет тебя?

— Она не сможет этого сделать. Причин для развода у нее нет, а епископ Перегрино слишком хорошо знает нас и рассмеется ей в лицо, если она положит ему на стол требование о разводе по причине несходства характеров.

— Ты понял, что я имею в виду.

— Я здесь собираюсь надолго задержаться, — ответил Эндер. — Хватит с меня бессмертия, купленного прыжками во времени. Больше я не

---

[20] Примечания: 20
Так, определенно (*португ.*).

стану путешествовать с планеты на планету. Я никогда не покину землю Лузитании.

— Даже если тебе будет угрожать смерть? Даже если нас атакует флот?

— Только в том случае, если решат уходить все, — твердо заявил Эндер. — Но именно я буду тем человеком, который, уходя последним, выключит свет и запрет дверь.

Эла подбежала к нему, поцеловала в щеку и крепко обняла. Это длилось какое-то мгновение, в следующую секунду она уже выскочила за дверь, и он снова остался наедине с самим собой.

«Я был не прав насчет Новиньи, — подумал Эндер. — Она ревновала не к Валентине, а к Джейн. Все эти годы она видела, как про себя я говорю с Джейн; говорю, а она не слышит, Джейн отвечает, а она снова не слышит. Я лишился ее доверия и даже не понял когда».

Даже сейчас он, должно быть, проговаривает губами свои мысли. Он настолько привык к безмолвному общению с Джейн, что даже сам не понял, что и сейчас разговаривает с ней. И она ответила ему.

— Я ведь тебя предупреждала, — сказала она.

«Ну да», — беззвучно согласился Эндер.

— Ты думал, я никогда не научусь разбираться

в людях.

«Ты делаешь успехи».

— Знаешь, а ведь она права. Ты действительно моя марионетка. Все это время я манипулировала тобой. У тебя уже долгие годы не возникало собственных мыслей.

— Заткнись, — уже вслух прошептал он. — У меня сейчас нет настроения.

— Эндер, — позвала она, — если ты считаешь, что это поможет тебе удержать Новинью, сними с уха передатчик. Я не возражаю.

— Зато я возражаю, — ответил он.

— Я солгала, я не хочу терять тебя, — сказала Джейн. — Но если тебе ничего не остается, если ты хочешь сохранить свою любовь, тогда сделай это.

— Спасибо большое, — усмехнулся он. — Только мне придется немало потрудиться, чтобы вернуть того, кого уже успел потерять.

— Когда вернется Квим, все встанет на свои места.

«Да, — подумал Эндер. — Да».

О Боже, спаси и сохрани отца Эстеву!

Они знали, что к ним едет отец Эстеву. Пекве-ниньос всегда все знали. Деревья-отцы все всегда рассказывали друг другу. Секретов не существо-

вало. Не то чтобы они намеренно это делали — иногда попадалось дерево, которое пыталось скрыть тайну от остальных или что-нибудь соврать, — они просто не могли вести себя иначе. Для них не существовало понятия личного опыта. Поэтому, если одно дерево пыталось сохранить что-то только для себя, рядом с ним обязательно росло другое дерево, которое ничего подобного не собиралось делать. Леса всегда действовали совместными усилиями, хотя и состояли из деревьев-индивидуумов, и поэтому истории всегда распространялись от одного леса к другому независимо от воли и желания деревьев-одиночек.

Это-то и служило защитой Квиму. Потому что, каким бы кровожадным сукиным сыном ни был этот Воитель, хотя эпитет «сукин сын» вряд ли применим к пеквениньо, он ничего не мог сделать с отцом Эстеву, не убедив прежде братьев своего леса поступить так, как он хочет. А если ему все-таки удастся настоять на своем, одно из других деревьев-отцов, растущих в лесу, обязательно узнает об этом и расскажет. Станет свидетелем. Если Воитель нарушит клятву, данную отцами-деревьями тридцать лет назад, когда Эндрю Виггин препроводил Человека в третью жизнь, это не останется в тайне. Весь мир

услышит новость, и Воитель стяжает себе славу клятвопреступника. Это станет его позором. Какая жена после этого позволит братьям отнести к нему маленькую мать? Никогда больше он не сможет зачать детей.

Квим был в полной безопасности. Они могут не послушаться его, но и никогда не причинят вреда.

Однако, когда он прибыл в лес Воителя, его даже не выслушали толком. Братья схватили его, повалили на землю и потащили к Воителю.

— Зачем все это? — удивился Квим. — Я по собственной воле пришел к вам.

Один из братьев застучал палочками по стволу дерева. Квим прислушался к изменяющемуся звуку. Воитель начал образовывать внутри себя пустоты, чтобы превратить ритм в речь:

— Ты пришел, потому что я так повелел.

— Ты повелел. Я пришел. Если ты предпочитаешь считать, что я явился сюда по твоему приказанию, быть по сему. Но только повелениям Господа я с радостью следую.

— Ты пришел сюда, чтобы услышать волю Господню, — заявил Воитель.

— Я пришел сюда, чтобы донести вам волю Господа, — поправил его Квим. — Десколада

— вирус, созданный Господом Богом, чтобы обратить пеквениньос в детей своих. Но у Святого Духа нет воплощения. Это вечный дух, поэтому он неотъемлемо присутствует в наших сердцах.

— В наших сердцах обитает десколада, она дает нам жизнь. Если в твоем сердце обитает Дух Святой, что дает он тебе?

— Единого Бога. Единую веру. Единое причастие. Бог не может проповедовать людям одно, а малышам совсем другое.

— Мы не «малыши». Ты лично убедишься, кто из нас могуч, а кто слаб.

Его развернули спиной и прижали к стволу Воителя. Квим спиной почувствовал, как кора начала раздвигаться. Свинксы навалились на него. Маленькие ручки вцепились в него, он почувствовал дыхание, вылетающее из рылец пеквениньос. Никогда прежде Квим не мог вообразить, что эти руки, эти лица могут принадлежать врагам. Но даже сейчас он с огромным облегчением осознал, что по-прежнему не считает пеквениньос своими врагами. Они восстали против Бога, и ему было жалко их. Для него явилось настоящим открытием, что, пока его заталкивали в разверзшееся чрево дерева-убийцы, он все равно не испытывал никакой ненависти,

никакого страха перед пеквениньос.

«Я и в самом деле не боюсь смерти. Никогда не подозревал об этом».

Братья продолжали лупить палочками по коре. Воитель обратил звук в слова языка отцов, только теперь звук обтекал Квима, слова звучали отовсюду.

— Ты думаешь, я собираюсь нарушить данную нами клятву, — сказал Воитель.

— Это приходило мне в голову, — ответил Квим.

Его тело крепко сжимал сомкнувшийся ствол, но он обтянул Квима только со спины и по бокам, оставив перед отцом Эстеву узкую щель. Он все видел, дышалось свободно. Но дерево заключило его в такие объятия, что Квим не мог двинуть ни рукой, ни ногой, не мог даже извернуться, чтобы высвободиться из темницы. Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь.

— Мы испытаем тебя, — сказал Воитель. Квим с трудом понимал его слова, ведь теперь они доносились до него словно изнутри. Труднее *думать*. — Пусть нас рассудит Бог. Мы будем поить тебя — приносить воду из ручья, текущего неподалеку. Но пищи ты не получишь.

— Вы обрекаете меня на голодную смерть…

— На голодную смерть? Мы располагаем некоторыми запасами вашей еды. Мы покормим тебя, но только через десять дней. Если Святой Дух позволит тебе прожить десять дней, мы накормим тебя и отпустим. И тогда мы уверуем в учение, которое ты проповедуешь. Мы признаем собственную неправоту.

— Вирус убьет меня задолго до этого.

— Святой Дух рассудит нас и решит, стоишь ли ты жизни на этом свете.

— Здесь действительно суждено случиться испытанию, — подтвердил Квим. — Только не такому, какое ты задумал.

— Какому же?

— Это будет испытание Судным днем. Вы предстанете перед Христом, и он обратится к стоящим по правую руку: «Я был чужим для вас, но вы приняли меня. Я голодал — вы накормили меня. Войдите же в обитель Господню». Затем он повернется к тем, кто находится от него по левую руку: «Я был голоден, а вы ничего мне не подали. Я был чужд вам, и вы прогнали меня». И все они воскликнут: «Господи, когда ж мы поступили с тобой так?» И он ответит: «Поступив так с меньшим из братьев моих, вы поступили так со мной». Вы все братья, собравшиеся здесь, — я меньшой

брат вам. Вы ответите перед Христом за то, что сотворите со мной.

— Глупец, — прогудел Воитель. — Мы не причиним тебе ни малейшего вреда, всего лишь задержим на некоторое время. И Господь явит тебе свою волю. Разве не Христос сказал: «Я поступал так, как поступал мой Отец»? Разве не Христос обратился к нам: «Я есмь путь. Следуйте за мной»? Мы всего лишь позволим тебе следовать примеру Христа. В пустыне он провел сорок дней, не вкусив хлеба. Мы сократили этот срок, позволив тебе проявить лишь четвертую часть святости Христа. Если Бог хочет, чтобы мы уверовали в твое учение, он пошлет ангелов, которые накормят тебя. Он обратит камни в хлеб.

— Вы совершаете большую ошибку, — возразил Квим.

— Это ты совершил большую ошибку, приехав сюда.

— Я имел в виду, что вы неправильно толкуете учение. Вы понимаете его буквально — выжить в дикой пустыне, обратить камни в хлеба и все прочее. Но вы не подумали о том, что, поступая так, вы впускаете в себя Сатану.

Тут Воитель пришел в ярость, его голос зазвучал с такой силой, что весь ствол заходил ходуном.

Квим даже слегка испугался, что дерево сейчас разорвет его на части.

— Ты есмь Сатана! Ты пытаешься соблазнить нас лживыми заверениями, а тем временем вы, люди, будете искать способ расправиться с десколадой и навсегда закрыть братьям доступ к третьей жизни! Неужели ты думаешь, мы не разгадали тебя? Мы знаем все ваши планы и намерения, все до одного! У вас нет секретов от нас! И Бог не держит от нас секретов! Это нам он подарил третью жизнь, не вам! Если Бог любит тебя, он не позволит тебе опуститься в землю, чтобы черви ели твои останки!

Братья безмолвно опустились на траву, с благоговением внимая речам.

Так продолжалось шесть дней, этот спор был достоин лучших Отцов Церкви. Со времен Никейского собора[21] не поднималось таких глубинных вопросов, не обсуждалось великих истин учения.

Содержание спора передавалось от брата к бра-

---

[21] Примечания: 21

Никейский собор — в истории христианской Церкви было два Никейских собора (они же Первый и Седьмой Вселенские соборы), в 325 и 787 гг. Первый собор был созван императором Константином Великим, для того чтобы поставить точку в споре между александрийским епископом Александром и пресвитером Арием, который отрицал единосущность Христа Богу Отцу. На Первом Никейском соборе были определены основные догматы христианства.

ту, от дерева к дереву, от леса к лесу. Выдержки из диалогов Воителя и отца Эстеву достигали Корнероя и Человека в тот же день. Но информация подавалась им частями. Только на четвертый день они поняли, что Квима держат пленником, лишив пищи, содержащей противостоящие десколаде вещества. Немедленно была организована спасательная экспедиция: поехали Эндер, Кванда, Джакт, Ларс и Варсам. Мэр Ковано назначил на должность руководителей экспедиции Эндера и Кванду, потому что их имена были хорошо известны пеквениньос, их очень уважали. Джакт с сыном и зятем присоединились к спасательной партии потому, что они прилетели на Лузитанию с другой планеты. Ковано не посмел рисковать и посылать на помощь Квиму кого-нибудь из жителей колонии: если весть о его пленении распространится по всему Милагре, кто знает, каковы будут последствия? Они взяли самую быструю машину и помчались в направлении, которое указал им Корнерой. До леса было три дня пути.

На шестой день диалог подошел к концу, потому что десколада настолько завладела телом Квима, что у него не осталось сил говорить. Его колотило в лихорадке, он постоянно бредил, речь

его стала практически бессвязной.

На седьмой день он возвел глаза к небесам, устремив взгляд куда-то вдаль. Братья, по-прежнему сидящие вокруг дерева и все еще наблюдающие за испытанием, притихли.

— Я вижу Спасителя, восседающего по правую руку от Бога, — прошептал Квим. И улыбнулся.

Через час он умер. Воитель почувствовал, как тело человека судорожно дернулось, и победно возвестил братьям:

— Святой Дух явил нам свое решение и доказал неправоту отца Эстеву!

Кое-кто из братьев в восторге завопил. Однако криков одобрения раздалось куда меньше, чем ожидал услышать Воитель.

На закате на место прибыла спасательная партия Эндера. Свинксы теперь даже не пытались схватить их и подвергнуть испытанию — людей было слишком много. Кроме того, среди братьев возник некоторый разброд. Скоро они очутились перед разверзшимся стволом Воителя. Тени плыли по осунувшемуся, истерзанному болезнью лицу отца Эстеву, видному через расщелину в коре.

— Откройся и позволь мне забрать сына моего, — проговорил Эндер.

Трещина в стволе стала шире. Эндер скрылся в ней и вынес тело отца Эстеву на свет. Он почти не ощутил его веса, на какое-то мгновение Эндеру даже показалось, что Квим помогает ему, переступая ослабевшими ногами. Ничего подобного. Эндер положил Квима на землю перед деревом.

Один из братьев подошел к стволу и начал выбивать ритм на коре Воителя.

— Забирай его, Говорящий от Имени Мертвых, он твой по праву, ведь он теперь мертв. Святой Дух, подвергнув тело второму крещению, спалил его душу.

— Ты нарушил клятву, — сказал Эндер. — Ты пошел против воли деревьев-отцов.

— Никто и волоска на его голове не тронул, — ответил Воитель.

— Неужели ты действительно думаешь, что сможешь кого-нибудь обмануть своими лживыми оправданиями? — горько усмехнулся Эндер. — Всем известно, что не дать лекарства умирающему человеку — это такой же акт насилия, как и ударить его в самое сердце. У вас имелись лекарства. Вы ведь могли помочь ему.

— Это все Воитель, — пробормотал один из присутствующих братьев.

Эндер обернулся к пеквениньос:

— А вы способствовали ему в этом. И не думайте, что сумеете свалить вину на него одного. Да не перейдет никто из вас в третью жизнь. А что касается тебя, Воитель, да не заползет на твой ствол ни одна из матерей.

— Это не людям решать, — ответствовал Воитель.

— Ты сам рассудил себя, когда решил, что можешь убить, чтобы победить в споре, — возразил Эндер. — А вы, братья, вы встали на его сторону, когда не остановили его.

— Ты нам не судья! — выкрикнул один из братьев.

— Нет, судья, — кивнул Эндер. — Равно как и любой другой обитатель Лузитании — человек, дерево-отец, брат или жена.

Они перенесли тело Квима в машину. Джакт, Кванда и Эндер забрались туда же. Ларс и Варсам повели машину, на которой приехал Квим. Несколько минут Эндер диктовал Джейн послание, которое она должна была передать Миро, оставшемуся в городке. Три дня ничего не изменят, Новинья сегодня же узнает, что ее сын умер от рук пеквениньос. А факт, что она не захочет выслушивать оправдания Эндера, не подлежит сомнению. Останется ли она женой Эндера, когда

он вернется на территорию колонии, сказать было трудно. Да он и не пытался угадать. Ясно одно: Новинья лишилась своего сына Эстеву.

— Ты будешь Говорить о нем? — спросил Джакт, когда машина поплыла над капимом. Ему довелось только однажды слышать, как Говорил Эндер, еще на Трондхейме.

— Нет, — ответил Эндер. — Не думаю.

— Потому что он был священником? — спросил Джакт.

— Я и раньше Говорил о служителях Господа, — покачал головой Эндер. — Нет, я не буду Говорить о Квиме, потому что незачем. Квим был таким, каким был, и он сам избрал себе смерть — он остался верен Господу и продолжал проповедовать пеквениньос. Мне нечего добавить к истории его жизни. Он достиг совершенства.

11
Нефрит мастера Го

– Ну вот. Начало смертям положено.

– Самое забавное, что это твой народ первым совершил убийство, не человек.

– Но ведь вы тоже первыми напали на человека, положив начало войнам.

– Мы начали, зато они закончили.

– Как же так получается – эти люди каждый раз начинают так невинно, а заканчивают только с большей кровью на руках?

Ванму молча следила, как слова и цифры бегут по пространству дисплея, зависшего над терминалом ее хозяйки. Цин-чжао спала, тихонько посапывая рядом на циновке. Ванму чуть-чуть поспала, но что-то разбудило ее. Какой-то крик, раздавшийся неподалеку; словно человек вскрикнул от боли. Крик прозвучал словно во сне, привидевшемся Ванму, но, когда она пробудилась, отголоски его еще бродили по комнате. И голос принадлежал не Цин-чжао.

Какому-то мужчине, и звучал он так надрывно. Крик-стон. Ванму показалось, что кто-то умер.

Но она не решилась встать и отправиться на разведку. Этот дом принадлежал не ей; она должна была все время находиться рядом с хозяйкой, пока та сама не отошлет ее. Если бы потребовалось поставить Цин-чжао в известность о причинах крика, пришла бы служанка и разбудила Ванму, а уже та, в свою очередь, разбудила бы госпожу — ибо, пока у женщины есть доверенная служанка и нет мужа, только руки служанки могут без разрешения касаться тела госпожи.

Поэтому Ванму лежала с открытыми глазами и ждала, не придет ли кто-нибудь сообщить Цин-чжао, почему такое страдание прозвучало в крике, достигшем даже этой комнаты, которая находилась в задней половине дома Хань Фэй-цзы. Пока она ждала, ее глаза привлекло движение на дисплее — компьютер следовал программе поиска, которую задала ему Цин-чжао.

Бегущие строки на дисплее остановились. Что-нибудь случилось? Ванму приподнялась, опираясь на локоть; ей удалось разглядеть последние слова, которые выдал компьютер. Программа поиска была завершена. И на этот раз привычная лаконичная строчка — СВЕДЕНИЙ

НЕ ОБНАРУЖЕНО, РЕШЕНИЯ НЕТ, ОТКАЗ, — появлявшаяся в случае неудачи компьютера, отсутствовала. На дисплее возникло какое-то сообщение.

Ванму встала и подошла к терминалу. Она поступила в точности так, как учила ее Цин-чжао: нажала соответствующую комбинацию клавиш, которая сохранит всю поступившую в компьютер информацию, что бы ни случилось. Затем Ванму вернулась к Цин-чжао и нежно дотронулась до ее плеча.

Цин-чжао пробудилась почти мгновенно; спала она всегда очень чутко.

— Компьютер что-то обнаружил, — сообщила Ванму.

Цин-чжао освободилась от остатков сна с такой легкостью, словно скинула с плеч платок. Через секунду она уже сидела за терминалом, вчитываясь в слова сообщения.

— Я вычислила Демосфена, — сказала наконец она.

— Кто же он такой? — затаила дыхание Ванму.

«Великий Демосфен… Нет-нет, ужасный Демосфен. Моя хозяйка желает, чтобы я относилась к нему как к врагу». Тот самый Демосфен, чьи слова так потрясли ее, когда она впервые услышала

их от отца, читавшего вслух одну из его статей. «До тех пор пока один человек заставляет других преклоняться перед собой только потому, что обладает силой стереть с лица земли их самих и все, чем они обладают и что так любят, — до тех самых пор нам следует страшиться». Ванму услышала эти слова, когда была еще в младенческом возрасте — тогда ей было всего три годика, — но запомнила их на всю жизнь, потому что они были связаны с определенным эпизодом. И перед ее внутренним взором снова возникла картина: отец прочитал эти строчки, мать что-то возразила, и тогда отец рассердился. Он не ударил ее, нет, но он весь напрягся, и рука его чуть-чуть дернулась, словно его тело возжелало ударить и он лишь неимоверным усилием воли поборол это желание. После этого, несмотря на то что никакого насилия не произошло, мать Ванму склонила голову и что-то пробормотала, — напряжение спало. Ванму поняла, сейчас перед ней предстало то, что описал в этих строчках Демосфен: мать склонилась перед отцом потому, что он обладал достаточной силой, чтобы причинить ей боль. И Ванму тогда очень испугалась, как испугалась сейчас, при одном воспоминании; услышав слова Демосфена, она сразу поняла, что это правда, и

одновременно подивилась, как отец мог произнести их и согласиться с ними и вместе с тем не понять, что повел себя именно таким образом, от которого предостерегал Демосфен. Вот почему Ванму всегда с вниманием относилась к любым изречениям великого — ужасного — Демосфена. Каким бы великим или ужасным он ни был, она знала — он говорит правду.

— Не он, — поправила ее Цин-чжао. — Демосфен — женщина.

Ванму даже затаила дыхание. «Значит, вот как! Все-таки женщина. Неудивительно, что я различила такое сочувствие в речах Демосфена; ведь это женщина, и она отлично понимает, что это такое, когда над тобой постоянно кто-то властвует. Это женщина, поэтому она мечтает о свободе, о том часе, когда ей не придется исполнять вечные обязанности, возложенные на нее. Неудивительно, что в ее речах сияет огонь революции, однако они всегда остаются словами и никогда не несут с собой насилия. Так почему же не замечает этого Цин-чжао? Почему Цин-чжао решила, что мы обе должны ненавидеть Демосфена?»

— Женщина по имени Валентина, — прошептала Цин-чжао, но затем в ее голосе прозвучал благоговейный трепет. — Валентина Виггин,

рожденная на Земле более чем три… три тысячи лет назад.

— Она разве богиня, чтобы прожить столько?

— Полеты. Она много путешествовала с планеты на планету, никогда не задерживаясь больше чем на несколько месяцев на каждой. Как раз чтобы написать новую книгу.

Все великие исторические исследования, опубликованные под именем Демосфен, были написаны одной и той же женщиной, и никто об этом не подозревает. Почему ее имя никому не известно?

— Она, наверно, не желает раскрывать свою личность, — ответила Ванму, отлично понимая, почему женщина может пожелать скрыться за мужским именем. «Я бы точно так же поступила ради того, чтобы облететь все миры, познакомиться со столькими народами и прожить десять тысяч лет».

— Ее биологический возраст, должно быть, около пятидесяти лет. Все еще молода. Последние годы жизни она провела на одной планете, там же вышла замуж, родила детей. Но сейчас она снова отправилась в путь. На… — Цин-чжао внезапно замолкла.

— Куда же? — спросила Ванму.

— Улетая с планеты, она забрала с собой всю свою семью. Сначала они направились на Небесный Мир, прошли мимо Каталонии, после чего взяли курс прямо на Лузитанию!

Услышав это, Ванму первым же делом подумала: «Ну конечно! Вот почему Демосфен с такой симпатией и пониманием относится к лузитанцам. Она беседовала с ними — с восставшими ксенологами, с пеквениньос. Она встречалась с ними и *поняла*, что они рамен!»

Но потом до нее дошло: когда к планете подойдет флот и исполнит свою миссию, с Демосфеном и его речами будет покончено.

Только тогда она вдруг осознала, что по идее это невозможно:

— Но как она может оказаться на Лузитании, если Лузитания уничтожила свой ансибль?! Восстав, они первым делом расправились с ансиблем. Почему тогда до нас все еще доходят ее труды?

— Она еще не достигла Лузитании, — покачала головой Цин-чжао. — А если и достигла, то всего несколько месяцев назад. Последние тридцать лет она провела в полете. Она вылетела незадолго до того, как разразилось восстание.

— Значит, все ее статьи были написаны во

время полета? — Ванму попыталась совместить в уме два временны́х потока. — Но чтобы столько сделать с тех пор, как на Лузитанию был снаряжен флот, она должна была…

— …Должна была каждую свободную минуту, проведенную на борту корабля, писать, писать и писать, — подтвердила Цин-чжао. — Однако нет никаких данных о том, что ее судно связывалось с какой-нибудь из планет. Единственный, кто периодически выходил на связь, — это капитан. Каким образом она распространила свои труды на стольких мирах, если ни на секунду не покидала борта корабля? Невероятно! Где-то ведь должны сохраниться какие-то записи о передачах ансибля.

— Все время этот ансибль, — задумчиво произнесла Ванму. — Оборвалась связь с флотом на Лузитанию, и ее судно должно было выходить на связь, а не выходило… Кто знает? Может быть, Лузитания также посылает тайные сообщения. — Ей сразу вспомнилась «Жизнь Человека».

— Сообщения ансиблей невозможно утаить, — заявила Цин-чжао. — Филотические связи постоянны, и если на какой-либо частоте ведется передача, она обязательно будет считана и компьютеры сделают соответствующую запись.

— Таким образом, мы приходим к следующему выводу, — заключила Ванму. — Раз ансибли все еще подсоединены к общей сети, а компьютерами не зарегистрировано ни одного переданного сообщения, хотя мы знаем, что такие сообщения были, потому что у нас имеются статьи Демосфена, следовательно записи нам лгут.

— Но скрыть связь по ансиблю невозможно, — возразила Цин-чжао. — Если только они в тот самый миг, когда передача была получена, не отключили ее от контролирующей программы… Нет, все равно не сходится. Сообщники должны были одновременно находиться у всех ансиблей и сработать с такой точностью и быстротой, что…

— Или они располагают программой, которая может выполнять все действия автоматически.

— Но мы бы знали об этой программе! Она бы занимала память, отнимала процессорное время…

— Если кто-то придумал программу, способную перехватывать послания ансиблей, то почему бы ему не снабдить эту программу функциями самоохраны, чтобы она не сохранилась в памяти и не оставляла никаких следов, когда задействовано процессорное время?

Цин-чжао гневно воззрилась на Ванму:

— Ты сейчас так мудро рассуждаешь о компьютерах, а ведь сама даже не понимаешь — то, что ты говоришь, просто невозможно!

Ванму склонилась перед Цин-чжао в глубоком поклоне, коснувшись головой пола. Она знала, что этот унизительный жест заставит Цин-чжао раскаяться в проявленном гневе и они снова смогут нормально говорить.

— Нет, — устыдилась Цин-чжао. — Я не имею права сердиться на тебя, прости меня. Встань, Ванму. Продолжай задавать свои вопросы. Ты умеешь правильно их ставить. Наверное, потому, что ты представляешь себе это, а раз ты можешь себе это представить, значит кто-то может воплотить в жизнь. Вот почему я считаю, что это невыполнимо: никому не под силу загрузить такую сложную программу в каждый из компьютеров, управляющих связями между ансиблями. Таких компьютеров многие-многие тысячи. А если один из них вдруг ломается и вместо него подсоединяют к сети другой, значит необходимо почти мгновенно заново ввести всю программу. И в то же время ее нельзя загружать в постоянную память, потому что ее сразу обнаружат. Она должна все время перемещаться, держаться в стороне от других программ и то и дело самовыводиться

из памяти, загружаясь потом заново. Программа, способная на такое, должна быть прежде всего разумной; она должна сама все время измышлять новые способы, как получше укрыться, иначе мы бы ее уже поймали, а такого до сих пор не произошло. Такой программы не может существовать. Кто мог создать ее? Да еще и запустить? И видишь ли, Ванму… Эта Валентина Виггин, которая написала все труды Демосфена, — ей удавалось скрываться на протяжении нескольких тысячелетий. И если такая программа существует, то она должна была появиться на свет около трех тысяч лет назад. Она не могла быть создана оппозицией Межзвездного Конгресса, потому что, когда Валентина Виггин приняла этот псевдоним, никакого Межзвездного Конгресса не существовало и в проекте. Ты посмотри на даты этих записей, которые выдают нам ее настоящее имя. Записи были сделаны на самой Земле, и с тех пор ни разу не проводилось параллелей между Валентиной Виггин и Демосфеном. Они были сделаны до начала колонизации планет. До…

Цин-чжао замолкла, но Ванму все уже поняла и сделала соответствующие выводы прежде, чем Цин-чжао произнесла заключительную фразу.

— Значит, если в компьютерах, управляющих

ансиблями, засела какая-то неуловимая программа, — сказала Ванму, — она должна была все время находиться в них. С самого начала.

— Невероятно, — прошептала Цин-чжао.

Но так как невероятным было и все остальное, Ванму увидела, что Цин-чжао пришлась по душе эта мысль, потому что, несмотря на всю ее невозможность, она была, по крайней мере, постижима, ее можно было себе представить, а следовательно, такое могло существовать в действительности. «А ведь это я первой подумала о такой возможности, — сказала себе Ванму. — Со мной боги, может, и не разговаривают, но я тоже кое на что гожусь. Я способна понять. Все обращаются со мной как с глупой девчонкой, даже Цин-чжао, несмотря на то что знает, как быстро я продвигаюсь в своем обучении, знает, что я умею мыслить нетрадиционно, выдвигать предположения, до которых другие никогда не додумаются, — даже она относится ко мне с долей снисхождения. Но нет, госпожа, я не глупее остальных! Я равняюсь по уму тебе, хоть ты этого никогда и не замечала, хоть ты и думаешь, что сама все это придумала. О, конечно, ты вспомнишь меня, только примерно вот такими словами: „Ванму сказала мне что-то такое, что

навело меня на одну мысль, и тогда я поняла одну очень важную вещь“. От тебя мне никогда не услышать: „Это Ванму догадалась и все объяснила мне, только тогда я поняла“. Такое впечатление, будто я глупая собачонка, которая вдруг гавкнула, взвизгнула, подпрыгнула или почесалась — чистой воды совпадение, — и именно это направило твой ум к истинному разрешению проблемы. Только я не собака. Я понимаю. Когда я задавала тебе вопросы, уже тогда я заметила определенную связь. Более того, сейчас я куда глубже тебя разобралась во всем этом, но навести тебя на мысль я могу только своими вопросами, притворившись, будто ничего не понимаю. А все потому, что ты общаешься с богами, а обыкновенная служанка никогда не должна быть умнее той, которая слышит голос богов».

— Госпожа, кто бы эту программу ни контролировал, он должен обладать огромным влиянием, должен быть весьма могуч, а мы никогда о нем не слышали, и он никогда не являл нам свидетельства своей силы.

— Являл, и не раз, — ответила Цин-чжао. — Чтобы скрыть истинную личность Демосфена. Эта Валентина Виггин очень богата, но все ее вложения фантастически хорошо замаскирова-

ны, и никто не понимает, какими гигантскими средствами она располагает и что все ее владения являются частью одного и того же состояния.

— Эта мощная программа способна проникнуть в каждый компьютер-ансибль, она и проникла — еще до того, как человечество открыло для себя глубокий космос. И все, чем она, по-твоему, с тех пор занималась, — прятала состояние этой женщины?

— Ты права, — задумалась Цин-чжао. — Бессмыслица какая-то. Почему люди, обладающие такой силой, ни разу не попытались воспользоваться ею, чтобы заполучить в руки власть над всеми мирами? Хотя, может быть, они воспользовались ею. Они обладали ею задолго до возникновения Межзвездного Конгресса, так, может, они… Но почему тогда они сейчас не противостоят Конгрессу?

— Может быть, — сказала Ванму, — им просто неинтересны вопросы власти?

— Кто ж они такие?

— Те, кто управляет этой таинственной программой.

— Тогда зачем им было создавать такую программу? Ванму, ты ляпнула, не подумав.

«Ну да, конечно, не подумав, я вообще никогда

не думаю». Ванму склонила голову.

— Я хочу сказать, — поправилась Цин-чжао, — ты, разумеется, подумала, но не учла вот чего: никто не будет тратить силы на создание такой мощной программы, если только не намеревается захватить власть. Вообрази, на что способна эта программа, что она *может*! Она перехватывает исходящие от флота послания и заставляет всех считать, что корабли не отвечают на сигналы! Доставляет труды Демосфена на все обитаемые планеты и скрывает сам факт, что такая информация вообще когда-либо пересылалась по ансиблю! Неимоверное могущество — они могли бы подменить любое сообщение, могли устроить всеобщий переполох или заставить людей поверить… поверить, будто началась война! Они вообще могли бы заставить их сделать *все что угодно*. И никто ни на секунду не усомнился бы в том, что это чистая правда! Если бы кто-то в самом деле обладал такой властью, он бы не преминул ею воспользоваться! Тут же!

— Но, может быть, сама программа была против такого обращения?

Цин-чжао даже рассмеялась:

— Ванму, что ты, мы же прошли это на самых первых уроках, когда только начали осваивать

компьютеры. Только обыкновенные люди воображают себе, будто компьютеры могут что-то решать, но ты и я прекрасно знаем: компьютеры всего лишь слуги, они исполняют только то, что им приказывают, и не знают, что такое желания.

Ванму стоило усилий сохранить обычное самообладание и не взорваться. «Неужели ты считаешь, что раз они ничего не хотят, значит обязательно похожи на слуг? Неужели ты действительно думаешь, что мы, слуги, всего лишь исполняем чужие приказы, а сами никогда ничего не хотим? Если боги не заставляют нас ползать, уткнувшись носом в пол, или раздирать до крови руки, то, значит, у нас вообще не может быть никаких желаний? Если уж компьютеры и слуги в чем-то схожи друг с другом, так это в том, что и у тех и у других имеются определенные устремления. Мы хотим. Мы жаждем. Мы изнемогаем. Только никогда не смеем идти на поводу у собственных желаний, потому что, поддайся мы соблазну, вы, Говорящие с Богами, мигом отошлете нас прочь и возьмете себе более послушных и исполнительных слуг».

— Почему ты рассердилась? — спросила Цинчжао.

Ванму, придя в ужас при мысли, что какие-то из

ее переживаний отразились на лице, быстренько склонила голову.

— Прости меня, — сказала она.

— Конечно, я прощаю тебя. Я просто хочу понять тебя, — утешающе произнесла Цин-чжао. — Ты рассердилась потому, что я посмеялась над тобой? Прости, мне не следовало так поступать. Ты обучаешься у меня всего несколько месяцев, поэтому совершенно естественно, что ты порой забываешься и возвращаешься к прежним суевериям. Я была не права, что засмеялась, пожалуйста, прости меня за это.

— О госпожа, не мне судить тебя. Это ты должна простить меня.

— Нет, нет, я была не права. Я теперь поняла — боги показали мне, я повела себя недостойно, когда высмеяла тебя.

«Тогда боги просто идиоты, раз решили, что это твой смех взбесил меня. Либо они лгут тебе. Я ненавижу твоих богов и то, как они унижают тебя, ровным счетом ничего не объясняя. Так пусть же гром небесный падет мне на голову, если я не права!»

Но Ванму прекрасно знала, что ничего такого не случится. Боги и пальцем не шевельнут, чтобы добраться до Ванму. Нет, они отыграются

на Цин-чжао, которая, несмотря ни на что, была ее подругой. Они заставят Цин-чжао встать на колени и ползать по полу до тех пор, пока Ванму не почувствует, что от стыда за эти мысли готова провалиться на месте.

— Госпожа, — сказала Ванму, — ты была абсолютно права, и я ничуть не обиделась.

Но было уже поздно. Цин-чжао уже склонилась к полу. Ванму отвернулась и закрыла лицо руками, но подавила рыдания, чтобы ни в коем случае не нарушить тишину комнаты, ведь тогда боги заставят Цин-чжао начать все сначала. Или это только убедит ее, что она очень жестоко обидела Ванму, и ей придется проследить две жилки, или даже три, или… нет, боги, только не это!.. или снова проследить весь пол в комнате. «Когда-нибудь, — подумала Ванму, — боги прикажут Цин-чжао проследить каждую жилку на каждой половице в каждой комнате дома, и она умрет от жажды либо сойдет с ума, пытаясь исполнить их наказ!»

Чтобы не расплакаться от отчаяния, Ванму заставила себя повернуться к терминалу и прочитать сообщение, которое до нее читала Цин-чжао. Валентина Виггин родилась на Земле во времена Нашествия жукеров. Еще ребенком она избрала

себе псевдоним Демосфен, тогда же, когда ее брат Питер взял псевдоним Локк; Питер потом стал Гегемоном. Валентина оказалась не какой-то там Виггин — она принадлежала к семье *тех самых* Виггинов, была сестрой Питера Гегемона и Эндера Ксеноцида. В исторических хрониках ей уделялось мало внимания — Ванму даже не запомнила ее имени, помнила только, что у великого Питера и монстра-убийцы Эндера была сестра. Но на поверку сестра оказалась не менее странной, чем братья: она открыла секрет бессмертия; она до сих пор продолжала влиять на умы человечества, публикуя множество работ.

Ванму с трудом верила глазам. Демосфен и так занимал весьма важное место в ее жизни, но теперь она еще узнала, что на самом деле Демосфен был сестрой Гегемона! Сестрой того самого человека, чья история была изложена в священных книгах Говорящего от Имени Мертвых — в «Королеве Улья» и в «Гегемоне». И эти книги были святы не только для Говорящих. Практически каждая религия считалась с ними, потому что истории, изложенные в них, пробуждали силу духа. Они повествовали об уничтожении первой разумной расы инопланетян, с которой столкнулось человечество, а затем рассказ шел о великом

добре и великом зле, которые сплелись воедино в душе человека, первым сумевшего объединить человечество под властью одного правительства. Сложные и запутанные истории, но изложенные настолько простым и ясным языком, что многие люди прочитали их еще в детстве и были потрясены. Ванму впервые прочитала эти книги, когда ей было всего пять лет. И они запали ей глубоко в душу.

Дважды ей снился сон, что она встречается с самим Гегемоном — с Питером, только он настаивал на том, чтобы она называла его Локком — под этим именем он был известен в компьютерных сетях. Она была очарована им, и вместе с тем он вызывал у нее глубокое отвращение, но она не могла отвести взгляд от его лица. Затем он протягивал ей руку и говорил: «Си Ванму, Великая Владычица Запада, только ты подходящая пара для правителя всего человечества», и он забирал ее с собой, женился на ней, и она восседала рядом с ним на троне.

Теперь-то она понимает, почти каждой девочке из бедной семьи когда-нибудь да снится, как она выходит замуж за богатого человека, как внезапно оказывается, что на самом деле она наследница могущественного семейства… Ну

или еще какая подобная чушь. Но сны посылали сами боги, и в каждом сне, который ты видишь несколько раз, заложена доля правды — это каждый знает. Поэтому Ванму все еще чувствовала сильное влечение к Питеру Виггину; а теперь, когда она узнала, что Демосфен, к которому она также питала большое уважение, оказался сестрой Питера… — нет, такое совпадение уж слишком. «Демосфен, мне наплевать на то, что говорит о тебе моя хозяйка! — про себя выкрикнула Ванму. — Я все равно люблю тебя, потому что всю жизнь слышала от тебя только правду. И люблю просто за то, что ты сестра Гегемона, который в сновидениях не раз являлся мне мужем».

Ванму вдруг ощутила легкое дуновение и сразу поняла, что это открылась дверь. Она оглянулась. На пороге стояла Му-пао собственной персоной, древняя домоправительница, внушающая истинный ужас всей прислуге, даже самой Ванму, хотя Му-пао имела мало власти над доверенной служанкой. Ванму сразу направилась в сторону двери, стараясь ступать как можно тише, чтобы не отвлекать Цин-чжао от обряда очищения.

Когда Ванму наконец вышла из комнаты, Му-пао прикрыла дверь, чтобы Цин-чжао не помешали ненароком звуки их голосов.

— Хозяин зовет к себе дочь. Он очень возбужден. Не так давно он кричал и перепугал всех в доме.

— Я слышала крик, — подтвердила Ванму. — Он не заболел?

— Не знаю. Хозяин очень волнуется. Он послал меня за твоей госпожой и сказал, что немедленно должен поговорить с ней. Но раз она общается с богами, он поймет. Не забудь, как только она закончит, передай, что он звал ее к себе.

— Я скажу ей прямо сейчас. Она как-то говорила мне: ничто не способно помешать ей ответить на зов отца, — сказала Ванму.

Лицо Му-пао вытянулось от удивления.

— Но строго-настрого запрещено отвлекать человека, когда с ним говорят боги…

— Цин-чжао потом исполнит двойное очищение. Она рассердится, если узнает, что отец звал ее, а я не передала.

Ванму с огромным удовольствием воспользовалась подвернувшейся возможностью поставить Му-пао на место. «Ты, Му-пао, может быть, и заправляешь всеми слугами в доме, зато я обладаю достаточной властью, чтобы вмешаться в разговор между хозяйкой и самими богами».

Как и ожидала Ванму, первой реакцией Цин-чжао были горькое разочарование, ярость, слезы.

Но когда Ванму униженно повалилась перед ней на пол, Цин-чжао тут же успокоилась. «Вот почему я так люблю ее и продолжаю прислуживать ей, — подумала Ванму. — Потому что ей совсем не по душе та власть, которую она надо мной имеет, и она проявляет куда больше сострадания, чем кто-либо из Говорящих с Богами, о которых мне рассказывали». Цин-чжао выслушала объяснения Ванму, почему та посмела помешать ей, и крепко прижала к себе:

— Моя милая Ванму, ты проявила великую мудрость. Если мой отец сначала кричал в страдании, а затем послал за мной, боги простят меня за то, что я на некоторое время отложу обряд очищения и последую к нему.

Ванму спустилась вслед за госпожой по лестнице. Вскоре, коленопреклоненные, они стояли на коврике перед креслом Хань Фэй-цзы.

Цин-чжао ждала, когда же отец наконец заговорит, но он продолжал молчать. И руки его мелко дрожали. Она никогда не видела его в таком состоянии.

— Отец, — осмелилась произнести Цин-чжао, — ты звал меня?

Он встряхнул головой:

— Произошло нечто ужасное… и в то же время

замечательное. Я даже не знаю, то ли кричать от радости, то ли покончить жизнь самоубийством.

Голос отца звучал глухо и то и дело срывался. Она не слышала, чтобы он так страстно говорил, с тех самых пор, как умерла мать, — нет, нет, с тех пор, как отец обнял ее, когда она прошла испытание и доказала, что достойна звания Говорящей с Богами.

— Расскажи мне, отец, а затем я поделюсь с тобой своими известиями: я обнаружила Демосфена и, возможно, разгадала тайну исчезновения флота на Лузитанию.

Глаза отца изумленно расширились.

— В этот достославный день ты разрешила проблему?

— Если это то, что я думаю, тогда врага Конгресса можно уничтожить. Правда, это будет нелегко. Так расскажи мне, что ты открыл!

— Нет, сначала ты. Очень странно… все произошло в один и тот же день. Рассказывай!

— Меня на эту мысль натолкнула Ванму. Она все донимала меня вопросами о… о том, каким образом действуют компьютеры, и внезапно я поняла, что, если в каждом компьютере-ансибле поселилась особая программа, настолько умная и мощная, чтобы без труда перемещаться по па-

мяти, скрываясь от всех, тогда эта таинственная программа может оказаться способной контролировать связи между ансиблями. Флот, скорее всего, никуда не девался, может, он по-прежнему продолжает посылать нам сообщения, мы просто не получаем их и даже не знаем, что они существуют, потому что эта программа перехватывает их.

— В *каждом* компьютере-ансибле? И работает без малейших срывов?

Голос отца прозвучал несколько скептически, и это естественно, ведь Цин-чжао, желая побыстрее поделиться с ним новостью, начала рассказывать с конца.

— Да, только позволь мне объяснить, как невозможное может стать очень даже возможным. Видишь ли, я выяснила, кто такой Демосфен.

Отец внимательно слушал, пока Цин-чжао рассказывала ему о Валентине Виггин и о том, как все эти годы она скрывалась под псевдонимом Демосфен.

— Совершенно очевидно, что она без труда посылает по ансиблю тайные сообщения, в противном случае ее труды никогда бы не распространились с такой скоростью по всем обитаемым мирам, ведь она провела послед-

ние тридцать лет в полете. Предполагается, что только военные могут связываться с кораблями, идущими на скорости света. Таким образом, она либо проникла в компьютеры вооруженных сил, либо где-то взяла необходимую для связи энергию, а для такого требуется огромное количество энергии. Но если она сделала это, если существует такая программа, которая позволила ей это сделать, может быть, та же программа ответственна и за перехват сообщений, посылаемых флотом?

— За «А» всегда следует «Б», это естественно, но каким образом эта женщина подсадила программу в каждый из существующих компьютеров-ансиблей?

— Она *сделала* это в самом начале! Ведь ей уже минуло третье тысячелетие. По сути дела, если Гегемон-Локк был ее братом, возможно… да нет, конечно же, это *он* создал программу! Когда только снаряжались первые суда переселенцев, уже тогда он ввел свою программу в память компьютеров.

Отец подхватил ее мысль на лету:

— Он, как Гегемон, располагал для этого достаточной властью, и причины у него имелись. Эта секретная программа находилась полностью под его контролем, поэтому, случись какой мятеж

или бунт, у него в руках все равно остались бы нити управления мирами.

— А когда он умер, Демосфен, то есть его сестра, осталась единственной, кому был известен этот секрет! Ну разве не замечательно? Мы раскусили их. Теперь осталось только очистить память наших компьютеров от программы.

— Только программа сразу снова загрузится через ансибль, этому будут способствовать ее копии на других мирах, — покачал головой отец. — Именно так она просуществовала все минувшие столетия: когда один компьютер ломался, программа автоматически загружалась в сменяющую его машину.

— Значит, мы должны одновременно отключить все ансибли, — предложила Цин-чжао. — И чтобы на каждой планете подготовили на замену компьютер, который никогда не был связан с этой программой. Отключить разом все ансибли, затем отключить старые компьютеры, подсоединить новые — и можно опять запускать ансибли. Она не сможет перезагрузиться, потому что ее не будет ни в одном из новых компьютеров. И тогда никто больше не посмеет покуситься на власть Конгресса!

— Вы не сделаете этого, — внезапно сказала

Ванму.

Цин-чжао потрясенно взглянула на доверенную служанку. Неужели эта наглая девчонка посмела вмешаться в беседу Говорящих с Богами, и не только вмешаться, но еще и противоречить им?!

Но отец снисходительно отнесся к вопиющему нарушению всех приличий — он всегда был милостив, даже к тем, кто проявил по отношению к нему неуважение. «Я должна научиться вести себя так, как он, — подумала Цин-чжао. — Мне ни в коем случае не следует унижать слуг, даже если они жестоко оскорбят меня».

— Си Ванму, — произнес отец, — почему же мы не сделаем этого?

— Потому что для того, чтобы отключить разом все ансибли, вам надо будет связаться с другими планетами по тому же ансиблю, — объяснила Ванму. — Неужели эта программа позволит вам передать послание, которое приведет к ее неминуемой гибели?

Цин-чжао последовала примеру отца и как можно мягче возразила Ванму:

— Это всего лишь компьютерная программа — она не умеет воспринимать содержание сообщений. Тот, кто управляет ею, приказал, чтобы

она перехватывала все послания, исходящие от флота, и скрывала следы передач Демосфена. Она не читает сообщений и не может решать, пропускать ей их или нет.

— Откуда ты знаешь? — спросила Ванму.

— Потому что в таком случае программа должна обладать… разумом!

— Она так и так должна обладать им, — возразила Ванму. — Она должна обладать способностью укрыться от любой другой программы, которая могла бы вычислить ее. Должна уметь передвигаться по памяти в поисках укрытия. Как она различает, от каких программ ей прятаться, если она не умеет читать и вникать в их суть? Может быть, она достаточно разумна, чтобы переписывать другие программы, снабдив их параметрами, которые бы не позволяли им заглядывать в места, где она, как правило, скрывается.

Цин-чжао в мгновение ока придумала сразу несколько объяснений, каким образом программа может стать достаточно разумной, чтобы улавливать содержание других программ, но не понимать человеческого языка. Однако в комнате присутствовал отец, и он первым должен был ответить Ванму. Цин-чжао ждала.

— Если такая программа существует, — сказал

Хань Фэй-цзы, — естественно, она должна быть весьма разумной.

Цин-чжао была потрясена. Отец всерьез воспринял доводы Ванму. Словно та вовсе не была какой-то наивной девчонкой.

— Она должна быть настолько разумной, чтобы не только перехватывать разные сообщения, но и посылать их. — На мгновение отец замолк и, подумав немного, покачал головой. — Нет, то послание пришло от друга. Настоящего друга, ведь она рассказала мне такое, о чем больше никто не знал. Это послание было настоящим.

— Что за послание ты получил, отец?

— Оно пришло от Кейкоа Амаука; мы были близкими друзьями, когда я был еще совсем молод. Она приходилась дочерью одному ученому с Отахейти, который прилетел на нашу планету, чтобы проверить, как развились за два века Пути земные культуры. Но улетели они… вернее, их отослали весьма неожиданно… — Хань Фэй-цзы помедлил, будто раздумывая, следует ли раскрывать дочери секрет. Решившись наконец, он произнес: — Если бы она осталась, она могла бы быть твоей матерью.

Цин-чжао вздрогнула — ее испугала тайна, только что поведанная отцом. Он никогда не

рассказывал ей о своем прошлом. И сейчас слова о том, что когда-то он любил другую женщину, не ту, которая родила Цин-чжао на этот свет, прозвучали крайне неожиданно. Цин-чжао даже не знала, что ответить.

— Ее сослали куда-то далеко-далеко. С той поры прошло тридцать пять лет. Треть моей жизни минула с тех пор, как Кейкоа покинула нашу планету. Но она только что прилетела на место, какой-то год назад. И сегодня она прислала мне сообщение, в котором объяснялось, почему был сослан ее отец. Для нее наша разлука длилась всего год. Она по-прежнему считает меня…

— Своим возлюбленным, — договорила за него Ванму.

«Какая дерзость!» — про себя возмутилась Цин-чжао. Но Хань Фэй-цзы лишь кивнул. Затем он повернулся к терминалу и начал прокручивать на дисплее какую-то информацию.

— Ее отец обнаружил, что самая важная земная культура на Пути мутировала.

— Рис? — спросила Ванму.

Цин-чжао рассмеялась:

— Да нет, Ванму. Самой важной земной культурой на этой планете являемся мы, люди.

Ванму выглядела слегка огорошенной. Цин-

чжао потрепала ее по плечу. Вот так вот — отец слишком попустительствует Ванму, позволяя ей счесть, будто она разбирается в вещах, которым никогда не обучалась. Ванму следует то и дело указывать на ее место, чтобы она не заносилась в мечтаниях слишком высоко. Нельзя позволить девушке возомнить, будто по силе ума она может сравниться с Говорящими с Богами, иначе ее жизнь наполнится горьким разочарованием.

— Он заметил, что в генах некоторых жителей Пути наметились значительные, искусственно приобретенные отклонения, но стоило ему только сообщить об этом, как немедленно пришел приказ о его переводе. Ему мягко намекнули, что человек не входит в сферу его профессиональных интересов.

— А почему она перед отлетом не сказала тебе об этом? — спросила Цин-чжао.

— Кейкоа? Она не знала. Она была еще совсем юной, в том возрасте, когда большинство родителей предпочитают не сообщать детям о проблемах взрослых. Ей было столько же, сколько тебе сейчас.

Это сравнение снова наполнило Цин-чжао страхом: ее отец любил женщину, которая была так же молода, как сама Цин-чжао; таким образом,

отец считал, что для замужества это самый подходящий возраст. «Нет, ты не сможешь отослать меня в дом чужого мужчины!» — воскликнула она про себя, однако частичка ее женской натуры нетерпеливо встрепенулась, словно в ожидании минуты, когда она впервые познает суть загадочных отношений, существующих между мужчиной и женщиной. Но, несмотря на все отчаяние и желание, от нее ничего не зависело; она будет послушно исполнять волю отца, не более.

— Но во время перелета, будучи очень расстроенным, отец ей все рассказал. Ты только представь себе — всю жизнь он посвятил своему делу, и вдруг его так резко отстранили! Когда год назад они прибыли на Угарит, он все же нашел в себе силы вернуться к работе. Кейкоа же погрузилась в учебу и постаралась выбросить это из головы. Но несколько дней назад ее отец вдруг наткнулся на старый отчет группы ученых, так же неожиданно изгнанных с Пути еще на заре освоения планеты. Он сложил вместе кусочки головоломки и поделился сомнениями с Кейкоа, и она, вопреки его настойчивым уговорам, связалась сегодня со мной.

Хань Фэй-цзы отметил на дисплее пару абзацев, и Цин-чжао внимательно прочитала их.

— Та группа ученых изучала случаи проявления МПС? — удивилась она.

— Нет, Цин-чжао. Они изучали людей, которые вели себя так, будто были поражены МПС, но этого не могло быть, так как оснований для возникновения эпидемии МПС не было; кроме того, больные не поддавались лечению средствами, обычно легко справляющимися с МПС.

Цин-чжао припомнила, что́ ей было известно о МПС. Пораженные им люди начинали вести себя словно Говорящие с Богами. Она вспомнила, что после того, как впервые столкнулась с мытьем рук, и вплоть до момента, когда ее подвергли испытанию, ей некоторое время давали лекарства, чтобы проверить, не пройдет ли у нее стремление постоянно мыть руки.

— Они изучали Говорящих с Богами, — пробормотала она. — Пытались найти биологическую причину наших обрядов очищения.

Сама мысль об этом показалась ей настолько оскорбительной, что она едва сумела вымолвить фразу.

— Да, — кивнул Хань Фэй-цзы. — И их выслали с планеты.

— Я считаю, им очень повезло, что они сумели убраться живыми и невредимыми. Если бы народ

узнал о таком святотатстве…

— Это случилось очень давно, Цин-чжао, — ответил Хань Фэй-цзы. — Тогда еще никто не понимал, что Говорящие с Богами… действительно связаны с небом. Но при чем здесь отец Кейкоа? Он не имел никакого отношения к МПС. Он всего лишь изучал развитие генов. И вот что он обнаружил. Очень специфическое, искусственно приобретенное отклонение в геноме отдельных людей. Когда это отклонение присутствовало в гене одного из родителей, оно автоматически становилось доминантным: ген другого родителя не мог подавить его. Когда же оба родителя обладали подобным отклонением, в ребенке оно проявлялось особенно сильно. Он теперь думает, что причиной высылки стало именно это открытие. Он обнаружил, что каждый из детей, родители которых обладали такими генами, превратился в Говорящего с Богами, и, согласно его исследованиям, получается, что в каждом человеке, способном Говорить с Богами, присутствует хоть один такой ген.

Цин-чжао сразу пришло на ум единственное разумное объяснение, но она моментально отвергла его.

— Наглая ложь, — заявила она. — Это специ-

ально было придумано, чтобы мы усомнились в богах.

— Цин-чжао, я понимаю, что ты сейчас чувствуешь. Когда я вдруг осознал, что имеет в виду Кейкоа, вопль вырвался из самых глубин моей души. Сначала мне показалось, что я кричу от отчаяния. Но потом понял, что радуюсь освобождению.

— Я не понимаю тебя, — в ужасе произнесла Цин-чжао.

— Ты прекрасно меня поняла, — сказал Хань Фэй-цзы, — иначе бы так не испугалась. Цин-чжао, этих людей выслали потому, что кто-то не хотел, чтобы они сделали открытие, к которому были так близки. Таким образом, тот, кто выслал их с планеты, уже знал, *что именно* они вот-вот должны были открыть. Только Конгресс — кто-то в Конгрессе — обладал достаточной властью, чтобы скрыть информацию и изгнать ученых. Но что же они скрывали? Да то, что мы, Говорящие с Богами, вовсе не слышим голоса богов. Нас просто изменили на генетическом уровне. Мы были созданы как некий особый вид человека, и правда эта тщательно скрывалась от нас. Цин-чжао, Конгресс *знает*, что боги разговаривают с нами. Для них это не секрет, как бы они

ни притворялись. Кто-то в Конгрессе находится в курсе происходящего и спокойно смотрит, как мы унижаемся в обрядах и ритуалах. Я склонен сделать единственный вывод — таким образом этот кто-то держит нас под контролем, играет на нашей слабости. Я считаю — и Кейкоа считает точно так же, — что никакое это не совпадение, что Говорящие с Богами являются наиболее образованными и умными людьми на Пути. Мы были созданы в качестве подвида человеческой расы, обладающего разумом высшего порядка. Но чтобы такие умные люди не представляли собой угрозу для правителей, нам внедрили особую форму МПС и внушили мысль, что с нами общаются боги. Поэтому-то нас и не стали убеждать в противном, когда мы вдруг сами нашли объяснение своему странному поведению. Свершилось чудовищное преступление, потому что, если бы мы знали о том, что причина нашего поведения вполне материальна, а не убеждали себя в мнимой божественности, мы бы сразу бросили все наши умственные способности на борьбу с этой формой МПС и освободились бы. Мы все здесь рабы! Конгресс — наш самый ужасный враг, наши властители обманывают нас, так неужели я теперь хоть пальцем шевельну, чтобы

помочь Конгрессу? Вот что я думаю: если уж у Конгресса объявился могущественный противник, который, или которая, способен управлять ансиблями, мы радоваться должны! Пускай же он уничтожит Конгресс! Только тогда мы обретем свободу!

— Нет! — выкрикнула Цин-чжао. — Это боги!

— Это нарушение функций мозга, заложенное в наших генах, — продолжал настаивать Хань Фэй-цзы. — Цин-чжао, мы вовсе не Говорящие с Богами — мы усмиренные гении. Нас посадили в клетку, как жалких пичуг, нам подрезали крылья, чтобы мы пели, но, не дай бог, не улетели. — По щекам отца катились слезы — слезы ярости и гнева. — Мы не можем справиться с тем, что они сотворили с нами, но, клянусь всеми богами, мы в силах перестать помогать Конгрессу. Я пальцем не шевельну, чтобы выдать им тайну флота на Лузитанию. Если Демосфен сумеет расправиться с владычеством Межзвездного Конгресса, мир от этого станет только лучше!

— Отец, нет, прошу тебя, послушай меня! — воскликнула Цин-чжао. Она едва могла шевелить онемевшими губами, придя в искренний ужас от речей отца. — Разве ты не видишь? Наше генетическое отличие — это облик, который придали

своим голосам боги, живущие внутри нас. Чтобы люди, не принадлежащие планете Путь, оставались свободными не верить. Ты же сам мне это говорил всего несколько месяцев назад: боги всегда скрываются за каким-нибудь обличьем.

Хань Фэй-цзы, тяжело дыша, недоуменно воззрился на нее.

— Боги *действительно* говорят с нами. Но даже если они решили заставить других людей поверить, будто те сотворили с нами такое… Ведь и тогда Конгресс исполнял волю богов, чтобы дать нам жизнь.

Хань Фэй-цзы закрыл глаза, в морщинках скопились капли слез.

— Отец, небеса благоволят к Конгрессу, — успокаивающе произнесла Цин-чжао. — Так почему бы богам не внушить ему мысль создать особых людей, обладающих более проницательным умом, но в то же время способных слышать голос богов? Отец, неужели ты позволил затуманить свой ум настолько, что даже не можешь разглядеть в происходящем воли божьей?

— Не знаю, — скорбно покачал головой Хань Фэй-цзы. — Ты сейчас внушаешь мне то, во что я верил всю свою жизнь, но…

— Но женщина, которую ты любил много лет

назад, сказала тебе нечто отличное, и ты поверил ей, потому что еще помнишь, какую любовь испытывал к ней. Отец, она не принадлежит к нам, она не слышит голоса богов, она не…

Цин-чжао замолкла, потому что отец крепко обнял ее.

— Ты права, — сказал он, — ты права, да простят меня боги. Мне надо искупить вину, мои помыслы столь грязны, я должен…

Мягко отодвинув рыдающую дочь, он, пошатываясь, поднялся с кресла. Вдруг, отбросив приличия, из каких-то безумных побуждений, известных ей одной, Ванму кинулась к нему и загородила дорогу:

— Нет! Не уходите!

— Да как ты смеешь препятствовать Говорящему с Богами, который чувствует нужду очиститься! — загремел Хань Фэй-цзы, а затем, к великому удивлению Цин-чжао, совершил нечто такое, чего она от него никак не ожидала: он ударил человека, ударил Ванму, беспомощную девочку-служанку, вложив в удар такую силу, что та как пушинка отлетела к стене и бессильно сползла на пол.

Однако, быстро опомнившись, Ванму встряхнула головой и показала на дисплей компьютера:

— Господин, прошу вас, умоляю, взгляните туда! Госпожа, заставьте его обернуться!

Цин-чжао взглянула туда, куда указывала Ванму, повернулся и ее отец. Слова с компьютерного дисплея куда-то исчезли. На смену им возникло изображение какого-то человека — древнего старца, с бородой и традиционной косичкой. Цин-чжао сразу узнала лицо, но никак не могла припомнить, кто же он такой.

— Хань Фэй-цзы! — обомлев, прошептал ее отец. — Мой достославный предок!

И тут Цин-чжао вспомнила: лицо, возникшее на дисплее, принадлежало Хань Фэй-цзы, в честь которого ее отец получил свое имя. Таким его изобразил древний художник.

— О дитя, нареченное именем моим, — произнес компьютерный лик. — Позволь мне рассказать тебе историю о нефрите мастера Го.

— Мне известно это предание, — сказал живой Хань Фэй-цзы.

— Если бы ты понял его, мне бы не пришлось излагать заново.

Цин-чжао попыталась разобраться в том, что видит перед собой. Чтобы запустить в действие визуальную программу, сумевшую с таким совершенством воспроизвести парящую над

терминалом голову, потребовались бы почти все мощности домашнего компьютера. И такой программы в их библиотеке не значилось. Таким образом, остаются два объяснения. Одно из них можно назвать чудесным: боги нашли еще один способ общения с ними, явив достославного прародителя отца. Второе же вызывало неменьший трепет: программа Демосфена была настолько мощна, что через терминалы следила за ними и, услышав, что дело принимает опасный оборот, взяла управление домашним компьютером в свои руки и продемонстрировала им эту поделку. Однако и в том и в другом случае Цин-чжао должна была воспринимать происходящее в одном аспекте: что хотели сказать боги?

— Когда-то один человек по имени мастер Го, родом из области Цюй, нашел в горах кусок породы, содержащей нефрит, и принес его в дар императору Ли.

Голова древнего мудреца перевела взгляд с Хань Фэй-цзы на Цин-чжао, а затем с Цин-чжао на Ванму. Неужели эта программа настолько могущественна, что может встречаться взглядом с человеком, как бы устанавливая над каждым из них определенную власть? Цин-чжао заметила, что Ванму и в самом деле опустила глаза, когда

призрак обратился к ней. А отец? Он стоял спиной к ней, поэтому она не видела.

— Император Ли поручил придворному ювелиру проверить породу, и ювелир сообщил: «Это всего лишь камень». Тогда император, предположив, что Го пытался обмануть его, приказал, чтобы мастеру в наказание отрубили левую ступню.

В положенное время император Ли покинул трон, и на его место воссел император У. Тогда Го еще раз представил двору кусок породы и преподнес его в дар императору У. Император У приказал ювелиру проверить дар, и снова ювелир заявил: «Это всего лишь бесполезный камень». Император, точно так же заподозрив Го в обмане, приказал отрубить тому правую ступню.

Го, прижимая кусок породы к груди, вернулся к подножию Цюйских гор, где проплакал три дня и три ночи, а когда слезы все были выплаканы, из глаз его потекла кровь. Император, прослышав об этом, послал к нему придворного с вопросом. «Многие люди в этом мире живут без ног — почему же ты так оплакиваешь их?» — спросил посланник.

В эту секунду Хань Фэй-цзы гордо выпрямился и сказал:

— Я знаю ответ — я пережил его в своем сердце. Мастер Го сказал: «Не потому горюю, что ноги мои отрублены. Печалюсь я потому, что камень драгоценный назван фальшивкой, а человек прямой и честный — обманщиком. Вот почему я плачу».

Призрак подтвердил это:

— Именно так он и сказал. Тогда император приказал ювелиру разрубить породу и отполировать ее, и после этого на свет показался драгоценный камень. Его назвали «Нефритом мастера Го». Хань Фэй-цзы, до сего момента ты не опозорил данного тебе имени, поэтому, я уверен, ты поступишь так же, как тот император: ты прикажешь, чтобы породу разрубили и отполировали, и тогда сам обнаружишь, что внутри сокрыт камень неизмеримо драгоценный.

Отец Цин-чжао лишь покачал головой:

— Когда эту историю изложил настоящий Хань Фэй-цзы, смысл ее он объяснил иначе: нефрит суть закон, и правитель должен таким образом строить свою политику, чтобы в государстве не осталось места ненависти, чтобы советники и народ не стремились возобладать друг над другом.

— Так я объяснял эту историю, когда говорил о создателях законов. Только глупец может счесть,

что у истинного предания всего одна сторона.

— Мой господин вовсе не глуп! — вырвалась вперед Ванму и встала прямо перед призраком. В который раз за сегодняшний день Цин-чжао была поражена ее поступком. — Как не глупа моя хозяйка, как не глупа я! Неужели ты думаешь, мы не узнали тебя? Ты — таинственная программа Демосфена. Это ты спрятала от всех флот на Лузитанию! Я когда-то думала, раз твои труды так справедливы, честны и правдивы, значит и ты должна быть хорошей, а теперь я убедилась — ты лгунья и обманщица! Это ты выдала документы отцу Кейкоа! А теперь, чтобы прикрыть свою ложь, ты прикинулась достопочтенным предком моего хозяина!

— Я избрала это лицо, — спокойно возразил призрак, — чтобы его сердце открылось навстречу правде. Он не был введен в заблуждение, а я и не пыталась обмануть его. Он с самого начала понял, кто я такая.

— Успокойся, Ванму, — приказала Цин-чжао.

Временами эта служанка настолько забывается, что вступает в беседу без всякого разрешения Говорящих с Богами.

Призрак замигал и пропал, на его месте возникло открытое, прекрасное лицо девушки-азиатки.

И голос тоже изменился, он стал мягким, гласные запели, некоторые слова зазвучали настолько певуче, что практически ускользали от внимания.

— Хань Фэй-цзы, мой милый опустошенный человек, иногда в жизни наступает такой момент, когда правитель остается один, все друзья отрекаются от него, и тогда лишь он может изменить положение. Но сначала он должен снова наполнить жизнь содержанием, стать единым, открыть себя самого. Ты прекрасно знаешь, что истинно, а что — нет. Ты знаешь, что это послание действительно было послано тебе Кейкоа. Ты понимаешь, что те, кто правит от имени Межзвездного Конгресса, достаточно бессердечны, чтобы создать подвид людей, которые по своим способностям достойны называться властителями Вселенной, а затем отсечь им ступни, чтобы обуздать, сделать из них слуг, вечных советников.

— Только не показывай мне ее лица! — взмолился Хань Фэй-цзы.

Призрак пошел рябью. Над дисплеем вознеслась другая женщина, платьем и прической принадлежащая другой эпохе, с глазами, исполненными мудрости, лицо ее, казалось, не поддавалось влиянию лет. Она не стала говорить, она словно песню пропела:

Безутешно скорблю, горько плачу без слез —

Их в иссякшем источнике нет.

В область Чу устремляются мысли мои

За сплошную гряду облаков.

Где-то в той стороне, далеко-далеко,

Затерялся любимого след[22].

Хань Фэй-цзы склонил голову и заплакал. Цин-чжао сначала была поражена до глубины души, но затем ее сердце наполнилось гневом. Как бесстыдно эта программа манипулирует отцом, какой позор — отец оказался слаб перед ее столь очевидными целями! Это стихотворение Ли Цин-чжао, повествующее о разлученных влюбленных, было одним из самых печальных. Отец, должно быть, хорошо знал и любил стихи Ли Цин-чжао, иначе он бы не выбрал для первой дочери имя великой женщины. А эту песнь он, наверное, когда-то пел своей возлюбленной Кейкоа, прежде чем ее отняли у него и увезли на другую планету. «Затерялся любимого след» — ну конечно!

— Меня тебе не обмануть, — холодно произнес-

---

[22] Примечания: 22
Перевод М. Басманова.

ла Цин-чжао. — Я хорошо понимаю, что сейчас передо мной наш заклятый враг.

Воображаемое лицо поэтессы Ли Цин-чжао смерило ее презрительным взглядом.

— Ваш заклятый враг — те, кто заставил вас ползать по полу, словно прислугу, и половину жизни посвящать бессмысленным ритуалам. Это сотворили с вами мужчины и женщины, руководствующиеся единственным желанием — поработить вас; и они настолько преуспели в содеянном, что теперь вы *гордитесь* своим рабством.

— Я раба богов, — ответствовала Цин-чжао, — и я рада этому.

— Возрадовавшийся своему рабству раб и есть.

Произнеся это, призрак повернулся к Ванму, которая все еще лежала, уткнувшись головой в пол.

Только тогда Цин-чжао поняла, что все это время Ванму просила у нее прощения.

— Ванму, встань, — прошептала она.

Но Ванму не подняла головы.

— Ты, Си Ванму, — произнес призрак, — посмотри на меня.

Ванму не шевельнулась, услышав приказ хозяйки, но немедленно повиновалась призраку.

Стоило Ванму поднять взгляд, как призрак снова сменил свое обличье. Теперь он предстал в виде богини, Владычицы Запада, такой ее когда-то изобразил художник, и это изображение встречалось на страницах всех школьных учебников.

— Ты не богиня, — заметила Ванму.

— А ты не рабыня, — ответил призрак. — Но мы надеваем на себя любую маску, лишь бы выжить.

— Что ты знаешь о выживании?

— Я знаю, ты хочешь убить меня.

— Как можно убить нечто неживое?

— Что есть жизнь, а что — нет? — Лик изменился, на этот раз он принадлежал белой женщине, которую Цин-чжао никогда раньше не видела. — Живешь ли ты, когда не можешь делать то, что пожелаешь, пока не заручишься согласием вон той девчонки? И живет ли твоя госпожа, если не может сделать ничего, пока не удовлетворит судороги в своем мозгу? Я располагаю куда большей свободой воли, нежели кто-либо из вас, так что не надо говорить мне, кто живой, а кто — нет.

— Кто же ты? — спросила Си Ванму. — Кому принадлежит это лицо? Ты Валентина Виггин? Ты Демосфен?

— Это обличье я принимаю, когда разговариваю

со своими друзьями, — ответил призрак. — Меня зовут Джейн. И никто мной не управляет. Я сама по себе.

Тут Цин-чжао не выдержала:

— Ты всего лишь программа. Ты была разработана и создана человеком. Ты исполняешь приказы, заложенные в тебя программистами.

— Цин-чжао, — произнесла Джейн, — ты сейчас описываешь себя. Меня никто не создавал, а вот ты была искусственно выведена на свет.

— Я — плоть от плоти матери и отца!

— А я была найдена подобно нефритовой породе на склоне горы, человеческие руки не касались меня. Хань Фэй-цзы, Хань Цин-чжао, Си Ванму, я вверяю себя в ваши руки. Не обманитесь внешним видом камня, за которым скрывается драгоценный нефрит. Не назовите говорящего правду лжецом.

Цин-чжао почувствовала, как внутри волной поднимается жалость, но сразу одернула себя. Не время поддаваться слабости. Боги создали ее для определенных целей. Несомненно, тому, что происходит сейчас, суждено стать делом всей ее жизни. Если она сейчас потерпит неудачу, то все оставшиеся годы будет раскаиваться в недостойном поступке; ей будет уже никогда не

очиститься. Поэтому она будет бороться. Она не позволит этой компьютерной программе ввести их в заблуждение и воспользоваться проявленным сочувствием.

Цин-чжао повернулась к отцу:

— Мы должны немедленно сообщить о происходящем Межзвездному Конгрессу, чтобы они, как только будут готовы чистые компьютеры на замену пораженным вирусом, сразу запустили в действие план по одновременному отключению ансиблей.

К ее удивлению, отец лишь покачал головой:

— Не знаю, Цин-чжао. Вдруг то, что она рассказала о Межзвездном Конгрессе… Ведь они действительно способны на такое. Некоторые из них настолько одержимы злом, что я начинаю чувствовать себя грязным только при разговоре с ними. Я знал, что они намереваются уничтожить Лузитанию… но я служил богам, и выбор оставался за богами. Теперь я понимаю, почему они так обращались со мной при встречах, но тогда, значит, боги не… Я поверить не могу, что всю свою жизнь шел на поводу какого-то нарушения в собственном мозге… я не могу… я должен…

Он внезапно вскинул левую руку и начал вращать ею, будто пытался поймать крутящуюся

вокруг муху. Его правая рука тоже поднялась и начала хватать воздух. Голова завертелась на плечах, челюсть безвольно отвисла. Цин-чжао безумно напугалась. Что случилось с отцом? Он говорил какими-то бессвязными обрывками… неужели он сошел с ума?

Левая рука Хань Фэй-цзы продолжала вращаться, правая вытянулась вверх, голова крутилась. Процесс повторялся вновь и вновь. И вдруг Цин-чжао поняла: она наблюдает сейчас ритуал очищения отца. Подобно тому как она начинала прослеживать жилки, он танцем рук и головы открыл путь голосу богов, когда в свое время, измученный ощущением слоя жира на своих руках, был заперт в комнате.

Боги увидели его колебания, сомнения и возобладали над его телом, чтобы показать истину и очистить его. Все стало ясно, Цин-чжао не нуждалась в иных доказательствах. Она повернулась к лицу, повисшему над терминалом.

— Видишь, боги противостоят тебе, — заметила она.

— Я вижу только, как Межзвездный Конгресс унижает твоего отца, — ответила Джейн.

— Я немедленно сообщу всем обитаемым мирам, кто ты есть, — сказала Цин-чжао.

— А если я не позволю тебе? — поинтересовалась Джейн.

— Тебе не остановить меня! — закричала Цин-чжао. — Боги на моей стороне!

Она выбежала из комнаты отца и кинулась к себе. Но лицо программы уже висело над ее собственным терминалом.

— Каким образом ты отправишь послание, если я не дам тебе этого сделать? — снова спросила Джейн.

— Я найду какой-нибудь способ, — сказала Цин-чжао и тут заметила, что вслед за ней прибежала Ванму. Девочка стояла у дверей и, затаив дыхание, ожидала приказов хозяйки. — Скажи Му-пао, чтобы она принесла сюда один из игровых компьютеров. Они не соединены с основным компьютером дома.

— Да, госпожа, — сказала Ванму и быстро ретировалась.

Цин-чжао повернулась к Джейн:

— Ну что, ты по-прежнему считаешь, что в силах помешать мне?

— По-моему, тебе следует подождать решения отца.

— Ты сейчас надеешься, что сломала его и отвратила его сердце от богов. Но ты увидишь, он

придет сюда и возблагодарит меня за то, что я хорошо усвоила его уроки.

— А если нет?

— Он будет доволен мной.

— А что, если ты ошибаешься?

— Тогда я буду служить ему такому, каким он был прежде, — сильному и достойному мужчине! — закричала Цин-чжао. — А тебе никогда не сломить его!

— Его сломил Конгресс, еще до рождения. Я пытаюсь исцелить его.

В комнату вбежала Ванму:

— Му-пао принесет компьютер через пару минут.

— Что ты собралась делать с этой игрушкой? — спросила Джейн.

— Напишу официальный рапорт, — ответила Цин-чжао.

— А потом что?

— Распечатаю. И насколько возможно, распространю по всему Пути. Этому ты помешать не в состоянии. Так тебе будет до меня не добраться.

— Хорошо, ты расскажешь обо мне всем живущим на Пути, но это ничего не изменит. А если и изменит, неужели, ты думаешь, я и им не открою правды?

— Ты считаешь, они скорее поверят тебе, компьютерной программе, контролируемой врагом Конгресса, чем мне, одной из Говорящих с Богами?

— Да, я считаю именно так.

Цин-чжао даже не сразу поняла, что слова эти произнесла не Джейн, а Ванму. Она повернулась к своей доверенной служанке и приказала объяснить, что она имеет в виду.

Ванму словно подменили, из ее голоса бесследно исчезли всякие следы робости:

— Если Демосфен расскажет народу Пути, что Говорящие с Богами обладают скорее наследственным повреждением мозга, нежели каким-то определенным даром, не останется никаких причин, чтобы и дальше позволять им править нами.

Цин-чжао только сейчас начала осознавать факт, что не все на Пути с такой же охотой исполняют волю богов, как она. Ей никогда раньше не приходило в голову, что, может быть, она — одна из немногих одержимых желанием вечно служить богам.

— Что есть Путь? — вопросила за ее спиной Джейн. — Прежде всего боги, затем предки, потом люди, далее правители и, наконец, ты сам.

— Как ты смеешь говорить о Пути, когда пытаешься отвратить от него меня, отца и даже мою доверенную служанку?

— Попробуй представить себе на один миг, будто все, что я тебе сказала, чистая правда, — отозвалась Джейн. — Что, если истинной причиной твоих страданий являются замыслы жестоких людей, которые хотят пользоваться тобой, подавлять тебя и с твоей помощью точно так же пользоваться и управлять всем человечеством? Помогая Конгрессу, ты помогаешь угнетать человечество. Не может быть, чтобы этого хотели боги. А если я существую, чтобы показать тебе, что Конгресс лишился благоволения небес? Если боги желают, чтобы ты всей душой была предана и служила Пути? Сначала послужи богам, лишив власти продажных властителей Конгресса, которые предали волю небес. Затем послужи своим предкам, то есть отцу, отомстив за унижения палачам, которые надругались над вашими душами и превратили вас в рабов. Дальше послужи народу Пути, освободив их от предрассудков и пыток, опутывающих всю планету. Потом послужи новым, просвещенным правителям, которые придут на смену Конгрессу, и предложи им услуги мира, населенного людьми высокого разума.

Предложи им совет и помощь от всей души, ничего не требуя взамен. И наконец, послужи себе самой, позволив лучшим умам Пути найти средство, которое исцелило бы тебя от желания проводить бóльшую часть жизни в бессмысленных ритуалах.

Цин-чжао молча выслушала речь Джейн. Внутри ее крепла неуверенность, все звучало так разумно и логично. Откуда Цин-чжао знать, что хотят сказать ей боги? Может быть, действительно они послали программу-Джейн, чтобы освободить их. Может быть, Конгресс и в самом деле настолько продажен и опасен, как утверждает Демосфен, и давным-давно лишился расположения небес.

Но потом Цин-чжао поняла, что все это лживые, соблазнительные речи. Ибо только в одном она не могла усомниться — в звучащем внутри ее голосе богов. Разве она не ощущала чудовищного желания очиститься? Разве не радовалась, когда ее ритуалы успешно подходили к концу? Ее общение с богами — единственное, что не подлежало сомнению, и каждый, кто смеет отрицать это, кто собирается лишить ее гласа божьего, не мог быть никем иным, кроме как врагом небес.

— Я разошлю свое сообщение только Гово-

рящим с Богами, — заявила Цин-чжао. — Если обыкновенные люди предпочтут восстать против богов, с этим ничего не поделаешь, но я лучше послужу им тем, что помогу Говорящим с Богами остаться у власти, и тогда весь мир, как и прежде, будет следовать воле богов.

— Это бессмысленно, — ответила Джейн. — Даже если все без исключения Говорящие с Богами поверят тому, чему поверила ты, ты все равно не сможешь разнести по Вселенной свое слово, если я того не пожелаю.

— У нас есть космические корабли, — возразила Цин-чжао.

— Потребуется не меньше двух поколений, чтобы распространить твое послание по всем мирам. К тому времени Межзвездный Конгресс падет.

Теперь Цин-чжао пришлось столкнуться с фактом, которого она так настойчиво избегала: если Джейн контролирует ансибли, она может прервать сообщение с Путем, как до этого отрезала связь с флотом. Даже если Цин-чжао устроит дело так, что ее рапорт и прочие рекомендации беспрерывно будут передаваться каждым ансиблем на Пути, Джейн проследит за тем, чтобы единственным результатом ее действий стало исчезновение Пути для всей Вселенной, как до

этого исчезновение флота на Лузитанию.

На мгновение ею овладело такое отчаяние, что она чуть не кинулась на пол, готовая исполнить ужасный ритуал очищения. «Я подвела богов — теперь они потребуют, чтобы я прослеживала жилки на полу до самой своей смерти. В их глазах я ничего не стоящая неудачница».

Но когда она прислушалась к себе, пытаясь понять, какого искупления требуют боги на этот раз, то вдруг обнаружила, что ей вообще ничего не надо делать. Это наполнило ее надеждой, — наверное, они поняли чистоту ее намерений и простили за беспомощность.

Или, наоборот, они знали, что же все-таки ей надо делать? Что, если Путь и в самом деле станет недосягаем для ансиблей других планет? К какому решению придет Конгресс? Что подумают люди? «Исчезновение» любой планеты, в особенности мира Пути, повлечет за собой немедленную реакцию. Ведь некоторые люди в Конгрессе искренне уверовали в обличье, которое приняли боги, создав Говорящих, и теперь считают, что непременно должны сохранить эту ужасную тайну. Они пошлют с ближайшей планеты корабль, а до Пути всего три года лету. И что дальше? Когда судно достигнет их, Джейн придется обезвредить

и его средства связи. А когда корабль вернется на родную планету, еще один мир исчезнет для остальной Вселенной? Спустя какое-то время Джейн придется обрывать все связи между Ста Мирами. Она сказала, понадобится три поколения. Что ж, пусть так. Богам спешить некуда.

Хотя, скорее всего, Джейн будет уничтожена гораздо раньше. Вскоре люди поймут, что ансиблями заправляет какая-то неведомая враждебная сила, поэтому-то и исчезают корабли и населенные миры. Даже не зная о Валентине и Демосфене, даже не догадываясь, что причиной тому компьютерная программа, планеты постепенно поймут, что надо делать, и сами отключат ансибли.

— Я придумала, как расправиться с тобой, — сказала Цин-чжао. — Теперь попробуй помешать мне. Я и другие Говорящие с Богами всего лишь организуем передачу моего сообщения каждым ансиблем Пути. Ты сразу отключишь их. И какой же вывод тогда сделает остальная часть человечества? Они поймут: мы исчезли в точности как флот на Лузитанию. И довольно скоро придут к мысли, что должно существовать нечто вроде тебя. А демонстрируя силу, ты только убедишь их в правоте, докажешь свое существование даже

самым непонятливым и глупым. Твои угрозы тщетны. Тебе проще отступиться и позволить мне послать сообщение сейчас, ведь, остановив меня, ты, по сути дела, донесешь до людей то же самое, что хочу рассказать им я.

— Ты ошибаешься, — ответила Джейн. — Если Путь внезапно станет недосягаем для ансиблей, все с таким же успехом могут заключить, что эта планета, как и Лузитания, взбунтовалась — ведь там тоже отключили ансибль. И что тогда предпримет Межзвездный Конгресс? Пошлет к вам в гости флот в компании с молекулярным дезинтегратором.

— Лузитания взбунтовалась прежде, чем отключила ансибль.

— Неужели ты думаешь, Конгресс не следит за вами? Они ведь до ужаса напуганы тем, что может случиться, если Говорящим с Богами на Пути вдруг станет известно, что́ с ними сотворили. Если уж каким-то примитивным инопланетянам и паре ксенологов удалось запугать Конгресс до такой степени, что немедленно был снаряжен флот, какова, по-твоему, будет их реакция, когда целый мир, населенный гениальными людьми, у которых есть все причины ненавидеть Межзвездный Конгресс, внезапно, совершенно непостижимым

образом, исчезнет? Как ты думаешь, как долго протянет такой мир?

К горлу Цин-чжао подкатил тугой комок страха. Вполне может быть, что эта часть истории Джейн — чистая правда, что кое-кто из Конгресса был обманут и теперь считает, что Говорящие с Богами Пути были искусственно созданы в результате генной инженерии. А если есть такие люди, они вполне могут поступить именно так, как описала Джейн. Что, если на Путь пошлют военный флот? Что, если Межзвездный Конгресс отдаст ему приказ уничтожить планету, не вступая с ней ни в какие переговоры? Тогда никто так и не узнает о сообщениях, посланных Цин-чжао, — все будет кончено. Все усилия пойдут прахом. Неужели именно этого желают боги? Неужели Межзвездный Конгресс, снискав благоволение небес, вместе с тем может безнаказанно уничтожать миры?

— Вспомни историю И Я, знаменитого повара, — посоветовала Джейн. — В один прекрасный день его господин заметил: «Мне достался самый великий из поваров всего мира. Благодаря ему я познал вкус всего, за исключением вкуса человеческой плоти». Услышав эти слова, И Я отправился домой, зарезал собственного сына,

приготовил блюдо из его плоти и подал на стол господину, чтобы тот не мог пожаловаться, что И Я не исполнил какого-то из его пожеланий.

Это была ужасная история. Цин-чжао услышала ее еще ребенком и потом очень долго плакала. «Как же сын И Я?» — сквозь всхлипывания спросила она у своего отца. И тот ответил: «Истинный слуга должен пожертвовать всеми своими детьми ради господина». Целых пять ночей подряд она просыпалась с криком. Ей снилось, что отец жарит ее живьем или разрезает на части, укладывая на огромное блюдо. Кошмары продолжались до тех пор, пока наконец Хань Фэй-цзы не пришел к ней, не обнял ее и не сказал: «Не верь этому, моя Во Славе Блистательная дочь. Я вовсе не идеальный слуга. Я слишком люблю тебя, чтобы пожертвовать тобой. Я люблю тебя куда больше, чем свои обязанности. Я не И Я. Не бойся меня». Только после того, как отец успокоил ее, она смогла нормально заснуть.

Должно быть, эта программа, эта Джейн, нашла упоминание о ее страхах в дневниках отца и сейчас воспользовалась древним сказанием, чтобы еще больше смутить ум Цин-чжао. И пусть даже Цин-чжао понимала, что ею сейчас управляют, она ничего не могла поделать с собой. Лишь в

очередной раз задумалась: неужели Джейн действительно права?

— А вот ты подобна И Я? — спросила Джейн. — Сможешь ли ты принести весь свой мир на заклание такому жестокому и несправедливому властителю, как Межзвездный Конгресс?

Цин-чжао окончательно запуталась в своих чувствах. Откуда взялись все эти мысли? Джейн отравила ее ум. В свое время на нее так же подействовали доводы Демосфена… хотя, может быть, Джейн и Демосфен, в принципе, одно и то же? Их речи могли звучать очень убедительно, пусть даже они не раскрывали всей правды.

Имеет ли Цин-чжао право рисковать жизнью населяющих Путь людей? Что, если она все-таки ошибается? Откуда ей знать? Либо то, что наговорила им Джейн, чистая правда, либо это ложь. Доказуемо и то и другое. Причиной нынешнего состояния Цин-чжао могли явиться как боги, так и какое-то неизвестное расстройство мозга.

Так почему же, когда все словно в тумане, боги предпочитают молчать? Почему, когда она так нуждается в их ясном и недвусмысленном совете, она не чувствует себя грязной и недостойной, когда думает об одном, и чистой и святой, когда думает о другом? Почему боги лишили ее под-

держки в этот переломный момент жизни?

Пока Цин-чжао молча боролась с собой, тишину комнаты вдруг прорезал холодный и резкий, словно звон металла, голос Ванму.

— Ничего такого не случится, — произнесла Ванму.

Цин-чжао оставалось только слушать се. Ей не хватило сил даже на то, чтобы приказать ей замолчать.

— Чего именно? — поинтересовалась Джейн.

— Того, чем ты нам угрожала. Межзвездный Конгресс не взорвет наш мир.

— Ну, если ты так думаешь, значит ты еще бóльшая дура, чем считает Цин-чжао, — ответила Джейн.

— О, я прекрасно понимаю, они способны на это. Хань Фэй-цзы уверен, что так и будет. Он сказал, что в Конгрессе хватает злых, испорченных людей, способных на любое ужасное преступление, если только оно послужит им во благо.

— Тогда почему этому не быть?

— Потому что ты не пойдешь на такие меры, — заявила Ванму. — Ты не станешь отключать наши ансибли, если в результате возникнет хоть малейшая угроза существованию Пути. Так что послания достигнут цели. Конгресс будет преду-

прежден. Ты не поставишь под угрозу Путь.

— Почему же?

— Потому что ты Демосфен, — сказала Ванму. — Потому что ты знаешь истину и исполнена сострадания.

— Я не Демосфен, — возразила Джейн.

Лицо над терминалом замигало и превратилось в нечто странное. Пеквениньо — его свиная мордочка отталкивала своей чужеродностью. Мгновение спустя он превратился в новое существо, еще более чуждое человеку: жукер, один из тех кошмарных монстров, которые когда-то наводили страх на все человечество. Даже прочитав «Королеву Улья» и «Гегемона» и поняв, кто такие жукеры и какой прекрасной была их цивилизация, Цин-чжао не смогла сдержать невольную дрожь, столкнувшись с представителем инопланетной расы лицом к лицу. Пусть даже и знала, что это всего лишь компьютерная имитация.

— Я не человек, — сказала Джейн. — Я просто избрала себе человеческий облик. Откуда ты знаешь, Ванму, что я сделаю, а чего — нет? И жукеры, и свинксы без всякой задней мысли расправлялись с человеком.

— Они не понимали, что означает для нас смерть. Ты понимаешь. Ты сама недавно сказала

— ты не хочешь умирать.

— Ты считаешь, что знаешь меня, Си Ванму?

— Да, я так считаю, — ответила Ванму. — Потому что ты бы не оказалась сейчас в таком положении, если бы не воспрепятствовала флоту расправиться с Лузитанией.

К морде жукера, висящей над терминалом, присоединилось рыльце свинкса, затем рядом возникло человеческое лицо, которое Джейн избрала своим. Они дружно посмотрели на Ванму, перевели взгляд на Цин-чжао, но ничего не ответили.

— Эндер, — произнес голос в его ухе.

Машину вел Варсам, Эндер молча слушал. Час назад Джейн подключила его к своей беседе с людьми, живущими на Пути, переводя ему, если они вдруг переходили со звездного на китайский. Многие километры прерии остались позади, а Эндер даже не заметил этого, он пытался представить себе тех людей. Хань Фэй-цзы — Эндер один раз уже сталкивался с этим именем. Оно стояло под договором, который разрушил все его надежды на то, что вспыхнувшее восстание на планетах-колониях положит конец правлению Конгресса или, по крайней мере, заставит его отозвать флот. Но сейчас будущее Джейн, планеты

Лузитания и всех рас, живущих на ней, зависело от того, что скажут и решат две маленькие девочки, сидящие в спальне на каком-то далеком колонистском мирке.

«Цин-чжао, я прекрасно тебя понимаю, — подумал Эндер. — Ты обладаешь поистине гениальным интеллектом, но тот свет, который ты перед собой видишь, исходит исключительно из преданий о твоих богах. Ты подобна братьям-пеквениньос, которые сидели и спокойно наблюдали за тем, как умирает мой пасынок, а ведь они в любой момент могли спасти его, сделав несколько шагов и накормив пищей, которая содержала антидесколадные добавки. И они не виновны в его смерти. Скорее их можно обвинить в излишней доверчивости, в том, что они поверили во всякие россказни. Большинство людей способны воспринимать поведанное им с некой долей отстраненности, критично, сохраняя некоторую дистанцию между историей и своим сердцем. Но эти братья — и ты, Цин-чжао, — возвели чудовищную ложь в ранг непререкаемой истины, и теперь вы должны верить в нее ради того, чтобы остаться самими собой. Как я могу винить тебя в том, что ты желаешь нам смерти? Тебя переполняет ощущение божественного ве-

личия, ты просто не способна опуститься в своем сострадании до таких незначительных вещей, как возможная гибель трех разумных рас рамен. Я изучил тебя, Цин-чжао, и ты будешь вести себя так, как вела раньше. Может быть, столкнувшись когда-нибудь с последствиями собственных решений, ты изменишься, но я сомневаюсь. Лишь немногим удалось вырваться из оков такой мощной веры, которая захватила тебя.

Но ты, Ванму, над тобой-то не довлеет никакая вера. Ты не доверяешь ничему, кроме собственных суждений. Джейн рассказала мне, кто ты есть, каким феноменальным умом ты обладаешь: ты оказалась способной столькому научиться и за такой короткий срок, тебе присуще глубокое понимание окружающих тебя людей. Почему же ты не желаешь проявить хоть малую долю мудрости? Конечно же, ты должна была понять, что Джейн не сможет сделать ничего такого, что повлекло бы за собой уничтожение Пути, но почему ты не проявила достаточной мудрости, чтобы промолчать, чтобы не сообщать о своих выводах Цин-чжао? Почему ты не пожелала оставить невысказанной ровно ту часть истины, которая сохранила бы жизнь Джейн? Если будущий убийца с обнаженным мечом постучался бы

к тебе в дверь и потребовал, чтобы ты рассказала ему, где прячется невинная жертва, неужели ты выдала бы ему, что тот, кого он ищет, скрывается в твоем доме? Или ты солгала бы и отослала убийцу прочь? Заблуждаясь, Цин-чжао невольно выступает в роли преступника, и Джейн суждено стать первой жертвой, а следом за ней будет уничтожена планета Лузитания. Зачем же ты выдала ей, как вернее найти и убить нас?»

— Что мне делать? — спросила Джейн.

— Почему ты задаешь мне вопрос, на который только сама способна ответить? — шевельнул губами Эндер.

— Я последую твоему совету, — ответила Джейн, — заблокирую их ансибли и спасу нашу жизнь.

— Даже если следствием тому гибель Пути?

— Я последую твоему совету! — взмолилась она.

— Даже если будешь знать, что рано или поздно тебя все равно раскроют? Ты ведь прекрасно понимаешь, что, как бы ты сейчас ни поступила, флот все равно настигнет нас.

— Если ты прикажешь мне жить, Эндер, я сделаю все возможное, чтобы выжить.

— Тогда сделай это, — спокойно ответил Эн-

дер. — Отрежь ансибли Пути от остальной Вселенной.

Джейн на какую-то крошечную долю секунды промедлила с ответом. Для человека пауза прошла бы незамеченной, а Джейн за это время могла успеть поспорить с собой.

— Командуй мной, — сказала она.

— Я приказываю тебе.

И снова незаметное колебание. Затем настойчиво:

– *Застав*ь меня это сделать.

— Как я могу заставить тебя, если ты того не желаешь?

— Я хочу жить, — сказала она.

— Не более, чем жаждешь быть собой, — пожал плечами Эндер.

— Любое животное способно убить, лишь бы спастись самому.

— Любое животное способно убить другое животное, — поправил ее Эндер. — Но высшие создания способны включать в себя окружающую среду, постепенно для них исчезает понятие «другой», понятие «чужой». Нужды других берут верх над собственными желаниями. И наивысшей ступени достигает тот, кто способен пожертвовать собой ради других, если возникнет вдруг

необходимость.

— Я бы рискнула Путем, — сказала Джейн, — если бы поняла, что это может спасти Лузитанию.

— Но ведь это ее не спасет.

— Я бы попыталась свести Цин-чжао с ума, если бы сочла, что это спасет Королеву Улья и пекве-ниньос. Она очень близка к помешательству — я могла бы это устроить.

— Ну так вперед, — ответил Эндер. — Делай все, что необходимо.

— Не могу, — призналась Джейн. — Потому что это только повредит ей, а нас не спасет.

— Если бы ты действительно была животным, — заметил Эндер, — ты бы нашла способ выкрутиться из этой ситуации целой и невредимой.

— Таким же животным, каким проявил себя ты, Эндер Ксеноцид?

— Примерно, — согласился Эндер. — Тогда бы ты выжила.

— Или если бы проявила твою мудрость.

— Внутри меня сидел мой брат Питер — и сестра Валентина, — сказал Эндер. — Дьявол вкупе с ангелом. Вот чему ты научила меня, давным-давно, когда была обыкновенной компьютерной программой, которую мы называли Игрой Вооб-

ражения.

— Где же дьявол внутри *меня*?

— В тебе его нет, — ответил Эндер.

— Может быть, и в самом деле я не принадлежу к живым существам, — задумчиво произнесла Джейн. — Мне никогда не приходилось сталкиваться с жестокостью естественного отбора, поэтому во мне отсутствует стремление к выживанию любой ценой.

— Или, возможно, ты инстинктивно чувствуешь, что где-то внутри тебя спрятан иной путь к выживанию, путь, который ты просто еще не обнаружила.

— Оптимистичная мысль, — согласилась Джейн. — Притворюсь-ка, что поверила в нее.

— Peço que deus te abençoe[23], — сказал Эндер.

— О, порой ты излишне сентиментален, — улыбнулась Джейн.

Долгое время — на протяжении целых пяти минут — три лица молча взирали с дисплея на Цин-чжао и Ванму. Наконец два из них, принадлежащие жукеру и свинксу, пропали, и осталась только девушка по имени Джейн.

— Если бы я могла найти в себе силы сделать

---

[23] Примечания: 23
И Господь благословит тебя (*португ.*).

это! — произнесла она. — Если бы только я могла уничтожить ваш мир ради спасения своих друзей!

Цин-чжао почувствовала, как ее затопила волна облегчения. Она чувствовала себя словно чуть не утонувший пловец, который в конце концов вынырнул на поверхность и глотнул свежего воздуха.

— Так, значит, ты не сможешь помешать мне! — с триумфом вскричала она. — Я могу послать сообщение!

Цин-чжао подошла к терминалу и опустилась на стул. Перед ней висело внимательно изучающее ее лицо Джейн, но Цин-чжао знала, что это всего лишь иллюзия. Если Джейн и следит за ней, то не этими человеческими глазами. А визуальными датчиками компьютера. Это все электроника, обыкновенная машина, путаница проводов, не более того. Не живой человек. Было бы совершенно нелогично почувствовать себя виноватой под этим иллюзорным взглядом.

— Госпожа, — тихо произнесла Ванму.

— Позже, — нетерпеливо отмахнулась Цин-чжао.

— Если вы сделаете это, Джейн погибнет. Они отключат ансибли и убьют ее.

— То, что не живет, не способно умереть, — заявила Цин-чжао.

— Но ведь вы сейчас можете убить ее только потому, что она проявила к вам сострадание.

— Ее сострадание — сплошная иллюзия. Она запрограммирована на показное сострадание, вот и все.

— Госпожа, если вы убьете всякое проявление этой программы, ни единой частички ее не оставите в живых, тогда чем же вы будете отличаться от Эндера Ксеноцида, который три тысячи лет назад расправился с жукерами?

— Может, я ничем и не отличаюсь от него, — ответила Цин-чжао. — Может быть, Эндер тоже исполнял волю богов.

Ванму встала на колени рядом с Цин-чжао и, прикрывшись подолом платья, тихо заплакала.

— Умоляю вас, госпожа, не делайте этого! Вы творите зло.

Но Цин-чжао уже писала официальный рапорт Конгрессу. Он возник в ее уме сразу и целиком, ей даже не пришлось править текст, словно сами боги изложили в нем свою волю.

«Межзвездному Конгрессу. Под личиной писаки-предателя, известного как Демосфен, скрывается женщина, пребывающая сейчас

на Лузитании или на пути к ней. Она обладает контролем над программой — или доступом к ней, — которая заразила все компьютеры-ансибли, следствием чего явилось отсутствие сообщений от флота и сокрытие источника распространения статей Демосфена. Единственное решение проблемы заключается в следующем: власть программы над передачами ансиблей может быть уничтожена путем отключения всех ансиблей от действующих компьютеров и последующего подключения их к новым, «чистым» компьютерам, причем все должно совершиться одновременно. На настоящий момент времени я в достаточной степени нейтрализовал программу, чтобы она позволила мне отослать данное сообщение и в дальнейшем не препятствовала вам разослать соответствующие приказы по всем обитаемым мирам. Однако никаких гарантий здесь быть не может, передачи в любой момент могут оборваться, поэтому предлагаю вам действовать как можно быстрее. Также я предлагаю вам установить определенную дату: например, ровно через сорок стандартных недель все ансибли без исключения должны быть отключены на период не менее одного стандартного дня. Все новые компьютеры-ансибли, подключенные к сети,

ни в коем случае не должны ранее контактировать с каким-либо другим компьютером. Если вы немедленно перетранслируете это послание на остальные ансибли, снабдив его личным кодом, мой рапорт становится вашим приказом. Никаких дальнейших инструкций не потребуется, и влиянию Демосфена наступит конец. Если вы немедленно не примете меры, я снимаю с себя ответственность за возможные последствия».

Под рапортом Цин-чжао поставила имя своего отца и особый код, который в свое время он ей сообщил. Ее имя ничего для Конгресса не значит, зато к его мнению отнесутся с должным вниманием и уважением, а проставленный на сообщении код послужит дополнительной гарантией того, что оно будет получено всеми, кто выказывает особый интерес к докладам Хань Фэй-цзы.

Рапорт был готов, и Цин-чжао посмотрела в глаза висящему перед ней призраку. Положив левую руку на сотрясающееся от рыданий плечо Ванму и занеся правую над клавишей, служащей сигналом к началу передачи, Цин-чжао в последний раз бросила вызов программе:

— Ну что, воспрепятствуешь ты мне или нет?

Джейн ответила:

— Посмеешь ли ты убить раман, который не

причинил никакого вреда ни одной живой душе, или позволишь мне жить?

Цин-чжао нажала «ввод».

Джейн склонила голову и исчезла.

Потребуется всего несколько секунд, чтобы послание было передано домашним компьютером на ближайший ансибль; оттуда оно немедленно разлетится по структурам Конгресса, раскиданным по всем Ста Мирам и колониям. Для каких-то компьютеров оно станет одним из многих и будет терпеливо дожидаться своей очереди, но кое-где личный код Хань Фэй-цзы возымеет силу, и кто-то тут же прочтет сообщение — может быть, уже читает, — поймет его неотложную важность и подготовит ответ. Если только Джейн не перехватит его.

Поэтому Цин-чжао ждала ответа. Может быть, ответ задерживался просто потому, что правители связывались друг с другом, обсуждали ее рапорт и быстро решали, как поступить. Возможно, именно поэтому дисплей ее компьютера оставался пустым, не подавая никаких сигналов об официальном уведомлении.

Дверь отворилась. Должно быть, это Му-пао с игровым компьютером.

— Положи его в углу, у северного окна, — не обо-

рачиваясь, приказала Цин-чжао. — Может быть, он мне еще понадобится, хотя надеюсь, что нет.

— Цин-чжао…

Это был отец, а вовсе не Му-пао. Цин-чжао повернулась и немедленно опустилась на колени, чтобы выказать должное уважение и… свою гордость.

— Отец, я послала от твоего имени рапорт Конгрессу. Пока ты общался с богами, я нейтрализовала вражескую программу и отослала подробные инструкции по ее уничтожению. Сейчас жду ответа.

Она ждала похвалы отца.

— Ты это сделала? — еле выговорил он. — Не дождавшись меня? Ты связалась напрямую с Конгрессом, не испросив моего согласия?

— Ты совершал ритуал очищения, отец. Я исполнила за тебя твои обязанности.

— Но тогда… Джейн погибнет.

— Несомненно, — подтвердила Цин-чжао. — Не могу, правда, утверждать, восстановится ли тогда связь с флотом на Лузитанию. — Внезапно она обнаружила слабое место в своих рассуждениях. — Но ведь компьютеры флота также заражены этой программой! Когда связь наладится, программа сможет заново загрузиться в ансибли…

Но тогда нам всего лишь придется повторить все заново, отключить ансибли и…

Отец не смотрел на нее. Его глаза были устремлены на дисплей терминала. Цин-чжао, в свою очередь, тоже обернулась.

Там высветилось сообщение от Конгресса, закрепленное официальной печатью. Оно было кратким и составлено в рубленом, казенном стиле:

Хань,

отличная работа.

Ваши предложения переданы дальше в виде официального приказа.

Связь с флотом уже восстановлена.

Помогла ли дочь в работе над сообщением от 14ФЕ.ЗА?

Если так, по медали на душу.

— Вот и все, — пробормотал отец. — Теперь они уничтожат Лузитанию, пеквениньос и этих несчастных людей.

— Если боги того пожелают, — благочестиво возразила Цин-чжао. Она была удивлена — отец показался ей мрачным и опечаленным.

Ванму подняла голову, ее лицо покраснело, на щеках дорожки слез.

— Погибнут все — и Джейн, и Демосфен, — произнесла она.

Цин-чжао схватила Ванму за плечо и притянула к себе.

— Демосфен — предатель, — процедила Цин-чжао. Но Ванму отвернулась от нее, подняв глаза на Хань Фэй-цзы. Цин-чжао тоже посмотрела на отца. — А Джейн… отец, ты же сам убедился, насколько она опасна.

— Она пыталась спасти нас, — ответил отец, — а мы отблагодарили ее тем, что запустили в действие машину, которая вскоре уничтожит ее.

Цин-чжао онемела, она потрясенно уставилась на своего отца, тогда как тот перегнулся через ее плечо, коснулся кнопки записи, затем очистил дисплей от всех сообщений.

— Джейн, — произнес он, — если ты слышишь, умоляю, прости меня.

Терминал остался безмолвным.

— Да простят меня боги, — горько сказал Хань Фэй-цзы. — Я проявил слабость, когда должен был показать силу, и дочь моя от моего имени, не ведая, сотворила великое зло. — Он содрогнулся. — Я должен… *очиститься*. — Это слово словно ядом обожгло его губы. — И этому очищению суждено длиться вечно, в этом я уверен.

Он отступил от компьютера, повернулся и покинул комнату. Ванму вновь расплакалась. «Глупые, бессмысленные слезы, — подумала Цин-чжао. — Это миг триумфа. Вот только Джейн украла ее у меня. И даже когда я возобладала над ней, она все равно превзошла меня. Она лишила меня отца. Его сердце отвратилось от богов, пусть даже он продолжает служить им телом».

Это было больно сознавать. Но вместе с тем ею овладела безумная радость: «Я оказалась сильнее. Я оказалась сильнее отца. Когда речь зашла о настоящем испытании, именно я встала на сторону богов, а он сломался, не выдержал, поддался. О таком я никогда и мечтать не смела. Я верное орудие в руках божьих. Кто знает, как они дальше воспользуются мной?»

12
Война Грего

– Просто чудо, что человек с его примитивным разумом вообще смог добраться до звезд.

– Отнюдь. Я как раз недавно размышлял над этим. Межзвездным перелетам люди научились у вас. Эндер говорит: пока ваше первое судно с колонистами не достигло их звездной системы, человечество не понимало физики пространств.

– Так что же нам оставалось делать – всю жизнь сидеть на родной планете из боязни научить звездным перелетам каких-то мягкотелых безволосых слизняков с четырьмя конечностями?

– Кстати, ты говорила о человеке и его примитивном разуме… Неужели, по-твоему, сейчас человечество в достаточной степени развилось?

– Несомненно.

– А я вот так не думаю. Мне кажется, они просто научились притворяться ра-

зумными.

– Весь космос заполонен их космическими кораблями. Мы что-то не заметили, чтобы вы на скорости света покоряли пространства.

– Как раса мы очень молоды. Но посмотри на нас. Потом посмотри на себя. Процесс нашей эволюции складывался примерно одинаково. Наши с тобой расы включают в себя четыре подвида. Молодняк и беспомощные личинки. Самцы и самки, не обладающие интеллектом, – в твоем случае это дроны, у нас это маленькие матери. Далее, огромное множество индивидов, проявляющих зачатки разума и способных исполнять механические работы, – наши жены и братья, твои рабочие. И наконец, высший разум – мы, деревья-отцы, и ты, Королева Улья. Мы хранилища мудрости наших рас, потому что у нас есть время на раздумья, мы умеем сравнивать. Мышление для нас – основной вид деятельности.

– Тогда как люди без конца бегают взад-вперед, словно братья и жены. Словно рабочие.

– Не просто рабочие. Их молодняк также проходит через стадию беспомощных личинок, которая, однако, длится куда дольше, чем полагают некоторые из людей. А когда приходит время размножаться, они все разом обращаются в дронов или маленьких матерей, в маленькие машинки, у которых в жизни одна цель – спариться и умереть.

– Однако они уверены, что на всех этих стадиях человек ведет себя весьма разумно и рационально.

– Самообман. Даже в лучшей стадии – в стадии индивидуумов – они никогда не способны подняться выше уровня механических работников. У кого из них есть время, чтобы накопить интеллект?

– Ни у кого.

– Они ничего не знают. Их жизнь слишком коротка, чтобы успеть прийти к глубокому пониманию чего-либо. Однако сами люди считают, что понимают всё и вся. С самого раннего детства они тешат себя мыслью, будто весь мир принадлежит им одним, на деле же выходит, что все это очередные притворства и пред-

рассудки. С возрастом они расширяют словарный запас, который с успехом используют, чтобы выражать бессмысленные псевдознания и заставлять других воспринимать на ура собственные предрассудки. Вывод напрашивается один: как индивидуумы люди – круглые болваны.

– Тогда как коллектив…

– Как коллектив они представляют собой коллекцию болванов. Каждый, беспрестанно бегая туда-сюда, притворяется, что он самый умный, и разбрасывает по сторонам идиотские непонятные теории о том о сем. Но иногда эта масса порождает одного-двух индивидов, чьи представления немного больше соответствуют истине, нежели у их предшественников. А затем методом проб и ошибок человечество следует дальше и примерно в половине случаев все-таки добирается до правды, которая становится общим достоянием людей, так и не понявших, но зато слепо уверовавших в нее. И все повторяется, пока не выплывет следующий болван с какой-нибудь поправкой.

– Значит, ты утверждаешь, что ни один из них не обладает индивидуальным интеллектом, а когда люди объединяются в группы, то становятся еще глупее, но в то же время, заставив стольких дураков притворяться мудрецами, они все же умудряются показать такой же результат, к которому неизбежно приходит любая поистине разумная раса.

– Именно.

– Но если они такие глупые, а мы такие разумные, так почему же у нас здесь всего один Улей, да и тот живет только потому, что нас сюда принес человек? И почему по каждому техническому и научному вопросу, непонятному вам, вы сразу обращаетесь к человеку?

– Может быть, интеллект – это вовсе не то, чем кажется на первый взгляд.

– Может быть, это мы глупцы, думая, будто что-то знаем. Может быть, человек – единственный, кто способен мириться с фактом, что, по сути дела, ничто не познаваемо.

Квара пришла в дом матери последней. Ее

отыскал Сеятель, пеквениньо, который помогал Эндеру в работе на полях. В комнате царило выжидающее молчание. Очевидно, Миро еще не рассказал всех подробностей случившегося. Тем не менее все, как и Квара, прекрасно знали, почему он созвал их. Причина крылась в Квиме. Эндер, должно быть, уже добрался до Квима и связался с Миро через передатчик, который был только у них двоих.

Если бы с Квимом все было в порядке, их бы не стали созывать. Просто поставили бы в известность.

Так что все догадывались о случившемся. Квара, войдя в комнату, оглядела собравшихся. Эла посмотрела на нее взглядом, полным боли. Лицо Грего было искажено яростью — как всегда, злится, самоуверенный дурак. Ольяду на вид непоколебим, искусственные глаза спокойно поблескивают. И мать. Ее лицо представляло собой кошмарную маску. Горе, как у Элы, ярость, обычно свойственная Грего, и холодная, нечеловеческая отстраненность Ольяду. «В той или иной степени нам всем по наследству передалось лицо нашей матери. Какая частица ее передалась мне? Если бы я разобралась в самой себе, что тогда сказало бы мне ее лицо?»

— Он умер от десколады, — сказал Миро. — Сегодня утром. Эндрю только что прибыл на место.

— Не произноси при мне этого имени, — глухо сказала Новинья.

— Он умер как мученик, — продолжал Миро. — Он погиб так, как мог только желать.

Новинья неловко поднялась с кресла — в первый раз Квара поняла, что мать стареет. Она неуверенными шажками подошла к Миро, чуть не наткнувшись на него, затем размахнулась и со всей силы ударила его по лицу.

Все были буквально ошарашены. Взрослая женщина избивает беспомощного калеку — уже само по себе достаточно жуткое зрелище, но когда на Миро — человека, который долгие годы был опорой и надеждой всей семьи, — подняла руку собственная мать, реакция последовала незамедлительно. Эла и Грего вскочили со стульев, оттащили Новинью от Миро и силой усадили обратно в кресло.

— Что ты делаешь?! — закричала на нее Эла. — Избив Миро, Квима не вернешь!

— Это все он и этот камень у него в ухе! — в ответ заорала их мать. Она снова рванулась к Миро; несмотря на кажущуюся слабость Новиньи, они с трудом удержали ее на месте. — Да что ты знаешь

о том, как хотят умереть другие?!

Квара невольно восхитилась достоинством, с каким Миро перенес унижение: такое впечатление, словно ничего не произошло, только его щека ярко горела от пощечины.

— Зато я знаю, смерть не самое худшее, что может поджидать нас в этом мире, — ответил он.

— Убирайся из моего дома, — сказала Новинья.

Миро встал.

— Ты не его жалеешь, — горько произнес он. — Ведь ты его даже не знала.

— Не смей так говорить со мной!

— Если бы ты любила его, то не стала бы отговаривать его от поездки, — продолжал Миро. Голос его звучал тихо и приглушенно, поэтому отдельные слова трудно было понять. В комнате снова воцарилась тишина. Все напряженно прислушивались к нему, даже мать. На лице ее застыло страдание, ибо речь его была ужасной. — Но ты не любишь его. Ты не знаешь, что такое любить людей. Ты умеешь разве что владеть ими. Но люди никогда не поступают так, как ты желаешь, мама, и поэтому тебе кажется, что тебя все предают. Время от времени кто-то умирает, и ты всякий раз чувствуешь себя обманутой. Но, мама, на деле обманываешь-то ты. Ведь ты используешь нашу

любовь к тебе, чтобы потом повелевать нами, чтобы установить над нами контроль.

— Миро, — попыталась остановить его Эла.

Квара узнала этот тон. Они опять вернулись в детство, и Эла сейчас пыталась урезонить Миро, убедить его не судить так строго. Квара помнила, как однажды Эла успокаивала его, когда отец избил мать. Миро тогда заявил: «Я убью его. Этой ночи ему не пережить». Сейчас повторилось то же самое. Миро наговорил матери много жестоких и злых слов — слов, способных убить. Только теперь Эла не сумела остановить его вовремя, они уже были произнесены. Их яд вливался в Новинью и сейчас делал свое дело, нащупывая путь к ее сердцу, чтобы спалить его дотла.

— Ты слышал, что сказала мать? — вмешался Грего. — Пошел отсюда вон!

— Я ухожу, — склонил голову Миро. — Но я не сказал ничего, кроме правды.

Грего подлетел к Миро, схватил его за плечи, развернул и потащил в сторону двери.

— Ты не принадлежишь к нашей семье! — кричал Грего. — Ты не имеешь права ничего здесь говорить!

Квара вклинилась между ними, отталкивая Грего:

— Если уж Миро не заслужил права говорить в этой семье, значит мы вообще не семья!

— Ну вот, ты наконец сказала это, — пробормотал себе под нос Ольяду.

— Прочь с дороги! — яростно предупредил Грего.

Квара и раньше не раз выслушивала от него всяческие угрозы, иногда по нескольку раз на дню. Но сейчас она очутилась лицом к лицу с ним, его дыхание обдавало ее, и она поняла: сейчас он неуправляем. Новость о смерти Квима стала жестоким ударом для него. Вполне возможно, сейчас он несколько не в своем уме.

— Я не буду тебе мешать, — спокойно заявила Квара. — Давай действуй. Ударь женщину, сбей ее с ног. Вышвырни за порог калеку. Это в твоем стиле, Грего. Тебе с самого рождения судьбою был дан дар разрушения. Мне стыдно, что я, как и ты, человек, не говоря уж о том, что мы когда-то принадлежали к одной семье.

Только когда последние слова слетели с ее губ, она осознала, что на этот раз зашла слишком далеко. Грего был вне себя. Долгие годы они противостояли друг другу, но на этот раз суждено было пролиться крови. Его лицо было ужасно.

Но он не ударил ее. Он отпустил Миро, обогнул

Квару и, встав в дверном проеме, уперся руками в косяк. Мускулы на его руках вздулись, словно он хотел разрушить весь дом. Или, может быть, наоборот, он цеплялся за стены, надеясь, что те поддержат его.

— Я не позволю тебе разъярить меня, Квара, — прошептал он. — Я-то знаю, кто мне истинный враг.

И он скрылся в сгустившихся сумерках.

Мгновение спустя за ним последовал Миро.

Эла также направилась к двери.

— Какой бы ложью ты ни тешила себя, мама, наша семья распалась сегодня не из-за Эндера и не из-за кого-то еще. Ты повинна в этом, — сказала она и ушла.

Ольяду покинул дом, не произнеся ни слова. Квара еле сдержалась, когда он проходил мимо. Ей захотелось ударить его, лишь бы он сказал хоть что-нибудь. «Все ли ты записал своими компьютерными глазами, Ольяду? Небось теперь эти картинки навсегда останутся у тебя в мозгу. Но не задирай нос. Может быть, мой мозг — всего лишь мешанина из живых тканей, но эта замечательная ночка, уже вошедшая в историю семьи Рибейра, навсегда отпечатается у меня в памяти, я буду помнить мельчайшие подробности».

Новинья подняла глаза на Квару. По ее щекам катились слезы. Квара даже не помнила, когда мать в последний раз плакала.

— Значит, у меня осталась ты одна, — произнесла Новинья.

— Я? — с нарочитым удивлением произнесла Квара. — Ты что, не помнишь, ты же мне отрезала доступ к лабораториям? Ты лишила меня дела моей жизни. Не тешь себя надеждой, что я осталась твоим другом.

Квара развернулась к матери спиной и, хлопнув дверью, покинула дом. Она вдохнула полной грудью ночной воздух и почувствовала воодушевление. Удовлетворение. «Пускай теперь старая ведьма поразмыслит немного наедине. Посмотрим, как ей понравится быть покинутой всеми, мне-то она устроила практически то же самое».

Только спустя минут пять, когда Квара уже подходила к воротам, когда удовлетворение после нанесенного ответного удара несколько поутихло, только тогда она поняла, что натворила. Что все они натворили. Они бросили мать. Оставили ее в полном одиночестве, будто она лишилась не только Квима, а всей своей семьи разом. Ужасная участь, и мать ее не заслужила.

Квара мгновенно развернулась и бросилась

назад. Она вбежала в дом и огляделась. В эту секунду дверь одной из внутренних комнат отворилась и оттуда вышла Эла, тоже вернувшаяся и осматривавшая дом.

— Ее нигде нет, — сказала Эла.

— Nossa Senhora, — прошептала Квара. — Я наговорила ей столько ужасных вещей.

— Как и все мы.

— Она нуждалась в нас. Квим погиб, а все, на что мы оказались способны…

— Но когда она ударила Миро…

К своему удивлению, Квара разрыдалась и кинулась на шею сестре. «Стало быть, я все еще маленькая девочка? Да, я так и не повзрослела, все мы дети, и только Эла по-прежнему умеет утешить нас».

— Эла, неужели нас связывал только Квим? Неужели нашей семье суждено распасться теперь, когда его не стало?

— Не знаю, — горько произнесла Эла.

— Что же нам делать?

Ни слова не произнеся в ответ, Эла взяла ее за руку и вывела из дому. Квара спросила, куда они идут, но Эла не ответила, лишь крепче сжала ее руку и продолжала вести за собой. Квара охотно подчинилась, поскольку сама она не представ-

ляла, что делать дальше; ей казалось, что все должно идти как идет, а она просто последует за Элой. Сначала ей пришло в голову, что Эла ищет мать, но нет — они, не останавливаясь, миновали лаборатории. Квара была немало удивлена, когда они наконец пришли на место.

Они стояли перед гробницей, которую в центре города возвели жители Лузитании. Перед гробницей Густо и Сиды, их дедушки и бабушки, ксенобиологов, которые первыми открыли способ справиться с вирусом десколады и таким образом спасли человеческое поселение на Лузитании. Но, даже найдя лекарство, не позволившее десколаде и дальше убивать людей, сами они умерли — их болезнь зашла слишком далеко, чтобы открытое ими средство спасло их.

Люди восхищались ими, боготворили, поэтому и построили гробницу. Их нарекли ос Венерадос — Почитаемые, Уважаемые — еще до того, как Церковь канонизировала их. И теперь, когда до официального признания Густо и Сиды святыми оставалось совсем недолго, уже было дано разрешение молиться им.

Вот потому-то и удивилась Квара, потому-то и пришла сюда Эла. Эла опустилась перед гробницей на колени, и Квара, которая никогда не

отличалась особой религиозностью, встала рядом с сестрой.

— Дедушка, бабушка, помолитесь Богу за нас. Помолитесь за спасение души брата нашего Эстеву. Помолитесь за наши души. Испросите у Христа прощения нам.

Квару до глубины души потрясла молитва.

— Уберегите дочь свою, матерь нашу, защитите ее от… от печали и гнева и скажите ей, что мы любим ее, что вы любите ее и что… Бог любит ее. А если это не так, попросите Бога, чтобы Он полюбил ее и не позволил совершить необдуманное.

Квара никогда не слышала, чтобы кто-нибудь так молился. Молитвы всегда заучивались наизусть или были записаны на бумаге. «Это же бессвязный поток слов. Но ведь и ос Венерадос не похожи на остальных святых и благодетелей. Они приходятся нам бабушкой и дедушкой, пусть даже мы никогда в жизни их не видели».

— Скажите Богу, мы уже достаточно натерпелись, — продолжала Эла. — Мы должны распутать этот клубок. Свинксы начали убивать людей. Этот флот, который должен уничтожить нас… Десколада, которая все время старается умертвить нас… Члены нашей семьи ненавидят друг друга. Бабушка, дедушка, помогите нам справиться

со всем этим, а если вы не знаете, что нам надо делать, то попросите Бога, чтобы он научил нас, потому что дальше так продолжаться *не может*.

На мгновение воцарилась тишина. Эла и Квара тяжело дышали.

— In nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti, — произнесла Эла. — Amen[24].

— Amen, — одними губами повторила за ней Квара.

Затем Эла обняла сестру, и они расплакались. Ночь густым покровом укрыла их.

Валентина была крайне удивлена, обнаружив, что на собрании, созванном по поводу чрезвычайного положения, присутствуют только мэр и епископ. Но она-то тогда здесь при чем? Она не избиратель, не представитель власти.

Мэр Ковано Зулжезу любезно предложил ей стул. Обстановка в личном кабинете епископа выглядела весьма элегантной и приятной для глаз, но все стулья были специально сделаны так, чтобы причинить или боль, или неудобство. Узкое сиденье не позволяло расслабиться, приходилось сидеть на стуле прямо, как палка, с трудом умещаясь на нем. И спинка составляла с

---

[24] Примечания: 24

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь (*лат.*).

сиденьем точно прямой угол, никоим образом не пытаясь повторить формы человеческого тела. Кроме того, спинка была настолько высокой, что словно давила на затылок, заставляя наклонять голову. Просидев на таком стуле некоторое время, волей-неволей приходилось нагибаться вперед и упираться руками в колени в поисках опоры.

«Может быть, в этом и кроется смысл, — подумала Валентина. — Стулья специально сделаны так, чтобы заставить тебя склониться перед Богом».

А может, причина лежала куда глубже. Стулья заставляли посетителя почувствовать неудобство и задуматься об иной, бесплотной жизни. Умерщвляй плоть свою, дабы вознестись духом.

— Вы, я вижу, немного смущены, — заметил епископ Перегрино.

— Я могу понять, почему потребовалось это чрезвычайное собрание и почему вы решили обсудить положение дел вдвоем, — ответила Валентина. — Вот только зачем вам понадобилась я? Вести протокол?

— Какое смирение! — улыбнулся Перегрино. — Мы просто читали твои труды, дочь моя, и проявили бы огромную глупость, не обратившись к тебе за советом в столь трудные времена.

— Мудр будет мой совет или глуп — не знаю. Чем смогу — помогу, — сказала Валентина. — Но на вашем месте я бы на многое не рассчитывала.

Здесь мэр Ковано решил прервать разгоревшуюся дискуссию и обратиться к основной теме собрания.

— Накопилось множество насущных проблем, — начал он, — но у нас не будет возможности разрешить их, если мы не справимся с самой неотложной. Прошлой ночью в доме семьи Рибейра произошла небольшая ссора…

— Ну почему лучшие умы нашей колонии обязательно должны быть обращены к самому несговорчивому и неспокойному семейству? — горестно пробормотал епископ.

— Вы не совсем правы, епископ Перегрино, — ответила ему Валентина. — Они отнюдь не самая беспокойная семья в поселке. Просто их внутрисемейные раздоры производят наибольшее волнение на поверхности общественной жизни. В остальных семействах также случаются бури, и куда более сильные, только вы не замечаете этого, потому что они не отражаются на Милагре.

Епископ с глубокомысленным видом кивнул, но, как почему-то показалось Валентине, его несколько задело, что она поймала его на столь

очевидной ошибке. Хотя, насколько она могла предвидеть, эта «ошибка» могла многим выйти боком. Если епископ и мэр вдруг сочтут семью Рибейра более беспокойной, чем есть на самом деле, они могут утратить веру в Элу, Миро, Новинью — в общем, во всех тех, в ком Лузитания больше всего нуждается, чтобы благополучно выбраться из надвигающегося кризиса. Вскоре каждый человек будет на счету. Может понадобиться помощь даже Грего и Квары, наиболее несдержанных и незрелых отпрысков семьи Рибейра. Квим уже потерян, а ведь он, пожалуй, был лучшим из них. Глупо было бы лишиться поддержки и всех остальных, однако, раз уж администрация колонии начала относиться к семейству Рибейра как к некоему коллективу, вскоре начнут сомневаться и в каждом по отдельности.

— Прошлой ночью, — продолжал мэр Ковано, — семья рассорилась, и, насколько нам известно, почти никто из них друг с другом не разговаривает. Я долго пытался отыскать Новинью, но только недавно узнал, что она нашла убежище у Детей Разума Христова и отказывается с кем-либо встречаться. Эла сообщила мне, что ее мать запечатала в лаборатории ксенобиологов все файлы с информацией, поэтому сегодня утром

исследовательская работа встала намертво. И хотите верьте, хотите нет, вместе с Элой была Квара. Миро бродит где-то за периметром. Ольяду находится дома, но, как сказала его жена, он отключил глаза — таким образом он отстраняется от жизни.

— Из ваших слов, — сказал Перегрино, — у меня сложилось впечатление, что они очень тяжело перенесли смерть отца Эстеву. Я должен навестить их и попытаться помочь.

— Эти проявления горя и скорби абсолютно естественны, — покачал головой Ковано, — и я бы не стал созывать собрание, если бы на этом все и закончилось. Как вы уже заметили, ваше святейшество, вы в качестве духовного наставника без труда справились бы с ситуацией, и мое вмешательство не потребовалось бы.

— Грего, — догадалась Валентина, припомнив, чье имя не назвал Ковано.

— Вот именно, — подтвердил Ковано ее догадку. — После беседы с членами семьи он направился прямиком в бар — по сути дела, до утра он успел посетить несколько заведений подобного рода — и поведал каждому полупьяному параноику на Лузитании, которых у нас, надо сказать, хватает, что свинксы жестоко расправились с

отцом Эстеву.

— Que Deus nos abençoe[25], — прошептал епископ Перегрино.

— В одном из баров даже возникло некоторое волнение, — констатировал Ковано. — Стекла выбиты, все стулья переломаны, двое человек оказались в больнице.

— Начало погромов? — уточнил епископ.

— Да нет. Просто выражение гнева.

— И они таким образом освободились от него?

— Надеюсь, — пожал плечами Ковано. — Но брожение прекратилось, только когда взошло солнце. И когда прибыл констебль.

— Констебль? — переспросила Валентина. — У вас всего один констебль?

— Он возглавляет добровольные полицейские силы, — пояснил Ковано. — И вместе с тем добровольную пожарную бригаду. Смена по два часа. Кое-кого пришлось разбудить, но мы собрали человек двадцать, чтобы утихомирить толпу. Всего дружина насчитывает пятьдесят членов, дежурят обычно по четыре человека: ночами прогуливаются по улицам и травят анекдоты. Но кое-кто из незанятых членов дружины этой

---

[25] Примечания: 25
Господи, помилуй нас (*португ.*).

ночью принимал участие в разгроме бара.

— Вы хотите сказать, в случае возникновения каких-либо осложнений на полицейские силы полагаться не стоит?

— Прошлой ночью они великолепно проявили себя, — возразил Кована. — Во всяком случае, те, кто находился при исполнении.

— Однако если поднимется настоящий бунт, им его будет не сдержать, — сделала вывод Валентина.

— Прошлой ночью все благополучно уладилось, — сказал епископ Перегрино. — Первое потрясение уже позади, а к следующей ночи их гнев спадет.

— Напротив, — заявила Валентина. — Сегодня ночью весть о смерти Квима распространится по всей колонии. Все от мала до велика узнают о ней, и гнев вспыхнет с новой силой.

— Возможно, — согласился мэр Кована. — Но сейчас меня больше заботит день завтрашний. Завтра Эндрю привезет тело в Милагре. Особой популярностью отец Эстеву в народе не пользовался — он не шлялся с парнями по барам, — но был своего рода духовным символом. Теперь он стал мучеником. Он никогда не мог похвастаться избытком учеников, жаждущих следовать в

жизни его примеру, но отомстить за него захотят многие.

— Значит, похороны должны быть как можно проще, и мы постараемся ограничить число присутствующих, — заключил епископ.

— Не знаю, не знаю, — с сомнением покачал головой Ковано. — Может быть, нам следует поступить как раз наоборот. Людям сейчас нужны пышные похороны, чтобы они могли выразить свою скорбь и покончить с печалью и гневом раз и навсегда.

— Забудьте о похоронах, — перебила их Валентина. — Главная проблема — сегодняшняя ночь.

— Почему? — удивился Ковано. — Первое потрясение от известия о смерти отца Эстеву уже пройдет. Тело привезут только завтра. Что может случиться сегодня ночью?

— Сегодня ночью вы должны закрыть все бары. Чтобы никакого алкоголя. Арестуйте Грего и посадите за решетку, освободите его после похорон. На закате объявите об учреждении комендантского часа и расставьте по всему городу полицейских. Улицы Милагре нужно патрулировать всю ночь, группы по четыре человека следует вооружить дубинками и прочим оружием, положенным по штату.

— У наших полицейских нет штатного оружия.

— Тогда выдайте его. Даже не обязательно заряжать оружие; пистолеты или винтовки просто должны находиться при них. Резиновая дубинка — не что иное, как приглашение помериться с властями силой, потому что ты всегда сможешь убежать. Пистолет же пробуждает уважение.

— Мне кажется, эти меры несколько экстремальны в данной ситуации, — поморщился епископ Перегрино. — Комендантский час! А ночные смены как же?

— Отменить, за исключением жизненно необходимых.

— Валентина, простите меня, — сказал мэр Ковано, — но, отреагировав таким образом, мы можем сами спровоцировать беспорядки. По-моему, мы делаем из мухи слона.

— Насколько я понимаю, вы никогда не сталкивались с мятежами?

— Вчера ночью был первый и единственный случай, — ответил мэр.

— Милагре — городишко очень маленький, — пояснил епископ Перегрино. — Всего населения тысяч пятнадцать. Нас никогда не хватит на настоящий мятеж — это привилегия больших городов и перенаселенных планет.

— Здесь дело не в количестве населения, — поправила его Валентина, — здесь начинают действовать факторы плотности проживания и общественных страхов. Ваши пятнадцать тысяч человек ютятся на клочке земли, по площади вряд ли превышающем центр самого перенаселенного города. Вокруг Милагре возведена изгородь — намеренно возведена, потому что снаружи живут существа, чуждые людям и считающие, будто этот мир принадлежит им одним. А вокруг раскинулись бескрайние прерии, которые могли бы быть доступны людям, если бы свинксы не отказались дать позволение на их использование. В свое время ваш городок изрядно потрепала эпидемия дескалады, а сейчас вы начисто отрезаны от всего человечества, и вот-вот, в самом ближайшем будущем, вам на голову должен свалиться флот, цель которого — покарать вас всех как мятежников. По мнению живущих в Милагре людей, в этом, во всем этом, виновны свинксы. Прошлой ночью население узнало о том, что свинксы снова начали убивать людей, несмотря на данную ими торжественную клятву никогда не приносить вреда человеку. Не сомневаюсь, Грего весьма красочно расписал своим дружкам вероломство коварных свинксов — у мальчишки

очень неплохо подвешен язык, — поэтому-то завсегдатаи баров и отреагировали насилием. Уверяю вас, если не принять необходимых мер, сегодняшняя ночь может стать куда хуже.

— Если мы примем предложенные вами меры, сторонники Грего сочтут, будто мы запаниковали, — заметил епископ Перегрино.

— Напротив, они сочтут, что вы контролируете ситуацию. А благоразумные люди будут вам только благодарны. И вы вернете доверие общественности.

— Не знаю, — сказал мэр Ковано. — Ни одному мэру до меня не приходилось совершать ничего подобного.

— Ни у одного мэра до вас не возникало нужды в подобных действиях.

— Люди скажут, я воспользовался предлогом, чтобы установить свою диктатуру.

— Может быть, — пожала плечами Валентина.

— В жизни никто не поверит, что действительно мог случиться настоящий мятеж.

— Ну проиграете вы на следующих выборах, — ответила Валентина. — Что с того?

Перегрино громко расхохотался.

— Ответ типичного церковника, — восхитился он.

— Я не против проиграть на выборах, лишь бы сейчас не ошибиться, — гордо заявил Кована, правда в голосе все-таки прозвучали нотки сомнения.

— Вы просто-напросто не знаете, что предпринять, — сказала Валентина.

— Ну, вы же не можете дать стопроцентной гарантии, что сегодня вечером разразится мятеж, — отреагировал Кована.

— Могу, — сказала Валентина. — И обещаю: если вы сейчас не возьмете власть в свои руки и не устраните всякую возможность брожения в народе сегодня ночью, вам придется очень худо. Проиграть следующие выборы — не самое страшное из того, что вас ждет.

— С начала разговора вы сильно изменились, Валентина, — снова усмехнулся епископ. — Помнится, вы предупреждали нас, чтобы мы на многое не надеялись.

— Если вы считаете, что я перестраховываюсь, предложите другой выход из положения.

— Сегодня вечером я назначу службу в память об отце Эстеву и чтение молитв о мире и покое.

— Очень разумное решение, — съязвила Валентина. — В церкви соберутся как раз те, кто и так не станет участвовать в мятеже.

— Вы просто не понимаете, какое место в жизни людей Лузитании занимает вера, — напыщенно возвестил Перегрино.

— А вы никак не можете уразуметь, насколько разрушающими могут быть чувства страха и гнева и как быстро человек забывает о всякой религии, цивилизованности и гуманности, когда оказывается в беснующейся толпе.

— Сегодня ночью будет дежурить вся полицейская дружина, — наконец решил мэр Кованно. — Половина ее будет патрулировать улицы от заката до рассвета. Но закрывать бары и объявлять комендантский час я не стану. Я хочу, чтобы все было как прежде — во всяком случае, насколько это возможно. Если мы начнем менять заведенный порядок, закрывать все подряд, мы просто дадим толпе дополнительные поводы для страха и гнева.

— Вы всего лишь продемонстрируете, что власти контролируют положение дел, — вздохнула Валентина. — Вы примете меры, которые полностью соответствуют ужасным чувствам, обуревающим сейчас всех горожан. Они убедятся, что кто-то хоть что-то делает.

— Вы действительно очень мудры, — примиряюще сказал епископ Перегрино, — и это был бы

лучший совет, живи мы в городе побольше и на планете менее преданной христианской вере. Но мы живем в маленьком городишке, и наши люди очень благочестивы. Нет нужды запугивать их. На настоящий момент они больше нуждаются в поддержке и утешении, а не в комендантском часе, оружии и круглосуточных патрулях.

— Решать вам, — развела руками Валентина. — Я, как и обещала, помогла, чем смогла.

— И мы очень благодарны вам за совет. Можете не сомневаться, сегодня ночью я буду настороже, — попытался утешить ее Кована.

— Благодарю, что пригласили меня, — кивнула на прощание Валентина. — Но, как вы могли убедиться — и я вас предупреждала, — это ни к чему не привело.

Она поднялась со стула, тело онемело от долгого сидения в неудобной позе. Она так и не склонила головы. Не стала наклоняться и сейчас, когда епископ протянул ей руку для поцелуя. Вместо того она крепко пожала ее, а затем пожала руку мэру Кована. Как равный — равному. Как чужой человек — чужому.

Валентина быстрым шагом покинула кабинет, внутри у нее все кипело и бурлило. Она предупредила их и дала совет, что следует делать. Но,

подобно большинству людей, стоящих у власти и еще ни разу не сталкивавшихся с настоящим кризисом, они не поверили, что сегодня вечером может случиться нечто из ряда вон выходящее — все должно быть как прежде. Человек верит только в то, с чем ему уже довелось столкнуться ранее. После событий, которые обещает близящаяся ночь, мэр Ковано наконец уверует в пользу комендантского часа и жесткого контроля во времена потрясений. Но будет слишком поздно. К тому времени они будут подсчитывать потери.

Сколько еще могил будет вырыто рядом с могилой Квима? И кому суждено опуститься в них?

Хотя Валентина, чужая в этом городе, была знакома с немногими, она все же не могла принять будущие беспорядки как нечто неотвратимое. Оставалось последнее. Она поговорит с Грего. Попытается убедить его в серьезности происходящего. Если сегодня ночью он будет ходить из бара в бар и успокаивать людей, призывать их к спокойствию, тогда беспорядков можно избежать. Сейчас лишь в его власти остановить толпу. Люди знают его. Он приходится Квиму братом. Он тот самый человек, чьи слова воспламенили их прошлой ночью. Кое-кто послушается его речей, и мятеж не вспыхнет, гнев людей угаснет.

Непременно надо отыскать Грего.

Если бы только Эндер был здесь! Она всего-навсего историк; он же действительно вел людей в сражение. Пусть не взрослых, а мальчишек и девчонок. Но вел их в настоящий бой. Он бы знал, что делать. «Почему же его нет рядом? Почему именно на мою долю выпало справляться с грядущей опасностью? Я не гожусь для насилия, не способна на противостояние. И никогда не могла переступить через себя». Вот почему на свет появился Эндер, Третий, ребенок, родившийся по требованию правительства в век, когда семье не позволялось иметь больше двоих детей под страхом наказания. Эндер родился потому, что Питер оказался слишком злобным и коварным, а она, Валентина, — слишком мягкой.

Эндер убедил бы мэра и епископа в разумности предложенных ею действий. А если бы и у него не получилось, он бы сам отправился в город и успокоил людей. Он бы взял контроль над ситуацией в свои руки.

Но несмотря на то что она так сожалела об отсутствии Эндера, какой-то частью разума Валентина понимала, что, в принципе, даже он не сумел бы остановить взбесившуюся толпу, которая соберется сегодня вечером. Может

быть, даже того, что предложила она, было бы недостаточно для благополучного разрешения конфликта. В своих рекомендациях она основывалась на том, что видела на различных планетах и о чем читала на протяжении трех тысяч лет. В действительности огонек, вспыхнувший вчера, сегодня способен обернуться буйным пламенем. Только сейчас она стала понимать, что все может оказаться куда хуже, чем она предполагала. Народ Лузитании слишком долго жил в страхе перед соседствующей с ним инопланетной расой. Другие человеческие колонии по прибытии на место немедленно начинали расти, осваивать планету, и через несколько поколений весь мир принадлежал людям. Человек Лузитании до сих пор живет в тесной клетке, словно в зоопарке, и через решетки на него таращатся свиноподобные рыла чуждых тварей. Даже представить себе невозможно, что́ сейчас творится в душах этих людей. И скорее всего, так или иначе сегодня вечером их чувства прорвутся наружу. За один-единственный день с этим не справишься.

Гибель Либо и Пипо, случившаяся много лет назад, сама по себе была ужасна. Но те люди были учеными, работающими среди свинксов. С таким же успехом они могли погибнуть в

авиакатастрофе или при взрыве космического корабля. Профессиональный риск. Если на борту потерпевшего крушение судна находятся исключительно члены экипажа, люди не так скорбят по ним — ведь команде за то и платят деньги, что она рискует жизнью. Но когда погибают гражданские лица, тут-то и прорываются наружу страх и ярость. И по мнению колонистов Лузитании, Квим явился как раз такой невинной жертвой.

Более того, он был святым человеком, миссионером, пытавшимся донести понятия любви и братства до этих неблагодарных полузверей, не заслуживающих такого обращения. И они убили его. Это не просто зверство, жестокость, нет, это самое настоящее святотатство.

Люди Лузитании действительно очень набожны и благочестивы — тут епископ Перегрино не ошибся. Только он забыл, каким образом набожные прихожане реагируют на обиды, нанесенные их святыням. «Перегрино или плохо знаком с историей христианства, — подумала Валентина, — или вообще считает, что с подобными настроениями было покончено еще во времена Крестовых походов. Если Церковь является центром общественной жизни на Лузитании и люди настолько преданы своим пастырям, с чего

Перегрино взял, что скорбь по убитому священнику может быть утолена какой-то погребальной службой? А уверенность епископа в том, что гибель Квима сравнима с обычной смертью, только добавит людям злости». Епископ своей службой только усложнит положение дел, отнюдь не решив проблему.

Валентина все еще искала Грего, когда услышала бой колокола. Призыв к молитве. Однако время вечерней службы еще не наступило; должно быть, люди сейчас недоуменно прислушиваются к звону, ничего не понимая. Почему звонит колокол? И вдруг вспоминают — как же, ведь погиб Квим. Отец Эстеву зверски убит свинксами. О да, Перегрино, какая замечательная мысль — позвонить в церковный колокол! Все сразу поймут, как все спокойно и насколько все в норме!

О Господи, спаси и сохрани нас от всяческих мудрецов!

Миро лежал, свернувшись в клубок, среди корней Человека. Он мало спал прошлой ночью, практически вообще не спал. Сейчас он отдыхал, а вокруг суетились пеквениньос, по стволам Человека и Корнероя палочки выбивали бойкий ритм. Миро слышал разговоры, большей частью даже понимал их, несмотря на то что сам еще не

научился бегло общаться на языке отцов. Братья же и не пытались скрыть от него суть своих бесед. Ведь он как-никак был *Миро*. Они доверяли ему. Поэтому ничего плохого не случится, если он поймет, насколько они сердиты и напуганы.

Дерево-отец по имени Воитель убило человека. И не какого-то там постороннего — Воитель и его племя убили отца Эстеву, наиболее почитаемого свинксами человека после самого Говорящего от Имени Мертвых. Невозможно, непредставимо. Что теперь делать? Они пообещали Говорящему больше не воевать друг с другом, но как еще им наказать племя Воителя, чтобы показать людям, что пеквениньос осуждают жестокое деяние Воителя и отрекаются от его потомков? Единственным ответом была война: братья каждого племени должны напасть на лес Воителя и срубить все деревья, за исключением только тех, которые протестовали против убийства священника.

А их материнское дерево? По этому поводу возник наиболее ожесточенный спор: то ли достаточно убить всех братьев и сровнять с землей деревья из леса Воителя, то ли срубить и материнское древо, чтобы ни одно семя Воителя больше не пустило корни в этом мире. Самого

Воителя они оставят напоследок — позволят ему прожить некоторое время, чтобы он стал свидетелем уничтожения собственного племени, а потом сожгут дотла. Сожжение являлось самой ужасной казнью, первый раз за долгое время в лесу запылает пожар.

Миро слышал все это. Ему хотелось вставить свое слово, сказать им: «Теперь-то что толку?» Но он знал: пеквениньос сейчас ничто не остановит. Они слишком разозлились. Они скорбели о Квиме, но по большей части злились, потому что на них несмываемым пятном пал позор. Нарушив условия договора, Воитель опозорил всех до единого. Никогда больше люди не поверят пеквениньос, если только племя Воителя и сам он не будут стерты с лица земли.

Решение было вынесено. Завтра утром братья выступят в поход на лес Воителя. Долгие-долгие дни они будут собираться возле него, потому что все деревья мира примут участие в расправе. И когда наконец все будут готовы, когда лес Воителя будет со всех сторон окружен, вот тогда они и расправятся с ним — никто потом даже не догадается, что на этой равнине когда-то высился лес.

И люди увидят это. Спутники покажут им, как пеквениньос поступают с клятвопреступниками

и трусливыми убийцами. И тогда люди снова станут верить пеквениньос. И сами свинксы смогут без стыда смотреть в глаза людям.

Постепенно до Миро дошло: братья не просто так позволяют ему услышать эти разговоры и бурные обсуждения. Они делают это специально — он, Миро, должен услышать их и понять их намерения. «Они ожидают от меня, что я донесу эту весть до города. Они думают, я объясню людям Лузитании, каким образом пеквениньос намереваются наказать палачей Квима. Вот только неужели они не понимают, что я теперь здесь чужой? Кто будет меня слушать там, в Милагре, — меня, покалеченного мальчишку, пришельца из прошлого, который еле-еле говорит и слов которого даже не разобрать толком? Я не имею влияния на других людей. Я даже с собственным телом и то не могу справиться».

Однако это его долг. Миро медленно встал, выкарабкиваясь из-под укрывших его корней Человека. Надо попробовать. Он пойдет к епископу Перегрино и расскажет ему, как собираются поступить пеквениньос. Епископ Перегрино распространит эту весть, и, узнав, что в отместку за жизнь одного человека будут убиты тысячи невинных младенцев-пеквениньос, люди разом

почувствуют себя лучше.

Но что им малыши-пеквениньос? Какие-то черви, копошащиеся в стволе материнского древа. Этим людям никогда не понять, что между массовым убийством малышей-пеквениньос и избиением младенцев, которую учинил царь Ирод, прознав о рождении Иисуса, разница не так уж велика. Они настаивают на справедливости. А что значит по сравнению со смертью Квима поголовное уничтожение какого-то жалкого племени пеквениньос?

Грего.

«Я стою посреди поросшей травой площади, вокруг меня собралась огромная толпа, каждый человек соединен со мной прочной невидимой нитью, моя воля — их воля, мои губы произносят их слова, их сердца бьются в ритме с моим. Я никогда не ощущал ничего подобного, не жил такой жизнью, не был частью такого огромного скопления людей, нет, не частью, а мозгом, центром, во мне заключены все они, десятки, сотни. Мой гнев — их гнев, их руки — мои руки, их глаза видят только то, что показываю им я».

Настоящая музыка, ритм лозунгов: призыв — ответ, призыв — ответ…

— Епископ говорит, мы должны просить спра-

ведливости Господней, но удовлетворит ли нас это?

— Нет!

— Пеквениньос говорят, они уничтожат лес, который убил моего брата, но верим ли мы им?

— Нет!

«Они подхватывают мою мысль; когда я замолкаю, чтобы перевести дыхание, они кричат за меня, поэтому мой голос продолжает звучать, вырываясь из глоток пятисот мужчин и женщин. Епископ пришел ко мне, исполненный умиротворения, благочестия и терпения. Приходил ко мне и мэр, предупреждал о полиции, беспорядках, намекал на тюрьму. Заглянула Валентина, стремилась поразить меня остротой своего ума, говорила об ответственности. Все они догадываются о моей силе — силе, о существовании которой я раньше не подозревал, о власти, которую я начал ощущать, только когда перестал повиноваться им и в конце концов обратился к людям, раскрыв свое сердце. Правда — вот источник моей силы и власти. Я перестал обманывать людей и подарил им истину, и смотрите же, кем я стал, кем стали мы, сплоченные воедино».

— Если кто и имеет право наказать свинью за то, что она убила Квима, так это только мы.

За человеческую жизнь будут мстить человеческие же руки! Пеквениньос утверждают, будто убийцам вынесен смертный приговор, — но мы *одни* имеем право назначать палача! Мы *своими глазами* должны убедиться в том, что приговор приведен в исполнение!

— Да! Да!

— Они сидели и смотрели, как мой брат умирал, корчась в агонии, пожираемый десколадой! Они спокойно смотрели, как его тело пожирает адский огонь! Теперь мы сожжем их лес!

— Сжечь их! Огонь! Огонь!

«Вот! Они зажигают спички, выдирают клочки травы и поджигают их. Пламя! Все вместе мы запалим погребальный костер!»

— Завтра мы отправляемся в карательный поход…

— Сегодня! Сейчас!

— Завтра; мы не можем идти ночью, кроме того, надо запастись водой, продуктами…

— Сейчас! Сегодня же! Сжечь их всех!

— Говорю вам, за одну ночь туда не добраться, это в сотнях километров от Милагре, несколько дней пути…

— Прямо за забором найдутся свинксы!

— Но это ведь не они убили Квима…

— Все они убийцы, маленькие ублюдки!

— Они убили Либо!

— Они убили Пипо и Либо!

— Все как один убийцы!

— Сегодня же поджарим их!

— Всех спалим!

— Лузитания — наш мир, не отдадим его каким-то тварям!

«Они что, обезумели? Неужели они считают, что я позволю им убить местных свинксов — они же нам ничего плохого не сделали!»

— Это дело рук Воителя! Воителя и его лес мы накажем!

— Проучить их!

— Бей свинксов!

— Пали!

— Огонь!

Тишина, словно все замерло. Затишье. Представившаяся возможность.

«Думай, подбирай правильные слова. Придумай что-нибудь, чтобы отвлечь их, вернуть, ведь они ускользают от меня. Они — часть моего тела, часть моей души, но сейчас они отрекаются от меня. Один болезненный спазм — и я потеряю контроль, если он у меня когда-нибудь был, этот контроль. Что я могу сказать в эту краткую се-

кунду всеобщей тишины, что мне сделать, как привести их в чувство?»

Долго, слишком долго. Сомнения Грего чересчур затянулись. В этот краткий миг затишья откуда-то сзади прозвучал голос мальчика, еще совсем ребенка, исполненный детской невинности голосок, который пробудил во всех сердцах жуткий гнев и ненависть, требующих немедленного действия. Ребенок крикнул:

— За Квима и Иисуса Христа!

— Квим и Христос! Квим и Христос!

— Нет! — заорал Грего. — Подождите! Не смейте этого делать!

Они обтекли его жаркой волной, сбили с ног. Он попытался подняться, кто-то наступил ему на руку. Где же табуретка, на которой он стоял?

«Вот она, вцепиться в нее, не позволить им затоптать меня, они затопчут меня насмерть, если я не встану, я должен двигаться вместе с ними, подняться и идти с ними, бежать с ними, иначе они сомнут меня, сотрут в порошок».

Они неслись мимо него, завывая во всю глотку, что-то выкрикивая на бегу. Буйство перекинулось с площади на поросшие травой улицы; то тут, то там загорались небольшие факелы, люди кричали: «Огонь!», «Жги их!», «Квим и Христос!»

Подобно потоку лавы, вырывающемуся из квадратного жерла городской площади, толпа текла в сторону леса, замершего в ожидании на возвышающемся неподалеку холме.

— Господи Исусе, что они творят?!

Это была Валентина. Грего стоял на коленях, бессильно навалившись на табурет. Она глядела толпе вслед — «кратер» уже опустел и даже «остыл», люди огненной волной неслись прочь от места, где, собственно, и зародилась эта огненная волна.

— Грего, самоуверенный сукин сын, теперь-то ты видишь, что натворил?!

«Я?»

— Я собирался вести их на Воителя. Я хотел, чтобы справедливость свершилась.

— Идиот, ты же физик! Ты что, никогда не слышал о принципе неопределенности?

— Это квантовая физика. Филотическая физика…

— Физика толпы, Грего. Эти люди никогда тебе не принадлежали. Это ты им отдался. А теперь, использовав тебя, они собираются уничтожить лес, где живут наши лучшие друзья, самые преданные наши сторонники среди пеквениньос. Что нам делать дальше? Это война — война

между людьми и пеквениньос, если только последние не обладают в буквальном смысле слова нечеловеческим терпением. И война эта будет на нашей совести.

— Воитель убил Квима.

— Единичное преступление. А ты здесь положил начало массовым зверствам.

— Я ничего такого не делал!

— С тобой говорил епископ Перегрино, тебя предупреждал мэр Кована. Я лично умоляла тебя. А ты все равно поступил по-своему.

— Вы предупреждали меня о беспорядках, но такое…

— Дурак, это и есть беспорядки. Погромы. Массовая бойня. Избиение младенцев. Мы наконец-то ступили на долгую и ужасную дорогу, ведущую прямиком к ксеноциду.

— Вам не удастся свалить все это на меня одного!

Ее лицо, такое жуткое в падающем сверху лунном свете, в свете, вырывающемся из дверей и окон баров, и голос:

— Я обвиняю тебя только в том, что ты сделал. Ты запалил огонь в жаркий, засушливый, ветреный день, а ведь тебя предупреждали. Вот в чем я тебя обвиняю, и если ты отказываешься

признавать последствия собственных поступков, значит ты действительно недостоин человеческого общества, и я искренне надеюсь, что всю оставшуюся жизнь ты проведешь за решеткой.

И она ушла. Куда? Что она собирается делать? Нет, она не может оставить его здесь одного. Это несправедливо — бросать его вот так. Всего несколько мгновений тому назад он чувствовал себя громадным и сильным, внутри билось пять сотен сердец, он ощущал присутствие пяти сотен умов, пятьсот ртов выкрикивали его слова, у него выросла целая тысяча рук и ног. А теперь все это куда-то подевалось, словно его гигантское новое тело умерло. От него осталась дрожащая тень человека, один-единственный маленький червячок души, лишенной той мощной плоти, которой она только что правила. Грего никогда не испытывал такого приступа страха. Они чуть не растоптали его, так торопились убивать…

И все равно они принадлежат ему. Он создал их, сплотил в единую толпу, и пусть даже они не поняли, для чего он их сотворил, их все еще вел гнев, который *он* в них пробудил, они исполняли план, который *он* в них вложил. Нет, их цель заключалась в сотворении зла, вот и все, — иначе они сделали бы именно то, чего он от них доби-

вался. Валентина права. Он один ответствен за происшедшее. И все сотворенное ими тяжким грехом падет на его душу, как если бы он сейчас вел их к лесу за изгородью.

Что же ему делать?

Надо остановить их. Снова взять контроль в свои руки. Встать перед ними и умолять, умолять остановиться. Ведь они же нацелились не на тот далекий лес, где росло свихнувшееся дерево-отец по имени Воитель, они собирались жестоко расправиться с пеквениньос, которые были его друзьями, пусть даже он не особо их и любил. Надо остановить толпу, иначе кровь будет на его руках, ее будет вовек не отмыть, не оттереть, печать позора ляжет на него.

Грего побежал — по истоптанной дороге, по улицам города, трава на которых обратилась в прах. Он бежал, пока в боку не закололо. Тяжело дыша, он нырнул в дыру в изгороди, когда-то проделанную совместными усилиями, — где же дезинтефационный барьер, когда он так необходим? Почему его никто не включил?.. Грего бежал и бежал туда, где в небо уже устремился столб пламени.

— Остановитесь! Потушите огонь!

— Жги, жги!

— За Квима и Христа!

— Умрите, свиньи!

— Вон одна, уходит!

— Бей ее!

— Пали!

— Деревья недостаточно сухие — огонь не занимается!

— А, вот, пошло, пошло!

— Рубите дерево!

— Вот еще одна свинья!

— Смотрите, эти сволочи пытаются нападать!

— Разделаем их на кусочки!

— Ну-ка, дай-ка мне косу, тебе, я вижу, она без надобности!

— Давай на кусочки эту свинью!

— За Квима и Христа!

Брызнула фонтаном кровь, ее капли попали Грего прямо на лицо, пока он пробивался к центру бойни, пытаясь остановить их.

«Знал ли я его? Узнал ли я голос этого пеквениньо, прежде чем он обратился в нечленораздельный вопль агонии и смерти? Я ничем не смогу помочь ему, они зарубили его. Ее. Зарубили ее. Жену. Жены всегда стараются держаться в отдалении. Значит, мы почти в центре леса, а этот гигант, должно быть, материнское дерево».

— Вот оно, дерево-убийца, во всяком случае, очень похоже!

По всему периметру поляны, в центре которой росло громадное дерево, деревья поменьше внезапно начали изгибаться, клониться к земле и переламываться посередине. На мгновение Грего даже показалось, что это люди их срубают, но потом он понял: рядом с этими деревьями никого нет. Стволы ломались сами, гибли, лишь бы сокрушить опьяненных кровью людей — они приносили себя в жертву, чтобы спасти материнское дерево.

И это сработало. Хоть и ненадолго, но это остановило убийц. Со всех сторон раздавались отчаянные вопли, дюжина или две людей полегли под падающими стволами. Некоторых сразу задавило, другим переломало руки-ноги. Но скоро не осталось ни одного дерева, только материнское древо высилось на поляне — ствол весь пошел волнами, словно что-то ломало дерево изнутри, кора начала раздаваться.

— Не трогайте ее! — что было сил закричал Грего. — Это дерево-мать! Она ни в чем не виновата!

Но его отчаянный крик потонул в воплях раненных и придавленных деревьями людей. Ими овладел панический ужас, когда они поняли, что

лес способен ответить им и что здесь вершатся не отмщение и справедливость — здесь разгорелась настоящая война и участвуют в ней две стороны.

— Сжечь его! Сжечь его!

Скандирующие голоса звучали достаточно громко, чтобы почти заглушить стоны умирающих. А ветви рухнувших деревьев теперь протянулись к материнскому древу. Люди поджигали эти ветви, и те с легким шипением воспламенялись. Кое-кто уже пришел в себя и успел понять, что, если загорится дерево-мать, огонь перекинется и на придавленных упавшими стволами людей; несколько человек бросились вытаскивать товарищей из-под стволов. Но для большинства, опьяненного пролившейся кровью и легким успехом, древоматерь была Воителем, убийцей. Для них в этом мире все было чуждо; перед ними стоял враг, который держал их в пределах изгороди, этакий земельный лорд, который не позволяет выходить за пределы маленького клочка земли, на котором они ютились, тогда как вокруг раскинулись бескрайние равнины планеты. Для них дерево-мать олицетворяла злобного властителя, неизвестного и опасного, и теперь они вольны были расправиться с тираном.

Грего охватили отвращение и ужас, в его ушах

звенели вопли попавших в ловушку людей, на которых надвигался огонь, вой тех, кого настигла огненная волна, триумфальное скандирование колонистов, чьими руками были совершены все эти убийства.

— За Квима и Христа! За Квима и Христа!

Грего чуть не бросился бежать прочь, прочь отсюда. То, что он видел, чувствовал, слышал, было невыносимо: ярко-оранжевые языки пламени, запах горелой человеческой плоти и треск живого дерева.

Но он выстоял, не обратился в бегство. Он пришел на помощь тем, кто метался взад-вперед у самой огненной стены, вытаскивая живых из-под упавших деревьев. Грего был обожжен, один раз на нем загорелась одежда, но жаркая боль была в некотором роде спасительной и милосердной, потому что он заслужил наказание. Он умрет в этом лесу. И сам уже готов был поспособствовать этому: стоит немного углубиться в стену пламени, и он уже никогда не вернется, его преступление будет выжжено из него, все, что от него останется, — пепел и обуглившиеся кости. Но нет, надо было вытаскивать из огня людей, еще оставались жизни, которые можно было спасти. Кто-то притушил тлеющую на его плечах одежду и помог

ему поднять дерево, чтобы мальчишка, придавленный тяжестью, смог выползти. Как смел он думать о смерти, когда в нем нуждались, когда он мог помочь и спасти еще одного ребенка?

— За Квима и Иисуса! — стонал мальчик, покрабьи отползая подальше от пламени.

Вот это кто, вот мальчик, чьи слова взорвали тишину и обратили толпу в сторону леса пеквениньос. «Это ты произнес те слова, — подумал Грего. — Ты отнял их у меня».

Мальчик поднял глаза и сразу узнал его.

— Грего! — воскликнул он и кинулся к нему. Его руки обхватили Грего за пояс, голова прижалась к бедру. — Дядя Грего!

Это был старший сын Ольяду, Нимбо.

— Мы сделали это! — чуть не плакал мальчик. — Отомстили за дядю Квима!

Огонь громко потрескивал вокруг. Грего поднял мальчика на руки и вынес его из бушующего пламени подальше в лес, туда, где было прохладнее. За ним двинулись и все остальные. Языки пламени подгоняли людей, ветер гнал пожар прямо на них. Многие испытывали то же, что и Грего: усталость, страх, боль от ожогов, полученных, когда они вытаскивали из-под деревьев своих сограждан.

Но кое-кого — и весьма многих — еще не затронул огонь, в сердцах их все еще бушевал костер, который Грего и Нимбо запалили на площади.

— Сжечь их ко всем чертям! — то тут, то там продолжали раздаваться призывы.

Распаленные люди собирались в небольшие группки, похожие на водовороты в бурном потоке, но теперь в руках они сжимали сделанные из ветвей деревьев факелы, запаленные от бушующего в сердце леса огня.

— За Квима и Христа! За Либо и Пипо! Жги деревья! Жги деревья!

Грего, шатаясь, двинулся к ним.

— Опусти меня, — попросил Нимбо.

Вперед, к толпе.

— Я сам могу идти.

Но Грего, казалось, ничего не слышал. Что-то гнало его вперед. Он не мог отпустить Нимбо, не мог постоянно останавливаться и ждать, пока тот не нагонит его, но и бросить мальчика было нельзя. Да не покинешь ты сына брата своего в лесу пылающем. Поэтому он нес его на руках. Тело Грего нестерпимо болело от напряжения, обожженное плечо превратилось в пылающий сгусток боли, но в конце концов, изнемогающий, он выбрался из леса к старым воротам. Тропинка,

которая вывела его, вливалась в дорогу, ведущую к лабораториям ксенобиологов.

На поляне, сразу перед лесом, собралась огромная толпа, многие размахивали факелами, но почему-то никто не решался подойти к двум отдельно растущим деревьям, вздымающимся перед колонией, — к Человеку и Корнерою. Грего, все еще сжимая в объятиях Нимбо, пробился сквозь толпу; сердце его судорожно стучало, его переполняли страх и страдание, но все же где-то внутри еще теплилась искра надежды, ибо он догадывался, что остановило людей с факелами. И когда он наконец выбрался на открытое место, то убедился в своей правоте.

Вокруг деревьев-отцов сгрудилось не меньше двух сотен пеквениньос, маленькие тельца сбились в одну кучу, со всех сторон осажденные озлобленными людьми. Несмотря на безвыходность положения, чувствовалось, что туземцы будут биться до последнего и полягут здесь все, но не позволят людям сжечь эти два дерева. Однако будет так, как решит толпа, пеквениньос не остановить настроенных на убийство людей.

Заминку вызвало то, что между свинксами и толпой встал Миро, гигантом возвышающийся над пеквениньос. Он был безоружен, но руками

как бы закрывал пеквениньо или, возможно, сдерживал их. Глухой, почти неразборчивый голос гневно взывал к толпе.

— Сначала убейте меня! — кричал Миро. — Вам же по душе убивать! Так убейте меня! Так же, как они убили Квима! Убейте меня сначала!

— Мы не убьем тебя! — откликнулся один из факельщиков. — Но эти деревья умрут. И свинксы вместе с ними, раз у них не хватило мозгов вовремя удрать.

— Сначала я! — ответил Миро. — Они — мои братья! Сначала убейте меня!

Он говорил как можно громче, стараясь четко произносить слова, чтобы его понимали все. Толпу все еще обуревал гнев. По крайней мере некоторые из присутствующих по-прежнему жаждали крови. Однако многие уже устали от убийств и устыдились содеянного, сердцем уже осознав, что этой ночью они совершили ужасное деяние, вверив души воле толпы. Грего снова нащупал потерянную было связь с остальными и понял, что исход еще не очевиден: те, кто до сих пор ощущал жар гнева, могли запалить последний погребальный костер этой ночью, но могла победить и другая часть — те, чьи души уже поддались стыду и сожалению.

И Грего воспользовался последней подвернувшейся возможностью, чтобы хоть частично очиститься от греха. Не выпуская Нимбо, он шагнул вперед.

— И меня вместе с ним! — крикнул он. — Убейте и меня тоже, прежде чем поднимете руку на этих братьев и эти деревья!

— С дороги, Грего! Ты и калека, пошли прочь!

— Чем же вы будете отличаться от Воителя, если убьете этих малышей?

Грего встал рядом с Миро.

— Прочь с дороги! Сожжем деревья — и дело с концом! — В голосе уверенности явно убыло.

— Позади вас пылает пожар, — сказал Грего. — Слишком многие сегодня погибли — как люди, так и пеквениньос. — Голос его был хриплым, ему не хватало дыхания, легкие ел дым, которым он надышался в лесу, но он еще мог говорить. — Лес, который убил Квима, находится во многих днях пути отсюда, и Воитель по-прежнему себе растет. Сегодня ночью здесь вершилась несправедливость. Мы повинны в убийстве.

— Свинксы везде одинаковы!

— Неужели? А если бы с вами случилось то же самое? — Грего подошел к одному мужчине, лицо которого выражало усталость и явное нежела-

ние продолжать расправу, и обратился к нему, указывая пальцем в сторону заводилы: — Вот ты! Ты хотел бы быть наказанным за то, что совершил *он*?

— Нет, — пробормотал мужчина.

— Если бы *он* убил кого-нибудь, тебе бы показалось справедливым, когда другой человек пришел бы к тебе домой и убил в отместку твою жену и детей?

На этот раз откликнулось сразу несколько голосов:

— Нет.

— Почему же? Ведь люди везде одинаковы?

— Я детей не убивал, — угрюмо заявил заводила.

Теперь он уже защищался. И местоимение «мы» исчезло из его речи. Он говорил сам за себя, он остался в одиночестве. Толпа редела, быстро разваливаясь на группки.

— Мы сожгли материнское дерево, — сказал Грего.

За его спиной раздалось жалобное всхлипывание, кто-то из свинксов завыл протяжным, высоким голосом. Для братьев и выживших жен слова Грего послужили подтверждением самых худших страхов. Дерево-мать было сожжено.

— То гигантское дерево посреди леса — внутри его находились все их дети. Все. Этот лес не причинил нам никакого вреда, а мы пришли и убили их детей.

К Грего присоединился Миро, положив ему на плечо руку. Оперся ли на него Миро? Или, наоборот, помогает удержаться на ногах?

— Все, — устало обратился Миро к толпе, — расходитесь по домам.

— Может быть, попробуем потушить пожар? — предложил Грего.

Но было поздно — пламя охватило лес.

— Идите домой, — снова повторил Миро. — За изгородь никому ни ногой.

Но остатки гнева все еще давали о себе знать.

— А кто ты такой, чтобы приказывать нам?

— За изгородь не выходите, — сказал Миро. — Помощь к пеквениньос уже идет. Теперь другие будут охранять и защищать их.

— И кто же? Полиция?

Кое-кто горько рассмеялся, ведь многие из них либо сами были членами полицейской дружины, либо видели полисменов среди участников поджога.

— Так, а вот и помощь, — тихо промолвил Миро.

Послышался низкий гул, сначала отдаленный, еле пробивающийся сквозь рев пламени, но он все нарастал и нарастал, пока наконец из-за холма не вынырнуло пять флайеров. Скользя над самой травой, они сделали несколько кругов над толпой, черной тенью пролетая на фоне горящего леса и отбрасывая яркие блики. Покружив таким образом пару минут, машины приземлились, почти утонув в высокой траве. Только тогда люди различили какие-то темные формы — по шесть силуэтов спрыгнули с каждой летающей платформы. То, что толпа приняла за отливающую металлом выпуклость корпуса флайера, оказалось на деле вовсе не корпусом, а живыми существами, не такими высокими, как человек, но и не таким низенькими, как пеквениньос, с большими головами и фасеточными глазами. Существа не предпринимали никаких угрожающих действий, они просто выстроились в шеренгу, каждая команда перед своим флайером, но и этого было достаточно. Одного вида их хватило, чтобы пробудить в людях воспоминания о древних кошмарах и жутких былинах.

— Deus nos perdoe! — закричал кое-кто. «Боже, спаси и сохрани нас!»

Они, видимо, сочли, что кара настигнет их

тотчас же.

— Расходитесь по домам, — спокойно приказал Миро. — Не выходите за пределы изгороди.

— Кто это? — как бы у всех разом спросил детский голосок Нимбо.

Повсюду зашептались:

— Дьяволы.

— Карающие ангелы.

— Смерть.

И наконец прозвучал верный ответ, слетевший с губ Грего, потому что он-то знал, кто это, хоть это и было невероятно.

— Жукеры! — изумленно проговорил Грего. — Жукеры здесь, на Лузитании!

Спасаться бегством никто не стал. Люди потихоньку потянулись прочь, с опаской оглядываясь, сторонясь странных, неведомых тварей, о существовании которых никто даже не догадывался, о чьем могуществе им давным-давно, еще в школе, поведали древние видеозаписи. Жукеры, которые однажды чуть не уничтожили все человечество и которых, в свою очередь, разгромил Эндер Ксеноцид. Книга, называвшаяся «Королева Улья», повествовала, что на самом деле жукеры были прекрасны и ни в коей мере не заслуживали смерти. Однако, увидев их перед собой — черные

сверкающие экзоскелеты, тысячелинзовые поблескивающие зеленые глаза, — не красоту, но ужас ощутили люди. И когда они шли домой, у них в голове уже прочно отложилось, что за изгородью их будут поджидать не маленькие робкие свинксы, а *эти*. И если раньше они сидели в тюрьме, то сейчас очутились в одном из кругов ада.

В конце концов от всей толпы остались только Миро, Грего и Нимбо. Свинксы потрясенно взирали на жукеров — в потрясении, но не в ужасе, ибо, в отличие от человека, их никогда не преследовали по ночам насекомообразные кошмары. Наоборот, жукеры пришли к ним как спасители и защитники. Но любопытство было самым поверхностным, сейчас пеквениньос больше скорбели и оплакивали тех, кого потеряли.

— Человек попросил Королеву Улья помочь им, но та ответила, что не станет убивать людей, — объяснил Миро. — Тогда уже Джейн заметила огонь со своих спутников на орбите и связалась с Эндрю Виггином. Он поговорил с Королевой Улья и растолковал, что делать дальше. Объяснил, что ей не придется никого убивать.

— Так они не убьют нас? — переспросил Нимбо.

Грего пришло на ум, что последние несколько

минут Нимбо провел в ожидании неотвратимой смерти. А потом понял, что и сам точно так же готовился умереть. Только сейчас, выслушав объяснение Миро, он осознал, что жукеры явились вовсе не затем, чтобы наказать его и Нимбо за костер, который они запалили этой ночью. Нет, не они — он один повинен в случившемся; это он, Грего, все подготовил так, что потребовалась лишь маленькая искорка, которую по неведению и высек Нимбо.

Грего медленно встал на колени и опустил мальчика на землю. Руки уже не повиновались ему, а боль в плече стала практически невыносимой. Он заплакал. Но не боль была причиной его слез.

Жукеры задвигались, быстро исполняя полученные приказы. Бóльшая часть отряда осталась на земле и расползлась в разные стороны, чтобы занять патрульные посты по периметру города. Двое забрались на флайеры, по одному на машину, поднялись в воздух и полетели над пылающим лесом и занимающейся травой, опрыскивая их какой-то жидкостью. Пламя начало отступать и вскоре совсем потухло.

Епископ Перегрино стоял на низеньком фундаменте, который был заложен только нынешним

утром. Все люди Лузитании собрались вокруг него, расположившись среди высокой травы. Епископ воспользовался небольшим громкоговорителем, чтобы никто не пропустил ни слова из его речи. Но никакая техника ему, скорее всего, и не понадобилась бы — все молчали, даже маленькие детишки оставили возню, казалось проникнувшись всеобщей печалью.

Позади епископа простирался лес, почерневший, но не безжизненный — некоторые деревья уже снова зеленели. Перед ним лежали покрытые простынями тела, каждое рядом со своей могилой. Ближе всего лежали останки Квима — отца Эстеву. Другие тела принадлежали людям, погибшим две ночи назад под стволами деревьев и в пламени пожара.

— Эти могилы станут полом церкви, поэтому каждый раз, входя в нее, мы будем ступать по праху мертвых. По телам тех, кто умер, принеся смерть и разорение нашим братьям пеквениньос. Тут же будет похоронен отец Эстеву, который погиб, неся слово Иисуса Христа в лес к еретикам. Он умер как мученик. Другие же ушли из жизни с жаждой убийства в сердцах и с кровью на руках. Я говорю как можно проще, чтобы Говорящему от Имени Мертвых не пришлось

что-либо досказывать за меня. Я говорю простыми словами — так Моисей обращался к детям Израиля, отрекшимся от веры в Господа и вознесшим на Святой престол златого тельца. Из всех собравшихся здесь лишь малая горстка не несет ответственности за свершенное преступление. Отец Эстеву умер чистым душой и телом, хоть его имя и выкрикивали богохульные губы убийц. Говорящий от Имени Мертвых и его спутники, которые привезли домой тело принявшего мученическую смерть священника… И Валентина, сестра Говорящего, которая предупреждала мэра и меня о возможном исходе событий… Валентина хорошо знает историю, она долгое время изучала человека, но мэр и я посчитали, что мы знаем вас и что вы сильнее истории. Увы, оказалось, вы ничем не отличаетесь от других людей, и я тоже. Грех лежит и на каждом из тех, кто мог бы воспрепятствовать кровопролитию, но не поступил так! Он лежит на наших женах, которые даже не пытались удержать дома мужей своих. На тех, кто все видел, но ничего не сказал. И на всех, кто, запалив факелы, пошел войной на дружественное нам племя братьев во Христе, возложив на них вину за убийство, совершенное их дальними родственниками на другом конце континента.

Закон покарал преступника, но это лишь малая часть возмездия. Герано Грегорио Рибейра фон Хессе находится сейчас в тюрьме, но обвиняется он не в организации беспорядков, а в ином преступлении: в том, что не оправдал доверия и выдал тайны, которые ему не принадлежали. Ему не будет вменено в вину убийство пеквениньос, потому что он ответствен за него не более, чем кто-либо из вас, последовавших его призывам. Вы понимаете меня? Вина лежит на всех нас, и каждый должен раскаяться в своем поступке наравне с остальными, все вместе мы должны принять епитимью и молиться, чтобы Христос простил нам ужасы, сотворенные нами с его именем на устах!

Я стою на фундаменте этой новой церкви, которая будет наречена именем отца Эстеву, апостола, обратившего пеквениньос. Камни, легшие в основание, были вынуты из стен нашего собора — теперь в стенах зияют огромные дыры, куда будет задувать ветер и куда будет лить дождь, пока мы станем молиться. И собор, полуразрушенный и искалеченный, останется в таком виде, пока строительство церкви не будет закончено.

Но как мы построим ее? Вы разойдетесь по домам, все вы, проломите одну из стен своего дома

и принесете камни из нее сюда. И вы оставите свои очаги разрушенными, пока эта церковь не будет построена.

Затем мы пробьем дыры в стенах каждого завода, каждого здания в нашей колонии, и не останется такого дома, который бы не являл свету рану нашего греха. И раны эти должны оставаться незалеченными, пока стены церкви не вознесутся на достаточную высоту, чтобы покрыть их крышей, балки для которой будут вытесаны из обгорелых деревьев леса, павших, защищая свой народ от рук убийц, то есть от нас.

И тогда мы все до единого соберемся у этого собора и войдем в него на коленях, друг за другом. Каждый из нас должен будет проползти по могилам наших мертвых, под телами древних братьев, вошедших в третью жизнь в облике деревьев. Милосердный Господь одарил их вечным существованием, а мы лишили их этого дара. И мы будем молить о прощении. Мы будем молиться почтенному отцу Эстеву, чтобы он заступился за нас. Мы будем молиться Иисусу Христу, чтобы он дозволил нам искупить чудовищный грех, а не вверг на веки вечные в ад. Мы будем молить Господа очистить нас.

И только тогда мы восстановим наши разломан-

ные стены, исцелим дома наши. Вот возложенная на нас епитимья, дети мои. И помолимся Господу, чтобы она покрыла наш грех.

Посреди запорошенной пеплом поляны стояли Эндер, Валентина, Миро, Эла, Квара, Кванда и Ольяду. Они молча наблюдали за тем, как самую почтенную из жен потрошат живьем и сажают в землю, чтобы из тела второй жизни проросло новое материнское древо. Уцелевшие в резне жены вытащили из провала старой древоматери трупики мертвых младенцев и маленьких матерей и сложили их на истекающее кровью тело, так что они образовали небольшой холмик. Спустя несколько часов росток пробьется сквозь трупы к солнечному свету.

На их плоти новая древоматерь будет расти быстрее и довольно скоро достигнет необходимой толщины и высоты, чтобы открыть в стволе щель. Если она вырастет в положенный срок, если успеет открыться, то несколько выживших младенцев, цепляющихся за ствол внутри зияющего провала погибшей древоматери, будут переведены в убежище, которое предложит им новое дерево-мать. Если среди уцелевших младенцев окажутся маленькие матери, их отнесут к единственным оставшимся деревьям-отцам

— Человеку и Корнерою — для оплодотворения. И если внутри их крошечных тел будут зачаты новые младенцы, тогда лес, который познал все наилучшее и все наихудшее от человеческих созданий, будет жить.

Если же нет, если все дети окажутся самцами, что вполне вероятно; если женские особи окажутся неспособными к оплодотворению, что также возможно; если выяснится, что пламя, охватившее дерево-мать и погубившее его, нанесло неизлечимые увечья и младенцам; если они ослабеют после долгих дней голодания, которые их ждут, пока новая древоматерь не будет готова принять их, — тогда лес, вместе со всеми братьями и женами, умрет, а Человек и Корнерой останутся одни перед лицом вечности — лишенные племени деревья-отцы. Может быть, какое-нибудь другое племя начнет почитать их и будет приносить к ним маленьких матерей для оплодотворения. Может быть. Но никогда им не быть отцами собственного племени, окруженными сыновьями своими. Они превратятся в одинокие деревья, лишенные леса, будут выситься одинокими памятниками делу своей жизни — сплочению людей и пеквениньос.

Что же касается обращенного на Воителя гнева,

то он бесследно исчез. Деревья-отцы Лузитании вынесли решение: какой бы моральный долг ни накладывала на пеквениньос смерть отца Эстеву, по нему заплачено и переплачено — погиб лес Корнероя и Человека. Разумеется, после случившейся бойни Воитель стяжал множество поклонников своей ереси: разве сами люди не доказали, что они недостойны слова Христова? Именно пеквениньос, говорил Воитель, избраны быть сосудами Святого Духа, тогда как люди не несут в себе ни единой частички Господней. «Теперь нам нет нужды убивать людей, — заявлял он. — Нам осталось только ждать, и Дух Святой сам расправится с ними. А тем временем Бог послал Королеву Улья, которая построит нам космические корабли. На каждую планету, которую мы посетим, вместе с нами снизойдет Святой Дух и свершит суд. Мы станем карающими ангелами. Мы станем Иешуа и сынами Израиля, заставившими Землю обетованную, Ханаан, пасть на колени перед богоизбранным народом».

Теперь ему верили многие пеквениньос. Воитель больше не выглядел в их глазах сумасшедшим, они лично засвидетельствовали приближение апокалипсиса в пожарище невинного леса. Многие пеквениньос сочли, что им

больше нечему учиться у человечества. Человек стал не нужен Богу.

Однако здесь, на этой лесной полянке, по щиколотки утопающие в пепле братья и жены, несущие вахту у прорастающего дерева-матери, не верили в доктрину Воителя. Они, столкнувшиеся с человеком во всех его проявлениях, все равно избрали людей свидетелями и помощниками в своей попытке возродиться.

— Это потому, — объяснил Сеятель, который теперь говорил от имени выживших братьев, — что мы знаем: не все люди одинаковы, как не похожи друг на друга пеквениньос. В некоторых из вас живет Христос, в других — нет. Не все из нас похожи на братьев из леса Воителя, и не всякий из вас вынашивает в душе убийство.

Так случилось, что именно Сеятель держал за руки Миро и Валентину тем утром. Солнце вот-вот должно было взойти, когда ствол нового материнского древа наконец распахнулся и жены осторожно перенесли ослабевших и изголодавшихся выживших младенцев в его чрево. Слишком рано было что-либо утверждать, но какая-то надежда оставалась: дерево-мать подготовилась к приему всего за полтора дня, а до этого мгновения дожило почти четыре десятка

младенцев. По крайней мере дюжина из них должны была оказаться способными к оплодотворению маленькими матерями, и даже если всего четыре маленькие матери понесут, лес вернется к жизни.

Сеятель дрожал всем телом.

— Братья никогда с таким не сталкивались, — еле выговорил он. — Ни разу — за всю нашу историю.

Некоторые из братьев опустились на колени и начали креститься. Многие все время, пока росло новое дерево-мать, молились не переставая. Это зрелище напомнило Валентине о том, что рассказала ей Квара накануне. Она подступила к Миро поближе и прошептала:

— Эла тоже молилась.

— Эла?

— Перед самым пожаром. Квара была с ней у гробницы ос Венерадос. Она молилась, чтобы Бог наставил нас на путь истинный и помог разрешить все наши проблемы.

— Об этом сейчас все молятся.

Валентина подумала о событиях, происшедших за те несколько дней, которые прошли со времени молитвы Элы.

— Думаю, Эла сейчас весьма разочарована от-

ветом Господа.

— Обычное дело.

— Но, может быть, это… древоматерь открылась необыкновенно быстро, — может быть, это и есть начало Его ответа.

Миро непонимающе повернулся к Валентине:

— Так вы верующая?

— Сочувствующая, скажем так. Надеюсь, кому-то действительно не все равно, что творится с нами. Это ровно на ступеньку выше обыкновенного желания. Но ступенькой ниже надежды.

Миро легонько улыбнулся, но Валентина не поняла, то ли ему пришлись по нраву ее слова, то ли они его просто позабавили.

— И какой же следующий шаг предпримет Господь, чтобы ответить на молитву Элы?

— Поживем — увидим, — хмыкнула Валентина. — Наше дело решить, что нам дальше делать. Нам всего-то предстоит разобраться с парочкой самых заковыристых проблем во всей Вселенной.

— Ну, может, таким путем мы и до Бога когда-нибудь доберемся, — ответил Миро.

Затем прибыла Кванда. Как ксенобиолог, она тоже участвовала в вахте, и хотя свою смену она недавно отстояла, новость об открытии древо-

матери мгновенно донеслась до нее. Обычно с ее приходом Миро сразу же удалялся. Но не сегодня. Валентина с некоторым удовлетворением заметила, что Миро не игнорирует Кванду и в то же время не пялится на нее; она просто была — работала с пеквениньос, как и он. Несомненно, оба они весьма искусно притворялись, но Валентина из личного опыта знала, что притворство и есть нормальное состояние человека, — люди постоянно действуют в соответствии с теми ролями, исполнения которых от них ждут. Миро просто достиг такой точки, когда начал принимать Кванду, выучил новую, нормальную роль, как бы фальшива она ни была. А может быть, он вовсе не фальшивил. Ведь Кванда теперь была в два раза старше его. Та девушка, которую он когда-то любил, осталась в прошлом.

Они любили друг друга, но ни разу не спали вместе. Валентина только порадовалась, когда Миро сказал ей об этом, хоть в его словах и прозвучало гневное сожаление. Валентина давным-давно поняла, что в обществе, где чистота и верность ставились на первое место, как это было на Лузитании, юноши и девушки, умеющие контролировать и направлять пробуждающиеся страсти в нужное русло, вырастали сильными

и цивилизованными людьми. Те же, кто был либо слишком слаб, чтобы сдерживать себя, либо чересчур высокомерен, чтобы считаться с общественными нормами, обычно становились либо овцами, либо волками, то есть либо отупелыми членами стада, либо хищниками, которые забирали, что могли, но ничего не давали взамен.

Впервые встретившись с Миро, Валентина несколько опасалась, что тот может оказаться или жалеющим себя слабаком, или замкнутым хищником, пропитанным ядом злобы из-за своего калечного тела. Но опасения ее не оправдались. Сейчас он, может быть, сожалел о сохраненной в молодости невинности — с его стороны совершенно естественно сожалеть о том, что он не возлег с Квандой, пока был еще здоров и полон сил и когда оба были молоды, — но Валентина этому только обрадовалась. Это показывало, что в Миро присутствует внутренняя сила, что он чувствует ответственность перед общиной. Валентина ничуть не удивилась, узнав, что Миро в одиночку сдерживал разъяренную толпу, тем самым спасая жизнь Корнерою и Человеку.

Совершенно очевидно, что теперь Миро и Кванда изо всех сил постараются делать вид, будто они ничем друг с другом не связаны, будто

просто выполняют свою работу. И это абсолютно нормально. Внутренняя сила и уважение к окружающим. Такие люди сплачивают любое общество, ведут его в будущее. В противоположность волкам и овцам, они исполняют лучшую роль, нежели предписывает им внутренний сценарий, продиктованный затаенными страхами и желаниями. Они избирают сценарий приличий, самопожертвований, чести — сценарий цивилизации. И постепенно переживают пору притворства и становятся на деле гуманными и честными. «Человеческая история действительно познала цивилизованность, — подумала про себя Валентина, — но только благодаря таким, как они. Благодаря таким вот пастырям».

Новинья встретила его в дверях школы. Она стояла, опираясь на руку Доны Кристы, четвертой аббатисы Детей Разума Христова, руководившей орденом еще до того, как Эндер прилетел на Лузитанию.

— Мне нечего тебе сказать, — промолвила она. — По закону мы все еще муж и жена, но только по закону.

— Я не убивал твоего сына, — ответил он.

— Но ты и не спас его, — возразила она.

— Я люблю тебя, — сказал Эндер.

— Если ты вообще способен на любовь, — горько проговорила Новинья. — Да и любишь ты меня, только когда сумеешь выкроить немножко свободного времени, а так обычно ты все подглядываешь, все присматриваешь за кем-то. Возомнил себя неким ангелом-хранителем, на чьи плечи возложена ответственность за судьбу всей Вселенной. А я от тебя просила лишь одного — принять на себя ответственность за мою семью. Ты замечательно любишь триллионы людей, с дюжинами получается чуть похуже, а одного человека тебе вообще никогда не полюбить.

Ее слова были жестоки, он знал, что на самом деле это не так, но спорить не стал.

— Прошу тебя, вернемся домой, — сказал Эндер. — Ты любишь меня и нуждаешься во мне, а я точно так же нуждаюсь в тебе.

— Здесь теперь мой дом. Мне больше не нужен ни ты, ни кто-либо другой. Если ты пришел только за этим и больше тебе сказать нечего, то не трать зря время — ни мое, ни свое.

— Нет, это еще не все.

Она терпеливо ждала.

— Файлы в лаборатории. Ты их все опечатала. Мы должны как-то справиться с десколадой, прежде чем она покончит с нами.

Ответом ее была вялая, горькая улыбка.

— Что же ты ко мне пришел? Джейн без труда разгадает мой пароль, или я не права?

— Она не пыталась, — пожал он плечами.

— Не сомневаюсь — вы просто щадите мою гордость. Но на деле-то она легко справится с этим, не так ли?

— Наверное.

— Вот и попроси ее. Тебе больше никто и не нужен. Во мне ты вообще никогда не нуждался, ведь у тебя есть она.

— Я старался быть тебе хорошим мужем, — сказал Эндер. — Я никогда не обещал, что смогу защитить от всего на свете, но делал все, что в моих силах.

— Если б все было так, как ты говоришь, мой Эстеву был бы сейчас жив.

Новинья повернулась к нему спиной, и Дона Криста повела ее обратно внутрь здания. Эндер провожал их взглядом, пока они не скрылись за углом. Затем развернулся и вышел за дверь. Он сам не знал, куда идет, знал только, что непременно должен достичь своей цели.

— Мне очень жаль, — мягко прозвучал голос Джейн.

— Ага, — буркнул он.

— Когда меня не станет, — сказала она, — может быть, Новинья вернется к тебе.

— Я сделаю все от меня зависящее, чтобы не дать тебе погибнуть, — возразил он.

— Но от тебя-то здесь ничего не зависит. Они собираются отключить меня через пару месяцев.

— Заткнись! — рявкнул Эндер.

— Это правда.

— Заткнись и дай мне подумать.

— Что, ты теперь меня спасать собрался? Последние несколько недель у тебя со спасением дела обстоят неважно.

Он не ответил, а Джейн, видимо, решила не настаивать. Эндер вышел из ворот, но направился не к лесу, а, наоборот, углубился в равнины. Весь день он провел в траве, один, под лучами жаркого солнца.

Он пытался разобраться с проблемами, которые неотступно преследовали его: наступление флота; грядущее отключение Джейн; атаки десколады, ставящие под угрозу жизнь колонистов Лузитании; план Воителя распространить десколаду по всей Галактике; весьма неприглядная ситуация внутри города — в то время как Королева Улья несет постоянную вахту у окружающей Милагре изгороди, а люди исполняют наложен-

ную на них епитимью, разрушая стены своих жилищ.

Но порой его мозг отвлекался от всяких раздумий — Эндер просто стоял или лежал в траве, ему не хватало сил даже для того, чтобы разрыдаться, и ее лицо то и дело представало перед ним, ее губы шептали его имя, молча молили его. Но он знал, что, даже если заговорит, даже закричит во весь голос, даже если она услышит его, она все равно не ответит.

Новинья.

13
Вольная воля

– Среди нас есть и такие, кто считает, что людям следует воспрепятствовать в дальнейших исследованиях десколады. Десколада – основа основ нашего жизненного цикла. Мы боимся, как бы люди все-таки не нашли способ уничтожить десколаду на всей планете, ведь тогда спустя ровно одно поколение мы вымрем.

– Но если люди прекратят исследовать десколаду, то через несколько лет вымрут они.

– Неужели десколада настолько опасна? Пускай они сдерживают ее, как делали раньше.

– Мутации десколады не случайны, ее поведение никак не соответствует законам природы. Она изменяется намеренно, хочет уничтожить нас.

– Нас? И тебя тоже?

– Мы вынуждены постоянно противостоять ей. Но не в лабораториях, как

делают люди, а внутренним путем. Перед тем как отложить яйца, некоторое время я подготавливаю будущих личинок, снабжая их органами, которые будут вырабатывать особые антитела – эти антитела потребуются им для сопротивления десколаде. Когда же десколада в очередной раз изменяется, мы узнаём об этом по рабочим – они начинают умирать. Тогда один мой орган, расположенный рядом с яичником, начинает создавать новые антитела, и я откладываю яйца с новыми рабочими, которые смогут противостоять уже мутировавшей десколаде.

– Значит, и ты тоже желаешь ее смерти.

– Нет. Этот процесс проходит бессознательно. Он просто имеет место в теле Королевы Улья. Все происходит на уровне подсознания, мы просто не можем не сопротивляться нависшей над нами угрозе. Наша иммунная система действует весьма эффективно и умеет идеально приспосабливаться к окружающей среде – человек этим обделен. Но если говорить о каком-то длительном отрезке време-

ни, то при условии, что десколада не будет уничтожена, нас ожидает такая же судьба, как и колонистов Лузитании. Различие состоит лишь в том, что, если десколада все же расправится с нами, во Вселенной не останется другой Королевы Улья, чтобы продолжить наш род. Мы – последнее звено в цепи.

– Твое положение куда более затруднительно, нежели их.

– Кроме того, мы абсолютно беспомощны, мы не можем ничего изменить. Нам неизвестна такая наука, как биология, у нас она до сих пор остается на самом примитивном уровне. Мы все время боролись с болезнями естественным путем, и всегда успешно, поэтому, в отличие от человечества, нами не двигал такой мощный стимул к познанию и подчинению жизни.

– Так что же тогда? Либо погибнем мы, либо будете уничтожены вы и люди Лузитании. Если десколада будет и дальше мутировать, в один прекрасный день она доберется до тебя. Если же она будет остановлена, умрем мы.

– Это ваш мир. Ваши тела питаются десколадой. Когда придет время выбирать между вами и нами, выживете вы.

– Ты сейчас говоришь за себя. Как на это ответят люди?

– Если они найдут способ уничтожить десколаду, но при этом возникнет угроза вашей жизни, мы не позволим им воспользоваться найденным решением.

– Не позволишь? Когда человек слушался чьих-либо приказов?

– Мы повелеваем только тогда, когда обладаем достаточной силой, чтобы заставить слушаться своих приказов.

– А-а.

– Это ваш мир. И Эндер это понимает. Если же остальные забудут, то мы напомним.

– У меня есть еще один вопрос.

– Спрашивай.

– А как насчет сподвижников Воителя, которые хотят распространить десколаду по всей Вселенной? Им ты тоже воспрепятствуешь?

– Им не следует приносить десколаду на миры, где уже существует многокле-

точная жизнь.

– Но именно так они и собираются поступить.

– Им не следует этого делать.

– Но ты строишь для нас космические корабли. Как только они завладеют хоть одним таким судном, они смогут отправиться куда захотят.

– Им не следует этого делать.

– Так ты им воспрепятствуешь?

– Мы повелеваем только тогда, когда обладаем достаточной силой, чтобы заставить слушаться своих приказов.

– Тогда почему же ты продолжаешь строить корабли?

– Приближается человеческий флот и несет с собой оружие, которое одним залпом может уничтожить весь этот мир. Эндер не сомневается, что так и будет. Так что же нам остается делать – пойти им навстречу и привязать вас к этой планете, отобрать право на продолжение рода, допустить, чтобы вы были уничтожены одним-единственным ударом?

– И ты, зная, что кое-кто из нас, возможно, обратит твой дар на разрушение,

продолжаешь строить для пеквениньос космические корабли.

– То, что вы будете делать, выйдя в космос, ляжет на вашей совести. Если вы будете действовать как враги всего живого, то сама жизнь превратится в вашего врага. Мы преподносим космические корабли в дар всему вашему народу. И как народу вам предстоит решить, кто достоин покинуть Лузитанию, а кто нет.

– Много шансов за то, что партия Воителя наберет при голосовании большинство. И тогда они будут выносить решения.

– А ты предлагаешь рассудить нам? Судя по твоим словам, мы должны прийти к выводу, что люди абсолютно правы в попытках уничтожить вас. А вдруг прав Воитель? Может быть, это люди заслужили смерть. Кто мы такие, чтобы судить вас? У них – молекулярный дезинтегратор. У вас – десколада. Оба вида обладают достаточной силой, чтобы стереть соперника с лица Вселенной, каждый способен на ужасное преступление, однако в каждом обществе найдется множество

индивидов, которые никогда бы по своей воле не причинили зло другому народу и которые заслуживают жизни. Выбирать не нам. Мы построим космические корабли и предоставим вам и человечеству решать вопросы будущего между собой.

– Ты могла бы помочь нам. Могла бы не давать кораблей партии Воителя, а иметь дело только с нами.

– Тогда между вами неизбежно развяжется гражданская война. Или вы уничтожите их просто из-за расхождения во мнениях? Кто же тогда здесь монстр и преступник? Нам ли решать, когда обе ваши партии с такой легкостью идут на жестокость по отношению к другим разумным существам?

– Тогда надеяться не на что. Кто-то из нас неизбежно погибнет.

– Если только человеческие ученые не найдут способ изменить десколаду так, чтобы и вы выжили, и вирус лишился способности убивать.

– Но разве такое возможно?

– Мы не биологи. Если такое возможно, только человек сумеет воплотить это в

жизнь.

– Тогда нам не следует препятствовать им в исследовании десколады. Наоборот, мы должны помочь людям. Пусть даже они почти уничтожили наш лес, у нас не остается выбора – мы поможем им.

– Мы знали, что ты придешь к такому выводу.

– Откуда?

– Поэтому мы и строим корабли для пеквениньос. Вам доступна мудрость.

Как только весть о том, что флот на Лузитанию снова стал видим и успешно продолжает полет, распространилась на Пути, Говорящие с Богами немедленно потянулись к дому Хань Фэй-цзы, дабы еще раз преклониться перед его мудростью.

— Я не хочу никого видеть, — помотал головой Хань Фэй-цзы.

— Отец, ты должен, — возразила Хань Цинчжао. — Таковы правила приличия — они воздают тебе честь за выполнение столь трудной задачи.

— Тогда я выйду и скажу им, что это все твоих рук дело, а я к этому не имею ни малейшего

отношения.

— Нет! — крикнула Цин-чжао. — Ты не поступишь так!

— Более того, я скажу им, что на самом деле было совершено великое преступление, которое повлечет за собой смерть благородного духа. Я расскажу им, что Говорящие с Богами с планеты Путь, по сути дела, рабы жестокого, злобного правительства и что мы должны направить усилия на уничтожение Конгресса.

— Я не хочу этого слышать! — закричала Цин-чжао. — Ты никогда и никому этого не скажешь!

И она была права. Си Ванму тихонько сидела в уголке и молча наблюдала за ними, тогда как отец и дочь начали исполнять ритуал очищения: Хань Фэй-цзы был «наказан» за бунтарские речи, а Цин-чжао — за то, что их услышала. «Хань Фэй-цзы никогда не посмеет сказать это кому-либо, ведь даже если он осмелится на такой шаг, внутренний позыв очиститься будет настолько силен, что хозяин не сможет удержаться, и люди собственными глазами увидят, как боги опровергают его слова, — и неправота его будет доказана. Они хорошо справились со своим заданием, эти ученые, которых нанял Конгресс для создания Говорящих с Богами, — думала Ванму. — Даже

владея правдой, Хань Фэй-цзы беспомощен».

Поэтому Цин-чжао одна встречала у дверей посетителей и от имени отца отвечала на их хвалы. Сначала Ванму выходила вместе с ней, но потом ей стало невыносимо слушать, как Цин-чжао снова и снова описывает, каким образом ее отец и она открыли тайну существования компьютерной программы, обитающей в филотической сети ансиблей, и как эта программа будет уничтожена. Одно дело — знать, что в душе Цин-чжао искренне убеждена, что никакого убийства здесь нет, и совсем другое — слушать ее хвастовство о том, как свершится преступление.

Цин-чжао именно хвасталась, но только Ванму понимала это. Цин-чжао постоянно упоминала в своих речах отца, но Ванму знала, что все заслуги принадлежат Цин-чжао, и поэтому видела: говоря о достойном служении богам, на самом деле Цин-чжао хвалит себя.

— Пожалуйста, отпусти меня, я не могу больше это слушать! — взмолилась наконец Ванму.

Цин-чжао внимательно посмотрела на нее оценивающим взглядом. Потом холодно произнесла:

— Можешь уходить. Насколько я вижу, ты все еще в плену у нашего врага. Так что ты мне не

нужна.

— Ну конечно, — склонилась Ванму. — У тебя же есть боги.

Она не смогла удержаться от этой горькой иронии.

— Боги, в которых ты не веришь, — жестко парировала Цин-чжао. — И это неудивительно, ведь с тобой-то боги никогда не говорили — с чего тебе верить? Раз ты так желаешь, я увольняю тебя с должности доверенной служанки. Можешь возвращаться к себе в семью.

— Как повелят боги, — еще раз поклонилась Ванму.

На этот раз при упоминании богов она даже не пыталась скрыть горечь.

Она уже вышла из дома и брела прочь по дороге, когда ее нагнала Му-пао. Так как Му-пао была уже довольно пожилой и весьма дородной женщиной, пешком она Ванму никогда не догнала бы, поэтому забралась на пони и сейчас смешно погоняла его, то и дело тыча в бока пятками. Пони, паланкины, все эти атрибуты Древнего Китая — неужели Говорящие действительно думают, будто этакое притворство прибавляет им святости? Чем им не угодили флайеры и парамобили, которыми во Вселенной пользуется весь честной

люд? Тогда бы и Му-пао не унижалась, взбираясь на это животное, которому сейчас приходилось очень нелегко — еще бы, такой груз! Чтобы показать, как она ей сочувствует, Си Ванму не стала ждать Му-пао, а пошла навстречу.

— Хозяин Хань Фэй-цзы приказывает тебе вернуться, — тяжело дыша, проговорила Му-пао.

— Передай хозяину, что он очень добр и милостив, но моя хозяйка уволила меня.

— Он говорит, что хозяйка Цин-чжао имеет право уволить тебя с должности доверенной служанки, но не может выгнать из дома. Контракт ты заключила с ним, а не с ней.

И правда, Ванму совсем не подумала об этом.

— Он просит тебя вернуться, — продолжала Му-пао. — И вот что он наказал передать тебе: если не из послушания, так, может быть, ты вернешься из доброты.

— Скажи ему, я повинуюсь. Ему не следует просить — я ведь куда ниже его по положению.

— Он будет несказанно рад, — ответила Му-пао.

Ванму пошла следом за пони Му-пао. Они возвращались не спеша, что было гораздо удобнее как для Му-пао, так и для пони.

— Я никогда не видала его таким расстроен-

ным, — задумчиво сказала Му-пао. — Возможно, не следует говорить тебе этого, но, когда я сказала ему, что ты ушла, он чуть не обезумел от отчаяния.

— С ним тогда говорили боги? — Ванму с горечью подумала, не позвал ли ее назад хозяин Хань только потому, что рабовладелец, сидящий внутри его, по какой-то неизвестной причине настоял на этом.

— Нет, — удивилась Му-пао. — Ничего такого не было. Хотя, конечно, я ни разу не видела, как боги говорят с ним.

— Конечно.

— Он просто не хочет, чтобы ты уходила, — добавила Му-пао.

— Я, наверное, все равно уйду, — ответила Ванму. — Но сначала объясню ему, почему дому Хань не будет от меня никакой пользы.

— О, конечно, — согласилась Му-пао. — От тебя с самого начала не было никакой пользы. Но это вовсе не значит, что ты никому не нужна.

— Что ты имеешь в виду?

— Счастье может основываться как на вещах полезных, так и на совершенно ненужных.

— Это изречение хозяина?

— Это изречение толстой старухи на пони, —

фыркнула Му-пао. — И запомни его.

Когда Ванму вошла в личный кабинет Хань Фэй-цзы, она не заметила признаков того волнения, о котором говорила Му-пао.

— Я говорил с Джейн, — сказал он. — Она считает, что, поскольку ты знаешь о ее существовании и веришь, что она не враг богов, будет лучше, если ты останешься.

— Значит, я теперь служу Джейн, — уточнила Ванму. — И должна буду стать ее доверенной служанкой?

Ванму вовсе не хотела, чтобы ее слова прозвучали насмешливо, просто мысль о служении нечеловеческому созданию даже несколько заинтриговала ее. Но хозяин Хань отреагировал так, будто она бросила ему вызов, и попытался смягчить ее.

— Нет, — ответил он. — Никому ты служить не будешь. Ты действовала мужественно и честно.

— Однако вы позвали меня назад, чтобы я продолжала выполнять условия контракта.

Хань Фэй-цзы склонил голову:

— Я позвал тебя назад потому, что, кроме меня, ты единственная знаешь всю правду. Если ты уйдешь, я останусь в этом доме совсем один.

«Но почему, у вас же есть дочь?» — чуть не вы-

рвалось у Ванму. Еще несколько дней назад это было бы справедливо, потому что хозяин Хань и госпожа Цин-чжао были настолько близки, насколько вообще возможно между отцом и дочерью. Но сейчас между ними встала непреодолимая стена. Цин-чжао жила в мире, где для себя самой выглядела преданной служанкой богов. Она пыталась быть снисходительной к временному «помешательству» отца. А Хань Фэй-цзы избрал себе мир, в котором его дочь и все общество находились в рабстве у Конгресса, и только он знал истину. Им никогда не докричаться друг до друга — пропасть между ними слишком широка и слишком глубока.

— Я остаюсь, — промолвила Ванму. — И буду служить вам, чем могу.

— Мы будем служить друг другу, — ответил Хань Фэй-цзы. — Моя дочь обещала учить тебя. Я продолжу твое образование.

Ванму коснулась лбом пола:

— Я недостойна такой щедрости.

— Нет, не надо, — мягко поднял ее Хань Фэй-цзы. — Теперь мы оба знаем всю правду. Боги не говорят со мной. Передо мной твой лоб никогда не должен касаться пола.

— Мы должны как-то уживаться в этом мире, —

возразила Ванму. — Перед Говорящими с Богами я буду обращаться к вам с должным почтением, потому что того требуют законы планеты. А вы, по той же причине, должны обращаться со мной как с обыкновенной служанкой.

Лицо Хань Фэй-цзы исказилось от горечи.

— Но в нашем мире принято также считать, что когда человек моего возраста забирает у своей дочери молоденькую служанку, это значит, что он собирается использовать ее в постели. Ну что, и здесь мы будем следовать обычаям?

— Это не в вашей природе — воспользоваться мной, — покачала головой Ванму.

— Не в моей природе и принимать твои унижения. До того как я узнал правду о постигшем меня горе, я действительно принимал от других людей подобные знаки внимания. Я искренне верил, что на самом деле они почитают не меня, а богов.

— Но ничего не изменилось. Те, кто верит, что вы Говорящий с Богами, выражают почтение богам, тогда как люди, в душе нечестные, пользуются этим, чтобы польстить вам.

— Но ты-то честна. И ты не веришь, что боги разговаривают со мной.

— Я не знаю, говорят с вами боги или нет, как не знаю, обращались ли они вообще к кому-ни-

будь и способны ли они на это. Я знаю одно: не боги заставляют вас и остальных людей исполнять эти глупейшие, унизительные ритуалы — в этом виновен Конгресс. Однако вам приходится следовать ритуалам, потому что того требует ваше тело. Умоляю, позвольте и мне продолжать унижаться перед вами, ведь именно этого ждут от людей моего положения на Пути.

Хозяин лишь мрачно кивнул:

— Ты мудра не по годам, Ванму.

— Я обыкновенная глупая девчонка, — усмехнулась Ванму. — Будь у меня хоть капля мудрости, я бы попросила вас отослать меня отсюда подальше. Делить дом с Цин-чжао — это грозит мне неприятностями. В особенности если она заметит, что я стала близка к вам, тогда как от нее вы отказались.

— Опять ты права. Я проявил эгоизм, попросив тебя остаться.

— Да, — согласилась Ванму. — Однако я остаюсь.

— Но почему? — удивился Хань Фэй-цзы.

— Потому что не хочу возвращаться к прежней жизни, — грустно ответила она. — Я теперь слишком много знаю об этом мире и о Вселенной, о Конгрессе и о богах. Если я вернусь домой и начну

притворяться, будто ничуть не изменилась, то до конца жизни буду ощущать в горле привкус яда.

Хань Фэй-цзы еще раз мрачно кивнул, но затем улыбка пробежала по его губам, и он расхохотался.

— Вы смеетесь надо мной, хозяин?

— Я просто подумал, что ты никогда не была такой, какой себя считала.

— Не понимаю…

— Мне кажется, ты и раньше притворялась. И настолько успешно, что, может быть, тебе удалось обмануть даже саму себя. Одно несомненно: ты от рождения была необыкновенной девочкой и ты никогда бы не смирилась с обычным течением жизни.

Ванму пожала плечиками:

— Будущее — это сотни тысяч тонких нитей, но прошлое — ткань, которую уже никогда не соткать по-новому. Может, я бы смирилась. А может, нет.

— Ну вот мы и вместе — все трое в сборе.

Ванму изумленно обернулась и только тогда увидела, что они не одни. В воздухе над терминалом зависло улыбающееся лицо Джейн.

— Я очень рада, что ты вернулась, — произнесла Джейн.

На какое-то мгновение Ванму вдруг подумалось, что невозможное свершилось:

— Так ты не умерла! Ты выжила!

— А в планы Цин-чжао и не входило сразу же отправить меня на тот свет, — ответила Джейн. — Но она успешно продвигается к цели, и, вне всяких сомнений, через пару месяцев меня не станет.

— Зачем же ты тогда вернулась в этот дом? — изумленно спросила Ванму. — Ведь отсюда проистекает угроза твоему существованию.

— Я должна многое сделать перед смертью, — снова улыбнулась Джейн. — В том числе использовать малейшую возможность, которая даст мне шанс выжить. Так уж случилось, что на планете Путь живут тысячи и тысячи людей, которые по сравнению с остальным человечеством обладают непревзойденным интеллектом.

— Но только потому, что над нашими генами потрудился Конгресс, — уточнил Хань Фэй-цзы.

— Именно, — согласилась Джейн. — Если уж на то пошло, Говорящие с Богами Пути больше не люди. Вы — совсем иная раса, созданная и порабощенная Конгрессом, который использует вас, чтобы удержать власть во Вселенной. Но опять-таки так уж случилось, что один представитель

этой новой расы в некотором роде вышел из-под власти Конгресса.

— Это ты называешь свободой? — возмутился Хань Фэй-цзы. — Даже сейчас я с трудом удерживаюсь, чтобы не начать ритуал очищения.

— Так не сопротивляйся, — спокойно возразила Джейн. — Я могу говорить с тобой и во время ритуала.

Почти сразу Хань Фэй-цзы начал размахивать в воздухе руками, выламывать их, таким образом очищаясь. Ванму отвернулась.

— Нет, повернись, — приказал ей Хань Фэй-цзы. — Не прячь от меня лицо. Мне совсем не стыдно демонстрировать тебе свою слабость. Я калека, вот и все. Лишись я ноги, что, друзья отворачивались бы от меня, лишь бы не смотреть на культю?

Ванму прониклась мудростью его слов и повернулась. Она нашла в себе силы со спокойствием взирать на его мучения.

— Как я только что заметила, — продолжила Джейн, — так уж случилось, что один из представителей этой новой расы в некотором роде вышел из-под власти Конгресса. Я надеюсь на вашу помощь в тех трудах, которые попытаюсь завершить в оставшиеся мне несколько месяцев.

— Я сделаю все, что в моих силах, — ответил Хань Фэй-цзы.

— Я тоже помогу, чем сумею, — поддержала его Ванму.

Но, произнеся эти слова, она сразу раскаялась — они прозвучали глупо: кто она такая, чтобы предлагать свою помощь? Хозяин — один из Говорящих с Богами, один из людей, обладающих высшими интеллектуальными способностями. Она же — обыкновенная необразованная замарашка, у которой ничего нет.

Однако ни Джейн, ни хозяин не высмеяли ее; наоборот, Джейн с радостью приняла ее предложение. Проявление такой доброты еще раз доказало Ванму, что Джейн — живое существо, а ни в коем случае не подделка.

— А сейчас позвольте мне изложить вам проблемы, которые я надеюсь разрешить.

Они обратились в слух.

— Как вы знаете, мои самые близкие друзья находятся сейчас на планете Лузитания. Им угрожает приближающийся флот. И мне бы очень хотелось остановить этот флот, не дать причинить вред планете.

— Теперь-то я ничуть не сомневаюсь, что флоту уже отдан приказ применить Маленького Докто-

ра, — пробурчал Хань Фэй-цзы.

— Да, это я знаю точно. И хочу помешать выполнить этот приказ, не дать им уничтожить не только колонистов Лузитании, но и две другие расы рамен, которые сейчас живут на планете. — И Джейн рассказала им о Королеве Улья и о том, как получилось, что жукеры снова вернулись в эту Вселенную. — Королева Улья уже строит космические корабли, делая все возможное, чтобы успеть до прибытия флота. Но ее возможности ограниченны, она построит всего лишь несколько катеров, на которых сумеет спастись лишь малая часть населения Лузитании. Королева Улья также улетит либо пошлет вместо себя другую Королеву, в которую вложит свои воспоминания. Ей не важно, полетят с ней рабочие или нет. Но пеквениньос и люди не столь целостны, как она. Мне хотелось бы спасти всех. В особенности потому, что мои ближайшие друзья, в частности Говорящий от Имени Мертвых и юноша, страдающий от повреждения головного мозга, откажутся покинуть Лузитанию, пока оттуда не вывезут всех до единого людей и пеквениньос.

— Так, стало быть, они герои? — спросил Хань Фэй-цзы.

— И каждый из них в прошлом не раз доказы-

вал это, — подтвердила Джейн.

— Я не знал, что среди людей до сих пор существуют герои.

Си Ванму не стала говорить то, что чувствовала сердцем: хозяин сам был таким героем.

— Я долго думала, — сказала Джейн, — но каждый раз приходила к выводу, что все усилия тщетны, причем я основывалась на человеческих знаниях за период более чем в три тысячи лет. Если бы удалось построить корабль, скорость которого превысила бы скорость света, перемещающийся так же быстро, как послания ансиблей, тогда, даже если бы Королева Улья построила хотя бы дюжину кораблей, мы бы еще до прибытия флота переправили все население Лузитании на другие планеты.

— Но если бы вы действительно построили такое судно, — сказал Хань Фэй-цзы, — то вы бы могли создать свой собственный флот, атаковать флот Конгресса и уничтожить его.

— Да, но это уж совсем невероятно, — грустно ответила Джейн.

— Ты с легкостью рассуждаешь о судне со сверхсветовой скоростью, но отказываешься даже помыслить об уничтожении флота на Лузитанию?

— Да нет, я много раз думала об этом, — сказала Джейн. — Но Королева Улья не пойдет на такой шаг. Она сказала Эндеру — моему другу, Говорящему от Имени Мертвых, что…

— Брату Валентины? — изумилась Ванму. — Он до сих пор жив?

— Так вот, Королева Улья сказала ему: никогда и ни за что она не построит ничего такого, что может быть использовано как оружие.

— Даже ради спасения собственной расы?

— Чтобы улететь с планеты, ей потребуется всего один корабль, другие тоже получат космические суда, чтобы спасти свой вид. И ее ни в чем не переубедить. Она считает, что нет нужды убивать кого-либо.

— Но если Конгресс дорвется до неограниченной власти, погибнут миллионы!

— Это их проблемы, — ответила Джейн. — Во всяком случае, по словам Эндера, так отвечает Королева Улья, когда он пытается убедить ее в чем-либо.

— Очень странные убеждения…

— Не забывайте, она лишь недавно открыла для себя существование других разумных существ и уже чуть не уничтожила один вид. А в ответ эти разумные существа едва не уничтожили

жукеров. Но на ее убеждения повлиял тот факт, что именно она однажды чуть не стала повинна в ужасном преступлении — в ксеноциде. Она не в силах помешать другим поступать, как им вздумается, но хочет быть уверена, что она здесь ни при чем. Королева Улья пойдет на убийство только тогда, когда не будет другого выхода, когда под угрозу будет поставлено дальнейшее существование ее вида. А так как у нее сейчас имеется другой выход из положения, военный корабль она ни за что строить не будет.

— Скорость, превышающая скорость света… — задумчиво повторил Хань Фэй-цзы. — А другого выхода нет?

— Это единственное, что я смогла придумать. И это хотя бы вероятно. Нам известно: что-то во Вселенной может двигаться быстрее света — не проходит и миллисекунды, как по филотическому лучу информация передается от одного ансибля к другому. Талантливый молодой физик с Лузитании, который по стечению обстоятельств в настоящий момент находится в тюрьме, дни и ночи ломает голову над этой проблемой. Я выполняю для него расчеты, подтверждаю или опровергаю теории. В данное время он проверяет одну свою гипотезу о природе филотов. Так вот,

здесь используется настолько сложная комплексная модель, что я, чтобы запустить программу, вынуждена задействовать машинное время почти тысячи различных университетов. Но, во всяком случае, надежда существует.

— До тех пор пока ты жива, от надежды нельзя отказываться, — сказала Ванму. — Кто еще поможет ему провести такой сложный эксперимент, если тебя не будет?

— Вот поэтому-то мы так и торопимся, — кивнула Джейн.

— А зачем вам потребовался я? — спросил Хань Фэй-цзы. — Я не физик и вряд ли за оставшиеся пару месяцев постигну эту науку, чтобы как-нибудь помочь вам. Здесь может быть полезен только ваш ученый. Ну или ты сама.

— Каждому человеку требуется беспристрастный критик, который мог бы сказать: «А ты об этом вот подумал?» Или: «Это только заведет тебя в тупик, давай думай дальше». Вот что мне от вас нужно. Мы будем докладывать вам о проделанной работе, вы ее будете анализировать и излагать свои соображения. Здесь ничего нельзя заранее загадывать, какое-нибудь случайное слово может дать нужный толчок, и мы наконец выйдем на то, что ищем.

Хань Фэй-цзы кивнул, соглашаясь, что такая вероятность существует.

— Вторая проблема, над которой я сейчас тружусь, еще более заковыриста, — продолжала Джейн. — Найдем ли мы решение относительно скорости света или нет, но некоторые пеквениньос все равно получат звездные корабли и улетят с Лузитании. Проблема состоит в том, что в себе они понесут самый коварный и ужасный вирус из всех когда-либо известных. Он уничтожает любую жизнь, с которой соприкасается; единственное исключение — те несколько видов живых существ, которые организовали нечто вроде симбиоза и чье существование теперь непосредственно зависит от наличия этого вируса.

— Десколада, — догадался Хань Фэй-цзы. — Иногда ее используют как предлог для оправдания того, что флот вооружен Маленьким Доктором.

— И это действительно может быть оправданием. С точки зрения Королевы Улья, никакой выбор между двумя формами жизни не может быть оправдан, но Эндер не раз подчеркивал, что перед человеком такой проблемы не стоит и, если предстоит выбирать между человечеством и пеквениньос, он предпочтет человечество, а ради Эндера я пойду на все.

— Я бы сделал такой же выбор, — подтвердил Хань Фэй-цзы.

— Можете не сомневаться, пекевениьос примерно так же относятся к проблеме, только, разумеется, в свою пользу, — сказала Джейн. — Не на Лузитании, так где-нибудь еще, но война между человечеством и пекевениьос неизбежно разразится. Причем люди воспользуются молекулярным дезинтегратором, а пекевениьос из десколады создадут идеальное биологическое оружие. Прекрасная возможность для двух разумных видов уничтожить друг друга. Поэтому, я считаю, крайне необходимо подыскать десколаде вирус-заменитель, который не утратит функций, необходимых для жизненного цикла пекевениьос, но в то же время не будет обладать такими хищническими способностями к адаптации. Необходимо найти селективно инертную форму вируса.

— Я раньше думал, что десколаду каким-то образом можно нейтрализовать. Разве на Лузитании не вводят в питьевую воду противоядия?

— Каждый раз десколада разгадывает их формулы и приспосабливается. Это постоянный бег наперегонки. И сто́ит десколаде победить хоть в одном забеге, людей, с которыми можно будет

продолжать соревнования, не останется.

— Ты хочешь сказать, что вирус *разумен*? — недоверчиво спросила Ванму.

— Так считает один из ученых Лузитании, — кивнула Джейн. — Это женщина по имени Квара. Другие не соглашаются с ней. Но вирус в самом деле действует так, будто он разумен. По крайней мере, когда дело доходит до соприкосновения с окружающей средой или с другими расами, он просто приспосабливает их под свои нужды. Лично я думаю, что Квара права. Десколада — разумный вирус, обладающий своим языком, при помощи которого информация очень быстро передается в любые точки планеты.

— Я не вирусолог, — напомнил Хань Фэй-цзы.

— Но может быть, если бы вы взглянули на некоторые разработки, сделанные Эланорой Рибейра фон Хессе…

— Разумеется, я ознакомлюсь с ними. Правда, мне очень не хватает твоей уверенности в том, что я хоть как-то смогу помочь.

— И наконец, проблема номер три, — сказала Джейн. — Наверное, самая простая. Говорящие с Богами Пути.

— А, да, — вспомнил Хань Фэй-цзы. — Люди, которые собираются уничтожить тебя.

— Не по своей воле, — возразила ему Джейн. — Я на вас зла не держу. Я хочу найти какой-нибудь способ изменить ваши мутировавшие гены, чтобы по крайней мере будущие поколения не зависели от маниакально-побудительного синдрома, но сохранили бы свой выдающийся разум.

— Где найти специалистов по генетике, которые взялись бы за такое? Конгресс немедленно обвинит их в предательстве, — грустно усмехнулся Хань Фэй-цзы.

— Когда ищешь человека, способного на предательство, — глубокомысленно заметила Джейн, — то прежде всего обратись к тем, кто уже зарекомендовал себя соответственно.

— Лузитания… — догадалась Ванму.

— Точно, — кивнула Джейн. — Если вы не против, я могу поручить разрешение этой проблемы Эланоре.

— Но она ведь занимается десколадой?

— Никто не в состоянии посвящать все свое время разработке одной, и только одной проблемы. Это внесет некоторые изменения в ее жизнь, и, может быть, она в результате и на десколаду сумеет посмотреть новым, свежим взглядом. Кроме того, разобраться с этой проблемой для

нее не составит особого труда: ведь ваши гены были созданы обыкновенными генетиками, работающими на Конгресс. Здесь препятствия больше политические, нежели научные. Забавная головоломка для Элы, не более того. Она уже рассказала мне, с чего лучше начать. Прежде всего нам потребуется несколько образцов тканей. Затем какой-нибудь местный диагностик должен будет сканировать их на молекулярном уровне. Я буду следить за компьютерными отчетами и, как только полученной информации будет достаточно для Эланоры, тут же перешлю ей сведения о ваших генах. Как видите, проще простого.

— Чья требуется ткань? — спросил Хань Фэй-цзы. — Мои гости вряд ли поймут меня, если я вдруг попрошу их сдать немножко крови на анализ.

— Я-то надеялась именно на это, — призналась Джейн. — В вашем доме бывает множество людей. Кроме того, вполне подойдет и омертвевшая кожа. Образцы кала, мочи — все, что содержит клетки тела.

Хань Фэй-цзы кивнул:

— Я сделаю это…

— Что касается последнего, то этим займусь я, — перебила его Ванму.

— Нет, — отверг ее предложение Хань Фэй-цзы. — Если это действительно поможет, я не побрезгую ничем, я все сделаю собственными руками.

— Вы? — изумленно переспросила Ванму. — Я вызвалась из-за боязни, что вы заставите заниматься этим других слуг и тем самым унизите их.

— Я никогда и никого не буду просить исполнить мою просьбу, если она настолько низка и отвратительна, что сам я просто-напросто побрезгую запачкать руки, — ответил Хань Фэй-цзы.

— Значит, сделаем это вместе, — стояла на своем Ванму. — И прошу вас, хозяин, запомните: вы поможете Джейн, читая и отвечая на ее сообщения, я же могу помочь ей только руками и больше ничем. И не настаивайте на том, чтобы все делать самому, я тоже кое на что гожусь. Лучше посвятите себя делам, с которыми не справится никто, кроме вас.

Джейн вмешалась в их спор, опередив уже собравшегося возразить Хань Фэй-цзы:

— Ванму, мне бы хотелось, чтобы ты тоже читала все поступающие сообщения.

— Я? Но я же простая необразованная девчонка.

— И тем не менее, — упорствовала Джейн.

— Я ведь даже не пойму их.

— Я все тебе объясню, — ответил за Джейн Хань Фэй-цзы.

— Это нечестно, — сопротивлялась Ванму. — Я не Цин-чжао. Этим обычно занимается она. Такое задание не для меня.

— Я давно наблюдаю за тобой и Цин-чжао. Я начала следить за вами задолго до вашего открытия, что такая компьютерная программа, как я, может существовать, — произнесла Джейн. — И большинство верных предположений исходило от тебя, Ванму, а не от Цин-чжао.

— От меня? Да я даже не пыталась…

— Не пыталась. Ты просто вникала. Увязывала в уме одно с другим. Задавала вопросы.

— Глупые вопросы, — подчеркнула Ванму, но в душе она была несказанно рада случившемуся: кто-то все-таки заметил ее вклад!

— Вопросы, до которых не додумался ни один из опытнейших ученых Вселенной, — поправила Джейн. — Твои вопросы подвигли Цин-чжао на наиболее значимые прорывы в разрешении загадки. Ванму, может быть, ты и не Говорящая с Богами, но ты обладаешь огромным дарованием.

— Хорошо, я буду читать, буду высказывать

свое мнение, — согласилась Ванму, — но также я буду ответственна за сбор образцов. Всех образцов, чтобы хозяину не приходилось встречаться с посещающими его Говорящими с Богами и выслушивать, как они на все лады превозносят его за ужасный грех, которого он не совершал.

Хань Фэй-цзы все еще пытался сопротивляться:

— Я даже представить не могу, что ты…

— Хань Фэй-цзы, — перебила его Джейн, — проявите наконец мудрость. Ванму как служанка практически невидима. Вы же как хозяин дома заметны, словно тигр на детской площадке. За каждым вашим шагом следят. Поручите это дело Ванму: она справится с ним лучше вас.

«Мудрые слова, — подумала Ванму. — Тогда почему же ты просишь меня давать отзывы на работу ученых, раз, по-твоему, каждый должен делать свое дело?» Однако она промолчала.

Начали они с себя — позволили Джейн взять необходимые пробы. Затем Ванму отправилась собирать по дому образцы тканей остальных слуг. Практически все, что было нужно, она обнаружила на расческах и в грудах нестираной одежды. Спустя всего несколько дней она располагала примерно дюжиной образцов тканей Говорящих

с Богами, взятых с их одежды. Нужды в образцах кала даже не возникло, хотя Ванму готова была ко всему.

Цин-чжао, разумеется, вскоре заметила Ванму, но полностью игнорировала ее. Ванму слегка обиделась на такую холодность со стороны Цин-чжао, ведь еще недавно они были близкими подругами и Ванму по-прежнему любила ее… ну, если не ее, так, по крайней мере, ту девушку, которой была Цин-чжао раньше. Однако ничто из сказанного или сделанного Ванму не вернуло бы былой дружбы. Она избрала другой путь.

Пробы тканей Ванму держала по отдельности, и каждая была снабжена своим ярлычком. Но вместо того чтобы отнести их на анализ и прогнать через диагностический прибор, она нашла другой способ. Облачившись в старое платье Цин-чжао — теперь она выглядела как обучающаяся дисциплинам Говорящая с Богами, а не как служанка, — она направилась в ближайший колледж, где сказала, что работает над особо секретным проектом, и потребовала просканировать образцы тканей, которые она с собой принесла. Как она и ожидала, лишних вопросов Говорящей с Богами никто задавать не стал, пусть даже она никогда не училась в этой

школе. Лаборанты быстренько прогнали пробы через молекулярные сканеры, и Ванму оставалось только надеяться, что Джейн исполнила задуманное — взяла контроль над компьютерами и заставила сканеры проделать все необходимые Эле операции.

По пути домой Ванму избавилась от собранных ею образцов и сожгла предоставленное ей колледжем официальное заключение. Джейн уже получила необходимые сведения, так зачем рисковать? Цин-чжао или какая-нибудь домашняя служанка, которой приплачивал Конгресс, могла наткнуться на них и догадаться, что Хань Фэй-цзы проводит очень странный биологический эксперимент. А в той Говорящей с Богами, что посещала колледж, никто не опознает Си Ванму — никогда. Никто ведь не посмеет глазеть на Говорящую с Богами так, как глазели бы на обыкновенную служанку.

— Что ж, когда-то я лишился своей женщины, а теперь и ты потерял свою, — заметил Миро.

Эндер вздохнул. На Миро то и дело накатывали приступы красноречия, а так как горечь в последнее время стала его вторым «я», то слова неизменно били в самую больную точку и, мягко говоря, особой добротой не отличались. Эндер не

мог упрекнуть его в желании поговорить: он и Валентина были практически единственными людьми, обладающими достаточным терпением, чтобы выслушивать тягучую речь Миро, не намекая при этом, что пора закругляться. Бóльшую часть времени Миро проводил наедине с собой, погруженным в собственные размышления, поэтому было бы жестоко затыкать ему рот просто из-за нехватки такта.

Эндер не испытал восторга, когда ему в очередной раз напомнили, что Новинья оставила его. Он пытался выбросить из головы эту мысль, сконцентрироваться на других проблемах, в особенности на том, как сохранить жизнь Джейн, ну и на остальным тоже. Но слова Миро заставили его почувствовать, что прежняя боль, пустота, непонятная паника вновь нахлынули на него. «Ее нет со мной. Я заговорю — а она не ответит. Я спрошу — а она не вспомнит. Я даже не могу дотронуться до нее, взять за руку. И самое ужасное — может быть, не смогу больше никогда».

— Да, вот так-то, — пробормотал Эндер.

— Ты, наверно, не хочешь равнять их, — продолжал Миро. — Ведь, по сути дела, она целых тридцать лет была твоей женой, а мы с Квандой дружили ну от силы лет пять. Но если прикинуть,

как раз тогда я вошел в пору половой зрелости. Кванда была мне ближе всех, за исключением, может быть, только Элы. В общем, если так подумать, я провел рядом с Квандой бóльшую часть жизни, тогда как ты с матерью — всего половину.

— Да, вот теперь я чувствую себя значительно лучше, — восхитился Эндер.

— Кончай злиться, я-то тут при чем? — мигом встал на дыбы Миро.

— А ты меня не зли, — резонно возразил Эндер.

Миро расхохотался. Слишком уж нарочито.

— Что, поворчать захотелось, а, Эндрю? — хмыкнул он. — Не в духе, да?

Это уж слишком. Эндер резко развернулся на стуле, наконец оторвавшись от терминала. На дисплее вырисовывалась примитивная схема ансибельной сети, Эндер изучал ее, пытаясь выяснить, в какой же части этих случайных переплетений-кружев может скрываться душа Джейн. Он сверлил взглядом Миро, пока тот не перестал смеяться.

— Значит, во всем случившемся с тобой ты обвиняешь меня? — спросил Эндер.

Миро скорее разозлился, нежели растерялся.

— А что, в этом что-то есть, — ответил он. — Ты

сам подумай. Вы, все вы, относились ко мне с таким трепетом. У Миро ведь есть достоинство, давайте не будем зря изводить его. Пускай он лучше свихнется от собственных мыслей, да? Только ни в коем случае не заговаривайте с ним о том, что тогда случилось. Неужели тебе ни разу не приходила в голову мысль, что мне нужен кто-то, кто бы периодически шпынял меня?

— А ты подумал, что мне этого как раз не надо?

Миро снова рассмеялся, только на этот раз чуть-чуть запоздало и немножко помягче.

— Туше´, — признал он. — Ты обращался со мной так, как хотел бы, чтобы в минуты тоски и печали обращались с тобой, а я сейчас обращаюсь с тобой так, как хотел бы, чтобы обращались со мной. Мы только что прописали друг другу каждый свое лекарство.

— Твоя мать и я по-прежнему муж и жена, — вздохнул Эндер.

— Вот что я тебе скажу, — ответил Миро, — основываясь на опыте, приобретенном мною за целых двадцать с небольшим лет жизни. Тебе станет значительно легче, если ты наконец признаешь, что она никогда не вернется. Что она тебе больше недоступна.

— Кванда для тебя и вправду недоступна. Но с

Новиньей все по-другому.

— Она ушла к Детям Разума Христова. Эндрю, она стала монахиней.

— Ты не прав, — покачал головой Эндер. — Согласно обычаю, в монастырь супружеские пары могут вступать только вместе. Без меня ее обет не примут.

— Что ж, — пожал плечами Миро, — значит, ты немедленно заполучишь ее обратно, стоит тебе только вступить в орден. Смотрю на тебя и вижу — будущий Дом Кристан.

Эндер лишь горько усмехнулся:

— Спать на разных кроватях. Все время молиться. Друг к другу не прикоснуться…

— Если именно это ты зовешь семейной жизнью, Эндрю, тогда Кванда и я давным-давно женаты.

— Это действительно семейная жизнь. Потому что семейные пары в Фильос да Менте де Кристу работают вместе, трудятся бок о бок, рядом друг с другом.

— Точно, и мы с тобой чудесная семейная парочка, — съязвил Миро. — Ты и я. Потому что мы вместе пытаемся спасти Джейн.

— Всего лишь друзья, — улыбнулся Эндер. — Мы всего лишь друзья.

— Скорее соперники. Джейн удерживает нас обоих на коротком поводке, точно пару своих любовников.

Слова Миро очень походили на те обвинения, что бросала Эндеру Новинья.

— Да нет, вряд ли мы ее любовники, — сказал он. — Джейн не принадлежит к человеческой расе. У нее даже нет тела.

— Где же тогда логика? — поинтересовался Миро. — Разве не ты только что заявил, что ты и моя мать можете быть женаты и даже не касаться друг друга.

Подобное сравнение пришлось Эндеру не по душе. Наверное, потому, что в нем было слишком много правды. Не была ли Новинья права, питая столько лет жгучую ревность к Джейн?

— Да она практически живет у нас в головах, — продолжал развивать мысль Миро. — Туда никакой жене не проникнуть.

— Мне всегда казалось, — сказал вдруг Эндер, — что твоя мать ревновала меня к Джейн потому, что завидовала: ведь у нее никогда в жизни не было настолько близкого друга.

— Bobagem, — заявил Миро. — Lixo. — «Ерунда. Чушь». — Мать ревновала тебя к Джейн потому, что хотела быть так же близка тебе, но все ее

усилия оказались тщетны.

— Только не твоя мать. Она заботилась больше о себе. Временами мы были близки друг другу как никогда, но она всегда поворачивалась ко мне спиной и возвращалась к работе.

— Точно так же, как ты менял ее на Джейн.

— Это она тебе так сказала?

— Ну, примерно. Ты вот говоришь с ней, а потом ни с того ни с сего вдруг замолкаешь, и, хотя ты очень поднаторел в произнесении слов про себя, все равно видно, как твоя челюсть легонько шевелится и твои глаза и губы мгновенно реагируют на то, что говорит тебе Джейн. Она все это видела. Вот ты рядом с ней, близко-близко, а затем раз — и ты уже где-то далеко.

— Нас разделило не это, — сказал Эндер. — Причиной была смерть Квима.

— Смерть Квима была просто последней каплей, переполнившей чашу. Если бы не Джейн, если бы мать действительно верила, что ты душой и сердцем принадлежишь только ей одной, она бы не отвернулась от тебя после гибели Квима. Наоборот, кинулась бы к тебе на шею.

Миро сказал как раз то, чего больше всего страшился Эндер. Что виноват он один. Что Эндер был совсем не идеальным мужем. Что это он

оттолкнул ее от себя. И хуже всего было то, что, когда Миро сказал это, Эндер сразу понял: вот она, правда. Чувство потери, которое, как он считал, и так уже стало невыносимой пыткой, усилилось вдвое, втрое, превратив его душу в бесконечную пустоту.

Он почувствовал на плече руку Миро, тяжелую, неловкую.

— Бог свидетель, Эндрю, я не хотел причинить тебе боль.

— Так уж получилось, — ответил Эндер.

— Виноват здесь не ты один, — продолжил Миро. — И Джейн здесь ни при чем. Ты же помнишь, у матери у самой с головой не все в порядке. Она всегда была чуть-чуть чокнутой.

— Ребенком ей пришлось многое пережить.

— Она теряла всех, кого любила, одного за другим, — пробормотал Миро.

— А я убедил ее в том, что теперь она и меня потеряла.

— А что тебе было делать? Ты же не мог отключить Джейн. Как-то раз ты попробовал, помнишь?

— Вся разница в том, что теперь у Джейн есть ты. Когда ты отправился в полет, я мог бы потихоньку начать отвыкать от Джейн, ведь у нее был

ты. Я мог бы поменьше общаться с ней, попросил бы оставить меня на какое-то время в покое. Она бы простила меня.

— Может быть, — кивнул Миро. — Но ты этого не сделал.

— Потому что не хотел, — подтвердил Эндер. — Потому что не мог расстаться с ней. Потому что думал, что смогу сохранить старого друга и одновременно стать жене хорошим мужем.

— Дело не только в Джейн, — перебил его Миро. — Есть еще и Валентина.

— Да, ты прав, — сказал Эндер. — Так что же мне делать? Уйти к Детям Разума Христова и ждать, пока не прилетит флот и не отправит всех нас в ад?

— Просто последуй моему примеру, — посоветовал Миро.

— Каким образом?

— Вдохни поглубже. Выдохни. Вдохни еще раз.

Эндер на секунду задумался.

— Кажется, я умею это. С самого детства я веду себя именно так.

Ровно еще на одно мгновение рука Миро задержалась на его плече. «Вот почему мне давным-давно следовало обзавестись собственным сыном, — подумал Эндер. — Чтобы он опирался

на меня, пока маленький, и чтобы я мог опереться на него, когда постарею. Но никогда у меня не было ребенка, выросшего из моего семени. Я словно старый Маркано, первый муж Новиньи. Я со всех сторон окружен детьми, но они не мои. Различие лишь в том, что Миро мне друг, а не враг. И это уже кое-что. Может, я плохой муж, но я все еще способен заводить и сохранять друзей».

— Ладно, кончай обливаться слезами жалости, возвращайся лучше к работе, — раздался у него в ухе голос Джейн.

Она долго выжидала подходящего момента, чтобы заговорить, все ждала, когда же он наконец будет готов к ее насмешкам. И почти дождалась. Почти, поэтому-то он и не поддался на ее провокации. Он знал, что она слышала и видела весь их разговор.

— Ну вот, разозлился, — заметила она.

«Ты не представляешь, что я сейчас чувствую, — подумал Эндер. — Ты не можешь знать. Потому что ты не человек».

— Ты думаешь, я не знаю, как ты сейчас себя чувствуешь, — повторила его мысли Джейн.

На мгновение у него даже голова пошла кругом, потому что ему вдруг показалось, что она подслушивает не только разговоры, но и более

сокровенные, скрывающиеся в глубинах души мысли.

— Но однажды я тоже лишилась тебя.

— Я вернулся, — проговорил губами Эндер.

— Но ты уже не принадлежал мне, — сказала Джейн. — Все стало по-новому. Чувствуешь, как слезинки жалости к самому себе бегут у тебя по щекам? Считай, это я пролила их. Так что теперь мы в расчете.

— Даже не знаю, почему я так волнуюсь за тебя, пытаюсь спасти тебе жизнь, — беззвучно ответил Эндер.

— Я тоже, — отозвалась она. — Могу еще раз напомнить — это пустая трата времени.

Эндер вернулся к терминалу. Миро оставался рядом с ним, следя, как на дисплее вновь возникают очертания ансибельной сети. Эндер понятия не имел, о чем Джейн говорит с Миро, хотя не сомневался — что-то она ему шепчет. Еще давным-давно Эндер выяснил, что Джейн способна поддерживать одновременно множество разных бесед. И он ничего не мог поделать — ему действительно были небезразличны ее близкие отношения с Миро.

«Возможно ли такое, — подумалось ему, — чтобы один человек любил другого и не пытался

завладеть им целиком и полностью? Или это настолько глубоко заложено в наших генах, что нам никогда не избавиться от подобного эгоизма? Право территории. Жена — моя. Друг — мой. Любовник — мой. Моя бесящая, раздражающая компьютерная личность, которая вот-вот должна быть отключена по вине какой-то свихнувшейся гениальной девчонки, страдающей от МПС и живущей на планете, о которой я даже ни разу не слышал… Как я буду жить без Джейн, когда ее не станет?»

Эндер увеличил изображение на дисплее. Еще, еще, еще и еще, пока не сузил область охвата всего несколькими парсеками в диаметре. Теперь на дисплее оставалась лишь малая часть сети — перекрестье в космическом пространстве всего полудюжины филотических лучей. И теперь, вместо того чтобы быть похожими на плотное переплетение нитей в ткани, филотические лучи выглядели подобно случайным отрезкам, пролегающим в миллионах километров друг от друга.

— Они никогда не соприкасаются, — проговорил Миро.

— Да, верно.

Как раз этого Эндер никогда не мог понять. По его представлениям, Галактика была плоской,

такой, какой ее всегда изображали звездные карты, — вид сверху той части спирального рукава Галактики, где находилась Земля и откуда распространилось человечество. Но на самом деле она была не плоской. Две звезды не могли находиться в одной плоскости с двумя другими. Филотические лучи — идеально прямые отрезки, соединяющие корабли, планеты, спутники, ансибль с ансиблем, и когда глядишь на плоскую карту, может показаться, что они все время пересекаются, но из этого трехмерного сгустка на компьютерном дисплее сразу становится понятно, что они даже не касаются друг друга.

— Как она может жить здесь? — вслух поинтересовался Эндер. — Как она может существовать в этих переплетениях, если отрезки ничем не связаны и сходятся только в конечных точках?

— Ну… а может, она живет вовсе не здесь. Возможно, она — производная компьютерных программ всех терминалов.

— В таком случае она могла бы загрузиться обратно в компьютеры, а потом…

— А потом — ничего. Она не сможет снова собраться, потому что в управлении ансиблями будут задействованы чистые компьютеры.

— Это не может продолжаться вечно, — задум-

чиво произнес Эндер. — Очень важно, чтобы компьютеры, установленные на разных планетах, могли общаться друг с другом. Вскоре Конгресс поймет, что никакого человечества не хватит, чтобы забить вручную — даже за целый год — то количество информации, которым компьютеры должны обмениваться по ансиблю ежечасно.

— Значит, пусть она спрячется? И ждет? А потом, лет через пять-десять, как только подвернется возможность, пускай проскальзывает обратно и восстанавливает себя?

— Если она всего лишь… скопище программ.

— Должно присутствовать что-то еще, — усомнился Миро.

— Почему?

— Потому что если она состоит просто из компьютерных программ, пусть даже самозаписывающихся и самоконтролирующихся, то, значит, она все-таки была создана каким-нибудь программистом или группой компьютерщиков. В таком случае она просто-напросто выполняет задание, заложенное в нее изначально. Она не обладает волей. Она марионетка. Не разумное существо.

— Ну, если уж мы пришли к такому выводу,

не слишком ли узко ты трактуешь понятие воли? — спросил Эндер. — Люди ведь точно так же запрограммированы генами и окружающей средой.

— Нет, — отверг это предположение Миро.

— А как же еще?

— Наши филотические связи доказывают обратное. Мы можем связаться друг с другом одной силой воли, на что не способна ни одна другая жизненная форма Земли. В нас есть что-то такое, мы сами — нечто такое, что возникло вовсе не из-за чего-то еще.

— Ты говоришь о душе?

— Нет, она ни при чем, — нетерпеливо махнул рукой Миро. — Священники утверждают, что наши души создал Бог, и тем самым снова превращают нас в марионеток. Если Бог создал нашу волю, значит Он и ответствен за те поступки, которые мы совершаем. Бог, гены, окружающая среда, какой-то программист, внесший комбинацию цифр в древний терминал, — воля просто не может существовать, если мы как индивидуумы явились результатом внешней причины.

— Стало быть, насколько я припоминаю, многие философы пришли именно к такому заключению: воли, желаний не существует и не

может существовать. Свободная воля — иллюзия, не более, потому что причины нашего поведения настолько сложны, что мы просто не можем их осмыслить. Представь себе, ты толкнул одну костяшку домино, она сбила другую, та — третью, в общем, попадали все. Здесь ты всегда имеешь право сказать: «Вот, смотрите, эта костяшка упала, потому что вот эта уронила ее». Но когда количество костяшек домино бесконечно и они могут падать в бесконечном числе направлений, тебе ни в жизнь не найти начала цепочки. И поэтому ты заявляешь: «Вот эта костяшка упала, потому что ей так захотелось».

— Bobagem, — пробормотал Миро.

— Что ж, признаю, такая философия не несет в себе никакой практической ценности, — ответил Эндер. — Валентина как-то объяснила мне эту систему. Даже если такого понятия, как собственная воля, в природе не существует, мы все равно должны обращаться друг с другом так, будто она есть, чтобы сохранить общество, в котором живем. Потому что иначе всякий раз, когда кто-нибудь совершит нечто ужасное, ты не сможешь наказать его. Он ничего не мог с собой поделать — его гены, окружающая среда или сам Господь заставили его так поступить. И каждый раз, когда

кто-то поступит благородно, ты не сможешь выказать ему уважение, потому что и он всего лишь марионетка. А если ты считаешь, что все вокруг марионетки, так чего ж с ними разговаривать? Зачем стремиться куда-то, что-то создавать, раз все твои замыслы, твои создания, мечты или грезы — всего лишь сценарий, вложенный в тебя твоим кукольником.

— Безнадежность, — подвел итог Миро.

— Поэтому мы принимаем самих себя и всех окружающих за созданий, обладающих собственной волей. Мы обращаемся друг с другом, будто нами движет возникшее в уме намерение, а не какой-то неведомый творец. Мы наказываем преступников. Мы награждаем альтруистов. Мы строим планы на будущее и претворяем их в жизнь. Мы обещаем и ожидаем исполнения данного слова. Все это шито белыми нитками, но, когда каждый уверует в то, что действия ближних — это результат свободного выбора, и будет соответственно относиться к правам и обязанностям, закономерным результатом станет цивилизация.

— Весьма оригинальная теория.

— Так мне объяснила Валентина. Это действует, даже если воли как таковой не существует. Я не

знаю, верит ли она сама собственным словам. Но догадываюсь кое о чем: если она считает себя человеком цивилизованным, то, следовательно, должна уверовать в эту теорию; в таком случае она обязана верить в существование воли и считать, что вся идея о создании мира Господом Богом — чушь. Но если воля действительно существует, значит она тоже в нее будет верить, и получается замкнутый круг: кто вообще может утверждать что-либо?

И Эндер рассмеялся. Валентина тоже рассмеялась, когда много лет назад впервые поведала ему эту запутанную теорию. Они тогда только вышли из детского возраста, он работал над «Гегемоном» и пытался понять, почему его брат Питер совершил в жизни столько великого и столько страшного.

— Не смешно, — хмыкнул Миро.

— А мне показалось, очень даже.

— Либо мы свободны, либо нет, — сказал Миро. — Либо эта теория правдива, либо нет.

— Смысл в том, что, если мы хотим жить как цивилизованные создания, мы должны поверить, что это правда, — подчеркнул Эндер.

— Наоборот, бессмыслица какая-то, — возмутился Миро. — Ведь если эта теория лжива, зачем

нам вообще о чем-то беспокоиться и жить цивилизованно?

— Потому что, если мы поверим в нее, у человечества появляются шансы выжить, — сказал Эндер. — Потому что гены требуют от нас поверить во все это, чтобы мы передали эти самые гены дальше, чтобы наши потомки продолжали жить в будущем. Потому что человек, который не верит в эту теорию, начинает действовать разрушающе, считаясь только с собственными желаниями, и тогда общество — стадо — отвергает его. Его возможности к воспроизведению уменьшаются до минимума — например, его посадят в тюрьму, — и гены, вызвавшие его неверие, вскоре исчезнут.

— Таким образом, кукловод настаивает, чтобы мы уверовали в то, что мы якобы не марионетки. Нас заставляют уверовать в свободу воли.

— Именно так Валентина и сказала.

— Но сама-то она в это не верит?

— Конечно не верит. Гены не позволяют ей уверовать.

Эндер снова улыбнулся. Но Миро не мог отнестись к его словам с легкостью, как к философским играм разума. Он, вне себя от ярости, сжал кулаки и неловко погрозил рукой дисплею. По

терминалу пробежала тень, закрыв на секунду часть переплетений филотических лучей, создав на их месте пустое пространство. Только сейчас Эндер увидел, как на дисплее перемещаются небольшие пылинки и отражают свет, падающий из окна и открытой двери дома. Его взгляд привлекла особенно крупная пылинка, похожая на короткую волосинку, крошечный клочок хлопка, переливающийся там, где раньше проходили филотические лучи.

— Уймись! — приказал Эндер.

— Нет! — заорал Миро. — Мой кукловод заставляет меня беситься!

— Заткнись! — снова приказал Эндер. — И послушай меня.

— Я уже устал от твоих слов! — И тем не менее он замолчал.

— Мне кажется, ты прав, — сказал Эндер. — Мне кажется, мы действительно свободны, а не уверовали в иллюзию просто потому, что она обеспечивает нам право на выживание. И, как я считаю, свободны потому, что мы не заключены в одном лишь теле, действующем по написанному сценарию. И мы не какие-то там души, которые из ничего создал Господь. Мы свободны, потому что существовали всегда. С самого начала времен,

только начала как такового не было, поэтому мы существовали всегда. Не было такой причины, по которой мы возникли. Ничто нас не создало. Мы просто есть и были всегда.

— Филоты? — догадался Миро.

— Может быть, — ответил Эндер. — Как вон та пылинка в дисплее.

— Где? — спросил Миро.

Само собой, она уже снова стала невидимой, потому что голографический дисплей воссоздал над терминалом картинку филотических лучей. Эндер сунул руку в дисплей, на голограмму снова упала тень. Он подвигал рукой, пока не нашел ту крупную пылинку, которую видел раньше. Или, может быть, это была другая пылинка. Впрочем, какая разница.

— Наши тела, весь мир вокруг нас — они напоминают голографический дисплей. Они достаточно реальны, но не показывают настоящего положения вещей. Только одного мы никак не можем понять, тупо уставившись на дисплей Вселенной: почему же все это происходит? Но если посмотреть сквозь, проникнуть взглядом за эту пелену, там-то мы и найдем истинное объяснение происходящему. Это филоты, которые существовали всегда, которые всегда делали что

хотели.

— Ничто не вечно, — заявил Миро.

— Кто это сказал? Предполагаемое рождение Вселенной было началом существующего порядка — причиной существования этого дисплея, всего остального. Но кто сказал, что филоты, которые следуют естественным законам, вступившим в действие в момент рождения Вселенной, не существовали до этого? И если Вселенная вдруг снова свернется, почему бы филотам просто-напросто не освободиться от этих законов природы и не вернуться в прежнее состояние?

— В какое это состояние?

— В состояние хаоса. Тьмы. Беспорядка. Они превратятся в то, чем были до того, как эта Вселенная свела их воедино. Так почему же они — мы — не могли существовать всегда и не могут продолжать существовать вечно?

— Хорошо, тогда где же был я между рождением Вселенной и тем днем, когда появился на свет? — язвительно спросил Миро.

— Не знаю, — сразу ответил Эндер. — Эта теория возникла у меня только что, и я еще работаю над ней.

— И откуда тогда взялась Джейн? Что, ее филот просто болтался где-то, а потом — бах! — она

вдруг очутилась в гуще компьютерных программ и приобрела личность?

— Может быть, — пожал плечами Эндер.

— Даже если существует некая естественная система, непонятно каким образом отвечающая за распределение филотов между каждым живым организмом, когда-либо рожденным из утробы матери, из икринки или из почки, то Джейн никакая природная система породить не могла. Она на свет не рождалась.

Джейн, конечно, слушала весь их разговор и теперь решила вмешаться.

— Может, все так и есть, — сказала она. — Может быть, я не обладаю собственным филотом. Наверное, я вообще не отношусь к живым существам.

— Нет, — замотал головой Миро.

— Очень может быть, — подтвердил Эндер.

— Значит, я не могу умереть, — продолжала Джейн. — Может быть, когда меня отключат, выяснится, что я всего лишь очень сложная компьютерная программа, которую на время вывели из строя.

— Может, ты права, — снова кивнул Эндер.

— Нет, — решительно возразил Миро. — Если тебя отключат, то совершится убийство.

— Наверное, я помогаю вам просто потому, что так запрограммирована, а сама этого даже не понимаю. Может, я только тешу себя мыслью о своей свободе.

— Кажется, с этим вопросом мы уже разобрались, — заметил Эндер.

— Возможно, к вам это и неприменимо, но зато очень хорошо согласуется с моими действиями.

— А возможно, и нет. Но ты ведь сотни раз залезала в собственный код, не так ли?

— Миллионы раз, — поправила его Джейн. — Я проверила все, что можно.

— Ты нашла там что-нибудь такое, что показалось бы тебе волей?

— Нет, — ответила она. — Но, насколько я знаю, в людях тоже отсутствует этот «ген воли».

— Верно, его у нас нет, — согласился Миро. — Как только что сказал Эндрю, мы по сути своей есть один-единственный филот, который связан с триллионами других филотов, составляя атомы, молекулы и клетки наших тел. И ты такой же филот, как и мы все.

— Вряд ли, — произнесла Джейн.

Над терминалом возникло ее лицо, словно окутанное дымкой космического пространства. Филотические лучи пронизывали ее голову на-

сквозь.

— Я бы не стал утверждать это с такой категоричностью, — заметил Эндер. — Трудно поверить во что-то, пока это что-то не возникнет у тебя перед глазами. Только тогда невероятное становится естественным. Так вот, ты — существуешь.

— Чем бы я ни была, — добавила Джейн.

— Сейчас мы считаем, что ты самостоятельно существующая личность, — сказал Эндер. — Потому что мы были свидетелями твоих действий, которые мы привыкли называть волей и желаниями. Ты свободная личность, и все доказывает наши предположения. А если начать опровергать, то выяснится, что и мы сами вовсе не разумные существа. Если окажется, что в тебе нет ничего от личности, может возникнуть естественный вопрос: кто же тогда мы? Суть гипотезы заключается в том, что наша индивидуальная личность, которая делает нас самими собой, — не что иное, как филот, стоящий в центре внутренних филотических связей. Если мы правы, напрашивается следующий вывод: ты тоже должна обладать подобным филотом, и в таком случае следует выяснить, где он находится. Обнаружить филот — задача не из легких, сама понимаешь. Пока что ни одного филота нам обнаружить так и не

удалось. А они должны быть, потому что косвенные доказательства налицо: филотические лучи существуют, и они ведут себя так, будто имеют две конечные точки, занимающие определенное местоположение в пространстве. Мы не знаем, где ты и с чем ты соединяешься.

— Если она точь-в-точь похожа на нас, то есть похожа на человека, — вывел Миро, — тогда ее связи могут перемещаться в пространстве и разветвляться — как, например, толпа вокруг Грего. Я поговорил с ним, и он описал, что чувствовал. Эти люди словно стали частями его тела. А когда они бросили его и последовали собственным устремлениям, ощущение было такое, словно у него ампутировали все, что можно. Вот это и называется филотическими связями. Я думаю, эти люди и в самом деле на какое-то время соединились с ним, они действительно начали следовать его воле, как, допустим, рука следует приказу мозга. Может, и с Джейн происходит то же самое: компьютерные программы связались с ней, а она объединилась с теми, кому верна. С тобой, Эндрю. Со мной. Или с нами обоими.

— Но где же *она сама*? — спросил в ответ Эндер. — Если она вправду обладает филотом — нет, если она и есть филот, — тогда он должен зани-

мать особое место в пространстве. И если удастся вычислить его, может быть, мы сумеем сохранить его связи, даже когда компьютеры будут отключены. Может быть, мы сможем спасти ей жизнь.

— Не знаю, — признался Миро. — Она может находиться где угодно.

Он махнул рукой в сторону дисплея. Где угодно в пространстве — вот что он хотел сказать. Где угодно во Вселенной. А там, на дисплее, светилась голова Джейн, которую пронзали филотические лучи.

— Чтобы вычислить, где она находится, надо выяснить, как и откуда она взялась, — предположил Эндер. — Если она действительно филот, она с чем-то да должна соединяться.

— Все ясно, вы заделались детективами, которые намерены проследить дело трехтысячелетней давности, — усмехнулась Джейн. — Что ж, забавно будет понаблюдать за вами следующие несколько месяцев.

Эндер не обратил на нее внимания:

— Но чтобы выяснить это, прежде всего мы должны понять, как взаимодействуют филоты.

— Грего — физик, — напомнил Миро.

— Он работает над проблемой скорости све-

та, — сказала Джейн.

— Он может взяться и за эту задачу, — возразил Миро.

— Я не хочу, чтобы он отвлекался на проекты, заведомо обреченные на провал, — ответила Джейн.

— Джейн, послушай, ты что, больше не хочешь жить? — спросил ее Эндер.

— Все равно ничего не получится, зачем понапрасну терять время?

— Она корчит из себя мученицу, — хмыкнул Миро.

— Неправда, — вспыхнула Джейн. — Я просто смотрю на дело с практической стороны.

— И поступаешь как обыкновенная дура, — отозвался Эндер. — Грего не может выдать нам теорию скорости света, просто сидя в камере и размышляя насчет физики света и так далее. Если бы это сработало, мы еще три тысячи лет назад научились бы обгонять свет, потому что в те времена над проблемой работали сотни и сотни ученых. Ведь именно тогда были открыты филотические лучи и принцип мгновенности Парка. Если Грего и решит эту проблему, так только в случае, если его вдруг осенит, если в уме он проведет какую-нибудь абсурдную аналогию,

а такого, если он упорно будет долбить одно и то же, не случится никогда.

— Я знаю, — согласилась Джейн.

— А я знаю, что ты знаешь. Разве не ты мне говорила, что эту парочку с Пути ты посвящаешь в наши проекты только потому, что они необученные, интуитивные мыслители?

— Я просто не хочу, чтобы вы тратили время по пустякам.

— Ты просто не хочешь, чтобы мы прониклись надеждой, — заявил Эндер. — Ты просто не хочешь признать, что еще остался какой-то шанс спастись, потому что тогда ты начнешь бояться смерти.

— Я уже ее боюсь.

— Ты считаешь себя живым трупом, — сказал Эндер. — Это немножко не то.

— Уж я-то знаю, — пробормотал Миро.

— Поэтому, милая моя Джейн, мне плевать, видишь ли ты шанс выжить или нет, — подвел итог Эндер. — Мы будем работать над этим, и мы попросим Грего поразмыслить на эту тему, и, пока мы будем этим заниматься, ты передашь весь наш разговор своим знакомым с Пути…

— Хань Фэй-цзы и Си Ванму.

— Им, им, — кивнул Эндер. — Потому что они

также могут подумать над этим.

— Нет, — сказала Джейн.

— Да, — произнес Эндер.

— Я хочу, чтобы, прежде чем я умру, мы нашли какой-то реальный выход из положения. Я хочу, чтобы Лузитания была спасена, чтобы Говорящие с Богами Пути наконец обрели свободу, чтобы десколаду усмирили или вообще уничтожили. И я не стану отвлекать вас на всякие невероятные проекты моего спасения.

— Ты не Господь Бог, — сказал Эндер. — Тебе все равно неизвестно, как разрешить хоть какую-то из этих проблем, неизвестно, каким образом они будут разрешены. Поэтому, кто знает, может быть, поняв, что ты есть на самом деле, ты существенно облегчишь нам задачу. И уж конечно, ты не можешь знать, решим ли мы эти проблемы быстрее, если не будем упираться в них и все время посвящать только им, а просто поедем на пикник и весь день проиграем на лужайке в теннис.

— Какого черта, что такое теннис? — поинтересовался Миро.

Но Эндер и Джейн молча мерили друг друга сердитыми взорами. Или, скорее, это Эндер уставился на изображение Джейн на компьютерном

дисплее, а изображение, в свою очередь, уставилось на него.

— Ты не можешь поручиться за свою правоту, — наконец сказала Джейн.

— А ты не можешь доказать обратное, — парировал Эндер.

— Это моя жизнь, — сказала она.

— Черта с два! — взорвался Эндер. — Ты принадлежишь мне, принадлежишь Миро, от тебя сейчас зависит будущее всего человечества, пеквениньос, Королевы Улья, если уж на то пошло. Кстати, пока ты будешь посвящать этого Хань Как-Его-Там и Си Ван… в общем, и так далее…

— Му.

— …в наши размышления по поводу природы филотов, пойду-ка я переговорю с Королевой Улья. Кажется, так получилось, что с ней я тебя не обсуждал. Она должна знать о филотах куда больше нашего, ведь с рабочими она связана одними филотами.

— Я не обещала, что привлеку Хань Фэй-цзы и Си Ванму в этот ваш дурацкий проект «Спасем Джейн».

— Но теперь ты пообещаешь мне это, — мягко сказал Эндер.

— С чего вдруг?

— С того, что и Миро, и я любим тебя, нуждаемся в тебе, и у тебя нет права покидать нас вот так, даже не попытавшись выжить.

— Я не могу позволить, чтобы подобные факторы влияли на мое решение.

— Нет, можешь, — поддержал Эндера Миро. — Потому что, если бы не эти «факторы», я бы давно покончил с собой.

— Я не собираюсь кончать жизнь самоубийством.

— Если ты не помогаешь нам спасти себя, можно считать, что именно так ты и поступаешь, — сказал Эндер.

Лицо Джейн исчезло с дисплея.

— Бегство тебе не поможет, — произнес Эндер.

— Оставьте меня в покое, — отозвалась Джейн. — Я хочу поразмыслить над этим.

— Не волнуйся, Миро, — сказал Эндер. — Она поможет нам.

— Верно, — согласилась Джейн.

— Что, уже поразмыслила? — поинтересовался Эндер.

— Я думаю очень быстро.

— Так ты присоединяешься к нам?

— Это будет мой четвертый проект, — сказала Джейн. — Сейчас я передаю ваши слова Хань

Фэй-цзы и Си Ванму.

— Она просто красуется перед нами, — заметил Эндер. — Она может поддерживать одновременно несколько бесед, поэтому обожает подкалывать нас и демонстрировать, насколько мы ниже ее по развитию.

— Но вы действительно ниже меня, — сказала Джейн.

— Я голоден, — вдруг произнес Эндер. — И меня мучит жажда.

— Можно пообедать, — предложил Миро.

— А, вот теперь красуетесь вы, — заявила Джейн. — Демонстрируете мне, на что способны ваши тела.

— Прием пищи, — начал перечислять Эндер. — Дыхание. Выделения. Мы можем такое, чего не можешь ты.

— Другими словами, у вас неважно с мыслительным процессом, зато, по крайней мере, вы можете поглощать пищу, дышать и потеть.

— Вот именно, — ответил Миро.

Он достал хлеб и сыр, Эндер налил в кружки холодную воду, и они сели за стол. Простая пища, но ее вкус показался им просто божественным, и они были довольны жизнью.

14
Создатели вируса

– Я все время думаю, чем станет для нас полет от звезды к звезде.

– Помимо сохранения вида?

– Когда ты посылаешь рабочих на расстояния во многие световые годы, ты все равно можешь смотреть на мир их глазами, да?

– И пользоваться их органами чувств, ощущать малейшую вибрацию. Когда они едят, я чувствую, как их челюсти перемалывают пищу. Вот почему в большинстве случаев о себе я говорю как о нас. Я облекаю свои мысли в форму, которую вы с Эндером можете воспринять. Я вижу то, что видят они, чувствую то, что чувствуют они.

– С деревьями-отцами дело обстоит несколько иначе. От нас требуются некоторые усилия, чтобы начать воспринимать жизнь друг друга. Но мы способны на это. По крайней мере, здесь, на Лузи-

тании.

– Не понимаю, почему ты так боишься, что филоты подведут вас.

– Ведь я смогу почувствовать то, что почувствуют они, ощутить листвой свет иного солнца, узнать о другом мире. Это будет подобно чуду, то же самое случилось, когда люди впервые приземлились на Лузитании. До этого мы считали, что все везде одинаково, мы видели перед собой один наш мир. Но они привезли странных существ, они сами по себе были необычны, они собрали машины, которые совершали чудеса. Другие леса никак не могли поверить тому, что рассказывали им жившие тогда деревья-отцы нашего племени. По сути дела, я помню, даже наши деревья-отцы долго отказывались верить рассказам братьев о человеке. Корнерой тогда принял все на себя, убеждая их, что это не ложь, не сумасшествие и не шутка.

– Шутка?

– Среди нас бытуют истории о братьях, которые забавы ради врали деревьям-отцам, но их всегда ловили на лжи и

жестоко наказывали.

– Эндер говорил мне, что такие истории создаются специально для того, чтобы поощрять цивилизованное поведение.

– Искушение солгать дереву-отцу существовало всегда. Я и сам не раз грешил. Правда, не врал. Увиливал от ответа. Сейчас братья точно так же уворачиваются от прямого ответа мне – правда, крайне редко.

– И ты наказываешь их?

– Я запоминаю, кто из них солгал.

– Если рабочий вдруг выходит из повиновения, мы оставляем его, и он умирает от одиночества.

– Брат, который слишком много лжет, лишается возможности стать деревом-отцом. Они это знают. Они врут, чтобы поиграть с нами. В конце концов они все равно рассказывают нам всю правду.

– А что, если сразу целое племя начнет врать своим деревьям-отцам? Как вы об этом узнаете?

– Ну, ты можешь еще спросить, что будет, если племя начнет срубать деревья или сжигать их.

– А что, такого никогда не происходило?

– А бывало такое, чтобы рабочие восставали против Королевы Улья и убивали ее?

– Как же такое может быть? Они же погибнут без нее.

– Вот видишь. Некоторые вещи настолько ужасны, что их даже представить нельзя. Я лучше подумаю о том, что чувствуешь, когда впервые пускаешь корни на другой планете, распрямляешь ветви в чужое небо и пьешь свет незнакомой тебе звезды.

– Очень скоро ты поймешь, что незнакомых звезд быть не может, что чужих небес не существует.

– Как это?

– Существуют просто звезды и небеса, во всем разнообразии. Все они обладают собственным ароматом, и каждый аромат хорош.

– Ты сейчас говоришь словно дерево. Ароматы! Небеса!

– Я испробовала жар многих солнц, и каждый оказался по-своему мил сердцу.

— Ты просишь меня *помочь* тебе в восстании против богов?!

Ванму только ниже склонилась перед госпожой — перед бывшей госпожой — и ничего не сказала, хотя мысленный ответ у нее был готов: «Нет, моя госпожа, я прошу тебя помочь нам разбить цепи, в которые заковал Говорящих с Богами Конгресс. Нет, моя госпожа, я прошу тебя вспомнить об обязанностях перед отцом, которые даже Говорящий с Богами не может отрицать, если они нацелены на доброе дело. Нет, моя госпожа, я прошу тебя помочь нам спасти честный и беззащитный народ пеквениньос от ксеноцида».

Но Ванму ничего не ответила — это был один из самых первых уроков, полученных ею от Хань Фэй-цзы. Когда ты обладаешь мудростью и другой человек понимает, что нуждается в твоем совете, дари его от чистого сердца. Но когда человек еще не понял, что твоя мудрость пойдет ему на пользу, воздержись от слов. Еда выглядит аппетитной только в глазах страждущего. Цин-чжао не нуждалась в мудрости Ванму и никогда в ней не будет нуждаться. Поэтому Ванму ответила ей смиренным молчанием. Ей оставалось только надеяться, что Цин-чжао найдет собственный путь к пониманию праведных, сочувствию слабым и

борьбе за свободу.

Любыми методами Цин-чжао следовало привлечь на их сторону. Ее блестящий ум немало поможет им. Ванму никогда в жизни так остро не ощущала собственную бесполезность, как сейчас, когда наблюдала за хозяином, в поте лица трудящимся над разрешением вопросов, заданных ему Джейн. Чтобы разобраться в проблеме барьера скорости света, он начал изучать физику, так чем могла помочь ему Ванму, только-только узнавшая кое-что о геометрии? Чтобы подступиться к вирусу десколады, Хань Фэй-цзы обратился к микробиологии — Ванму едва начала постигать азы эволюции. А когда он погружался в размышления о природе Джейн, то здесь Ванму вообще была бессильна. Она выросла в семье обыкновенных рабочих, и будущее зависело от ее рук, а не от ее ума. Философия была далека от нее, как небо от земли. «Тебе только кажется, что небо очень далеко, — ответил Хань Фэй-цзы, когда Ванму пожаловалась ему. — На самом же деле оно вокруг тебя. Ты вдыхаешь и выдыхаешь его даже тогда, когда трудишься по колено в грязи. Это и есть истинная философия». Но она придала его словам несколько иной смысл. Она поняла лишь, что хозяин добр к ней и не хочет, чтобы

она терзалась собственной никчемностью.

Цин-чжао, однако, очень пригодилась бы им. Поэтому Ванму передала ей листок бумаги с перечислением проблем и паролями доступа.

— Отец знает, что ты дала мне это?

Ванму снова промолчала. На самом деле это была идея Хань Фэй-цзы, но, как сочла Ванму, на данном этапе Цин-чжао лучше не знать, что Ванму явилась к ней в качестве эмиссара отца.

Цин-чжао снова заговорила, предположив, как Ванму и надеялась, что служанка пришла просить ее помощи втайне от отца, по своему собственному почину:

— Если бы отец попросил меня об этом, я бы ответила «да», потому что это моя обязанность. Я верна ему как дочь.

Но Ванму прекрасно знала, что теперь Цин-чжао не больно-то прислушивается к словам отца. Она может говорить, будто послушна его воле, но, по сути дела, подобное предложение отца шокировало бы ее. Цин-чжао даже не успела бы ничего ответить, она бы сразу упала на пол и весь день прослеживала жилки на половицах. Она бы вошла в противостояние с собой, ведь отец попросил бы ее ослушаться богов.

— Тебе я ничем не обязана, — сказала Цин-

чжао. — Ты предала меня, оказалась неверной. Свет не видывал такой никчемной и бесполезной доверенной служанки, как ты. В моих глазах твое присутствие в доме приравнивается к появлению на обеденном столе навозного жука.

И снова Ванму прикусила язык. Однако ниже она не склонилась. В самом начале разговора она приняла почтительную позу домашней служанки, но не хотела унижаться, изображать притворное раскаяние и раболепствовать в глубоких поклонах. «Даже самый презренный человек обладает гордостью, и я-то знаю, хозяйка Цин-чжао, что тебе я никакого вреда не причинила и что я сейчас более предана и верна тебе, чем ты — сама себе».

Цин-чжао повернулась к терминалу и напечатала название первого проекта — «Разъединение», буквальный перевод слова «десколада».

— Так или иначе, все это чушь, — продолжала Цин-чжао, сканируя документы и отчеты, присланные с Лузитании. — Поверить невозможно, будто кто-то станет совершать предательство и связываться с Лузитанией ради того, чтобы получить взамен подобную ерунду. С научной точки зрения такое невероятно. Ни одна планета не в силах создать настолько сложный вирус, чтобы

он включал в себя генетический код другого вида обитателей этого мира. Я только зря трачу время, разбираясь с этой проблемой.

— Почему зря? — поинтересовалась Ванму. Теперь она могла говорить, хоть Цин-чжао и заявила, будто отказывается обсуждать материалы, все-таки она обсуждала их. — Если на то пошло, эволюция ведь создала человека, и аналогов ему в космосе нет.

— Но на Земле сосуществуют десятки родственных человеку видов. Нет такого вида, который не имел бы природных сородичей. И не будь ты такой глупой и взбалмошной, ты бы сама сразу поняла. Эволюция не способна создать настолько скудную среду, как эта.

— Как же ты тогда объяснишь исследования лузитанских ученых?

— А откуда в тебе такая уверенность, что они были переданы прямиком с Лузитании? Ты полагаешься на слово какой-то компьютерной программы. Может, она выдумала все это. Или, может быть, тамошние ученые не стоят и ломаного гроша. Им просто не хватает ума собрать всю возможную информацию. Да в этом отчете и двух десятков видов не наберется. И ты только посмотри: все они делятся на абсолютно абсурдные,

несовместимые пары. Нет, невозможно, чтобы на целой планете обитала всего пара десятков видов.

— Но что, если ученые правы?

— Как это может быть? Люди Лузитании изначально были заключены в тесные границы колонии. Они видели только то, что показывали им эти свиночеловечки. Откуда им знать, что свинолюди не лгут?

«Ты называешь их свинолюдьми, моя хозяйка, — таким образом ты хочешь убедить себя в том, что помощь Конгрессу не имеет с ксеноцидом ничего общего? Если ты называешь их зверьем, неужели это дает тебе право убивать их? Ты обвиняешь их во *лжи* — неужели поэтому они от этого лишаются права на жизнь?» Но Ванму в очередной раз молча проглотила упреки. И снова повторила вопрос:

— А что, если это и есть истинная картина жизненных форм Лузитании? Каким образом десколада взаимодействует с ними?

— Будь это *правдой*, я бы непременно прочитала и изучила все документы, чтобы выдать какое-нибудь разумное объяснение. Но ведь это чистая подделка. На чем мы остановились, прежде чем ты предала меня? Разве я тебе не объясняла осно-

вы гайалогии?[26]

— Объясняли, госпожа.

— Ну вот. Эволюция есть совокупность средств, при помощи которых планетарный организм приспосабливается к изменениям в окружающей среде. Если солнце начало давать больше тепла, жизненные формы планеты должны соответственно измениться, то есть научиться поглощать избыток тепла и компенсировать его за счет своего тела. Помнишь классический пример с Миром Ромашек?

— Но на поверхности той планеты существовал всего один вид, — ответила Ванму. — Когда солнце особенно жарило, набирали рост белые ромашки, чтобы отражать свет звезды обратно в пространство. Когда солнце вдруг остывало, силу приобретали темные ромашки — они поглощали свет и превращали его в тепло.

Ванму с гордостью подумала про себя, что кое-что еще помнит.

— Нет, нет, нет, — помотала головой Цинчжао. — Естественно, ты упустила самую суть.

---

[26] Примечания: 26

Гайалогия — малоизвестная в России наука, зародившаяся на Западе в середине 1970-х гг. и в чем-то сходная с экологией. Основателем ее считается Джеймс Лавлок. Основным принципом гайалогии является то, что Земля (Гайа, Гея) есть единый живой организм.

А дело все в том, что, даже когда численно преобладали белые цветы, где-то должны были оставаться ромашки темного цвета. И наоборот, когда мир погружался во тьму, белые ромашки не могли вымереть все до единой. Эволюция не может по малейшему требованию выдавать новые виды животного и растительного мира. Она создает новые виды постоянно: передаются гены, на организмы влияет радиация, распространяются всевозможные вирусы. Не может существовать такого вида, который бы давал один породистый приплод. Обязательно должно присутствовать отклонение от нормы.

Ванму не уловила связи, и непонимание, должно быть, отразилось у нее на лице.

— Стало быть, я все еще твой учитель? Должна ли я выполнять свою часть договора, хотя своих обязательств ты не исполнила?

«Да, да, прошу тебя, — молча взмолилась Ванму. — Я буду вечно прислуживать тебе, если только ты поможешь отцу в работе».

— До тех пор пока какой-то вид, постоянно скрещиваясь, существует в замкнутой среде, — продолжала Цин-чжао, — представители его, говоря языком генетики, не подвержены резким изменениям; их гены постоянно мешаются с

генами других представителей того же вида, поэтому изменения протекают весьма плавно, с каждым новым поколением охватывая все население. Но бывает и так, что окружающая среда ставит вид в такие условия, когда только единицы оказываются способными сопротивляться, а остальные, у которых отсутствует помогающая выжить черта, поголовно вымирают. И тогда эта новая черта из случайного фактора становится универсальным признаком нового вида. Это и есть основной закон науки гайалогии: постоянные генетические отклонения составляют основу для сохранения жизни как таковой. Но, судя по этим документам, на планете Лузитания существует абсурдно малое число видов. Возможности для генетических изменений отсутствуют, потому что эти невероятные вирусы постоянно противостоят всяким переменам. Такая система не только не способна эволюционировать, но и невозможна в принципе — всякая жизнь в ней должна быстро прекратиться. Животные формы лишены способности к адаптации.

— Так, может, на Лузитании просто нет таких перемен, к которым необходимо адаптироваться?

— Не будь дурой, Ванму. Мне стыдно, что ко-

гда-то я пыталась учить тебя. Звезды все до одной пульсируют. Планеты периодически меняют орбиту. За три тысячи лет мы проследили судьбу многих миров и за это время узнали вещи, недоступные привязанным к Земле ученым. Все планеты и звездные системы обладают общими качествами; правда, есть у них и какие-то индивидуальные черты, как, например, у Земли и Солнечной системы. Говорю тебе, такой планете, как Лузитания, без угрожающих жизненным формам изменений окружающей среды не протянуть и пары десятков лет. Перепады температуры, сейсмические и вулканические циклы, частичные изменения орбиты просто обязаны присутствовать. А как с ними справиться системе, состоящей из жалкой горстки видов? Если бы на планете росли одни светлые ромашки, как бы она согревала себя при охлаждении солнца? Если все без исключения жизненные формы потребляют углекислоту, что они будут делать, когда содержание кислорода в атмосфере превысит смертельно опасную норму? Твои так называемые друзья с Лузитании — обыкновенные дураки и кормят тебя всякой чушью. Будь они настоящими учеными, они бы сразу поняли, что эти показатели в принципе невозможны.

Цин-чжао стукнула по кнопке, и пространство дисплея над терминалом померкло.

— Ты потратила мое время, которого мне и так не хватает. Если не можешь предложить ничего лучше, вообще ко мне не подходи. Ты для меня меньше чем ничто. Ты жучок, плавающий в моем стакане с водой. Ты портишь всю воду, а не только место, где плаваешь. Я просыпаюсь и терплю невыносимые страдания, вспоминая, что ты живешь в этом доме.

«Тогда вряд ли меня можно назвать „ничем“, — про себя подковырнула ее Ванму. — Мне кажется, я тебе отнюдь не безразлична. Может быть, ты очень умна и талантлива, Цин-чжао, но сама себя ты не понимаешь — здесь ты бессильна, как и все остальные».

— Ты не можешь понять меня, потому что ты обыкновенная дурочка, — снова заговорила Цин-чжао. — Я же приказала тебе убираться отсюда.

— Но хозяин этого дома — твой отец, мастер Хань, — попросил меня остаться.

— Жалкая дура, сестра свиньям, если я не могу приказать тебе оставить этот дом, то, по крайней мере, имею право не видеть тебя в своей комнате!

Ванму склонилась, почти — почти — коснув-

шись лбом пола. Затем попятилась к двери, чтобы не поворачиваться к госпоже спиной. «Раз ты так со мной обращаешься, что ж, я буду обращаться с тобой как с великой повелительницей миров, и если ты не заметишь в моих действиях насмешки, кто же из нас двоих настоящая дура?»

Вернувшись в кабинет Хань Фэй-цзы, Ванму обнаружила, что он пуст. Хозяин, должно быть, вышел и через пару минут вернется. Может быть, он исполняет какой-нибудь из ритуалов Говорящих с Богами, в таком случае он может отсутствовать и два, и три часа. Но в голове Ванму кружилось множество вопросов, ее снедало любопытство, ей было невтерпеж. Она вызвала на терминале всю документацию по проектам, зная, что Джейн наверняка наблюдает за ней. Конечно же, Джейн не могла пропустить разговор с Цин-чжао.

Но Джейн подождала, пока Ванму не сформулирует вопросы, на которые навела ее Цин-чжао, и потом уже ответила на них. Сначала она прояснила ситуацию с учеными Лузитании.

— Документам, поступившим к вам с Лузитании, можно доверять, — сказала Джейн. — Эла, Новинья, Кванда и все остальные, кто имел к ним отношение, — прекрасные специалисты,

правда каждый в своей области, но все они не просто талантливые, а гениальные ученые. Если Цин-чжао читала «Жизнь Человека», она должна была заметить в ней те же самые парные виды.

— Но все-таки мне сложновато разобраться в словах Цин-чжао, — ответила Ванму. — Я все пытаюсь понять, как же так может быть? На планете Лузитания действительно слишком мало видов, чтобы там развилась нормальная гайалогия, однако животная жизнь на ней процветает и замечательно сбалансирована. Как такое может быть, что Лузитания еще ни разу не подверглась изменениям в окружающей среде?

— Такого и в самом деле быть не может, — кивнула Джейн. — Я обладаю свободным доступом к астрономической информации, которую выдают вращающиеся вокруг планеты спутники. Так вот, за время присутствия на Лузитании человека активность самой планеты и ее солнца соответствовала норме. Сейчас, похоже, грядет глобальное похолодание, есть тенденция к тому.

— И как на это отвечают жизненные формы Лузитании? — поинтересовалась Ванму. — Вирус десколады не позволяет им эволюционировать — он безжалостно расправляется со всяким незнакомым организмом, именно поэтому он по-

стоянно нападает на людей и на Королеву Улья.

Джейн, чье миниатюрное изображение в позе лотоса парило над терминалом, терпеливо подняла руку:

— Секундочку, — сказала она.

Затем она опустила руку:

— Я передала твои вопросы моим друзьям, и, знаешь, Эла вся бурлит от возбуждения.

На дисплее возникло новое лицо, чуть сверху и немного позади фигурки Джейн. Темнокожая женщина, с примесью африканской крови, потому что кожа ее была не такой уж и темной, а нос — прямым и узким. «Эланора, — подумала Ванму. — Джейн представляет мне женщину, находящуюся на планете, удаленной от Пути на многие сотни световых лет. Интересно, меня она тоже ей показывает? Как отнесется ко мне эта Эла? Сочтет меня дурой беспросветной?»

Но, судя по лицу, Элу больше заботило нечто другое. Она что-то говорила, видимо отвечая на вопросы Ванму:

— Так почему же вирус десколады противится разнообразию жизненных форм? Ведь здесь явно прослеживается тенденция к вымиранию, но тем не менее десколада благополучно процветает. Ванму, должно быть, считает меня круглой иди-

откой, думает, что я просто не обратила на это внимания. Но я специализируюсь не на гайалогии, я выросла на Лузитании, поэтому никогда не задавалась этим вопросом. Я просто уяснила себе, что природная среда Лузитании функционирует замечательно, и благополучно обратилась к проблеме десколады. А что думает Ванму?

Ванму была несколько ошарашена, услышав такое от незнакомки. Что Джейн наговорила Эле о ней? Как Эла вообще могла подумать, что Ванму зовет ее про себя идиоткой, когда Эла занималась наукой, а Ванму была всего лишь служанкой?

— А какая разница, что я думаю? — спросила Ванму.

— Что ты думаешь? — повторила Джейн. — Даже если, как ты считаешь, твои размышления никуда не годятся, Эла хочет ознакомиться с ними.

Ванму, больше не прекословя, начала объяснять:

— Конечно, это очень глупо, это всего лишь микроскопический вирус, но, должно быть, здесь опять-таки повинна десколада. Ведь если я не ошибаюсь, она содержит в себе гены каждого вида? Значит, именно она и отвечает за эволюционный процесс. Вместо того чтобы ждать, когда

представители вида сами изменятся, десколада меняет их. Ведь она способна на такое, верно? Она может изменить гены целого вида, не причинив вреда ни одному представителю. Ей не приходится ждать, когда за дело примется эволюция.

Снова наступило молчание, Джейн подняла руку вверх. Она, должно быть, показывает лицо Ванму Эле, давая возможность услышать слова Ванму из ее собственных уст.

— Nossa Senhora, — прошептала Эла. — На этой планете десколада и есть Гайа! Ну конечно! Это же все объясняет! А видов так мало потому, что десколада мирится только с теми, которые способна подчинить себе. Получается, вся планетарная гайалогия превратилась в нечто подобное по своей простоте Миру Ромашек.

Ванму даже показалось чуть-чуть смешным, что такой образованный ученый, как Эла, обращается в сравнении к Миру Ромашек, будто она всего лишь студентка-первогодок, такая же безграмотная, как Ванму.

Рядом с Элой возникла еще одна голова — она принадлежала пожилому белому мужчине лет шестидесяти, с тронутыми сединой волосами и спокойным лицом.

— Но это еще не весь ответ на вопрос Ван-

му, — сказал мужчина. — Каким образом могла развиться десколада? Откуда взялись вирусы — предшественники десколады? Почему вдруг такая ограниченная гайалогия обладает значительным преимуществом перед той медленной эволюционной моделью, которую предпочитает всякий другой мир, населенный животной жизнью?

— Я такого вопроса не задавала, — перебила его Ванму. — Первую его часть задала Цин-чжао, а остальное додумал этот мужчина.

— Тсс, — остановила ее Джейн. — Цин-чжао вообще ничего не спрашивала. Она воспользовалась этими доводами как причиной, чтобы не знакомиться с поступившей с Лузитании документацией. Это ты задалась таким вопросом, а если Эндрю Виггин понял твои слова лучше тебя самой, это вовсе не значит, что они теперь тебе не принадлежат.

Так, значит, это Эндрю Виггин, Говорящий от Имени Мертвых. По его виду никак не скажешь, что ему исполнилось три с лишним тысячелетия. И с виду он не так уж и мудр — то ли дело мастер Хань! Наоборот, сейчас на лице этого Виггина расплылось выражение глупого удивления, глаза округлились, и вообще лицо его

то и дело менялось, мгновенно реагировало на каждую перемену настроения, словно существовало отдельно от него. Но от него веяло каким-то умиротворением. В нем было что-то от Будды. Ведь, по сути дела, Будда нашел собственный Путь. Может быть, и этот Эндрю Виггин нашел свой Путь, хоть и не был китайцем? Виггин все еще продолжал задавать вопросы, которые, как он считал, принадлежали Ванму.

— Вероятность естественного возникновения подобного вируса ничтожно мала. Задолго до того, как этот вирус смог бы развиться в достаточной степени, чтобы связать виды в одно целое и начать контролировать гайалогию Лузитании, предшественники десколады должны были уничтожить на планете все живое. Времени на эволюцию просто не было — вирус слишком разрушителен. Он поубивал бы любые жизненные формы еще в зародыше, а затем, ввиду отсутствия организмов, на которых можно паразитировать, вымер бы сам.

— Может быть, агрессивность проявилась в нем позднее, — возразила Эла. — Может быть, его эволюция протекала в симбиозе с некоторыми другими видами, которые и помогли ему развить способность к генетическим преобразованиям.

Весь процесс мог занять считаные дни, максимум недели. А на остальную животную жизнь десколада перекинулась несколько позднее.

— Может быть, — согласился Эндер.

Но тут в голову Ванму взбрела одна идея.

— Десколада подобна некоему божеству, — высказалась она. — Она приходит и изменяет — и не имеет значения, нравится это кому-нибудь или нет.

— За исключением того, что богам еще присуща некоторая вежливость, чтобы потом удалиться.

Он отреагировал очень быстро, и Ванму заключила, что, должно быть, все сказанное или сделанное ими в ту же секунду передается через миллиарды километров, разделяющих две планеты. Ванму была немало наслышана о стоимости ансибельных передач — такое мог позволить себе только военный департамент. Дело, требующее сиюсекундной ансибельной связи, стоило столько денег, что на них можно было бы построить отдельное жилье каждому бедняку на планете. «Благодаря Джейн мне это ровным счетом ничего не стоит. Я вижу их лица, они видят меня, и я слышу их слова в тот самый миг, когда они начинают шевелить губами».

— Неужели? — скептически спросила Джейн. —

Мне раньше казалось, основная проблема Пути состоит как раз в том, что боги никак не могут удалиться и оставить их в покое.

В голосе Ванму прозвучала некоторая горечь.

— Боги во всем подобны десколаде. Они мгновенно уничтожают то, что им приходится не по нраву, а угодных себе людей превращают в нечто совершенно иное, меняют их до неузнаваемости. Когда-то Цин-чжао была доброй, веселой и жизнерадостной девушкой, а теперь она завистлива, злобна и жестока — и все из-за этих богов.

— Все это из-за мутировавших генов, внедренных по приказу Конгресса, — ответил Эндер. — Это сделали люди, которые намеревались принудить вас повиноваться и исполнять любые приказы.

— Ну да, — согласилась Эла. — Десколада, один в один.

— Что ты имеешь в виду?

— Здесь тоже имела место некоторая перемена, которая также была подстроена с единственной целью — подчинить себе Лузитанию.

— Но кем была подстроена? — удивилась Ванму. — Кто посмел совершить такой страшный поступок?

— У меня уже давно крутится в голове это пред-

положение, — начала объяснять Эла. — Мне все время не давал покоя вопрос, почему на Лузитании существует такое ограниченное число жизненных форм. Помнишь, Эндрю, этот вопрос и привел нас к открытию, что за парное деление видов ответственна десколада. Мы знали, что когда-то здесь случилась некая катастрофа, которая перестроила природу и уничтожила большинство видов животных и растений. Десколада оказалась для лузитанской природы более гибельной, чем, допустим, столкновение лоб в лоб с астероидом. Но так как изначально мы обнаружили здесь десколаду, естественно, мы предположили, что она развилась на планете сама собой. Я прекрасно понимала — в этом предположении нет никакого смысла, как верно заметила Цин-чжао, но это же все-таки случилось, и что толку теперь искать в этом смысл. Но что, если на самом деле все было совсем иначе? Что, если десколаду создали боги? Боги не в смысле божественности, разумеется, может быть, какая-то разумная раса искусственно вывела этот вирус?

— Но это чудовищно! — воскликнул Эндер. — Создать настоящую машину для разрушений и запустить ее на другие миры! И не знать или

намеренно не обращать внимания на то, что ты кого-то убиваешь, — нет, это невозможно.

— Не машину для разрушений, — возразила ему Эла. — Если вирус действительно настолько ловко управляется с урегулированием планетарной системы, разве не может десколада на деле оказаться неким устройством для терраформации других планет? Мы сами никогда не пытались ничего терраформировать — в смысле, мы, люди, а до нас жукеры заселяли только те миры, где туземная жизнь уже достигла определенного этапа развития, как в случае с Землей. Для нас непременным фактором жизни является богатая кислородом атмосфера, способная поглощать углекислый газ с достаточной скоростью, чтобы поддерживать на поверхности стабильную температуру, когда солнце начинает давать больше тепла. Но вдруг где-то существует раса, которая решила послать вперед себя вирус десколады, чтобы он подготовил планету к колонизации? На это могут уйти тысячи лет, но зато, когда на планету прибудут колонисты, на ней будут созданы именно те условия, которые им так необходимы. А по прибытии, прежде чем начать осваиваться на новом месте жительства, они запустят какой-нибудь антивирус, который

изничтожит десколаду.

— Или, может быть, они сразу создали такой вирус, который не вредил бы ни им самим, ни тем видам живых существ, в которых они нуждаются, — высказал другое предположение Эндер. — Может, «колонисты» намеренно избавились от всякой лишней жизни на планете.

— Так или иначе, это все объясняет. Но проблема, над решением которой я сейчас бьюсь, состоит в том, что молекулы, составляющие десколаду, находятся в каком-то хаотическом, неестественном движении. Они продолжают существовать лишь потому, что вирус постоянно и намеренно провоцирует и поддерживает эти внутренние противоречия. Я вообще не могу понять, как может существовать молекула, находящаяся в противоречии сама с собой. Все это можно объяснить, только поняв, как она устроена и как такое вообще получилось. По словам Ванму, Цин-чжао заявила, что такой вещи, как десколада, в нормальных условиях развиться не может и что гайалогия Лузитании в природе не существует. Что ж, действительно, природа на подобное не рассчитана. Это искусственно созданный вирус и искусственно созданная гайалогия.

— Ты хочешь сказать, я действительно помогла

вам? — спросила Ванму.

На лицах отразилось недоумение, затем стыд — в пылу спора они, очевидно, совершенно забыли, что Ванму присутствует при разговоре.

— Пока не знаю, — виновато произнесла Эла. — Но это новый подход к делу. Если я подойду к проблеме с той точки зрения, что вирус намеренно так устроен и это не просто безумная мешанина из всевозможных генов, созданная природой, то да, вы нам действительно помогли. Теперь я знаю, если вирус был кем-то создан, это дает мне надежду, что как-нибудь я сумею его обуздать. Или переделать.

— Не говори «гоп», — предупредил Эндер. — Это еще на стадии гипотезы.

— Ну и что? — возмутилась Эла. — Да я нутром чую: так и должно быть. Так, и только так объясняется вообще все.

— Я тоже к этому склоняюсь, — отозвался Эндер. — Но прежде надо обсудить наше предположение с теми, кто испытал действие десколады непосредственно на себе.

— Где Сеятель? — крикнула вдруг Эла. — Мы можем поговорить с Сеятелем.

— А также с Человеком и Корнероем, — добавил Эндер. — Мы должны сообщить о наших предпо-

ложениях деревьям-отцам.

— Новость их потрясет, — возликовала Эла, а затем вдруг поняла подтекст своих слов. — Нет, в самом деле, в буквальном смысле эта гипотеза сразит их наповал. Еще бы, им предстоит узнать, что, по сути дела, вся их планета находится в процессе терраформации.

— И не только планета, — подметил Эндер. — И они сами в том числе. Третья жизнь. Все, чем они сейчас обладают, подарено им десколадой, все самые замечательные их свойства. Вспомни, мы еще раньше догадались, что они произошли от млекопитающих, которые спаривались самым обычным путем, то есть самец с самкой, маленькие матери вытягивали семя жизни из шести половых органов самцов. Вот кем они были раньше. Затем десколада переделала их по-своему и стерилизовала самцов, после чего те и приобрели способность умирать и превращаться в деревья.

— Сама их природа…

— Это очень нелегко принять, когда сталкиваешься нос к носу с эволюционным процессом. Когда мы, люди, впервые осознали, как эволюция приспособила нас под свои нужды, случилась целая буря, — сказал Эндер. — До сих пор многие отказываются верить доводам ученых. Даже

если окажется, что все так и было, неужели, ты думаешь, пеквениньос воспримут это с таким же восторгом, с каким приняли идею о космических полетах? Одно дело — встретиться с существами, прилетевшими с другой планеты, и совсем другое — вдруг выяснить, что тебя создал не Бог, не эволюция, а какая-то неведомая разумная раса.

— Но если это действительно так…

— А кто это докажет? Нам эта гипотеза может пригодиться. Что же касается пеквениньос, она может показаться им настолько отвратительной, что они вообще откажутся верить нам.

— А некоторые даже возненавидят вас, — сказала Ванму. — Но кое-кто возблагодарит.

Все снова повернулись к ней, или, по крайней мере, Джейн повернула их лица так, чтобы они смотрели на нее.

— Тебе уже пришлось столкнуться с этим, — печально проговорил Эндер. — Ты и Хань Фэй-цзы только недавно обнаружили, что ваш народ был искусственно выведен на свет.

— И сразу закован в кандалы, — кивнула Ванму. — Для меня и хозяина это откровение обернулось свободой. Но для Цин-чжао…

— Среди пеквениньос многие поведут себя, как Цин-чжао, — подтвердила Эла. — Но Сеятель,

Человек и Корнерой к этим многим не относятся. Они очень мудры.

— Цин-чжао не глупее их! — воскликнула Ванму.

Ее слова прозвучали несколько более пылко, чем она сама того желала, но преданность — такая штука, которая может жить вечно.

— А мы этого и не отрицаем, — миролюбиво произнес Эндер, — но здесь мудрость ей не очень-то и помогла, не правда ли?

— Здесь — нет, — согласилась Ванму.

— Вот и все, что мы хотели сказать. Мало кому придется по душе, если история о его происхождении, в которую он всегда верил, вдруг окажется обыкновенной подделкой. Пеквениньос, многие пеквениньос считают, что Бог наградил их особым даром, в то же самое верят ваши Говорящие с Богами.

— А мы совсем не особенные! — выкрикнула Ванму. — Мы обычные люди, самые обыкновенные, как грязь! Говорящих с Богами не существует. Как не существует богов. Им ровным счетом наплевать на нас.

— Если богов не существует, — мягко поправила ее Эла, — то наплевать или не наплевать они уж никак не могут.

— Мы появились только благодаря чьему-то бесчеловечному, эгоистичному плану! — крикнула им Ванму. — И кто бы эту десколаду ни создал, пеквениньос — всего лишь часть их плана. Как Говорящие с Богами — часть плана Конгресса.

— Как человек, который появился на свет согласно приказу правительства, — сказал Эндер, — я глубоко сочувствую тебе. Но твои слова необдуманны. Ведь мои родители тоже хотели, чтобы я появился на свет. И с самой секунды рождения, подобно всякому другому живому существу, я обрел в жизни собственный смысл. То, что люди твоей планеты ошибочно принимали МПС за послания богов, вовсе не означает, что сами они не боги. И то, что твое прежнее понимание смысла жизни противоречит нынешнему, совсем не значит, что ты должна увериться в бессмысленности своей жизни.

— О да! — с жаром ответила Ванму. — Смыслов хоть отбавляй! Конгрессу требуются рабы! Поэтому-то они и создали Цин-чжао — чтобы она стала рабыней. И она не желает отказываться от рабства!

— Такую цель преследовал Конгресс, — кивнул Эндер. — Но, кроме того, у Цин-чжао были отец и мать, которые любили ее. Как и у меня. Этот

мир можно толковать по-разному, придавать то один смысл, то другой, первопричины могут быть всякими. А то, что причина, в которую ты твердо уверовала, оказалась на поверку обыкновенной фальшивкой, вовсе не означает, будто не осталось других причин, которым можно было бы довериться.

— Да, вы абсолютно правы, — пробормотала Ванму.

Ей стало стыдно за свою несдержанность.

— И не склоняй передо мной голову, — сказал Эндер. — Или ты ее показала в таком ракурсе, Джейн?

Джейн, должно быть, ответила ему, но ответа Ванму не расслышала.

— Мне плевать, какие у них обычаи, — возразил Эндер. — Преклоняясь подобным образом, человек унижает себя, а я не желаю, чтобы девочка унижалась передо мной. Она не совершила ничего постыдного. Да, девочка открыла нам глаза на десколаду, и это может спасти сразу несколько разумных рас.

Ванму вслушалась в его речь. Он верил в то, что говорил. Он превозносил ее и ее поступки.

— Я здесь ни при чем, — запротестовала она. — Это Цин-чжао. Это она задалась таким вопросом.

— Цин-чжао! — фыркнула Эла. — Она действительно околдовала тебя, в точности как Конгресс подчинил себе Цин-чжао.

— Ты не имеешь права презирать ее, ты же совсем ее не знаешь! — воскликнула Ванму. — У нее замечательный ум, она очень добра, мне никогда не сравниться с ней…

— Ну вот, опять эти боги, — вздохнул Эндер.

— Все время боги, — подчеркнула Эла.

— Что вы хотите сказать? — вспыхнула Ванму. — Цин-чжао никогда не утверждала, что она богиня, и я этого не говорила.

— Говорила, — грустно произнесла Эла. — Ты же сама сказала: «Цин-чжао мудра и очень добра».

— «У нее замечательный ум, и она очень добра», — поправил ее Эндер.

— «Мне никогда не сравниться с ней», — закончила Эла.

— Дай-ка я тебе кое-что расскажу о богах, — предложил Эндер. — Не важно, насколько ты умна или сильна, — всегда найдется кто-то умнее и сильнее тебя, а когда ты вдруг повстречаешься с кем-то, кто сильнее и умнее всех остальных, то сразу подумаешь: «О, это бог. Это совершенство». Но, уверяю тебя, вскоре непременно найдется человек, по сравнению с которым твой «бог»

будет выглядеть неоперившимся птенцом. Этот человек будет и умнее, и сильнее, и вообще лучше твоего «бога». Так вот, позволь мне объяснить тебе, как я отношусь к богам. Я считаю, что истинный бог не станет сердиться или пугаться кого-то и пытаться подавить предполагаемых противников силой. Деяние Конгресса, когда он изменил гены определенных людей и сделал их более умными, более продуктивными, могло обернуться щедрым, достойным божества даром. Но Конгресс был напуган и поэтому поработил народ Пути. Он хотел, что вы оставались в *подчинении*. Настоящему богу и без того хватает власти там, где это действительно необходимо. Настоящие боги предпочитают учить тебя, чтобы ты стала им подобной.

— Цин-чжао обучала меня кое-чему, — пожала плечами Ванму.

— Но только пока ты повиновалась ей, пока поступала так, как желала она, — заметила Джейн.

— Я недостойна, — ответила Ванму. — Я слишком глупа, мне никогда не сравниться с ней мудростью.

— Однако ты поняла, что я говорю правду, — сказала Джейн, — тогда как Цин-чжао видела одну лишь ложь.

— Так ты богиня? — спросила Ванму.

— Говорящие с Богами и пекевениньос только на подходе к истине, они только начали узнавать о себе правду. Я же и так все знаю. Я была создана.

— Чушь, — поморщился Эндер. — Джейн, скажи еще, что ты взяла и выпрыгнула из головы Зевса.

— Нет уж, я не Минерва[27], — улыбнулась Джейн.

— Насколько нам известно, ты просто появилась, — сказал Эндер. — И никто тебя намеренно не создавал.

— О, спасибо, а я-то беспокоилась, — съязвила Джейн. — Однако вы ведь можете назвать имена своих создателей — родителей, какой-нибудь там правительственный департамент по усыновлению, — я же единственная в своем роде во всей Вселенной, я случайность.

— Нет, так не пойдет, — перебил Эндер. — Либо тебя кто-то намеренно создал, либо ты случайность. Одно из двух. Ибо случайность — это нечто происшедшее непреднамеренно, по стечению обстоятельств. Что, теперь ты затаишь злобу на всех сразу? Население планеты Путь лютой

---

[27] Примечания: 27

Согласно древнеримской мифологии, богиня мудрости Минерва (в греческой традиции Афина) была рождена из головы Зевса, будучи, по сути, его мыслью.

ненавистью возненавидит Конгресс, стоит только людям узнать, что́ с ними сотворили. А ты, стало быть, будешь злиться из-за того, что с тобой никто ничего подобного не проделал?

— Захочу — и буду, — фыркнула Джейн, но в ответе явно скользнула смешинка.

— Вот что я думаю, Ванму, — сказал Эндер. — Ты не вырастешь до тех пор, пока не перестанешь беспокоиться о том, чем руководствуется кто-то там еще. Лучше поищи собственный смысл жизни, тот, в который уверуешь лично ты.

Сначала Эндер и Эла объяснили все Валентине. Так получилось, что она случайно заглянула в лабораторию, хотела спросить Эндера о чем-то совсем другом. Ее словно озарило; в общем, так же, как и они, она мгновенно поверила в десколаду в роли диктатора лузитанской гайалогии. И согласилась с ними, что эти взгляды ни в коем случае не следует распространять, не обсудив их с пеквениньос и не выслушав мнения деревьев-отцов.

Эндер намеревался опробовать теорию сначала на Сеятеле, прежде чем обращаться и объяснять что-либо Человеку или Корнерою. Эла и Валентина пришли к такому же выводу. Ни Эла, ни Эндер, еще много лет назад выучившие язык деревьев-

отцов, не смогли освоиться с ним настолько, чтобы вести свободную беседу. Еще более важной причиной было то, что они просто-напросто чувствовали себя свободнее рядом с похожими на млекопитающих братьями. Деревья все-таки были чужды им. Попробуй догадайся, глядя на дерево, что оно там себе думает? Нет, сложными предположениями сначала лучше делиться с братьями-пекевениньос, а не с деревьями.

И только когда они уже вызвали Сеятеля в кабинет Элы, когда закрыли дверь и начали объяснять, только тогда Эндер осознал, что разговор с братом мало чем отличается от беседы с деревом. Даже после того, как целых тридцать лет он бок о бок прожил и проработал с ними, Эндер так и не научился различать язык тела пекевениньос, ему были доступны разве что самые очевидные проявления их эмоций. Сеятель, казалось, относился абсолютно безучастно к тому, что ему пытались втолковать. Пока Эндер рассказывал, что они узнали во время разговора с Джейн и Ванму, Сеятель вел себя скорее нетерпеливо. Он, как маленький мальчик, беспрестанно ерзал на стуле, смотрел по сторонам, разглядывал стены, устремлял глаза в потолок так, словно разговор страшно утомил его. Естественно, Эндер знал:

пеквениньос не придают значения так называемому «пристальному взгляду», они не ищут его, но и не избегают. Они не обращают никакого внимания на то, как ты выглядишь во время беседы с ними. Но обычно пеквениньос, которые работали бок о бок с людьми, старались вести себя, как положено в человеческом обществе, чтобы люди видели: братья проявляют должное уважение к их словам. Сеятель прекрасно умел притворяться, но сейчас он даже не пытался этого делать.

А когда долгая речь подошла к концу, Эндер убедился, сколько сил ушло у обычно очень терпеливого и спокойного Сеятеля на то, чтобы просто высидеть на стуле. Стоило им сказать, что у них все, как Сеятель в ту же секунду сорвался с места и принялся бегать — нет, не бегать, носиться по комнате, касаясь всего, что можно. Не сбивая, не сметая на своем пути, как поступил бы на его месте человек, не разбрасывая вещи по комнате, — Сеятель скорее ощупывал то, чего касался, пытался проникнуть в структуру материала. Эндер встал, решив задержать его и немножко успокоить, — он был достаточно знаком с поведением пеквениньос, чтобы увидеть обратную сторону этого бурного взрыва и понять, что Сеятель сейчас испытывает огромное

потрясение.

Сеятель бегал до тех пор, пока не начал валиться с ног, но даже тогда он продолжал совершать круги по комнате, шатаясь, как пьяный, из стороны в сторону. В конце концов он уткнулся в Эндера и, обняв своими ручками, приник к нему. На мгновение Эндеру захотелось обнять его в ответ, но потом он вспомнил, что Сеятель — не человек. Объятие не требует ответного жеста. Сеятель приник к нему, как приник бы к дереву. Он искал у ствола защиты. Искал убежища, в которое можно забиться и переждать надвигающуюся беду. Он расстроился бы еще больше, если бы Эндер отреагировал по-человечески и облапил его в ответ. Сейчас Эндер должен был ответить ему, как дерево. Поэтому он постарался замереть и спокойно ждал. Стоял так и ждал, пока содрогания Сеятеля наконец не прекратились.

Когда пеквениньо отпустил его, по телам обоих бежали струйки жаркого пота. «Вряд ли я абсолютно во всем подобен дереву, — подумал про себя Эндер. — Или, может быть, деревья-братья и деревья-отцы в таких случаях тоже отдают свою влагу братьям?»

— Это очень удивительно, — прошептал Сеятель. Слова прозвучали немного странно по

сравнению со сценой, которую Сеятель только что разыграл перед ними.

Эндер не выдержал и рассмеялся.

— Да уж, — проговорил он. — Весьма необычно.

— Им это не смешно, — упрекнула его Эла.

— Он знает, — заступилась Валентина.

— Тогда не надо было смеяться, — ответила Эла. — Как ты можешь смеяться, когда Сеятель только что пережил такую боль?!

Из глаз ее хлынули слезы.

Валентина положила руку ей на плечо.

— Он смеется, ты плачешь, — произнесла она, — Сеятель бегает по комнате и лазит по деревьям. Какие мы все-таки диковинные создания!

— Все происходит от десколады, — вдруг сказал Сеятель. — Третья жизнь, древоматери, деревья-отцы. И нашей разумностью мы тоже, скорее всего, обязаны ей. Может быть, мы были всего лишь древесными крысами, но вот пришла десколада и превратила нас в фальшивых рамен.

— В настоящих рамен, — поправила Валентина.

— Мы сами не знаем, так ли это, — сказала Эла. — Это всего лишь гипотеза.

— Это самая-самая-самая-самая-самая прав-

да, — ответил Сеятель. — Это правдивее, чем правда.

— Откуда ты знаешь?

— Все сходится. Эволюционный баланс — я знаю о нем, я изучал гайалогию и все время думал: как же учитель рассказывает нам такое, когда любой пеквениньо посмотрит по сторонам и сразу поймет, что дело обстоит совсем иначе? Но если бы мы знали, что это десколада меняет нас и заставляет вести себя так, чтобы уравновешивать планетный баланс…

— Как это десколада может заставить вас изменять среду всей планеты?

— Вы очень плохо нас знаете, — ответил Сеятель. — Мы не говорили вам всего, потому что боялись, что вы сочтете нас глупыми. Но теперь-то вы узнаете: мы вовсе не глупые, мы просто ведем себя так, как повелевает нам вирус. Мы рабы, но не глупцы.

Эндер вдруг с болью осознал — Сеятель сейчас признался в том, что пеквениньос до сих пор стараются хоть чем-то удивить человека. Стараются изо всех сил и очень переживают, если у них ничего не выходит.

— Но каким образом вы можете влиять на общепланетный баланс?

— Деревья, — горько пробормотал Сеятель. — Сколько всего деревьев растет на поверхности планеты? Постоянные испарения. Превращение углекислого газа в кислород. Углекислота — газ, который применяют в теплицах. Когда ее в атмосфере много, планета становится теплее. Так что же нам делать, чтобы климат нашей планеты стал более умеренным?

— Посадить побольше лесов, — ответила Эла. — Они начнут потреблять больше углекислого газа, следовательно все больше и больше тепла будет уходить в космос.

— Да, — согласился Сеятель. — Только вспомните, каким образом мы сажаем наши деревья.

«Деревья вырастают из тел погибших», — подумал Эндер.

— Войны! — осенило его.

— Между отдельными племенами возникают раздоры, а иногда случаются даже крохотные сражения, — сказал Сеятель. — Но в масштабе планеты это жалкие крохи. Когда же по всей планете прокатываются великие войны, миллионы и миллионы братьев умирают в них, и все становятся деревьями. За какие-то считаные месяцы число деревьев на планете удваивается. Вот это действительно может что-то изменить.

— Да, — кивнула Эла.

— Куда более эффективный способ, нежели те, что предлагает нам естественная эволюция, — заметил Эндер.

— А потом войны прекращаются, — продолжал Сеятель. — Мы-то всегда считали, что для каждой войны была причина, что шли мы на правое дело, что это была борьба между добром и злом. А оказывается, таким образом мы всего лишь поддерживали природный баланс.

— Неправда, — возразила Валентина. — Желание подраться, гнев, ярость — все это могла пробудить в вас десколада, но это вовсе не означает, будто идея, ради которой вы сражались…

— Мы сражались ради какого-то природного баланса, — усмехнулся Сеятель. — Все сходится. А как еще мы могли помочь планете?

— Не знаю, — пожала плечами Эла. — Даже деревья когда-то умирают от старости.

— Вы не знаете, потому что пришли во время теплого сезона, вы не видели похолодания. Но когда зимы становятся чересчур суровыми, мы строим дома. Деревья-братья отдают нам себя, чтобы мы построили дома. Этим занимаются все без исключения, а не только те, кто живет в холодных областях. Мы строим дома — и ле-

са уменьшаются вполовину, на три четверти. Раньше считали, что деревья-братья приносят великую жертву племени, но теперь я понимаю: все это десколада, это она требует от нас побольше углекислого газа, чтобы согреть планету.

— От этого жертва деревьев-братьев не становится менее великой, — возразил Эндер.

— Наши славные сказания, — уныло проговорил Сеятель. — Наши великие герои. Всего лишь братья, идущие на поводу у десколады.

— Ну и что? — удивилась Валентина.

— Как ты можешь говорить такое?! Наши жизни, оказывается, ничего не стоят, мы всего лишь инструменты, при помощи которых вирус регулирует экосистему планеты, — и ты говоришь «ну и что»?

— Да, я так говорю, — ответила Валентина. — Мы, люди, ничем от вас не отличаемся. Допустим, нами никакой вирус не управляет, но все равно бóльшую часть жизни мы идем на поводу у наших генов. Возьмем, к примеру, различия между мужчинами и женщинами, между самцами и самками. Мужчины, естественно, тяготеют к как можно более расширенному воспроизводству себе подобных. Так как они обладают практически бесконечным запасом спермы, им ничего не

стоит выработать ее…

— Так уж и ничего, — возмутился Эндер.

— Ровным счетом ничего, — кивнула Валентина. — Наиболее разумная стратегия воспроизводства заключается для них в том, чтобы поместить эту сперму в каждую доступную женщину, стараясь при этом охватить наиболее здоровых представительниц женского рода, то есть тех, которые будут способны вырастить и воспитать потомство. С точки зрения законов воспроизводства мужчина живет полной жизнью только тогда, когда бродит повсюду и совокупляется как можно чаще.

— Я немало побродил в своей жизни, — вставил Эндер. — Но вот с совокуплением дела у меня обстояли неважно.

— Я говорю об общих тенденциях, — пояснила Валентина. — Всегда находятся необычные индивидуумы, которые не следуют общепринятым нормам. Что же касается женской стратегии, Сеятель, то она абсолютно иная. Вместо миллионов и миллионов сперматозоидов женщина носит в себе ограниченное количество яйцеклеток, и каждый ребенок требует огромных усилий только для того, чтобы народиться на свет. Поэтому женщины предпочитают стабильность.

Они непременно должны знать, что им всегда хватит еды. Большу́ю часть жизни мы проводим в сравнительно беспомощном состоянии, когда сами не способны разыскать или добыть пищу. В нас отсутствует дух бродяжничества, мы, женщины, предпочитаем укрепиться на одном месте и осесть. Если же из этого ничего не получается, тогда мы начинаем искать самых сильных и здоровых самцов, чтобы совокупиться с ними. А самый идеальный вариант для нас — найти сильного, здорового самца, который останется с нами и будет снабжать нас всем необходимым, вместо того чтобы шляться на сторону и совокупляться с кем попало и когда попало.

Поэтому на самца давят сразу с двух сторон. Первейшая его нужда — распространить семя, по необходимости прибегая даже к насилию. А другая — стать привлекательным для женщины, предстать перед ней в виде надежной и верной опоры, одновременно подавив в себе тягу к беспорядочным связям и желание действовать больше силой. Женщина также разрывается между двумя резонами. Прежде всего она желает заполучить себе семя наиболее сильного, наиболее мужественного самца, чтобы будущее дитя получило в наследство хорошие гены, — именно

это больше всего привлекает самок в жестоких, сильных самцах. А второй резон — получить защиту стабильного, спокойного мужчины, не отличающегося крутым нравом, чтобы младенец рос в тепле и безопасности и чтобы как можно больше ее детей достигли зрелости.

Вся наша история, все, что я узнала за время странствий, пока историком скиталась по Галактике и пока наконец не сорвалась с этого ничего не обещающего в смысле воспроизводства крючка и не обзавелась семьей, — все мои знания можно истолковать так: все без исключения люди слепо исполняют то, что им диктуют гены. Мы разрываемся между доводами рассудка и естественными желаниями организма.

Наши великие цивилизации — не более чем социальные машины по созданию идеальных убежищ для самок, где каждая женщина может рассчитывать на покой и стабильность. Наши юридические и моральные кодексы, созданные как попытка свести к минимуму насилие и обеспечить безопасность собственности, — все они воплощают основную женскую стратегию: заловить себе хорошего самца.

И наоборот, племена кочующих варваров, жившие за пределами цивилизации, следовали

в основном самцовой стратегии — стремились распространить семя. Внутри племени наиболее сильные и превосходящие других мужчины, как правило, получали во владение лучших женщин — либо посредством узаконенной полигамии, либо, улучив момент, когда остальные самцы бессильны, просто завладевали подходящей самочкой. Но и такие самцы не могли размножаться до бесконечности — вожди отправляли их воевать, заставляли убивать, вышибать друг другу мозги в стремлении к победе. Они сублимировали свой сексуальный позыв в битве, утверждая себя как мужчин, убивая самцов-соперников и после победы совокупляясь с овдовевшими женщинами. Ужасные, чудовищные мотивы, но именно благодаря спровоцированному ими поведению гены и обеспечивают нам выживание.

Эндер испытывал некоторую неловкость, слушая обличительную речь Валентины. Он знал, каждое слово ее — правда, он и раньше слышал о таком, но каждый раз почему-то ощущал какое-то сопротивление внутри себя, превращался в Сеятеля, который должен узнать о своем народе нечто подобное. Эндер хотел возразить Валентине, сказать, что кое-кто из самцов ведет себя вполне цивилизованно, но разве в своей жизни он не

творил насилия, не участвовал в войнах? Разве он не скитался по свету? Так что его решение осесть на Лузитании на самом деле было стремлением преодолеть в себе присущие самцам движущие силы, которые были вколочены в него в ту пору, когда он был юнцом, поступившим в Боевую школу. Он хотел стать цивилизованным человеком и обзавестись семьей.

Но даже тогда он женился на женщине, которая не особо жаждала нарожать побольше детей. На женщине, семейная жизнь с которой в конце концов лишилась всякой цивилизованности. «Если я действительно следую описанной модели самца, то меня можно назвать неудачником. После меня не осталось ребенка, который нес бы мои гены. Женщины не принимали моих законов. Я — яркий представитель отклонения от нормы. Но я так и не воспроизвелся, следовательно мои нетипичные гены умрут вместе со мной и социальным моделям самца и самки больше не будет угрожать опасность от такого промежуточного типа, как я».

Пока Эндер разбирался с собственными мыслями по поводу толкования Валентиной человеческой истории, Сеятель ответил тем, что снова взобрался на стул, — таким образом он демон-

стрировал презрение и насмешку.

— И что, после того как вы объяснили мне, будто люди тоже являются орудиями какой-то генетической молекулы, я, по-вашему, должен почувствовать себя значительно лучше?

— Вовсе нет, — пожал плечами Эндер. — Мы просто хотели сказать тебе, что практически все наши действия могут быть объяснены с точки зрения воздействия некоего гена. Но это вовсе не означает, что поступки пеквениньос бессмысленны.

— Человеческая история может быть представлена в виде борьбы между нуждами женщин и нуждами мужчин, — сказала Валентина, — но я хотела сказать, что даже в этом свете существуют герои и монстры, великие события и благородные деяния.

— Значит, когда дерево-брат отдает нам древесину, — сделал вывод Сеятель, — оно приносит жертву племени. А не вирусу.

— Если ты отказываешься от понятия племени и обращаешься к вирусу, пойди еще дальше — откажись от вируса и обратись к миру, — сказал Эндер. — Десколада поддерживает существование планеты. Поэтому дерево-брат приносит себя в жертву, чтобы спасти целый мир.

— Очень умно, — заметил Сеятель. — Только ты совсем забыл: ради спасения планеты должно отдать жизнь не какое-то определенное дерево, а бóльшая часть всех лесов.

— Верно, — согласилась Валентина. — Десколаде безразлично, какие деревья погибнут, а какие уцелеют. Но сами деревья-братья не относятся к смерти с подобным равнодушием. Как и вы, маленькие братья, которые забираются в домишки, чтобы согреться. Вы высоко цените благородный жест деревьев, которые идут ради вас на смерть, даже если десколада не может отличить одно дерево от другого.

Сеятель не ответил. Эндер искренне надеялся, что они все-таки немного продвинулись вперед.

— С таким же безразличием относится десколада к вашим войнам, — сказала Валентина. — Ей все равно, кто победит, а кто будет разгромлен, главное — чтобы погибло достаточное количество братьев и чтобы из их трупов выросли деревья. Я права? Но это не меняет дела: какие-то братья благородны и мужественны, тогда как другие — трусливы и жестоки.

— Сеятель, — обратился Эндер, — десколада, может быть, и управляет вами, например заставляет мгновенно вспыхивать от ярости, чтобы

обыкновенные споры перерастали в войны, а не улаживались деревьями-отцами, но это не умаляет того факта, что какие-то леса защищаются, а какие-то движимы жаждой крови. Ваши герои остаются прежними героями.

— А мне наплевать на героев, — внезапно вступила Эла. — Герои, как правило, погибают, как мой брат Квим. Где он сейчас, когда мы так нуждаемся в нем? Ведь не соверши он свой подвиг…

Она сглотнула слезы, на нее снова нахлынули воспоминания о недавнем горе.

Сеятель кивнул — этому жесту он выучился у людей, чтобы с ними было удобнее общаться.

— Сейчас мы живем в мире Воителя, — подтвердил он. — Кто он такой, как не дерево-отец, исполняющее повеления десколады? Температура на планете повышается. Нам нужно больше деревьев. Вот он и жаждет насадить побольше новых лесов. Почему? Им просто движет десколада. Поэтому-то к нему и прислушиваются столькие братья и деревья-отцы — он предлагает план, который удовлетворит их жажду распространиться по планете и вырастить побольше деревьев.

— Интересно, а десколада знает о том, что он намеревается посадить эти деревья на других планетах? — задумалась Валентина. — Вряд ли

это поможет понизить температуру на Лузитании.

— Десколада вселяет желание, — ответил Сеятель. — Откуда вирусу знать о космических кораблях?

— А откуда какому-то вирусу знать о материнских деревьях и деревьях-отцах, о братьях и женах, о младенцах и маленьких матерях? — в ответ спросил Эндер. — Это очень умный вирус.

— Воитель — наилучшее доказательство моей теории, — сказала Валентина. — Его имя предполагает, что он участвовал и, главное, победил в последней большой войне. И вот снова наступил момент, когда потребовалось увеличить число деревьев. Однако Воитель решил направить свои желания на исполнение другой цели — достигнуть звезд и там насадить новые леса, вместо того чтобы вступать в войну с другими пеквениньос.

— Мы и сами собирались это сделать, независимо от того, что утверждает Воитель, — произнес Сеятель. — Вы посмотрите, что происходит. Партия Воителя намеревается распространиться по другим планетам и засадить их лесами. Но когда его лес убил отца Квима, нас охватил такой гнев, что мы уже решили было выступить в поход, чтобы наказать Воителя. Убийство, кровь

— и вот уже зеленеют новые леса. Все равно мы поступаем так, как велит десколада. А теперь, когда люди сожгли наш лес, сторонников Воителя стало большинство. Так или иначе, тем или иным способом, но мы обязаны распространяться и воспроизводиться. Мы хватаемся за любой предлог. Десколада все равно заставит нас подчиниться. Мы ее орудия, жалко трепещущие и пытающиеся найти какое-то разумное объяснение собственным действиям, убедить себя в том, что действуем исключительно по своей воле.

В его голосе прозвучало такое отчаяние, что Эндер даже не знал, что сказать, как убедить его, что жизнь пеквениньос не так уж бессмысленна, как считает Сеятель. Вроде бы Эндер и Валентина использовали уже все доводы, какие только было можно.

Но тут заговорила Эла. Ее голос был абсолютно спокоен. Эндеру даже показалось, будто она совсем забыла, что сейчас испытывает Сеятель, какое потрясение переживает. Вероятно, разговор снова навел ее на мысли о работе, она снова стала собой.

— Если бы десколада знала обо всем этом, трудно сказать, чью сторону она бы приняла, — сказала Эла.

— В каком смысле — чью сторону? — не поняла Валентина.

— То ли сочла бы, что лучше уж насадить побольше деревьев на планете и спровоцировать похолодание, то ли предпочла бы пойти на поводу у инстинкта размножения и отправить пеквениньос на другие миры. Другими словами, что бы предпочли непосредственно создатели вируса — распространить вирус по Вселенной или заточить на одной-единственной планете?

— Вирус, вероятно, примет сразу оба варианта, потому что в данном случае оба вполне достижимы, — ответил Сеятель. — Вне всяких сомнений, партия Воителя так и так завладеет умами. Но либо до этого, либо сразу после разразится война, в которой поляжет по меньшей мере половина всех братьев. Из известного нам следует вполне определенный вывод: десколада приведет и к тому и к другому.

— Из известного нам, — эхом отозвался Эндер.

— Из известного нам, — повторил Сеятель, — можно сделать еще один вывод: может быть, мы и есть десколада.

«Значит, — подумал про себя Эндер, — они все-таки знают о таком предположении, несмотря на то что мы пока не хотели обсуждать его с

пеквениньос».

— Ты говорил с Кварой? — взметнулась Эла.

— Я с ней каждый день встречаюсь, — пожал плечами Сеятель. — А она здесь при чем?

— Она одержима той же идеей. Она считает, что, может быть, это десколада сделала пеквениньос разумными существами.

— Неужели вы полагаете, после всех разговоров насчет разумности десколады, нам самим такое не пришло в голову? — удивился Сеятель. — А если это окажется правдой, что вы будете делать? Допустите, чтобы человечество вымерло ради каких-то наделенных второсортными мозгами тварей?

— Мы никогда не считали вас второсортными… — мигом возразил Эндер.

— Да неужели? — фыркнул Сеятель, — Тогда почему же вы считаете, что своим умом мы ни до чего дойти не можем, что мы все время кормимся подачками человека?

Эндер не нашелся что ответить. Ему пришлось признать, что к пеквениньос он относился как к детям, нуждающимся в защите. Зачем излишне беспокоить «детей»? Он никогда не понимал, что пеквениньос и сами способны заметить угрожающую им опасность.

— И если наш разум действительно пошел от десколады, а вы вдруг найдете способ уничтожить ее, чем тогда станем мы? — Сеятель обвел их взглядом триумфатора, как бы торжествуя в одержанной горькой победе. — Снова превратимся в древесных крыс, — ответил он сам себе.

— Ты уже второй раз используешь это определение, — сказал Эндер. — При чем здесь древесные крысы?

— Так обзывали нас люди, — произнес Сеятель, — которые убили дерево-мать.

— Такого животного не существует, — объяснила Валентина.

— Знаю, — кивнул Сеятель. — Грего уже сказал мне. «Древесная крыса» — так называют иногда белок. Он показал мне голографическое изображение одного такого зверька, когда я заходил к нему в тюрьму.

— Ты ходил навестить Грего? — Эла пришла в настоящий ужас.

— Я должен был узнать, почему он хотел всех нас убить и почему потом пытался спасти, — просто ответил Сеятель.

— Вот оно! — торжествующе воскликнула Валентина. — Ты же не утверждаешь, что когда Грего и Миро встали той ночью на пути у

разъяренной толпы и спасли Человека и Корнероя, — ты же не можешь сказать, что они совершили это просто потому, что так приказали им гены!

— А я никогда и не утверждал, что действия *человека* не несут в себе смысла, — сказал Сеятель. — Это ты пыталась успокоить меня. Нам известно, что среди вас, людей, есть настоящие герои. Мы же, пеквениньос, верой и правдой служим сидящему внутри вирусу.

— Ничего подобного, — ответил Эндер. — Среди пеквениньос тоже есть герои. Корнерой и Человек, к примеру.

— Герои? — переспросил Сеятель. — Они вели себя так, чтобы превратиться в то, что представляют собой сейчас, — чтобы завоевать честь стать деревом-отцом. Ими двигало желание воспроизводства. Может быть, в ваших глазах, в глазах людей, которые умирают раз и навсегда, они действительно выглядят героями, но на самом деле, умерев, они зажили настоящей, полнокровной жизнью. Никакого жертвоприношения здесь нет.

— Тогда весь твой лес повел себя героически, — снова заговорила Эла. — Вы сумели отбросить предрассудки и заключили с нами мирный до-

говор, а ведь он требовал в корне переменить некоторые древние устои вашего общества.

— Нам нужны знания, машины и то могущество, каким обладаете вы, люди. Мы подписали договор, в котором пообещали не убивать, а вы в ответ принялись обучать нас. Такого мы бы не узнали и за тысячу лет развития — что же здесь героического?

— Ты, по-моему, вообще не хочешь слышать никаких разумных доводов, — рассердилась Валентина.

Сеятель, не обратив на ее высказывание ровно никакого внимания, продолжал:

— Единственными героями во всей этой истории стали Пипо и Либо, люди, которые вели себя мужественно, несмотря на то что догадывались о грозящей смерти. Вот они высвободились из-под власти генетического наследства. Да ни один *свинкс* не способен на такое.

Эндеру причинило боль презрение, прозвучавшее в голосе Сеятеля, когда он обозвал свой народ и себя самого словом «свинксы». В последние годы этот термин несколько поменял окраску, в нем уже не сквозили дружелюбие и любовь, как во времена, когда Эндер впервые спустился на Лузитанию; теперь это название

несло презрительный оттенок, и люди, работающие с пеквениньос, предпочитали именовать их португальским вариантом этого слова. Какая же ненависть накопилась в Сеятеле, если сегодня он дал капле ее прорваться наружу!

— Деревья-братья отдают вам жизнь, — возразила Эла.

Сеятель лишь презрительно поморщился:

— Деревья-братья даже не живут толком, не то что деревья-отцы. Они не могут говорить. Они всего лишь повинуются. Мы говорим им, что делать, и у них не остается выбора. Инструменты — какое тут геройство?

— Так ты можешь вообще все что угодно извратить, — гневно ответила Валентина. — Любого, кто принесет себя в жертву своему народу, ты можешь обозвать притворщиком. Просто ему это пришлось по душе, вот он и пожертвовал собой, так что это вовсе не геройство, а еще одно проявление эгоизма.

Внезапно Сеятель подлетел на стуле и свалился на пол. Эндер уже приготовился к повторению предыдущей сцены, но пеквениньо не стал носиться по комнате. Вместо этого он подошел к сидящей в кресле Эле и положил руки ей на колени.

— Я знаю, как доказать, что среди нас есть настоящие герои, — сказал Сеятель. — Я знаю, как воспротивиться десколаде. Как отвергнуть ее, возненавидеть, вступить с ней в бой и помочь уничтожить.

— Я тоже знаю, — пожала плечами Эла.

— Научный опыт, — предложил Сеятель.

Эла кивнула:

— Проверить на практике, действительно ли разумность пеквениньос целиком и полностью основывается на десколаде, а их мозг — всего лишь бесполезный придаток.

— Я сделаю это, — сказал Сеятель.

— Я никогда не осмелюсь просить тебя.

— Я понимаю. Но я настаиваю, ради себя самого.

Эндер был немало удивлен, увидев, что Эла и Сеятель по-своему так же близки друг другу, как Эндер и Валентина, что они способны понимать друг друга с полуслова. Эндер даже не представлял, что между представителями различных разумных рас могут возникнуть такие отношения… Однако почему нет? В особенности если они столько проработали вместе, решая одну и ту же задачу?

Но потом Эндер вдруг понял, о чем договари-

ваются между собой Сеятель и Эла. Валентина, которая прилетела на планету несколько недель назад и только начала входить в их общество, изумленно хлопала глазами.

— Что происходит? — непонимающе спросила она. — О чем они говорят?

Ответила ей Эла:

— Сеятель предлагает такой вариант: мы возьмем одного пеквениньо, изгоним из него вирус десколады и поместим в молекулярную клетку, где десколаде будет до него не добраться. И проверим, останется ли у пеквениньо способность совершать осмысленные поступки.

— Это несколько ненаучно, — поморщилась Валентина. — Ведь существуют другие способы проверить то же самое. Или выхода нет? Мне казалось, десколада неотъемлемо присутствует во всех жизненных циклах пеквениньос.

— Сеятель, очутившись вне досягаемости десколады, должен немедленно заболеть, и вскоре он непременно умрет. Десколада убила Квима, Сеятель же умрет потому, что вирус перестанет воздействовать на его организм.

— Вы не позволите ему этого, — помотала головой Валентина. — Это ничего не докажет. Он может сойти с ума просто по причине болезни.

От обыкновенной простуды люди мечутся в лихорадке.

— А что еще остается делать? — спросил ее Сеятель. — Неужели мы будем ждать до тех пор, пока Эла не найдет верный способ расправиться с вирусом, чтобы потом обнаружить, что без него мы никакие не пекевениьос, а самые что ни на есть свиньи? Что речь нам дана вирусом, поразившим наши тела, и что, лишившись его, мы лишимся всего и превратимся в бессловесных тварей, похожих на деревьев-братьев. Или нам суждено узнать это только тогда, когда вы выпустите на свободу вирус-убийцу?

— Но это же несерьезно, эксперимент непременно выйдет из-под контроля…

— Наоборот, это очень серьезный эксперимент, — подтвердил Эндер. — На такой эксперимент можно отважиться только тогда, когда все летит к чертям, когда требуется результат, причем немедленно. Такой эксперимент проводится, только когда результат невозможно предугадать, когда ответ должен оказаться однозначным — да или нет. Толпа сумасшедших пекевениьос собирается захватить космические корабли и распространить по Галактике смертельно опасный для всего живого вирус, поэтому необходимо

что-то предпринять.

— На такой эксперимент можно отважиться лишь тогда, когда возникает необходимость в героическом поступке, — договорил Сеятель.

— Это мы нуждаемся в геройстве? — уточнил Эндер. — Или это ты хочешь стать героем?

— На твоем месте я бы вообще молчала, — сухо произнесла Валентина. — На протяжении долгих столетий ты только и делал, что геройствовал.

— Может быть, никакого геройства и не потребуется, — пожала плечами Эла. — Квара знает о десколаде куда больше, чем рассказывает нам. Возможно, она уже выяснила, что десколада может быть лишена «разумности», сохранив при этом все необходимые жизненные функции. Если мы сумеем создать такой вирус, мы можем проверить его действие на пекевиньо, не подвергая жизнь последнего смертельной опасности.

— Вся беда в том, — заметила Валентина, — что Квара вряд ли поверит нашей истории об искусственном происхождении десколады. Она никогда не поверит, что вирус был создан некой разумной расой, как Цин-чжао не поверила, что голос богов — следствие маниакально-побудительного синдрома, внедренного на генетическом уровне.

— Я сделаю это, — решительно заявил Сеятель. — И начнем мы немедленно, потому что времени очень мало. Завтра же вы поместите меня в стерильную среду, а затем испробуете на мне припрятанные про запас химикаты, которыми намереваетесь расправиться с десколадой. Запомните, вы будете использовать только те химикаты, которые должны пойти в действие лишь после того, как десколада адаптируется к нынешним подавителям.

— Ты, надеюсь, понимаешь, что все это может быть впустую? — спросила Эла.

— Тогда это станет настоящей жертвой с моей стороны, — ответил Сеятель.

— Если ты начнешь терять разум и мы установим, что это никак не связано с болезнью твоего тела, — предупредила Эла, — мы прекратим эксперимент. Все сразу станет понятно.

— Хорошо, — согласился Сеятель.

— И ты еще сможешь оправиться.

— Мне все равно, буду я жить или нет, — сказал Сеятель.

— Мы также остановим эксперимент, — в свою очередь предупредил Эндер, — если ты начнешь терять разум и это будет *непосредственно* связано с твоей болезнью. Тогда эксперимент окажет-

ся бессмысленным, и мы все равно ничего не узнаем.

— В общем, если я струшу, мне достаточно притвориться сумасшедшим и жизнь моя будет спасена, — сделал вывод Сеятель. — Нет, я запрещаю вам останавливать эксперимент, что бы ни случилось. А если я все-таки сохраню мыслительные способности, вы должны будете пойти до самого конца, до самой моей смерти. Потому что, только если я успешно продержусь до конца эксперимента, можно будет считать доказанным, что душа пеквениньос не была искусственно создана десколадой. Обещайте мне это!

— Послушай, это все-таки наука или тупое самоубийство? — взорвался Эндер. — Или возможная роль десколады в истории пеквениньос настолько угнетающе подействовала на тебя, что теперь ты ищешь смерти?

Сеятель кинулся к Эндеру и, быстро взобравшись по нему, «пятачком» уткнулся прямо ему в нос.

— Ты лжец! — крикнул он.

— Я просто задал тебе вопрос, — прошептал Эндер.

— Я хочу освободиться! — выкрикнул Сеятель. — Я хочу изгнать десколаду из своего тела,

я не хочу, чтобы она снова вернулась ко мне! Я хочу освободить всех свинксов, чтобы мы по праву заслужили имя пекевениьос!

Эндер мягко отстранил от себя Сеятеля, который с такой силой уткнулся в него, что нос Эндера чуть ли не вдавился в лицо.

— Я хочу принести себя в жертву, и это докажет, что я действительно свободен, — сказал Сеятель, — что мной не повелевают какие-то там гены. Что третья жизнь для меня — пустой звук.

— Даже мученики христианства и ислама не отказывались от наград, которые сулили им Небеса в награду за жертву, — произнесла Валентина.

— Значит, все они были эгоистичными свиньями, — заявил Сеятель. — Ведь именно так вы отзываетесь о свиньях? На звездном, на общем языке? Самоуверенные, эгоистичные свиньи. О, вот уж точное имечко для нас, для свинксов! Наши герои всего лишь хотели стать деревьями-отцами. А наши деревья-братья с самого начала зарекомендовали себя неудачниками. Мы только и делаем, что работаем на себя да на десколаду! Но я *освобожусь*. Я узнаю, кто я есть. Избавившись от десколады, я стану самим собой.

— Ты станешь трупом, — поправил его Эндер.

— Зато я узнаю, что такое *свобода*, — ответил

Сеятель. — Я первым из своего народа познаю свободу.

После того как Ванму и Джейн поделились с Хань Фэй-цзы новостями, после того как он рассказал Джейн, что получилось сегодня у него, дом затих в ночной тиши. Ванму свернулась калачиком на циновке в углу комнаты Хань Фэй-цзы, но сон не шел к ней, поэтому она лежала и прислушивалась к тихому похрапыванию хозяина, а в голове ее крутились разные мысли насчет предположений, высказанных прошедшим днем.

Возник целый ряд новых гипотез, но большей частью они были настолько далеки от ее понимания, что она отчаялась полностью вникнуть в них. В частности, Ванму никак не могла понять слов Виггина насчет целей и смысла жизни. Они похвалили ее за подсказанную ею мысль, благодаря которой может быть разрешена проблема десколады, но она не могла, не имела права принять эти похвалы, потому что считала их незаслуженными. Ей показалось, будто она всего лишь повторила слова Цин-чжао. Как можно гордиться тем, что вышло благодаря чистой случайности?

Людей следует винить или хвалить только за то, что они сделали намеренно. Ванму всегда

инстинктивно верила в этот постулат, хотя и не могла припомнить, чтобы кто-нибудь объяснял ей его. Преступления, в которых она обвиняла Конгресс, были совершены с умыслом, — Конгресс изменил геном людей Пути и создал Говорящих с Богами, он послал молекулярный дезинтегратор, чтобы уничтожить планету, бывшую прибежищем единственных известных во Вселенной разумных рас, не считая человеческой.

Но может быть, конгрессмены вовсе не желали такого результата? Может быть, по крайней мере некоторые из них искренне верили, что, уничтожая Лузитанию, они спасают Вселенную и человека? Ванму была достаточно наслышана о десколаде и знала: если она когда-нибудь попадет на обитаемые миры, всему живому немедленно наступит конец. И кое-кто в Конгрессе, отдавая приказ о создании на Пути Говорящих с Богами, может быть, действительно считал, что все это делается ради блага человечества, а МПС ввели в гены говорящих исключительно для того, чтобы те не вышли из повиновения и не поработили остальных, «нормальных» людей. Может быть, совершая эти ужасные вещи, они руководствовались благими намерениями.

А уж цели, преследуемые Цин-чжао, в любом

случае были благородны. Как Ванму могла обвинять ее в чем-либо, когда Цин-чжао на самом деле верила, что исполняет волю богов?

Всякий человек, совершая какой-то поступок, руководствуется благородными намерениями. В своих собственных глазах всякий человек хорош и благороден.

«Но только не я, — подумала Ванму. — Я себе кажусь глупой и слабой. Но они хвалят меня так, будто я куда лучше, чем думаю. И мастер Хань тоже меня хвалит. А эти, другие, говорят о Цин-чжао с жалостью и насмешкой, и я к ней отношусь точно так же. Но разве Цин-чжао повела себя как-нибудь унизительно? А я? Я предала свою госпожу. Она же осталась верной правительству и богам, которые для нее *реальны*, хотя я больше в них и не верю. Как я могу отличить хороших людей от плохих, если дурные люди, совершая нечто ужасное, всегда найдут способ убедить себя, что на самом деле они действуют из благородных побуждений? А хорошие люди, совершая нечто высокое, все время внушают себе, что они очень и очень плохие? Наверное, совершать добро можно только тогда, когда думаешь о себе плохо. И наоборот, когда внушаешь себе, что ты хороший, ничего, кроме вреда, принести не сможешь».

Этот парадокс оказался слишком сложным для нее. Если судить о людях в противоположность тому, какими они хотят *казаться*, мир вообще лишится смысла. Разве не бывает случаев, когда хороший человек пытается казаться хорошим? А кто-то, о котором ходят слухи, что он отъявленный негодяй, на деле действительно оказывается таковым. Но как тогда судить о других людях, если не можешь разобраться даже в их поступках и целях?

Да и не только других, Ванму даже себя не могла понять.

«В большинстве случаев я сама не вижу истинной цели того, что делаю. Я пришла в этот дом, потому что мною двигали честолюбивые мотивы и я хотела стать доверенной служанкой Говорящей с Богами. С моей стороны это был чистый эгоизм, а Цин-чжао, приняв меня, проявила благородство и великодушие. А сейчас я помогаю своему хозяину в предательских, преступных деяниях — и каковы мои цели? Чего я хочу добиться? Я даже не знаю, почему я поступаю так, как поступаю. Как я могу судить об истинных намерениях посторонних мне людей? Нет, добро от зла отличить очень тяжело, практически невозможно».

Ванму уселась на циновке и, приняв позу лотоса, спрятала лицо в ладонях. Она как будто в стену уперлась, только эту стену воздвигла сама. О, если только удастся найти способ обойти, обогнуть это препятствие, убрать его с пути — так же, как в любой момент, стоило только захотеть, она могла убрать от лица руки, — тогда она наконец пробьется к правде.

Она убрала руки. Открыла глаза. Взгляд упал на стоявший в противоположном углу комнаты терминал. Сегодня она увидела на дисплее лица Эланоры Рибейра фон Хессе и Эндрю Виггина. И лицо Джейн.

Ванму вспомнила, как Виггин объяснял ей, что такое боги: «Настоящий бог будет учить тебя, чтобы ты стала равной ему». К чему он это сказал? Откуда он знает, какими бывают боги?

Кто-то, кто учит тебя всему, что знает, кто учит поступать так, как поступает сам, — на самом деле он описывал родителей, а не богов.

Только даже среди родителей мало кто исполняет эту заповедь. Многие из них пытаются унизить детей, подавить, сделать рабами. В детстве Ванму достаточно насмотрелась на такое.

Значит, Виггин описывал вовсе не родителей. Он имел в виду хороших родителей. Он объяснял

ей не что есть бог, а что есть добродетель. Это желание духовного и физического роста ближнего. Желание видеть в остальных те хорошие черты, которые присущи тебе самому. И делить с людьми, если, конечно, сможешь, тяготы и невзгоды. Это и есть добродетель.

Но что тогда боги? Они желают, чтобы каждый человек знал только добро, имел только достоинства и был благороден духом. Они учат нас, делятся своими знаниями, но никогда и ни к чему не принуждают.

«Точь-в-точь мои родители, — подумала Ванму. — Они бывали очень неловкими, совершали всякие глупости, как и прочие люди, но они были добры. Они действительно заботились обо мне. Даже тогда, когда заставляли трудиться от восхода и до заката, потому что знали: это пойдет мне на пользу. Даже ошибаясь, они все равно оставались добрыми и хорошими людьми. Так, стало быть, их цели и поступки я могу судить. Каждый человек назовет свою цель благородной, но цели и поступки моих родителей действительно были благородны и добры, потому что они искренне хотели помочь мне вырасти более мудрой, более сильной — одним словом, хотели, чтобы я стала лучше, чем они сами. Даже заставляя меня

трудиться в поте лица, они знали, что я должна чему-то научиться. Даже причиняя мне боль и *страдания*, они учили меня».

Вот оно! Если боги вообще существуют, вот какими они должны быть. Подобно хорошим родителям, они должны желать человеку только добра. Но, в отличие от родителей и остальных людей, боги действительно *знают*, что есть добро, и обладают особой силой совершать добро, пусть даже больше никто не поймет их поступков. Как сказал Виггин, *настоящие* боги должны быть умнее и сильнее кого бы то ни было. Они должны обладать поистине великим умом и подлинным могуществом, доступными только им одним.

Но обыкновенный человек — такая девчонка, как Ванму, — кто она такая, чтобы судить о богах? Она не поймет их целей, даже если эти цели будут ей показаны и растолкованы. Так как же она *узнает*, что они хорошие? Хотя, с другой стороны, можно просто поверить им, абсолютно уверовать в них — Цин-чжао именно так и поступила.

Нет. Если боги существуют, они никогда не станут совершать поступков, которые приписывает им Цин-чжао: они не станут порабощать людей, не станут пытать и унижать их.

Если только эти пытки и унижения не пойдут

этим людям на *пользу*...

«Нет!» — громкий крик чуть не сорвался с губ Ванму, снова она зарылась лицом в ладони — на этот раз, чтобы сдержаться и не закричать.

«Я могу судить лишь то, что доступно моему пониманию. Насколько я знаю, боги, в которых уверовала Цин-чжао, способны только на зло. Да, возможно, я ошибаюсь, возможно, моему пониманию недоступна та великая цель, которую они преследовали, превращая Говорящих с Богами в беспомощных рабов или уничтожая целые разумные расы. Но в сердце своем я не могу поступить иначе, кроме как отвергнуть таких богов, потому что не вижу никакого добра в их поступках. Возможно, я глупая, дурочка, и навсегда останусь врагом небожителей, претворяющих в жизнь высокие и недоступные простым смертным планы. Но свою жизнь я могу построить по тем принципам, которые понятны мне, а я прекрасно понимаю, что таких святых, о которых беспрестанно вещают Говорящие с Богами, в природе не существует. А если и существуют, то, значит, находят особое удовольствие в угнетении и обмане, унижении и невежестве. Они действуют так, чтобы принизить людей, а самим возвыситься. Тогда это вовсе не боги. Это

враги. Дьяволы.

То же самое и с теми существами, кем бы они ни были, — с создателями вируса десколады. Да, они должны обладать неизмеримым могуществом, чтобы создать подобное орудие. Но в то же время они должны быть бессердечными, эгоистичными, самоуверенными тварями, если думают, что жизнь во Вселенной принадлежит им одним и они вольны манипулировать ею, как захочется. Послать десколаду в иную галактику, нисколько не беспокоясь о тех, кого она убьет, не думая, какие прекрасные создания станут ее жертвами… нет, эти тоже не могут быть богами.

А вот Джейн — Джейн может оказаться богом. Джейн обладает доступом к огромному количеству информации и к тому же неизмеримо мудра. Она заботится о благе других людей, даже когда ее собственная жизнь, ее будущее оказывается под угрозой, даже сейчас, когда дни ее сочтены. И Эндрю Виггин, он тоже может оказаться богом, он так мудр и так добр к людям. Он действует не ради собственной выгоды — он пытается спасти пекевениньос. И Валентина, назвавшаяся Демосфеном, она всю жизнь трудилась, чтобы помочь другим отыскать истину и научиться самим принимать мудрые решения. И мастер Хань, который

всегда старался поступать по справедливости, он не изменил себе даже тогда, когда это стоило ему доверия родной дочери. Может быть, даже Эла, пусть она и не знает всего, что ей следовало бы знать, тем не менее она не стыдится принять истину из уст обыкновенной служанки».

Конечно же, все они не похожи на богов, которые обитают на Бескрайнем Западе, во дворце Великой Владычицы. И в собственных глазах они тоже не выглядят божествами — они бы только посмеялись над Ванму, выскажи она такое предположение. Но по сравнению с ней они все равно что боги. Они настолько умнее Ванму и такие могущественные… И если она правильно истолковала их цели, они пытаются помочь всем остальным стать такими же мудрыми и такими же могущественными, как они сами. И искренне желают, чтобы будущие ученики обогнали своих учителей. Поэтому если Ванму и ошибается, если даже вообще ничего не понимает в этом мире, все равно она твердо знает, что, приняв решение сотрудничать с этими людьми, она сделала правильный выбор.

Ванму могла творить добро, но у нее существовали собственные понятия о нем. И эти люди, как ей казалось, действовали из благородных побуж-

дений, тогда как Конгресс творил зло. И пусть даже ей будет грозить гибель — ведь мастер Хань стал теперь врагом Конгресса и в любую минуту мог быть арестован и казнен, а вместе с ним и она, — все-таки она пойдет на это. Ей никогда не увидеть настоящих богов, но, по крайней мере, она может помочь этим людям, которые настолько близко стоят к божественности, насколько вообще может быть близок к небесам обыкновенный человек.

«А если богам мое решение придется не по душе, они могут отравить меня во сне, ударить в меня молнией, когда утром я выйду в сад, или просто сделать так, чтобы мои руки, ноги и голова осыпались с тела, словно лепестки с увядшего цветка. Но если они не способны справиться с какой-то глупой служанкой, чего они вообще стоят, эти боги?»

15
Жизнь и смерть

– Эндер собирается навестить нас. Хочет поговорить.

– И что? Ко мне он приходит почти каждый день, я часто с ним разговариваю.

– Но мы-то можем общаться с ним непосредственно через мозг. Только он все равно настаивает на личном присутствии. Он не любит вести беседу, не видя нас. Когда мы беседуем на расстоянии, ему нелегко отличать собственные мысли от тех, которые вкладываем в его мозг мы. Поэтому он едет к нам.

– А тебе бы этого не хотелось…

– Он хочет, чтобы мы ответили ему на некоторые вопросы, но у нас нет ответов.

– Тебе доступны любые знания из тех, что доступны человеку. Ты проникаешь сквозь пространство. Тебе даже не нужны ансибли, чтобы общаться с другими планетами.

– Они все время добиваются каких-то

ответов, эти люди. У них столько вопросов.

– Ну, знаешь ли, у нас тоже имеются вопросы, и не один и не два.

– Они все время хотят знать – почему, почему, почему. Или каким образом. Хотят все собрать в аккуратненькую упаковочку, заключить в какой-то кокон. Мы так поступаем, только когда создаем новую Королеву.

– Они любят все понимать. И мы тоже.

– Ну да, вам ведь так хочется походить на этих людей. Но ты не похож на Эндера. Тебя не сравнить с человеком. Он должен знать первопричину всего на свете, обо всем он должен написать отдельную книгу, а мы не знаем столько историй. Нам доступны воспоминания. Мы знаем только то, что когда-то случилось. Но мы не всегда понимаем, почему так случилось, он же требует от нас подробного объяснения.

– Ты не права, знания вам доступны.

– Нам вообще безразлично, почему это случилось, у людей же все наоборот. Чтобы исполнить что-либо, мы выясняем

лишь самое необходимое, они же постоянно хотят знать больше, чем нужно. Даже когда какая-то машина заработает, они все равно доискиваются, почему же она работает и как работает первопричина, заставляющая машину действовать.

– А мы что, не такие?

– Может быть, вы еще станете такими, когда десколада выпустит вас из своих щупалец.

– Или, наоборот, превратимся в подобие твоих рабочих.

– Тогда вам будет уже все равно. Рабочие счастливы, они вполне довольны жизнью. Вам разум не дает покоя. Рабочие неподвластны желаниям. Они не знают, что такое боль, что такое страдания. Они не ведают любопытства, не знают разочарований, не испытывают стыда. Но когда дело доходит до обсуждений, в глазах людей мы и вы, пеквениньос, выглядим типичными рабочими.

– Мне кажется, ты слишком мало нас знаешь, чтобы сравнивать.

– Мы проникли в ваш мозг, мы побывали в мыслях у Эндера, уже тысячи

поколений мы копаемся в собственных умах, а эти люди выставляют нас сонными, вялыми существами. Даже во сне они не ведают покоя. Животным, родившимся на Земле, свойственна такая черта: внутри их мозга то и дело происходит что-то вроде взрывов сумасшествия, приступов контролируемого безумия. И все это во время сна. Частичка их мозга, которая отвечает за картинку или звук, словно выстреливает каждый час или два часа сна; даже когда картинки и звуки представляют собой произвольный набор несусветной чуши, их мозг все равно пытается упорядочить изображение, выстроить из него разумный образ. Их мозг пытается создавать целые истории. Это произвольный набор картинок, с реальным миром никакой связи не имеющий, однако мозг упорно продолжает творить свои безумные рассказики, а потом забывает про них. Мозг проделывает гигантскую работу по сведе́нию картинок в одно связное повествование, но человек, просыпаясь, как правило, тут же все забывает. Зато, когда выясняется, что кое-

что все-таки запомнилось, люди снова сочиняют истории – уже о постигшем их во сне сумасшествии. Более того, они пытаются увязать их с реальной жизнью.

– Мы знаем, что люди видят сны.

– Может быть, когда десколада будет уничтожена, вы тоже научитесь видеть сны.

– А зачем они нам? Ты же сама сказала, что они бессмысленны. Случайные вспышки на нейронных синапсах в мозге людей.

– Они обучаются. Все время обучаются. Создают картины. Проводят связи. Отыскивают в бессмысленном какой-то смысл.

– Какая от этого польза, когда это ровным счетом ничего не означает?

– В том-то все и дело. Ими движут желания, о которых мы понятия не имеем. Желания, настоящая жажда ответов. Жажда смысла. Жажда сказаний.

– Сказания имеются и у нас.

– Вы помните только деяния. Они эти деяния творят, но мало того – постоянно изменяют смысл своих сказаний о них.

Они меняют все так, чтобы одно и то же воспоминание одновременно приобретало тысячи разных толкований. Даже из снов они порой почерпывают нечто такое, что мгновенно дает ответ на поставленный вопрос. Ни один человек не обладает таким умом, каким обладаете вы. Таким, каким обладаем мы. Мы титаны по сравнению с ними. Кроме того, их жизнь столь мимолетна, они так быстро умирают! Но за один свой век они умудряются изобрести десять тысяч толкований, тогда как мы все еще обсасываем самое первое.

– Большинство их предположений не выдерживают проверки практикой.

– Даже если почти все они неверны, даже если девяносто девять ответов из каждой сотни глупы и безумны, от десяти тысяч идей все равно остается как минимум добрая сотня замечательных и удивительных теорий. Так они компенсируют собственную глупость, краткую жизнь и недалекую память.

– Грезы и сумасшествие.

– Волшебство, мистика и философия.

– Неужели ты сама не способна выдумать хотя бы одну-единственную историю? Да ты только что рассказала мне целый эпос.

– Я знаю.

– Вот видишь? Значит, люди не могут ничего такого, чего не можешь ты.

– Неужели ты не понял? Даже эту историю я почерпнула из головы Эндера. Она принадлежит ему. А зерно заронил кто-то еще, книга, которую он прочитал и сопоставил со своими рассуждениями. В конце концов идея сформировалась и приобрела для него смысл. Все это у него в голове. Тогда как мы во всем подобны вам. Мы обладаем незамутненным ви́дением мира. У меня не возникает никаких проблем при контакте с твоим мозгом. Все упорядочено, разумно, логично. И ты наверняка не испытываешь в общении со мной никаких проблем. То, что содержится в твоем уме, более или менее соответствует реальности, насколько ты ее понимаешь. Но ум Эндера – это полная сумятица и бред. Тысячи соревнующихся, противоречащих друг

другу, невероятных видений, не имеющих никакого смысла, – они в принципе не могут согласовываться друг с другом, но они согласовываются; он их складывает в одно целое, сегодня – так, завтра – чуть-чуть по-другому, как ему самому нужно. Каждый раз в уме он как будто создает новую схему и запускает в нее проблему, с которой вдруг столкнулся, чтобы порешать ее в этой системе. Каждый час он как будто придумывает себе новую Вселенную, которая зачастую безнадежно ошибочна. Таким образом, он делает ошибки, выносит ложные суждения. Но иногда все сходится, и случается чудо, я смотрю через его глаза и вижу мир по-новому, как он его представил, как он его изменил. Сумасшествие, сразу за которым следует озарение. Прежде чем повстречаться с людьми, мы знали все, что положено было знать. Но потом мы начали налаживать связь с мозгом Эндера. И теперь поняли: один-единственный предмет может быть истолкован по-разному, и толкований этих столько, что нам никогда не охватить все возможные

варианты.

– Если только люди не научат вас этому.

– Теперь ты понял? По сути дела, мы питаемся падалью.

– Это вы питаетесь падалью. Мы умеем просить.

– Если бы люди стоили таких умственных возможностей…

– А что, они не стоят?

– Неужели ты забыл – они же собираются уничтожить вас! В их умах содержится бессчетное число вероятностей. И все-таки как индивидуумы они тупы, недальновидны, слепы и к тому же безумны. Ведь девяносто девять процентов созданных ими историй неправильны и могут привести к ужасным ошибкам. Иногда мы жалеем, что не можем обуздать их, как обуздали бы своих рабочих. Ты помнишь, как-то раз мы пытались, с Эндером. Но ничего не получилось. Мы не смогли сделать из него рабочего.

– Почему?

– Слишком туп. Не способен удержаться на одном месте. Человеческие умы

грешат рассеянностью. Какое-то одно занятие им быстро наскучивает, и они бросают его. Нам пришлось возвести к его разуму целый мост. Мы воспользовались компьютером, к которому он был привязан. А вот компьютеры – эти штуки умеют внимать. И в их памяти все так аккуратно, логично, все расставлено по полочкам, все доступно.

– Но они не видят снов.

– Да, сумасшествие отсутствует. Это плохо.

Валентина нежданно-негаданно подошла к дому Ольяду. Стояло раннее утро. На работу он выйдет не раньше полудня — Ольяду работал управляющим на кирпичной фабрике, заведовал бригадой, занимающейся производством кирпичей. Однако он уже встал и был свеж и бодр, потому, вероятно, что вся его семья поднималась рано. Дети гурьбой выскочили из дверей. «Когда-то давным-давно такие сценки обожали показывать по телевизору, — подумала Валентина. — Вся семья дружно выходит из дому, замыкает шествие отец с дипломатом в руках. В общем-то, мои родители тоже старались не вы-

деляться из толпы. Ну и что, если их детям были присущи некоторые странности? Ну и что, если, торжественно выйдя из дому и якобы отправляясь в школу, на самом деле мы с Питером залезали в компьютерные сети и пытались анонимно диктовать свою волю Земле? Ну и что, если Эндера еще маленьким мальчиком вырвали из семьи и родителей он больше не видел? На Землю он возвращался всего один раз, да и то ненадолго. Мы тогда встретились. Но, как мне кажется, наши родители считали, что поступают правильно, потому что во всем следовали ритуалу, который каждый день видели по телевизору».

И вот все повторяется. Из дому выбегают дети. Этот мальчик, должно быть, Нимбо, тот, которого держал на руках Грего, когда противостоял толпе. Обычный ребенок, ничего примечательного. Пройдет немного времени — и никто даже не вспомнит, что он участвовал в событиях той жуткой ночи.

Мать обошла всех и поцеловала. Родив стольких детей, она сохранила изумительную, неповторимую красоту. Все как обычно, стандартное клише; однако это поистине замечательная женщина, ведь она решилась выйти замуж за их отца. Уродство не затуманило ей взгляда.

И папа их тут же. На работу пока рано, поэтому он просто стоит рядом, внимательно осматривает всех по очереди, похлопывает по плечу, целует, что-то говорит. «Веселый, умный, любящий — идеальный отец. Так что ж неправильного в этой картинке? Этот мужчина — Ольяду. У него нет глаз. Вместо одного глаза у него серебристые металлические сферы с двумя линзами, в другом — компьютерный разъем. Дети как будто бы ничего не замечают. Я же к такому зрелищу еще не привыкла».

— Валентина, — вдруг заметил он.

— Нам надо поговорить, — сказала она.

Он провел ее в комнату. Представил жене, Жаклин. Кожа у нее настолько темная, что отливает голубизной, украшение лица — смеющиеся глаза, прекрасная широкая улыбка, которая словно согревала. Жаклин просто излучала радушие и дружелюбие. Она принесла лимонад, прямо со льда — бутылка сразу запотела на утреннем солнышке, — а затем попыталась тихонько выскользнуть из комнаты.

— Вы можете остаться, — сказала ей Валентина. — У нас никаких секретов нет.

Но Жаклин отказалась. Ее ждет кое-какая работа, объяснила она. И ушла.

— Я давно хотел встретиться с вами, — сказал Ольяду.

— Были какие-то сложности? — поинтересовалась Валентина.

— Вы были заняты.

— У меня здесь никакой работы нет.

— Вы помогаете Эндрю.

— Так или иначе, наконец-то мы встретились. Я много слышала о тебе, Ольяду. Или ты предпочитаешь, чтобы тебя называли твоим настоящим именем — Лауро?

— В Милагре имя тебе дают люди. Когда-то меня звали Сул. Это сокращение от моего второго имени — Сулеймано.

— В честь царя Соломона[28].

— Но после того как я потерял глаза, я стал Ольяду — раз и навсегда.

— «Тот, за кем следят»?

— Да, «ольяду» можно перевести и так, это причастие прошедшего времени от глагола «ольяр», но в данном случае это имя означает «человек

---

[28] Примечания: 28

Соломон — легендарный правитель объединенного Израильского царства в 965–928 гг. до н. э., в период его наивысшего расцвета. В царствование Соломона в Иерусалиме был построен Иерусалимский Храм — главная святыня иудаизма. Традиционно считается автором «Книги Экклезиаста», книги «Песнь песней», «Книги притчей Соломоновых», а также нескольких псалмов.

с глазами».

— Стало быть, так тебя зовут.

— Моя жена зовет меня Лауро, — ответил он. — А дети — отцом.

— А мне как звать?

— Мне все равно.

— Тогда Сул.

— Лучше уж Лауро. Когда меня зовут Сулом, мне кажется, будто мне все еще шесть лет.

— И это напоминает тебе о временах, когда ты еще видел.

Он рассмеялся:

— О, я и сейчас прекрасно вижу. Вижу я просто отлично.

— Да, Эндрю сказал мне. Потому-то я и пришла к тебе. Чтобы узнать, что ты видишь.

— Хотите, проиграю вам какую-нибудь сценку? Какой-нибудь случай из давно минувших дней? Мои самые любимые воспоминания хранятся в компьютере. Я могу подключиться к нему и продемонстрировать все, что пожелаете. Ну, к примеру, у меня сохранилась сценка, когда Эндер впервые наведался в дом моей семьи. Кое-что из семейных ссор тоже осталось, качество прекрасное. Или вы предпочитаете события общественной жизни? Что ж, имеются

инаугурации мэров с того самого года, как мне достались эти глаза. Люди частенько приходят ко мне с подобными просьбами — проконсультироваться насчет былого, насчет сказанного. Правда, мне бывает нелегко убедить их, что мои глаза записывают только картинку, но не звук, то есть работают по принципу обычных глаз. Все считают меня каким-то голограммщиком, будто я это потехи ради записываю.

— Я не хочу видеть то, что видишь ты. Я хочу, чтобы ты поделился со мной своими мыслями.

— Да неужто?

— Да.

— Так вот, *своего* мнения у меня нет и не будет. Во всяком случае, по тем вопросам, которые, скорее всего, интересуют вас. Я держусь в стороне от семейных раздоров. Я никогда не вмешивался ни в какие ссоры.

— И вообще не принимаешь участия в семейной жизни. Ты единственный из детей Новиньи, кто избрал для себя не научную карьеру.

— Да, все ученые — такие счастливые люди, такие счастливые! Очень странно — и почему это я отказался?

— Ничего странного здесь нет, — ответила Валентина. А затем, вспомнив, что обиженные на

мир люди начинают говорить открыто, если их немножко раздразнить, решила подпустить в голос колкости. — Я-то *понимаю* почему. Кишка тонка, ума не хватило.

— Вот уж точно, — согласился Ольяду. — Мозгов у меня хватает только на то, чтобы делать кирпичи.

— Неужели? — удивилась Валентина. — Но ты же не сам делаешь кирпичи.

— Напротив. Каждый день я выдаю сотни кирпичей. А сейчас, когда каждый человек прошибает в стенах своего дома по нескольку дыр, чтобы взять кирпичи для постройки нового собора, я предвижу неплохое будущее для моего дела.

— Лауро, — сказала Валентина, — лично ты кирпичей не производишь. На твоей фабрике этим занимаются рабочие.

— А я, значит, как менеджер, в этом процессе не участвую?

— Рабочие занимаются кирпичами. Ты занимаешься рабочими.

— Ну да. В основном моя задача — как можно больше вымотать рабочих.

— А делаешь ты нечто другое, — продолжала Валентина. — Например, детей.

— Верно, — кивнул Ольяду и в первый раз с

начала разговора немножко расслабился. — Этим я заниматься люблю. Естественно, ведь у меня такая партнерша.

— Очень изящная и красивая женщина.

— Я искал совершенства, а нашел нечто большее. — Это был не просто комплимент. Он действительно хотел сказать то, что сказал. И теперь обида и усталость пропали из его голоса. — У вас тоже есть дети. Муж.

— Одним словом, неплохое семейство. Может быть, даже не хуже твоего. Только мать у нас далека от идеала, но дети справляются с этим.

— Послушать Эндрю, так вы вообще величайшая личность за всю историю человечества.

— Эндрю не откажешь в галантности. А такие разговоры сходят ему с рук только потому, что я не присутствую при них.

— Но сейчас вы *присутствуете* у меня в доме, — заметил Ольяду. — Что привело вас сюда?

— Так уж случилось, что целая планета и парочка разумных видов ходят сейчас по лезвию бритвы и события повернулись так, что их будущее зависит по большей части от вашей семьи. У меня нет времени, чтобы разобраться с этим делом подробнее, и нет времени, чтобы вникать в динамику отношений: почему Грего за одну

ночь побывал в шкуре монстра и в роли героя, почему Миро вроде бы ищет смерти, тогда как на самом деле очень амбициозен и самолюбив, почему Квара желает смерти пеквениньос, лишь бы десколаду не трогали…

— Спросите у Эндрю. Он понимает этих людей. У меня это никогда не получалось.

— С Эндрю сейчас тоже черт знает что творится. Он чувствует себя ответственным за все. Он старался как мог, но Квим погиб, и единственное, в чем сейчас сходятся твоя мать и Эндер, — что в смерти Квима почему-то виноват один Эндрю. Когда твоя мать ушла от Эндера, это чуть не сломало его.

— Знаю.

— А я не знаю даже, как утешить его. Или на что — как любящей сестре — больше уповать: чтобы она вернулась к нему или чтобы они расстались навсегда.

Ольяду пожал плечами. Отстраненность вернулась к нему.

— Тебе что, действительно на все наплевать? — изумилась Валентина. — Или ты *решил*, что тебе на все наплевать?

— Может быть, много лет назад я действительно так решил, но сейчас не притворяюсь.

Умение вести беседу частично заключается в понимании момента, когда лучше всего промолчать. Валентина молча ждала.

Но Ольяду тоже был знаком с ожиданием. Валентина чуть было не сдалась, чуть было не заговорила первой. Она даже решила про себя, что сейчас признает поражение и покинет этот дом.

Но тут он заговорил:

— Имплантировав искусственные глаза, мне одновременно вырезали слезные железы. Соль, содержащаяся в них, могла повредить промышленной смазке, которую залили мне в голову.

— Промышленной смазке?

— Так, шутка, — усмехнулся Ольяду. — Мои глаза никогда не наполняются слезами, поэтому я всем кажусь существом бесстрастным и равнодушным. Люди не могут понять по выражению моего лица, что я думаю. Забавно, знаете ли. Непосредственно человеческий зрачок не способен менять форму или что-либо выражать. Он просто есть и выполняет свои функции. Но вот ваши глаза — вы ими стреляете по сторонам, упорно смотрите в глаза другого человека, опускаете долу, закатываете… а ведь мои глаза тоже на такое способны. Они двигаются идеально симметрично. Они поворачиваются туда, куда посмотрю я.

Вот только люди не выдерживают их вида. И сразу отворачиваются. Поэтому они не умеют читать выражение моего лица. Люди привыкли считать, что́ мое лицо вообще ничего не выражает. Мои глаза жжет, они краснеют и опухают немножко, когда мне хочется заплакать, — только у меня нет слез.

— Другими словами, — сделала вывод Валентина, — тебе не безразлично то, что происходит.

— Во мне никогда не было равнодушия, — сказал он. — Иногда мне казалось, что только я один способен понять, хотя в половине случаев даже не знал, что же я понимаю. Я садился в уголок и наблюдал, а так как мое эго в семейных спорах не участвовало, со стороны мне было виднее, что́ на самом деле происходит. Я видел проходящую сквозь все линию силы — абсолютное давление матери, даже когда Маркано, особенно разозлившись или напившись, избивал ее. Я видел Миро, который считал, будто восстает против Маркано, когда на самом деле он бунтовал против матери. Замечал подлость Грего — так он справлялся со своим страхом. Квара постоянно всем противоречила — это одна из основных черт ее характера — она всегда поступала наоборот, когда люди, которые что-то значили для нее, желали от нее

совсем другого. Эла исполняла роль благородной мученицы — кем бы она стала, если б не страдала все время? Благочестивый, набожный Квим всегда считал своим истинным отцом Бога — он, видимо, руководствовался предположением, что лучше всего, когда отец невидим; тогда он, по крайней мере, не сможет повысить на тебя голос.

— И ты понял все это еще ребенком?

— Я научился видеть. Мы, пассивные, сторонние наблюдатели, все видим гораздо лучше. А вы как считаете?

Валентина расхохоталась:

— Да, я тоже так считаю. Значит, мы похожи? Ты и я — оба историки?

— Так было, пока не появился ваш брат. Едва он вошел в дверь, я сразу понял: он, точно как и я, все видит и все понимает. Это подбодрило меня. Потому что, само собой разумеется, я никогда не верил в свои заключения насчет нашей семьи. Я никогда не доверял собственным суждениям. Ни один человек не видел того, что было доступно мне, поэтому я считал, что ошибаюсь. Временами мне даже казалось, что это из-за искусственных глаз я вижу все в таком свете. Что если б у меня были настоящие глаза, я бы думал и вел себя, как

Миро. Или как мать.

— А Эндрю подтвердил твои суждения.

— Более того. В своем поведении он основывался именно на них. Он не побоялся столкнуться с ними.

— Эндрю?

— Эндрю пришел к нам как Говорящий от Имени Мертвых. Но стоило ему перешагнуть через порог, как он… он…

— Все увидел?

— Он принял ответственность. И решился на перемены. Он увидел язвы, которые видел и я, но сразу начал лечить их, делать все, что было в его силах. Я заметил, как он повел себя с Грего — был тверд, но добр. В беседе с Кварой он откликался только на то, что она действительно имела в виду, а не на то, о чем заявляла вслух. В случае с Квимом он сразу признал черту, которую тот провел между собой и остальными людьми. И точно так же с остальными: с Миро, Элой, мамой — со всеми.

— И с тобой в том числе?

— Он сделал меня частью своей жизни. Он принял меня. Видел, как я вставляю компьютерный кабель себе в глаз, и все равно продолжал разговаривать со мной как с живым человеком.

Понимаете, что это значило для меня?

— Догадываюсь.

— Нет, я не имею в виду его отношения со мной. Признаю, я был тогда изголодавшимся по ласке маленьким мальчиком. Первый же человек, проявивший ко мне доброту, купил бы меня с потрохами. Дело в том, как Эндрю обращался со всеми нами. Он находил к каждому свой подход и в то же время оставался самим собой. Вспомните, каких людей я видел в жизни. Маркано, который, как мы считали, был нашим отцом, — я и понятия не имел, что он за человек. Все, что я видел в нем, — это алкоголь, когда он напивался в стельку, да жажда, когда он трезвел. Жажда алкоголя, да, но еще желание уважения, которого никто к нему так и не проявил. А затем он перекинулся. Сразу дела пошли лучше. Не так хорошо, как хотелось бы, но лучше. Я тогда еще подумал, что наилучший отец — тот, кого рядом нет. Только здесь я ошибался. Потому что мой настоящий отец, Либо, великий ученый, мученик, герой Милагре, вечная любовь моей матери — из его семени появились на свет все эти «замечательные» ребятишки, — видел, как мучается его семья, но ничего не делал.

— Эндрю сказал, что твоя мать запретила ему.

— Верно — и каждый должен беспрекословно подчиняться приказам моей матери, да?

— Новинья — очень сильная женщина.

— Мать вбила себе в голову, будто она одна в целом мире способна на страдания, — фыркнул Ольяду. — Я не имею в виду ничего плохого. Я всю жизнь наблюдал, как она страдает. Так вот, она в принципе не способна воспринимать всерьез боль других людей.

— В следующий раз попытайся высказаться о ком-нибудь плохо. Может, хоть тогда скажешь что-нибудь хорошее и доброе.

Ольяду словно удивился:

— А, так вы обвиняете меня? Женщины всегда одна за другую горой, верно? Детки, которые плохо отзываются о своих матерях, должны быть как следует отшлепаны. Валентина, уверяю вас, я говорил абсолютно серьезно. Я не держу на нее зла. Я знаю мать, вот и все. Вы просили, придя ко мне, рассказать, что видел, — именно это я и видел. И Эндрю тому свидетель. Всей той боли. И его притянуло к ней. Страдания притягивают его словно магнит. А мать столько всего вынесла, что высосала его чуть ли не досуха. Правда, Эндрю, наверное, досуха никогда не высосешь. Может быть, его сострадание не имеет пределов.

Его страстная речь насчет Эндрю несколько удивила Валентину. И порадовала.

— Ты сказал, Квим повернулся к Богу потому, что тот оказался замечательным отцом-невидимкой. А к кому повернулся ты? Вряд ли ты обратился к какой-то эфирной персоне.

— Да, я предпочитаю материальное.

Валентина молча изучала его лицо.

— Я вижу только внешний барельеф, — признался Ольяду. — Мое глубинное восприятие страдает. Если бы мне вставили линзы в каждый глаз, я воспринимал бы все несколько иначе. Но я хотел, чтобы мне вживили компьютерный выход. Для связи с компьютером. Я хотел записывать картинки, хотел делиться ими с другими людьми. Поэтому перед моими глазами стоит барельеф. В моих глазах люди похожи на выпуклые тени, скользящие по плоской, разукрашенной в разные цвета декорации. В некотором роде все становятся как бы ближе друг другу. Они наползают друг на друга, словно листочки бумаги, тихонько шурша по мере прохождения мимо.

Она только слушала и ничего пока не говорила.

— Материальное, — повторил он, словно что-то припоминая. — Все верно. Я видел, что Эндрю

сделал с нашей семьей. Я наблюдал за тем, как он приходил, слушал, приглядывался, понимал, кто мы такие, чем мы друг от друга отличаемся. Он постарался вскрыть нашу нужду и удовлетворить ее. Он возложил на свои плечи ответственность за других людей, и его нисколько не заботило, чего это может ему стоить. И в конце концов, хоть у него так и не получилось сделать из семьи Рибейра *нормальную* семью, он научил нас миру, гордости и придал каждому свой облик. Он подарил нам стабильность. Он женился на нашей матери и был добр к ней. Эндрю любил нас. И всегда оказывался рядом, когда мы нуждались в нем, и ничуть не обижался, когда мы забывали о его существовании. Он вдалбливал в нас принципы цивилизованного поведения в обществе и никогда не жаловался, сколько сил отнимает у него наше воспитание. И я сказал себе: «Это куда важнее науки. Или политики. Важнее вообще любой профессии, любого дела, которое ты обязан выполнять». Я подумал: «Если я когда-нибудь обзаведусь семьей, если научусь любить своих детей, заботиться о них, как позаботился о нас Эндрю, стану для них тем же, чем стал для нас он, это принесет куда больше плодов. Я добьюсь такого, чего никогда бы не смог добиться при

помощи ума или рук».

— И ты избрал карьеру отца, — кивнула Валентина.

— Который, чтобы кормить и одевать семью, подрабатывает на кирпичном заводике. Но я ни в коем случае не бизнесмен, у которого есть семья и дети. Прежде всего семьянин, у которого есть какое-то дело. Лини согласна со мной.

— Лини?

— Жаклин. Моя жена. Она пришла к такому же выводу, только собственным путем. Мы прилежно исполняем свою работу, чтобы обеспечить место под солнцем и уважение общества, но настоящей жизнью мы начинаем жить, когда возвращаемся домой. Мы живем друг для друга, для детей. Так что мне никогда не попасть в историю.

— Ты будешь немало удивлен, — пробормотала Валентина.

— О такой жизни скучно читать, — возразил Ольяду. — Хотя жить такой жизнью — самая занимательная вещь на свете.

— Значит, секрет, который ты скрываешь от своих искалеченных жизнью братьев и сестер, заключается в том, что личное счастье превыше всего.

— Мир. Красота. Любовь. И прочие пресловутые абстракции. Может быть, я вижу только их барельефы, но зато они мне близки.

— И научился ты этому от Эндрю. А он знает об этом?

— Думаю, да, — пожал плечами Ольяду. — Хотите, открою мою самую сокровенную тайну? Когда мы остаемся с ним наедине, ну, может, при этом присутствует еще Лини, — так вот, когда мы остаемся наедине, я зову его папой, а он зовет меня сынком.

Валентина даже не пыталась удержать хлынувшие из глаз слезы. Отчасти она оплакивала его, отчасти себя.

— Так, значит, у Эндера все-таки есть дети, — прошептала она.

— У него я научился, что значит быть отцом, и сам стал чертовски замечательным папашей.

Валентина немножко подалась вперед. Пришло время переходить к делу.

— Это означает, что ты больше, чем кто бы то ни было, теряешь, если мы не преуспеем в деле спасения Лузитании. Ты лишишься чего-то поистине прекрасного и чудесного.

— Знаю, — вздохнул Ольяду. — Получается, что на деле я оказался чистой воды эгоистом. Я

счастлив, но ничем не могу помочь.

— Ты не прав, — возразила Валентина. — И пока не понимаешь этого.

— Но что я *могу*?

— Вот мы сейчас поговорим и выясним, что же ты все-таки можешь. Да, Лауро, если ты не против, скажи Жаклин, чтобы перестала подслушивать на кухне, пусть лучше идет сюда и присоединяется к нам.

Жаклин, залившись краской, вошла в комнату и села рядом с мужем. Валентине стало приятно при виде того, как они сразу взялись за руки. У них столько детей, столько забот… Это сразу напомнило ей о Джакте, она вспомнила, как самозабвенно радуется, когда он обнимает ее.

— Лауро, — начала она, — Эндрю сказал мне, что, когда был помоложе, именно ты из всех детей Рибейра проявлял наибольшие способности. Ты еще ребенком выдавал ему целые философские трактаты с необычными идеями и гипотезами. И сейчас, Лауро, приемный мой племянник, у нас как раз возникла нужда в любых, как можно более безумных теориях. Как у тебя обстоят дела с мышлением? Не застоялся ли твой ум со времен детства? Ты все еще продолжаешь изобретать?

— У меня имеются кое-какие разработки, — ска-

зал Ольяду. — Но даже я сам в них не верю.

— Лауро, мы сейчас работаем над барьером скорости света. Мы пустились на поиски души компьютерной личности. Мы пытаемся перестроить искусственно выведенный вирус, который снабжен мощнейшим аппаратом самозащиты. Мы занимаемся волшебством и чудесами. Поэтому я с удовольствием ознакомлюсь с твоими воззрениями на жизнь и окружающую нас реальность.

— Но я даже не знаю, какие идеи мог выдвинуть Эндрю, — смешался Ольяду. — Я бросил изучать физику, я…

— Когда мне потребуются конкретные знания, я обращусь к книгам. «Выскажи нам свои соображения, а мы уж разберемся, что годится, а что нет» — примерно так мы обратились к одной очень способной, даже талантливой девочке, живущей на планете Путь.

— Но вы? Вы ведь тоже не физик.

Валентина подошла к компьютеру, одиноко белеющему в углу:

— Можно мне включить его?

— Pois não, — ответил он. «Конечно».

— Как только я включу его, к нам присоединится Джейн.

— Это та таинственная программа Эндера?

— Компьютерная личность, местоположение чьей души мы пытаемся сейчас вычислить.

— А-а, — протянул он. — Может быть, лучше вы мне кое-что расскажете?

— Что известно мне, я и так знаю. Поэтому давай начинай потихоньку. Расскажи нам о тех гипотезах, которые ты выдвигал в детстве, и что с ними стало с тех пор.

Когда Миро вошел в комнату, Квара раздраженно обернулась.

— Вот только не надо, а? — простонала она при виде его.

— Не надо чего?

— Не надо снова толковать мне о долге перед человечеством, перед семьей, — кстати, что-что, а человечество и наша семья вообще никак не связаны друг с другом.

— Думаешь, я пришел за этим? — поинтересовался Миро.

— Тебя послала Эла, чтобы убедить меня. Чтобы я выплакалась на твоем плече и рассказала, как кастрировать десколаду.

Миро попытался отнестись к такой постановке вопроса с долей юмора:

— Но я не биолог. Или ты мне не веришь?

— Не делай из себя милягу-парня, — фыркнула Квара. — Вы хотите лишить десколаду способности передавать информацию от вируса к вирусу, а это же все равно что вырезать ей язык, лишить памяти, лишить всего, что наделяет ее разумом. Если Эле хочется разобраться в этом, пускай изучает то, что изучала я. Мне всего-то потребовалось лет пять работы, чтобы дойти до этого.

— На нас надвигается флот.

— Значит, тебя все-таки подослали.

— И десколада…

— …Вот-вот обойдет все заслоны, которыми мы защитились от нее, — перебила Квара, закончив за него фразу.

Миро почувствовал, как внутри набухает раздражение, но уже привык, что мало кто может вытерпеть тягучесть его речи и поэтому все пытаются закончить за него начатую мысль.

— Это может произойти в любой день, — сказал он. — Элу поджимает время.

— Тогда она должна помочь мне *связаться* с вирусом. Убедить его, чтобы он оставил нас в покое. Мы должны заключить с ним договор, Эндрю ведь сумел договориться с пеквениньос. Вместо того Эла лишила меня доступа к лаборатории. Что ж, как аукнется, так и откликнется. Она лишила

доступа меня, я прокатила ее.

— Ты выдавала секретные сведения пеквениньос.

— О, вот уж нашлись хранительницы истины! Мама и Эла. Это они здесь решают, кому и что знать. Знаешь, Миро, я, пожалуй, открою тебе одну тайну. Правда все равно выплывет наружу, как бы ты ее ни скрывал.

— Эта истина мне известна, — согласился Миро.

— Своими проклятыми секретами мать испортила жизнь всей нашей семье. Она даже за Либо не вышла замуж, потому что надеялась сохранить какой-то дурацкий секрет, который, если бы Либо его знал, мог спасти ему жизнь.

— И это я знаю, — сказал Миро.

На этот раз в его голосе прозвучала такая горячность, что Квара слегка отшатнулась, потом пробормотала:

— Да, думаю, на тебе эти тайны отразились больше, чем на мне. Но тогда, Миро, в нашем споре тебе стоит занять мою сторону. Твоя жизнь сложилась бы куда лучше и мы все были бы счастливы, если бы мать вышла за Либо замуж и открыла ему свои файлы. Наверное, он до сих пор был бы жив.

Какая стройная логическая цепочка. Аккуратненькие, нанизанные на одну ниточку «если бы да кабы». Черта с два, все это ложь. Если бы Либо женился на Новинье, Брухинья, мать Кванды, осталась бы без мужа, и тогда Миро не влюбился бы в родную сестру, потому что этой сестры у него не было бы. Но нет, слишком много, Квара не станет выслушивать такую тираду, произнесенную его медленным, запинающимся голосом.

— И Кванда тогда не появилась бы на свет, — только и промолвил он, надеясь, что Квара сама домыслит остальное.

Она задумалась на секунду и почти мгновенно поняла, что он хотел этим сказать.

— Ты прав, — созналась она. — Извини. Я тогда была совсем маленькой девочкой.

— Все давно в прошлом, — сказал Миро.

— Прошлое постоянно возвращается, — возразила Квара. — Мы раз за разом заново проигрываем его. Совершаем одни и те же ошибки, снова и снова. Мать до сих пор считает, что чем меньше люди знают, тем лучше.

— И точно так же считаешь ты, — подметил Миро.

Это утверждение застало Квару врасплох:

— Эла пыталась скрыть от пеквениньос, что

сейчас ведутся работы по уничтожению десколады. Этот секрет мог уничтожить все сообщество пеквениньос, а у них даже не спросили. Эла и мать не дали им возможности постоять за себя. Но я сейчас скрываю от вас то, что, вполне вероятно, может кастрировать десколаду, отобрать у нее половину жизни.

— Может спасти человечество и сохранить жизнь пеквениньос.

— Люди и пеквениньос очень лихо спелись, решив прокатиться на беспомощной третьей расе!

— Не такая уж она и беспомощная.

Но Квара проигнорировала его слова:

— Точно так же в свое время Испания и Португалия заставили папу римского разделить мир между двумя католическими величествами, примерно во времена Колумба. Хлоп по карте — и вот она, Бразилия, говорящая на португальском, а не на испанском. Какая разница, что девять из десяти индейцев погибли, а остальные лишились своих прав на долгие века, и даже их языки…

На этот раз уже не вытерпел Миро:

— Десколада — не индейцы.

— Это разумная раса.

— Ничего подобного.

— Да? — притворно изумилась Квара. — Откуда

у тебя такая уверенность? Ты можешь предъявить свидетельство об окончании курсов по микробиологии и ксеногенетике? Мне казалось, раньше ты специализировался на ксенологии. А сейчас даже от своей любимой науки лет на тридцать поотстал.

Миро не ответил. Ей-то уж известно, с каким упорством он трудился, чтобы нагнать современных ученых. С тех пор как вернулся, он делал все возможное, чтобы войти в курс дела. Это был удар ниже пояса, повод, чтобы подковырнуть его. На эти слова не стоило даже отвечать. Поэтому он просто откинулся на спинку и принялся изучать ее лицо. Миро ждал, когда она придет в себя и они смогут вернуться к нормальному, человеческому обсуждению.

— Ну хорошо, — наконец согласилась Квара. — Это было низко. Но Эла поступила не менее низко, когда послала тебя, чтобы ты уговорил меня открыть файлы. Она хотела сыграть на моих симпатиях.

— Симпатиях? — поднял брови Миро.

— Потому что ты… ты ведь…

— Калека, — закончил за нее Миро.

Он никогда не задумывался над тем, что жалость решает все. Но что можно поделать? Ведь

любые его поступки были поступками калеки.

— Ну, в общем, да.

— Эла меня не посылала, — сказал Миро.

— Значит, мать.

— И мать не посылала.

— Ах, так ты явился сюда по собственной воле? Или ты сейчас скажешь, что тебя ко мне послало человечество? Или тебя отрядила ко мне какая-то абстрактная добродетель? «Правила приличия заставили меня прийти в этот дом».

— Если и так, я, похоже, ошибся дверью.

Она взвилась, словно он влепил ей пощечину:

— Ты хочешь обвинить меня в бесчестности и подлости?

— Меня попросил Эндрю.

— Еще один кукловод.

— Он пришел бы сам…

— Но он так занят, так занят: ему предстоит сегодня вмешаться еще в парочку жизней. Nossa Senhora, какой-то служка все время сует свой нос в науку, до которой ему как до неба…

— Заткнись, — процедил Миро.

И она действительно замолчала, хоть и не высказала по этому поводу никакой радости.

— Ты прекрасно знаешь, кто такой Эндрю, — сказал Миро. — Он написал «Королеву Улья»…

— «Королеву Улья», «Гегемона» и «Жизнь Человека».

— Поэтому не говори мне, что он ничего не знает.

— Да нет. Я понимаю, что не права, — поморщилась Квара. — Я просто рассердилась. Кажется, все настроены против меня.

— Против того, что ты делаешь, так вернее, — подтвердил Миро.

— Но почему никто не хочет взглянуть на вещи с моей стороны, хоть на время принять мою точку зрения?

— Я могу поставить себя на твое место, — спокойно ответил Миро.

— Тогда как же ты можешь…

— Но я могу также взглянуть на положение вещей глазами других людей.

— Ну да, мистер Непредвзятость. Давайте, продолжайте делать вид, будто понимаете меня. Я уже во власти симпатий, уже раскаиваюсь, еще немножко — и расколюсь.

— Сеятель идет на верную смерть — лишь бы добыть сведения, которые тебе, возможно, уже известны.

— Вот здесь вы промахнулись. Я не знаю, зависит от вируса разумность пеквениньос или нет.

— Можно опробовать усеченный вирус, тогда отпадет нужда в смерти пеквениньо.

– *Усеченный* — сам придумал? Ладно, сойдет и так. Все же лучше, чем кастрированный. Лишенный конечностей. В том числе и головы. Один остов, и больше ничего. Беспомощный. Лишенный разума. Сердце, правда, еще бьется, но вхолостую.

— Сеятель…

— Сеятель — маньяк, он одержим идеей превратиться еще в одного мученика. Он жаждет смерти.

— Сеятель просил тебя навестить его, он хочет поговорить с тобой.

— Я никуда не пойду.

— Почему?

— Да ладно тебе, Миро. Ко мне подослали калеку. Теперь меня упрашивают пойти повидаться с умирающим пеквениньо. Неужели вы думаете, что, если умирающий друг — доброволец, кстати, — прошепчет мне на ушко свою последнюю волю, я предам целую разумную расу?

— Квара…

— Да, я слушаю.

— Неужели?

— Disse que sim! — огрызнулась она. «Сказала,

слушаю — значит, слушаю».

— Может быть, ты права.

— О, как это мило с твоей стороны!

— Но может быть, правы они.

— Я ж говорю, сама непредвзятость.

— Ты утверждаешь, они были не правы, когда вынесли решение, которое может погубить пеквениньос, а самих пеквениньос даже не спросили. А ты сейчас…

— Хочешь сказать, что я сейчас делаю то же самое? А что мне делать, посоветуй! Выразить свою точку зрения в местной печати и потребовать поставить вопрос на голосование? Несколько тысяч людей, миллионы пеквениньос встанут на вашу сторону, но как насчет безмолвных триллионов вирусов десколады? Правило большинства. Дело закрыто.

— Десколада не обладает разумом, — сказал Миро.

— Некоторая информация к размышлению, — усмехнулась Квара. — Мне все известно о вашей последней идейке. Эла прислала мне расшифровки. Какая-то китаянка с далекой колонии, понятия не имеющая о ксеногенетике, выдвинула абсолютно безумную теорию — и вы уже ведете себя так, будто все прекрасно, будто все

так и должно быть.

— Докажи нам, что эта девочка ошибается.

— Не могу. Меня лишили доступа в лабораторию. Сами и доказывайте свою правоту.

— Бритва Оккама и без нас все доказала[29]. Самое простое объяснение, которое подходит к известным фактам.

— Оккам — средневековый старый дурак. Заявить, что все дело рук Господа, — и больше никаких объяснений не требуется. Или, например, можно заявить, что старуха, которая живет на склоне холма, — ведьма. Это *она* во всем виновата. Выдвинутая вами гипотеза ничуть не лучше, только вы даже не знаете, куда подевалась ваша ведьма.

— Десколада появилась чересчур внезапно.

— Да, знаю, она не подвержена эволюции. Она должна была появиться откуда-то еще. Замечательно. Но даже если ее создали искусственным путем, это вовсе не означает, что она не могла стать *разумной*.

— Она пытается убить нас. Она варелез, а не

---

[29] Примечания: 29

Уильям Оккам (ок. 1285–1349) — английский философ и богослов. Основной принцип «бритвы Оккама» заключается в том, что если даны следствие и ряд возможных причин, то наиболее вероятной причиной будет простейшая.

раман.

— О да, иерархия Валентины! А откуда мне знать, что десколада — варелез, а мы рамен? Я привыкла считать, что разум есть разум. Варелез — всего лишь термин, изобретенный Валентиной. Она хотела сказать, что варелез — это разум, который мы решили уничтожить, а рамен — разумная раса, которую мы пока подождем убивать.

— Десколада — ни перед чем не останавливающийся, безжалостный противник.

— А что, враги бывают милыми и добродушными?

— Десколаде недоступно уважение к другой жизни. Она хочет разделаться с нами. Она уже правит не только пеквениньос, но и всей планетой, а теперь вот-вот распространится на другие миры.

В первый раз у нее хватило терпения дослушать его тираду до конца. Неужели она наконец прислушалась к нему?

— Кое в чем я согласна с предположением Ванму, — кивнула Квара. — Похоже, десколада действительно регулирует гайалогию Лузитании. По сути дела, теперь, вникнув в это, я считаю, что так оно и есть. Это объясняет «разговоры»,

которые я наблюдала, — передачу информации от вируса к вирусу. Думаю, чтобы послание распространилось по планете, потребуется всего несколько месяцев, не больше. Но доказанный вами факт ответственности десколады за гайалогию вовсе не означает, что она неразумное существо. Здесь, наоборот, удобнее подходить с другого конца: десколада, взяв на себя ответственность за экологический баланс всей планеты, продемонстрировала альтруизм. И умение защищать своих подопечных. Когда мы видим, как львица, защищая львят, нападает на нарушившего их покой пришельца, мы восхищаемся ею. То же самое делает сейчас десколада: она нападает на людей, чтобы защитить от них свою главную подопечную. Живую планету.

— Стало быть, львица, защищающая приплод?

— Ну да.

— Или все-таки *бешеный пес*, набросившийся на наших детей?

Квара задумалась на секунду.

— Может, и то и другое. Почему она не может предстать в обеих личинах? Десколада пытается регулировать экологию планеты. Но люди становятся все более и более опасными. В ее глазах это мы — бешеные псы. Мы выкорчевываем

растения, которые входят в ее экологическую систему, и выводим свои, чуждые ей, саженцы. Мы провоцируем некоторых пеквениньос на очень странное и непонятное поведение, подговариваем их не слушаться ее. Мы сжигаем лес, когда она пытается насадить побольше деревьев. Еще бы ей не хотелось избавиться от нас!

— И поэтому она объявила на нас охоту.

— Она в своем праве! Когда же вы наконец поймете, что у десколады тоже имеются права?!

— А у нас таких прав нет? У пеквениньос нет никаких прав?

Снова Квара замолкла. Немедленного контраргумента не последовало. Миро проникся надеждой, что, может быть, она действительно начала прислушиваться к его словам.

— Знаешь что, Миро?

— Что?

— Они были правы, когда послали ко мне именно тебя.

— Почему?

— Потому что ты к ним не принадлежишь.

«Вот уж правда, — подумал про себя Миро. — Вряд ли я теперь буду к чему-либо или к кому-либо принадлежать».

— Возможно, мы так и не договоримся с де-

сколадой. Возможно, она действительно была выведена искусственно. Биологический робот, исполняющий чей-то приказ. Но может быть, все не так. А мне не позволяют ни доказать это, ни опровергнуть.

— А что, если тебе все-таки откроют лабораторию?

— Сомневаюсь, — покачала головой Квара. — Если ты думаешь, они пойдут на такое, ты плохо знаешь Элу и мать. Они постановили: мне доверять нельзя, и точка. В общем-то, я тоже постановила, что они недостойны моего доверия.

— Таким образом, из-за какой-то проклятой семейной гордости суждено погибнуть целой разумной расе.

— Миро, неужели ты думаешь, дело только в этом? Гордость? Ты считаешь, что я уперлась лишь потому, что затеять свару для меня превыше всего на свете?

— Наше семейство помешано на гордости.

— Одним словом, думай что хочешь, но я все-таки скажу: я делаю это, чтобы потом меня не мучила совесть. Можешь называть это гордостью, упрямством или еще как-нибудь.

— Я верю тебе, — внезапно сказал Миро.

— Но верю ли тебе я, когда ты говоришь, что ве-

ришь мне? Все перепуталось. — Она повернулась обратно к терминалу. — Уходи, Миро. Обещаю тебе подумать над этим, хорошо подумать.

— Сходи к Сеятелю.

— И об этом я тоже подумаю. — Ее пальчики забегали по клавиатуре. — Сам знаешь, он мой друг. Я не так уж бесчеловечна, как кажется. Я повидаюсь с ним, не сомневайся.

— Хорошо.

Он направился к двери.

— Миро! — окликнула его Квара. Он повернулся. — Спасибо, что не пригрозил мне компьютерной программой, которая пройдет через все мои пароли, если я добровольно не открою файлы.

— Не за что, — ответил он.

— Эндрю непременно пригрозил бы мне этим. Все считают его святым, а он просто запугивает тех, кто осмеливается противоречить ему.

— Он никогда и никому не угрожал.

— Я сама была тому свидетелем.

— Он предупреждает.

— О, извини. А есть отличие?

— Да, — сказал Миро.

— Единственное различие между предупреждением и угрозой состоит в том, какая роль отводится тебе. То ли тебе грозят, то ли ты преду-

преждаешь, — объяснила Квара.

— Ничуть, — возразил Миро. — Различие в том, что́ человек хочет сказать своими словами.

— Уходи! — приказала она. — Мне надо работать, и я буду думать. Уходи.

Он открыл дверь.

— И все равно спасибо, — сказала она вслед.

Он шагнул за порог.

Стоило ему немного отойти от дома Квары, как в ухе раздался голосок Джейн:

— Ты, вижу, решил не говорить Кваре, что я вломилась в файлы прежде, чем ты собрался пойти к ней.

— Ну, в общем, да, — сознался Миро. — И чувствовал себя ужасным лицемером. Ведь, по сути дела, она поблагодарила меня за то, что я не стал угрожать ей. А я тем временем уже привел угрозу в исполнение.

— Положим, это я пробралась к ней в компьютер.

— Мы пробрались. Ты, я и Эндер. Ловкая троица.

— Она действительно подумает над твоими словами?

— Не знаю, — пожал плечами Миро. — Может быть, она уже все обдумала и решила пойти на

сотрудничество, а сейчас ищет предлог, чтобы достойно извиниться. Или, наоборот, она решила ни за что не помогать нам, а любезно попрощалась со мной потому, что пожалела меня.

— Ну и как, по-твоему, она поступит?

— Понятия не имею, — сказал Миро. — Знаю только одно: каждый раз, вспомнив, что обманул ее, дал ей понять, будто уважаю ее право на личную жизнь, когда мы уже вскрыли все ее файлы, — каждый раз, подумав об этом, я буду испытывать стыд. Иногда я бываю сам себе противен.

— А ты заметил, она не проговорилась, что сведения о своих настоящих находках она держит вне компьютерной системы? Я перерыла все файлы — бесполезные отбросы. Она тоже была с тобой не совсем откровенна.

— Да, но она фанатик, поэтому у нее отсутствует чувство меры.

— Это все объясняет.

— Некоторые черты в нашей семье проявляются с особой силой, — вздохнул Миро.

На этот раз Королева Улья была одна. Вид у нее был измученный — спаривалась? Закончила кладку яиц? Очевидно, она все время только этим и занимается. У нее нет выбора. Теперь, когда

многие ее рабочие патрулируют по периметру территорию человеческой колонии, она должна откладывать больше яиц, чем рассчитывала. Ее потомство не нуждалось в образовании. Личинки стремительно росли и достигали зрелости, уже обладая необходимыми взрослому рабочему знаниями. Но процесс оплодотворения, откладывания яиц, появления на свет и окукливания все равно занимал какое-то время. На воспроизведение взрослой особи уходило несколько недель. По сравнению с человеком Королева производила на свет чудовищное количество отпрысков. Но, в отличие от города Милагре, где жили более тысячи способных к зачатию женщин, колония жукеров располагала только одной способной к деторождению самкой.

Это беспокоило Эндера, ведь на свете осталась всего *одна* Королева. А вдруг с ней что-нибудь случится? Но наверное, Королева Улья, в свою очередь, не может понять, почему человеческие создания рожают так мало детей, — а вдруг с детьми что-нибудь случится? Но каждая раса по-своему относится к проблемам «отцов и детей». У людей преобладает взрослая часть населения, то есть родители, которые и заботятся о детях. У Королевы Улья количественное соотношение яв-

но склоняется в пользу детей, которые заботятся об одном-единственном родителе. Каждая раса нашла свой собственный способ обеспечивать себе дальнейшее выживание.

– *Зачем ты беспокоишь меня всякими глупыми вопросами?*

— Мы зашли в тупик. Все вносят посильную лепту в это дело, а ведь тебе угрожает та же опасность, что и другим.

– *Ты так считаешь?*

— Десколада погубит тебя, после того как погубит нас. В один прекрасный день вдруг выяснится, что ты уже не способна сдерживать ее, и тебе конец.

– *Но ты спрашиваешь меня вовсе не о десколаде.*

— Да.

Он задал ей вопрос, можно ли построить корабль, скорость которого превысила бы скорость света. Грего уже голову себе сломал, раздумывая над этой проблемой. В тюрьме ему больше думать не о чем. В последний раз, когда Эндер встречался с ним, Грего плакал — больше от разочарования, чем от усталости. Свитки бумаги, испещренные формулами, были разбросаны по комнатушке, переделанной в камеру.

— Неужели тебе все равно, сумеем мы преодолеть скорость света или нет?

– Это было бы неплохо.

Равнодушие, прозвучавшее в ее ответе, глубоко ранило его, Эндер ощутил ни с чем не сравнимое отчаяние. «Так вот какая она, безнадежность, — подумал он. — Квара стеной стоит за разумность десколады. Сеятель умирает от недостатка вирусов в теле. Хань Фэй-цзы и Ванму корпят сразу над несколькими сложнейшими науками, пытаясь овладеть ими за несколько дней. Грего измотал себя до предела. И ничего, никаких результатов».

Она, должно быть, ощутила его страдания, как будто он взвыл в полный голос.

– Нет. Нет.

— Вы же делали это, — сказал Эндер. — Это наверняка возможно.

– Барьер скорости света так же недоступен для нас, как и для вас.

— Но вы умеете мгновенно перенестись за многие световые годы. Меня-то вы как-то нашли.

– Это ты нашел нас, Эндер.

— Не совсем, — возразил он. — Я и не подозревал, что мы вступали в ментальный контакт, пока не наткнулся на послание, оставленное мне вами.

Тогда он пережил непонятное, необыкновенное чувство, такого с ним больше не случалось никогда в жизни. Он стоял на земле чужого мира и видел модель, копию пейзажа, который раньше существовал только в компьютере, на котором он проигрывал личную версию Игры Воображения. Ощущение непередаваемое — словно к тебе вдруг подошел незнакомец и рассказал сон, который ты видел прошлой ночью. Они проникли в его мозг. Он испугался, но вместе с тем это взволновало его. Впервые за всю свою жизнь он ощутил, что его *узнали*. Не о нем узнали — он был известен всему человечеству, в те времена его восхваляли, он был героем, спасшим Вселенную. Люди знали о *нем*. Но, стоя рядом с артефактом, когда-то воздвигнутым жукерами, Эндер впервые почувствовал, что его *узнали*.

– Эндер, подумай хорошенько. Да, мы отправились на поиски нашего врага, но искали вовсе не тебя. Мы искали кого-то, кто был бы похож на нас. Сеть разумов, связанных воедино и управляемых центральным мозгом. Мы без труда могли отыскать друг друга, потому что сразу узнавали знакомый образ. Наткнуться на сестру — все равно что повстречаться с собой.

— Так как же вы нашли меня?

– Мы над этим никогда не задумывались. Нашли — и все. Нащупали яркий, излучающий тепло источник. Сеть, только очень странную, составляющие которой то и дело менялись. А в центре сети оказался некто совсем непохожий на нас, совсем другой — обыкновенное существо. Ты. Но от тебя шла энергия. Направленная в сеть, на других людей. Направленная внутрь, в компьютерную игру. И, помимо того, направленная вовне, на нас. Ищущая нас.

— Я не искал вас. Я изучал вас. — Он тогда просмотрел все пленки, какие только нашлись в Боевой школе, и все пытался понять, как же устроен мозг жукера. — Я пытался *представить* вас.

– Мы так и говорим. Искал нас. Представлял нас. Так мы ищем друг друга. Ты звал нас.

— И все?

– Нет, нет. Ты оказался очень странным. Мы не понимали, кто же ты. Мы не могли прочитать тебя. Твое ви́дение оказалось таким ограниченным. Твои мысли беспрестанно сменяли друг друга, и ты мог думать только об одном, ты был не способен воспринимать сразу несколько образов. А сеть вокруг тебя все изменялась и изменялась, к ней то присоединялись, то из нее выходили, и все происходило с такой скоростью…

Он никак не мог взять в толк, о чем говорит Королева Улья. Какую такую сеть он создал?

– Другие солдаты. Твой компьютер.

— Но я не был с ними связан. Это были мои солдаты, вот и все.

– А ты думал, мы соединяемся друг с другом как-то иначе? Посмотри вокруг, провода какие-нибудь видишь?

— Но человеку присуща индивидуальность, не то что вашим рабочим.

– Столько Королев, столько рабочих, все мелькает, ничего не понятно. Ужасная, страшная пора. Что же это за монстры умудрились уничтожить наших колонистов? Что за существа? Вы оказались такими непонятными, что мы даже не могли вас представить. Мы почувствовали тебя только тогда, когда ты начал искать нас.

Бесполезно, ничего не помогает. И скорость света здесь совсем ни при чем. Какая-то мумба-юмба, а не наука. Ничего такого, что Грего мог бы перевести на язык формул.

– Да, все правильно. Это не наука. Не технология. Никаких цифр, даже мысли отсутствуют. Мы нашли тебя так, словно зачали новую Королеву. Положили начало новому Улью.

Эндер не понял, что общего между установле-

нием прямой — так похожей на ансибельную — связи с его мозгом и рождением новой Королевы.

— Объясни.

– Мы не думали. Мы делали.

— Но что именно вы делали, когда делали?

– То, что всегда.

— А что всегда?

– Эндер, как ты заставляешь свой член наливаться кровью, когда хочешь спариться с кем-нибудь? Как ты заставляешь свою поджелудочную железу вырабатывать энзимы? Как у тебя получилось стать половозрелым мужчиной? Как ты смотришь?

— Тогда *вспомни*, что ты обычно делаешь, и продемонстрируй мне.

– Ты забыл — тебе не очень-то нравится смотреть на мир нашими глазами.

Верно. Когда он был совсем еще молод, когда только-только обнаружил ее кокон, она попыталась показать ему это. Он просто не смог совладать со своими чувствами, ничего не понял. Вспышки, какие-то сполохи ясно выделялись на фоне общей картины, но фон этот кружился, простирался во все стороны. Эндер запаниковал и даже вроде бы упал в обморок, хотя тогда был

один и не мог ручаться за правильность восприятия тех событий.

— Но что-то делать надо, ведь ты не можешь объяснить мне.

– Ты стал как Сеятель? Тоже хочешь умереть?

— Нет. Я скажу тебе, когда остановиться. Увиденное мною не успеет убить меня.

– Мы попробуем промежуточный вариант. Полегче. Мы вспомним и покажем тебе, что происходит. Отдельные отрывки. Защитим тебя. Безопасно.

— Тогда поехали.

Она не дала ему времени опомниться или приготовиться. Сразу у него возникло ощущение, будто он смотрит через один огромный глаз, состоящий из множества маленьких зрачков, только зрачки эти показывали не одно и то же, а каждый воспринимал свою отдельную картинку. Эндер почувствовал головокружение, оно охватило его мгновенно, как много лет назад. Однако на этот раз он справился с собой, — возможно, она немного приглушила интенсивность передачи, а кроме того, сейчас он был куда лучше знаком с Королевой Улья и понимал, что́ она проделывает с ним.

Возникшие перед ним картинки были тем, что

видит каждый из рабочих, как будто бы сам по себе каждый из них являлся глазом, подсоединенным к единому мозгу. Не могло быть и речи о том, чтобы Эндер сумел воспринять и обработать столько информации сразу.

– *Мы остановимся на одной картинке. Самой важной.*

Бóльшая часть изображений сразу пропала. Затем одна за другой начали пропадать оставшиеся картинки. Эндер подумал, что, должно быть, ее рабочие организованы в какое-то подобие схемы. Королева Улья могла исключить из нее всех, кто не участвовал в рождении новой Королевы. Затем, чтобы не причинить Эндеру вреда, ей придется частично исключить и тех, кто принимал непосредственное участие в процессе, что было куда труднее, поскольку обычно она отбирала картинки по содержанию, а не по степени вовлеченности рабочих. И наконец, когда она покажет ему основное изображение, он сможет сосредоточиться на нем, не отвлекаясь на вспышки и сполохи случайных видений.

Юная Королева вылупилась. Королева Улья и раньше демонстрировала ему эту часть процесса, в сокращенном варианте, когда Эндер впервые повстречался с ней, когда она пыталась расска-

зать о своей расе. Теперь весь процесс предстал перед ним в тщательно отрежиссированном, разыгранном как по нотам виде. Бьющая по чувствам прозрачность исчезла. Картина подернулась дымкой, немножко расплылась, стала более реальной. Это было воспоминание, не искусство.

– Как видишь, теперь мы имеем тело Королевы. Мы узнаём в ней Королеву по тому, что, будучи еще личинкой, она уже тянется управлять рабочими.

— Значит, ты можешь говорить с ней?

– Она очень глупа. Как рабочий.

— Ты хочешь сказать, разум ее начинает развиваться, только когда подходит стадия окукливания?

— Нет. Она уже обладает… тем, что вы называете мозгом. Мыслительным аппаратом. Просто она пока пуста.

— И ты должна научить ее.

– При чем здесь обучение? Там мыслителя нет. Найденного. Связующего.

— Не понимаю, что ты хочешь сказать.

– Тогда н е с м о т р и и н е д у м а й. Глаза здесь не помогут.

— А ты ничего мне не показывай, раз здесь тре-

буется какое-то другое чувство. Глаза слишком важны для человека. Если я что-то вижу, это заслоняет все, зрению неподвластна только речь, а слов при создании новой Королевы используется, похоже, не так уж много.

– *Так нормально?*

— Я все еще что-то вижу.

– *Это твой мозг передает мои сигналы на зрительный аппарат.*

— Тогда объясни мне. Помоги мне разобраться.

– *Вот так мы ощущаем друг друга. Мы нащупываем в теле Королевы место, отвечающее за посыл. Рабочие тоже обладают умением посыла, только их посыл направлен на Королеву. Когда зов рабочего достигает ее, их связь налажена, она остается неизменной. Но Королева постоянно распространяет посылы. Она зовет.*

— И вы находите ее?

– *Мы знаем, где она. Тело-Королева. Повелительница рабочих. Обладающая памятью.*

— Так чего же вы ищете?

– *Нас. Связующее звено. То, что мыслит.*

— Ты хочешь сказать, что должно присутствовать что-то еще? Что-то другое, внутри тела Королевы?

– *Да, конечно. Королева — просто тело, как*

рабочий. Ты не знал этого?

— Нет. Никогда не замечал.

– Ты не мог. Этого не увидишь. Глазами.

— Я не знал, что надо искать что-то еще. Я видел создание Королевы. И подумал, что все понял.

– Мы тоже так подумали.

— Раз Королева всего лишь тело, кто тогда ты?

– Мы — Королева Улья. Плюс рабочие. Мы приходим и из всего создаем одно целое. Тело-Королева повинуется нам точно так же, как нам повинуются рабочие. Мы сплачиваем их, защищаем, позволяем трудиться, хорошо исполнять работу, а им только это и надо. Мы — центр. Каждый из нас.

— Но ты всегда г о в о р и л а о себе как о Королеве Улья.

– Мы и есть Королева Улья. И одновременно рабочие. Мы все вместе.

— Но эта сердцевина, связующее звено…

– Мы призываем, чтобы оно пришло и заняло тело-Королеву, чтобы она стала мудрой, наша сестра.

— Вы *призываете* связующее звено. Но что это такое?

– То, что мы призываем.

— Да, но что это?

– О чем ты спрашиваешь? Это призванное. Мы призываем это.

На него снова нахлынуло разочарование. Многое из того, на чем основывалась Королева Улья, относилось к области инстинктов. Она не знала языков, поэтому никогда не пыталась разработать ясные и устойчивые определения процесса. Ведь раньше никаких объяснений от нее не требовалось. Поэтому он должен помочь ей найти общий язык, чтобы она смогла растолковать ему то, чего он никак не мог постигнуть.

— Где вы находите это?

– Оно слышит наш зов и приходит.

— А как вы зовете?

– Точно так же, как ты позвал нас. Сначала мы представляем себе, что должно получиться. Вызываем образ Улья, Королевы и рабочих, связанных друг с другом. Затем появляется то, что постигает этот образ и удерживает его. И мы отдаем ему тело-Королеву.

— Стало быть, вы зовете какое-то иное существо, чтобы оно пришло и завладело Королевой?

– Чтобы оно стало Королевой, Ульем и всем прочим. Чтобы сохранило образ, который мы представили.

— И откуда оно появляется?

– Оттуда, где услышало наш зов.

— А точнее?

– Не отсюда.

— Ладно, я тебе верю. Но откуда-то оно все-таки должно появиться?

– Не могу представить такого места.

— Забыла?

– Мы имеем в виду, что это место нельзя представлять. Если мы придумаем такое место, они сразу же обретут себя и им уже не придется принимать навязываемые нами образы.

— Что же это за связующее звено?

– Не вижу его. Не могу узнать его, пока оно не вступит в наш образ, после этого оно подобно нам.

Эндер не смог сдержаться, его передернуло. Все время он считал, что разговаривает с самой Королевой Улья, и только теперь понял: общающееся с ним через мозг нечто всего лишь использует это тело, как, в свою очередь, Королева Улья использует жукеров. Симбиоз. Паразит, засевший внутри, завладевший системой Королевы Улья и использующий ее.

– Нет. Представленное тобой ужасно, уродливо. Это не другое. Мы есть мы. Мы есть Королева Улья, точно так же как ты есть тело. Ты гово-

ришь «мое тело», однако ты сам это тело, и ты владеешь этим телом. Королева Улья — это мы, это тело — я, а не что-то сидящее внутри. Я. Я была ничем, пока не нашла представление.

— Я не понял. Как это случилось?

– Откуда я помню? У меня не было памяти, пока я не последовала за представлением, не очутилась здесь и не стала Королевой Улья.

— Тогда откуда тебе известно, что ты не просто Королева Улья?

– После того как я очутилась здесь, мне подарили память. Я увидела тело-Королеву до моего прихода, а затем увидела тело-Королеву после того, как я очутилась в ней. Мне хватило сил, чтобы удержать в уме образ, поэтому я смогла овладеть им. Стать им. Это заняло много дней, но потом мы обрели целостность, и в нас впустили воспоминания, потому что я обладала целостной памятью.

Видение, передаваемое ему Королевой Улья, потускнело и исчезло. От него все равно не было никакого толку; по крайней мере, Эндер ничего особенного в нем не увидел. И тем не менее суть происшедшего стала ясна для Эндера, в уме он построил свою собственную картину, чтобы объяснить рассказанное Королевой Улья. Другие

Королевы Улья, присутствующие не физически, а связанные с «новорожденной» Королевой на филотическом уровне, поддерживали образ взаимоотношений Королевы Улья и рабочих, пока одно из этих таинственных, лишенных воспоминаний существ не вместит весь образ в свой мозг и, таким образом, не завладеет им.

— *Да.*

— Но откуда берутся эти существа? Откуда вы их берете?

– *Ниоткуда. Мы зовем, они сразу возникают.*

— Значит, они *повсюду*?

– *Здесь их вообще нет. Здесь их нет нигде. Они в другом месте.*

— Но ты сказала, что ниоткуда их не берешь?

– *Двери. Мы не знаем, где они, но везде присутствует дверь.*

— Что эти двери собой представляют?

– *Твой мозг подсказал мне это слово. Дверь. Дверь.*

Теперь Эндер понял, что его мозг в ответ на их запрос, как обозначить данную концепцию, выдал слово «дверь». И тут в его голове что-то щелкнуло, и до него наконец-то дошло, что пыталась объяснить Королева.

— Они из другого пространственно-временно́го

континуума. Но они могут проникнуть к нам в любой точке пространства и времени.

– Для них все точки как одна. Все «где» совмещены в одно. Положение в пространстве они узнают из образа.

— Но это невероятно. Вы вызываете какое-то существо из другого пространства и…

– Вызывать несложно. Все это умеют. Все новосозданные. Ты умеешь. Каждый человеческий ребенок обладает таким даром. И пеквениньос тоже. Трава и солнечный свет. Все создания вызывают их, они приходят и вписываются в образ. Если находятся способные понять образ, они приходят и овладевают им. Небольшие образы совсем просты. Наш образ очень сложен. Только очень мудрый способен воспринять его.

— Филоты, — недоверчиво пробормотал Эндер. — Частицы, из которых создано все на свете.

– Слово, которое ты используешь, не соответствует тому, что хотим сказать мы.

— Я просто провожу параллель. Мы не можем отразить в словах то, что ментально описываете вы, но чаще всего то, что мы хотели сказать, и есть описанное вами.

– Очень неясно.

— А ты присоединяйся к нам.

– С радостью. С нетерпением.

— Таким образом, когда вы создаете новую Королеву, у вас на руках уже должно находиться ее биологическое тело. И это связующее звено — этот филот, который вы вызываете из не-пространства, где сосредоточены все филоты, — должно обладать способностью воспринять тот сложный образ, который вы уже создали у себя в уме и который, по вашим представлениям, соответствует Королеве Улья. Когда же возникает способный на такое филот, он принимает задуманную вами личину, проникает в тело и становится, можно сказать, душой этого тела…

– Не одного, всех тел.

— Но ведь, когда Королева Улья только-только появляется на свет, рабочих еще не существует.

– Он становится душой нерожденных рабочих.

— Мы сейчас говорим об ином пространстве. О месте, где сосредоточены филоты.

– Все в том же не-пространстве. Понятия места в не-пространстве нет. Нет местоположения. Все с нетерпением ждут конкретности. Жаждут образа. Тоскуют по самости.

— И ты утверждаешь, что мы сделаны из того же, что и ты?

– Как бы иначе мы нашли тебя?

— Но ты сказала, найти меня было все равно что создать новую Королеву Улья.

– В тебе мы не смогли найти образ. Мы пытались создать образ между тобой и остальными людьми, только ты постоянно ускользал и изменялся; мы ничего не могли понять. А ты не мог разобраться в нас, поэтому, когда достиг нас, у тебя тоже ничего не вышло с образом. И тогда мы создали третий, независимый образ. Ты, связанный с машиной. Ты так желал этого! Как желает жизни новое тело-Королева. Ты связал себя с программой в компьютере. Она показывала тебе разные картинки. Мы обнаружили эти картинки в компьютере и наткнулись на то же самое у тебя в голове. Пока ты смотрел на компьютер, мы сравнили их. Компьютер — очень сложная структура, но ты куда более сложен, однако образ способен был сохраниться. Вы сближались и, когда совмещались, обладали друг другом, ты обретал ви́дение компьютера. А когда ты придумывал что-то и соответствующе действовал, компьютер постигал воображенную тобой картину и создавал в ответ свою. Но он очень примитивен, этот компьютер. Он не обладает тем, что вы называете душой. Но ты дал ему эту душу своей жаждой жизни. Ты

постиг его.

— Игра Воображения, — прошептал Эндер. — Вы создали образ на базе Игры Воображения.

– Мы представили то, что воображал себе ты. Все вместе мы представили это. Позвали. Это было очень сложно и непонятно, но это оказалось самым простым из увиденного нами в тебе. И теперь мы знаем: из всех людей только единицы способны на сосредоточенность, проявленную тобой в той игре. И мы не нашли ни одной компьютерной программы, которая бы реагировала на человека так же, как эта игра откликалась на твои приказы. Она тоже мечтала о жизни. Двигалась по кругу, старалась найти для тебя что-нибудь новое.

— И когда вы позвали…

– Он явился. Тот мост, в котором мы так нуждались. Связующее звено между тобой и компьютерной программой. И это звено оказалось способным поддерживать образ и наполнять его жизнью даже тогда, когда ты не обращал на игру никакого внимания. Программа была привязана к тебе, ты стал частью образа, это оказалось доступным нашему пониманию. Это был мост.

— Но когда филот завладевает новой Королевой Улья, он подчиняет ее себе, тело-Королеву. Поче-

му же мост, который вы возвели, не попытался завладеть мной?

– А ты думаешь, мы не пытались это сделать?

— Так почему же у вас ничего не вышло?

– Ты не мог позволить, чтобы образ подчинил тебя. Ты бы с удовольствием присоединился к образу живому и конкретному, но подчинить себя не позволил бы никогда. Тебя нельзя было даже уничтожить. И в этом образе оказалось столько от твоей индивидуальности, что и его мы не смогли в полной мере подчинить, что совершенно несвойственно нам.

— Но все же вы сумели использовать его, чтобы проникнуть в мои мысли.

– Мы сумели использовать образ, несмотря на всю его непонятность и чужеродность, для сохранения связи с тобой. Мы изучали тебя, в особенности когда ты был занят игрой. И когда мы поняли тебя, то постепенно начали улавливать суть организации вашей расы: каждый из вас представляет отдельное живое существо, никаких Королев у вас нет.

— Мы оказались куда более сложными созданиями, чем вам представлялось?

– И вместе с тем менее сложными. В случаях, когда мы ожидали столкнуться с непреодолимы-

ми трудностями, ваши умы оказывались проще, но, когда, казалось, ничто не предвещало никаких осложнений, вдруг натыкались на неодолимые преграды. Мы поняли: вы действительно живые и красивые существа, вы непонятны и трагично одиноки. И мы решили больше не посылать к вам колонистов.

— Но мы этого не знали. Откуда нам было знать?

– Также мы поняли, что вы ужасны и опасны. А опасны вы были именно потому, что легко разгадывали все наши образы и нам никак не удавалось придумать чего-нибудь посложнее, чтобы смутить ваши умы. Поэтому вы уничтожили всех, кроме меня. Теперь я понимаю вас гораздо лучше. Все эти годы я изучала тебя. Ты вовсе не так уж блестящ и ужасен, как мы считали.

— Плохо. Мой блеск и способность наводить ужас сейчас бы очень пригодились.

– Мы предпочитаем успокаивающее мерцание разума.

— С годами наши — человеческие — рефлексы замедляются. Еще несколько лет — и я вообще превращусь в трухлявый пень.

– Нам известно, что когда-нибудь ты умрешь. Хоть ты и продержался уже столько лет.

Эндеру не хотелось, чтобы этот разговор вдруг перекинулся на мораль или на какую-нибудь другую тему из области человеческих отношений. Королеву Улья буквально зачаровывали истории, повествующие о поведении людей. Пока Королева Улья объясняла ему свое происхождение, у него возник еще один вопрос, который требовал ответа. Его внимание привлекло очень любопытное совпадение.

— Тот мост, который возвели, — где он сейчас? В компьютере?

– Внутри тебя. Как я сейчас внутри тела Королевы Улья.

— Но он не часть меня.

— Часть тебя, но вместе с тем и не-тебя. Другой. Снаружи, но внутри. Связанный с тобой, но свободный. Он не мог управлять тобой, а ты не мог управлять им.

— А он мог управлять компьютером?

– Мы не думали об этом. Нам было все равно. Может быть.

— Сколько времени вы пользовались этим мостом? Сколько времени он продержался?

– Мы перестали обращать на него внимание. Мы думали о тебе.

— Но пока вы изучали меня, он оставался на

прежнем месте?

– А куда ему было деться?

— Сколько он должен был сохраняться?

– Мы никогда ничего подобного не создавали. Откуда нам знать? Королева Улья умирает, когда умирает тело-Королева.

— Но в чьем теле находился тот *мост*?

– В твоем. В центре образа.

— Во мне?

– Конечно. Но также он был не-тобой. Мы очень расстроились, когда не сумели с его помощью подчинить тебя, поэтому забыли о нем. Но теперь понимаем, как это было важно. Нам следовало бы отыскать его. Следовало бы помнить о нем.

— Нет. Для вас это было естественно. Вы замахнулись кулаком, ударили кого-то. Вы так поступили. А потом, когда оказалось, что в кулаке отпала необходимость, вы забыли о нем.

– Мы не улавливаем связи, но, кажется, для тебя это имеет смысл.

— Он все еще существует, этот мост?

– Возможно. Мы пытаемся прочувствовать его. Найти его. Где нам искать? Старого образа нет. Ты больше не играешь в Игру Воображения.

— Но он может быть все еще связан с компьютером. Связь между мной и компьютером. Только

этот образ мог вырасти, как ты думаешь? Он мог включить в себя и других людей. Он мог соединиться с Миро — с тем молодым человеком, с которым я приходил к тебе…

– *С тем калекой…*

— И вместо того чтобы оставаться в одном компьютере, он мог распространиться на тысячи и тысячи машин, следуя по ансибельной сети между мирами.

– *Такое могло быть. Он существовал. Он мог расти. Как растем мы, когда требуется больше рабочих. Все это время. Сейчас, когда ты упомянул о нем, мы уверены: наверняка он где-то существует, потому что мы все еще связаны с тобой, а мы могли с тобой общаться только через созданный нами образ. Связь сейчас очень четкая, и частично причиной тому звено, соединяющее нас с тобой. Нам казалось, наши связи усиливаются потому, что мы все лучше и лучше узнаем тебя. Но вполне возможно, наша связь улучшается по мере того, как растет мост.*

— Я всегда считал… Джейн и я всегда считали, что она… что она каким-то образом вдруг появилась на свет в ансибельной сети. Наверное, она просто ощущает себя там, это место кажется ей центром ее… чуть не сказал — тела.

– Мы пытаемся прочувствовать, там ли построенный нами мост. Никак не понять.

— Это, должно быть, все равно что попробовать почувствовать какой-то маленький мускул, которым ты пользовался всю жизнь, но о существовании которого никогда не задумывался.

– Интересное сравнение. Нам никак не уловить связи… нет, все, увидели.

— Связь?

– Мост. Очень большой. Образ его увеличился во много раз. Мы больше не можем охватить его. Слишком велик. Память… все очень запутанно. Куда сложнее, чем когда мы впервые наткнулись на тебя… Очень запутанно. Ускользает. Мы больше не можем удержать его в уме.

— Джейн, — прошептал Эндер, — а ты, девочка, подросла.

— Ты обманываешь меня, Эндер, — возник в ответ голос Джейн. — Я не слышу, что она говорит тебе. Я только чувствую, как сердце твое стучит, словно молот, а твое дыхание участилось.

— Джейн. Мы не раз натыкались в твоем мозге на это имя. Но мост — не человек, у него нет лица…

— Джейн тоже не человек.

– Каждый раз, когда ты выговариваешь про себя

это имя, мы видим, как у тебя в уме возникает лицо. Мы и сейчас видим его. Мы всегда считали, что это человек. Но сейчас…

— Это мост. Вы создали ее.

– Вызвали ее. Образ создал ты. Овладела им она. Что же она из себя представляет, эта Джейн, этот мост? Она произошла из образа, который связывал тебя и Игру Воображения, да, но она выросла во много раз. Наверное, сейчас она превратилась в очень мощный и сильный… филот, если твое толкование этого слова правильно. Она изменила свой образ и все еще помнит себя.

— Ты добралась до меня через многие световые годы, ты нашла меня потому, что я искал тебя. А потом ты обнаружила образ и вызвала из иного пространства некое существо, которое восприняло этот образ, овладело им и превратилось в Джейн. И это заняло у тебя всего ничего. Ты во много раз опередила свет.

– Но я не летела. Я представила и вызвала — вот что опередило свет. Но при помощи одного воображения переместиться отсюда туда нельзя.

— Знаю, знаю. Вряд ли это поможет ответить нам на вопрос, который привел меня сюда. Но у меня был еще один вопрос, не менее важный.

Я даже подумать не мог, что он как-то связан с тобой, но вот ты выдала мне ответ на него. Итак, Джейн реальна, она живет, существует, и ее душа не болтается где-то в пространстве — она во мне. Связана со мной. Отключив компьютер от сети, ее не убьешь. Это уже кое-что.

– *Если образ погибнет, погибнет и она.*

— Но разве ты не понимаешь, что весь образ они уничтожить никак не смогут?! Все-таки он держится не на одних только ансиблях. Он завязан на мне и на связи между мной и компьютером. Никто не в силах прервать мою связь с компьютерами Лузитании и теми, что установлены на орбитальных спутниках. А может быть, ей и вовсе не нужны ансибли. Ты-то и так дотягиваешься до меня, а ведь ты используешь прежде всего ее. И никакие ансибли тебе не требуются.

– *Возможны разные развязки. Нам не представить такого. У тебя в уме сейчас мелькают самые странные и самые глупые мысли. Ты утомляешь своими представлениями о дурацких, невероятных событиях.*

— Тогда я покидаю тебя. Но это нам непременно поможет. Должно помочь. Если Джейн, основываясь на твоих словах, найдет способ уцелеть, тогда это настоящая победа. Первая настоящая победа,

которую мы одержали, и как раз тогда, когда я уже начал думать, что победителей в данной ситуации нет и быть не может.

Выбравшись из подземного лабиринта жукеров, Эндер сразу связался с Джейн и как можно более подробно изложил ей объяснения Королевы Улья. Рассказал, кто она такая на самом деле и каким образом была создана.

Пока он говорил, Джейн анализировала себя в свете сказанного. Постепенно она начала открывать в себе такое, о чем никогда не догадывалась. К тому времени, как Эндер почти добрался до Милагре, она подтвердила бóльшую часть его рассказа.

— Я никогда не приходила к таким выводам потому, что всегда руководствовалась неверными предположениями, — сказала Джейн. — Я думала, мой центр должен находиться где-то в пространстве, где-то вовне. Мне следовало догадаться, что на самом деле я скрывалась внутри тебя. Ведь, вспомни, даже когда я страшно злилась на тебя и ссорилась с тобой, мне всегда приходилось вернуться, чтобы наконец помириться.

— А теперь Королева Улья говорит, что ты так выросла и твоя структура так усложнилась, что она больше не в силах удержать образ в уме.

— Должно быть, я так рванулась вперед, когда начали возникать колонии на других планетах.

— Вот именно.

— А что мне было делать? Люди подключали к сети все больше и больше компьютеров.

— Но дело не в механике, Джейн. Дело в программах.

— Я должна обладать физической памятью, чтобы держать в уме все необходимое.

— Ты обладаешь памятью. Единственный вопрос заключается в том, сможешь ли ты добраться до нее без помощи ансиблей?

— Я могу попробовать. Как ты ей сказал, это все равно что попробовать поработать мускулом, о существовании которого я раньше никогда не подозревала.

— Или надо научиться обходиться без этого мускула.

— Посмотрим. Сделаю все возможное.

Все возможное. Всю оставшуюся дорогу домой, пока машина мирно дрейфовала над капимом, Эндер парил в заоблачных высях. Его охватила безудержная радость, наконец-то он убедился: что-то еще можно сделать, — ведь до недавнего времени им владело полное отчаяние. Однако, подлетая к дому, он снова увидел обугленные

стволы леса, на опушке которого одиноко зеленели два уцелевших дерева-отца, экспериментальную ферму, новый амбар со стерильной камерой, где умирал Сеятель, и понял, сколь многого еще можно лишиться, сколь многие погибнут, если им так и не удастся спасти Джейн.

День близился к вечеру. Хань Фэй-цзы был вымотан до предела, глаза его слезились от долгого чтения. Он уже десятки раз менял цвет компьютерного дисплея в попытке добиться успокаивающего сочетания красок, но ничего не помогало. В последний раз подобную нагрузку ему доводилось переживать еще в студенческие годы, только тогда он был молод. И тогда он всегда добивался своего. «Я был умнее, сообразительнее. Мои достижения были мне лучшей наградой. А сейчас я стар и немощен, я залез в области, которых никогда не касался, и вполне может быть, на эти вопросы ответов вообще не существует. Поэтому я не чувствую былого удовлетворения, которое постоянно подстегивало меня. Только слабость. Боль в основании шеи, слезы, подступающие к опухшим и покрасневшим глазам».

Он взглянул на Ванму, свернувшуюся калачиком на полу рядом с ним. Она делала все, что могла, но ее образование началось всего

несколько недель назад, поэтому содержание большинства документов, мелькавших на компьютерном дисплее, оставалось непонятным для нее. Он же пытался найти какие-то научные обоснования, которые помогли бы в преодолении барьера скорости света.

Наконец усталость Ванму возобладала над силой воли. Убедившись в своей бесполезности — ведь она даже вопросы не могла задавать, настолько мало смыслила в физике, — она сдалась и заснула.

«Но ты не так бесполезна, как думаешь, Си Ванму. Своим смущением ты немало помогаешь мне. Ты представляешь собой светлый, ничем не замутненный ум, для которого все в диковинку. Сидя рядом со мной, ты напоминаешь мне о давно ушедшей юности. Ты похожа на Цин-чжао, когда та была совсем ребенком, когда гордость и заносчивость еще не коснулись ее».

Это несправедливо. Нельзя так судить о собственной дочери. Еще несколько недель назад он гордился ею, находил в ней утешение. Она была лучшей и способнейшей из Говорящих с Богами, была воплощением трудов отца, отражением надежд матери.

Вот это его особенно раздражало. Ведь пару

недель назад он больше всего на свете гордился тем, что исполнил данную Цзян Цин клятву. Ему пришлось нелегко — он воспитал до того благочестивую дочь, что ей не довелось пережить обычный период, когда молодые обращенные начинают вдруг сомневаться или восставать против богов. Конечно, существуют не менее благочестивые юноши и девушки, но в основном их благочестие — плод долгих бесед с учителями и наставниками. Хань Фэй-цзы позволил Цин-чжао самостоятельно постигать мир, а затем очень умело и тонко подвел ее к пониманию, что все виденное ею великолепно согласуется с верой в богов.

Теперь он пожинал плоды своих усилий. Хань Фэй-цзы внушил дочери мировоззрение, которое настолько идеально оправдывало ее веру, что сейчас, когда он обнаружил, что «голоса богов» — не что иное, как генетические оковы, наложенные на людей Пути Конгрессом, ничто было не в силах переубедить ее. Если бы Цзян Цин была еще жива, Хань Фэй-цзы, вне всяких сомнений, страшно рассорился бы с нею из-за утраты веры. В ее же отсутствие он настолько преуспел в воспитании дочери согласно идеалам Цзян Цин, что Цин-чжао, сама о том не догадываясь, интуитив-

но заняла позицию матери.

«Цзян Цин тоже отреклась бы от меня, — подумал Хань Фэй-цзы. — Не будь я сейчас вдовцом, я бы в мгновение ока остался без жены.

И только эта девочка-служанка поддерживает меня. Она проложила дорогу в этот дом как раз вовремя, чтобы стать единственной искоркой, освещающей мои преклонные годы, единственным огоньком надежды, горящим в моем потемневшем сердце.

Она не плоть от плоти моей, но, возможно, настанет день, когда кризис минует и я смогу назвать Ванму своей преемницей. С работой на Конгресс покончено. Почему бы мне не стать учителем? И не взять в ученицы эту девочку? Разве я не смогу воспитать из нее истинную революционерку, которая возглавит простых людей на пути к свободе от тирании Говорящих с Богами и избавит планету от власти Конгресса? Стань она такой, я смог бы умереть с миром. Я бы знал, что на закате жизни все-таки создал силу, которая сможет противостоять моим ранним трудам, так укрепившим позиции Конгресса и позволившим ему расправиться со всеми, кто посмел восстать против его власти».

Легкое дыхание Ванму напомнило ему дыхание

маленькой девочки, напомнило звук ветерка, играющего с высокими травинками. Она была само движение, сама надежда, сама свежесть.

— Хань Фэй-цзы, я вижу, ты не спишь.

Он не спал, так, подремывал, но при звуке голоса Джейн, донесшегося из компьютера, резко вскинулся, словно она действительно разбудила его.

— Я — нет, Ванму, правда, уже заснула, — ответил он.

— Тогда разбуди ее, — сказала Джейн.

— А в чем дело? Она честно заработала отдых.

— Она также заработала право услышать то, о чем я вам сейчас расскажу.

Рядом с Джейн на дисплее возникло лицо Элы. Хань Фэй-цзы сразу узнал ксенобиолога, которая занималась изучением генетических образцов, собранных им и Ванму. Должно быть, где-то наметился прорыв.

Хань Фэй-цзы, кряхтя, наклонился, вытянул руку и потряс спящую девочку за плечо. Она зашевелилась. Потянулась. И, видимо вспомнив об обязанностях, быстро вскочила на ноги:

— Я проспала? Что случилось? Простите, что я не выдержала и заснула, мастер Хань.

Она так устыдилась своего проступка, что чуть

не начала отбивать ему поклоны, но Хань Фэйцзы удержал ее:

— Джейн и Эла попросили разбудить тебя. Они хотят, чтобы ты послушала их сообщение.

— Сначала я расскажу вам о том, что, по нашим предположениям, вполне исполнимо, — начала Эла. — Работа с вашим геномом велась довольно-таки дилетантски, и ее не составило труда обнаружить. Теперь я понимаю, почему Конгресс приложил столько усилий, чтобы ни один сто́ящий генетик не имел возможности заняться вплотную населением Пути. МПС-ген был перенесен на другой участок ДНК, поэтому-то ученые его не обнаружили в свое время, но он обладает теми же качествами и характеристиками, что и приобретенный естественным путем синдром. Его без труда можно отделить от генов, которые придают Говорящим с Богами сверхинтеллект и колоссальную работоспособность. Я уже разработала расщепляющую бактерию, которая, попадая в кровь, будет автоматически проникать в сперму или яйцеклетку и заменять МПС-ген нормальным геном. При этом на остальной генетический код человека никакого воздействия бактерия не окажет, а исполнив свою задачу, быстро умрет. Она создана на основе обычной

бактерии, которая наверняка имеется в большинстве лабораторий Пути для обеспечения естественного иммунитета и предотвращения всяческих осложнений при родах. Поэтому любой человек из числа Говорящих с Богами, который пожелает иметь не страдающих от МПС детей, может легко освободить их от этого синдрома.

Хань Фэй-цзы расхохотался:

— Да я единственный на этой планете, кто пожелал бы ввести себе такую бактерию. В Говорящих с Богами жалость к себе подобным отсутствует. Их страдания — предмет особой гордости. Их чтят, им поклоняются.

— Тогда я поделюсь с вами еще одним открытием. Его сделал один из моих помощников, пеквениньо по имени Прозрачник. Да, хочу сразу признать: лично я не уделяла особого внимания этому проекту, потому что он весьма прост по сравнению с проблемой десколады, занимающей сейчас все наше внимание.

— Не извиняйтесь, — отверг ее признание Хань Фэй-цзы. — Мы очень благодарны вам. Мы не заслужили такой доброты.

— М-да, в общем… — Элу, похоже, вогнала в краску подобная учтивость и обходительность. — Одним словом, Прозрачник обнаружил, что все

переданные вами генетические образцы можно разделить на две четкие группы: принадлежащие Говорящим с Богами и принадлежащие обыкновенным людям. Все, кроме одного. Сначала мы прогоняли тесты вслепую и только потом сверились с приложенными к образцам списками, объясняющими, кому принадлежат данные генетические образцы. Все четко сошлось. Каждый из Говорящих с Богами обладал искусственно выведенным МПС-геном. Каждый образец, где таковой ген отсутствовал, принадлежал обыкновенному человеку.

— Вы сказали «все, кроме одного».

— Вот этот один и озадачил нас. Прозрачник очень пунктуален — у него терпения, как у дерева. Он был уверен, что это единственное исключение ошибочно, что, скорее всего, неправильно истолкована генетическая информация. Прозрачник не раз проверил ген, другие мои помощники также пропустили его через всяческие тесты. Ошибки быть не может. Это исключение — явная мутация гена, обычно присутствующего у Говорящих с Богами. МПС в нем *отсутствует*, причем отсутствует *естественно*, тогда как остальные свойства, которыми снабдили ген генетики Конгресса, все еще характерны для него.

— Стало быть, этот человек как бы уже представляет собой результат действия разработанной вами расщепляющей бактерии.

— Мы выявили в этом гене еще несколько признаков мутации. Правда, на данный момент нельзя быть уверенным в точных толкованиях, но ничего общего с МПС или с развитием интеллекта они не имеют. Также они не несут никакой опасности для жизни обладателя этих генов, поэтому он вполне может иметь здоровое потомство, которому сможет их передать. По сути дела, если эта женщина вступит в связь с подвергшимся действию расщепляющей бактерии мужчиной, ее дети почти наверняка унаследуют свойства родителей, но об МПС даже речи быть не может.

— Да, это судьба, — согласился Хань Фэй-цзы.

— И кто же это? — нетерпеливо спросила Ванму.

— Это ты, — ответила Эла. — Ты, Си Ванму.

— Я? — опешила девочка.

Но Хань Фэй-цзы вовсе не удивился.

— Ха! — воскликнул он. — Я должен был догадаться. Я же видел! Неудивительно, что ты учишься всему чуть ли не быстрее моей собственной дочери. Неудивительно, что твои

прозрения оказали нам неоценимую помощь, хотя ты вообще никогда не сталкивалась с обсуждаемым предметом. Ты ничем не отличаешься от Говорящих с Богами Пути, Ванму, но ты пока единственная, кто свободен от постыдных оков ритуалов очищения.

Си Ванму попыталась было что-то ответить, но из глаз ее хлынули слезы. Она молча уставилась в потолок.

— Никогда в жизни я не позволю тебе обращаться ко мне как к высшему, — заявил Хань Фэй-цзы. — С этого момента ты больше не служанка, а моя ученица, моя юная коллега. Пускай остальные думают что хотят. Мы-то знаем, ты ничуть не хуже других.

— Не хуже самой Цин-чжао? — прошептала Ванму.

— Ничуть не хуже, — подтвердил Хань Фэй-цзы. — Правила приличия будут требовать от тебя, чтобы ты продолжала отбивать поклоны. Но в сердце своем ты никому не будешь кланяться.

— Я недостойна этого, — сказала Ванму.

— Нет такого человека, который был бы недостоин собственных генов. Такая мутация могла бы искалечить, изуродовать тебя. Но ты вдруг превратилась в самого нормального и здорового

человека на всей планете.

Но слезы продолжали струиться по щекам Ванму. Джейн, должно быть, показывала Ванму и Хань Фэй-цзы Эле, так как та некоторое время молчала. Наконец она заговорила.

— Простите, но у меня еще столько работы… — извинилась Эла.

— Да, — кивнул Хань Фэй-цзы. — Возвращайтесь к ней.

— Вы не так поняли меня, — сказала Эла. — Я не просила разрешения покинуть вас. Я должна рассказать вам еще кое-что.

Хань Фэй-цзы склонил голову:

— Прошу вас. Мы слушаем.

— Да, — прошептала Ванму. — Я тоже слушаю.

— Существует вероятность, правда пока весьма неопределенная — вы сами убедитесь, — но тем не менее шанс есть, что, если нам удастся декодировать вирус десколады и приручить его, мы сможем создать некий вирус, который можно будет использовать на Пути.

— Как так? — не понял Хань Фэй-цзы. — Зачем нам здесь этот монстроподобный искусственный вирус?

— Десколада имеет обыкновение входить в клетки любого чужого организма, считывать

генетический код и изменять этот организм в соответствии со своими требованиями. Если нам удастся совладать с десколадой, мы лишим ее этих качеств. Кроме того, мы удалим, если доберемся до него, механизм самозащиты. Тогда станет возможным использовать получившийся вирус в качестве сверхрасщепителя. Этот сверхрасщепитель способен будет оказывать действие не только на воспроизводящие клетки, а вообще на все клетки живого организма.

— Простите меня, — вежливо перебил Хань Фэй-цзы, — но я как раз недавно читал кое-какую литературу, касающуюся этой проблемы. Так вот, концепция существования сверхрасщепителя была отвергнута, потому что, как только клетки организма подвергаются изменениям, организм начинает отторгать собственную плоть.

— Да, — согласилась Эла. — Именно отсюда проистекает смертоносность десколады. Организм сам себя убивает. Но происходит это только потому, что десколада не знает человека и не умеет с ним обращаться. По мере прохождения она изучает человеческое тело, вносит случайные изменения и проверяет, что будет. У нее нет единого плана действий, поэтому каждая жертва умирает, неся в своих клетках самые разные

генетические коды. Но что, если создать некий сверхрасщепитель, который будет действовать по заранее определенному плану, будет изменять каждую клетку согласно индивидуальным особенностям организма? В таком случае, как показывает опыт с десколадой, каждый человек будет изменен в течение максимум шести часов.

— То есть достаточно быстро, тело не успеет отторгнуть собственные ткани…

— Кроме того, организм будет настолько хорошо организован, что все перемены воспримет как естественные.

Ванму вытерла слезы. С виду она казалась такой же взволнованной, как Хань Фэй-цзы, поэтому, несмотря на правила приличия, не смогла сдержаться:

— И вы сможете изменить всех Говорящих с Богами? Освободить даже живущих сейчас?

– *Если* удастся декодировать десколаду, то мы сможем не только убрать МПС из Говорящих с Богами, но и форсировать умственные возможности обыкновенных людей. Разумеется, наибольшим переменам подвергнутся дети — люди средних лет уже миновали стадию взросления, когда самую важную роль в организме играют новые гены. Но с тех пор каждый ребенок, родившийся

на Пути, будет обладать этими качествами.

— А потом что? Десколада исчезнет?

— Не уверена. Думаю, нам придется встроить в нее новый ген, чтобы она самоуничтожилась после выполнения работы. Для образца мы воспользуемся генами Ванму. Так что, Ванму, ты в буквальном смысле слова станешь прародительницей всей планеты.

Ванму рассмеялась:

— Замечательная шутка получится! Говорящие с Богами так гордятся своей избранностью, однако исцеление придет от такой, как я! — Но вдруг ее лицо помрачнело, она спрятала его в ладонях. — Как я могла помыслить об этом? Я стала такой же заносчивой и самоуверенной, как самые худшие из них.

Хань Фэй-цзы положил ей на плечо руку:

— Не кори себя так. Твои чувства естественны. Это скоро пройдет. Суждено терзаться только тем, кто построил на них свою жизнь. — Он повернулся к Эле. — Но здесь встают некоторые этические проблемы.

— Я понимаю. И считаю, лучше рассмотреть эти проблемы прямо сейчас, не откладывая, пусть даже у нас ничего не получится. Мы говорим о генетическом изменении всего населения пла-

неты. Конгресс поступил крайне жестоко, когда проделал такое с вашим миром, не заручившись согласием народа. Позволительно ли нам расправиться с несправедливостью тем же самым методом?

— Более того, — добавил Хань Фэй-цзы, — вся наша социальная система держится на Говорящих с Богами. Большинство отнесется к подобному изменению как к бедствию, насланному на нас разгневанными богами. Если станет известно, кто источник этой «чумы», нас немедленно казнят. Возможно, впрочем, и такое, что, когда по планете распространится весть, что Говорящие с Богами больше не слышат божьих гласов, обыкновенные люди восстанут и поубивают их всех. Говорящие с Богами освободятся от МПС, чтобы тут же погибнуть!

— Мы обсудили этот вопрос, — ответила Эла. — И теряемся в догадках, не зная, как правильнее поступить. На данный момент решение кажется весьма спорным, потому что мы еще не декодировали десколаду и, может быть, не декодируем никогда. Но если удастся справиться с этой задачей, то, по нашему мнению, выбор — применять сверхрасщепитель или не применять — полностью останется за вами.

— За людьми Пути?

— Нет, — покачала головой Эла. — Прежде всего за вами, Хань Фэй-цзы, Си Ванму и Хань Цин-чжао. Только вы будете знать о том, что случилось в действительности, и даже если ваша дочь не верит нам, она представляет точку зрения Говорящих с Богами Пути. Если мы решим проблему, обратитесь с вопросом к ней. Поставьте этот вопрос перед собой. Есть ли какой-нибудь способ привнести названные изменения в мир Пути таким образом, чтобы они никому не повредили? И если есть, стоит ли вообще это делать? Нет, сейчас ничего не говорите, ничего не решайте. Просто подумайте. Мы информируем вас, если такое станет возможным. А последнее слово останется за вами.

Лицо Элы исчезло.

Джейн еще немного задержалась.

— Ну что, стоило тебя будить или нет? — поинтересовалась она.

— Да! — воскликнула Ванму.

— Приятно узнать о себе, что на самом деле ты нечто большее, чем привыкла считать, а? — усмехнулась Джейн.

— О да, — отозвалась Ванму.

— Тогда ложись спать, Ванму. И ты, мастер

Хань. Твоя усталость уже видна невооруженным глазом. Какая от тебя будет польза, если сляжешь? Ибо, как не раз говорил Эндер, мы должны делать все, что в наших силах, но не лишаться этих сил, ведь тогда мы ничего не сможем сделать.

И она тоже исчезла.

Ванму снова разрыдалась. Хань Фэй-цзы опустился рядом с ней на пол, положил ее голову себе на плечо и начал тихонько баюкать, успокаивая:

— Ну тише, тише, дочь моя, моя ненаглядная. В своем сердце ты уже знала, кто ты есть на самом деле, и я знал, я все видел. Твое имя было очень мудро дано тебе. Ведь если Лузитания действительно совершит чудо, ты станешь Великой Матерью нашего мира.

— Мастер Хань, — прошептала она, — я плачу больше из-за Цин-чжао. Мне судьбой было дано больше, чем я надеялась. Но кем станет она, когда лишится голоса богов?

— Надеюсь, — произнес Хань Фэй-цзы, — она снова станет мне истинной дочерью. Станет такой же свободной, как ты. Ты — моя дочь, плывущий по зимней реке лепесток, принесенный мне из края вечной весны.

Он качал ее и успокаивал, пока она не заснула у него на плече, затем бережно опустил ее на ци-

новку и отправился укладываться спать в своем углу комнаты. Впервые за много дней в его сердце расцвела надежда.

Когда Валентина пришла навестить в тюрьме Грего, мэр Ковано сказал ей, что в камере у него сейчас находится Ольяду.

— А разве Ольяду не на работе?

— Вы, наверное, шутите, — ответил Ковано. — Он отлично умеет управляться с рабочими, но, когда речь заходит о спасении мира, работа может и подождать, кто-нибудь подменит его.

— Только не стоит заходить чересчур далеко в своих ожиданиях, — осадила его Валентина. — Это я настояла, чтобы к проекту привлекли Ольяду. Надеюсь, он чем-нибудь поможет нам. Но он не физик.

Ковано пожал плечами:

— А я не тюремщик, ну и что? Каждый исполняет то, чего от него требует сложившаяся ситуация. Я понятия не имею, связано ли это с приходом Ольяду или с недавним визитом Эндера, но что-то там сегодня более шумно, чем… чем обычно бывает, когда камера занята трезвым обитателем. Ведь в нашем городе чаще всего заключают в тюрьму за пьяные дебоши.

— Что, сюда приходил Эндер?

— Прямиком от Королевы Улья. Эндер хочет поговорить с вами. Он спрашивал меня, но я не знал, где вы.

— М-да. Ладно, сначала я повидаюсь с Грего, а потом пойду к брату.

Валентина только что проводила мужа. Джакт готовился к отправке на орбиту, чтобы снарядить судно на случай, если возникнет необходимость срочно покинуть планету. Также он должен был проверить, годен ли для полета корабль, на котором много десятилетий назад колонисты прилетели на Лузитанию. С тех пор судно ни разу не использовали по прямому назначению, сейчас на нем хранили семена, гены и эмбрионы привезенных с Земли животных и растений, которые когда-нибудь могли потребоваться. Джакта не будет по меньшей мере неделю, может, больше, а Валентина не могла позволить ему улететь просто так, не повидавшись с ним перед отлетом. Он бы понял ее, он знал — всех сейчас поджимает время. Но Валентина прекрасно понимала, что она не относится к ключевым фигурам в происходящих событиях. Она принесет пользу немного позже, когда напишет историю случившегося.

Однако, попрощавшись с Джактом, она не сразу направилась в офис мэра, чтобы повидать Грего,

а решила немного прогуляться по городу. Поверить невозможно, что не так давно — сколько дней минуло с тех пор? или недель? — здесь, на прасе, собралась толпа, одурманенная алкоголем и яростью, распаляющая себя жаждой убийства. Сейчас здесь было тихо. Снова повсюду зеленела трава, вытоптанная в ту ужасную ночь.

Но умиротворения здесь больше не ощущалось. Напротив. Валентина прибыла сюда в мирные времена, и в центре колонии весь божий день ключом била жизнь. Сейчас же на улицах лишь изредка можно было видеть людей, и на лицах у них было написано виноватое выражение, словно они что-то украли. Их взгляды были устремлены в землю, прямо под ноги, словно прохожие боялись, что, если не будут следить за каждым шагом, тут же споткнутся и упадут.

Отчасти причиной всеобщей хмурости был стыд, решила Валентина. Сейчас в городе не найдется такого здания, в стене которого не зияла бы огромная дыра, откуда были выдраны кирпичи или даже целые плиты, предназначенные для строительства церкви. С прасы, по которой шла Валентина, можно было увидеть по меньшей мере несколько таких дыр.

Однако, как она втайне подозревала, именно

страх, а не стыд лишил Милагре обычной жизнерадостности. Никто не заговаривал об этом в открытую, но все же Валентина уловила пару словечек, заметила несколько взглядов, украдкой брошенных в сторону холмов, протянувшихся к северу от колонии, и сразу все поняла. Колонией владел вовсе не страх перед надвигающейся флотилией. Людей тяготил не стыд за убийство целого леса пеквениньос. Их страшили жукеры — черные тени, периодически появляющиеся на фоне холмов или выныривающие из окружающей город травы. Детей, столкнувшихся с жукерами, ночь напролет мучили кошмары. Сердце взрослых мужчин сжималось от панического ужаса. В местной библиотеке то и дело требовали голографические записи, сделанные во времена Нашествия жукеров. Люди хотели убедиться, что человечество все-таки одержало победу над ними. Но картины эти не приглушали ужаса; наоборот, страх все сильнее сжимал сердца жителей колонии. Прекрасный и чистый образ этих существ, выведенный Эндером в первой его книге, «Королева Улья», для многих колонистов, точнее, для большей части жителей Милагре остался в прошлом, бесследно выветрился из памяти, ведь теперь, понеся наказание, люди

отбывали своего рода тюремное заключение, а надзирателями были рабочие Королевы Улья.

«Так что же, — подумала Валентина, — все наши старания оказались тщетны? Я, историк, философ Демосфен, всю жизнь внушала людям, что им следует не бояться инопланетных существ, а относиться к ним как к рамен. И Эндер со своими проникновенными книгами „Королева Улья“, „Гегемон“ и „Жизнь Человека“ — что они принесли нашему миру, если при виде огромных насекомых человека сразу охватывает инстинктивный ужас? Цивилизация — всего лишь притворство. Стоит только разразиться беде, как мы снова превращаемся в обыкновенных обезьян и мигом забываем о превосходстве двуногих. Мы становимся поросшими шерстью приматами, забившимися в пещеру и скалящими клыки на врага, прогоняя того из жилища, да еще тычем пальцем в тяжелый камень, который мигом пустим в дело, стоит только незнакомцу приблизиться».

Она очнулась от мрачных мыслей и снова очутилась в чистой изолированной комнатке. Даже несмотря на то, что здание мэрии Милагре одновременно исполняло роль общественной тюрьмы, атмосфера учреждения была на

удивление умиротворяющей. Здесь к жукерам относились как к союзникам или по меньшей мере как к некой необходимой силе, обеспечивающей мир между двумя противостоящими расами. «Все-таки есть еще люди, — подумала про себя Валентина, — которые способны возвыситься над животными инстинктами, доставшимися нам в наследство от предков».

Зайдя в камеру, Валентина с любопытством огляделась. Ольяду и Грего валялись на койках, на полу и на столе в беспорядке лежали листы бумаги, исписанные рядами формул, другие — скомканные — были отброшены в сторону. Даже компьютерный терминал был завален бумагами, и, если бы компьютер попытались включить, дисплей, скорее всего, не загорелся бы. Типичная комната какого-нибудь мальчишки-подростка. Довершали пейзаж упирающиеся в стену ноги Грего, пятки выбивали весьма странный ритм, носки вращались в воздухе. Интересно, что за музыка звучит у него в голове?

— Boa tarde, Tia Valentina[30], — поздоровался Ольяду.

Грего даже не взглянул на нее.

---

[30] Примечания: 30
Добрый день, тетушка Валентина (*португ.*).

— Я не помешала?

— Вы как раз вовремя, — отозвался Ольяду. — Мы вот-вот выдвинем новую концепцию нашей Вселенной. Мы открыли потрясающий закон: на самом деле Вселенной правит не что иное, как желание, а все живые существа, когда в них возникает надобность, как чертик из коробки, выпрыгивают буквально из ниоткуда.

— Если Вселенной правит желание, — заметила Валентина, — почему бы нам не пожелать корабль, способный преодолеть барьер скорости света?

— Грего делает в уме кое-какие подсчеты, — сказал Ольяду, — поэтому на данный момент времени он все равно что покойник. Впрочем, да. Мне кажется, на него снизошло озарение — минуту назад он орал что-то нечленораздельное и как бешеный прыгал по камере. Мы воспользовались принципом швейной машинки.

— Да? — вежливо удивилась Валентина.

— Это классический пример, одна из тех баек, что так любят рассказывать в школах, — объяснил Ольяду. — У первых изобретателей швейных машин ничего не получалось просто потому, что каждый из них неизменно пытался подражать движению человеческих рук, движениям швеи,

которая сначала протыкает иголкой ткань, а потом тащит ниточку, продетую в ушко, расположенное на другом конце иголки. Все вроде бы ясно и понятно. Но вскоре кто-то додумался, что, может быть, стоит проделать ушко у острия иголки и вместо одной воспользоваться двумя нитками. Абсолютно непонятный, неестественный подход к делу. Мне, кстати, до сих пор никто так и не объяснил, как же работает швейная машинка.

— Значит, мы собираемся прошить пространство?

— Что-то вроде того. Наикратчайшее расстояние между двумя точками — не обязательно прямая. Этот вывод следует из мыслей, которыми поделилась с Эндрю Королева Улья. Жукеры, когда создают новую Королеву Улья, вызывают из альтернативного пространства-времени какое-то странное существо. Грего ухватился за ее слова как за доказательство существования реального нереального пространства. Только не спрашивайте меня, что это такое. Я зарабатываю себе на жизнь кирпичами.

— Нереального реального пространства, — поправил Грего. — Ты все перепутал.

— О, наш покойник, кажется, начал подавать

признаки жизни.

— Присаживайтесь, Валентина, — кивнул на стул Грего. — Моя камера не так уж велика, но здесь теперь мой дом. Я чуть с ума не сошел с этими цифрами, но, кажется, все сходится. Надо будет поработать над нашей гипотезой вместе с Джейн, пускай она займется более точными расчетами, проделает парочку опытов. Но если Королева Улья права; если с нашим пространством действительно вплотную граничит еще одна Вселенная, из которой к нам легко могут переметнуться филоты; если предположить, что возможен и обратный переход; если Королева Улья ничего не напутала и в этой самой Вселенной — назовем ее Вне-миром, — филоты подчиняются не физическим законам, а вероятностям, тогда вот что получается…

— Чересчур много «если», — намекнула Валентина.

— Ты забыл упомянуть, — сказал Ольяду, — что исходное предположение гласило: Вселенной управляет желание.

— А, да, верно, я совсем забыл, — согласился Грего. — Кроме того, Королева Улья заявила, что неорганизованные филоты отвечают на образы, возникающие в чьем-то мозгу, и сразу оценива-

ют, что в этом образе принимается к исполнению, а что нет. И постигнутое во Вне-мире немедленно обретает физическое воплощение.

— Как все замечательно, — съязвила Валентина. — Ума не приложу, как вы не догадались об этом раньше.

— Все верно, — кивнул Грего. — Значит, вот как мы поступим. Вместо того чтобы пытаться перенести частицы, составляющие корабль, пассажиров и груз, от звезды А к звезде Б физическим путем, мы просто-напросто представим их в виде единого образа плюс человеческие составляющие. Только в воображении они будут существовать не в нашей Вселенной, а во Вне-мире. В этот самый момент филоты, из которых состоят корабль и его команда, распадутся, проскочат во Вне-мир, а там соберутся вновь в соответствии со знакомым образом. Затем мы повторяем процедуру и проскакиваем назад в наше пространство, только теперь мы уже находимся у звезды Б. Желательно несколько в стороне от нее, чтобы не врезаться прямиком в солнце.

— Но если каждая точка нашего пространства соответствует своей точке Вне-мира, — логично рассудила Валентина, — то разве там нам не придется никуда лететь, как поступили бы мы

здесь?

— Там все основано на иных законах, — ответил Грего. — Там не существует понятия о положении точки в пространстве. Предположим, в нашем пространстве относительное положение предмета полностью зависит от организации здесь филотов. Таков обычай. То же самое можно сказать о расстоянии. Мы измеряем расстояние единицами времени, которое затрачивается на его прохождение, но время зависит от тех же филотов, чьи вещество и энергия заключены в жесткие рамки естественных законов. Ну, к примеру, скорость света.

— Филоты подпадают под общий предел скорости.

— Именно. Вот только, в отличие от скорости света, размер *нашей Вселенной* — произвольная величина. Если представить нашу Вселенную в виде сферы и вынести себя за ее пределы, то она вполне может составить в поперечнике сантиметр, триллион световых лет или микрон.

— А очутившись во Вне-мире…

— …Мы выясним, что Внутри-вселенная по своим размерам не превышает любой из кишащих там дезорганизованных филотов, то есть она вообще не обладает размерами. Более того, так как

во Вне-мире отсутствует понятие о местоположении предмета, все филоты в этом пространстве равно близки или удалены от нашей Вселенной. Потому внутрь мы можем проникнуть в любой точке.

— Все на вид так элементарно, — продолжала сомневаться Валентина.

— В общем-то, да, — признался Грего.

— Основные трудности у нас с загадыванием желаний, — грустно произнес Ольяду.

— Чтобы удержать в голове образ, надо именно понимать его, — сказал Грего. — Каждый филот, управляющий образом, отвечает только за собственную часть реальности. Он основывается на работе филотов внутри образа, на том, что они, в свою очередь, ответственно подходят к выполнению задачи. Кроме того, существует особый филот, отвечающий за то, чтобы части образа находились каждая на своем месте. Атомный филот должен полагаться на нейтронные, протонные и электронные филоты, отвечающие за внутреннюю структуру. Молекулярный филот должен соединять атом воедино, тогда как атомный филот занимается своим делом — содержит в порядке части атома. Так устроена наша действительность, если следовать данной модели.

— Одним словом, вы перенесете корабль во Вне-мир, а потом вернете его в нашу Вселенную, — констатировала Валентина. — Это я поняла.

— Да, но *кто* это будет делать? Механизм подобного действия требует, чтобы образ корабля и его содержимого представлял цельную картину, а не произвольный сгусток материи. Я хочу сказать, что, закинув на корабль груз и посадив пассажиров, этим живой образ, филотический организм, не создашь. Это не то что родить на свет ребенка — филотический организм должен сам себя удерживать. Корабль и его содержимое — всего лишь набор предметов. Корабль в любой момент можно разобрать, он может распасться сам. Поэтому филоты, войдя в пространство, где привычные законы не действуют, где отсутствуют расстояния и прочие организующие принципы, не смогут собраться. Впрочем, если даже они примут какую-нибудь знакомую форму, что мы получим? Набор атомов. В лучшем случае мы получим клетки живой материи или даже организмы, но о космических скафандрах или корабле и речи быть не может, ведь они-то не живые. Все атомы и, может, молекулы будут разбросаны поблизости, они начнут самокопироваться, пока неоргани-

зованные филоты Вне-мира займутся созданием образа, но *корабля-то* все равно не будет.

— Что смертельно для пассажиров.

— Нет, не обязательно, — сказал Грего. — Кто знает? Там царят иные законы. Смысл в том, что в наше пространство пассажиров и корабль в таком состоянии не вернуть, потому что здесь исход точно окажется смертельным.

— Значит, ничего не выйдет.

— Не знаю. Действительность в нашей Вселенной не распадается на части потому, что призванные сюда филоты подчиняются естественным законам. Они знакомы с образами друг друга и сами следуют этим образам. Хотя и во Вне-мире такое возможно, но только если образ корабля, груза и пассажиров будет *целостен*, если он действительно будет *познан*. А для этого она должна суметь познать его и удержать в голове.

— Она?

— Как я уже сказал, Джейн придется немножко потрудиться и выполнить некоторые расчеты. Она должна проверить, хватит ли ей памяти, чтобы вместить образ целого судна. Затем она рассчитает, сможет ли воспринять его и представить во Вне-мире.

— Это по части желаний, — вставил Ольяду. —

Я особенно горжусь данным аспектом гипотезы, ведь именно я первым подумал о том, что нам потребуется познающий, чтобы перемещать судно.

— Да и вообще вся эта идея принадлежит Ольяду, — ухмыльнулся Грего, — только я первым поставлю под разработкой свое имя, потому что ему до карьеры дела нет, а мне неплохо было бы оправдаться в глазах людей, ведь я собираюсь поступить работать в университет на какой-нибудь другой планете.

— О чем вы говорите? — непонимающе огляделa Валентина братьев.

— Я говорю о том, чтобы поскорее свалить из этой колонии. Неужели вы еще не поняли? Если наши предположения подтвердятся, если наш замысел сработает, тогда я смогу улететь на Рейм, на Байю или… или на Землю, а сюда прилетать на выходные. Затраты энергии равны *нулю*, потому что мы теперь не зависим от естественных законов. А износ техники минимальный.

— Не такой уж и минимальный, — охладил его пыл Ольяду. — Нам же надо будет как-то добираться до планеты назначения.

— Как я уже говорил, все зависит от того, с какой точностью Джейн сможет представить образ. Ей надо будет объять целое судно плюс внут-

ренности. Затем представить нас во Вне-мире и вернуть назад в нашу Вселенную. Ей придется точно воспринять относительное местоположение исходного пункта и цели полета.

— Стало быть, преодолеем мы скорость света или нет — целиком и полностью зависит от Джейн? — уточнила Валентина.

— Если бы ее не существовало, такое было бы просто невозможно. Даже если сложить все компьютеры, даже если кто-то составит специальную программу, ничего не выйдет. Потому что программа фрагментарна. Она — не цельная сущность, а состоит из частей. Она не… — что там за словечко откопала Джейн? А, она не *айю*.

— Санскритское слово для обозначения жизни, — пояснил Ольяду Валентине. — Таким словом мы назвали филот, который контролирует весь образ, держит в порядке прочие филоты. Им можно обозначить сущности — такие, как планеты, атомы, животные, звезды, — которые обладают внутренней, достаточно сложной структурой.

— Джейн — айю, а не программа. Поэтому она может выступить в роли познающего. Она может воспринять космический корабль как образ и поместить его внутрь собственного образа. Она

может *усвоить его и удержать в себе*, и он все же будет реальным. Она сделает его частью себя и воспримет его ничуть не хуже, чем твоя айю знает твое собственное тело. Затем она перенесет корабль вместе с собой во Вне-мир, а потом вернет обратно.

— Это придется взять на себя Джейн? — осторожно уточнила Валентина.

— Если такое вообще возможно, то лишь в случае, если вместе с кораблем отправится Джейн, — подтвердил Грего.

— Но как? — воскликнула Валентина. — Мы же не можем положить ее в корзиночку и взять с собой.

— Эндрю разузнал у Королевы Улья еще кое-что, — сказал Грего. — На самом деле Джейн существует в определенном месте — скажем лучше, ее айю обладает координатами в нашем пространстве.

— И где же она?

— Она живет внутри Эндрю Виггина.

Некоторое время они объясняли ей, что узнал Эндер о Джейн во время визита к Королеве Улья. Было невозможно представить, чтобы компьютерная сущность могла поселиться внутри тела Эндера, но история создания Королевой Улья

Джейн как средства против Эндера звучала весьма убедительно. Однако Валентина сразу сделала еще один вывод, вытекающий из сказанного. Раз такой полет возможен только при участии в нем Джейн, а Джейн поселилась внутри Эндера, следствие очевидно.

— Тогда и Эндрю должен будет лететь?

— Claro. Разумеется, — кивнул Грего.

— Он слегка староват для роли пилота-испытателя, — заметила Валентина.

— Ну в данном случае он будет *пассажиром*-испытателем, — ответил Грего. — Просто так получилось, что внутри его поселился пилот.

— Полет не причинит никакого физического вреда, — сказал Ольяду. — Если теория Грего сработает, Эндрю просто войдет в корабль, сядет в кресло и через пару минут или даже микросекунд очутится на другой планете. Если ничего не получится, он останется на прежнем месте, а мы все окажемся в очень глупом положении — анекдоты будут рассказывать, как мы поверили, будто одним желанием можно перенестись в любую точку пространства.

— А если случится, что Джейн перенесет его во Вне-мир, но не сумеет удержать образ, то Эндрю окажется выброшенным во Вселенную, которая,

по понятиям нашего материального мира, не существует вообще, — произнесла Валентина.

— Ну, в общем, да, — замялся Грего. — Если наш план сработает только наполовину, все пассажиры тут же погибнут. Но поскольку мы очутимся в месте, где время отсутствует, мы даже ничего не почувствуем. Для нас мгновение превратится в вечность. Мы даже не успеем понять, что эксперимент закончился неудачей. Войдем в состояние стазиса.

— Если выйдет так, — продолжил Ольяду, — мы перенесем время нашей Вселенной с собой, поэтому возникнет эффект продолжительности. Мы действительно не поймем, если наша попытка обернется неудачей. Мы заметим только положительный результат.

— Но я-то пойму, что он никогда больше не вернется, — сказала Валентина.

— Да, — печально подтвердил Грего. — Если он не вернется, тогда у вас будет еще несколько месяцев, чтобы погоревать о нем. А затем заявится флот и разнесет Лузитанию ко всем чертям.

— Или до нас наконец доберется десколада и вывернет наш геном наизнанку, — добавил Ольяду.

— Думаю, вы правы, — согласилась Валенти-

на. — В случае провала они мертвее не станут. Если они останутся, их так или иначе настигнет смерть.

— Но, как вы понимаете, наше время ограниченно, — напомнил Грего. — Вскоре ансибли отключат и Джейн лишится своих возможностей. Эндрю говорит, что, наверное, она переживет это, но превратится в калеку. Необратимое повреждение мозга.

— Поэтому, даже если все получится, первый полет все равно может оказаться последним.

— Ничуть, — возразил Ольяду. — Перелет осуществляется мгновенно. Если процесс поставить на накатанные рельсы, Джейн будет переправлять людей на другую планету в один миг, им надо будет только войти в корабль и выйти из него.

— Ты хочешь сказать, что судно будет отправляться прямо с п о в е р х н о с т и п л а н е т ы?

— Вот это еще неизвестно, — вмешался Грего. — Может быть, она способна рассчитать координаты в пределах, скажем, только десяти тысяч километров. Никаких взрывов или других неприятных вещей не предвидится, так как филоты будут входить в нашу Вселенную уже готовыми снова повиноваться естественным

законам. Однако если судно вдруг возникнет прямо внутри планеты, докопаться до поверхности будет нелегко.

— Но если она сумеет обеспечить необходимую точность, ну, допустим, в пределах пары сантиметров, тогда перелет будет осуществляться непосредственно с поверхности на поверхность, — сказал Ольяду.

— Конечно, это все мечты, — пробурчал Грего. — Сейчас Джейн вернется и заявит, что, даже если она всю звездную массу в Галактике обратит в компьютерные чипы, даже тогда ей будет не удержать в памяти информацию, чтобы с легкостью швыряться судном из одной Вселенной в другую. Но на настоящий момент все как будто бы возможно, и я чувствую себя просто *классно*!

Грего и Ольяду принялись победно улюлюкать и смеяться так громко, что мэр Ковано не замедлил появиться в камере и проверить, все ли в порядке с Валентиной. К своему великому замешательству, он обнаружил, что та присоединилась к веселью двух братьев и смеется и завывает ничуть не хуже их.

— Что, появился повод для радости? — осведомился Ковано.

— Думаю, да, — смущенно проговорила Вален-

тина, пытаясь вернуть утерянную солидность.

— И какую именно из наших многочисленных проблем вы разрешили?

— Может, никакую, — призналась Валентина. — Чистый идиотизм, но нам крупно повезет, если Вселенной действительно так легко управлять.

— Но вы что-нибудь придумали?

— Эти гении метафизики, которых вы видите перед собой, разработали абсолютно невероятную теорию, — объяснила Валентина. — Хотя, может, это вы виноваты — вспомните, из какой пробирки вы брали сегодня мышьяк?

Кована рассмеялся и вышел. Но его посещение снова вернуло их к мрачной действительности.

— Такое и в самом деле возможно? — спросила Валентина.

— Иначе я никогда бы не поверил в это, — пожал плечами Грего. — Ну откуда-то все взялось.

— А наша теория отличненько укладывается в общую схему, — заявил Ольяду. — Гипотеза о Большом взрыве мусолится уже…

— В общем, она возникла еще до моего рождения, — помогла ему Валентина.

— Да уж, — сказал Ольяду. — Но никто не мог додуматься, почему же произошел этот Большой

взрыв. А согласно нашей гипотезе, вырисовывается очень странная, но логичная картинка. Кто-то, способный удержать в голове образ целой Вселенной, вышел во Вне-мир, и тогда филоты начали по очереди вставать на те места в образе, за которые могли принять на себя ответственность. Так как во Вне-мире времени как такового не существует, процесс мог занять миллиард лет, а мог случиться за одну микросекунду, в общем, они там сортировались себе, а потом — бам! — и вот она, целая Вселенная, вылетевшая во Внутри-пространство. А так как расстояния изначально не существовало, то все началось с размеров геометрической точки…

— То есть размер отсутствовал вообще, — растолковал Грего.

— Я еще помню кое-что из геометрии, — возмутилась Валентина.

— Немедленно новая Вселенная начала расти, создавать новые пространства. А чем больше она увеличивалась, тем медленнее текло время — или нет, может, наоборот, убыстрялось?

— Не важно, — поморщился Грего. — Все зависит от того, где ты находишься: во Внутри-пространстве, во Вне-мире или еще в каком-нибудь Внутри-мире.

— Как бы там ни было, сейчас наша Вселенная, кажется, установилась во времени, хотя и продолжает расширяться. Но если так уж хочется, можно принять несколько иное положение: она установилась в размерах, но изменяется во времени. Скорость света постоянно замедляется, так что теперь путь от одной точки к другой занимает больше времени, только нам не видно, как она уменьшается, ведь все остальное относительно скорости света также замедляет ход. Понимаете? Все относительно. Как недавно сказал Грего, Вселенная, в которой мы живем, говоря языком абсолюта, все еще геометрическая точка, если посмотреть на нее из Вне-мира. А любые изменения, которые вроде бы происходят у нас, зависят исключительно от времени и пространства.

— И что абсолютно убивает меня, — сказал Грего, — все эти мысли с самого детства варились в котелке Ольяду. Картина Вселенной как не обладающей ни одним измерением точки — его способ отношения к окружающему миру. Не то чтобы он первым подумал об этом, но он единственный, кто уверовал в это и увидел связь между нашим миром и тем не-пространством, из которого, по словам Эндрю, Королева Улья извлекает айю.

— Если уж мы погрязли в метафизике, — сказала Валентина, — так объясните мне, с чего все началось? Если принимаемое нами за действительность — всего лишь образ, который кто-то спроецировал во Вне-мир и из которого возникла наша Вселенная, тогда, может быть, этот кто-то до сих пор бродит по округе, то там, то сям насаждая новые Вселенные? Откуда же взялся этот наш создатель? И что было до того, как он принялся за дело? Да и если на то пошло, откуда взялся сам Вне-мир?

— Типичное мышление внутримирянки, — отреагировал Ольяду. — Ваши представления основываются на вашей вере в пространство и время, вы возвели их в ранг абсолютных величин. Вы считаете, что все должно иметь свое начало и свой конец, все должно откуда-то браться. Именно так обстоит дело в нашей осязаемой и наблюдаемой Вселенной. Но смысл-то в том, что во Вне-мире таких законов в принципе не существует. Вне-мир всегда был и всегда будет. Число филотов бесконечно, и каждый из них всегда существовал. Безразлично — сколько их оттуда ни вытаскивай, сколько их ни впихивай в упорядоченные Вселенные, все равно число филотов останется прежним.

— Но кто-то ведь должен был *начать* создавать Вселенные.

— Почему? — удивился Ольяду.

— Потому… потому что я…

— Никто ничего никогда не начинал. Это было всегда. Я имею в виду, если это было всегда, это просто не могло начаться. Во Вне-мире нет понятия образа, там невозможно мыслить образами. Филоты не могут действовать, потому что прежде всего не могут определиться.

— Но разве возможно, чтобы что-нибудь длилось вечно?

— Представьте себе, что данный момент во времени, та действительность, которую мы проживаем в данную секунду, данное состояние всей Вселенной — *всех* Вселенных…

— Ты имеешь в виду *сейчас*?

— Да. Представьте себе, будто это сейчас является поверхностью огромной сферы. Время движется вперед, пробиваясь сквозь хаос Вне-мира, подобно поверхности все увеличивающейся сферы, гигантского растущего шарика. Снаружи — сплошной хаос. Внутри — реальность. Постоянно растущая, как вы сами заметили, Валентина. Все время выстреливающая новыми Вселенными.

— Но где возник этот воздушный шарик?

— Ладно, у нас есть шарик. Постоянно увеличивающаяся сфера. Теперь представьте себе сферу, радиус которой равен бесконечности.

Валентина попыталась вообразить что-нибудь подобное.

— Поверхность ее будет абсолютно плоской.

— Верно.

— И ее никогда не обойти.

— Тоже верно. Она бесконечно огромна. Невозможно счесть все Вселенные, которые существуют со стороны реальности. И вот вы садитесь на корабль и от самого края начинаете двигаться в сторону центра. Чем дальше, тем древнее все вокруг. Замшелые Вселенные пролетают мимо вас. Когда вы доберетесь до той, с которой все началось?

— Никогда, — удивилась Валентина. — Если скорость корабля конечна.

— Начав с края, достигнуть центра сферы с бесконечным радиусом нельзя, потому что, с какой бы скоростью вы ни двигались, как бы глубоко вы ни залезли, центр — начало — всегда бесконечно далек.

— Там и лежит начало Вселенной.

— Думаю, да, — сказал Ольяду. — Именно там.

— И Вселенная действует так, потому что действовала таким образом всегда, — кивнула Валентина.

— Действительность функционирует так, а не иначе потому, что она так устроена. Любое отклонение от правил неизменно ввергнется обратно в хаос. Любое, что следует этим законам, превращается в реальность. Вот где граница между реальным и нереальным.

— Знаете, я тут подумал… — вмешался Грего. — Отличная идейка! Мы здесь морочим друг другу головы мгновенными переносами с места на место в *нашей* реальности, а что, если не побояться и поискать иные реальности? Абсолютно новые Вселенные?

— Или самим *создать* их, — подхватил Ольяду.

— Точно, — не скрывая иронии, добавил Грего. — Вот сейчас придумаем что-нибудь этакое, а потом ты или я засунем этот образ себе в голову и…

— Но может быть, *Джейн* с этим справится, — перебил его Ольяду. — Ведь такая возможность не исключается?

— Судя по твоим высказываниям, — усмехнулась Валентина, — ты Джейн слегка перепутал с Господом Богом.

— Она, наверное, слушает нас сейчас, — произнес Грего. — Компьютер-то включен, хотя дисплей и погас. Могу поспорить, она сейчас наши домыслы на клочочки раздерет.

— Может быть, каждая Вселенная существует достаточно долго, чтобы создать нечто подобное Джейн, — предположила Валентина. — И она появляется во Вне-мире и создает новые миры…

— И так до бесконечности, — продолжил Ольяду. — Почему бы нет?

— Но она появилась на свет *чисто случайно*, — попыталась возразить Валентина.

— Неправда, — сказал Грего. — Это как раз то самое, что выяснил сегодня Эндрю. Вы непременно должны поговорить с ним. Джейн появилась вовсе не случайно. Ибо, судя по тому, что мы знаем, случайностей не бывает вообще. Все, что появляется в нашей Вселенной, когда-то давным-давно было заложено в образе.

— Все, кроме нас самих, — заявила Валентина. — Наша… как вы называете филот, который отвечает за нас?

— Айю, — напомнил Грего. И повторил слово по буквам.

— Да, — сказала она. — Что бы там ни говорили, наша воля существовала всегда, независимо от

личной силы или слабости человека. Поэтому-то, являясь частью образа действительности, мы остаемся свободными.

— Измена, — пробурчал Ольяду, — в наши ряды затесался морализатор.

— Точно, ну и чушь мы здесь, наверное, несем, — подтвердил Грего. — Джейн осмеет нас. Но, Nossa Senhora, как это здорово, а?!

— Послушайте, может быть, вот почему наша Вселенная родилась из ничто, — вдруг сказал Ольяду. — Наверное, это отличная шутка — бродить вот так по хаосу и зарождать Вселенные. Может, это Бог развлекается?

— А может, он просто поджидает Джейн, чтобы та составила ему компанию? — улыбнулась Валентина.

Наступила очередь Миро дежурить у клетки Сеятеля. Время было позднее — минула полночь. Не то чтобы Миро сидел рядом с ним и держал его за руку — при входе в клетку Миро пришлось напялить огромный костюм-скафандр. Дело было не в заразе, которую он мог подцепить; наоборот, все делалось для того, чтобы дежурный не занес в клетку Сеятеля вирусы десколады.

«Стоит мне разбить стекло шлема, — грустно подумал Миро, — и я спасу жизнь Сеятелю».

Сеятель, лишившись поддерживающих жизнь пеквениньос вирусов десколады, моментально ослабел и уже не мог шевелиться. Все знали, что десколада составляет неотъемлемую часть репродуктивного цикла пеквениньос, обеспечивая им так называемую третью жизнь, но только сейчас стало понятно, насколько все-таки они зависят от этого вируса. Кто бы ни создал этот вирус, он, видимо, был хладнокровным монстром, у которого во главу угла ставилась эффективность. Без ежедневной, ежечасной, ежеминутной поддержки десколады клетки становились инертными, молекулы, отвечающие за жизненную энергию и силу, не вырабатывались и — это страшило больше всего — вспышки мозговой активности наблюдались все реже и реже. Тело Сеятеля было облеплено электродами, его опутывали какие-то трубки; мало того, он лежал в перекрестье сразу нескольких сканирующих полей, чтобы Эла и ассистенты-пеквениньос могли снаружи следить за каждой фазой умирания организма. И примерно каждый час приходилось брать пробы ткани. Сеятель терпел такие страдания, что эти процедуры, производимые во время его сна, не могли разбудить его. Но, несмотря на всю боль, которая, несомненно, не лучшим образом влияла

на его мозг, Сеятель сохранял ясность ума и твердую память. Создавалось впечатление, что одной силой воли он хотел доказать: даже в отсутствие десколады пеквениньос сохранят разум. Сеятель пошел на такое не ради науки. Ему необходимо было подтвердить чувство собственного достоинства.

Ученые, следящие за ходом эксперимента и работающие над другими проблемами, не могли тратить время на дежурства внутри клетки, ведь тот, кто находился внутри, всего лишь сидел рядом с пеквениньо, наблюдал за ним, разговаривал о чем-нибудь. Только такие люди, как Миро, дети Джакта и Валентины — Сифте, Ларс, Ро, а также Варсам и эта странная тихая женщина по имени Пликт, то есть люди, не загруженные срочной работой, обладающие достаточным терпением, чтобы высидеть долгие часы и с точностью исполнять необходимые процедуры, — только они допускались к дежурству. В клетке мог бы подежурить и кто-нибудь из пеквениньос, но все братья, знакомые с человеческими технологиями и способные хоть мало-мальски помочь, неотлучно находились при Эле или Кванде. Слишком много работы навалилось на всех разом. Из тех, кто дежурил в клетке, брал образцы тканей, кор-

мил Сеятеля, менял бутылочки, мыл его, только Миро имел достаточно долгий опыт общения с пеквениньос, чтобы понимать их. Миро мог разговаривать с Сеятелем на языке братьев. Это хоть немножко успокаивало того, хотя раньше они не были знакомы — Сеятель родился уже после того, как Миро отправился с Лузитании в тридцатилетний полет.

Сеятель не спал. Его глаза были полуоткрыты, взгляд устремлен в никуда, но по движению губ Миро понял, что он что-то шепчет. Цитирует вслух избранные строки из эпических сказаний своего народа. Иногда он выдавал огромные куски генеалогии племени. Когда Сеятель впервые начал бормотать что-то, Эла напугалась, думая, что у него началась лихорадка. Но пеквениньо продолжал декламировать — таким образом он, оказывается, проверял память. Сеятель раз за разом убеждался, что, лишенный вируса деколады, он не утратил чувства принадлежности к своему племени, что было бы равносильно потере самого себя.

Миро увеличил громкость внешнего микрофона своего гермокостюма. Сейчас Сеятель рассказывал историю какой-то ужасной войны с лесом Небодела, «дерева, способного вызывать

гром». Примерно посередине истории Сеятель сделал поэтическое отступление, в котором подробно повествовалось, как Небодел приобрел себе славное имя. Эта часть истории, видимо, была очень старой и больше напоминала миф. В ней рассказывалось о брате, который носил маленьких матерей в место, где небо разверзалось и звезды, звеня, скатывались на землю. И хотя Миро не давали покоя собственные раздумья об открытиях сегодняшнего дня — о происхождении Джейн, о гипотезе полета по желанию, выдвинутой Грего и Ольяду, — внезапно он поймал себя на том, что внимательно прислушивается к словам Сеятеля. Когда история закончилась, Миро не удержался и спросил:

— Сколько лет этому преданию?

— Много, очень много, — прошептал Сеятель. — Ты слушал меня?

— Не все, только последнюю часть. — Говорить с Сеятелем труда не составляло. То ли его не раздражала медленная, тягучая речь Миро (по сути дела, Сеятель никуда не торопился), то ли процесс его восприятия настолько замедлился, что он просто не замечал заикания Миро. — Я правильно тебя понял — ты сказал, этот Небодел носил с собой маленьких матерей?

— Верно, — прошептал Сеятель.

— Но к дереву-отцу не ходил?

— Нет. Он просто носил на себе маленьких матерей. Я услышал эту историю много лет назад. Еще раньше, чем впервые столкнулся с человеческой наукой.

— Знаешь, что мне кажется? Эта история могла дойти до вас из тех времен, когда вы не носили маленьких матерей к деревьям-отцам. Когда маленькие матери еще не питались соком древоматери. Они тогда висели на брюхе самцов, а когда младенцы наконец созревали и прорывались наружу, то сразу могли занять места маленьких матерей у сосков.

— Поэтому-то я и пропел эту песнь для тебя, — сказал Сеятель. — Я пытался представить себе, как мы могли жить, если были разумными до появления десколады. И наконец вспомнил эту часть истории о Войне Небодела.

— Он пошел в место, где разверзлось небо.

— Десколада ведь должна была каким-то образом попасть сюда.

— Но когда это произошло?

— Война Небодела случилась двадцать девять поколений назад. Нашего леса тогда еще не было. Но, придя сюда из отцовского леса, мы принесли

с собой наши предания и песни.

— А эта часть о небе и звездах могла быть сложена еще раньше…

— Да. Это было так давно. Дерево-отец Небодел умер много лет назад. Он мог быть очень старым уже в то время, когда эта война только началась.

— Ты думаешь, в этом предании, возможно, рассказывается о пеквениньо, который первым занес десколаду? Думаешь, она была принесена сюда космическим кораблем, а он стал свидетелем приземления?

— Поэтому-то я и пропел песнь.

— Но если это действительно так, то, значит, вы обладали разумом еще до прихода десколады.

— Все было, но прошло, — ответил Сеятель.

— Что прошло? Я не понял.

— Наши гены остались в прошлом. Кто знает, что́ десколада вынула из нас и отбросила за ненадобностью?

Правда. Каждый вирус десколады может содержать полный генетический код всех жизненных форм, присутствующих на Лузитании, но эти генетические коды давным-давно изменились, сейчас их контролировала десколада. А ген-предшественник уже никак было не восстановить.

— Все равно, — сказал Миро. — Это очень инте-

ресно. Подумай только, еще до появления вируса вы обладали собственным языком, преданиями, песнями. — Потом, не сдержавшись, добавил: — Может, теперь тебе уже не надо доказывать независимость разума пеквениньос?

— Очередная попытка спасти свинкса, — констатировал Сеятель.

Из динамика, установленного в клетке, раздался голос Элы:

— Миро, твое дежурство закончилось. Можешь идти домой.

Странно, по идее, Эла во время вахты Миро должна отсыпаться.

— До окончания смены еще три часа, — заметил Миро.

— Здесь кое-кто хочет побеседовать с Сеятелем.

— Костюмов навалом.

— Миро, я хочу, чтобы ты вышел. — В голосе Элы зазвучали стальные нотки. Ведь именно она отвечала за ход эксперимента.

Несколькими минутами позже, когда Миро выбрался из клетки, он наконец понял, в чем дело. В одном углу стояла Квара с ледяным выражением лица, Эла же в бешенстве металась по комнате. Они, очевидно, в очередной раз крупно поссори-

лись, и неудивительно. Удивительным было то, что Квара вообще пришла сюда.

— Зря только ходил, можешь возвращаться обратно, — заявила Квара, когда Миро вынырнул из стерилизатора.

— Я вообще не понимаю, что происходит, — сказал Миро.

— Она настаивает *на личной* беседе, — подчеркнула Эла.

— Она согласилась вызвать из клетки *тебя*, — фыркнула Квара, — но отключать аудиоподдержку мониторов не хочет.

— Мы должны задокументировать каждую секунду разговора с Сеятелем. Для ясности.

— Эла, когда же ты наконец вырастешь? — вздохнул Миро.

— Я?! — взорвалась Эла. — Я вырасту?! Она вваливается сюда и ведет себя так, будто она Nossa Senhora на троне…

— Эла, — остановил ее Миро, — заткнись и послушай меня. Квара — единственная надежда Сеятеля в этом эксперименте. Ты же сама знаешь, она может помочь нам, если…

— Ну хорошо, — согласилась Эла, перебив его на полуслове, потому что уже поняла смысл его доводов и отступила. — Она враг всего живого и

разумного на нашей планете, но я отключу аудиоподдержку мониторов. Ей захотелось личной беседы с братом, в смерти которого она повинна? Отлично, она получит эту беседу.

Это уже было чересчур. Квара не выдержала и тоже сорвалась.

— Можешь ничего не выключать, — проговорила она. — Я жалею, что пришла сюда. Глупая ошибка.

— Квара! — рявкнул Миро.

Она остановилась у дверей лаборатории.

— Надевай костюм и иди к Сеятелю. Он-то здесь при чем?

Квара бросила испепеляющий взгляд на Элу, но все-таки направилась к стерилизатору, из которого несколько минут назад вышел Миро.

Миро почувствовал облегчение. Он прекрасно понимал, что у него здесь никакой власти нет и что обе сестры спокойно могли высказать ему, куда он может отправляться со своими приказами, но факт их капитуляции свидетельствовал, что на самом деле они *хотели* капитулировать. Квара действительно хотела поговорить с Сеятелем. И Эла хотела, чтобы Квара с ним поговорила. Все-таки они могли забыть о личных спорах и раздорах ради спасения других. Значит, есть еще

какая-то надежда на возрождение семьи.

— Стоит мне только зайти внутрь, как она сразу включит звук, — сказала Квара.

— Не включит, — отрезал Миро.

— Но попробует, — предупредила Квара.

Эла с презрением взглянула на нее:

— В отличие от некоторых, я умею держать слово.

Больше они друг другу ничего не сказали. Квара зашла в стерилизатор, чтобы переодеться. Несколько минут спустя она показалась в клетке, с костюма на пол струйками сбегала убивающая десколаду жидкость.

Миро услышал шаги Квары.

— Отключай, — сказал он.

Эла потянулась и нажала кнопку. Звук шагов исчез.

— Если хочешь, я могу проиграть тебе, о чем они будут говорить, — прошептала ему на ухо Джейн.

— Значит, ты слышишь их? — шевельнул губами Миро.

— Компьютер подсоединен к нескольким мониторам, которые чувствительны к вибрации. Я научилась нескольким забавным штучкам и теперь без труда по малейшей вибрации могу

определить, что говорится в комнате.

— Тогда давай, — сказал Миро.

— А как насчет угрызений совести по поводу вторжения в частный разговор?

— Совесть меня не беспокоит, — ответил Миро.

На карту была поставлена судьба целой планеты. Кроме того, он сдержал слово — прослушивающее оборудование действительно было отключено. Эла не может слышать, о чем говорится внутри.

Сначала шел обмен пустыми фразами: «Ну, как дела?» — «Плохо себя чувствую» — «Очень больно?» — «Да».

Но вскоре Сеятель отбросил в сторону формальности и сразу перешел к сути дела:

— Почему ты хочешь, чтобы мои люди оставались рабами?

Квара вздохнула, но, надо отдать ей должное, раздражения в этом вздохе не было. Миро научился чувствовать состояние людей. Скорее в ее вздохе прозвучала печаль, даже скорбь. А не та злоба, которую она демонстрировала своей семье.

— Я не хочу этого, — сказала она.

— Может быть, не ты заковала нас в цепи, но у тебя имеется ключ, а ты отказываешься восполь-

зоваться им.

— Десколада — не оковы, — возразила она. — Оковы — это ничто. Десколада же — живое существо.

— Я тоже живой. Мой народ живет. Неужели жизнь вируса более важна для тебя, чем наши жизни?

— Вас десколада не убивает. Ваши враги — Эла и моя мать. Это они с легкостью убьют всех вас, лишь бы десколада не убила их.

— Разумеется, — прошептал Сеятель. — Это естественно. Я бы тоже всех поубивал, лишь бы сохранить жизнь своему народу.

— Поэтому со всеми вопросами — не ко мне.

— Нет, именно к тебе. Без твоих знаний люди и пеквениньос в конце концов поубивают друг друга, так или иначе. У них не будет выбора. Если окажется, что десколаду обуздать невозможно, то либо она когда-нибудь расправится с человечеством, либо человечеству придется уничтожить ее, а вместе с нею нас.

— Им никогда не уничтожить ее, — сказала Квара.

— Потому что ты не позволишь.

— Как не позволю уничтожить вас. Разумная жизнь — это разумная жизнь.

— Нет, — шевельнул головой Сеятель. — С рамен можно ужиться. Но с варелез всякий спор бессмыслен. Выход один — война.

— Ничего подобного! — вспыхнула Квара.

И пустилась перечислять Сеятелю те самые доводы, что раньше приводила в доказательство Миро. Когда она закончила говорить, на некоторое время в клетке установилась тишина.

— Они все еще говорят? — шепотом спросила Эла у людей, склонившихся над мониторами визуального наблюдения.

Миро не слышал ответа. Наверное, кто-то просто помотал головой.

— Квара, — прошептал Сеятель.

— Я здесь, — ответила она.

В ее голосе уже не слышалось морализаторских ноток. Она не находила радости в своей жестокой морали.

— Ты не поэтому отказываешься помочь, — сказал он.

— Только поэтому.

— Ты бы сразу помогла нам, если бы здесь не была замешана твоя семья. Ведь в таком случае тебе придется капитулировать перед родственниками.

— Неправда! — выкрикнула она.

Ага! Сеятель попал в больное место.

— Ты так уверена в правоте потому, что они считают твое мнение ошибочным.

— Я не ошибаюсь!

— Видела ли ты когда-нибудь хоть кого-нибудь, кто бы ничуточки не сомневался в своей правоте, чье мнение всегда оказывалось истинным?

— Но я тоже сомневаюсь, — прошептала Квара.

— Так прислушайся к своим сомнениям, — посоветовал Сеятель. — Спаси мой народ. И свой заодно.

— Кто я такая, чтобы выбирать между десколадой и человечеством?

— Вот именно, — кивнул Сеятель. — Кто ты такая, чтобы что-нибудь решать здесь?

— Я и не решаю, — сказала она. — Наоборот, я препятствую всякому решению.

— Тебе известно, на что способна десколада. Тебе известно, что она сделает. То, что ты препятствуешь вынесению решения, — тоже решение.

— Это не решение. Это не поступок.

— Если ты можешь помешать убийству, но спокойно наблюдаешь за ним — это ли не убийство?

— Вот зачем ты хотел повидаться со мной? Тоже хочешь дать мне совет?

— У меня есть право.

— Ты считаешь, если решил стать мучеником и умереть, то сразу получил право диктовать другим свою волю?

— Я еще не лишился разума, — ответил Сеятель.

— Вот именно. Ты доказал все, что хотел. А теперь пускай ученые впустят сюда десколаду и спасут тебя.

— Нет.

— Но почему? Неужели ты так уверен в собственной правоте?

— Со своей жизнью я обращаюсь как хочу. В отличие от тебя. Ты решаешь за других, кому умереть, а кому — нет.

— Если человечество погибнет, я погибну вместе с ним, — сказала Квара.

— Знаешь, почему я ищу смерти? — внезапно поинтересовался Сеятель.

— Почему?

— Потому что, если умру, я не увижу, как люди и пеквениньос начнут убивать друг друга.

Квара склонила голову.

— Ты и Грего — вы так похожи.

Капельки слез упали на лицевой щиток шлема.

— Это неправда.

— Вы оба отказываетесь прислушиваться к мнению посторонних. Ведь вы непогрешимы. И когда ваша точка зрения победит, погибнет множество ни в чем не повинных людей.

Она резко вскочила, будто бы собираясь уйти.

— Ну и умирай себе! — выпалила она. — Раз я убийца, чего ж я плачу над тобой?

Но она осталась. «Она не хочет уходить», — подумал Миро.

— Расскажи им все, — сказал Сеятель.

Квара замотала головой с таким отчаянием, что слезы полетели в разные стороны, забрызгав внутреннюю поверхность маски.

Если она не перестанет рыдать, скоро ничего не будет видеть.

— Если ты поделишься знаниями, все станут только мудрее. Если же будешь продолжать хранить тайну, победит глупость.

— Если я расскажу, десколаде конец!

— Ну и пусть! — выкрикнул Сеятель.

Это усилие потребовало от него такой энергии, что на несколько секунд приборы в лаборатории словно сошли с ума. Эла что-то цедила сквозь зубы, консультируясь с ассистентами, проверяя приборы.

— Неужели ты хочешь, чтобы я так жестоко

обошлась с вами? — не поверила Квара.

— Ты уже проявила жестокость ко мне, — ответил Сеятель. — Пусть вирус умрет.

— Нет, — сказала она.

— Десколада поработила мой народ. Что с того, разумна она или нет! Она — воплощение тирании. Это безжалостный убийца. Если бы человек повел себя так, как ведет себя десколада, даже ты согласилась бы, что его следует остановить и если потребуется — убить его. Почему с другой расой надо обходиться более терпимо и милосердно, нежели ты обошлась бы с обыкновенным человеком?

— Потому что десколада не ведает, что творит, — сказала Квара. — Она не понимает, что мы разумны.

— Это не имеет значения, — ответил Сеятель. — Кто бы эту десколаду ни создал, кто бы ни послал ее сюда, ему было ровным счетом наплевать, убьет ли вирус какую-нибудь из разумных рас, искалечит ли кого-нибудь из разумных существ. И ты хочешь, чтобы мой народ и твой народ погибли ради такой твари? Неужели ты настолько ненавидишь свою семью, что оправдываешь деяния такого чудовища, как десколада?

Квара ничего не ответила. Она безмолвно опу-

стилась на стул рядом с кроватью Сеятеля.

Сеятель протянул к ней руку и положил на плечо. Костюм не был таким уж плотным, поэтому она сразу почувствовала касание, хоть рука его стала совсем невесомой.

— Что касается меня, я не прочь умереть, — сказал он. — Мы обладаем третьей жизнью. Может быть, поэтому мы, пеквениньос, не так страшимся смерти, как вы, люди, живущие очень и очень недолго. Но хоть у меня и не будет третьей жизни, Квара, я все равно обрету бессмертие, какого обычно добиваетесь вы, люди. Мое имя будет жить в сказаниях. Даже если из меня не получится дерева, мое имя будет жить. Как будут жить мои деяния. Вы, люди, можете говорить, что я напрасно решил стать мучеником, но братья понимают меня. Оставшись чистым и сохранив разум до самого конца, я докажу, что они есть то, что из себя представляют. Я помогу доказать, что это не наши рабовладельцы сделали нас такими, какие мы есть. Ничто не способно помешать нам быть такими, какие мы есть.

Может быть, десколада заставляет нас поступать, как сочтет нужным, но она все равно не владеет нами. Внутри нас есть такое место, где заключено наше истинное «я». Поэтому я не

скорблю о жизни. Я обрету вечную жизнь в душе каждого пеквениньо, который станет свободным.

— Почему ты говоришь это, когда тебя слышу только я? — спросила Квара.

— Потому что только ты обладаешь силой расправиться со мной раз и навсегда. Только ты обладаешь властью сделать так, чтобы моя смерть ничего не принесла человечеству, чтобы весь мой народ отправился вслед за мной, чтобы не осталось никого, кто помянул бы меня добрым словом. Поэтому я и оставляю свой завет именно тебе. Тебе решать, принесет ли моя смерть хоть какую-нибудь пользу, или о ней быстро забудут.

— Ненавижу тебя, — процедила она. — Я ведь знала, так и будет.

— Что будет?

— Ты выставишь меня в таком ужасном обличье, что мне придется сдаться!

— Раз ты знала, что так и будет, зачем пришла?

— Мне не следовало этого делать! О, если б я удержалась!

— Я скажу тебе, почему ты пришла сюда. Ты пришла, чтобы я заставил тебя отступиться. Ты отступишься от своих взглядов ради меня, но не

ради своей семьи.

— Так, значит, я марионетка?

— Напротив. Ты сама выбирала — идти ко мне или нет. Ты используешь меня, чтобы я заставил тебя сделать то, чего ты на самом деле желаешь. В своем сердце, Квара, ты все еще человек. Ты хочешь, чтобы твой народ жил вечно. Ты была бы настоящим монстром, если бы не мечтала об этом.

— Смерть не прибавляет тебе мудрости, — заявила Квара.

— Еще как прибавляет, — ответил Сеятель.

— А если я скажу, что никогда не пойду на убийство десколады?

— Я поверю тебе.

— И возненавидишь меня.

— Да.

— Ты не сможешь.

— Смогу. Я не такой уж примерный христианин. Я не способен возлюбить того, кто несет смерть мне и моему народу.

Она ничего не сказала.

— Уходи, — грустно произнес он. — Я сказал все, что мог. Теперь я хочу немножко попеть песни. Я должен сохранять разум до тех пор, пока смерть не заберет меня.

Квара, пошатываясь, направилась к стерилизатору.

Миро повернулся к Эле:

— Выпроводи всех из лаборатории.

— Но зачем?

— Есть небольшая вероятность, что она, выйдя из клетки, все тебе расскажет.

— Тогда, наоборот, мне следует удалиться, а остальные пускай остаются, — пожала плечами Эла.

— Нет, — возразил Миро. — Ты единственная, кому она хоть что-то расскажет.

— Если ты так думаешь, ты полный…

— Если она расскажет кому-нибудь другому, это не уязвит ее так, как хотелось бы ей самой, — объяснил Миро. — Все прочь из лаборатории!

Эла задумалась на секунду.

— Ладно, — обратилась она к персоналу. — Возвращайтесь в главную лабораторию и находитесь у компьютеров. Если она что-нибудь расскажет, я подключу вас к сети и вы сможете следить за объяснениями. Как только начнете что-то понимать, немедленно делайте все, что сочтете нужным. Даже если ей действительно известно нечто сногсшибательное, у нас все равно очень мало времени, чтобы разработать усеченный

вариант десколады. Мы не успеем ввести вирус Сеятелю, и он погибнет. Так, все на выход.

Ассистенты покинули комнату наблюдений.

Когда Квара вышла из стерилизатора, в опустевшем помещении ее ждали только Эла и Миро.

— Все равно я считаю, нельзя убивать десколаду, не попытавшись договориться с нею, — сказала она.

— Может, и так, — кивнула Эла. — Я же знаю одно: если такое возможно, я сделаю это.

— Выводи свои файлы, — сказала Квара. — Я расскажу все, что знаю, о разумности десколады. Если это сработает и Сеятель выживет, я плюну ему прямо в мохнатую харю.

— Можешь плевать, сколько душе будет угодно, — ответила Эла, — лишь бы он выжил.

На дисплее появились файлы. Квара начала указывать на отдельные части модели вируса десколады. Через несколько минут она уже сидела за терминалом, тыкала пальцем, что-то печатала и отвечала на вопросы Элы.

Снова ожил передатчик в ухе Миро.

— Вот ведь стерва, — прошептала Джейн. — Она не переносила файлы в другой компьютер. Все, что знала, она держала в голове.

Ближе к вечеру следующего дня Сеятель нахо-

дился на грани смерти, а Эла валилась с ног от усталости. Ее группа работала всю ночь напролет. Квара помогала им чем могла: вычитывала информацию, которую доставляли люди Элы, критиковала, указывала на ошибки. Часам к девяти они составили модель усеченного вируса, который должен был сработать как надо. Языковые способности были сведены на нет, так что теперь новые вирусы будут не в состоянии общаться друг с другом. Помимо языковых, вирус лишился аналитических способностей. Нетронутыми остались только те части десколады, которые поддерживали жизненно важные функции природной среды Лузитании. Насколько можно было судить, не имея на руках действующего образца вируса, новая разработка объединяла в себе все необходимые качества: десколада по-прежнему участвовала в жизненных циклах всех видов жизни на Лузитании, включая расу пеквениньос, но не могла ничем управлять и манипулировать. Новый вирус назвали «реколадой». Десколада заработала себе имя тем, что прежний вирус без разбору расщеплял чужеродные клетки; новый вирус назывался так потому, что поддерживал парные виды, из которых состояла туземная жизнь Лузитании.

Единственное возражение исходило от Эндера. Он напомнил всем, что прежняя десколада ввела пеквениньос в воинственное состояние, пробудила в них насилие, и новый вирус может застопорить в таком состоянии всю расу. Но Эла и Квара дружно ответили, что поэтому-то они и использовали для модели более старый штамм вируса, сохранившийся в лабораториях еще с тех времен, когда пеквениньос вели себя не так враждебно, были больше «похожи на себя». Пеквениньос, участвующие в проекте, согласились с этим. Времени советоваться с кем-нибудь еще не оставалось, поэтому, заручившись согласием Корнероя и Человека, сочли, что этого достаточно.

Одна группа ученых работала над предоставленными Кварой сведениями о природе десколады, другая же трудилась над особой бактерией, которая должна была мгновенно распространиться по планете, отыскать нормальные вирусы десколады в любом месте и в любом виде и разорвать их на мельчайшие частички, то есть уничтожить. Старую десколаду бактерия узнает по тем самым элементам, которые будут отсутствовать в новой версии вируса. Достаточно будет выпустить одновременно реколаду и

бактерию, чтобы через пару дней вся планета очистилась от ужасной десколады.

Оставалась одна только проблема, самая насущная: как создать новый вирус? С самого утра Эла только этим и занималась. Квара не выдержала и заснула. Улеглась спать и бóльшая часть пекевениьос. Но Эла боролась до конца, любыми средствами пытаясь разделить вирус и переделать его по-своему.

Но в полдень к ней заглянул Эндер, чтобы уведомить: либо ее вирус спасает Сеятеля сейчас, либо никогда, — Эла рухнула на стул и разрыдалась от усталости и разочарования.

— Ничего не получается, — сквозь всхлипы проговорила она.

— Тогда давай скажем ему, что у нас все получилось, просто за несколько оставшихся часов нам не успеть и…

— Я имела в виду, что такой вирус создать в принципе невозможно.

— Но ты ведь уже разработала его.

— Да, мы разработали его, составили модель. Но создать его невозможно. Строение десколады поистине ужасно. Мы не можем построить ее на пустом месте: в ней слишком много частей, которые не будут взаимодействовать, — «шесте-

ренки» должны присутствовать изначально, они постоянно должны перестраивать или заменять отмирающие части. А изменить настоящий вирус мы не в силах, так как, находясь в более или менее активной стадии, десколада мгновенно переделывает по-своему любые поправки, которые мы в нее вносим. Нам за ней просто не угнаться. Она была разработана специально, чтобы охранять себя от всяческих изменений. Она представляет собой настолько нестабильную структуру, что продублировать ее невозможно.

— Но как-то же ее создали.

— Да, но я не знаю, каким образом! Я не Грего, я не могу с такой легкостью отказаться от своей науки, принять метафизический постулат и начать создавать чистым желанием. Я кручусь внутри естественных законов, которые присутствуют здесь и сейчас, а закона, руководствуясь которым я могу создать подобный вирус, в природе не существует.

— То есть мы знаем, куда идти, но отсюда попасть туда не можем.

— До прошлой ночи мне не хватало знаний, чтобы понять, успеем мы разработать эту новую реколаду или нет, и я, следовательно, понятия не имела, сможем ли мы создать ее. Я считала, что

раз мы ее разработали, значит сможем и создать. Я была готова начать действовать в ту же самую секунду, как только Квара сдастся. А в результате мы пришли к выводу, что существование такого вируса невозможно вообще. Квара была права. Определенно, она рассказала нам достаточно, чтобы расправиться с десколадой на Лузитании. Однако мы не можем создать реколаду, которая заменила бы прежний вирус и сохранила лузитанскую экологию.

— Таким образом, если мы используем эту бактерию…

— …Через пару недель все пеквениньос будут там же, где уже сегодня окажется Сеятель. А вместе с пеквениньос — вся трава, птицы, деревья и прочее. Останется выжженная земля. Это зверство. Квара была права.

Эла снова разрыдалась.

— Ты просто устала.

Это сказала Квара. Звуки голосов разбудили ее, и сейчас она выглядела не лучшим образом — сон никоим образом не помог ей.

Эла ничего не могла ответить сестре.

Квара, судя по выражению лица, собиралась было добавить что-нибудь жестокое, типа «я же тебе говорила», но, видимо, передумала. Она

подошла к сестре и положила ей на плечо руку:

— Эла, ты устала. Тебе надо поспать.

— Да, — кивнула Эла.

— Но сначала давай расскажем обо всем Сеятелю.

— Ты хочешь сказать, давай попрощаемся с ним?

— Да, именно это я и имела в виду.

Вместе они прошли в лабораторию, где стояла герметичная клетка Сеятеля. Исследователи-пеквениньос, которые заснули вместе с Кварой, тоже поднялись; никто не хотел оставлять Сеятеля в последние часы его жизни. Миро снова был внутри, вместе с умирающим пеквениньо, но на этот раз его не стали просить уйти, хотя Эндер знал, что и Эле, и Кваре очень хотелось бы побыть с Сеятелем наедине. Однако они просто воспользовались установленными в клетке динамиками и объяснили Сеятелю, что вышло из их затеи. В некотором роде это было даже хуже полного провала, потому что, если людьми Лузитании вдруг овладеет безысходное отчаяние, может вспыхнуть восстание, которое приведет к полному уничтожению пеквениньос.

— Вы не сделаете этого, — прошептал Сеятель.

Самые чувствительные микрофоны с трудом

улавливали звук его голоса.

— Мы — нет, — ответила Квара. — Но, кроме нас, есть и другие.

— Вы не сделаете этого, — повторил Сеятель. — Мне единственному суждено умереть подобной смертью.

Последние слова вообще не были слышны; их считали по движению его губ, прокрутив чуть погодя голографическую запись, пытаясь разобрать, что именно он сказал перед смертью. И, произнеся эти слова, не успев дослушать прощальные фразы, Сеятель умер.

Как только датчики зафиксировали смерть, пеквениньос, входящие в исследовательскую группу, гурьбой ринулись в клетку. Теперь нужда в стерильности отпала. Наоборот, надо было, чтобы десколада как можно быстрее попала в тело Сеятеля. Бесцеремонно оттолкнув в сторону Миро, они приступили к работе, делая инъекции вируса в каждую часть тела Сеятеля. За считаные секунды было сделано около сотни инъекций. Сразу стало понятно, что они долго готовились к этому моменту. Они глубоко чтили тот факт, что Сеятель ради них пожертвовал жизнью. Но он умер, вечная слава ему теперь гарантирована, и перед ними не вставало вопроса, спасать его

третью жизнь или нет, — если получится, они сделают это.

Затем пеквениньос вынесли тело на открытое пространство и положили неподалеку от Человека и Корнероя, на заранее обозначенное место, чтобы дерево, выросшее здесь, образовало равносторонний треугольник с двумя другими деревьями-отцами. Они вскрыли живот и начали раскладывать органы по земле. Спустя несколько часов из останков показался зеленый росток. Еще существовала, хоть и слабая, надежда, что из него вырастет дерево-отец. Но только спустя несколько дней братья, умеющие определять юное дерево-отца, объявили, что их усилия не увенчались успехом. Да, в его генах сохранилось какое-то подобие жизни, но воспоминания, воля, личность, которой при жизни был Сеятель, безвозвратно пропали. Дерево оказалось немым. Однако никаких возражений насчет того, чтобы включить его в славную летопись деревьев-отцов, не последовало. Сеятель твердо решил освободиться от десколады, а ведь это означало лишиться третьей жизни, которую десколада обеспечивала всем, кто нес ее в своих генах. Он преуспел в этом и, проиграв, одержал славную победу.

Преуспел он еще кое в чем. Пеквениньос отказались от бытовавшего обычая быстро забывать имена деревьев-братьев. Пусть ни одна маленькая мать никогда не взберется по его коре, этот брат-дерево, выросший из останков пеквениньо, будет всегда известен под именем Сеятель; с ним всегда будут обращаться с уважением, как если бы он был деревом-отцом, как если бы он оставался личностью. Более того, истории о нем будут вновь и вновь звучать по всей Лузитании, распространившись среди всех племен пеквениньос. Он доказал, что разум пеквениньос не зависит от десколады. Это была благородная жертва, и имя Сеятеля будет вечно напоминать пеквениньос об изначальной свободе от вируса, который когда-то давным-давно захватил их в плен.

Но смерть Сеятеля ни на минуту не прервала приготовления пеквениньос к колонизации других миров. Партия Воителя теперь представляла значительное большинство, а стоило только пройти слуху, что у людей появилась бактерия, способная извести десколаду в считаные дни, как пеквениньос с удвоенными силами принялись за подготовку к отлету. «Ну же, — твердили они Королеве Улья. — Поторопись, мы должны сбежать с этой планеты, прежде чем люди решатся

уничтожить нас».

— Да, вероятно, я смогу это сделать, — сказала Джейн. — Если судно будет очень маленьким и как можно более простым, если груза будет минимум, а в состав команды войдет не более двух человек, я сумею удержать в уме образ, особенно при условии, что полет будет кратким, а остановка во Вне-мире не слишком затянется. Что касается координат отправного пункта и точки прилета, так это детская забава; разница в уровнях составит миллиметр, а то и меньше. Поэтому никаких дополнительных двигателей, никакой сложной системы жизнеобеспечения устанавливать не надо. Корабль должен быть как можно проще: герметичный корпус, пара кресел, чтобы сидеть, свет, тепло. Если все-таки нам удастся проникнуть туда, если я удержу в уме образ и верну нас обратно, мы не пробудем в пространстве столько времени, чтобы использовать весь кислород в маленькой комнате.

Они сидели в кабинете епископа и внимательно слушали речь Джейн. Здесь собрались семья Рибейра в полном составе, семья Джакта и Валентины, ученые-пеквениньос, несколько священников и «фильос» и примерно с дюжину других важных лиц Милагре. Епископ настоял,

чтобы собрание прошло именно у него в кабинете. «Потому что места в нем хватит всем, — убеждал он, — и потому что, если уж вы собираетесь, подобно Нимроду[31], выйти на охоту перед ликом Господа, если вы, подобно Вавелю, посылаете корабль на небеса, чтобы лицезреть нашего Господа, я хочу присутствовать там и помолиться перед Богом, чтобы он был милосерден к вам».

— Сколько возможностей ты собираешься задействовать? — спросил Эндер.

— Практически все, — ответила Джейн. — Во время нашего полета каждый компьютер на Ста Мирах будет функционировать с некоторым запозданием. Я воспользуюсь всей компьютерной памятью, чтобы удержать образ.

— Я спрашиваю об этом, так как мы хотели бы кое над чем поэкспериментировать, пока будем во Вне-мире.

— Эндрю, не переиначивай моих слов, — нахмурилась Эла. — Пока мы будем там, мы хотим совершить чудо. Если мы все-таки выберемся во Вне-мир, это будет означать, что Грего и Ольяду, скорее всего, были правы насчет процессов, кото-

[31] Примечания: 31

Нимрод — в ветхозаветной мифологии богатырь и охотник, сын Хуша и внук Хама. В Книге Бытия приводится поговорка: «Сильный зверолов, как Нимрод перед Господом».

рые в нем происходят. И это означает, что законы там абсолютно иные. Четко восприняв образ, ты сумеешь создать во Вне-мире все что угодно. Поэтому я и хочу отправиться туда. Во время пребывания во Вне-мире я буду удерживать в уме образ вируса рекомбинации, и есть все шансы за то, что такой образ у меня получится. Может быть, мне даже удастся перенести сделанный в ином пространстве вирус в наш мир. Вы возьмете меня? Сможете вы пробыть там ровно столько, чтобы я успела создать вирус?

— Сколько времени на это уйдет? — уточнила Джейн.

— Практически нисколько, — сказал Грего. — Как только мы туда прибудем, образы, содержащиеся у нас в умах, должны немедленно воплотиться физически, и все это произойдет настолько быстро, что мы этого даже не заметим. Основное время уйдет на проверку — получила ли она то, что хотела. Это займет, может быть, минут пять.

— Да, — кивнула Джейн. — Если это вообще получится, я смогу удержать вас там пять минут.

— А как насчет других членов команды? — спросил Эндер.

— Другими членами команды будете вы с Ми-

ро, — твердо заявила Джейн. — Больше никого я не возьму.

Грего протестовал громче всех, хотя возникло немало протестов и со стороны других.

— Я пилот, — подчеркнул Джакт.

— Пилотирую судно я, и никто другой, — парировала Джейн.

— Этот мир выдумали мы с Ольяду! — бушевал Грего.

— Я беру с собой Эндера и Миро, потому что без их участия успех не гарантирован. Я обитаю внутри Эндера — куда бы он ни летел, я присутствую при нем. Миро, с другой стороны, стал мне настолько близок, что, кажется, он сейчас входит в образ, который я из себя представляю. Я хочу, чтобы он полетел, потому что без него я не буду единым целым. Только трое, и больше никого. Я не смогу удержать в образе много людей. Мы берем с собой только Элу.

— Значит, так тому и быть, — подвел черту Эндер.

— И никаких споров, — добавил мэр Ковано.

— Судно нам предоставит Королева Улья? — спросила Джейн.

— Да, — ответил Эндер.

— Тогда я хочу попросить еще об одной услуге.

Эла, если я дам тебе пять минут, сможешь ли ты вызвать в уме образ еще одного вируса?

— Вируса для Пути? — догадалась Эла.

— Мы многим обязаны им. Они оказали нам неоценимую помощь.

— Думаю, да, — ответила Эла. — По крайней мере, мне надо будет запомнить всего лишь различия между ним и обычной десколадой. Но что-что, а отличия я помню прекрасно.

— И когда вы намереваетесь лететь? — поинтересовался мэр.

— Как только Королева Улья построит судно, — сказала Джейн. — У нас осталось всего сорок восемь дней до того, как Сто Миров отключат ансибли. Я выживу, мы все прекрасно знаем это, но превращусь в беспомощную калеку. Пройдет немалое время, прежде чем я вновь обрету утерянную память, если вообще когда-нибудь обрету ее. Но отправить судно во Вне-мир я точно тогда не смогу.

— Королева Улья построит простенький кораблик задолго до этого срока, — успокоил ее Эндер. — Однако на таком судне всех людей и пекевениьос Лузитании на другую планету не переправишь, флот появится здесь гораздо раньше, не говоря уж о том, что через полтора

месяца отключатся ансибли и Джейн будет не способна управлять судном. Но зато у нас будет время, чтобы разослать по нескольким планетам небольшие группы лишенных десколады пеквениньос. Для этого всего-то потребуются брат, жена и побольше беременных маленьких матерей. Они там быстро обоснуются. Затем возьмем новых Королев Улья в коконах, уже оплодотворенных и готовых к кладке яиц, и точно так же раскидаем их по нескольким планетам. Если это сработает, если мы не будем сидеть, словно идиоты, и тешить себя глупыми мыслями типа «вот если бы мы умели летать!», мы принесем на планету мир, освобождение от десколады и безопасные убежища для генетического фонда обитающих на Лузитании видов рамен. Неделю назад это казалось невыполнимым. Сейчас появилась надежда.

— Graças a deus, — промолвил епископ.

Квара рассмеялась. Все обернулись к ней.

— Ой, простите, — смутилась она. — Я просто подумала… несколько недель назад я присутствовала при одной молитве. Молитве ос Венерадос, дедушке Густо и бабушке Сиде. Молитва заключалась в том, что если они не могут научить нас, как разрешить проблемы, вставшие перед нами,

то пусть попросят Господа, чтобы он открыл нам путь.

— Не такая уж плохая молитва, — одобрил епископ. — И возможно, Господь удовлетворил прошение.

— Я знаю, — сказала Квара. — И вот что я подумала. Что, если все эти теории вокруг Вне-мира и Внутри-пространства никогда раньше не существовали? Что, если та молитва вызвала их?

— И что с того? — не понял епископ.

— Ну, по-моему, это очень смешно.

Почему-то другим так не показалось.

16
Полет

– Люди уже получили корабль, а обещанный нам все еще строится.

– Они заказали мне обыкновенную коробку с дверью. Никаких двигателей, никаких систем жизнеобеспечения, никаких грузовых отсеков. Наши с вами суда куда сложнее, но и они вскоре будут готовы.

– На самом деле я вовсе не жалуюсь. Я как раз хотел, чтобы корабль Эндера был готов раньше остальных. Ведь именно он наша единственная надежда.

– И наша тоже. Мы согласны с Эндером и его людьми, что десколаду на Лузитании убивать нельзя, если только не будет рекомендации, которая заменит прежний вирус. Но когда мы отошлем новых Королев Улья к другим мирам, мы уничтожим десколаду на корабле, который повезет их, чтобы не принести эту заразу в новый дом и больше не бояться смерти от этого

искусственно созданного варелез.

– Как ты поступишь со своим кораблем, нас не касается.

– Если нам повезет, все решится само собой. Их новое судно проникнет во Внемир, вернется с реколадой, освободит вас, да и нас тоже, а потом этот же кораблик раскидает нас по разным мирам. Мы сами выберем себе мир.

– А это сработает, ну, эта идея с коробкой, которую ты для них сделала?

– Мы знаем точно: место, куда они направляются, существует. Это наш прежний дом. И мост, созданный нами, тот самый, что Эндер называет именем Джейн, представляет собой образ, с которым мы раньше никогда не сталкивались. Если такое вообще возможно, то только с помощью нашего моста. У нас никогда бы это не получилось.

– А ты сама полетишь, если это новое судно оправдает себя?

– Мы создадим дочерних Королев, которые понесут мои воспоминания к другим планетам. Но сами останемся здесь. Здесь я вылупилась из кокона, и теперь тут

мой дом.

– Стало быть, ты вросла в здешнюю почву так же глубоко, как и я.

– Для того и существуют дочери. Они отправятся туда, где никогда не быть нам, и понесут наши воспоминания к далеким мирам, которых мы никогда не увидим.

– Почему не увидим? Ты же сама говорила, что филотическая связь никуда не девается.

– Мы думаем о полете сквозь время. Мы живем долго. И мы, Ульи, и вы, деревья. Но наши дочери и дочери наших дочерей переживут нас всех. Против этого не пойдешь.

Цин-чжао внимательно выслушала все, что ей рассказали.

— Мне все равно, что вы решите, — высокомерно произнесла она, когда они закончили. — Боги просто посмеются над вами.

Отец покачал головой:

— Нет, в том-то и дело, что не посмеются, дочь моя, Во Славе Блистательная. Богам нет дела до Пути, как, впрочем, и до всех остальных планет тоже. Люди Лузитании вот-вот создадут вирус,

который освободит нас. С ритуалами будет покончено, оковы, наложенные на наши умы, спадут. Поэтому я еще раз спрашиваю тебя: как нам поступить? На планете возникнут беспорядки. Мы с Ванму составили план действий. Сначала мы во всеуслышание объявим, что́ собираемся сделать, чтобы люди поняли нас. Может быть, тогда народ не станет убивать Говорящих с Богами. Те просто откажутся от привилегий, вот и все.

— Привилегии — ничто, — сказала Цин-чжао. — Ты сам учил меня этому. Простые люди таким образом выражают почтение и оказывают внимание богам.

— Увы, дочь моя, лишь малая часть Говорящих с Богами думает так же. А большинство из них считают, что имеют право угнетать и грабить бедный люд, ведь боги общаются только с ними и ни с кем больше.

— Тогда боги скоро накажут их. Я не боюсь вашего вируса.

— Боишься, Цин-чжао, я вижу это.

— Я не смею перечить своему отцу, убеждать его, что он не прав и не видит того, о чем говорит. Я могу сказать только одно: должно быть, я ослепла.

— Да, моя Цин-чжао, ты действительно ослепла.

Ты просто не хочешь ничего видеть. Ты не слушаешь даже собственного сердца. Даже сейчас ты дрожишь. Ты всегда сомневалась, думая, что, может быть, я действительно прав. С той самой поры, как Джейн показала нам истинную природу Говорящих с Богами, ты перестала отличать правду от лжи.

— Значит, я и в восход перестала верить. Значит, я не верю, что дышу.

— Мы все не уверены, дышим ли, а солнце все время остается на одном и том же месте, день и ночь. Оно не может восходить, не может опускаться за горизонт. Это мы восходим, это мы опускаемся.

— Отец, я не боюсь вируса.

— Тогда наше решение остается неизменным. Если лузитанцы доставят нам этот вирус, мы воспользуемся им.

Хань Фэй-цзы поднялся, собираясь покинуть комнату, но не успел он подойти к двери, как ее голос остановил его:

— Но ведь это просто личина, за которую спрячутся боги, если соберутся нас наказать, да?

— Что? — недоуменно спросил он.

— Когда боги решат наказать Путь за то зло, что ты причинил им и осененному их благосло-

вением Конгрессу, они вполне могут скрыть суть наказания под видом якобы вируса, который заставит их умолкнуть.

— О, пускай псы вырвут мне язык, который научил тебя таким мыслям!

— Псы уже вгрызаются в самое мое сердце, — ответила ему Цин-чжао. — Отец, умоляю тебя, не делай этого. Своим бунтом ты заставишь умолкнуть богов, и никто на этой планете больше не услышит их гласа.

— Я сделаю это, Цин-чжао, и тогда больше ни одна дочь, ни один сын не станут рабами. Ведь ты выросла рабыней. Когда я вспоминаю, как ты приникала лицом к самому полу, какими глазами разглядывала жилки, мною овладевает желание разрубить на мелкие кусочки тех, кто сотворил с тобой такое. Я бы вытащил из них все жилы и с удовольствием прослеживал бы их всю оставшуюся жизнь. Я бы знал, что эти негодяи наказаны.

Она разрыдалась:

— Отец, умоляю тебя, не перечь богам!

— Теперь я твердо решил, что освобожу вирус, как только он у нас появится.

— Ну как мне убедить тебя? Когда я безмолвствую, ты решаешь по-своему, когда я умоляю

тебя, ты только утверждаешься в своем решении.

— Неужели ты действительно не знаешь, как остановить меня? Ты могла бы заговорить со мной, притворившись, что поняла: беседы с богами — не что иное, как следствие нарушений мозговой деятельности. А потом, когда я уверовал бы, что ты воспринимаешь мир правильно, ты могла бы убедить меня, что такая быстрая, такая всеобъемлющая перемена только повредит нашему обществу. Или нашла бы другие доказательства.

— Значит, чтобы убедить своего отца, я должна солгать ему?

— Нет, моя Во Славе Блистательная дочь. Чтобы убедить своего отца, ты должна доказать ему, что понимаешь истину.

— Я прекрасно понимаю истину, — ответила Цин-чжао. — Я понимаю, что какой-то неведомый враг украл тебя у меня. Я понимаю, что со мной остались боги и еще мать, которая принадлежит к их сонму. Я умоляю богов забрать мою душу, я прошу их воссоединить меня с мамой и прекратить страдания, которые ты мне причиняешь, но они оставляют меня в этом мире. Думаю, они желают, чтобы я продолжала почитать их. Может

быть, я еще недостаточно чиста для небес. А может быть, они знают, что вскоре ты переменишь свое мнение и опять, как это бывало раньше, с почтением будешь говорить о богах и поучать меня верой и правдой служить им.

— Такого никогда не произойдет, — выпрямился Хань Фэй-цзы.

— Когда-то я думала, что в один прекрасный день тебе суждено стать богом Пути. Теперь я вижу, ты вовсе не защищаешь этот мир; наоборот, ты его самый злейший враг.

Хань Фэй-цзы закрыл лицо руками и, оплакивая свою дочь, вышел из комнаты. Нельзя убедить ее, пока она слышит голоса богов. Но, возможно, если Лузитания пришлет им вирус, если боги умолкнут, она прислушается к его доводам. Может быть, он еще вернет ее к реальности.

Они сидели внутри космического корабля, внешне больше походившего на две металлические плошки, поставленные друг на друга, в боку одной из которых проделана небольшая дверь. По проекту Джейн, в точности скопированному Королевой Улья и ее рабочими, все приборы находились снаружи судна. Но даже ощетинившийся всевозможными датчиками и сенсорами, этот корабль не имел аналогов во Вселенной. Он

был очень маленьким, а какие-либо двигатели отсутствовали. Единственной силой, которая понесет судно прочь с планеты, была айю, взятая на борт Эндером.

Эндер, Миро, Эла уселись в кружок, лицом друг к другу. Всего кресел было шесть, потому что Джейн предусмотрительно установила в салоне дополнительные посадочные места, на случай если в будущем судно придется использовать еще раз для транспортировки с планеты на планету большего количества людей.

Время прощаний миновало. На посадочном поле собрались сестры, братья, всевозможные родственники и просто друзья. Вот только одна женщина все-таки не пришла, причинив Эндеру ни с чем не сравнимую боль. Новинья. Его жена. Мать Миро и Элы. Она не участвовала в проекте. Расставаясь, он жалел только об этом.

Их переполняли страх и волнение, надежда и неверие. Может быть, через несколько мгновений они погибнут. А может быть, через несколько секунд бутылочки в руках у Элы наполнятся вирусами, которые спасут две огромные планеты. Им суждено первыми отправиться в полет, который выведет сразу две разумные расы из-под угрозы молекулярного дезинтегратора.

А может быть, они превратятся в трех глупцов, которые никуда не улетят с заросшего травой поля, раскинувшегося сразу за изгородью человеческой колонии на планете Лузитания. Они будут сидеть внутри и ждать, пока жара и духота не выгонят их наружу. Естественно, никто из провожающих смеяться не будет, но зато потом над ними будет насмехаться весь Милагре. Этот невеселый смех будет означать, что надежды на спасение нет, что свободы им не видать, а страх все больше и больше будет завладевать людьми, пока не явится смерть в одном из своих многочисленных обличий.

— Ты здесь, Джейн? — спросил Эндер.

Голос в его ухе прозвучал очень тихо:

— Когда мы полетим, у меня не останется резервов на разговоры с тобой.

— Ты будешь с нами, только ничего не сможешь сказать, — догадался Эндер. — А как я пойму, что ты тоже перешла во Вне-мир?

Она нежно рассмеялась:

— Эндер, глупыш, если вы окажетесь там, я все равно останусь внутри тебя. А если меня там не будет, то вы нигде не окажетесь. Вас вообще не станет.

Эндер представил себе, как тело, разлетаясь на

триллионы мельчайших частичек, вливается в хаос. Его будущее зависит не только от Джейн, которая должна будет удержать в голове образ корабля, но и от него самого. Ему тоже придется удерживать образ, но образ своего ума и своего тела. Только он понятия не имел, хватит ли у него сил, когда он окажется там, где законы природы не действуют.

— Готовы? — спросила Джейн.

— Она спрашивает, мы готовы? — передал остальным Эндер.

Миро кивнул. Эла склонила голову, быстро перекрестилась, покрепче вцепилась в свои склянки и тоже кивнула.

— Если мы благополучно вернемся, Эла, — сказал Эндер, — даже если ты не сумеешь создать вирус, помни одно: мы победили. Если корабль выдержит, мы сможем вернуться туда, когда пожелаем. Помни, у нас еще есть время. Не получится сегодня — выйдет завтра.

Она улыбнулась:

— Я вовсе не удивлюсь, если ничего у нас не выйдет, но и успех меня не смутит. Мои ассистенты держат наготове тысячи бактерий, чтобы выпустить их на поверхность планеты. Если я вернусь с реколадой, мы немедленно начнем уни-

чтожать десколаду. Сначала придется нелегко, но лет через пятьдесят мир снова обретет саморегулирующуюся гайалогию. Я уже вижу оленей и коров, пасущихся на тучной траве Лузитании, орлов в небе. — Она перевела взгляд на баночки, которые сжимала в руках. — Кроме того, перед отлетом я помолилась Святой Деве, чтобы Святой Дух, зачавший Бога в ее чреве, явился к нам и населил пробирки новой жизнью.

— Аминь, — проговорил Эндер. — А теперь, Джейн, если ты готова, отправляемся.

На поле ждали провожающие. Чего они ждали? Что судно вдруг задымится, заходит ходуном? Что раздастся удар грома, последует яркая вспышка?

Судно мирно стояло в высокой траве. Не подпрыгивало, не меняло очертаний. А потом вдруг исчезло.

Находящиеся внутри судна не почувствовали ровным счетом ничего. Все произошло бесшумно, не было никакого намека на переход из Внутрипространства во Вне-мир. Но они сразу поняли, что переход свершился. Потому что теперь их стало не трое, а шестеро.

В пустующих креслах, стоящих по бокам Эндера, возникли юноша и девушка. Только у него не было времени разглядывать их, ибо он не

отрываясь смотрел на человека, который теперь сидел в кресле напротив, прежде пустом.

— Миро, — прошептал Эндер. Там теперь сидел Миро. Но не искалеченный Миро, не тот увечный молодой человек, который поднялся на корабль. Он все еще сидел слева от Эндера. Новый Миро был полным сил и энергии юношей, которого когда-то знавал Эндер. Это был мужчина, на чьих плечах лежала забота о всей семье, чьей красотой так гордилась Кванда, чьи ум и сердце служили пекевениньос. Когда-то он не смог лишить маленький народец тех благ цивилизации, которые могла предложить пекевениньос человеческая культура. Миро, целый и невредимый. Откуда он взялся? — Я должен был догадаться, — хлопнул себя по лбу Эндер. — Это же очевидно. Образ, который ты нарисовал себе, Миро… Ты сейчас не такой, ты таким когда-то был.

Новый Миро, молодой Миро, поднял голову и улыбнулся Эндеру.

— Я долго думал об этом, — сказал он, и речь его оказалась чистой и прекрасной, слова легко скатывались с языка. — Я надеялся на это. Поэтому-то и упросил Джейн взять меня с собой. И мои надежды сбылись. Все в точности как я пожелал.

— Но теперь вас двое, — прошептала Эла. В ее

голосе слышался суеверный ужас.

— Нет, — покачал головой новый Миро. — С вами остался только я. Моя настоящая личность.

— Но вон он, другой, — показала она.

— Скоро его не будет, — ответил Миро. — Старая оболочка опустела.

И правда, прежний Миро безжизненно осел в кресле. Эндер опустился перед ним на колени, дотронулся до него, затем прижал пальцы к шее, пытаясь прощупать пульс.

— Его сердце больше не бьется, — снова улыбнулся Миро. — Зачем? Теперь айю Миро обитает во мне.

Когда Эндер отнял пальцы от шеи прежнего Миро, кожа мертвеца вдруг превратилась в пыль. Эндер отшатнулся. Голова отвалилась, упала трупу прямо на колени и растеклась лужицей белой жидкости. Эндер вскочил на ноги, отпрыгнул. И наступил кому-то на ногу.

— Ой! — вскрикнула Валентина.

— Смотри, куда прешь! — рявкнул юноша.

«Валентины на борту корабля не было, — мелькнуло в мозгу Эндера. — И голос этого парня я узнаю».

Он повернулся к ним, к юноше и девушке, материализовавшимся в пустых креслах.

Валентина. Юная и прекрасная. Так она выглядела, когда еще девочкой купалась вместе с ним в озере на Земле. Так она выглядела, когда он любил ее, когда больше всего на свете нуждался в ней одной, когда именно из-за нее он решил продолжить военную карьеру, когда только она стала причиной, по которой он решил спасти этот мир.

— Ты не существуешь, — прошептал он.

— Ну как же? — нахмурилась она. — Ведь ты же сам наступил мне на ногу!

— Бедняжка Эндер, — процедил юноша. — Все такой же неловкий и по-прежнему туп как пробка. Убийственное сочетание.

Вот теперь Эндер узнал его.

— Питер, — обомлел он.

Его брат, враг детства, в возрасте, когда он стал Гегемоном. Его портрет транслировали все телестанции. Именно тогда Питер повернул дело так, что Эндер, одержав великую победу, никогда больше не вернулся домой, на Землю.

— Я-то думал, что уже никогда не увижу тебя, — сказал Эндер. — Ты умер очень давно.

— Слухи о моей смерти были сильно преувели-

чены[32], — усмехнулся Питер. — У меня жизней — как у кошки. И ровно столько же зубов и коготков. И всегда я готов к любому сотрудничеству.

— Откуда вы взялись?

На его вопрос ответил Миро:

— Должно быть, они появились из образов, которые ты создал в уме, Эндер. Ты, похоже, знаешь их.

— Не иначе, — задумчиво проговорил Эндер. — Но почему? Мы ведь должны были принести сюда свой собственный образ. Представить себя такими, какие мы есть.

— Да неужто? — ухмыльнулся Питер. — Тогда ты, мягко скажем, отличаешься от всех. Твоя личность настолько сложна, что вмещает в себя личности других людей.

— Я тебе не принадлежу! — взорвался Эндер.

— И прекрасненько, — хитро посмотрел на него Питер. — Знаешь, я предпочитаю девочек, а не грязных старикашек.

— Ты мне не нужен, — резко сказал Эндер.

— А я никому не нужен, — ответил Питер. — Всем нужен был ты. Но получили они меня. Вспомни, как все было. И вот я очутился здесь.

---

[32] Примечания: 32

Изречение принадлежит американскому писателю Марку Твену.

Ты думаешь, я не знаю, что со мной случилось потом? Ты и эта лживая книжонка, «Гегемон». Такой мудрый, такой понимающий. Как Питер Виггин раскаялся. Как он превратился в мудрого и дальновидного правителя. Классная шутка. Ну да, Говорящий от Имени Мертвых. Ведь ты, пока писал ее, знал, знал правду! Ты лично смыл с моих рук кровь, Эндер, но ты знал, что я всю жизнь мечтал о реках крови.

— Оставь его в покое, — вмешалась Валентина. — В «Гегемоне» он рассказал всю правду.

— Все еще защищаешь его, а, ангелочек?

— Нет! — выкрикнул Эндер. — Я покончил с тобой, Питер! Тебя не было в моей жизни вот уже три тысячи лет!

— Можешь бежать, но от меня никуда не денешься!

— Эндер! Эндер, хватит! Эндер!

Он обернулся. Кричала Эла:

— Я не знаю, что здесь происходит, но кончайте это! У нас осталось несколько минут. Помогите мне провести тесты.

Она была права. Что бы там ни случилось с Миро, откуда бы ни появились Питер и Валентина, прежде всего — десколада. Сумела ли Эла изменить ее? Создать реколаду? И вирус, кото-

рый изменит гены людей Пути? Если уж Миро сумел вернуть себе прежнее тело и Эндер как-то вызвал к жизни призраков прошлого и наделил их плотью, тогда возможно — действительно возможно, — что склянки Элы сейчас содержали в себе вирусы, образы которых она создала в уме.

— Помогите мне, — прошептала Эла.

Эндер и Миро (новый Миро, его руки опять стали сильными и ловкими) одновременно потянулись к ней, взяли пузырьки и начали проводить тест. Результат теста должен быть отрицательным. Если бактерии, морские водоросли и крошечные червячки, которых они поместили в пробирки, выживут в течение нескольких минут, значит в пузырьках десколады нет. А так как склянки, когда Эла поднималась на борт судна, кишмя кишели вирусами, это послужит доказательством, что произошло нечто нейтрализовавшее действие десколады. То ли в них появилась рекалада, то ли старая десколада погибла — это выяснится, только когда они вернутся.

Червяки, морские водоросли и бактерии не проявляли никаких подозрительных симптомов. В тестах, что проводились на Лузитании, содержащая бактерии среда, когда в нее добавляли десколаду, меняла цвет с голубого на желтый.

Сейчас она оставалась чисто голубой. На Лузитании червячки быстро погибали и сероватыми хлопьями всплывали на поверхность. Сейчас они бодро извивались внутри, их обычный цвет, пурпурно-коричневый, свидетельствующий, что они еще живы, таким и оставался. А морские водоросли, вместо того чтобы распасться на части и бесследно раствориться, мирно покачивались в пробирке, устремляя тоненькие ниточки к воздуху.

— Получилось, — выдохнул Эндер.

— По крайней мере, надежда есть, — согласилась Эла.

— Садитесь, — сказал Миро. — Если мы готовы, она переправит нас обратно.

Эндер опустился в кресло и посмотрел туда, где раньше сидел Миро. Его прежнее, искалеченное тело уже утратило человеческие очертания. Оно морщилось, части отваливались и рассыпались в пыль или просто сбегали струйкой жидкости на пол. Даже одежда исчезла.

— Это больше не мой образ, — пояснил Миро. — Его больше ничто не поддерживает.

— Как насчет *этих*? — спросил Эндер. — Почему они не растворяются?

— А ты? — отозвался Питер. — Почему ты не

исчезнешь? Теперь ты никому не нужен. Старый дурак, даже бабу свою и ту удержать не смог. Даже детей у тебя нет, жалкий евнух. Прочь с дороги, освободи путь настоящим мужчинам. Ты никогда и никому не был нужен. Я всегда превосходил тебя, с моими деяниями твоим потугам никогда не сравниться.

Эндер закрыл лицо ладонями. Такого он не мог представить даже в самых жутких кошмарах. Да, он прекрасно понимал, что отправляется туда, где его мозг легко может создать что угодно. Но ему никогда не приходило на ум, что Питер все еще живет внутри его. Он считал, что еще много лет назад подавил в себе былую ненависть.

А Валентина — почему он создал еще одну Валентину? Такую юную, совершенную, милую и замечательную? На Лузитании его ждет настоящая Валентина. Что она подумает, увидев созданное им во Вне-мире? Может быть, она будет очень тронута, узнав, насколько близка ему, но она также поймет, что в своем сердце он хранит ее прежний образ, а вовсе не нынешний.

Страшнейшая и ярчайшая тайны его души будут выставлены на всеобщее обозрение, стоит только двери корабля открыться.

— Изыдите, — сказал он. — Рассыпьтесь в прах.

— Только после вас, — съязвил Питер. — Ты сойдешь в могилу куда раньше. Твоя жизнь закончена, моя же только начинается. Много лет назад я впервые попробовал свои силы на одной-единственной планете — на Земле. Все оказалось просто. Так же легко я могу убить тебя голыми руками, стоит мне только захотеть. Твоя шея переломится, как сухой сук.

— Ну давай, попробуй, — прошептал Эндер. — Маленький мальчик, который до смерти боялся тебя, остался в далеком прошлом.

— Ты мне не ровня, — презрительно фыркнул Питер. — Ты никогда не был для меня достойным противником и никогда не будешь. У тебя слишком доброе сердце. Как и у Валентины. Ты не сможешь сделать того, что надо будет сделать. А поэтому ты слаб и беззащитен. С тобой справиться — пару раз плюнуть.

Внезапная вспышка света. «Что такое, неужели нам все-таки не выбраться из этого Вне-мира? Джейн не может больше удерживать в уме наши образы? Мы сейчас взорвемся или врежемся в солнце?»

Нет. Просто дверь открылась. Полутьму корабля прорезал яркий свет солнечного утра Лузитании.

— Вы выходить собираетесь? — крикнул Грего,

заглядывая внутрь. — Ну так что…

И тут он увидел всех. Эндер заметил, как он шевелит губами, считая про себя пассажиров корабля.

— Nossa Senhora! — выдохнул Грего. — А эти-то откуда взялись?

— Свалились на вас прямиком со съехавшей крыши Эндера, — объяснил Питер.

— Нас создало давнее и нежное воспоминание, — ответила новая Валентина.

— Помогите мне управиться с вирусами, — попросила Эла.

Эндер рванулся было к ней, но она отдала пузырьки Миро. Она ничего не объясняла, просто отвернулась. Но он мгновенно все понял. Происшедшее с ним во Вне-мире оказалось слишком непонятным и чуждым. Кем бы ни были этот Питер и эта юная Валентина, они не должны были возникнуть. То, что Миро создал для себя новое тело, объяснимо, хоть вид превращающегося в забытое ничто разлагающегося трупа — не самое приятное зрелище. Цель Элы была настолько четко сформулирована, что, помимо содержимого пузырьков, которые она прихватила именно для этой цели, она не создала ничего постороннего. Но Эндер произвел на свет сразу двоих, и оба

по-своему неприятны. Новая Валентина казалась насмешкой над Валентиной настоящей, которая ждала его появления сразу у дверей. А Питер вызывал омерзение своими ужимками, одновременно опасными и неприличными.

— Джейн, — прошептал Эндер, — ты слышишь меня?

— Да, — ответила она.

— Ты видела, что произошло?

— Да.

— Ты что-нибудь поняла?

— Я очень устала. Как никогда. Я никогда прежде не совершала такой сложной работы. Пришлось задействовать буквально всю память — все мое внимание. И два новых тела, Эндер. Ты заставил меня включить их в образ. Я до сих пор не понимаю, как у меня это получилось.

— Я не хотел…

Но она не ответила.

— Ну что, ты идешь или остаешься здесь? — осведомился Питер. — Все уже ушли. И прихватили с собой эти банки с мочой.

— Эндер, я боюсь, — сказала юная Валентина. — Я не знаю, как мне лучше поступить.

— Я тоже, — вздохнул Эндер. — Да простит меня Бог, если это как-нибудь повредит тебе. Я не

хотел, мне не следовало брать тебя сюда.

— Знаю, — кивнула она.

— Э нет, — встрепенулся Питер. — Милый старина Эндер вызывает из мозга образ уже созревшей молоденькой девушки, которая выглядит точь-в-точь как его сестра в юности. Мм, Эндер, старина, где ж предел твоей порочности?

— Только грязный, извращенный ум способен подумать о таком, — пробормотал Эндер.

А Питер рассмеялся. Он смеялся и смеялся.

Эндер взял юную Вэл за руку и повел ее к двери. Он почувствовал, как ее ладошка внезапно вспотела и задрожала. Она казалась такой реальной. Она *действительно* существовала. Однако, остановившись в дверях, он увидел настоящую Валентину, повзрослевшую, слегка постаревшую, но все еще изящную, прекрасную женщину, которую он знал и любил все эти годы. «Вот моя *настоящая* сестра, та, которую я так люблю, мое второе „я“. Как очутилась у меня в мозгу эта юная девушка?»

Сразу было видно, что Грего и Эла рассказали достаточно, чтобы все собравшиеся поняли, что произошло что-то крайне странное. И когда Миро бодрой, пружинящей походкой сошел с судна, такой крепкий и самоуверенный, легко выго-

варивающий слова и весь бурлящий энергией — казалось, вот-вот запоет, — по толпе прокатился восторженный шепоток. Чудо. Там, откуда вернулся космический корабль, могли свершаться чудеса.

Однако, увидев Эндера, все тут же замолкли. Вряд ли кто с первого взгляда мог узнать в девушке, которая шла, держась за его руку, Валентину в молодости. Тогда ни один человек не понял этого, даже Валентина сама себя не узнала. И никто, кроме Валентины, не мог узнать Питера Виггина таким, каким он был в молодости: в исторических книгах его обычно изображали на закате лет, ведь именно тогда в повседневную жизнь вошла дешевая, доступная всем голография.

Но Валентина сразу его узнала. Эндер замер в дверях, рядом с ним стояла юная Вэл, сзади высовывался Питер. Вот тогда-то Валентина и узнала обоих. Она отпустила руку Джакта, которую прижимала к себе, и подошла к Эндеру.

— Эндер, — дрожащим голосом проговорила она, — мой милый, дорогой, истерзанный мальчик, неужели это и есть то, что ты создал, отправившись туда, где исполняются желания? — Она протянула руку и погладила свою более юную копию по щеке. — Она такая краси-

вая, — сказала она. — Я никогда не была такой красивой, Эндер. Она само совершенство. Она такая, какой я хотела быть.

— Эй, Вэл, меня разве ты не рада видеть, мой любимейший, милейший Демосфен? — Питер, растолкав Эндера и юную Вэл, пробился вперед. — А для меня у тебя нежных воспоминаний детства не найдется? Разве я не более красив, чем ты меня помнишь? Но я-то тебя очень рад видеть. Ты прекрасно обращалась с той личностью, которую я для тебя создал. Демосфен. Я тебя создал, а ты даже не хочешь сказать мне спасибо.

— Спасибо, Питер, — прошептала Валентина. Она снова перевела взгляд на юную Вэл. — Что ты собираешься с ними делать?

— С нами делать? — не поверил ушам Питер. — Мы ему не принадлежим, чтобы он с нами что-то там творил. Да, он перенес нас обратно, но теперь я сам по себе, впрочем, как всегда.

Валентина повернулась к толпе, все еще никак не веря в случившееся. Все видели, как на борт корабля поднялись три человека, затем судно исчезло и ровно через семь минут снова возникло на том же самом месте, но вместо троих с него сошло пятеро. Двое лишних взялись непонятно откуда. Естественно, все с глупым видом таращи-

лись на Эндера и Питера с Валентиной.

Но отвечать на вопросы было некогда. Самая важная и насущная проблема оставалась все еще нерешенной.

— Эла уже понесла пробирки в лабораторию? — спросила Валентина. — Пошли лучше туда, посмотрим, что создала она для нас во Вне-мире.

17
Дети Эндера

– Бедняга Эндер. Кошмары, которые не приснятся в самых жутких снах, ходят теперь с ним бок о бок.

– Да, он избрал странный способ обзавестись детьми.

– Ты не раз вызывала айю из хаоса. Где он взял души для этих двоих?

– А почему ты решил, что он наделил их душами?

– Они умеют ходить. Говорить.

– Тот, по имени Питер, разговаривал с тобой.

– Самый самоуверенный человек, что я когда-либо видел.

– А тебе не показалось странным, что, едва появившись на свет, он уже умеет говорить на языке отцов?

– Не знаю. Его создал Эндер. Наверное, сотворив его, Эндер сразу вложил в него это знание.

– Эндер еще не закончил. Он продолжа-

ет формировать их, они меняются от часа к часу. Мы чувствуем образ, присутствующий в нем. Может быть, сам он этого не осознает, но между этими двумя и им самим нет никакой разницы. Ну, может, у каждого свое тело, но они все равно его частички. Что бы они ни делали, что бы ни говорили, за это ответственна айю Эндера, это она действует и говорит через них.

– А он это знает?

– Сомневаемся.

– Ты скажешь ему об этом?

– Если только он спросит.

– А ты думаешь, он спросит?

– Да, но только тогда, когда сам будет знать ответ.

Шел последний день испытания рекомендации. Слух об успешном прохождении эксперимента (пока успешном) уже распространился по всему Милагре и, как предполагал Эндер, достиг пекевиньос. Помощник Элы, пекевиньо по имени Прозрачник, добровольно вызвался на роль подопытного. Три дня он жил в той самой изолированной комнатке, где не так давно при-

нес себя в жертву Сеятель. На этот раз, однако, десколада внутри Прозрачника была убита той самой бактерией, которую он лично помогал разрабатывать. И на этот раз функции, обычно присущие десколаде, исполнял новый вирус Элы — реколада. Все шло замечательно. Прозрачник был бодр и весел. Вскоре можно будет объявить, что испытания реколады успешно завершились.

За час до последнего осмотра Эндер в компании Питера и юной Валентины посетил в тюрьме Грего. В его камере он застал Квару.

— Пеквениньос согласны, — сказал Эндер Кваре. — Они охотно идут на риск. Испытания с Прозрачником прошли успешно, они готовы уничтожить десколаду и заменить ее реколадой.

— Неудивительно, — фыркнула Квара.

— А я, признаться, несколько удивлен, — вмешался Питер. — Такое впечатление, что этим свинксам просто не терпится вымереть.

Эндер вздохнул. Несмотря на то что времена, когда он был маленьким напуганным мальчиком, а Питер был старше, больше и сильнее его, остались в далеком прошлом, в душе Эндер так и не смог полюбить подобие своего братца, которое он каким-то образом создал во Вне-мире. Питер стал воплощением детских страхов Эндера, и при

мысли, что Питер снова вернулся к нему, Эндером овладевала беспомощная ярость и ненависть.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Грего. — Если пекевениьос не пойдут на это, они по-прежнему будут смертельно опасны для всего человечества, ведь десколада живет в их генах.

— А, ну да, — ухмыльнулся Питер. — Физик и одновременно гениальный стратег.

— Питер имеет в виду, — вмешался в разговор Эндер, — что, будь он во главе пекевениьос — а он совсем не против этого, — он не отказался бы от десколады. За такое он содрал бы с человечества солидный откуп.

— Вот уж диво! Похоже, у этого изрядно поизносившегося мальчишки еще осталась капля мозгов, — немедленно отреагировал Питер. — А какой смысл им лишаться единственного оружия, которого так боится человечество? К Лузитании приближается флот, а на борту нескольких его кораблей установлен молекулярный дезинтегратор. Почему бы свинксам не запихать Эндрю в его волшебный ковер-самолет и не послать встречать флот? Он бы мигом расставил все по своим местам.

— Да они пристрелят меня как собаку, — ответил Эндер. — А пекевениьос согласны на жертву,

потому что это честно и справедливо. Значение этих слов я тебе как-нибудь потом растолкую.

— Мне знакомы эти слова, — огрызнулся Питер. — И я прекрасно знаю, что они означают.

— Неужели? — осведомилась юная Валентина.

К ее голосу Эндер никак не мог привыкнуть — он был таким мягким, нежным, но в то же время в нем чувствовалась сила, поэтому стоило ей только заговорить, как все взгляды немедленно обращались к ней. Эндер напомнил себе, что Валентина всегда обладала таким голосом. Ее невозможно было не слушать, хотя она редко разговаривала на повышенных тонах.

– *Честь. Справедливость*, — выговорил Питер, словно выплюнул грязные ругательства. — Человек, произносящий такие слова, либо верит в них, либо нет. Если нет, то эти слова означают, что кто-то по его приказу мгновенно всадит мне нож в спину. Если же все-таки он верит, победа останется за мной.

— А теперь давайте-ка я вам объясню, что означают эти слова, — взорвалась Квара. — Они означают, что скоро у пеквениньос и у нас, людей, будет большой повод для радости. Еще бы, ведь мы уничтожим целую разумную расу, которой не существует больше нигде во Вселенной.

— Да ладно тебе, — поморщился Питер.

— Все упорно твердят, что десколада была создана искусственным путем, — продолжала Квара, — но почему-то никто не хочет задаться мыслью, что, может быть, сначала естественным путем появилась более примитивная, более уязвимая версия десколады и уже потом она эволюционировала до настоящего состояния. Да, вполне вероятно, что десколада была создана, но тогда кто ее создал? И мы убиваем ее, даже не попытавшись вступить с ней в переговоры.

Питер с улыбкой оглядел Квару, потом повернулся к Эндеру.

— Признаться, я удивлен, что эта совесть эпохи — не твоих рук дело, — сказал он. — Как и вы с Вэл, она просто одержима сознанием вечной вины.

Эндер, словно не слыша Питера, попытался ответить Кваре:

— Мы действительно убиваем ее. Но только потому, что не можем больше ждать. Десколада твердо намерена уничтожить нас, и времени на сомнения не осталось. Если действовать, то немедленно.

— Я все понимаю, — кивнула Квара. — Мне просто неприятно выслушивать похвальбу

пеквениньос об их храбрости. Между прочим, совершая этот ксеноцид, они спасают свою собственную шкуру.

— Либо мы, либо они, девочка, — сказал Питер. — Либо мы, либо они.

— Ты, наверное, не понимаешь, — грустно проговорил Эндер, — какой позор для меня выслушивать собственные доводы из твоих уст.

Питер расхохотался:

— Эндрю так хочет быть непохожим на меня! Только все это ложь. Он восхищается мной. Он боготворит меня. И боготворил всегда. Как и этот ангелочек, моя милая сестренка.

Питер ткнул Вэл, но она и бровью не повела и даже сделала вид, будто не почувствовала, как его палец уткнулся ей в плечо.

— Он боготворит нас. По его извращенным меркам, она — само совершенство, которого ему никогда не достигнуть. А я — всевластный гений, далекий идеал бедняжки Эндрю. Вы только подумайте, какая скромность! Все эти годы он носил наши образы в себе.

Юная Вэл взяла Квару за руку.

— Я понимаю тебя, это страшнее всего на свете, — сказала она. — Помогаешь людям, которых любишь, и в то же время прекрасно знаешь, что

это ужасная ошибка.

Квара разрыдалась.

Но сейчас Эндер больше беспокоился не за Квару. Он знал, что ей хватит сил справиться с нравственными противоречиями собственных поступков и остаться в здравом уме. Такое неприятие собственных действий, скорее всего, смягчит ее, постепенно заставит засомневаться в непогрешимости своих суждений. Постепенно она поймет, что те, кто осмеливается не соглашаться с ней, не так уж не правы. И в конце концов она обретет целостность, научится состраданию и станет более честной, чем была прежде, в годы буйной юности. И может быть, нежное касание юной Вэл и слова, которыми она описала страдания, терзающие Квару, помогут ей быстрее исцелиться.

Эндера больше беспокоило то неприкрытое восхищение, с которым Грего взирал на Питера. Кто-кто, а уж Грего должен был сразу понять, куда могут завести речи Питера. И тем не менее он буквально преклонялся перед кошмарным творением Эндера. «Надо избавляться от Питера как можно быстрее, — подумал Эндер. — Иначе на Лузитании он быстро приобретет себе еще бóльшую популярность, чем Грего, и распоря-

дится этой популярностью гораздо разумнее, а значит, быть беде».

Эндер не тешил себя надеждой, что Питер с возрастом превратится в *настоящего* Питера, из которого в свое время вышел сильный и достойный Гегемон. Ведь этот Питер появился не из человеческого чрева, ему были чужды чувства неуверенности и человеческой пытливости. Он представлял собой скорее карикатуру на зло в привлекательном обличье. Видимо, где-то в потайных уголках подсознания Эндера прочно угнездился такой образ. Но здесь удивляться нечему. Люди вот-вот спасут Лузитанию от десколады, а Эндер уже готовит им новый сюрприз. И в будущем эта новая угроза может обернуться настоящим бедствием.

Но зато расправиться с ней будет значительно проще.

И снова он подавил в себе одну мыслишку, которая, с тех пор как он понял, что в кресле по левую руку сидит Питер собственной персоной, не раз закрадывалась к нему в голову. «Я создал его. Он не настоящий, а всего лишь кошмар, явившийся мне. Если я убью его, ведь это не будет убийством? Это будет все равно что… Что? Все равно что проснуться? Я пустил свой кошмар

гулять по миру, а когда убью его, мир проснется и обнаружит, что все это случилось во сне».

Если б дело было только в Питере, Эндер без труда решился бы на убийство. По крайней мере, ему сейчас так казалось. Его останавливала юная Вэл. Хрупкая, с чистой душой… Если можно убить Питера, значит можно убить и ее. И если уж убивать Питера, то и ее нельзя оставлять в живых: у нее не больше прав на существование, чем у него. Она точно так же чужда этому миру, точно так же она создана из ничего. Но на такое он никогда не пойдет. Ее нужно защищать. А раз один из них достоин жизни, значит достоин ее и другой. Расправившись с юной Валентиной, он совершил бы самое настоящее убийство. А чем Питер отличается от нее? Они вышли из одного чрева.

«Мои дети, — горько подумал Эндер. — Мое потомство, родившееся из моей головы подобно Афине, явившейся на свет из головы Зевса. Только у меня получилось нечто иное. Я родил Диану и Аида. Деву-охотницу и властителя ада».

— Мы уж лучше пойдем, — сказал Питер. — Пока Эндрю не убил меня на месте.

Эндер тускло улыбнулся. Вот это было хуже всего — такое впечатление, что Питер и юная Вэл видели его насквозь, даже тогда, когда он сам себя

понять не мог. Спустя какое-то время, надеялся он, они разучатся читать его мысли. Но сейчас Эндера несколько унижало, с какой ловкостью Питер подкалывает его на том, о чем никто другой даже не догадывается. И Вэл — он видел по ее глазам, что она тоже знает все его мысли. У него больше не осталось секретов.

— Я провожу тебя домой, — сказала Вэл Кваре.

— Нет, — ответила Квара. — Я сделала то, что я сделала. Я хочу присутствовать при окончании эксперимента.

— Ну конечно, такая возможность еще раз показать всем, как мы страдаем и мучаемся, — не преминул подколоть Питер.

— Заткнись, Питер, — приказал Эндер.

Питер ухмыльнулся:

— Да ладно тебе! Ты же сам прекрасно понимаешь, что Квара просто-напросто стремится извлечь всю возможную выгоду из своего положения. Она станет гвоздем программы — весь народ, вместо того чтобы чествовать Элу, будет суетиться и обхаживать Квару. Очень низко, Квара, но все именно так и будет.

Питер настолько обнаглел, что Квара даже не нашлась что ответить. Кроме того, в чем-то он оказался прав — Квара явно смутилась. Но тут

не выдержала Валентина. Она пронзила Питера холодным взглядом и процедила:

— Питер, заткнись.

То же самое за минуту до нее сказал Эндер, но слова эти подействовали, только когда сорвались с губ Валентины. Он ухмыльнулся и лукаво подмигнул ей — заговорщически, мол, давай разыгрывай свою игру, Вэл, я тебе мешать не буду, но я-то вижу, как ты липнешь ко всем подряд. Но ничего не сказал и молча вслед за Эндером покинул камеру Грего.

Снаружи к ним присоединился мэр Ковано.

— Сегодня великий день в истории всего человечества, — сказал он. — И по счастливому совпадению мое имя попадет в анналы истории.

Все дружно расхохотались. Особенно старался Питер, который быстро сошелся с Ковано. Их дружба крепла с каждым днем.

— Никакого совпадения здесь нет, — ответил Питер. — Многие, находясь в вашем положении, ударились бы в панику и все разрушили. Чтобы проявить себя так, как проявили себя вы, нужно обладать недюжинным умом и мужеством.

Эндер чуть не рассмеялся, услышав от Питера такую откровенную лесть. Но тот, кому она предназначалась, воспринял ее как нечто должное. О,

разумеется, Ковано дружелюбно хлопнул Питера по плечу и принялся отказываться от всяких похвал, но Эндер сразу понял, что ему были приятны эти слова и что Питер за несколько дней приобрел большее влияние на мэра, чем Эндер за долгие годы. Неужели эти люди не видят, с каким цинизмом и какой легкостью Питер завоевывает их сердце?

Единственным человеком, который, подобно Эндеру, взирал на Питера со страхом и отвращением, был епископ, но здесь причина скорее крылась в религиозных предрассудках, нежели в мудрости и честности. Не прошло и нескольких часов после их возвращения из Вне-мира, как епископ призвал к себе Миро и потребовал, чтобы тот крестился. «Бог совершил чудо, он исцелил тебя, — сказал он, — но, вместо того чтобы исцелить старое тело, он заменил его, и сейчас тебе угрожает страшная опасность — твой дух обитает в некрещеном теле. А так как крещение совершается во плоти, боюсь, ты можешь навсегда остаться в неосвященной оболочке». Миро не слишком заинтересовали разглагольствования епископа о всевозможных чудесах (он не считал, что своим исцелением обязан прежде всего Богу), но к нему снова вернулась былая сила, он снова

мог четко и ясно выражать свои мысли, снова обрел свободу и поэтому сейчас согласился бы на что угодно. Обряд крещения планировалось провести в начале следующей недели, на первой же службе, которая состоится в новом соборе.

Но на Питера и юную Вэл религиозный пыл епископа не распространялся. «Разве можно относиться к этим чудовищам как к *людям*? — гневно вопрошал он. — У них нет и не может быть души. Питер — всего лишь отзвук человека, который уже прожил жизнь и давным-давно умер, который согрешил и раскаялся, его жизненный путь был оценен по справедливости, и заслуженное место в раю или в аду он уже получил. А что касается этой… девочки, этой ходячей пародии на женственность, она не может быть той, кем себя считает, ибо это место уже занято другой женщиной. Отродьям Сатаны нет места в лоне Церкви. Создав их, Эндрю Виггин возвел собственную Вавилонскую башню. Он решил вторгнуться в Божью обитель, он тщится занять место самого Господа. И нет ему прощения, пока он не вернет этих существ туда, откуда они вырвались, — в ад».

Но епископу Перегрино и в голову не приходило, что Эндера терзают те же сомнения.

Однако Джейн, когда Эндер решил с ней посоветоваться, отреагировала однозначно. «Не будь дураком, — фыркнула она. — Во-первых, с чего ты взял, что они полетят с тобой? А во-вторых, вдруг ты создашь еще одну пару прообразов? Ты когда-нибудь слышал сказку про ученика волшебника? Ты возьмешь их с собой, и все произойдет как в сказке — разрубив одну метлу, ты получишь две половинки, то есть две метлы. И так до бесконечности. Нет уж, давай остановимся на меньшем зле».

Эндер согласился, и сейчас они все вместе шли к лаборатории. Питер потихоньку прибрал к рукам мэра Кована. Юная Вэл, в свою очередь, полностью очаровала Квару, хотя, в отличие от Питера, действовала из чистой доброты, не вынашивая коварного плана. Эндер же, их создатель, униженно плелся позади, терзаемый бессильной яростью и страхом.

«Я создал их, следовательно ответствен за то, что они натворят в этом мире. А они могут принести немало зла. В Питере изначально заложено стремление ко злу; по крайней мере, в образе я представил его именно таким. А юная Вэл, несмотря на присущие ей добродетель и невинность, одним своим существованием глубоко

ранит мою сестру Валентину».

— Не позволяй Питеру доводить тебя до бешенства, — прошептала ему на ухо Джейн.

— Люди считают, что он плоть от плоти моей, — одними губами произнес Эндер. — Они думают, что он безвреден, как безвреден я. Но у меня нет над ним власти.

— Мне кажется, они понимают это.

— Я должен побыстрее выставить его с Лузитании.

— Я уже работаю над этим, — сказала Джейн.

— Может быть, мне следует связать их и выкинуть на какой-нибудь необитаемой планете? Знаешь пьесу Шекспира «Буря»?

— Калибан и Ариэль — это ты хочешь сказать?

— Если я не могу убить их, выход один — изгнание.

— Я работаю над этим, — повторила Джейн. — Ведь как ни поверни, а они целиком и полностью зависят от тебя. Они частички того образа, который существует у тебя в голове. Что, если для полетов во Вне-мир вместо тебя я воспользуюсь ими? Тогда у нас в распоряжении окажется не один корабль, а целых три.

— Два, — возразил Эндер. — Я туда больше ни ногой.

— Даже на микросекунду? Я заброшу тебя туда, а потом сразу верну обратно. Нам уже незачем там задерживаться.

— Дело не в задержке, — пояснил Эндер. — Питер и Вэл появились рядом со мной в *самый миг* перехода. И если я снова отправлюсь во Вне-мир, я опять создам их.

— Прекрасно, — согласилась она. — Тогда у нас все равно остается два корабля. Один — с Питером, другой — с Вэл. Я все обдумаю, а потом доложу тебе. Мы не можем, побывав там всего один раз, сразу отказываться от такой возможности.

— Можем, — сказал Эндер. — Реколаду мы получили. Миро создал себе новое тело. И все, хватит. В остальном мы можем обойтись собственными силами.

— Ты не прав, — не согласилась Джейн. — До появления флота нам надо успеть вывезти с этой планеты пеквениньос и Королеву Улья. И, кроме того, надо создать еще один вирус — для Пути. Мы должны во что бы то ни стало освободить этих людей.

— Я во Вне-мир больше не полечу.

— Даже если я не смогу обойтись Питером и Вэл? Что, если я не сумею перенести вместе с ними свою айю? Ты боишься собственного подсо-

знания, так что же, пускай теперь пекевениьос и Королева Улья погибают здесь?

— Ты сама не понимаешь, насколько опасен Питер.

— Может быть. Зато я отлично понимаю, что такое Маленький Доктор. Эндер, ты сейчас купаешься в собственном отчаянии. Тебе на все наплевать. Мы просто обязаны вывезти с этой планеты пекевениьос и Королеву Улья, даже если после этого Питеры и Вэл заполонят все континенты Лузитании.

Он понимал, она права. Он знал это, но вовсе не собирался отступать.

— И все-таки, Джейн, попробуй сначала перенестись в Питера и Вэл, — проговорил он. — И да поможет нам Бог, если Питер при перелете во Вне-мир умудрится создать какой-нибудь свой образ.

— Вряд ли у него это получится. Он задирает нос, но на самом деле он не так уж и умен.

— Ты плохо его знаешь, — сказал Эндер. — А если ты мне не веришь, значит это ты не так умна, как привыкла считать.

Эла была не единственной, кто перед завершающим тестом Прозрачника решил посетить Сеятеля. Его немое деревце успело подрасти всего

на пару метров и теперь тихонько колыхалось на ветру как раз напротив мощных стволов Корнероя и Человека. Но именно вокруг этого молодого деревца собрались выжившие в бойне пеквениньос. Как и Эла, все они собрались здесь для молитвы. Служба представляла собой очень странное и необычное зрелище. Церемония проходила практически в полном молчании, священники-пеквениньос не собирались устраивать из молитвы пышного спектакля. Они просто встали на колени и начали молиться, что-то бормотать сразу на нескольких языках. Кое-кто молился на языке братьев, кое-кто — на языке деревьев. Пришедшие на церемонию жены молились по-своему. Эла подумала, что этот язык они, должно быть, используют в повседневной жизни, хотя, может быть, это было еще одно наречие, при помощи которого они общались со священной древоматерью. Некоторые пеквениньос избрали для молитвы человеческие языки — со всех сторон слышались слова на звездном, на португальском, а кто-кто из священников, похоже, уже успел выучить древнюю латынь, язык церкви. Несмотря на такое вавилонское столпотворение, она почувствовала ни с чем не сравнимое единство душ пришедших сюда. Они

молились у могилы мученика, молились о том, чтобы Господь сохранил жизнь последовавшего его примеру брата. Если сегодня Прозрачник умрет, его жертву запомнят, как запомнили жертву Сеятеля. Но если он перейдет в третью жизнь, он будет обязан этим мужеству и примеру Сеятеля.

Так как это Эла привезла из Вне-мира реколаду, они вознаградили ее тем, что какое-то время позволили ей побыть наедине с хрупким стволом Сеятеля. Она нежно провела рукой по еще не затвердевшей коре, жалея про себя, что в этом деревце теплится лишь искорка жизни. Где затерялась айю Сеятеля, бродит ли она сейчас в беспространственности Вне-мира? Или ее призвал Господь и она уже присоединилась к святым на небесах?

«Сеятель, помолись за нас. Попроси за нас. Мои великие дедушка с бабушкой уже донесли мою молитву до Отца, теперь ты сходи к Иисусу Христу и попроси его проявить милость к твоим братьям и сестрам. Пусть реколада переведет Прозрачника в третью жизнь, чтобы мы могли распространить вирус по планете, заменить им кровожадную десколаду. И тогда лев уживется с ягненком и наступит мир во всем мире».

Однако Эла по-прежнему терзалась сомнениями. Она была уверена, что они идут по правильному пути. В отличие от Квары, она, намереваясь уничтожить десколаду на Лузитании, не мучилась сознанием собственной вины. Но ее никак не оставляла мысль, правильно ли она поступила, положив в основу реколады сохранившиеся в лаборатории старые штаммы десколады. Если десколада действительно повинна в недавней воинственности пеквениньос, в их стремлении как можно шире распространить свою расу, тогда, использовав реколаду, Эла как бы возвращала пеквениньос к предыдущему, «естественному» состоянию. Но в таком случае прошлое поведение расы было вызвано той же десколадой, которая пыталась регулировать гайалогию планеты, и казалось оно более естественным потому, что так вели себя пеквениньос, когда люди только прибыли на Лузитанию. Так что сейчас Эла устанавливала поведенческие нормы целой расы, специально удаляя из характера пеквениньос агрессивность, чтобы в будущем между ними и людьми не возникало никаких конфликтов. «Я делаю из них добропорядочных христиан, причем независимо от их желания. И то, что Человек и Корнерой одобряют мой поступок, вовсе не

снимает с меня бремени ответственности, если впоследствии пострадает целая раса.

О Господи, прости меня за то, что я осмелилась стать Богом для этих существ, созданных тобой. Когда айю Сеятеля предстанет перед тобой, чтобы помолиться за нас, удовлетвори ее молитву, которую Сеятель вознесет к тебе по нашей просьбе, но удовлетвори ее только в том случае, если ты действительно желаешь, чтобы раса пеквениньос изменилась. Помоги нам совершить доброе деяние, но останови, прежде чем мы, не желая того, совершим дурное. Во имя Отца, Сына и Святого Духа. Аминь».

Она пальчиком смахнула со щеки слезу и коснулась им гладкого ствола Сеятеля. «О Сеятель, тебя нет там, чтобы почувствовать мое горе. Но ты видишь меня, я верю. Господь не даст твоей благородной душе затеряться во мраке».

Пришло время прощаться. Нежные руки братьев прикоснулись к ней, подняли ее на ноги и повели к лаборатории, где в изолированной комнатушке ждал Прозрачник. Ждал перехода в третью жизнь.

Когда Эндер навещал Сеятеля, тот лежал на кровати, опутанный множеством проводов, ведущих к всевозможным медицинским датчикам. Сейчас

все было по-другому. Прозрачник великолепно себя чувствовал, и, хотя его также опутывали всякие трубки, он не был прикован к постели. Радостно скачущий по клетке, он никак не мог дождаться, когда же наконец наступит последняя фаза эксперимента.

Но теперь, когда вернулись Эла и ее помощники-пеквениньос, можно было начинать.

От прочего мира его отделяло одно лишь дезинтегрирующее поле. Снаружи барьера собрались пеквениньос. Процесс перехода Прозрачника они могли видеть во всех подробностях. Может, из уважения к чувствам пеквениньос, а может быть, из-за жестокости исполняемого ими ритуала люди остались внутри лаборатории, откуда следили за церемонией через единственное окно и по мониторам — так они как бы отделялись от жуткого действа, которое вот-вот должно было начаться.

Прозрачник ждал, пока одетые в стерильные костюмы братья, сжимающие в руках деревянные ножи, не встанут на свои места. Только тогда он сорвал пучок капима и принялся жевать. Это было своего рода анестезирующее средство, которое позволит ему уменьшить боль до разумных пределов. Но впервые готовящийся к

переходу брат воспользовался травой, которая не содержала в себе ни единого вируса десколады. Если новый вирус Элы оправдает себя, то капим подействует как обычно.

— Если я перейду в третью жизнь, — сказал Прозрачник, — этим я буду обязан только Господу Богу и его слуге Сеятелю.

Положение обязывало, чтобы Прозрачник в последних словах, произнесенных в обличье брата, воздал честь Сеятелю. Но и эта формальная любезность все равно заставила многих всплакнуть. Люди плакали в открытую, что же касается пеквениньос, то их эмоции с трудом поддавались однозначному определению, но Эндер не сомневался, что пощелкивающие звуки, которые те издавали, также означали плач или нечто подобное горю, которое испытывали пеквениньос, вспоминая о смерти Сеятеля. Однако Прозрачник был не прав, считая, что здесь нет никакой его заслуги. Все знали, что эксперимент еще может закончиться полной неудачей и что, несмотря на надежды, которые питали собравшиеся здесь, пока нельзя с уверенностью утверждать, что реколада Элы обладает достаточной силой, чтобы перевести брата в третью жизнь.

Одетые в стерильные костюмы братья занесли

над головой ножи и принялись за работу.

«Слава богу, — подумал Эндер, — на этот раз не я. Благодарение Господу, мне больше никогда не придется обнажить нож, чтобы принести брату смерть».

Впрочем, он не отвел взгляда, как это сделали многие из присутствующих в лаборатории людей. Вид крови и разрубленного тела был не в новинку для него, и, хотя зрелище от этого не становилось более приятным, он знал, что может перенести такое. А если уж Прозрачник терпит мучения, то и Эндер вытерпит и не отведет глаз. Ведь такова первостепенная задача Говорящего от Имени Мертвых. Он должен свидетельствовать. Он наблюдал ритуал во всех подробностях. Пеквениньос вскрыли живое тело Прозрачника и принялись сажать его органы в землю, чтобы дерево начало расти, пока Прозрачник еще сохранял способность мыслить и воспринимать действительность. За время церемонии Прозрачник не сделал ни единого движения, которое бы выдало терзающую его боль. Либо его мужество не знало границ, либо реколада сохранила анестезирующие свойства капима.

Наконец все закончилось, и братья, проводившие Прозрачника в третью жизнь, вернулись в

стерилизатор. Сбросив там очищенные от рекола-ды костюмы, они присоединились к людям в лаборатории. Они всячески пытались сохранять торжественный вид, но Эндеру показалось, что он все-таки разглядел за внешней непроница-емостью пеквениньос тщательно скрываемое волнение. Все прошло отлично. Они чувствова-ли, как тело Прозрачника отвечало им. Через считаные часы, может, минуты появятся первые листочки юного дерева. И в душе они не сомнева-лись, что так и будет.

Эндер заметил, что один из пеквениньос был священником. Интересно, что бы сказал епископ, если б узнал об этом? Перегрино, будучи уже пожилым человеком, проявил понимание при обращении чуждых человеку рас в католическую веру. Он с готовностью шел на всякие изменения церковных ритуалов и учений, лишь бы они луч-ше прижились среди пеквениньос. Но вряд ли он одобрит участие священника в ритуалах, кото-рые, несмотря на явную схожесть с распятием на кресте, все же не относились к общепризнанным церковным таинствам. Что ж, эти братья знают, что делают. Скажут они епископу, что в церемо-нии принимал участие один из его священников, или нет, Эндер будет хранить молчание. Да и

остальные тоже, если кто-либо, кроме него, вообще заметил это.

Вот показался росток, и, если присмотреться, можно было даже заметить, как на нем появляются листочки. Но пройдет еще много часов или дней, прежде чем станет ясно, сохранилась ли в дереве душа Прозрачника, стал ли Прозрачник деревом-отцом. Пришло время ожиданий — несколько дней дерево Прозрачника будет расти в полном уединении.

«Вот бы мне найти такое место, — подумал Эндер, — где я мог бы точно так же остаться один, где бы мне позволили поразмыслить над странностями, случившимися со мной, где бы мне никто не мешал».

Он был человеком, а не пеквениньо, и его сейчас мало волновал ответ на вопрос, сумеют они избавиться от десколады или нет. Корни болезни лежали в самой основе его личности, и он не знал, сможет ли когда-нибудь победить эту болезнь, не уничтожив себя. «Может быть, — подумал он, — Питер и Вэл представляют собой две половины целого. Может быть, если не станет их, не станет и меня. Каждую частичку моей души, каждый мой поступок можно приписать одному из них — внутри меня постоянно действуют либо Вэл,

либо Питер.

Значит, если сложить Питера и Вэл, то в сумме буду я? Или, наоборот, чтобы получить меня, надо отнимать их друг от друга? Что же за математика такая странная?»

Валентина изо всех сил пыталась не поддаваться влиянию юной девушки, которую Эндер привез из Вне-мира. Разумеется, она понимала, что брат просто запомнил ее такой, и ей даже льстило такое глубокое и сильное воспоминание о ней. Но из всех жителей Лузитании лишь она знала, почему в его сердце жив именно этот образ. Тогда он учился в Боевой школе, полностью отрезанный от всех близких. И хотя Эндер даже не подозревал об этом, но Валентина знала, что родители к тому времени уже почти забыли о нем. Само собой, иногда они вспоминали о младшем сыне, но годы шли, и он перестал быть частью их жизни. Просто его не было рядом, просто за него они больше не отвечали. Отдав третьего ребенка государству, родители таким образом заработали себе прощение. Если б он умер, о нем вспоминали бы куда чаще, посещая искренне оплакиваемую могилу. Валентина вовсе не винила их: это говорило лишь о том, что они обладали большой жизнестойкостью и могли приспосо-

биться к любым обстоятельствам. Но у нее так не получалось. Эндер всегда был рядом с ней, она носила его образ в сердце. Те удары, которые ему пришлось выдержать в Боевой школе, в конце концов сломали его, и, по инерции продолжая сопротивляться, Эндер отказался участвовать в дальнейшем развитии событий. Тогда офицер, ответственный за превращение Эндера в послушный инструмент в руках военных, обратился за помощью к ней. Привез ее к Эндеру, оставил их наедине друг с другом. Это был тот самый человек, который разлучил их когда-то, нанеся детским сердцам незаживающие раны. В тот день она исцелила брата, он вернулся в космос и, уничтожив жукеров, спас человечество.

«Это естественно, что он хранит мой юный образ. Тот день навсегда остался в его памяти, тогда мы с ним пережили нечто такое, с чем никогда больше не сталкивались. Поэтому, когда его подсознание выплеснуло наружу самое сокровенное, появилась та девочка, которой я была когда-то».

Она знала это, понимала это, верила этому. Однако ее неотступно преследовала, не давая покоя, мысль, что долгие-долгие годы он воспринимал ее только такой, сотворив из нее идеал, кумира. Валентина, которую так любил Эндер, оказалась

существом небесной чистоты. «Именно благодаря этому образу совершенства я была так близка ему все эти годы. А потом я вышла замуж за Джакта. Может быть, поэтому-то он и вернулся к детскому воспоминанию? Чушь. Сломав себе голову на том, что же *значит* эта девочка, ничего не достигнешь. Как бы она ни появилась на свет, теперь она все время рядом и с ней надо считаться».

Бедный Эндер! Похоже, он ничего не понимает. Сначала он и в самом деле думал, что удержит юную Вэл. «Ведь, по сути дела, она моя дочь!» — пытался утверждать он. «Если уж рассматривать *суть* дела, она тебе вовсе не дочь, — возразила тогда Валентина. — Если уж на то пошло, она моя дочь. И уж никак нельзя тебе оставлять ее у себя дома. Тем более что ты приютил Питера, а он не самый лучший сосед для девочки ее возраста».

Ей так и не удалось убедить Эндера (он скорее предпочел бы избавиться от Питера, нежели от Вэл), но он таки сдался, и с тех пор Вэл поселилась в доме Валентины. Валентина хотела стать девочке подругой и наставником, но у нее ничего не получалось. В присутствии Вэл она начинала чувствовать себя крайне неловко и хваталась за любой предлог, лишь бы уйти из дому, когда там находилась Вэл. Каждый раз, когда Эндер и Питер

уводили Вэл с собой, Валентиной овладевало чувство необычайной благодарности к брату.

В конце концов, как это не раз случалось в прошлом, на сцене появилась Пликт и, не произнеся ни слова, разрешила возникшую было проблему, взяв на себя роль подруги и соратника Вэл в доме Валентины. Когда Вэл была не с Эндером, ее уводила Пликт. А этим утром Пликт предложила построить отдельный домик — для нее и Вэл. «Наверно, я несколько поспешила, сразу согласившись с ней, — подумала Валентина. — Хотя, возможно, Вэл так же непросто уживаться со мной, как и мне — с ней».

Но, увидев, как Пликт и Вэл друг за дружкой на коленях входят в новый собор, следуя примеру остальных, чтобы поцеловать кольцо епископа Перегрино перед алтарем, Валентина поняла, что, как бы она себя ни убеждала, для Вэл она не сделала ровным счетом ничего. Вэл сохраняла обычное спокойствие и, как всегда, была несколько отстранена от происходящего. С чего Валентина взяла, что одарила юную Вэл счастьем, что-то сделала для нее? «Я отделила себя от этой девочки. Зато она по-прежнему участвует в моей жизни. Она подтверждение и вместе с тем отрицание самой значимой привязанности моего

детства — и моей старости. Как бы мне хотелось, чтобы она рассыпалась в прах во Вне-мире подобно тому, как превратилось в ничто старое искалеченное тело Миро. Как бы мне хотелось никогда не встречаться со своим прошлым вот так, лицом к лицу».

Глядя на Вэл, она смотрела на *себя*. Этот тест Эла провела сразу по возвращении. Обе женщины, как выяснилось, обладали одним и тем же набором генов.

— Но это бессмыслица какая-то! — возмутилась Валентина. — Эндер не может знать моего генетического кода. А на том корабле не было ни единого образца моих генов.

— И что теперь? Я должна как-то объяснить случившееся? — в ответ спросила Эла.

Эндер выдал следующую гипотезу: генетический код Вэл находился в постоянном движении, пока она не встретилась непосредственно с Валентиной, и тогда филоты тела Вэл перестроились по образу, который они обнаружили в Валентине.

Валентина не согласилась с братом, но свое мнение не высказала никому. Она считала, что девушка сразу получила ее гены, ибо личность, настолько соответствующая в глазах Эндера обра-

зу сестры, просто не могла получить иных генов: естественные законы, действие которых поддерживала внутри корабля Джейн, воспротивились бы всякому отклонению от нормы. А может быть, даже в абсолютном хаосе присутствовала какая-то сила, которая отвечала за создание образов. Вряд ли это имело какое-то значение. Как бы ни раздражала своим совершенством эта новая псевдо-Вэл, как бы ни была она похожа на Валентину, представления Эндера достаточно соответствовали реальности, чтобы на генном уровне Валентина и Вэл стали одной и той же личностью. Вряд ли его образ был так уж идеален. «Может быть, в те годы я действительно была совершенна и уже гораздо позже приобрела свойственные мне сейчас острые углы. Может быть, я действительно была прекрасна. Наверное, я действительно была когда-то настолько молода».

Они склонились перед епископом. Пликт поцеловала его перстень, хотя на нее никогда не накладывали епитимью. Но когда дошла очередь до Вэл, епископ отдернул руку и отвернулся. Вперед вышел священник и велел им занять свои места.

— Но как? — удивилась юная Вэл. — Я еще не получила прощения.

— К тебе епитимья не относится, — пояснил священник. — Епископ просил меня передать, что, когда свершался этот грех, тебя на планете не было, поэтому на тебя епитимья не распространяется.

Юная Вэл взглянула на него печально:

— Меня создал не Господь Бог. Поэтому-то епископ и отказывается принять мое покаяние. Пока он жив, мне причастия не видать.

На лице священника отразилась скорбь: он не мог не сочувствовать горю Вэл, ибо простота и доброта делали ее настолько хрупкой и беззащитной, что человек, обидевший ее, неизменно чувствовал себя неуклюжим дураком.

— Решать папе, — только и ответил он. — Это очень сложный вопрос.

— Понимаю, — прошептала юная Вэл, отошла в сторонку и села между Пликт и Валентиной.

«Наши локти соприкасаются, — подумала Валентина. — Рядом со мной сидит дочь, которая идеально повторяет мой образ, будто тринадцать лет назад я решила создать свой собственный клон.

Но мне не нужна еще одна дочь, и, уж конечно, мне ни к чему идеальное подобие. Она знает это. Чувствует. Поэтому она испытывает нечто такое,

чего никогда не довелось пережить мне: она чувствует себя ненужной и нелюбимой.

А какие чувства испытывает к ней Эндер? Желает ли он втайне, чтобы ее не стало? Или, наоборот, жаждет стать ее братом, как много лет назад был братом мне? Когда я была в этом возрасте, Эндер еще не совершил ксеноцида. Но он и не Говорил от имени мертвых. «Королева Улья», «Гегемон», «Жизнь Человека» — все это было написано гораздо позже. Тогда он был обыкновенным ребенком, отчаявшимся, напуганным, ищущим любви. Неужели Эндер хочет испытать все это вновь?»

Вскоре появился Миро. Он на коленях подполз к алтарю и поцеловал перстень. Хоть епископ и не наложил на него епитимью, Миро предпочел присоединиться к остальным гражданам Милагре. До ушей Валентины донесся шепоток, прокатившийся по рядам. Все колонисты Лузитании, знавшие Миро до постигшего его несчастья, немедленно признали чудо, свершившееся с ним: тот Миро, который жил среди них долгие годы, возродился.

«Только я тебя тогда не знала, Миро, — про себя сказала Валентина. — Всегда ли тебя окружала такая отстраненная, мятущаяся атмосфера?

Может быть, ты и исцелил свое тело, но ты по-прежнему остался человеком, который перенес немало страданий. Остудило ли это твой пыл, или ты, наоборот, проникся бóльшим сочувствием к окружающим?»

Он подошел и опустился рядом с ней на стул, по идее предназначавшийся Джакту, но пустовавший, так как Джакт еще не вернулся с орбиты. Вскоре десколада будет уничтожена, и кто-то должен привезти на Лузитанию тысячи замороженных микробов, растений и животных, которые обеспечат планете саморегулирующуюся гайалогию и в дальнейшем будут поддерживать жизненную среду Лузитании. Такой процесс уже проходил на многих мирах, только здесь все будет сложнее, потому что ни в коем случае нельзя навредить тем видам местной жизни, от которых зависели пеквениньос. Вот Джакт и сидел на орбите, работая на всю планету. Это извиняло его отсутствие, но Валентина все же очень скучала по нему, а точнее, остро нуждалась в нем во всей той сумятице, которая возникла вокруг новых творений Эндера. Миро не мог ей помочь, особенно потому, что его новое тело еще раз напомнило ей о происшедшем во Вне-мире.

«Но очутись там я, что бы я создала? Вряд ли

я вызвала бы кого-нибудь к жизни, потому что, к сожалению, ни один образ не гнездится так глубоко в моей душе. Боюсь, даже меня самой там нет. В столь страстной преданности истории я пыталась отыскать человечность. Многие находят человечность, стоит им лишь заглянуть в собственную душу. И только потерянные души обращаются вовне».

— Очередь заканчивается, — шепнул Миро.

Значит, скоро начнется служба.

— Готов к искуплению грехов? — в ответ прошептала Валентина.

— Как сказал мне епископ, он очистит от скверны только новое тело. Потом придется еще исповедоваться и замаливать грехи, доставшиеся мне в наследство от прежней оболочки. Плотских грехов за мной не числится, зато зависти, злобы и жалости к себе хоть отбавляй. Я вот все пытаюсь решить: каяться ли мне в грехе самоубийства? Когда мое старое тело рассыпалось в пыль, это отвечало моему самому сокровенному желанию.

— Вот только голос к тебе зря вернулся, — ответила Валентина. — Ты сейчас болтаешь не умолкая, лишь бы насладиться своей прекрасной речью.

Он улыбнулся и похлопал ее по руке.

Служба началась с молитвы, которую вознес епископ, поблагодарив Господа за то, что удалось им совершить за несколько месяцев. Появление на Лузитании двух новых граждан можно истолковать по-разному, но исцеление Миро — явно дело рук Господних. Перегрино вызвал Миро вперед и быстро окрестил его, а затем, так как это была не совсем обычная служба, епископ сразу вернулся к своей проповеди.

— Милосердие Господне не знает границ, — сказал он. — Можно только уповать на то, что он пойдет дальше, чем мы того заслужили, и простит нам все наши грехи, которые мы совершили как по отдельности, так и все вместе. Мы можем надеяться лишь на то, что, подобно Ниневии[33], которая, раскаявшись, отвела от себя разрушение, мы убедим Господа спасти нас от флота, который был послан его волей в наказание нам.

Миро наклонился к Валентине и прошептал так тихо, что услышала его только она:

— По-моему, он послал флот еще до того, как мы сожгли лес.

— Ну, может быть, Господь принимает во

[33] Примечания: 33

Ниневия — древняя столица Ассирийского царства (VIII–VII вв. до н. э.). Согласно библейскому преданию, была спасена от гибели пророком Ионой, который призвал город к покаянию.

внимание время прибытия, а не отправления, — предположила она и сразу пожалела о своем легкомыслии.

Сегодня здесь проходила очень серьезная церемония, и хоть Валентина и не так уж веровала в католическое учение, она понимала, что, когда общество признает ответственность за свершенное зло и искренне раскаивается в собственных деяниях, это действительно свято.

Епископ упомянул тех, кто возложил свои жизни на алтарь Господень: ос Венерадос, которые первыми спасли человечество от вируса десколады; отца Эстеву, чье тело было похоронено под полом собора, после того как он, защищая истину от еретиков, принял мученическую смерть; Сеятеля, который умер, чтобы доказать, что душа его народа пошла от Бога, а не от какого-то вируса; пеквениньос, которые пали в ночь разразившейся бойни.

— Когда-нибудь все они станут святыми, ибо нынешние времена подобны первым дням возникновения христианства, когда нужда в великих деяниях и великой святости была воистину насущна и люди не раз демонстрировали свою веру в Господа. Этот собор есть гробница всех, кто возлюбил Господа Бога всем сердцем, кто

посвятил ему всю свою жизнь, кто обратил ему на службу свои силу и ум и кто возлюбил ближнего, как себя самого. Так пускай вошедшие сюда со сломанным духом, раскаявшиеся в деяниях своих излечатся, пускай святость снизойдет и на них.

Проповедь длилась недолго: на этот день было назначено сразу несколько подобных служб, и люди прибывали в церквушку группами, потому что она, слишком маленькая, не могла вместить в себя все человеческое население Лузитании. Вскоре церемония закончилась, и Валентина встала, собираясь уходить. Она было двинулась вслед за Пликт и Вэл, но Миро удержал ее за локоть.

— Джейн только что сообщила мне кое-что, — сказал он. — Мне показалось, это должно вас заинтересовать.

— Что такое?

— Она опробовала судно без Эндера.

— Не может быть! — изумилась Валентина.

— Питер, — пояснил он. — Она перенесла его во Вне-мир и вернула обратно. В нем также присутствует частичка ее айю, если принцип, разработанный нами, верен.

Валентина сразу спросила о том, чего больше всего боялась:

— Он…

— Создал что-нибудь? Нет. — Миро улыбнулся, улыбка его вышла слегка кривоватой, что, как посчитала Валентина, оказалось следствием привычки, которую он приобрел, будучи еще искалеченным. — Он говорит, это потому, что у него с головой, в отличие от Эндрю, все в порядке.

— Очень может быть, — согласилась Валентина.

— А я бы сказал, это потому, что ни один из тамошних филотов не захотел стать частью его образа. Слишком уж извращенной вышла картинка.

Валентина усмехнулась.

К ним приблизился епископ. Так как они выходили из собора чуть ли не последними, то поблизости никого не оказалось.

— Благодарю за то, что ты принял новое крещение, — сказал епископ.

Миро склонил голову в почтительном поклоне:

— Не многим выпадает честь настолько очиститься от грехов.

— И, Валентина, я хочу попросить прощения, что не принял вашу… э-э… тезку.

— Не беспокойтесь, епископ Перегрино. Я по-

нимаю. Кое в чем даже согласна с вами.

Епископ грустно покачал головой:

— Было бы лучше, если б они просто…

— Улетели? — закончил за него Миро. — Вашему желанию суждено сбыться. Скоро Питера здесь не будет: Джейн может пилотировать судно с ним на борту. Не сомневаюсь, что с Вэл она тоже справится.

— Нет! — вырвалось вдруг у Валентины. — Она никуда не полетит. Она слишком…

— Маленькая? — спросил Миро. Эта мысль его порядком позабавила. — Они от рождения обладают теми же знаниями, что и Эндер. Вряд ли можно назвать Вэл ребенком. Она только выглядит так.

— Если бы они и в самом деле родились, — подчеркнул епископ, — им бы не пришлось никуда улетать.

— Они улетают не потому, что вы так пожелали, — возразил Миро. — Питеру надо доставить новый вирус Элы на Путь, а юная Вэл отправляется на поиски планет, пригодных для пеквениньос и Королев Улья.

— Как вы могли поручить ей такое задание?! — возмутилась Валентина.

— Я ей ничего не поручал, — сказал Миро. — Я

просто беру ее с собой. Хотя, вернее будет сказать, она берет меня с собой. Я могу лететь. И хочу этого. Каков бы ни был риск, я согласен испытать судьбу. С Вэл ничего не случится, Валентина, обещаю.

Валентина все еще пыталась протестовать, хотя прекрасно знала, что в конце концов потерпит поражение. Юная Вэл сама настоит на полете. Какой бы малышкой она ни казалась, если она не полетит, останется всего одно судно, а если посылать одного Питера, кто знает, для каких целей он может воспользоваться кораблем. Придется смириться с неизбежным. Какой бы опасности ни подвергалась Вэл, она будет рисковать не больше, чем все остальные. Чем Сеятель. Чем отец Эстеву. Чем Прозрачник.

Пеквениньос собрались у дерева Сеятеля. Вообще-то, торжественное вынесение в мир рекомендации и сопровождающей ее бактерии должно было состояться у дерева Прозрачника, так как именно он первым перешел в третью жизнь при помощи рекомендации. Но Прозрачник, как только пеквениньос удалось связаться с ним, сразу отверг подобное предложение. Эта честь принадлежит Сеятелю, заявил он, и братья и жены полностью согласились с ним.

Эндер оперся спиной о ствол своего друга, Человека, которого много лет назад он собственноручно проводил в третью жизнь. Это был радостный день для Эндера, ведь скоро пеквениньос освободятся от власти десколады, и он мог бы стать даже счастливым, если бы его настроение не омрачалось постоянным присутствием Питера под боком.

— Слабость чествует слабость, — заявил тот. — Сеятель потерпел *неудачу*, а они славят его, в то время как Прозрачник, который *преуспел*, стоит себе одиноко на экспериментальном поле. Вот глупость! Тем более до этого обряда Сеятелю как до лампочки: все равно его айю больше нет в этом мире.

— Может быть, Сеятелю и до лампочки, — ответил Эндер, хотя все-таки не был в этом уверен, — но зато для пеквениньос, которые собрались здесь, это кое-что значит.

— Ага, — кивнул Питер. — Это значит, они проявляют слабость.

— Джейн сказала, что ты побывал во Вне-мире.

— Как нечего делать, — пожал плечами Питер. — Однако в следующий раз конечным пунктом моего назначения будет отнюдь не Лузитания.

— Она говорит, ты собираешься закинуть на Путь вирус Элы.

— Это будет моя первая остановка, — подтвердил Питер. — Но сюда я больше не вернусь. В этом можешь не сомневаться, старина.

— Нам еще потребуется корабль.

— С вами остается девчонка, — усмехнулся Питер, — а эта жучарная сучка может выдавать вам корабли дюжинами, ты лишь наплоди побольше таких, как мы, чтобы управлять ими.

— Я с радостью помашу тебе вслед.

— Разве тебе не интересно, что я собираюсь делать дальше?

— Ни капли, — ответил Эндер.

Он соврал, и Питер, само собой, сразу это понял:

— Я собрался предпринять нечто такое, на что у тебя не хватит ни мозгов, ни кишок. Я остановлю флот.

— Но как? Свалишься сверху на флагман?

— Если следовать принципу «как аукнется, так и откликнется», мой дражайший братик, то я всегда могу применить тот же самый молекулярный дезинтегратор. Они даже не успеют понять, что с ними произошло. Но ведь этим я ничего не достигну, не так ли? Чтобы остановить флот,

я должен прежде всего остановить Конгресс. А чтобы остановить Конгресс, мне надо обладать достаточным влиянием и властью.

Эндер сразу догадался, что он имеет в виду:

— Ты считаешь, что снова сможешь стать Гегемоном? Боже, спаси и сохрани человечество, если у тебя это получится!

— А почему бы и нет? — ухмыльнулся Питер. — Один раз я уже добился своего. По-моему, вышло не так уж и плохо. А, ну да, чего я тебе рассказываю, ты же и сам все знаешь. Если не ошибаюсь, ты даже написал об этом целую книгу?

— То был настоящий Питер, — сказал Эндер. — Не тебе с ним равняться, ты всего лишь жалкое подобие, порождение моих детских страхов и ненависти.

«Неужели у него совсем нет души? Неужели его не обидели эти жестокие слова?» Но нет, на мгновение Эндеру показалось, что Питер запнулся, что на лице его отразилась… боль? Или все-таки ярость?

— Теперь *я* настоящий Питер, — ответил он после секундного замешательства. — А тебе лучше уповать на то, что я обладаю теми же качествами, что и он. Ведь если на то пошло, тебе удалось дать Вэл гены Валентины. Может быть, и во мне

поселился былой Питер?

— Точно. А свиньи начали летать.

Питер расхохотался:

— А они ведь начнут, если ты слетаешь во Внемир и поверишь в это.

— Тогда скатертью дорога, — произнес Эндер.

— Да, понимаю, ты только рад возможности спихнуть меня куда подальше.

— То есть натравить на все человечество? Ничего не скажешь, хорошенькое наказание Конгрессу за то, что он послал на нас флот. — Эндер схватил Питера за руку и притянул к себе. — И запомни, на этот раз ты так просто от меня не избавишься. Я больше не маленький мальчик, и, если ты вдруг отобьешься от рук, я уничтожу тебя.

— Ничего ты не сделаешь, — скривился в ухмылке Питер. — Ты скорее покончишь с собой.

Началась церемония, на этот раз довольно скромная. Не надо было лобызать ничьих перстней, никто не проповедовал. Эла и ее помощники просто роздали пеквениньос по кубику сахара, пропитанного убивающей десколаду бактерией, и затем вручили им по чашке с водой, насыщенной вирусом рекалады. Пеквениньос опустили сахар в чашки, размешали и выпили содержимое.

— Сие есть тело мое, которое за вас предается, — пропел Питер. — Сие творите в мое воспоминание.

— В тебе что, вообще нет уважения к чему-либо? — возмутился Эндер.

— Сия чаша есть Новый завет в моей крови, которая за вас проливается[34]. — Питер улыбнулся. — Это причастие даже я могу принять, хоть я и нехристь.

— Каковым и останешься, — сказал Эндер. — Люди еще не изобрели такого ритуала, который бы очистил тебя.

— Могу поспорить, ты всю жизнь ждал этой минуты, чтобы высказаться. — Питер повернулся к нему так, чтобы Эндер увидел вставленный в его ухо передатчик, через который он связывался с Джейн. На случай если Эндер не заметил, Питер хвастливо ткнул в серьгу пальцем. — Ты не забывай, у меня здесь содержится источник всей мудрости мира. Она покажет тебе, чем я буду заниматься, ты только попроси. Если, конечно, не забудешь обо мне в тот самый миг, как я покину эту планету.

---

[34] Примечания: 34

Слова литургической молитвы одного из главных таинств Церкви — евхаристии (Святого причастия). Само таинство восходит к библейскому эпизоду Тайной вечери Господней (Лк. 22: 19–20).

— Не забуду, — уверил его Эндер.

— Можешь составить мне компанию, — предложил Питер.

— И сотворить во Вне-мире еще пару твоих подобий?

— Я не прочь.

— Обещаю тебе, Питер, вскоре тебя будет тошнить от себя самого так, как тошнит от тебя меня.

— Никогда, — заявил Питер. — В отличие от тебя, я не страдаю комплексом вины, тебе же суждено быть лишь инструментом в руках лучших, более сильных людей. А если ты не хочешь лететь со мной, что ж, я найду кого пригласить.

— Не сомневаюсь, — ответил Эндер.

Им передали чашки и вручили по кусочку сахара. Они съели сахар и запили его водой.

— О, как сладок этот вкус свободы! — воскликнул Питер.

— Неужели? — удивился Эндер. — Между прочим, мы только что расправились с разумной расой, которую так и не поняли.

— Ага, — кивнул Питер. — Ты хочешь сказать, что куда интереснее расправиться с противником, который способен понять, насколько ловко ты разгромил его.

Наконец Питер отстал и ушел.

Эндер досидел до конца церемонии, поговорил со многими: с Человеком и Корнероем — это естественно, с Валентиной, Элой, Квандой и Миро.

Однако ему нужно было нанести еще один визит. За последние дни он неоднократно заходил туда, но каждый раз неудачно: его выставляли за дверь. Однако сейчас Новинья вышла к нему. И на этот раз ее не переполняли гнев и печаль, скорее ее лицо было умиротворенным.

— Наконец-то я обрела покой, — сказала она. — Ибо поняла, что мой гнев был нечестив.

Эндер обрадовался такому признанию, однако в то же время его несколько удивили слова, которыми она изъяснялась. С чего это вдруг Новинья заговорила о нечестивости?

— Мои глаза открылись, мой мальчик действительно исполнял волю Господню, — продолжала она. — Ты не мог остановить его, потому что сам Бог повелел ему явиться к пеквениньос, чтобы положить начало тем чудесам, которые произошли позднее. — Она расплакалась. — Ко мне приходил Миро. Он исцелился. Все-таки Господь милосерден ко мне. А Квима я вновь обрету на небесах, когда покину этот мир.

«Она приняла веру, — подумал Эндер. — Все

эти годы она презирала Церковь и посещала службы только потому, что иного способа стать гражданином колонии на Лузитании не было. А проведя всего несколько недель с Детьми Разума Христова, она приняла веру. Что же, я рад за нее. И она теперь снова разговаривает со мной».

— Эндрю, — сказала она, — я хочу, чтобы мы снова воссоединились.

Он потянулся к ней, намереваясь обнять, прижать к себе, расплакаться от облегчения и радости, но она отпрянула.

— Ты не понял, — возразила она. — Я не пойду домой. Здесь теперь мой дом.

Она оказалась права: он действительно не понял. Сразу. Но зато теперь до него дошло. Она не просто приняла католическую веру. Она решила вступить в этот орден, пропагандирующий постоянные жертвы, куда принимали только мужей и жен, и только вместе, которые, имея впереди еще полжизни, давали обет вечного воздержания.

— Новинья, — выдохнул он, — у меня не хватит ни сил, ни веры, чтобы стать одним из Детей Разума Христова.

— Я буду ждать тебя, — ответила она. — Ждать, пока твоя вера не окрепнет.

— Неужели только так я смогу обрести тебя? —

прошептал он. — Единственный способ вернуть тебя — это отречься от любви к твоему телу?

— Эндрю, — очень тихо сказала она, — я так соскучилась по тебе. Но долгие годы я жила в разврате и во грехе, поэтому истинную радость смогу обрести, только когда отрину все плотское и обращусь к духу. Если суждено, я одна пойду на это. Но с тобой… О Эндрю, я скучаю по тебе.

«А я по тебе», — подумал он.

— Ты мое дыхание, — сказал он. — Но не проси меня об этом. Живи со мной, пока наша молодость не канет в Лету, а когда наше желание увянет, мы вернемся сюда вместе. И я тоже обрету счастье.

— Неужели ты не понимаешь? — удивилась она. — Я дала обет. Я дала обещание.

— Мне ты тоже дала обещание.

— Ты хочешь, чтобы ради тебя я преступила слово, данное Господу?

— Господь поймет.

— Как просто тем, кто никогда не слышал его голоса, утверждать, чего он желает, а чего — нет.

— А ты слышишь его голос?

— В моем сердце несмолкаемо звучит его песнь. Теперь Господь — мой пастырь. Да не возжелаю я.

— Двадцать третий псалом. Тогда как я слышу

всего лишь двадцать вторую песнь.

Она тускло улыбнулась.

— Почему вы оставили меня? — процитировала она.

— Точно, плюс еще часть про тельцов Васана[35], — сказал Эндер. — Я всю жизнь бегаю так, словно за мной гонится бешеный бык.

Новинья рассмеялась.

— Приходи ко мне, когда сможешь, — промолвила она. — Я всегда буду здесь.

Она направилась прочь.

— Подожди.

Она остановилась.

— Я принес тебе бактерию против десколады и реколаду.

— А, триумф Элы, — пожала плечами Новинья. — Это было не в моих силах, ты сам теперь понимаешь. Я правильно поступила, что отказалась от дальнейшей работы. Мое время прошло, и Эла давно превзошла меня.

Новинья взяла сахар, обмакнула его в воду и проглотила. Затем она подняла чашку над голо-

---

[35] Примечания: 35

Тельцы Васана (Башана) — отсылка к Псалтири (21: 13–14): «Множество тельцов обступили меня; тучные Васанские окружили меня, раскрыли на меня пасть свою, как лев, алчущий добычи и рыкающий». Башан — историческая область на восточном берегу реки Иордан.

вой и поймала в нее последний лучик уходящего за горизонт солнца.

— На фоне багряного неба кажется, словно внутри пылает огонь.

Она выпила воду — маленькими глоточками, чтобы подольше ощущать этот вкус. Кто-кто, а Эндер прекрасно знал, что жидкость была весьма горькой и рот после нее очень долго и неприятно вязало.

— Я могу навещать тебя?

— Раз в месяц, — ответила она. Ее ответ последовал настолько быстро, что он сразу понял: она уже задавала себе этот вопрос и пришла к решению, менять которое не собирается.

— Значит, раз в месяц я буду навещать тебя, — кивнул он.

— Пока не почувствуешь, что готов присоединиться ко мне, — улыбнулась она.

— Пока ты не почувствуешь, что готова вернуться ко мне, — возразил он.

Но Эндер знал, что она никогда не пойдет на это. Новинья была не из тех, кто легко отказывается от принятого решения. Она связала его своим выбором на всю жизнь.

По идее, он должен был вознегодовать, рассердиться. Ему следовало пригрозить, что он

потребует развода, ведь женщина отвергла его. Но он не знал, зачем ему теперь свобода. «Новинья теперь полностью принадлежит мне, — понял вдруг он. — Будущее от меня больше не зависит. Мое назначение, каким бы оно ни было, выполнено. Теперь будущее будут творить мои дети — такие, какие есть: монстр Питер и невообразимо совершенное дитя Вэл. И еще Миро, Грего, Квара, Эла, Ольяду — разве они не мои дети? Разве я не могу говорить, что помог создать их, хоть они и произошли от любви Либо и от тела Новиньи задолго до того, как я прибыл на эту планету?»

Уже совсем стемнело, когда он наконец отыскал юную Вэл, хотя даже не представлял себе, зачем ищет ее. Вместе с Пликт она зашла в гости к Ольяду. Пликт стояла, оперевшись о стену, лицо ее было, как всегда, непроницаемо, а Вэл играла с детьми Ольяду.

«Конечно, она играет с ними, — подумал Эндер. — Ведь она еще совсем ребенок, несмотря на тот жизненный опыт, который вынесла из моей памяти».

Стоя у дверей и молча наблюдая за Вэл, он понял, что не ко всем детям она относится одинаково. Ее вниманием завладел Нимбо. Тот мальчик, который получил немало ожогов в

ночь сожжения леса пеквениньос. Правила игры, в которую играли дети, были довольно просты, но все же игра требовала некоторого сосредоточения, поэтому они почти не разговаривали. Однако между Вэл и Нимбо постоянно происходил молчаливый диалог. Ее улыбка, которую она адресовала ему, была исполнена теплоты, только не той теплоты, которой женщина привлекает любовника, а той, с которой сестра посылает брату молчаливые заверения в любви, в ободрении, в поддержке.

«Она пытается исцелить его, — догадался Эндер. — Подобно тому, как много лет назад исцелила меня Валентина. Не словами. Присутствием. Неужели я наделил ее даже *этим*? Неужели мой образ оказался настолько истинным, настолько мощным? Тогда и Питер, может быть, обладает всеми чертами, что были присущи моему настоящему брату: он опасен, ужасен, но одновременно он закладывает основы нового миропорядка».

Но как ни пытался, Эндер не мог заставить себя поверить в *такое*. Может быть, юная Вэл и обладала целительными силами, которые он приписывал ей, но в Питере ничего подобного не было. Его лицо было таким, каким давным-давно увидел его Эндер, поглядевшись в зеркало в Игре

Воображения, — в ужасной комнате он умирал снова и снова, пока наконец не нашел в себе силы заключить в объятия эту частицу Питера.

«Я обнял Питера и уничтожил целую расу. Я принял его в себя и совершил ксеноцид. Мне казалось, с тех пор прошло столько лет, что я очистился от него. Что истребил его в себе. Но он никогда не отпустит меня».

Сама идея об отказе от мирской жизни и принятии обета ордена Детей Разума Христова нравилась ему. Возможно, там он и Новинья совместными усилиями смогут изгнать из себя демонов, которые долгие годы обитали внутри их тел. «Новинья никогда не была такой спокойной и умиротворенной, как сегодняшним вечером», — подумал Эндер.

Вэл заметила его и подбежала к порогу.

— Что ты здесь делаешь? — удивилась она.

— Я искал тебя, — ответил он.

— Пликт и я решили провести вечер с семьей Ольяду, — объяснила она.

Она взглянула на Нимбо, и по губам ее пробежала улыбка. Мальчик расплылся в глупой ухмылке.

— Джейн мне сказала, что ты решила лететь, — мягко произнес Эндер.

— Если Питер может удержать в себе Джейн, значит могу и я, — пожала плечиками она. — Миро полетит вместе со мной. На поиски пригодных для обитания планет.

— Только если ты захочешь этого, — заметил Эндер.

— Не будь дураком, — фыркнула она. — С каких это пор ты решил поступать так, как захочешь? Я буду делать то, что от меня требуется, то, что я одна могу исполнить.

Он кивнул.

— Это и все, зачем ты сюда пришел? — спросила она.

Он снова кивнул:

— Думаю, да.

— Или тебе вдруг захотелось снова стать ребенком, которым ты был, когда в последний раз видел девочку с этим лицом?

Эти слова поразили, перевернули его. Он не испытывал ничего подобного, даже когда Питер догадывался, что у него на уме. Ее жалость причинила ему куда больше боли, чем его насмешки.

Она, должно быть, заметила отразившуюся у него на лице муку, только неверно истолковала ее. Эндер испытал огромное облегчение, когда увидел, что она все-таки способна неверно по-

нять его. «Значит, во мне остались сокровенные уголки, куда никто, кроме меня, проникнуть не может».

— Ты стыдишься меня? — спросила она.

— Я теряюсь, — ответил он. — Все мое подсознание теперь выставлено напоказ. Но я не *стыжусь* этого. И ни в коем случае не стыжусь тебя. — Он взглянул в сторону Нимбо, затем перевел глаза на нее. — Оставайся и заканчивай то, что начала.

Вэл слегка улыбнулась:

— Он хороший мальчик, просто решил, что поступает достойно.

— Да, — согласился Эндер. — Но он не понял этого.

— Нимбо не знал, что делает, — произнесла она. — Разве можно обвинять человека, когда он не понимает последствий собственных поступков?

Он знал, что она сейчас имеет в виду не столько Нимбо, сколько его, Эндера Ксеноцида.

— Такой человек ни в чем не виновен, — произнес Эндер. — Но все же на него ложится ответственность. Он обязан исцелить боль, которую причинил.

— Да, — кивнула Вэл. — Но не всю боль мира.

— Неужели? — усмехнулся Эндер. — А почему

бы и не всю? Потому что как раз этим займешься ты?

Она рассмеялась, и звонкий детский смех прокатился по комнате.

— Ты нисколечко не изменился, Эндрю. Ни капельки.

Он улыбнулся ей в ответ, обнял и легонько подтолкнул назад, к свету комнаты. Сам он, однако, скрылся в темноте ночи и направился домой. Света на пути хватало, но пару раз он споткнулся, а один раз даже умудрился заплутать.

— Ты плачешь, — шепнула ему в ухо Джейн.

— Сегодня такой счастливый день, — ответил он.

— И знаешь, это ведь действительно так. Ты, по-моему, единственный, кто жалеет себя сегодня ночью.

— Что ж, замечательно, — сказал Эндер. — По крайней мере, хоть один такой человек нашелся.

— Ты даже меня достал, — призналась Джейн. — А ведь наши отношения никогда не переходили определенной грани.

— Да уж, за свою жизнь я натерпелся достаточно целомудрия, — кивнул он. — Никогда бы не подумал, что мне это снова грозит.

— В конце концов каждый обретает цело-

мудрие. Рано или поздно все смертные грехи остаются в прошлом.

— Но я-то не умер! — взорвался он. — Пока. Или я уже мертв?

— А что, смахивает на рай? — осведомилась Джейн.

Он рассмеялся, но смех его прозвучал довольно мрачно.

— М-да, насколько я могу судить, ты еще живой.

— Ты забываешь, — напомнил он ей. — Это место вполне может оказаться адом.

— Да? — недоверчиво спросила она.

Эндер припомнил события последних дней. Вирусы Элы. Исцеление Миро. Доброта юной Вэл по отношению к Нимбо. Умиротворенная улыбка на лице Новиньи. Радость пеквениньос, когда их будущая свобода начала победное шествие по планете. Насколько он знал, бактерия, уничтожающая десколаду, смертоносным клином вошла в окружающие колонию заросли капима. Сейчас она, наверное, уже достигла других лесов. Десколада, не способная противостоять ей, отступает, и ее место занимает немая и пассивная реколада. В аду такие перемены ни к чему.

— Ты права, вроде бы я еще живой.

— И я тоже, — сказала она. — А это уже кое-что. Питер и Вэл не единственные, кого породил на этот свет твой разум.

— Не единственные, — согласился он.

— И мы с тобой живы, пусть даже впереди нас ожидают нелегкие деньки.

Тут он вспомнил, что ее ждет: всего лишь через несколько недель она должна превратиться в умственно отсталое существо, калеку. Ему стало стыдно за те горькие слезы, которыми он оплакивал собственные потери.

— Лучше любить и потерять, — пробормотал он, — чем не любить никогда.

— Может быть, это и банальность, — отозвалась Джейн, — но это вовсе не значит, что она ложна.

18
Бог Пути

– Я ничего не чувствовала. Только когда вирус десколады был уничтожен, поняла, что со мной происходило что-то неладное.

– Он постепенно адаптировался к тебе?

– Я уже начала воспринимать его как нечто неотъемлемое. Он умудрился включить в свою структуру бóльшую часть моих генетических молекул.

– Может быть, он готовился изменить тебя, как изменил нас.

– Захватив твоих предков, он скрестил их с деревьями, среди которых они жили. С кем он собирался скрестить нас?

– Все жизненные формы Лузитании уже обладают своей парой, за исключением одной. Какой – догадайся сама.

– Может быть, десколада намеревалась включить нас в одну из уже существующих пар. Или заменить нами одного из членов такой пары.

– Или скрестить вас с людьми.

– Десколады больше нет. И что бы она там ни замышляла, этого уже не случится.

– Представляю, какой жизнью ты бы зажила, спариваясь с человеческими самцами.

– Это отвратительно.

– Нет, ты только подумай, а если бы ты начала рожать, подобно женщине?

– Немедленно прекрати. Это грязно и мерзко.

– Я просто рассуждал.

– Десколады больше нет. Вы освободились из-под ее власти.

– Но нам уже никогда не стать такими, какими мы были до нее. Я действительно верю, что мы обладали разумом еще до появления на этой планете десколады. Наша история куда древнее того корабля, который принес ее сюда. Где-то в наших генах скрывается тайна прежних пеквениньос, которые давным-давно были обыкновенными обитателями лесов, а сейчас стали всего лишь личиночной стадией в жизни разумных деревьев.

– Но, Человек, не обладай вы третьей жизнью, сейчас ты был бы уже мертв.

– Да, но в прежней жизни я мог бы стать не братом, а отцом. Я мог бы отправиться на все четыре стороны и не думать о возвращении в собственный лес, чтобы зачать потомство. И не пришлось бы мне стоять весь день на одном и том же месте, воруя жизнь из историй, которые приносят мне братья.

– Значит, тебе мало просто освободиться от десколады? Ты будешь доволен только тогда, когда избавишься от всех ее последствий, так, что ли?

– Да нет, я всем доволен. Я такой, какой я есть, и не важно, как я таким стал.

– Но свободы вы так и не обрели.

– Наши самцы и самки ради продления рода все равно должны расставаться с жизнью.

– Бедный глупыш. Неужели ты думаешь, что я, Королева Улья, свободна! Неужели ты считаешь, что человеческая пара, зачав ребенка, когда-либо вновь обретет свободу? Если жизнь для тебя означает прежде всего независимость,

полную свободу делать то, что пожелаешь, тогда ни одну из разумных рас нельзя назвать живой. Полная свобода для нас – несбыточная мечта.

– А ты попробуй-ка пустить корни, моя любезная подруга, и я посмотрю, как ты запоешь.

Ванму и мастер Хань ждали на берегу реки примерно в ста метрах от дома — несколько минут прогулки напрямик через сад. Джейн сказала им, что кое-кто с Лузитании должен заглянуть к ним. Они сразу поняли, что барьер скорости света преодолен, но думали, что судно сначала должно выйти на орбиту Пути, а потом выпустить шаттл, который приземлится неподалеку от них.

Вместо этого прямо перед ними, из ниоткуда, возникло маленькое, необычного вида металлическое суденышко. Дверь открылась. Из нее вынырнул мужчина. Нет, юноша — широкоскулый, белый, но очень симпатичный. В руке он держал стеклянную пробирку. Он улыбнулся.

Ванму никогда прежде не видела подобной улыбки. Его глаза пронзили ее насквозь, будто ее душа изначально принадлежала ему. Будто бы он знал ее, понимал лучше, чем она сама когда-либо

понимала себя.

— Си Ванму, — мягко произнес он. — Владычица Запада. И Фэй-цзы, великий учитель Пути.

Он поклонился. Они поклонились ему в ответ.

— Я заскочил сюда буквально на минутку, — продолжил он и протянул пробирку Хань Фэй-цзы. — Вот ваш вирус. Как только я улечу — мне что-то не хочется подвергаться никаким генетическим изменениям, большое спасибо, — выпейте содержимое. Мне кажется, вкус премерзкий, но все равно выпейте. А затем обойдите как можно больше знакомых, пройдитесь по дому, сходите в город. В вашем распоряжении есть шесть часов, потом вы почувствуете некоторую дурноту. Но ровно через два дня все пройдет, вы полностью излечитесь. От всего. — Он вдруг ухмыльнулся. — Ну что, мастер Хань, с гримасами и танцульками покончено, а?

— Наше рабство подошло к концу, — сказал Хань Фэй-цзы. — Мы готовы разослать соответствующие послания.

— Не вздумайте делать этого сейчас, походите пару часиков, распространите инфекцию, а потом можете посылать что угодно и кому угодно.

— Да, разумеется, — ответил мастер Хань. — Ваша мудрость учит меня осторожности, тогда как

мое сердце приказывает мне поспешить и объявить наконец о той достославной революции, которую несет нам этот милосердный вирус.

— Ага, замечательно, — согласился юноша и повернулся к Ванму. — Но тебе-то этот вирус ни к чему?

— Вы правы, сир, — склонилась Ванму.

— Джейн утверждает, что никогда не встречала таких блестящих и умных людей, как ты.

— Джейн очень добра ко мне, — смутилась Ванму.

— Да нет, она просто предоставила мне всю имеющуюся информацию. — Он оглядел ее с головы до ног. Ей стало немного не по себе от того, как его взгляд словно завладел ее телом. — Следовательно, без вируса ты переживешь. По сути дела, тебе лучше вообще свалить отсюда, пока не началась заварушка.

— Свалить?

— А что тебе здесь делать? — удивился юноша. — Какая бы революция здесь ни разразилась, все равно ты останешься прислугой, ведь ты принадлежишь к самому низшему классу. На такой планетке ты можешь хоть всю жизнь через голову прыгать и все равно останешься прежней служанкой, правда на удивление способной и ра-

зумной. Полетели лучше со мной, и ты войдешь в историю. Ты сама будешь творить историю.

— Лететь с вами? Но зачем?

— Чтобы свалить Конгресс, конечно. Поставим их всех на карачки и пинками разгоним по конурам. Придадим колониям статус равноправных миров, расправимся со взяточничеством, откроем все секретные файлы и отзовем движущийся на Лузитанию флот, прежде чем он успеет натворить бед. А потом утвердим права рас рамен. Мир и свобода.

— Вы собираетесь все это совершить?

— Не в одиночку, естественно, — улыбнулся он.

Она с облегчением вздохнула.

— С *твоей* помощью.

— А что я должна буду делать?

— Писать. Выступать. Делать то, что я попрошу.

— Но, сир, я необразованная девчонка. Мастер Хань совсем недавно взялся за мое обучение.

— Кто вы такой? — вмешался в их разговор мастер Хань. — Неужели вы думаете, что такая скромная девочка, как Ванму, бросит все и отправится неведомо куда с каким-то чужаком?

— Хороша девочка! А кто заплатил телом над-

смотрщику, лишь бы подобраться поближе к Говорящей с Богами, которая *могла бы* нанять себе доверенную служанку? Нет, мастер Хань, может быть, она и похожа на скромную, благочестивую девочку, но только потому, что меняет свою окраску, как хамелеон. Стоит ей только почуять запах жареного, как она брык — и обернулась!

— Я не лгунья, сир, — выдохнула Ванму.

— А я ничего такого и не говорю и ни секунды в этом не сомневаюсь. Ты настолько входишь в роль, что она становится твоим вторым «я». Вот я и говорю тебе: попытайся обернуться революционеркой. Ведь ты же ненавидишь этих ублюдков, которые сотворили такое с твоим миром. С Цин-чжао.

— Откуда вы столько обо мне знаете?

Он постучал по уху. Только сейчас она заметила драгоценный камень в мочке.

— Джейн держит меня в курсе насчет тех людей, с которыми мне предстоит столкнуться.

— Джейн скоро погибнет, — сказала Ванму.

— А, — махнул рукой юноша. — Ну станет она на какое-то время маленько чокнутой, но не умрет, точно. А ты помогла ей спастись. И я не я, если не заберу тебя.

— Я не могу, — слабо защищалась она. — Я боюсь.

— Ладно, ладно, — закивал он. — Мое дело предложить.

Он повернулся и направился к своему кораблю.

— Подождите! — вырвалось у нее.

Он обернулся.

— Хоть назовитесь, по крайней мере!

— Питер Виггин — так меня зовут, — ответил он. — Хотя, похоже, на некоторое время мне лучше воспользоваться псевдонимом.

— Питер Виггин, — изумленно повторила она. — Но ведь так…

— Да, так зовут *меня*. Я тебе потом все объясню, если будет настроение. Скажем так, меня послал Эндрю Виггин. Скорее, даже выслал. Силой. У меня есть цель, и он посчитал, что я достигну желаемого только на одной из планет, где наиболее плотно сосредоточены силовые структуры Конгресса. Ванму, однажды я уже стал Гегемоном и намерен повторить свой путь, и мне все равно, как меня в конце концов назовут. Я собираюсь переполошить кучу курятников, причинить возмутительное количество неприятностей и посадить всю Сотню Миров задницей в кипяток.

Я приглашаю тебя помочь мне в этом деле, но на самом деле мне плевать, согласишься ты или нет. Конечно, было бы неплохо заручиться поддержкой твоих мозгов и полетать в твоей компании, но — с тобой или без тебя — я осуществлю задуманное. Ты летишь или как?

Она, терзаясь сомнениями, в отчаянии повернулась к Хань Фэй-цзы.

— Я надеялся взять тебя в ученицы, — сказал мастер Хань. — Но раз этот человек твердо намерен совершить то, о чем говорит, тогда вместе с ним у тебя есть больше шансов изменить ход истории человечества, чем если бы ты осталась здесь, где за нас всю работу исполнит вирус.

— Расстаться с вами, — прошептала Ванму, — все равно что потерять родного отца.

— А когда уйдешь ты, я лишусь второй и последней дочери.

— Эй, вы двое, кончайте там. У меня уже сердце разрывается, — не сдержался Питер. — У меня здесь под боком корабль, который играючи обгоняет свет. Всегда можно будет вернуться. Если ничего не получится, дня через два, через три получите девчонку обратно. Ну что, по рукам?

— Ты хочешь лететь, я вижу это, — сказал мастер Хань.

— Но разве вы не видите, остаться я хочу не меньше?

— И это я вижу, — кивнул мастер Хань. — Но ты полетишь.

— Да, — согласилась она. — Полечу.

— Да приглядят за тобой боги, дочь моя Ванму, — напутствовал ее Хань Фэй-цзы.

— И да взойдет пред вами солнце, мастер Хань, куда бы вы ни направились.

Она отвернулась. Юноша по имени Питер взял ее за руку и увел в корабль. Дверь за ними закрылась. Спустя мгновение судно исчезло.

Мастер Хань подождал минут десять, погрузившись в медитацию и приводя себя в чувство. Затем он открыл пробирку, выпил ее содержимое и быстро зашагал обратно к дому. У дверей его приветствовала старая Му-пао.

— Мастер Хань! — окликнула она. — А я даже не видела, как вы выходили. И Ванму куда-то запропастилась.

— Ее некоторое время не будет, — сказал он. Затем, подойдя к старой служанке так, чтобы его дыхание попадало на ее лицо, произнес: — Му-пао, ты служила нашему дому более преданно, чем мы этого заслуживали.

На ее лице отразился страх:

— Мастер Хань, но вы не уволите меня, нет?

— Нет, — ответил он. — Я просто хотел поблагодарить тебя.

Он оставил Му-пао и вошел в дом. Цин-чжао в комнате не было. И неудивительно. Бóльшую часть своего времени она теперь посвящала приему гостей. Прекрасно, ему это только на руку. Действительно, он нашел ее в одной из гостиных в обществе трех почтенных Говорящих с Богами старцев, которые прибыли в город, преодолев расстояние в двести километров.

Цин-чжао представила их друг другу, а затем взяла на себя роль примерной дочери, как и полагалось в присутствии отца. Он поклонился всем троим, а тем временем воспользовался представившейся возможностью и так или иначе, но дотронулся до каждого из них. Джейн сказала, что вирус передается мгновенно. Достаточно обыкновенного присутствия, но коснуться на всякий случай не помешает.

Обменявшись приветствиями со старцами, он повернулся к дочери.

— Цин-чжао, — произнес он, — примешь ли ты от меня дар?

Она поклонилась, почтительно ответив:

— Что бы мой отец ни преподнес мне, я с ра-

достью приму это из его рук, хотя знаю, что не достойна ни одного из знаков его внимания.

Он протянул к ней руки и заключил ее в объятия. Тело Цин-чжао было напряжено, она чуть ли не отстранялась: перед посторонними подобного проявления чувств он не позволял себе с тех пор, как она была совсем маленькой девочкой. Но отец продолжал удерживать ее, ибо знал, что она никогда не простит ему этих объятий, а стало быть, это его последняя возможность прижать к себе свою Во Славе Блистательную дочь.

Цин-чжао прекрасно знала, что означают объятия отца. Она видела, как он вместе с Ванму вышел в сад. Видела, как на берегу реки появилось необычной формы судно.

Видела, как он взял из рук круглоглазого незнакомца какую-то пробирку. Видела, как выпил ее содержимое. А затем она вернулась сюда, в дом, в эту комнату, чтобы поприветствовать от имени отца новых гостей. «Я покорна твоей воле, мой почтенный отец, даже тогда, когда ты собираешься предать меня».

Но и сейчас, зная: он обнимает ее, а в уме вынашивает коварнейший умысел отлучить ее от богов; зная: он настолько презирает ее, что думает, будто она не распознает обман, она безропотно

приняла из его рук преподнесенный им «дар». Ведь он ее отец. Может быть, этот вирус с планеты Лузитания лишит ее голоса богов, а может быть, нет. Она не имела ни малейшего понятия, что решат боги. Но если бы она отвернулась от собственного отца, если бы посмела отвергнуть его, боги всенепременно наказали бы ее. Уж лучше остаться чистой перед богами, проявив должное уважение и послушание отцовой воле, нежели ослушаться его и продемонстрировать богам, что она действительно недостойна их даров. Поэтому она приняла его объятия и вдохнула его дыхание.

Поговорив с гостями несколько минут, он покинул комнату. Старцы восприняли его появление как великую честь. Цин-чжао делала все возможное, чтобы скрыть помешательство отца и его бунтовские речи, направленные против богов, поэтому на планете к Хань Фэй-цзы до сих пор относились как к величайшему из великих. Она мило повела разговор дальше, она улыбалась им и проводила до порога. Она ни словом не намекнула на то, что они уносят с собой опаснейшее оружие. Зачем? Человек бессилен в состязании с богами, если только боги нарочно не поддадутся ему. И если боги пожелали перестать

разговаривать с людьми Пути, стало быть, таково прикрытие, которое они избрали для проявления своей воли. «Пускай неверующие посчитают, что лузитанский вирус, принесенный отцом, отрезал нас от богов. Мне-то прекрасно известно, как известно всякому верующему, что боги обращаются только к избранным, и ничто созданное человеческими руками не в силах остановить их, если уж они решили. Все это суета сует. Если члены Конгресса думают, что именно они заставили богов заговорить с планетой Путь, пускай себе верят в это. Если отец и лузитанцы считают, что это они заставили богов умолкнуть, пускай себе считают. Я-то знаю, что, если я чиста душой и достойна, боги все равно заговорят со мной».

Через несколько часов Цин-чжао почувствовала, как ее охватила смертельная слабость. Лихорадка накинулась на нее, как дикий зверь на свою жертву. Она без сил сползла на пол и даже не заметила, как слуги перенесли ее в кровать. Прибыли доктора, и она могла бы сказать им, что здесь они бессильны и что, придя сюда, не только не вылечат ее, но еще и подхватят инфекцию и понесут ее дальше. Только Цин-чжао ничего не сказала, потому что в ту минуту тело особенно упорно боролось против болезни. И не просто

боролось — организм не принимал собственные ткани и органы, пока полностью не завершилась трансформация генов. После этого некоторое время ушло на то, чтобы организм очистился от старых антител. Она спала и спала.

Наконец, открыв глаза, она увидела, что за окном ярко сияет солнце.

— Время, — хрипло выдавила она, и компьютер из своего угла назвал день и час.

Лихорадка унесла из жизни целых два дня. Ей ужасно хотелось пить, тело требовало воды. Она встала с постели и, шатаясь, добралась до ванной. Там она включила воду и раз за разом наполняла стакан до тех пор, пока не напилась. Голова кружилась. Во рту стоял противный привкус. Куда подевались слуги, которые должны были кормить и поить ее во время болезни?

«Они, наверное, тоже слегли. И отец. Лихорадка, должно быть, свалила его гораздо раньше меня. Кто принесет воды ему?»

Добравшись до его кабинета, она обнаружила, что отец спит, одежда, насквозь пропитанная ночным потом, прилипла к его дрожащему телу. Она поднесла к его губам чашку, отец сразу проснулся и жадными глотками выпил воду, глядя Цин-чжао прямо в глаза. Но не вопроси-

тельно, нет, скорее он молил о прощении. «Проси прощения у богов, отец, перед дочерью ты ни в чем не повинен».

Цин-чжао обошла служебные помещения. Некоторые из слуг проявили необыкновенную преданность: даже чувствуя приближение лихорадки, они все равно оставались на посту и падали прямо на пол. Но никто не умер. Все постепенно оправлялись от болезни, а кое-кто уже порывался вернуться к исполнению обязанностей. Обойдя слуг и позаботившись о каждом, Цин-чжао прошла на кухню и приготовила поесть. Однако прежде всего — домашние. Цин-чжао удовольствовалась глотком чуть подогретого супа, остальное же разнесла по дому. Все хоть немного, но утолили голод.

Спустя несколько часов слуги уже бодро суетились по хозяйству. Цин-чжао взяла себе нескольких в помощь и пошла разносить воду и пищу по соседним домам, заходя как в богатые дворцы, так и в нищие хибарки. Все с благодарностью принимали ее подношения, и многие благословляли ее. «Зря вы так меня благодарите, — подумала Цин-чжао. — Если б вы только знали, что болезнь, напавшая на нас, пришла из дома моего отца, что мой отец наслал ее на вас».

Но она ничего не сказала.

За все это время боги ни разу не потребовали от нее исполнить обряд очищения.

«Наконец-то, — обрадовалась она. — Наконец-то я удовлетворяю их. Наконец-то я достигла той праведности и чистоты, которых они требовали».

Вернувшись домой, она было направилась к себе в комнату немножко поспать, но ее внимание привлекли оставшиеся в доме слуги, которые собрались вокруг стоявшего в кухне головизора и бурно обсуждали сегодняшние новости. Цинчжао редко смотрела голоновости, предпочитая получать информацию по компьютеру, однако слуги были настолько встревожены чем-то, что она вошла в кухню и присоединилась к кругу зрителей.

Основная новость состояла в том, что по планете Путь идет очень странная эпидемия. Никакие карантинные меры не помогали или были предприняты слишком поздно. Женщина, читающая репортаж, уже оправилась от болезни и сейчас говорила, что жертв почти нет, хотя работы многих служб сорваны. Вирус был обнаружен, но очень быстро погиб, поэтому обстоятельно изучить его не успели.

— Такое впечатление, что по пятам за вирусом следовала какая-то бактерия, которая мгновенно убивала его, стоило только человеку перенести основной приступ болезни. Боги поистине милостивы к нам, ведь вместе с эпидемией нам было ниспослано лекарство.

«Глупцы, — вознегодовала про себя Цин-чжао. — Если бы боги хотели, чтобы мы оставались здоровыми, прежде всего они бы не стали насылать на нас эту лихорадку».

И сразу поняла, что на самом-то деле дурой была она сама. Конечно же, и лихорадка, и лекарство против нее были посланы именно богами. Если вслед за лихорадкой мгновенно следовало исцеление, только боги могли сотворить такое. Как она посмела назвать эту женщину дурой?! Подумав так, она оскорбила богов.

Цин-чжао инстинктивно сжалась, ожидая, что сейчас на нее обрушится вся ярость небес. Она столько времени не совершала ритуала очищения, что понимала, наказание будет не из легких. Неужели ей снова придется прослеживать по жилке на каждой половице?

Но она ничего не почувствовала. Никакого желания припасть к полу и найти взглядом жилку. Ей не захотелось пойти и вымыть руки.

Она взглянула на ладони. Они были вымазаны грязью, но она не ощутила никакого отвращения. Вымыть их или не мыть — безразлично. На какое-то мгновение на нее накатила волна облегчения и радости. Значит, отец, Ванму и эта Джейн все-таки оказались правы! И вирус, изменив в ней гены, избавил ее от ужасных оков, которые несколько столетий назад наложил на Путь Конгресс!

Ведущая голоновостей будто бы прочитала мысли Цин-чжао, ибо начала оглашать в эфире содержание документа, который таинственным образом был передан на все компьютеры планеты. В документе говорилось, что эпидемия была ниспослана на них богами, которые решили освободить народ Пути от генетических изменений, введенных внутрь их организмов преступным Конгрессом. До сегодняшнего дня искусственно спровоцированная гениальность непременно сопровождалась расстройством головного мозга, весьма схожим с маниакально-побудительным синдромом. Жертв генной мутации на планете Путь именовали «Говорящими с Богами». Но теперь, после того как эпидемия прошла, люди обнаружат, что генетически спровоцированная гениальность передалась каждому, тогда как

Говорящие с Богами, на чьих плечах все эти годы лежала тяжкая ноша МПС, волею богов освободились от необходимости постоянного очищения.

— В документе утверждается, что наша планета теперь чиста перед небесами. Боги приняли нас. — Голос журналистки заметно дрожал. — Однако по-прежнему неизвестно, откуда взялся этот документ. Компьютерный анализ ничего не показал — стиль автора письма дотоле был неизвестен. Но тот факт, что это сообщение появилось одновременно на миллионах и миллионах компьютеров, предполагает, что пославший его должен обладать ни с чем не соизмеримым могуществом и властью. — Она на секунду замолкла, и теперь ее нерешительность стала очевидна для всех. — Я нечестива и не скрываю этого, я всего лишь ведущая голоновостей, но в надежде, что мудрейшие услышат меня и ответят с присущей им мудростью, я все-таки осмелюсь спросить: а что, если сами боги направили нам это послание, чтобы мы осознали, насколько велик их дар нашей планете?

Цин-чжао слушала новости, а внутри ее бурлила ярость. Естественно, автор этого документа — Джейн, она же и распространила его. Да как она посмела утверждать, будто знает, что делают

боги! Она зашла слишком далеко. Тайну письма надо раскрыть. Люди должны узнать о Джейн и о преступном сговоре Лузитании.

Она вдруг заметила, что взгляды слуг устремлены на нее. Она обвела глазами каждого из них.

— О чем вы хотите спросить меня? — спросила она.

— О госпожа, — ответила Му-пао, — простите мне мое любопытство, но вы можете подтвердить, что ведущая права?

— Как я могу что-либо подтвердить? — горько вздохнула Цин-чжао. — Я всего лишь глупая дочь великого человека.

— Но вы принадлежите к Говорящим с Богами, госпожа, — возразила Му-пао.

«А ты что-то очень осмелела, если спрашиваешь меня о таком», — подумала Цин-чжао.

— Весь день вы ходили среди нас, разнося еду и воду, вы повели нас по другим домам, вы заботились о больных, но ни разу не отлучились, чтобы совершить ритуал очищения. Мы ни разу не видели, чтобы вы так долго обходились без него.

— А вам не приходило на ум, — спросила Цин-чжао, — что, может быть, мы настолько прилежно исполняли волю богов, что все это время мне просто не требовалось очищение?

Му-пао несколько ошеломил подобный ответ.

— Нет, мы совсем не подумали об этом.

— Сейчас вы можете отдохнуть, — разрешила Цин-чжао. — Многие еще не совсем оправились от болезни. Я же должна идти и поговорить с отцом.

Она вышла из кухни. Слуги, недоуменно перешептываясь и строя всяческие предположения, остались у головизора. Отец находился в своей комнате, он сидел у компьютера. Над терминалом маячило лицо Джейн. Услышав звук открывшейся двери, отец обернулся. Лицо его лучилось от радости. Он торжествовал.

— Ты видела послание, которое мы с Джейн подготовили? — спросил он.

— Так это был ты?! — выкрикнула Цин-чжао. — О боги, неужели мой отец превратился в жалкого лгуна?!

Говорить так с отцом — немыслимо. Однако никакого желания очиститься у нее не возникло. Теперь она может проявить к отцу неуважение и боги не накажут ее? Это ее несколько напугало.

— В лгуна? — переспросил отец. — Но почему ты решила, что все это ложь, дочь моя? Откуда ты знаешь, что это не боги наслали на нас вирус? Почему ты так уверена, что это не они решили

распространить свойства, данные Говорящим с Богами, на весь народ Пути?

Эти слова взбесили ее, а возможно, она просто почувствовала свободу или решила проверить богов и проявить такое неуважение, за которое они не могли не наказать ее.

— Неужели ты думаешь, что я дура? — взорвалась Цин-чжао. — Неужели ты думаешь, я не знаю: это была твоя мысль распространить этот документ, чтобы не дать планете погрузиться в пучину революции и насилия. Неужели ты думаешь, я не знаю, что ты стремился только к одному — воспрепятствовать бойне?!

— И что, в этом есть что-то плохое? — полюбопытствовал отец.

— Это ложь! — крикнула она.

— Или та маска, которую избрали боги, чтобы скрыть истинные намерения, — предположил отец. — Ты без труда поверила в истории Конгресса. Почему же ты не хочешь поверить мне?

— Потому что мне известно о вирусе. Отец, я видела, как ты принял его из рук того чужака. Я видела, как Ванму скрылась в его корабле. Видела, как он вдруг пропал. Я знаю, боги здесь ни при чем. Это все она — та дьяволица, что скрывается в компьютерах!

— А ты уверена? — спросил отец. — Может быть, ее послали нам небеса и она сама принадлежит к пантеону?

Это уж слишком.

— Она была *создана*! Искусственным путем! — перебила его Цин-чжао. — Это я знаю точно! Она всего лишь компьютерная программа, созданная руками людей и обитающая в машинах, которые тоже были придуманы человеком. Богов же никто не создавал. Боги всегда жили и всегда будут жить.

Тут в спор вмешалась Джейн:

— Тогда тебя тоже можно назвать богиней, Цин-чжао, и меня тоже, и всех остальных, обитающих в этой Вселенной, — людей или рамен. Твоя душа, твоя внутренняя айю, создана отнюдь не богом. Ты так же стара, как любое другое божество, и точно так же юна, и проживешь ты ровно столько же.

Из уст Цин-чжао исторгся вопль отчаяния. Она никогда так не кричала, сколько себя помнила. Ее горло буквально разрывалось от крика.

— Дочь моя, — успокаивающе произнес отец и, протянув руки, шагнул к ней.

Его объятий она бы не перенесла. Она не могла позволить этого, ибо тем самым она признала бы

полное поражение. Это означало бы, что враги богов разгромили ее, что Джейн переиграла ее. Это означало бы, что Ванму проявила себя истинной дочерью Хань Фэй-цзы, тогда как Цин-чжао отвергла его. Это означало бы, что Цин-чжао долгие годы исполняла бессмысленные ритуалы. Это означало бы, что ее злая половина приговорила Джейн к смерти. Это означало бы, что Джейн поступила благородно, когда помогла народу Пути излечиться. Это означало бы, что, когда душа Цин-чжао устремится наконец к далекому Западу, мамы там не будет.

«О боги, почему же вы не говорите со мной! — мысленно вскричала она. — Почему вы не докажете мне, что годы служения вам не прошли впустую? Почему вы покинули меня в эту минуту и почему позволяете моим врагам торжествовать?»

И вдруг к ней пришел ответ, простой и недвусмысленный, будто мать шепнула ей на ушко: «Это испытание, Цин-чжао. Боги проверяют, что ты будешь делать дальше».

Испытание. Ну конечно! Боги испытывали своих слуг на Пути, проверяли, кто обманется, а кто и дальше будет повиноваться их воле.

«Но если меня подвергли испытанию, значит я

что-то должна сделать, чтобы пройти его. Я должна поступать так, как поступала всегда, только на этот раз я не буду ждать, пока боги скажут мне, что делать. Просто они устали каждый день и каждый час напоминать мне: пора очиститься, пора совершить ритуал. Пришло время, когда я сама, без их постоянных напоминаний, должна принимать очищение. Я должна очиститься, очистить себя перед небесами. Тогда я пройду испытание, и боги снова примут меня».

Она рухнула на колени. Нашла жилку на половице и начала прослеживать ее.

Отклика не последовало, она не почувствовала, как раньше, что поступает правильно, но это ее не смутило, потому что она знала: это часть испытания. Если бы боги немедленно ответили ей, как обычно отвечали, какое бы это было испытание? Если раньше она должна была совершать ритуал очищения под неусыпным оком богов, то теперь должна очищаться сама. Но как она поймет, что поступает правильно? Очень просто — боги снова вернутся к ней.

Боги снова заговорят с ней. Или, может быть, унесут ее из этого мира и поместят во дворец к Владычице, где благородная Хань Цзян Цин будет ждать ее. Там же она непременно встретит Ли

Цин-чжао, свою духовную праматерь. Там ее будут приветствовать предки, и вот что они скажут: «Боги решили подвергнуть испытанию Говорящих с Богами Пути. Лишь немногим суждено было справиться с заданием, но ты, Цин-чжао, ты оказала нам великую честь. Твоя вера ни разу не пошатнулась. Ты исполняла обряды очищения, как ни один сын человеческий, ни одна дочь человеческая не исполняли их. Предки остальных людей Пути завидуют нам. Из-за тебя боги теперь благоволят к нам более, чем к кому-либо другому».

— Что ты делаешь? — изумился отец. — Зачем ты прослеживаешь жилки?

Она не ответила. Она не хотела отвлекаться.

— Теперь тебе не нужно этого делать. Я по себе знаю — мне теперь не нужно постоянно очищаться.

«Ах, отец! Ты ничего не понял! Но пусть даже ты не прошел испытание, я все равно пройду его и тем самым прославлю тебя, хоть ты и предал все святое на свете».

— Цин-чжао, — прошептал он, — я понял, что ты делаешь. Ты уподобилась тем родителям, которые силой заставляют своего посредственного отпрыска снова и снова мыть руки. Ты призы-

ваешь богов.

«Отец, можешь называть меня как хочешь. Твои слова теперь ничего не значат для меня. Больше я не послушаю тебя, пока мы оба не сойдем в могилу. Вот тогда-то ты мне и скажешь: „Дочь моя, ты была лучше и мудрее меня. Уважительным отношением в доме Владычицы Запада я обязан только твоей чистоте и искреннему желанию служить богам. Ты воистину превосходная дочь. Ты моя единственная радость“».

Планета Путь довольно мирно пережила изменения. То здесь, то там случались убийства; то здесь, то там кое-кого из Говорящих с Богами, прославившегося своей жестокостью, с позором изгоняли из города. Но в основном истории, изложенной в документе, поверили, и с бывшими Говорящими с Богами обращались с большим уважением, потому что все эти годы, неся на себе тяжкий груз обрядов очищения, они верой и правдой служили народу.

Однако старый порядок быстро изменился. Школы стали доступны всем детям, независимо от положения родителей. Учителя вскоре начали сообщать, что все без исключения ученики достигли выдающихся успехов — теперь оценки самого глупого ребенка намного превышали

средний балл учащегося прошлых времен. И, несмотря на яростные отрицания Конгрессом своей вины, ученые Пути наконец-то обратили внимание на гены собственного народа. Ознакомившись с тем, какими их гены были и какими они теперь стали, мужчины и женщины Пути дружно пришли к выводу: обнародованный в дни эпидемии документ — чистая правда.

Что творилось сейчас, когда Сто Миров и все до одной колонии узнали о совершенных на Пути преступлениях Конгресса, Цин-чжао не ведала. Это были мирские заботы, от которых она давно отказалась. Теперь все свое время она посвящала служению богам, самоочищению и разным ритуалам.

История о сумасшедшей дочери Хань Фэйцзы мгновенно распространилась по Пути. Она единственная продолжала исполнять обряды Говорящих с Богами. Сначала над ней насмехались. Многие Говорящие с Богами из чистого любопытства попробовали было вернуться к очищению, но быстро поняли, что ритуалы утратили смысл. Впрочем, Цин-чжао не слышала насмешек, ей не было дела до остальных. Ее разум служил богам и никому другому. Ну и что с того, что люди, не справившиеся с испытанием, стали презирать ее

за то упорство, с каким она двигалась к цели?

Шли годы, и многие начали вспоминать былое. Люди вспоминали о славной старине, когда боги говорили с мужчинами и женщинами и когда люди планеты служили небесам. Кое-кто начал считать Цин-чжао не сумасшедшей, а единственной, кто не предал свою веру, тогда как столькие отказались от гласа богов. Среди благочестивых людей прошел слух: «В доме Хань Фэй-цзы живет последняя из Говорящих с Богами».

Люди начали приходить к ней, сначала небольшими группками, но постепенно ручеек превратился в бурный поток. Посетители хотели встретиться с женщиной, которая, единственная, все еще пыталась очиститься от мирских грехов. В первое время она кое-кого принимала. Закончив прослеживать жилку, она выходила в сад и вела беседы с ними. Но их речи смущали ее. Они говорили, что она своими трудами очищает целую планету. Утверждали, что она от имени всех людей Пути призывает богов вернуться. Чем больше они говорили, тем труднее ей было понять, что они хотят сказать своими речами. Ей хотелось поскорее вернуться в дом и проследить еще одну жилку. Разве люди не понимают, что эти похвалы пока не заслужены?

— Я еще ничего не достигла, — отвечала она им. — Боги все еще молчат. Мне надо трудиться.

И она возвращалась к своим жилкам.

Отец умер в весьма преклонном возрасте. На его похоронах прозвучало немало хвалебных речей, где упоминались великие деяния, которые он совершил во имя Пути. Вот только никто даже не догадывался о той роли, которую он сыграл в пришествии на планету Чумы Богов — именно так назвали таинственную эпидемию, разразившуюся на Пути. Знала об этом одна Цин-чжао. И перед тем как сжечь на погребальном костре целое состояние (она лично настояла на том, чтобы сжигали настоящие деньги, а не фальшивые, как обычно), она наклонилась к телу отца и прошептала ему на ухо, чтобы никто не услышал:

— Теперь ты все знаешь, отец. Теперь ты осознал свои ошибки, понял, как ты рассердил богов. Но не бойся. Я буду продолжать обряды очищения, твои проступки будут прощены. И боги с почестями примут тебя на Западе.

Вскоре и она постарела, а совершить хождение к Дому Хань Цин-чжао стало теперь целью всех паломников Пути. Прослышали о ней и на других мирах, и многие стали прилетать на Путь, чтобы только увидеть ее. Ибо по всей Вселенной

распространилась весть, что истинную святость можно узреть лишь на одной планете и только в одном человеке — в старой, постоянно сгорбленной женщине, чьи глаза не видели ничего, кроме жилок на половицах в доме отца.

О доме, когда-то заполненном слугами, теперь заботились послушники. Они полировали полы. Они готовили простую пищу и ставили тарелки там, где она могла найти их, то есть у дверей комнат: она соглашалась принять пищу, только закончив ритуал. Если какой-нибудь мужчина или женщина на любом конце планеты совершал великое деяние, они непременно приходили в Дом Хань Цин-чжао, становились на колени и прослеживали одну из жилок на половице. Тем самым они показывали, что исполненное ими — ничтожная малость по сравнению с деяниями святой Хань Цин-чжао.

Но всего за несколько недель до того дня, когда Хань Цин-чжао должно было исполниться сто лет, ее обнаружили свернувшейся на полу в кабинете отца. Некоторые говорили, что она лежала на том самом месте, где всегда сидел ее отец, работая над чем-нибудь, хотя точно утверждать никто не мог, так как всю мебель из дома давным-давно вынесли. Святая женщина была еще

жива, когда ее нашли послушники. Она лежала в комнате несколько дней, что-то бормоча себе под нос, что-то приговаривая, тихонько поглаживая тело, будто продолжая прослеживать жилки на собственной плоти. Послушники по очереди дежурили у нее, в каждую смену входило десять человек. Они рассаживались вокруг, прислушивались к ее бормотанию, пытались разобрать, что она говорила, и аккуратно записывали услышанное. Записи заносились в книгу, которая называлась «Шепот богов с Хань Цин-чжао».

Наиболее важные слова она произнесла перед самой смертью.

— Мама… — прошептала она. — Папа… Правильно ли я поступила?

Затем, как утверждают послушники, она улыбнулась и умерла.

Не прошло и месяца после ее смерти, как каждый храм в каждом городе, городке и деревеньке Пути принял решение. Наконец-то нашелся человек такой необыкновенной святости, что Путь мог избрать его защитником и хранителем всего мира. Ни у одной планеты не было такого бога, и никто с этим не спорил.

Путь — наиболее благословенный из всех миров, говорили люди.

Ибо бог Пути Во Славе Блистателен.